Академия наук Республики Татарстан
Институт археологии им. А.Х.Халикова АН РТ

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

ЭПОХА БРОНЗЫ И РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

№ 2
2018

e-ISSN 2618-9488

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

№ 2 2018

Главный редактор:
чл.-корр. АН РТ, док. ист. наук **А.Г. Ситдиков**

Ответственный редактор:
канд. ист. наук **А.А. Чижевский**

Ответственный секретарь: А.С. Беспалова

Редакционный совет:
Атанасов Г., д.и.н., проф. (Силистра, Болгария); **Авербух А.**, д-р, (Париж, Франция); **Афонсо Марреро Х.А.**, проф. (Гранада, Испания); **Бороффка Н.**, д-р, проф. (Берлин, Германия); **Виноградов Н.Б.**, д.и.н., проф. (Челябинск); **Канторович А.Р.**, д.и.н., проф., (Москва); **Кожокару В.**, д-р хабилитат (Яссы, Румыния); **Напольских В.В.**, д.и.н., чл.-корр. РАН (Ижевск); **Скакун Н.Н**., к.и.н. (Санкт-Петербург); **Франсуа В.**, д-р хабилитат (Экс-ан-Прованс, Франция); **Хайрутдинов Р.Р.**, к.и.н. (Казань); **Черных Е.Н.**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Москва); **Шуньков М.В.**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Новосибирск); **Янхунен Ю**, д.и.н., проф. (Хельсинки, Финляндия).

Редакционная коллегия:
Васкул И.О., к.и.н. (Сыктывкар); **Дегтярева А.Д.**, к.и.н. (Тюмень); **Корякова Л.Н.**, д.и.н. (Екатеринбург); **Кузьминых С.В.**, к.и.н. (Москва); **Моргунова Н.Л.,** д.и.н. (Оренбург); **Обыденнов М.Ф.**, д.и.н. (Уфа); **Очир-Горяева М.А.,** д.и.н. (Казань); **Смирнов Н.Ю.,** к.и.н. (Санкт-Петербург); **Усачук А.Н.,** к.и.н. (Донецк); **Черных Е.М.,** к.и.н. (Ижевск); **Чижевский А.А.,** к.и.н. (Казань).

Адрес редакции:
420012, г. Казань, ул. Некрасова, 28, пом. 1203
Телефон: (843)210-19-76
E-mail: archeostepps@gmail.com
https://www.evrazstep.ru

© ООО «Поволжская археология», 2018
© Академия наук Республики Татарстан, 2018
© Журнал «Археология евразийских степей», 2018

e-ISSN 2618-9488

ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES

№ 2 2018

Editor-in-Chief:
Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **Ayrat G. Sitdikov**

Executive editor:
Candidate of Historical Sciences **Andrei A. Chizhevsky**

Executive Secretary: Antonina S. Bespalova

Editorial Council:
Atanasov Georgy, Dr. Hab., Prof. (Silistra, Bulgaria); **Afonso Marrero José Andrés**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Averbouh Aline**, Dr. (Paris, France); **Boroffka Nikolaus**, PhD, Prof. (Berlin, Germany); **Chernykh Evgenii N.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Cojocaru Victor**, Dr. Hab. (Yassy, Romania); **François Victoria**, Dr. Hab. (Aix-en-Provence, France); **Janhunen Ju.**, PhD, Prof. (Helsinki, Finland); **Kantorovich Anatolii R.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Moscow); **Khayrutdinov Ramil R.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Napolskikh Vladimir V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk), **Shunkov Michael V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); **Skakun Natalia N.**, Candidate of Historical Sciences (Saint Petersburg); **Vinogradov Nikolay B.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk).

Editorial Board:
Vaskul Igor.O., Candidate of Historical Sciences, (Syktyvkar); **Degtyareva Anna D.,** Candidate of Historical Sciences (Tyumen); **Koryakova Ludmila N.,** Doctor of Historical Sciences (Yekaterinburg); **Kuz'minykh Sergei V.,** Candidate of Historical Sciences, (Moscow); **Morgunova Nina L.,** Doctor of Historical Sciences (Orenburg); **Obydennov Michael F.,** Doctor of Historical Sciences (Ufa); **Ochir-Goryaeva Maria A.,** Doctor of Historical Sciences, (Kazan); **Smirnov Nikolai Yu.,** Candidate of Historical Sciences (Saint Petersburg); **Usachuk Anatolii N.,** Candidate of Historical Sciences, **(**Donetsk); **Chernykh Elizaveta M**., Candidate of Historical Sciences (Izhevsk); **Chizhevsky Andrei A.,** Candidate of Historical Sciences (Kazan).

Editorial Office Address:
Nekrasov St., 28, office 1203, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Telephone: (843)210-19-76
E-mail: archeostepps@gmail.com
https://www.evrazstep.ru

© LLC "Povolzhskaya arkheologiya", 2018
© Tatarstan Academy of Sciences, 2018
© Archaeology of the Eurasian Steppes Journal, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

МОНОГРАФИЯ В ЖУРНАЛЕ

Новиков А.В. *(Кострома, Россия)* Поселения с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой раннего железного века Костромского Поволжья.

Предисловие. Кузьминых С.В. *(Москва, Россия)*, **Чижевский А.А.** *(Казань, Россия)* Ананьинская «вуаль» в Восточной Европе: о книге А.В. Новикова 9

Введение 12

1. История изучения памятников раннего железного века Костромского Поволжья 15

1.1. Формирование источниковой базы в период конца XIX – начала XX века 15

1.2. Формирование источников и полевое изучение памятников в 20-е годы XX века 16

1.3. Полевые археологические исследования 40−60-х годов XX столетия 20

1.4. Изучение памятников РЖВ с конца 70-х годов XX века до наших дней 24

1.5.Проблемы интерпретации материалов с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой раннего железного века Костромского Поволжья 30

2. Памятники раннего железного века Костромского Поволжья 39

3. Гребенчато-шнуровые и шнуровые керамические комплексы 48

3.1.Методика обработки керамики 48

3.2.Керамика из окрестностей Галичского озера и Сусанинского болота 51

3.3.Керамика из Костромской низины 54

4. Поселения РЖВ Костромского Поволжья и ананьинская культурно-историческая область. Хронология памятников с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой ... 70

4.1. Проблемные вопросы изучения поселений раннего железного века Костромского Поволжья 70

4.2. Хронология поселений. Особенности поселений Костромского Поволжья с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой и их сходство с памятниками ананьинской культурно-исторической области 75

Заключение 88

Список сокращений 90

Список использованных источников и литературы 91

Таблицы 100

Иллюстрации 175

ПУБЛИКАЦИИ

Ломов С.П. *(Пенза, Россия)*, **Чижевский А.А.** *(Казань, Россия)*, **Хисяметдинова А.А.** *(Казань, Россия)*, **Спиридонова И.Н.** *(Пенза, Россия)* Почвенно-археологические исследования Маклашеевского II городища (культурный слой раннего железного века) 290

Чижевский А.А. *(Казань, Россия)*, **Хисяметдинова А.А.** *(Казань, Россия)*, **Спиридонова Е.А.** *(Москва, Россия)*, **Алешинская А.С.** *(Москва, Россия*), **Кочанова М.Д.** *(Москва, Россия)* Тихогорские I и II городища, комплексные исследования оборонительных сооружений 310

Список сокращений 337

CONTENTS

A MONOGRAPH IN THE JOURNAL

Novikov A.V. *(Kostroma, Russian Federation)* Settlements with comb-corded and corded ceramics of the early iron age from the Kostroma Volga Region

Foreword. Kuzminykh S.V. *(Moscow, Russian Federation),* **Chizhevsky A.A.** *(Kazan, Russian Federation)* Ananyino veil in Eastern Europe: on a book by A.V. Novikov.....9

Introduction.....12

1. History of studying monuments of the Early Iron Age located in the Kostroma Volga region....15

1.1. Compilation of a source collection in late 19th – early 20th centuries.....15

1.2. Field studies of archaeological monuments of the Early Iron Age in the 1920s 16

1.3. Field archaeological studies of the 1940–60s.....20

1.4. Studies of Early Iron Age monuments since late 1970s until the present day.....24

1.5. Issues of interpretation of materials with combed-corded and corded ceramics of the Early Iron Age from the Kostroma Volga region 30

2. Monuments of the Early Iron Age from the Kostroma Volga region.....39

3. Combed-corded and corded ceramic complexes.....48

3.1. Ceramics processing method 48

3.2. Ceramics from the area of Lake Galichskoye and Susanino Swamp 51

3.3. Ceramics from Kostroma lowland.....54

4. Settlements of the Early Iron Age in the Kostroma Volga region and Ananyino Cultural and Historical Region. Chronology of monuments with combed-corded and corded ceramics.....70

4.1. Challenging issues of studying settlements of the Early Iron Age located in the Kostroma Volga region.....70

4.2. Chronology of settlements. Characteristic features of settlements with combed-corded and corded ceramics located in the Kostroma Volga region and their similarity with the monuments of Ananyino Cultural and Historical Region.....75

Conclusion 88

List of Abbreviations 90

List of Cited References and Publications 91

Tables.....100

Illustrations.....175

PUBLICATIONS

Lomov S.P. *(Penza, Russian Federation)*, **Chizhevsky A.A.** *(Kazan, Russian Federation),* **Khisiametdinova A.A.** *(Kazan, Russian Federation),* **Spiridonova I.N.** *(Penza, Russian Federation)* Soil-archaeological studies of Maklasheevka II settlement (cultural layer of the early iron age).....290

Chizhevsky A.A. *(Kazan, Russian Federation)*, **Khisiametdinova A.A.** *(Kazan, Russian Federation),* **Spiridonova E.A.** *(Moscow, Russian Federation),* **Aleshinskaya A.S.** *(Moscow, Russian Federation),* **Kochanova M.D.** *(Moscow, Russian Federation)* Tikhie Gory I and II hill-fort, comprehensive studies of fortifications.....310

List of abbreviations.....337

МОНОГРАФИЯ В ЖУРНАЛЕ

А.В. НОВИКОВ

ПОСЕЛЕНИЯ С ГРЕБЕНЧАТО-ШНУРОВОЙ И ШНУРОВОЙ КЕРАМИКОЙ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА КОСТРОМСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

А.В. Новиков

Поселения с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой раннего железного века Костромского Поволжья

В настоящей работе впервые выделены, систематизированы и интерпретированы материалы с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой РЖВ Костромского Поволжья. Из круга памятников с сетчатой керамикой выделены поселения с материалами ананьинского облика, гибридной керамикой. Классифицированы данные керамических комплексов, установлена область распространения носителей ананьинских традиций в Костромском Поволжье и показаны участки концентрации памятников с керамикой ананьинского облика, определена территориальная специфика поселений.

Сопоставление материальной культуры поселений раннего железного века Костромского Поволжья с другими регионами АКИО позволило наметить пути проникновения носителей традиции ананьинской гребенчато-шнуровой керамики в бассейн р. Костромы, округу Галичского озера с территорий Средней и Верхней Ветлуги, при этом очень заметно влияние населения, проживающего по р. Вятке. В данной работе удалось определить хронологические рамки этого процесса. Прослежено изменение культурных традиций на поселениях РЖВ региона в VI–III вв. до н.э. С VI в. до н.э. появляются поселения со смешанной ананьинской и сетчатой традицией изготовления керамики. Выделено два взаимосвязанных этапа развития поселений с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой Костромского Поволжья. Определены перспективы исследований поселений с материалами ананьинского облика в западной части их распространения.

A.V. Novikov

Settlements with comb-corded and corded ceramics of the early iron age from the Kostroma Volga Region

The article presents the first identification, systematization and interpretation of materials related to the comb-corded ceramics of the Early Iron Age from the Kostroma Volga Region. Settlements featuring the materials of Ananyino appearance and hybrid ceramics were distinguished from the range of monuments with textile ceramics. Information on ceramic complexes was classified, the distribution area of the carriers of Ananyino traditions in the Kostroma Volga region was determined, concentration areas of monuments with ceramics of Ananyino appearance were indicated, and the territorial characteristics of the settlements were established.

A comparison of the material culture of settlements dating back to the Early Iron Age from the Kostroma Volga region with other regions of the Ananyino Cultural and Historical Community allowed to outline the routes of penetration of the carriers of Ananyino comb-corded ceramics in the basin of the Kostroma river and the area of Lake Galichskoye from the territories of the Middle and Upper Vetluga, whereas the influence of the population living along the Vyatka river is highly noticeable. The article represents a successful attempt to determine the chronological framework of this process. It outlines the changes in cultural traditions at the settlements of the Early Iron Age established in the region in the 6th–3rd centuries B.C. Since the 6th century B.C. the are featured settlements with mixed Ananyino and textile traditional ceramics. The authors established two interrelated stages of the development of settlements with comb-corded and corded ceramics from the Kostroma Volga Region. They identified the for prospects of studying settlements with materials of Ananyino appearance in the Western distribution area.

АНАНЬИНСКАЯ «ВУАЛЬ» В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ: О КНИГЕ А.В. НОВИКОВА

В раннем железном веке в Костромском Поволжье появляется группа населения, формирование которой происходило на востоке, в бассейнах рек Ветлуги и Вятки. Под влиянием еще во многом неизвестных факторов эти люди, материальная культура которых связана с ананьинской культурно-исторической областью (АКИО) или ананьинским миром, переселяются на запад и северо-запад. Использование ими керамики с гребенчато-шнуровыми и шнуровыми элементами орнамента позволило соотнести их с ананьинской культурой гребенчато-шнуровой керамики. Все известные памятники этой культуры на территории Костромского Поволжья относятся к поселениям; могильники здесь неизвестны.

Актуальность изучения поселений Костромского Поволжья раннего железного века (РЖВ), в составе керамического комплекса которых присутствует посуда с гребенчато-шнуровыми и шнуровыми элементами орнамента, обусловлена отсутствием исследований, которые бы в полной мере характеризовали материальную культуру, топографию и структуру памятников западных регионов АКИО. Перед нами первая работа такого рода, которая во многом является прорывной в области исследования поселений АКИО в целом. Большинство источников, на которые опирается А.В. Новиков, впервые вводятся в научный оборот. Часть из них получена в результате его собственных полевых исследований.

Автор подробно рассмотрел работы своих предшественников с конца XIX в. до современности и пришел к выводу о том, что к настоящему времени накоплен огромный массив источников, характеризующих памятники РЖВ Костромского Поволжья, однако обобщение этой информации существенно отстает от пополнения базы данных. Он констатировал, что единой концепции, раскрывающей культурную принадлежность, происхождение, хронологию и т.п. памятников с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой не существует и на страницах представленной монографии попытался решить эту проблему.

Выгодно выделяет работу А.В. Новикова обращение к региональной географии и анализу вмещающего ландшафта Костромского Поволжья, в рамках которого происходило расселение коллективов людей эпохи раннего железа. В книге дана подробная характеристика основных водных артерий и приуроченность к ним заселенных территорий. Интересным наблюдением является установление факта совпадения заселенных участков местности с неолита до раннего железного века. По всей вероятности, требования, которые предъявляли люди к местам своего обитания, не менялись на протяжении тысячелетий.

Всего автор насчитывает в Костромском Поволжье 46 поселений РЖВ, которые сосредоточены, в основном, в трех географических регионах: Костромской низменности, Галичско-Чухломской возвышенности и Унженской низменности. Отмечена также немногочисленная – четвертая – группа памятников в Поветлужье. Ценным наблюдением А.В. Новикова является фиксация региональных отличий по высоте расположения поселений над уровнем реки или поймы, а также по размерам самих поселений.

Собственно поселений с керамикой ананьинского облика автор насчитывает 14, оговариваясь, что ананьинская керамика может присутствовать и на других памятниках, обследованных только разведочно. Эти памятники были сосредоточены в двух регионах Костромского Поволжья: в окрестностях Галичского озера и в Костромской низине. При этом отмечена приуроченность ананьинских поселений к высоким, с хорошей естественной защищенностью мысам и всхолмлениям в широкой пойме.

Большое внимание в работе уделено анализу комплекса глиняной посуды памятников с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой. Схема типологии ананьинской керамики А.В. Новикова опирается на разработки В.Н. Маркова и И.В. Исламовой, но по сравнению с ними существенно доработана применительно к анализу керамических комплексов Костромского Поволжья.

А.В. Новиков приходит к выводу о «пограничном» характере керамических комплексов поселений Костромского Поволжья в РЖВ. Он отмечает, что, судя по керамике, данный регион был заселен в основном носителями культуры сетчатой (текстильной) керамики (КТК), но при этом здесь фиксируется также присутствие представителей АКИО, которое хорошо маркируется распространением орнаментации в виде гребенчато-шнуровых отпечатков на глиняной посуде как с гладкой поверхностью, так и покрытой текстильным раппортом. Наличие

собственно ананьинской керамики, тем не менее, позволяет говорить о непосредственном проникновении носителей АКИО в регион.

Несмотря на тождественность костромской керамики, орнаментированной гребенчато-шнуровыми и шнуровыми отпечатками с керамическими комплексами АКИО, А.В. Новиков показал несомненное своеобразие местного керамического комплекса, обусловленное влиянием традиции носителей КТК. Именно этот факт свидетельствует о пограничном характере керамики региона, который к тому же подчеркивается наличием гибридных сетчато-ананьинских сосудов (формы, декор), а также появлением плоскодонной керамики, неизвестной на основной территории ананьинского мира.

Еще одним направлением исследования А.В. Новикова была атрибуция поселений с сетчатой керамикой. Автор усомнился в идентичности этих памятников с дьяковской культурой, предложив рассматривать их в системе древностей области культур с сетчатой (текстильной) керамикой, в которую входит на раннем этапе и дьяковская. Влияние последней более заметно в культуре населения Костромского Поволжья лишь в конце эпохи раннего железа, когда дьяковская «вуаль» (в том числе грузики дьякова типа) выходит далеко за пределы центра Русской равнины. Это позволяет синхронизировать дьяковские и костромские керамические комплексы и тем самым способствует построению хронологии памятников РЖВ Костромского Поволжья. Судя по аналогиям в материалах дьяковской культуры время стабильного существования памятников с сетчатой (текстильной) керамикой в регионе можно ограничить VI–III вв. до н.э., хотя, безусловно, более ранние из них датируются самым началом I тыс. до н.э.

Хронологическая позиция комплексов материальной культуры поселений АКИО Костромского Поволжья по предметам вооружения и украшениям также определенаVI–III вв. до н.э. На этом основании начало процесса проникновения ананьинского населения в окрестности Галичского озера и в Костромскую низинуА.В. Новиков относит к VI в. до н.э.

Однако при отсутствии некрополей и наличии поселений с незначительным количеством датирующих находок именно керамика является пока опорой для датировки памятников региона. Автор отмечает хорошую разработанность хронологии керамики АКИО Нижнего и Среднего Прикамья (прежде всего по исследованиям Л.И. Ашихминой и В.Н. Маркова) и базируется на ней при определении хронологии памятников Костромского Поволжья. Это, в свою очередь, позволяет ему выявить последовательность заселения региона носителями АКИО и определить два этапа этого процесса, датируемых соответственно VI–V и IV–III вв. до н.э.

Первый характеризуется появлением керамики АКИО в Костромском Поволжье. Начиная с этого времени регион становится активной зоной культурогенеза. В конце этого этапа распространяются гибридные формы посуды, сочетающей ананьинские и сетчатые традиции, которые продолжали существовать и на всем протяжении второго этапа. Наряду с гибридными формами на втором этапе удалось зафиксировать бытование собственно ананьинской и сетчатой керамики.

В целом данные хронологические построения корректны и могут быть приняты за основу для разработки общей хронологии РЖВ Верхнего Поволжья.

Происхождение носителей традиции гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики, по мнению А.В. Новикова, связано с восточными регионами Волго-Камья. Свидетельства этому он видит в сходстве материальной культуры и близости способов выбора места под размещение поселений в Костромском Поволжье, а также в Поветлужье и на Вятке. Именно из последних регионов происходило, по его мнению, распространение комплекса материальной культуры АКИО в Костромское Поволжье. Этот вывод А.В. Новикова логичен и обоснован. Судя по приведенным в книге данным, именно носители ананьинской культуры гребенчато-шнуровой керамики были основой ананьинского культурного импульса в Костромское Поволжье, а затем и на другие территории центра, северо-запада и севера Европейской России. Об этом в 1994 г. писал В.Н. Марков, и работа А.В. Новикова блестяще подтвердила эту гипотезу.

Труд А.В. Новикова затрагивает многие вопросы, решение которых представляет значительный интерес для специалистов, изучающих культурно-исторические процессы эпохи раннего железа в лесной полосе Восточной Европы. Наличие материалов «сетчатого» и «ананьинского» облика в вещевых комплексах РЖВ Костромского Поволжья фиксировалось рядом исследователей (Н.Н. Гурина, П.Н. Третьяков, В.С. Патрушев и др.). Но именно А.В. Новиков впервые с полнотой, тщательностью и глубиной проработки систематизировал эти материалы в керамических комплексах поселений региона.

Детальный анализ и интерпретация «сетчатых» и «ананьинских» материалов Костромского Поволжья вывели на новый уровень исследование проблем культурогенеза в лесной полосе Восточной Европы в эпоху раннего железа. Несомненно, рассмотрение вопросов, связанных с распространением носителей традиций сетчатой, гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики РЖВ в Костромском Поволжье, имеет большое значение и для понимания близких культурно-исторических процессов на сопредельных территориях. Общая концепция А.В. Новикова может служить основой для исследования вопросов распространения на запад и северо-запад – вплоть до Карелии и Белого моря – групп носителей ананьинских традиций с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой.

Тема взаимодействия населения крупнейших культурно-исторических областей Восточной Европы – ананьинской и сетчатой (текстильной) керамики, безусловно, требует дальнейшего изучения. Нам уже не раз приходилось отмечать, что эти процессы сродни плавильному котлу, в котором берут свое начало истоки современных прибалтийско-финских и поволжских народов.

Книга А.В. Новикова – важный вклад в разработку этой актуальной проблематики. Мы уверены, что она вызовет интерес не только у археологов, но и у специалистов смежных научных дисциплин, а также у всех тех, кто интересуется прошлым Костромского края.

С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский

ВВЕДЕНИЕ

При рассмотрении и решении проблемных вопросов раннего железного века (РЖВ) область Костромского Поволжья в связи со сложностью происходивших здесь культурных процессов традиционно определяется исследователями как регион с большим разнообразием археологических памятников, смешанными культурными комплексами (Горюнова, 1961; Гурина, 1963; Третьяков,1966). Географическое расположение Костромского Поволжья (контактная зона) на стыке различных культурных формирований, несомненно, способствует рассмотрению вопросов взаимодействия населения на данных территориях в раннем железном веке.

В пределах региона сосредоточены памятники РЖВ, которые обладают набором устойчивых признаков с более широким территориальным распространением, отражающие культурно-исторические процессы, происходившие в эпоху раннего железа в Верхневолжском регионе и на сопредельных территориях – в Поветлужье, на Средней Волге, в Прикамье, в северных областях Восточно-Европейской равнины.

Имеющиеся в нашем распоряжении керамические материалы четко указывают на присутствие в западных районах Костромского Поволжья еще одной культурной области, отличной от широко распространенной здесь области с сетчатой керамикой. Активное ее распространение фиксируется с середины I тыс. до н. э. и связано с традицией изготовления гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики, свойственной ананьинскому миру.

Ананьинская культурно-историческая область, датируемая в пределах IX–III вв. до н. э., в основном локализуется в бассейнах рек Кама, Вятка, Ветлуга, Белая на территории Среднего Поволжья (Халиков, 1977; Збруева, 1952), в более северных областях Европейской части России – в бассейнах рек Северная Двина, Печора, Вычегда и Мезень (Ашихмина, 1977; Верещагина, Ашихмина, 1980; Ашихмина, Васкул, 1997; Марков, 2007). Свое название культура получила по первому открытому в 1858 г. П.В. Алабиным могильнику у с. Ананьино Елабужского района Республики Татарстан (Алабин, 1860). Исследования памятников ананьинской культуры начались с середины XIX века (Збруева, 1952). Следует отметить, что ареал распространения ананьинских материалов выходит за рамки вышеуказанных территорий и до настоящего времени четко не обозначен. Известны ананьинские древности и в Юго-Западном Прибеломорье – в бассейнах рек Сума и Тунгуда, в низовьях Выги (Жульников, 2005). Отдельные элементы ананьинской культуры распространились и в области каргопольской культуры на озерах Лача, Воже, Кубенское и Белое, откуда уже по реке Шексне, по мнению П.Н. Третьякова, достигли северных пределов Верхнего Поволжья (Третьяков, 1966, с. 144). В Верхневолжском регионе в целом и Костромском Поволжье в частности памятники с комплексами гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики также известны. Изучение материалов поселенческих памятников рассматриваемой эпохи позволяет получить ответы на вопросы о распространении групп ананьинского населения на территории указанного региона, о культурном взаимодействии и контактах. Могильники, имеющие отношение к ананьинскому миру, на сегодняшний день в Костромском Поволжье не известны.

Несмотря на то что исследования многослойных памятников Костромского Поволжьяс культурно-хронологическими пластами РЖВ продолжаются почти столетие, остается еще много неразрешенных основных вопросов археологии этого периода. В частности, среди исследователей нет общего мнения о существовании в Костромском Поволжье какой-то определенной культурной традиции в раннем железном веке: комплексы связываются с дьяковскими, выделяются локальные варианты этой культуры, материалы соотносятся с сетчатой керамикой дьякова типа или отождествляются с сетчатой керамикой в целом. Присутствие ананьинских черт в общей массе находок (сетчатой керамики РЖВ) отмечается исследователями лишь в редких случаях (и не всеми). Неопределенность в решении этого вопроса, безусловно, определяет актуальность постановки проблемы и необходимость исследований в этом направлении.

Несомненно, в данном контексте важны оценка исторической интерпретации указанных материалов и рассмотрение обстоятельств формирования источниковой базы. Ознакомление с музейными материалами, анализ первичной учетно-паспортной документации объектов археологического наследия региона, а также научных отчетов о проведенных археологических исследованиях на территории Костромского Поволжья позволяют говорить о том, что на сегодняшний день накоплен нема-

лый фактический материал раннего железного века, в частности, собраны коллекции с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой, которая, впрочем, ранее комплексно не выделялась на памятниках и самостоятельно не изучалась. В этой связи для изучения исторических и культурных процессов, происходивших в Костромском Поволжье в РЖВ, актуальным становится обращение к комплексу проблем, связанных с распространением в регионе традиций гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики: выделение круга поселений с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой раннего железного века Костромского Поволжья, атрибуция и систематизация накопленного материала, определение характера заселения территорий группами с такой традицией; разграничение комплексов с ананьинской и сетчатой керамикой, выделение гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики в синкретических археологических комплексах и их интерпретация, установление территории распространения в регионе керамики ананьинского типа и определение участков локализации памятников с такой керамикой внутри региона; проработка вопросов взаимодействия разных культурных областей: носителей ананьинских традиций гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики и населения с сетчатой керамикой.

В настоящее время на территории Костромского Поволжья известно сорок шесть поселений раннего железного века (рис. 1, 2). Большинство из них – многослойные памятники, содержащие наряду с материалами РЖВ культурные комплексы мезолита, неолита, бронзы или более позднего времени. Археологические раскопки проводились на восемнадцати памятниках из сорока шести, остальные обследованы только разведками, в связи с чем следует сделать следующее важное замечание. Из поселений, на которых проводилось только разведочное обследование и вскрывалась незначительная площадь (чаще всего, шурфами) или же раскопки не проводились вовсе, для культурного определения и датировок часто использовался подъемный материал, в большинстве случаев идентифицируемый как сетчатая керамика, а значит, и памятник в целом интерпретировался как поселение области с сетчатой керамикой, что, безусловно, оставляет некоторые спорные вопросы в определении его культурного статуса. Нужно учитывать, что эти материалы с большой долей вероятности могут содержать комплексы гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики, с наибольшим расширением по тулову, иногда и по шейке, комплексы такой керамики содержат сетчатые отпечатки как мелкоячеистой, так и крупноячеистой структуры с регулярным и хаотичным их исполнением (отпечатки могут быть четко и слабо вдавленными, едва заметными, сильно затертыми). Как правило, при работе с фрагментарными коллекциями данное обстоятельство не позволяет методически верно идентифицировать комплексы посуды РЖВ и отождествлять их с сетчатой, сетчатой дьяковского типа, гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой, а значит, и корректно выделять такие комплексы на отдельных поселениях с малосерийными коллекциями находок (керамики). Особенно актуально это для коллекций,собранных с поверхности (подъемный материал).

На настоящее время из сорока шести памятников археологии Костромского Поволжья с материалами РЖВ можно выделить четырнадцать поселений, имеющих в своем материальном составе комплексы гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики, отождествляемые с ананьинскими древностями. На всех поселениях имеется и сетчатая керамика. Важно отметить, что в Костромском Поволжье происходила определенная корректировка традиций изготовления гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики, трансформировались отдельные специфические черты, изменялись элементы первоначального облика. В результате взаимодействия населения различных культурных областей начинает появляться гибридная керамика, которая имеет генетические истоки как ананьинских, так и сетчатых компонентов. Начиная с VI в. до н.э. изменяется облик и формируются новые элементы материальной культуры.

Круг источников по теме исследования ранее подробно не рассматривался и не конкретизировался, лишь отрывочно обозначался по мере накопления информации в разное время. Не был сформирован и перечень поселений с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой Костромского Поволжья. Тем не менее мы можем констатировать, что к настоящему времени накоплен определенный объем материалов, связанных с ананьинским миром, позволяющих определить культурный статус ряда памятников РЖВ Костромского Поволжья, в связи с чем крайне актуальной становится необходимость систематизации указанного археологического материала. Решение этого вопроса предполагает обращение к проблемам развития, культурной атрибуции, хронологической позиции, периодизации и взаимодействия археологических культурных областей РЖВ на исследуемой

территории, а также установления их места и роли в системе культурных образований всего Верхневолжского региона.

Исследование археологических источников производилось в контексте решения проблемных вопросов, касающихся распространения ананьинской культурно-исторической области в регионе, и взаимодействия с другой культурной областью – сетчатой керамики. В работе предпринята попытка впервые выделить, систематизировать и интерпретировать материалы с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой РЖВ с территории Костромского Поволжья, поставить вопросы методики изучения керамики, а также распределения и развития данных комплексов, определить культурный статус памятников, содержащих керамику подобного типа, особенности и закономерности системы расселения, территориальную специфику поселений региона.

Работа построена на материалах раскопок поселенческих памятников, как правило, многослойных, но включающих комплексы раннего железного века, полученные в результате полевых археологических исследований в Костромском Поволжье с начала XX в. до начала XXI в. Рассмотрены коллекции находок из раскопок памятников археологии региона, выполненных Н.М. Бекаревичем, В.И. Смирновым, Л.Н. Казариновым, Н.Н. Гуриной, Е.И. Горюновой, И.В. Гавриловой, В.С. Патрушевым. В ходе работ были проанализированы также материалы многолетних разведочных изысканий. Определенная часть источников – археологические исследования автора, в основе которых лежат керамические комплексы.

Хронологическая позиция анализируемого материала укладывается в рамки VI–III вв. до н. э. Нижние временные рамки могут быть установлены по обнаруженным на рассматриваемых в исследовании памятниках ананьинской керамики гребенчато-шнуровой традиции с «воротничком» и глиняной литейной формы акозинско-меларского кельта с поселения Ватажка. Верхняя хронологическая позиция гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики улавливается труднее иможет быть синхронизирована с ныргындинской стадией развития ананьинской керамики. В это время на поселениях РЖВ керамические комплексы с крупноячеистой сетчатой структурой поверхности начинают превалировать над сетчатой керамикой с мелкоячеистыми отпечатками, традиция орнаментации шнуровыми оттисками начинает прослеживаться реже или пропадает вовсе. Определенным маркером может являться и бронзовая височная спиральная подвеска с Минского городища, которая близка изделиям из Щербининского городища, датируемого IV–III вв. до н. э., других индивидуальных хронологических ориентиров крайне мало.

Территориальные границы исследования охватывают область Костромского Поволжья. По современному административному делению обозначенная территория соответствует Костромской области, а также отчасти охватывает приволжские районы Ивановской области в левобережной части р. Волги. Основная часть территории – левобережный участок бассейна р. Волги от ее притоков р. Костромы на западе до р. Унжи на востоке, включая Галичско-Чухломскую возвышенность с крупнейшими озерами региона – Чухломским и Галичским, Костромскую и Унженскую низменности. В северной части область охватывает Северные Увалы, по которым проходит водораздел Волги и Северной Двины. С юга граница очерчивается по правому берегу р. Волги (АКК, 1997, с. 7–8).

Поселения РЖВ с сетчатой, штрихованной, гладкостенной, гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой сосредоточены в трех основных географических микрорегионах Костромского Поволжья:

– в окрестностях Галичского и Чухломского озер (Галичско-Чухломская возвышенность) (рис. 3–4);

– в Костромской низине и по основному течению реки Волги вблизи города Костромы (рис. 7–9);

– в бассейне реки Унжи (Унженская низменность) (рис. 10–13).

Поселения с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой находятся в округе Галичского озера, присутствуют в приустьевой части реки Костромы на территории так называемой Костромской низины, один памятник известен в районе, прилегающем к Сусанинскому болоту (рис. 3, 6, 7).

В настоящее время это все известные участки локализации таких памятников на территории Костромского Поволжья. В то же время, так как видовой материальный состав поселений РЖВ рассматриваемого региона не совсем очевиден, прежде всего это относится к керамике, и четко определить его в настоящее время трудно, карта и список памятников пока не имеют законченного вида и, безусловно, будут корректироваться и дополняться по результатам новых полевых исследований.

1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА КОСТРОМСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

1.1. ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ В КОНЦЕXIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Полевое археологическое изучение памятников раннего железного века Костромского Поволжья, в том числе содержащих комплексы с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой, насчитывает более ста лет. История изучения представлена в виде последовательных хронологических этапов. Первые полевые исследования проводились в конце XIX века. Целенаправленное же изучение поселений региона с материалами РЖВ начинается в первой половине XX в. Именно в этот период была сформирована существенная источниковая база.

Первоначальный этап сбора сведений и материалов, впоследствии соотнесенных с эпохой раннего железа, связан с работой Костромской губернской ученой архивной комиссии, деятельность которой приходится на конец XIX – начало XX в. Комиссией, открытой в 1885 г., не только производился сбор данных о памятниках археологии и исторических сведений, но и выполнялись первые археологические обследования и раскопки, а также предпринимались попытки классификации археологических материалов.

В 1889 г. Костромским губернским статистическим комитетом Императорскому Московскому археологическому обществу впервые было представлено тринадцать сведений для археологической карты Костромской губернии. Позже членом Костромской архивной комиссии И.В. Миловидовым было представлено еще тридцать сведений. В 90-е гг. XIX в. сведения, зафиксированные затем в Материалах для археологической карты Костромской губернии (Костромской уезд), собирались Н.М. Бекаревичем (Бекаревич, 1905, с. 7). Всего им сообщается о 419 археологических памятниках (Бекаревич, 1905, с. 9), среди которых есть и поселения РЖВ, указанные ниже.

Пункт 1 – село Минское Пушкинской волости (АКР КО, 1999, с. 94). Отмечается, что в 1892 г. Н.М. Бекаревич произвел на Минском городище однодневные раскопки, всего в различных местах городища было откопано 10 траншей (Бекаревич, 1905, с. 13–14). Бекаревич отмечает, что выбрасываемая из траншей почва имела преимущественно черный или темно-бурый цвета (Бекаревич, 1902, с. 127). Позже, в 1908 г., раскопки на памятнике были продолжены И.Д. Преображенским и Н.Н. Виноградовым (Гурина, 1963, с. 164–165).

Пункт 2 – «Городище против г. Костромы» (АКР КО, 1999, с. 71). Первые упоминания о памятнике относятся к 1890 г. – это сведения И.В. Миловидова, представленные в «Древностях Костромского края, известных Архивной комиссии» (Миловидов, 1890). На эту информацию опирается и Н.М. Бекаревич (Бекаревич, 1905, с. 12), который в начале XX в. произвел на территории городища небольшие раскопки (Бекаревич, 1902, с. 125–126). Необходимо отметить, что в Костромском музее-заповеднике частично сохранились предметы, найденные Бекаревичем при раскопках «Городища против г. Костромы» в начале XX в. Коллекция насчитывает всего двадцать артефактов (КМЗ КОК № 15398).

Еще один пункт обозначен Н.М. Бекаревичем как «Городок близ с. Черной заводи Чернозаводской волости Костромского уезда» (Бекаревич, 1902, с. 126). Представленное Бекаревичем описание памятника и происходящих из него находок также ставит его в круг древностей, соотносимых с РЖВ.

Следует отметить, что обозначенные выше памятники находились в ближайших к Костроме волостях, а исследования Н.М. Бекаревича не преследовали цель изучить конкретно памятники археологии РЖВ региона, а выполнялись в рамках сбора археологических материалов в регионе вообще в связи с повсеместной модой на изучение культурных древностей, поэтому носили, скорее, случайный характер. К тому же до конца XIX в. Костромская ученая архивная комиссия, членом которой и являлся Н.М. Бекаревич, отдавала явное предпочтение изучению курганных древностей.

В районе Поветлужья, в северо-восточной части Костромской области, археологические исследования в конце XIX в. проводил Ф.Д. Нефедов В 1883 г. им было открыто Одоевское городище, расположенное на территории современного Шарьинского района (АКР КО, 1999, с. 288–290). Ф.Д. Нефедов произвел на городище масштабные раскопки: насыпь была снята на протяжении 110, а в глубину – на

10 футов (Бадер, 1951, с. 116). Исследователь разделил городища на три горизонта. Хронологически Ф.Д. Нефедов относил Одоевское городище к каменному периоду. К сожалению, по сообщению О.Н. Бадера, добытая Ф.Д. Нефедовым коллекция утрачена (Бадер, 1951, с. 110). В 1903 г. небольшие раскопки на городище произвел Бекаревич Н.М., однако материалы из раскопок им не датированы. Позже Одоевское городище, по-видимому, несколько раз случайно посещалось любителями (Бадер, 1951, с. 110–116).

Кроме Одоевского городища в 1885 г. Ф.Д. Нефедов исследовал Шангское городище, также расположенное в Поветлужье (Бадер, 1951, с. 112) и содержащее материалы РЖВ (ППА (с. Старошангское. Шангское городище)).

На IV областном историко-археологическом съезде в 1909 г. краевед А.Н. Рождественский обобщил итоги деятельности Костромской архивной комиссии по раскопкам в губернии – исследованиям курганов, могил и городищ. Рождественский отмечал, что сведения о памятниках археологии и о проводимых раскопках, имеющиеся в Костромской архивной комиссии, отрывочны и неполны (Рождественский, 1909, с. 3), тем не менее в сводных данных он упоминает памятники интересуемого нас времени: городища у с. Минское Пушкинской волости (раскопки в 1892 г. выполнены членами комиссии Н.М. Бекаревичем и И.Д. Преображенским) (Рождественский, 1909, с. 4), в с. Никола-Одоевское Ветлужского уезда (исследовалось в 1883 г. Ф.Д. Нефедовым, в 1903 г. – Н.М. Бекаревичем), а также раскопки в 5 других пунктах (Рождественский, 1909, с. 10–13).

В начале XX в. в Галичском районе (Галичско-Чухломская возвышенность) раскопки проводились под руководством В.Н. Глазова. Так, в округе Галичского озера в 1908 г. он исследовал городища Унорож, Брюхово (Курган) и поселение Быки (Пуп) (АКР КО, 1999, с. 147, 149; Горюнова, Отчет 1961; ППА (городище Унорож); ППА (селище Быки (Пуп)). В частности, В.Н. Глазов отмечал, что культурный слой городища Брюхово состоит из двух пластов, из найденных вещей он упоминает два рыболовных грузила, одно с точечными ямками, орнаментированное пряслице и др. находки (Горюнова, Отчет 1961, с. 18). Памятник отнесен исследователем к каменному веку.

В этом же, 1908 г., А.М. Тальгрен провел небольшие раскопки на поселении Туровское «Заячья горка» (АКК, 1997, с. 52) на северном берегу Галичского озера. Позже, в 1921 г., В.И. Смирновым и Л.Н. Казариновым продолжены археологические исследования на памятнике (АКР КО, 1999, с. 308–309; Китицина, Третьяков, 1968, с. 240), а в 1924 г. широкомасштабные раскопки здесь были проведены археологической экспедицией под руководством В.А. Городцова (ППА (Галичская, или Туровская, стоянка)). В настоящее время поселение значится в списке несохранившихся памятников (АКР КО, 1999, с. 308–309). Исследователи выделяют среди находок из памятника материалы неолитического времени, эпохи бронзы и РЖВ.

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. Костромской губернской ученой архивной комиссией начато изучение важнейших памятников археологии, в последующем соотнесенных с кругом поселений РЖВ и собраны первые археологические коллекции этого периода. В то же время необходимо отметить, что работы проводились локально, на отдельно взятых территориях, и авторы работ не всегда атрибутировали найденные материалы, а нередко относили их к более раннему времени – каменному веку.

1.2.ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОЧНИКОВ И ПОЛЕВОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ В 20-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Следующий важный этап в изучении памятников РЖВ Костромского Поволжья – 20-е гг. XX в. В 1925 г. Научно-исследовательским институтом антропологии Московского университета была организована экспедиция в район рек Ветлуги и Унжи, где с целью комплексного изучения населения данной местности и его истории проводились антропологические, археологические, этнографические и лингвистические исследования. В рамках работы экспедиции археологически изучены семь ветлужских и четыре унженских городища, среди которых Одоевское, Шангское, Рапоновское и др., а также одна стоянка Паново (АКР КО, 1999, с. 175–176, 287–291; Бадер, 1951, с. 110–111). Хронологический диапазон унженско-ветлужских городищ очень велик и достигает двух тысяч лет,

при этом древнейшие городища расположены равномерно по всему течению рек, исключая верховья. В то же время эти одиннадцать городищ составляют несколько хронологически последовательных групп (Бадер, 1951, с. 150). Ценные материалы были получены в результате археологических раскопок Одоевского городища. О.Н. Бадер достаточно четко интерпретировал материалы и определил историко-культурную принадлежность памятника (Бадер, 1951, с. 114–134). Нижний, третий, слой Одоевского городища он отнес к раннеананьинскому времени, датировав его VII–V вв. до н. э. Следующий за ним, второй, культурный пласт датирован IV–III вв. до н. э., верхний слой городища отнесен исследователем к началу нашей эры. Определяя нижнюю дату памятника временем I–II вв. н. э., Бадер отмечал, что керамика из памятника близка керамике с позднедьяковских городищ более западных районов Поволжья. Другие изученные городища, в числе которых Шангское, Троицкое, Рапоновское, О.Н. Бадер считал позднейшими, моложе верхнего слоя Одоевского городища (Бадер, 1951, с. 151–155). По мнению исследователя, в результате археологических раскопок, проведенных в Поветлужье и на Унже в 1925–1926 гг., была установлена принадлежность разных городищ Поветлужья к обширной области распространения ананьинской культуры и выяснен вопрос о территориальном разграничении ананьинской и дьяковской культур РЖВ (Там же, 1951, с. 149–150). Основным путем связи ананьинского Поветлужья с Волго-Камской территорией ананьинских племен Бадер считал р. Волгу (Там же, 1951, с. 151–152), а границу расселения ананьинских племен на западе проводил по географическому принципу, а именно по Ветлужско-Унженскому междуречью.

Позже М.В. Воеводский, изучив и проанализировав вещевые материалы, найденные при раскопках О.Н. Бадером, составил классификацию ананьинской керамики Поветлужья, главным образом основанную на материалах Одоевского городища (Воеводский, 1951, с. 159–169). Он выделил три группы керамики, разделив их и хронологически. Сосуды первой группы в архаичных ее вариантах, на его взгляд, находят аналогии в ранних памятниках ананьинской культуры. Вторая группа близка керамике позднеананьинских и пьяноборских древностей. Керамика более поздних групп имеет новые, явно местные черты, все более отличаясь от находок из Прикамья (Воеводский, 1951, с. 169–170).

К поздним городищам на Ветлуге М.В. Воеводский относил Шангское, Троицкое и Спасское, на Унже – Рапоновское, Сезеневское и Юрьевецкое, отметив, что лишь на Ухтубужском городище можно обнаружить связь керамики с поздним слоем «костеносных» городищ (III группа), проявляющуюся в форме, в наличии сосудов трёх типов III группы, в отсутствии сосудов 1 типа, в орнаменте, в наличии раковины, в штрихованности, характерной для III группы (Воеводский, 1951, с. 169–170).

В это же время на северо-западных территориях Костромского Поволжья, а именно в окрестностях Галичского и Чухломского озер, археологические исследования памятников, содержащих материалы РЖВ, проводил А.Я. Брюсов. Им была открыта стоянка дюнного типа у деревни Шокша в урочище Бугорки в Галичском районе (Комаров, Отчет 1983, с. 8). К сожалению, до настоящего времени памятник не сохранился (АКР КО, 1999, с. 310). А.Я. Брюсовым также обследована разрушенная на сегодняшний день стоянка Дудино на р. Юг в Чухломском районе (АКР КО, 1999, с. 320–321), совместно с М.Е. Фосс проведены археологические раскопки на поселении Федоровское на р. Вексе в Чухломском районе (АКР КО, 1999, с. 281–285; Брюсов, Отчет 1925).

Именно 20-е гг. XX века являются временем повсеместного расцвета краеведения. Археологическое изучение Костромского Поволжья в это время неразрывно связано с деятельностью Костромского научного общества по изучению местного края (КНО), которое внесло колоссальный вклад в полевое изучение памятников археологии, в том числе содержащих материалы РЖВ, а также в формирование фондов Костромского музея-заповедника. Обществом выявлено, обследовано и раскопано не менее 10 памятников археологии, среди которых есть и поселения с материалами РЖВ, включая ананьинские древности. Особую роль в деятельности общества сыграл В.И. Смирнов, который являлся одним из четырех членов-учредителей КНО в 1912 г. и прошел путь от создания КНО в 1912 г. до его разгрома в 1929 г. В 1921–1929 гг. В.И. Смирнов был бессменным председателем КНО, определял ведущие направления научной деятельности организации.

Археологические работы в Костромской области В.И. Смирнов начинает в 1921 г. (Китицина, Третьяков, 1968, с. 239), наиболее серьезные многолетние работы им были проведены на территории Костромской низменности. Особое место среди памятников археологии Костромской низины, на которые обращено внимание Костромского научного общества в этот период, занимает поселение Ватажка, где раскопки выполнены под руководством В.И. Смирнова в 1925–1927 гг. (АКР КО, 1999, с. 103; Гурина, 1963, с. 146; ППА (стоянка Ватажка)) «с целью более углубленного изучения культуры "текстильной" керамики» (Китицина, Третьяков, 1968, с. 241). Памятник открыт ранее в 1924 г. П.Н. Третьяковым.

В 1924 г. В.И. Смирновым открыто поселение Борань в Костромской низине, в 1925–1927 гг. здесь были выполнены раскопки на площади 121,5 кв. м (Гурина, 1963, с. 87). Сохранились описи вещей и сама коллекция предметов: в основном это древности, связанные с неолитической, ямочно-гребенчатой льяловской керамикой; комплексы сетчатой керамики, в том числе ананьинского типа, единичны. К сожалению, в настоящее время памятник затоплен водами Горьковского водохранилища (АКР КО, 1999, с. 296–297).

В 1927 г. В.И. Смирновым было открыто поселение Станок в Костромском районе, раскопки здесь производились в 1927–1928 гг. (АКР КО, 1999, с. 99; Гурина, 1963, с. 108–110). В коллекционной описи, составленной В.И. Смирновым, выделяется керамика «с веревкой». В 1954 г. раскопки на памятнике были продолжены Н.Н. Гуриной, она же разделяет территорию на два отдельных поселения, располагающихся на разных сторонах ручья Борисовки (Станок I и II), при этом часть памятника археологии, исследованная В.И. Смирновым, получает название Станок I.

Результатом исследований В.И. Смирновым многослойных памятников Костромской низины (Ватажка, Борань, Станок) явилось создание обоснованной, на его взгляд, стратиграфически культурно-хронологической шкалы древних поселений восточной части Верхнего Поволжья. Последовательность выглядела следующим образом: ямочно-гребенчатая керамика перекрывалась волосовской и фатьяновской керамикой, выше располагалась текстильная керамика (Китицина, Третьяков, 1968, с. 241). Таким образом, В.И. Смирнов выделил три культурно-хронологических горизонта, при этом верхний соотнесен с РЖВ.

С территорией Костромской низины связаны еще четыре поселения с сетчатой керамикой, обследованные сотрудниками Костромского научного общества по изучению местного края. Среди них поселение Говядиново, которое было расположено на высоком правом берегу р. Волги в черте современной Костромы. Здесь В.И. Смирновым в 1925 г. были произведены раскопки. Коллекция предметов находится в Костромском музее-заповеднике и в основном содержит комплексы ранней сетчатой керамики эпохи поздней бронзы. К настоящему времени памятник утрачен (застроен) (АКР КО, 1999, с. 293). Поселение Бораны открыто В.И. Смирновым в 1925 г. на северном берегу оз. Борисова, а в следующем году частично исследовано: на памятнике было заложено одиннадцать шурфов размерами 1,0×0,5 м, обнаружена сетчатая керамика (АКР КО, 1999, с. 104; Гурина, с. 145–146). Несомненно, требуется принятие объекта на государственную охрану. Поселение Оганино 15 (Емсна) обследовано экспедицией Костромского научного общества под руководством В.И. Смирнова в 1921–1925 гг. Среди находок присутствует керамика РЖВ с сетчатыми отпечатками (АКР КО, 1999, с. 105; Яблокова, 1963, с. 28).

Последним в данном ряду стоит поселение Хреново, открытое в 1927 г. Л.С. Китициной при участии С.Н. Рейпольского (Китицина, Отчет 1927). Авторами отмечается значительное сходство найденной керамики с полученной на поселении Ватажка. К сожалению, материалы в Костромском музее не сохранились и были списаны по ордеру № 663. Памятник в реестре не состоит и в списке памятников археологии региона не значится.

Небольшие археологические исследования Костромское научное общество проводило и на Минском городище. Так, согласно П.Н. Третьякову, в 20-е гг. на памятнике работы произвел В.И. Смирнов, обнаруживший здесь остатки двух жилищ-полуземлянок (Гурина, 1963, с. 165; Китицина, Третьяков, 1968, с. 241).

Масштабные археологические исследования РЖВ выполнялись сотрудниками Костромского научного общества в окрестностях Чухломского озера. В 1923–1924 гг. В.И. Смирновым совместно с заведующим Чухломским музеем местного края Л.Н. Казариновым

была обследована стоянка на р. Юг (АКР КО, 1999, с. 320–321; Казаринов, Смирнов В.И., Отчет 1923; Яблокова, 1963, с. 27), где обнаружена сетчатая керамика (КМЗ/ЧКМ ОФ 80/№ 1–16), в 1923–1927 гг. исследована стоянка на р. Святица (Казаринов, Отчет 1923; Яблокова, 1963, с. 27), где также найдены фрагменты сетчатой посуды (КМЗ/ЧКМ ОФ 140; 208; 324).

Значимые археологические раскопки произведены на поселении Федоровское (АКР КО, 1999, с. 281–284), открытом В.И. Смирновым и Л.Н. Казариновым в 1923 г. В год открытия памятника сделаны небольшие пробные раскопки (заложена траншея) и составлен план местности (Казаринов, Отчет 1923; Казаринов, Смирнов В.И., Отчет 1923), в 1925 г. раскопки здесь проводили А.Я. Брюсов и М.Е. Фосс (Брюсов, Отчет 1925), в 1926 г. – Л.Н. Казаринов и В.И. Смирнов при участии сотрудников Костромского научного общества Л.С. Китициной, Г.И. Лебедева и др. (Смирнов В.И., Отчет 1926). В результате исследований обнаружена сетчатая керамика эпохи поздней бронзы – раннего железа.

Не оставлена без внимания исследователями и округа Галичского озера. В 1927 г. В.И. Смирнов произвел небольшие археологические работы на территории городища Брюхово (Курган) (АКР КО, 1999, с. 147; Горюнова, Отчет 1961, с. 18), в этом же году им открыто селище Унорож (АКР КО, 1999, с. 166), поселение Умиленье (Пески), которое исследовалось В.И. Смирновым и в последующем 1928 г. (АКР КО, 1999, с. 160–161; Горюнова, 1961, с. 242), обследованы селище Воскресенское (АКР КО, 1999, с. 150–151), городище Унорож (ППА (городище Унорож)), поселение Быки (Пуп) (АКР КО, 1999, с. 149; Горюнова, Отчет 1961, с. 6; ППА (поселение Быки (Пуп)). Согласно паспортным данным первые сборы предметов на месте поселения Умиленье (Пески), не определяя памятник, произвел краевед К.И. Предтеченский в 1925 г. (ППА (стоянка Умиление (Пески)). В 1927 г. В.И. Смирнов продолжил исследования на поселении Туровское «Заячья горка» (АКР КО, 1999, с. 308–309; Китицина, Третьяков, 1968, с. 240), так как, по мнению исследователя, В.А. Городцов, выполнивший масштабные раскопки на памятнике в 1924 г., интерпретировал полученные материалы слишком поздним временем (Китицина, Третьяков, 1968, с. 242). В 1929 г. деятельность КНО по изучению местного края прекращается в связи с повсеместным разгромом краеведения.

В 2001 г. С.Г. Виноградовой были опубликованы списки сохранившихся археологических коллекций из раскопок В.И. Смирнова, находящихся на хранении в Костромском музее-заповеднике. В списках приводятся следующие сведения: наименование памятника, количество находок, автор и год исследования (Виноградова, 2001, с. 22–28).

Важно отметить, что по итогам исследований ни Н.М. Бекаревич, ни В.И. Смирнов не выделяли среди сетчатой керамики РЖВ гребенчато-шнуровую и шнуровую ананьинскую керамику. Выделял комплексы с гребенчато-шнуровой и шнуровой ананьинской керамикой на памятниках археологии Поветлужья только О.Н. Бадер. Перечисленные выше памятники (за исключением поселения Хреново) включены в сводный список памятников археологии, представленный в Археологической карте России (Костромская область) (АКР КО).

Таким образом, в конце XIX – 20-х гг. XX в. произошло первоначальное накопление материалов, впоследствии соотнесенных с РЖВ Костромского Поволжья и Поветлужья. Следует отметить, что при этом круг источников никем полностью не выделялся и не конкретизировался; по мере накопления, в разное время освещались лишь отдельные материалы. Так, О.Н. Бадером систематизируются и атрибутируются материалы с ветлужских городищ, а материалы РЖВ с западных территорий Костромского Поволжья, включающих Костромскую низину и Галичско-Чухломскую возвышенность, не получают должного освещения.

Можно утверждать, что именно в конце XIX – первой четверти XX в. были сформированы ценнейшие археологические фонды Костромского музея-заповедника, включающие вещевые комплексы РЖВ. Материалы РЖВ из указанных в работе поселений региона до настоящего времени полностью не разграничены, в связи с чем работа с этими коллекциями по-прежнему актуальна.

1.3. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 40-60-Х ГОДОВ XX СТОЛЕТИЯ

Археологические исследования поселений РЖВ Костромского Поволжья были продолжены только в послевоенные годы. По сравнению с предыдущим периодом материалы исследований этого времени достаточно четко были интерпретированы авторами, представлена хронологическая позиция для многих памятников региона.

В послевоенные годы археологические исследования на памятниках, включающих материалы РЖВ, в округе Галичского озера проводились под руководством М.Е. Фосс. Галичская экспедиция была организована ИИМК АН СССР и ГИМ с целью исследования памятников Галичской культуры в Костромской области на северном берегу Галичского озера. В 1945 г. экспедицией производились раскопки на поселении Быки (Пуп) и заложены разведочные шурфы на дюне «Умиленье». В 1946 г. раскопками на дюне близ бывшего монастыря «Умиление» (на поселении с железоплавильной мастерской) вскрыли более 160 кв. м, в 1947 г. раскопки здесь продолжились, а также был произведен сбор материала в осыпи на территории поселения Быки (Пуп) (Фосс, Отчет 1946; Фосс, Отчет 1947).

На Быках в 1945 г. были раскопаны две траншеи. При этом найдена керамика сетчатая «типа Умиления» и с оттисками веревочки, на которой можно увидеть местные узоры и узоры ананьинского типа. М.Е. Фосс видит близость данной керамики к керамике со стоянок беломорской культуры, например со стоянки Красная гора. Она датирует селище первой половиной I тыс. до н. э. (Фосс, 1947, с. 69). В целом на керамике с поселений в окрестностях Галичского озера М.Е. Фосс отмечает отдельные элементы, свойственные ананьинской посуде: на Быках на керамике имеется накладной валик и орнамент ананьинского типа (оттиски веревочки) (Фосс, 1949, с. 39).

В 1946 г. раскопки проводятся на поселении с железоплавильной мастерской Умиленье, где были сосредоточены основные археологические работы. В раскопе были раскрыты две землянки размерами 5,5×3,0×0,8 м и 6,7×4,0×0,8 м, а также самостоятельные очажные ямы вне периметра построек. Кроме того, зафиксированы железоплавильные ямы, на дне которых «находились только плоскодонные сосуды с „сетчатым" орнаментом раннедьяковского типа…», часть фрагментов сплавлена со шлаками и кусками железа (Фосс, Отчет 1946, с. 3–5).

По итогам исследований 1946 г. М.Е. Фосс резюмирует, что полученная керамика полностью тождественна керамике со Старшего Каширского городища, которое датировано VII–V вв. до н. э. Однако, принимая во внимание, что здесь еще бытуют каменные орудия, уже вытесненные железными на Каширском городище, М.Е. Фосс относит железоплавильную стоянку к несколько более раннему времени – VIII–VII вв. до н. э., М.Е. Фосс датирует поселение Быки, благодаря присутствию в комплексе керамики ананьинского типа приблизительно VI–V вв. до н. э. (Фосс, Отчет 1946, с. 8–9).

В результате полевых исследований 1945–1946 гг. М.Е. Фосс приходит к выводу, что в Галичском и соседнем Чухломском районах имеется целый ряд территориально и генетически связанных друг с другом поселений, образующих неразрывную цепь, что позволяет наметить последовательность их во времени (Фосс, Отчет 1946, с. 12). По мнению исследователя, проявляется общая хронологическая картина памятников археологии микрорегиона: поселения, датируемые поздним временем, – Быки и железоплавильная стоянка близ Умиленья – предшествующая стадия, а в какой-то части и синхронная раннедьяковским городищам VIII–VII вв. до н. э. Следующая стадия соотносится с расцветом древней «сетчатой» керамики (XI в. до н. э.), при этом если стоянка Умиленье датируется концом II тыс. до н. э., то несколько ранее должна датироваться стоянка на реке Юг (XII в. до н. э.) и еще ранее – стоянки с керамикой галичского типа (Фосс, Отчет 1946, с. 12–13).

В 1947 г. М.Е. Фосс продолжила полевые работы на дюне «Умиленье». Площадь раскопа составила 56 кв. м. Раскопом 1947 г. открыто второе место выработки железа (Фосс, 1947, с. 4–12). На основании сходства керамики М.Е. Фосс приходит к окончательным выводам, что дьяковское поселение, на дюне «Умиленье» сопровождаемое выработкой железа, относится ко времени существования поселения Быки (Фосс, 1947, с. 23).

Десятилетие спустя разведочные работы в окрестностях Галичского озера и Сусанинского болота были проведены М.И. Матасовым. Его исследования носи-

ли характер лишь визуального обследования местности, фотофиксации, осмотра и описания памятников, сбора подъемного материала. Систематизация полученных материалов не выполнялась.

В 1954 г. М.И. Матасов выполнил разведочные работы в Сусанинском районе (Матасов, Отчет 1954). В отчете за 1954 г. приводятся слова некоего Л.Т. Голубева, который рассказал, что видел у местных жителей д. Медведки несколько предметов: черепки посуды, костяные и каменные изделия, следовательно, «…где-то в районе р. Водыш… имеются следы обитания древних людей» (Матасов, Отчет 1954, с. 1). М.И. Матасов проверил указанное место, расположенное от д. Медведки в 2,0–2,5 км, произвел описание обнаруженной стоянки, зафиксировал культурный слой толщиной 18 см на глубине 35 см (Там же, с. 7–8).

В 1956 г. М.И. Матасов обследовал местность вдоль рек Водыш и Шача в Сусанинском районе (Матасов, Отчет 1956, с. 3), подробно осмотрел овраг Тупик между деревнями Медведково и Зубово (Там же, с. 4). В Ореховском районе он обследовал городище Унорож, сделал описание памятника, осмотрел городище «Курган» у деревни Брюхово, зафиксировал техническое состояние памятника, собрал находки, среди которых «3 клыка кабана, 15 черепков сетчатой керамики», сделал замеры и фотографии (Матасов, Отчет 1956, с. 4–7). В 1958 г. М.И. Матасов повторно осмотрел городище у деревни Брюхово, стоянку у деревни Демьяновское, провел наружный осмотр городища Унорож (Матасов, Отчет 1958, с. 1).

На наш взгляд, представляет интерес еще одно место, описанное М.И. Матасовым под д. Демьяновское, где на склоне мыса у оврага «Мельник» он заметил культурный слой. При осмотре мыса и осыпи им найдены 14 фрагментов глиняной посуды с сетчатым и веревочным орнаментом и ямками. Вследствие неисправности фотоаппарата фотоснимки в этот год сделать ему не удалось (Матасов, Отчет 1956, с. 9). Несомненно, существует необходимость выполнения разведочных работ в обозначенном месте. В настоящее время деревня нежилая. В списке памятников археологии, в том числе выявленных, поселение Демьяновское не значится.

На территории Костромской низины полевые археологические работы возобновлены в 1954 г. Горьковской археологической экспедицией в связи с проектированием Костромского водохранилища. Общее руководство работами осуществлялось Н.Н. Гуриной. В этот период обследован значительный ряд памятников археологии неолита, бронзового и раннего железного веков. Целью работ, помимо охранных, являлось изучение памятников Костромской низины как одного из звеньев в процессе разрешения многих вопросов, важных для изучения древней истории лесной полосы Европейской части СССР (Гурина, 1963, с. 85). В результате исследований Н.Н. Гуриной получен значительный комплекс источников, связанный в том числе с ананьинской культурно-исторической областью. Среди исследованных поселений особо можно выделить Станок I и II, Шунгу, Борань, Ватажку и Минское городище (АКР КО, 1999; Гурина, 1963).

При исследовании поселения Станок Н.Н. Гурина разделила памятник на два близких территориально, но различных по вещевому материалу: Станок I на левом берегу ручья Борисовки и Станок II на противоположном. На последнем ею было заложено три раскопа общей площадью 100 кв. м. Мощность культурного слоя, определяемая в раскопах, составила около 30–50 см (АКР КО, 1999, с. 100–101; Гурина, 1963, с. 119–120). На поселении Шунга заложен раскоп площадью 50 кв. м, фактически полностью изучена сохранившаяся его часть. Мощность культурного слоя в раскопе – 0,5 м, обнаружено два жилища земляночного типа. При описании вещевого комплекса, найденного в раскопе, Н.Н. Гурина отмечала, что внешняя поверхность керамики покрыта сетчатыми отпечатками или штрихована, поверх нанесен орнамент в виде ямок, элементов, составленных из мелкого гребенчатого штампа и значительно реже – оттисков шнура (Гурина, 1963, с. 138–143). По результатам работ Н.Н. Гурина сделала вывод, что Шунга – памятник эпохи раннего железа в ее сравнительно ранней фазе развития. К настоящему времени памятник, к сожалению, утрачен (АКР КО, 1999, с. 307).

Еще один памятник, изученный Н.Н. Гуриной, – поселение Борань, затопленное впоследствии водами Горьковского водохранилища (АКР КО, 1999, с. 296–297). В целом вещевые комплексы из указанного памятника относятся к более раннему времени – неолиту, и представлены льяловской ямочно-гребенчатой керамикой. Керамика РЖВ, орнаментированная шнуровыми оттисками, единична. Суммируя данные по комплексу сетчатой керамики Борани в целом,

Н.Н. Гурина отмечает слабый обжиг, простоту узора, частое использование гребенки, у ряда сосудов имеется острое дно, орнамент по всей поверхности сосуда (следует иметь в виду и то, что автор за орнамент принимает и сетчатые отпечатки). Приходя к выводу о ранней фазе развития такой керамики, исследователь обращает внимание и на наличие более поздних форм (Гурина, 1963, с. 106). Следует отметить, что коллекция сетчатой керамики, полученная в ходе раскопок памятника в 1925–1927 гг. В.И. Смирновым, идентична коллекции, полученной Н.Н. Гуриной. Также на памятнике обнаружено два грузика дьякова типа, два молота, железные ножи с выгнутой спинкой (аналогичные найденным в Ватажке), бронзовый музыкальный (?) инструмент. Это находки, которые автор раскопок связывала с сетчатой керамикой.

Следующим в ряду исследованных памятников Костромской низины стоит поселение Ватажка, на котором Н.Н. Гурина раскопом вскрыла площадь, равную 320 кв. м, по существу, изучив его полностью (АКР КО, 1999, с. 103–104). Начало заселения Ватажки она относила к середине I тыс. до н. э. Анализируя керамический комплекс поселения, автор работ подмечала различную глубину оттисков ткани, обращая внимание и на разный ее характер (Гурина, 1963, с. 147–152). Н.Н. Гурина указывала, что орнаментация в виде гребенчатого штампа встречается здесь редко, а перевитой шнур, напротив, характерен, он и сближает памятник с рядом других, прежде всего с Минским городищем (Там же, с. 147–152). В итоге она приходит к интересному для нас выводу, что применение шнура было вызвано определенной связью и влиянием племен, живших по соседству с Костромским Поволжьем (Гурина, 1963, с. 158).

Важным памятником РЖВ, включающим комплексы гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики, является и Минское городище, на котором Н.Н. Гуриной было заложено два раскопа (АКР КО, 1999, с. 94–95). Всего собрано 5 270 артефактов. Из индивидуальных предметов в коллекции выделяются три железных наконечника стрел, два ножа с небольшим слабовыраженным черешком с округлой (не горбатой) спинкой, пешня (?), витая кованая бронзовая гривна с плоским загнутым концом (Гурина, 1963, с. 171–174). Время существования Минского городища Н.Н. Гурина определяет второй половиной I тыс. до н. э. и I–III вв. н. э. (Там же, с. 182), при этом она обращала внимание на почти полное отсутствие здесь каменных орудий, в то время как поселения Станок и Борань изобиловали ими, а Шунга и Ватажка все же содержали ограниченное их количество (Там же, с. 171–174). Следует отметить, что в коллекционных описях, находящихся в Костромском музее-заповеднике, комплексы шнуровой керамики описаны Н.Н. Гуриной как фрагменты посуды «с веревочным орнаментом».

Таким образом, можно констатировать, что Н.Н. Гурина выделяла группу сосудов с характерным орнаментом в виде шнура на памятниках РЖВ Костромской низины, при этом область распространения ананьинской культуры она ограничивала рекой Ветлугой, прослеживая связь между костромскими и ветлужским памятниками. Так, она признавала, что на определенном хронологическом этапе нельзя не заметить восточного влияния, в частности, ананьинской культуры, доходившего, однако, сюда лишь в качестве довольно слабого отголоска (Там же, с. 201).

В начале 60-х гг. XX в. Н.Н. Яблокова составляет археологическую карту памятников эпохи неолита, бронзы и раннего железа Костромского Поволжья, собирая воедино материалы, накопленные в результате археологических исследований региона. В перечень включены и местонахождения отдельных находок, известных на территории Костромского края (Яблокова, 1963, с. 26). Основой для карты стали материалы, полученные в результате работ, проведенных Костромским научным обществом по изучению местного края под руководством В.И. Смирнова и Горьковской археологической экспедицией под руководством Н.Н. Гуриной.

В 1961 г. значительные археологические исследования на памятниках, расположенных в округе Галичского озера, проведены Костромским отрядом Верхневолжской экспедиции под руководством Е.И. Горюновой. Работы осуществлялись в соответствии с рекомендацией сектора скифо-сарматской археологии ИА АН СССР. Перед отрядом стояла задача обследовать памятники РЖВ, а также получить хорошо документированный материал для характеристики локального (костромского) варианта памятников дьяковской культуры.

При посещении Галичского музея она обнаружила материал, поступивший с места строительства железнодорожного моста через реку Челсма. Судя по произведенным ею описаниям, материал был представлен сетча-

той и шнуровой керамикой ананьинского типа. Место осмотрено не было, но Е.И. Горюнова предположила, что, вероятнее всего, поселение в значительной части было полностью уничтожено при строительстве железнодорожного моста (Горюнова, Отчет 1961, с. 4).

В этом же 1961 г. Е.И. Горюнова проводит раскопки на поселении Быки (Пуп). В раскопе зафиксировано два жилища, собрана сетчатая керамика. Большая часть керамики имеет орнамент из оттисков шнура, гребенчатого штампа и ямок. Часть фрагментов на шейке имела валик – недоразвитый «воротничок» (Горюнова, Отчет 1961, с. 7–11). Поселение Быки (Пуп) Е.И. Горюнова охарактеризовала как раннедьяковский памятник северо-восточной, Костромской, группы так называемой дьяковской культуры и предложила датировки, укладывающиеся в начало I тыс. до н. э. (IX–VII вв. до н. э.) (Там же, с. 13). Она также приходит к мнению, что керамика с поселения Быки близка к керамике из второго и третьего слоёв Одоевского городища (Горюнова, 1961, с. 23).

Следующим было обследовано городище Брюхово, среди местного населения известное под названием «Курган». Описывая керамику верхних горизонтов, Е.И. Горюнова отмечает, что она имеет разнообразные орнаменты в верхней трети сосудов по шейке и плечикам: оттиски шнура в несколько рядов; оттиски шнура ломаной линией; ямки, оттиски гребенчатого штампа. В верхнем горизонте одновременно обнаружена и круглодонная, и плоскодонная посуда (Горюнова, Отчет 1961, с. 14–20). По ее мнению, в целом памятник относится к самому началу I тыс. до н. э. – начальному этапу так называемой дьяковской культуры, ее северо-восточного локального варианта (Там же, с. 25). На конкретном участке памятника видна относительная стратификация древностей РЖВ. Первоначально формируется нижний горизонт, характеризуемый исключительно сетчатой керамикой, на который накладывается культурно-хронологический пласт, характеризуемый, в частности, ананьинской керамикой (верхний горизонт), с ним же, очевидно, связано и жилище № 1. Таким образом, вряд ли памятник целиком укладывается в выделяемую Е.И. Горюновой группу локального (Костромского) северо-восточного варианта дьяковской культуры. Тем не менее керамические материалы дифференцируются, и керамика ананьинского облика выделяется и хорошо описывается автором раскопок. Верхняя дата памятника в целом может быть предложена существенно моложе, вплоть до IV в. до н. э.

В 60–70-е гг. XX в. исследования в Костромском Поволжье проводятся И.В. Гавриловой, внесшей значительный вклад в археологическое изучение памятников первобытной эпохи региона. Не обделены вниманием были и материалы РЖВ. В период 1962–1964, 1969–1973 гг. она изучает поселение Федоровское в Чухломском районе (Гаврилова, 1983; ППА (стоянка Федоровское I); Новиков, 2011, с. 102.). Автор раскопок разделила культурный слой поселения на четыре последовательных горизонта и выделила пять типов керамики: ямочно-гребенчатая, гребенчатая, волосовская, фатьяновидная, сетчатая (Гаврилова, 1969). Кроме того, в 1962 г. И.В. Гаврилова исследовала поселение Умиленье (Пески, Толтуново II, III), а в 1975 г. и 1977 г. – поселение Медведки II (Шача).

На интересующем нас поселении Медведки II раскопом вскрыто 33 кв. м. И.В. Гаврилова отмечала, что в верхних горизонтах культурного слоя встречаются обломки от сетчатых и штрихованных сосудов (АКР КО, 1999, с. 268; Гаврилова, Отчет 1975, 1977). Можно предположить, что найденные М.И. Матасовым в 50-е гг. XX в. в данном районе фрагменты сетчатой посуды и венчик от шнурового сосуда РЖВ также могли происходить с этого поселения (предметы хранятся в Буйском краеведческом музее (БКМ ОФ 891/1-3)), однако определенные сомнения связи именно этого места с кругом поселений шнуровой и гребенчато-шнуровой керамики ананьинского типа всё же остаются. Возможно, рядом существовало еще одно поселение.

Следует отметить, что именно 40–60-е гг. XX в. – времянаиболее плодотворного изучения поселенческих памятников РЖВ Костромского Поволжья. В этот период активно проводятся раскопки, накапливаются материалы, происходят попытки систематизации сведений, предлагаются хронологические позиции многих памятников и характеристики культурных групп, однако сводный перечень поселений РЖВ региона по-прежнему не был сформирован.

1.4. ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ РЖВ С КОНЦА 70-Х ГОДОВ XX ВЕКА ДО НАШИХ ДНЕЙ

Территория Костромской низины после исследований Н.Н. Гуриной долгое время оставалась без внимания, вплоть до конца 70-х – начала 80-х годов XX в., когда масштабные археологические разведочные работы на территории Костромской области стали проводиться экспедициями Института археологии АН СССР под руководством и при участии К.И. Комарова, Ю.Н. Урбана, А.Е. Леонтьева, В.В. Сидорова, М.Г. Жилина. Исследования осуществлялись по программе Министерства культуры в целях составления «Свода памятников истории и культуры». В это время активно разрабатывается учетно-паспортная документация для памятников археологии, выполняется съемка планов памятников, проводится мониторинг, выявляются новые объекты, должное внимание уделяется и поселениям РЖВ.

В 1976 г. А.Е. Леонтьевым была осмотрена территория Минского городища (ППА (городище Минское)), им же составлен паспорт памятника. В этом же году он выявил стоянку Бараново II в Буйском районе, памятник датирован эпохой раннего железа – первой половиной I тыс. до н. э. (ППА (стоянка Бараново II; АКР КО)), 1999, с. 125). В Кологривском районе А.Е. Леонтьев обследует селище Аверьяновка, предварительно датированное РЖВ (ППА (селище у д. Аверьяновка)). Учетная документация на памятники археологии стоянка Бараново II и селище Аверьяновка была составлена в 1979 г. Ю.Н. Урбаном.

В 1978 г. А.Е. Леонтьевым обнаружено и первично обследовано поселение Коряково в Костромском районе (стоянка Коряково II согласно паспортной документации), датированное эпохой бронзы и РЖВ (ППА (стоянка II у д. Коряково;)) АКР КО, 1999, с. 93). Учетная документация на памятник составлена И.В. Ислановой в 1979 г.

В начале 80-х гг. XX в. обследование ряда районов Костромской области проводилось Волго-Окской новостроечной экспедицией ИА АН СССР, в результате открыты новые памятники, в том числе с материалами РЖВ. Большой вклад в археологическое обследование территорий, включая изучение памятников РЖВ, внес Ю.Н. Урбан.

Так, Ю.Н. Урбаном в 1981 г. обнаружено селище II у д. Унжа в Макарьевском районе (Урбан, Отчет (А) 1981, с. 32). Вероятные датировки памятника, предложенные автором: I тыс. до н. э.– I тыс. н. э. (Урбан Ю.Н., Отчет (Б) 1981, с. 18). В том же году в Мантуровском районе им открыто селище у д. Леонтьево (Урбан, Отчет (А) 1981, с. 23–24; ППА (селище у д. Леонтьево)), датированное в пределах I тыс. до н. э. – начала I тыс. н. э. (Урбан, Отчет (Б) 1981, с. 44). Позже, в 1993 г., памятник визуально был обследован Д.Г. Свечниковым, им же составлена учетная карточка объекта. На основании проведенных исследований в Унженской низменности Ю.Н. Урбан делает вывод, что долина р. Унжи в эпоху бронзы только посещалась, о длительной оседлости говорить не приходится. Следы сетчатой керамики в данной местности исследователь относит только к рубежуI–II тыс. до н. э. (Урбан, Отчет (Б) 1981, с. 47).

В конце 70-х – начале 80-х гг. XX в. были предприняты мероприятия по сплошному обследованию берегов Галичского озера. В 1979 г. Ю.Н. Урбаном открыто поселение Кучумиха, разрушенное карьером на 90 %, датируемое РЖВ (ППА (поселение Кучумиха)). В 1981 гг. им же открыто городище РЖВ мысового типа в г. Галиче, датируемое I тыс. до н. э. – началом I тыс. н. э. (ППА (городище в г. Галиче)); Урбан, Отчет (А) 1981, с. 6–7), обследованы поселение Быки (Пуп) (I тыс. до н. э. – начало I тыс. н. э.) (Урбан, Отчет (А) 1981, с. 4–5) и стоянка III у д. Толтуново Умиленье (Пески) (Урбан Ю.Н., Отчет (Б) 1981, с. 50–53). В этом же году Ю.Н. Урбаном выявлены и обследованы: поселение Туровское II, Брюхово II и III (АКР КО, 1999, с. 148; ППА (селище Брюхово III)), а в 1982 г. – поселение Унорож (АКР КО, 1999, с. 166; ППА (селище Унорож)).

В бассейне Галичского озера в 1982 г. В.В. Сидоровым открыто поселение Лихарево II. Автор отмечает, что керамика из памятника относится к типично сетчатой, характерной для городищ РЖВ. Паспорт памятника составлен Ю.Н. Урбаном в 1982 г. (ППА (селище Лихарево II)).

В 1981 г., во время разведок Волго-Окской археологической экспедиции ИА АН СССР, Ю.Н. Урбан обследует Федоровское поселение, расположенное в округе Чухломского озера (Урбан, Отчет (А) 1981, с. 8–9). Исследователем составлен паспорт памятника (ППА (стоянка Федоровское I)). В 1982 г. в Буйском районе он же выявил поселение Княгинино (ППА (селище у д. Княгинино)),

ранее, в 1980 г., – поселение Усть-Тебза, датируемое РЖВ (ППА (селище Усть-Тебза)). В 1982 г. в Сусанинском районе Ю.Н. Урбаном выявлено и обследовано городище Бухарино, датированное также РЖВ (АКР КО, 1999, с. 262).

В 1980 г. в Костромском районе В.В. Сидоровым открыто селище Колгора (паспорт составлен Ю.Н. Урбаном в 1980 г.). Памятник датирован автором исследований РЖВ (ППА (селище Колгора)). В 1983 г. В.В. Сидоровым также обследовано поселение РЖВ Усть-Тебза в Буйском районе, открытое ранее Ю.Н. Урбаном.

На протяжении нескольких лет, в первой половине 80-х гг. XX в., масштабные археологические разведочные работы на территории Костромской области проводились под руководством К.И. Комарова. Целый ряд обследованных и первично изученных им памятников археологии содержит материалы РЖВ. Исследования К.И. Комарова охватили практически всю современную территорию Костромской области – Солигаличский, Галичский, Кадыйский, Мантуровский, Шарьинский, Вохомский, Кологривский, Костромской и Красносельский районы. Важно, что в ходе работ составлялась учетно-паспортная документация на памятники археологии.

Так, в 1979 г. К.И. Комаровым совместно с М.Г. Жилиным выявлено и обследовано поселение Отрада в Красносельском районе (АКР КО, 1999, с. 205). Памятник датирован II–I тыс. до н. э., однако, вероятнее всего, комплекс соотносится с поздним периодом эпохи бронзы. В этом же году К.И. Комаровым открыто и обследовано поселение Трубинка (Красносельский район), датирумое РЖВ (АКР КО, 1997, с. 209; Комаров, Жилин, Отчет 1980).

В 1980 г. К.И. Комаров и М.Г. Жилин обследовали территорию Костромской низины: ими осмотрены поселения Станок I и II, Ватажка (АКР КО, 1999, с. 99–104; ППА (стоянка Станок I); ППА (стоянка Станок II); ППА (стоянка Ватажка); Комаров, Жилин, Отчет 1981). Поселения Борань и Шунга к этому времени уже утрачены (АКР КО, 1999, с. 296–297, 307). Ранее, в 1979 г., К.И. Комаровым открыто поселение РЖВ у д. Борщино (ППА (селище у д. Борщино); АКР КО, 1999, с. 84).

В 1981 г. в Поветлужье К.И. Комаровым обследованы Одоевское, Старошангское и Троицкое городища, а также поселение Медведица (ППА; АКР КО, 1999, с. 288–292; Комаров, Отчет 1982). В 1982 г. в Кадыйском районе К.И. Комаровым открыто поселение Хохлянки, оно датируется РЖВ: концом I тыс. до н. э. (ППА (д. Хохлянки. Селище); АКР КО, 1999, с. 170).

В 1983 г. в округе Галичского озера им обследовано городище Унорож (Комаров, Отчет 1984, с. 6–8). В ходе работ составлена учетно-паспортная документация (ППА (городище Унорож)). Он делает вывод о двух периодах жизни на городище: начало его функционирования относит ко времени возникновения культуры РЖВ, к VIII–VII или VII–VI вв. до н. э., второй период жизни на городище обозначает первыми тремя четвертями I тыс. н. э. (Там же, с. 7–8).

В этом же году К.И. Комаровым осмотрена территория утраченной стоянки у деревни Шокша в урочище Бугорки. Памятник, интерпретированный как стоянка дюнного типа, был открыт в 1925 г. В.Я. Брюсовым. К сожалению, на момент обследования в 1983 г. стоянка полностью была разрушена дорогой (Комаров, Отчет 1984, с. 8). В 1983 г. осмотрено Воскресенское селище (открыто в 1981 г. Ю.Н. Урбаном), позже, в 1988 г., исследованное Е.А. Рябининым. Как отмечает К.И. Комаров, наряду с превалирующими мерянскими материалами на памятнике встречается и сетчатая керамика, отнесенная к РЖВ (ППА (селище Воскресенское); АКР КО, 1999, с. 150–151).

В 1983 г. К.И. Комаровым обследовано городище РЖВ в г. Костроме (АКР КО, 1999, с. 71; Комаров, Отчет 1984, с. 11–12): выполнен план памятника, произведена фотофиксация, собраны находки. Датировано городище VIII – I вв. до н. э. Составлена учетно-паспортная документация (ППА (городище в г. Костроме)).

Среди других памятников РЖВ, исследованных К.И. Комаровым, следует отметить открытое им в 1980 г. городище у д. Городище в Костромском районе. Раскопки на Городище не проводились. Находки (подъемный материал) представлены сетчатой керамикой (ППА (городище у д. Городище); АКР КО, 1999, с. 86). Памятник с одноименным названием (городище Городище) выявлен им в 1983 г. и в Заволжском районе Ивановской области (ППА (д. Городище. Городище); АКР ИО, 1993, с. 96).

В 1985 г. К.И. Комаровым открыто поселение Красноборы 4 в Вохомском районе (Поветлужье). Материалы, полученные на памятнике, соотносятся с РЖВ (ППА (с. Никола. стоянка Красноборы 4 и селище)),

возможна датировка памятника и более поздним временем (I тыс. н. э.). В этом же году он обследовал Рапоново городище в Кологривском районе (ППА (д. Рапоново, Городище); Комаров, Отчет 1986), на котором ранее, в 1979 г., раскопки проводились Г.А. Архиповым (Архипов, Отчет 1979), дальнейшие работы на памятнике он считал бесперспективными (Архипов, Отчет 1979, с. 2).

Проведенные экспедициями Института археологии АН СССР в конце 70-х – начале 80-х гг. XX в. исследования и полученные в результате работ материалы, бесспорно, явились важным вкладом в изучение памятников РЖВ Костромского Поволжья. В конечном итоге были выявлены новые поселения данной эпохи, определено современное техническое состояние известных памятников, атрибутирована часть найденных материалов, определена территория распространения материалов РЖВ в Костромском Поволжье на момент производства работ, накоплены сведения для составления перечня поселений, соотносимых с РЖВ, систематизации и картографирования этих памятников.

Важно отметить, что для культурного определения и датировок многих памятников использовался сильно фрагментированный подъемный материал, в большинстве случаев определяемый как сетчатая керамика. Соответственно при работе с фрагментарными коллекциями не всегда можно корректно идентифицировать комплексы посуды РЖВ и отождествлять их с какой-то отдельной традицией, а значит, остаются и некоторые спорные вопросы в определении культурного статуса ряда поселений.

В последующие годы разведочные работы на территории Костромского Поволжья носили локальный и отрывочный характер с охватом, как правило, одного из районов области или отдельного памятника. Археологические раскопки имели эпизодический характер.

В 1980–1984 гг. Волго-Окской экспедицией ИА АН СССР проводились раскопки Поповского «Ухтубужского» городища на площади 1 116 кв. м. Ранее, в 1885 г., памятник был осмотрен Ф.Д. Нефедовым, в 1903 г. – Н.М. Бекаревичем и в 1926 г. – О.Н. Бадером, а в 1979 г. Г.А. Архипов здесь провел раскопки на площади 108 кв. м (Леонтьев, 1989, с. 5). Материалы РЖВ с памятника представлены лишь редкими фрагментами сетчатой керамики (Леонтьев, 1989, с. 87; АКР, 1997, с. 103). Керамика запесочена, сетчатые отпечатки – рябчатые, мелкоячеистой структуры, встречаются «нитчатые», известен один фрагмент с крупноячеистыми рябчатыми отпечатками. Вдавления четкие, хаотично расположенные. Коллекция хранится в Костромском музее-заповеднике (КМЗ Н/В 17081).

В 1989–1992 гг. археологические раскопки на Минском городище выполнялись экспедицией Марийского государственного университета под руководством В.С. Патрушева (АКР КО, 1999, с. 94). Изыскания проводились в рамках комплексной научно-исследовательской темы «Этнические и социальные процессы у финно-угров». Задачами исследования было получение новых источников по древней истории финноязычного населения Поволжья, а также сбор материалов для информационного банка данных о поселениях с псевдосетчатой керамикой (Патрушев, Отчет 1990, с. 3).

Первоначально, в 1989 г., на памятнике была заложена рекогносцировочная траншея размерами 2×6 м, показавшая мощность культурного слоя до 130 см (Там же, с. 6–7). На следующий год заложили раскоп площадью 82 кв. м, мощность культурного слоя в раскопе достигала 211 см, увеличиваясь к склону оврага до 260 см. Всего в процессе исследований обнаружено 12 924 предмета (Патрушев, Отчет 1990, с. 6–7). Автор раскопок разделил керамику на псевдосетчатую, гладкостенную, с штрихованной поверхностью и мерянского облика, считая, что псевдосетчатая керамика обладает всеми характерными чертами посуды населения огромной территории от Татарского Поволжья до Скандинавии (Патрушев, Отчет 1990, с. 54–56). По итогам полевых исследований, проведенных в 1990 г., В.С. Патрушев сделал вывод, что основные обитатели Минского городища с начала его освоения – это население с псевдосетчатой керамикой, предложив определить нижнюю дату заселения площадки городища VI в. до н. э., верхнюю границу – IV–III вв. до н. э. (Там же, с. 61–63). В 1991 г. им были продолжены раскопки на Минском городище, было обнаружено 8 893 находки (Патрушев, Отчет 1991). Коллекция находок 1992 г. насчитывает 732 предмета (коллекционная опись КМЗ). Описание керамического комплекса, представленное автором исследований, аналогично описаниям предшествующих годов, часть гладкостенной керамики отнесена к I–III вв. н. э. – это поздняя группа керамики, выделенная еще Н.Н. Гуриной при раскопках памятника в 1954 г.

В 1994 г. экспедицией Марийского государственного университета под руководством В.В. Ставицкого проведены археологические исследования в Чухломском районе, было открыто новое поселение – Федоровское VIII (Ставицкий, Отчет 1994, с. 9), датированное автором РЖВ (Там же, с. 12) и выполнены раскопки поселения Федоровское VII на площади 68 кв. м (Там же, с. 2). В целом, материалы, полученные в результате раскопок, соотносятся с ранней сетчатой керамикой поздней бронзы Верхнего Поволжья. Ряд материалов соотносится с сетчатой посудой РЖВ; шнуровой и гребенчато-шнуровой керамики РЖВ не найдено.

В 1999 г. А.В. Новиковым проведены разведочные работы в Вохомском и Шарьинском районах Костромской области: обследованы Одоевское, Старошангское, Троицкое городища, поселения Медведки и Красноборы 4 (Новиков, Отчет 1999). В 2000 г. в Кологривском районе им же осмотрены Рапоновское городище и селище Аверьяновка (Новиков, Отчет 2000).

В 2004–2008 гг. проведены раскопки Федоровского поселения (стоянка Федоровская I согласно учетной документации) (ППА). Совокупная площадь раскопок за эти годы составила 504 кв. м (Новиков, 2007; Новиков, 2011). В раскопах встретилась сетчатая керамика, датируемая II–I тыс. до н. э. Комплексы сетчатой керамики позднего периода эпохи бронзы доминируют над комплексами РЖВ.

В 2009 г. Новиковым А.В. проведены раскопки на территории «Нижнего городища» в г. Галиче. В небольшом количестве здесь были найдены мелкие фрагменты сетчатой керамики РЖВ (Новиков, Отчет 2010). В 2010 г. в результате археологического обследования в Чухломском районе у д. Григорьевское собран материал, представленный фрагментами сетчатой керамики РЖВ (Новиков, Отчет 2011). При разведках в Костромском районе в 2012 г. открыто поселение Борщино II, датированное средневековьем и РЖВ (Новиков, Отчет 2013).

В 2011 г. проведены охранные археологические раскопки Городища в г. Костроме (Новиков, Отчет 2012). В раскопах исследованы два сооружения РЖВ. В ходе работ зафиксирован участок неглубокого рва мощностью 115–160 см. Исследовано ритуальное погребение, оставленное в поздний период посещений городища. В раскопах найдены фрагменты сетчатой, штрихованной, гладкостенной керамики эпохи поздней бронзы и раннего железа. Обнаружена и шнуровая керамика ананьинского облика. В 2013 г. в рамках работы по определению границ территории городища в Костроме заложены разведочные шурфы, в которых также обнаружена сетчатая и шнуровая керамика. В целом, памятник датирован в пределах I тыс. до н. э. – начала I тыс. н. э. Посещение площадки городища, скорее всего, было многократным, начиная с финала поздней бронзы и заканчивая первыми веками I тыс. н. э.

В 2013–2015 гг. произведены спасательные археологические раскопки на городище Унорож в Галичском районе (Новиков, Отчет 2013). В процессе исследований найдены фрагменты сетчатой, гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики РЖВ (Новиков, Отчет 2014).

Таким образом, к настоящему времени накоплен достаточно большой круг источников эпохи раннего железа Костромского Поволжья, включающий, в частности, гребенчато-шнуровую и шнуровую керамику ананьинского типа. Материал требует систематизации. Круг очерчиваемых источников никогда ранее полностью не выделялся и не конкретизировался, лишь фрагментарно очерчивался по мере накопления материалов в разное время. Большая часть источников осталась неопубликованной.

1.5. ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МАТЕРИАЛОВ С ГРЕБЕНЧАТО-ШНУРОВОЙ И ШНУРОВОЙ КЕРАМИКОЙ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА КОСТРОМСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

При обращении к материалам из поселений РЖВ Костромского Поволжья исследователи долгое время не заостряли внимание на комплексах гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики. Также заметим, что такие материалы и выделялись не всеми исследователями. При интерпретации ими материалов РЖВ внимание специально не акцентировалось на полном выделении и освещении таких комплексов из массива сетчатой, гладкостенной и иной посуды на памятниках Костромского Поволжья. Отдельно и детально не систематизировались такие материалы и при проведении полевых работ, учитывались часто лишь суммарно, по отдельным признакам, описывались при раскопках памятни-

ков, полностью не освещались, не рассматривались комплексно, затрагивая отдельные вопросы.

Соответственно проблематика, связанная с данными комплексами и населением, их оставившим, главным образом сводилась и рассматривалась с точки зрения распространения культурных групп и племен с такой керамикой, их смешения с местным населением (дьяковские племена), оказываемого влияния, связей, анализа пограничных территорий между племенами и, в первую очередь, их взаимодействия. При этом упоминались только некоторые памятники Костромского региона и отдельные находки, привлекаемые исследователями для подтверждения правомерности своих выводов. Таким образом, круг источников по исследуемой теме ранее подробно не выделялся и не конкретизировался, а лишь отрывочно обрисовывался в разное время по мере накопления новых сведений. Отдельные публикации материалов не позволяли получить целостной картины культурных процессов РЖВ, происходивших на территории Костромского Поволжья. До настоящего времени не был сформирован перечень поселений с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой.

Итак в совокупности при рассмотрении материалов РЖВ Костромского Поволжья исследователи в разное время выделяли и указывали ананьинские комплексы (по характерным деталям таковых, в первую очередь, по отличительным признакам на посуде – наличию «воротничка» и веревочного орнамента на отдельных памятниках данного региона: М.Е. Фосс, Н.Н. Гурина, Е.И. Горюнова, А.В. Збруева, В.Н. Марков, В.И. Вишневский (Вишневский, 1991, с. 10; Горюнова, 1961, с. 23–25; Гурина, 1963, с. 158, с. 201; Збруева, 1952, с. 185–186; Марков, 2007, с. 61, с. 63; Фосс, 1949, с. 39).

Интересна точка зрения П.Н. Третьякова, который соотносил часть материалов с «гребенчато-веревочной» орнаментацией из поселений РЖВ Костромского Поволжья с каргопольской культурой, отмечая, что такие элементы характерны для позднекаргопольской керамики (Третьяков, 1966, с. 137), а сами каргопольские элементы хорошо представлены в керамике Ватажки (Там же, с. 139).

Интерес к вопросу места и роли памятников Костромского Поволжья в РЖВ возрастает в конце XX в., когда и происходит определенное осмысление основных сведений о памятниках археологии РЖВ региона (АКК, 1997). А.Е. Леонтьев высказывает мнение о том, что Костромское Поволжье в раннем железном веке являлось окраинной частью дьяковской территории и было заселено слабее западных областей (АКК, 1997, с. 88). В его работе представлена характеристика основных памятников РЖВ указанного региона, обозначенных на карте. Всего насчитывается двадцать два поселения РЖВ, которые к тому времени были известны в Костромском регионе (Там же, 1997, с. 89, рис. 15). Отмечены наиболее заселенные районы в эпоху раннего железа, такие как Костромская низина и Галичское озеро, упоминаются также отдельные группы населения в бассейне Унжи (Там же, с. 88–101). По мнению А.Е. Леонтьева, особенности керамики из поселений Костромского Поволжья указывают на рано установившиеся устойчивые связи населения края с ананьинскими племенами Поветлужья и Среднего Поволжья (Там же, с. 92). Автор подчеркивает, что саму сетчатую керамику Костромского Поволжья в целом от остальных областей дьяковской культуры отличает наличие округлодонных форм, большее разнообразие орнаментальных мотивов (Там же, с. 92). Ареал распространения дьяковской и ананьинской культур в Костромском Поволжье А.Е. Леонтьев традиционно очерчивает по географическому принципу – водоразделу между бассейнами рек Унжи и Ветлуги, также указывая на слабую освоенность территории и малую плотность населения в данном регионе (Там же, с. 103–107).

Систематизированы и материалы РЖВ Одоевского городища (современная Костромская область) и некоторой части территории Поветлужья. Этот регион традиционно связывается с ананьинской культурно-исторической областью, материалы достаточно хорошо освещены, их атрибуция, на наш взгляд, не вызывает сомнений. В то же время систематизация материалов с гребенчато-шнуровой керамикой РЖВ Поветлужья до сих пор не выполнена.

Концептуальные предположения о территориальных границах между отдельными культурными группами РЖВ в Костромском Поволжье, связываемых, в первую очередь, с дьяковским и ананьинским населением, выстраивались О.Н. Бадером, М.Е. Фосс, Н.Н. Гуриной, А.В. Збруевой, Е.И. Горюновой, И.Г. Розенфельдт, К.А. Смирновым, А.П. Смирновым, В.С. Патрушевым (Бадер, 1951; Горюнова, Отчет 1961; Горюнова, 1961; Гурина, 1963; Збруева, 1952; Патрушев,

1989; Розенфельдт, 1974; Смирнов А.П., 1952, 1961; Смирнов К.А., 1974; 1994; Фосс, 1952).

Разграничение территорий и определение границы между двумя крупными культурно-историческими областями – ананьинской и сетчатой керамики большинством исследователей проводилось по водоразделу рек Унжи и Ветлуги, при этом обозначался четкий географический принцип разделения, но сегодня можно с уверенностью говорить и о проникновении отдельных групп населения – носителей ананьинских традиций изготовления гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики. В Костромское Поволжье гораздо западнее, в частности, их присутствие отмечается на поселениях, сосредоточенных в Костромской низине и в окрестностях Галичского озера (Вишневский, 1991; Горюнова, 1961; Гурина, 1963; Збруева, 1952; Третьяков, 1966; Фосс, Отчет 1946; Фосс, 1949).

Бесспорно, следует согласиться и с общим устоявшимся мнением о достаточно слабой изученности и необходимости продолжения дальнейших археологических исследований поселений РЖВ Костромского Поволжья.

Традиционно исследователи разделяли группы памятников РЖВ, расположенные в Костромском Поволжье и в Поветлужье (Бадер, 1951; Горюнова, 1961; Гурина, 1963; Смирнов А.П., 1952; Смирнов А.П., 1961; Третьяков, 1966), при этом придерживались единого мнения о принадлежности ветлужских памятников к ананьинским. Территория же Костромского Поволжья в основном связывалась с дьяковской культурой, с ее вариантами или с носителями традиций сетчатой керамики вообще. На этом фоне рассматриваются и связи между культурными группами. Складывается единое мнение о том, что территория междуречья рек Костромы и Унжи, в первую очередь бассейн последней, является контактной зоной, находится на стыке двух культурных групп в эпоху раннего железа. На это обстоятельство обращают внимание Е.И. Горюнова, говоря об этнической пестроте региона (Горюнова, 1961, с. 23), и Е.А. Рябинин, подчеркивая, что этническая история бассейна реки Унжи остается областью догадок и предположений (Рябинин, 1989, с. 164).

В целом поселениям с сетчатой керамикой РЖВ Костромского Поволжья исследователями уделено гораздо больше внимания. Неоднозначно соотнесение сетчатой керамики из указанного региона с населением дьяковской культуры (Горюнова, Отчет 1961; Гурина, 1963; Исланова, 2002; Розенфельдт, 1974). В частности, Е.И. Горюнова выделяла локальный северо-восточный (костромской) вариант этой культуры (Горюнова, Отчет 1961, с. 13, с. 25).

Непрост и вопрос генезиса самой посуды с сетчатыми отпечатками, отождествляемой с автохтонным населением края в РЖВ. Многие поселения Костромского Поволжья содержат разнородные комплексы такой посуды, на что неоднократно обращалось внимание исследователей. М.Е. Фосс на основе анализа материалов из раскопок памятников окрестностей Галичского озера делает вывод о преемственности между культурой дьяковских племен и культурой предшествующего времени, характеризуемой древнесетчатой керамикой, устанавливает связь между памятниками РЖВ и предшествовавшими эпохами (Фосс, 1949, с. 39). В.И. Вишневский также отмечает, что процесс расселения племен в эпоху раннего железа отражается в памятниках бронзового века и неолита (Вишневский, 1991, с. 18). М.Г. Гусаков считает, что такие поселения, как Ватажка, Шунга, Борань и т. п. по своему материальному составу – типичные памятники эпохи бронзы (Гусаков, 2006, с. 113). В.И. Вишневский указывает на долгое бытование «сетки» в целом и видит область Костромского Поволжья как наиболее плотно заселенную на раннем этапе существования памятников дьяковской культуры, считая, что именно с восточного региона шло расселение дьяковских племен (Вишневский, 1991, с. 18). Действительно, многие материалы статичны, особенно это касается характера обработки внешней поверхности посуды сетчатыми отпечатками. Рубеж перехода от ПБВ к РЖВ на территории Костромского Поволжья устанавливается трудно, он может быть весьма растянут во времени и условен.

Необходимо констатировать, что в литературе обращается внимание и на своеобразие и разнородность сетчатой посуды РЖВ на многих поселениях Костромского Поволжья. А.С. Сыроватко, отмечая разнородность сетчатой керамики на поселении Сахтыш II, справедливо утверждает, что данное обстоятельство сближает его с такими памятниками Костромской низины, как Борань, Шунга, Ватажка (Сыроватко, 2007, с. 79). Считается, что морфологически «текстильные» отпечатки на дьяковской керамике очень разнообразны (Лопатина, 2015, с. 107), а «ниточные» и группа «рябчатых» отпечатков, нанесенных прокатыванием, представляют собой массо-

вые явления, что позволяет говорить об устойчивой традиции декорирования поверхности с помощью прокатывания рельефными штампами. На взгляд исследователя, эта традиция могла иметь глубокие корни и вести свое происхождение из более ранней эпохи бронзы (Лопатина, 2015, с. 110).

Какие критерии должны быть значимы при оценке материалов переходного времени Костромского Поволжья, как шел процесс формирования местного керамического компонента сетчатой посуды раннего железного века? Насколько структура обработки поверхности горшка сетчатыми отпечатками должна была быть изменена при переходе от одной эпохи к другой? Только ли основной отличительный признак, такой как наличие мелкой или крупноячеистой рябчатой структуры внешней поверхности керамики, может быть определяющим на данной территории?

Действительно, на смежных территориях достаточно четко проявляется характер изменений сетчатой посуды; в частности, в бассейне Средней Оки ранняя керамика характеризуется мелкоячеистыми рябчатыми отпечатками, на следующем этапе сменяющимися ниточными, при этом меняются и формы сосудов. Следующим важным рубежом становится появление рогожной керамики, а в Озерной Мещере и в низовьях реки Москвы – керамики с крупноячеистой рябчатой структурой (Сулержицкий, Фоломеев, 1993, с. 26–31). Попытка разграничить керамику и выявить хронологические признаки дьяковской сетчатой посуды в районе устья реки Москвы также показала состоятельность такого подхода: рябчатые отпечатки с мелкой фактурой фиксируются в нижних слоях, ниточные сосредоточены в средних и верхних, а рябчатые с крупноячеистой фактурой отмечаются на заключительной стадии бытования сетчатой посуды (Сыроватко, 2009, с. 441). Безусловно, на протяжении времени происходит изменение характера исполнения сетчатых отпечатков на поверхности посуды, меняются состав примесей в тесте и морфологические особенности керамики. Однако на сегодняшний день в Костромском регионе не разработаны четкие критерии для определения ее внутренней хронологии. Рассматривать этот вопрос, на наш взгляд, целесообразно в совокупности с вопросами распространения комплексов с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой на указанных территориях. В этом отношении важно обратить внимание и на комплексы сетчатой керамики из поселений в окрестностях Чухломского и Галичского озер, где они действительно по большей части относятся к ПБВ. Несомненно, вопросы развития и особенностей сетчатой керамики и ее соотношения с посудой дьяковского населения требуют специальной глубокой проработки.

В настоящее время из 46 памятников Костромского Поволжья с материалами РЖВ выделяются четырнадцать поселений, отождествляемых с ананьинскими древностями и имеющих в своем материальном составе комплексы гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики. Следует отметить, что все они сопровождаются и сетчатой керамикой. На территории Костромского Поволжья памятники с комплексами гребенчато-шнуровой и шнуровой посуды располагаются двумя крупными группами – в Костромской низине и в окрестностях Галичского озера, которые соединены между собой течением реки Костромы и ее притока – реки Вексы. Разграничивал данные территории, сравнивая элементы керамики, и П.Н. Третьяков (Третьяков, 1966, с. 149).

По поводу проникновения отдельных групп – носителей ананьинских традиций – в Костромское Поволжье в РЖВ, их смешения в местной среде, взаимодействия и влияния однозначного ответа нет. Очевидно, что при характеристике поселений с керамикой ананьинского типа в пределах Костромского Поволжья важно понимание процесса заселения близкого к нему территориально Поветлужья и других смежных регионов. Есть вероятность распространения ананьинских традиций на территории Костромской низины и в окрестностях Галичского озера именно из бассейна реки Ветлуги. Впрочем, однозначного ответа на этот вопрос мы не находим. Существует несколько точек зрения, на которых, на наш взгляд, следует остановиться более подробно.

А.Х. Халиков выделял девять вариантов ананьинской культуры (Халиков, 1977). Относительно характера связей населения он отмечал, что ананьинские черты распространяются далеко на запад и проявляются в городецко-дьяковской среде, а на Средней Волге, наоборот, прослеживаются черты, характерные для западных племен, – керамика с сетчатыми отпечатками (Халиков, 1976, с. 18). Выделив Ветлужский вариант раннеананьинских памятников, А.Х. Халиков датировал его временем VIII–VI вв. до н. э. (Халиков, 1977, с. 15, 16). К этому варианту им отнесе-

ны памятники, расположенные на территории современной Костромской области – Одоевское городище и Пановское селище, открытые О.Н. Бадером (Халиков, 1977, с. 10, 15, табл. 1). На керамике же ветлужского варианта А.Х. Халиков видел преобладание шнуровых оттисков (Халиков, 1977, с. 241). Характеризуя посуду западноволжского варианта (Волга I), исследователь выделяет две группы сосудов с различными примесями и с разной техникой обработки поверхности: 1) общеананьинская; 2) круглодонные сосуды с примесью песка, нередко покрытые сетчатыми отпечатками. Возникает и третья группа сосудов – гибридные с примесью песка, но со шнуровой орнаментацией или же с примесью раковины, но с сетчатой поверхностью. При этом Халиков отмечает, что формы сосудов у разных групп практически схожи (Халиков, 1977, с. 229). Формируется третья группа посуды в результате смешения разнокультурных групп населения. Кроме того, он видит некоторые различия в керамике из выделенных им районов; так, в западных Волга 1 и Ветлуга преобладают цилиндрошейные сосуды, а в восточных – с отогнутым краем. Исследователь считал, что керамику Поветлужья и Вятки объединяет более частое выполнение узоров оттисками гребенчатого штампа (Халиков, 1977, с. 243–244), а остаточное ананьинское население сохранялось в Поветлужье и, возможно, в Вятско-Ветлужском междуречье вплоть до начала нашей эры (Халиков, 1976, с. 18).

Аналогичного мнения относительно времени проникновения ананьинских племен в Поветлужье придерживается А.А. Чижевский. Он считает, что на рубеже VII–VI вв. до н. э. носители ананьинской культуры гребенчато-шнуровой керамики выдвигаются в бассейн рек Вятки и Ветлуги, занимая здесь обособленную территорию (Чижевский, 2008, с. 71), и справедливо отмечает, что дальнейшая судьба культуры гребенчато-шнуровой керамики остается загадкой (Чижевский, 2008, с. 91). А.А. Чижевский соглашается с мнением С.В. Кузьминых, что миграция из Марийского Поволжья постмаклашеевской и акозинской культур в конце VI в. до н. э. привела к активизации процессов культурогенеза на северо-западе России. Происходит образование смешанных текстильно-ананьинских культур: позднекаргопольской, лукоонсаари-кудома, каргопольской и др. (Кузьминых, 1993, с. 82). Так, А.М. Жульников появление шнуровой керамики в Юго-Западном Прибеломорье связывает с продвижением северо-ананьинского населения и относит к VI–IV вв. до н. э. (Жульников, 2005, с. 36, 98), отмечая появление ананьинских черт на единичных сосудах типа лууконсаари, что выражается в наличии оттисков шнура и в «воротничках», а также указывает, что население с ананьинской керамикой, по-видимому, вытесняет носителей поздней сетчатой керамики (Жульников, 2005, с. 36).

О.Н. Бадер рассматривал Поветлужье как крайний на западе район ананьинской культуры в Поволжье, выделяя особый вариант ананьинской культуры исходя из следующего. Керамика раннего периода ветлужских городищ наиболее близка керамике Галкинского, Грохановского и Пижемского городищ Прикамья, близость выражается в обилии здесь и там шнурового орнамента, орнамента в виде редких округлых ямок, опоясывающих шейку (частью среди шнуровых оттисков), зубчатых (гребенчатых) отпечатков на шейке. На этом основании время ветлужских городищ первого периода определено О.Н. Бадером VII–IV вв. до н. э., однако относительное обилие шнурового орнамента заставляет его сузить дату до VII–V вв. до н. э. Кроме того, исследователь обращал внимание на то, что на керамике с ветлужских городищ отсутствует воротничок, столь типичный для ананьинской посуды Прикамья, фиксируется чаще шнурового орнамента и очень редок волнистый орнамент из шнура, нередкий в Прикамье (Бадер, 1951, с. 151).

Керамика из второго слоя Одоевского городища менее часто орнаментирована, реже встречается шнур, что, на взгляд исследователя, сближает ее с материалом с Концегорского селища. О.Н. Бадер соотносил слой с позднеананьинским, раннепьяноборским временем (IV–III вв. до н. э.), отмечая, что именно в это время исчезают «воротнички». В керамике также прослеживаются отличия от одновременных городищ Прикамья – преобладание двойной гребенки, отсутствие «воротничков». Он считал, что между вторым и верхним слоем Одоевского городища культурное сходство полностью отсутствует. (Бадер, 1951, с. 152–153).

Основным путем связи ананьинского Поветлужья с Волго-Камской территорией ананьинских племен О.Н. Бадер определял реку Волгу, приходя к мнению о том, что отрезок Волги между Камой и Ветлугой в середине I тыс. до н. э. входил в ареал распространения ананьинских племен. Принадлежность территории бассейна реки Унжи он

определял дьяковским племенам (Бадер, 1951, с. 151–152). По его мнению, в пользу этого говорят материалы Юрьевецкого городища, расположенного напротив устья реки Унжи, и близость Унжи и ее притоков к Костроме и Галичскому озеру, где находятся памятники дьяковской культуры, так, Минское городище он тоже соотносил с дьяковской культурой.

О нахождении в пределах ананьинской историко-культурной области Поветлужья писала и Е.И. Горюнова, отмечая определенное своеобразие памятников региона, представляющих собой локальный вариант ананьинской культуры (Горюнова, 1961, с. 22–23). Она допускала, что в бассейне реки Унжи памятники ананьинской культуры пока не известны вследствие слабой изученности, однако предполагает их наличие и обращает внимание на то, что близкое к Поветлужью Костромское Поволжье, связанное в Ветлугой разветвленной системой ее притоков, а также притоков Унжи и Костромы, входило в пределы уральской культурной области или, по крайней мере, было пограничной территорией, на которой происходил стык двух культур: ананьинской и раннедьяковской. При этом Горюнова отмечала, что материалы костромских памятников (Быки, Ватажка, Шунга, Борань, Станок, Минское городище, городище в Костроме) отражают этническую пестроту населения и сочетают в себе элементы ананьинской и дьяковской культур (Горюнова, 1961, с. 23), считая, что сосуществование на территории одного памятника двух типов посуды говорит об этнической смешанности населения, а не только о культурной общности (Горюнова, 1961, с. 23). Она также подчеркивала, что пока нет достаточного вещевого материала, позволяющего проследить пути связей ананьинцев с собственно Верхним Поволжьем, но отношения ананьинских племен с раннедьяковским населением Верхнего Поволжья прослеживаются (Горюнова, 1961, с. 25).

А.В. Збруева также указывала на появление ранних культурных связей населения Прикамья с Поволжьем, сложившихся еще в эпоху бронзы (Збруева, 1952, с. 164–170). По ее мнению, западная граница расселения ананьинских племен проходит по реке Ветлуге, дальше к западу расположена большая область распространения стоянок и городищ дьяковского типа (Збруева, 1952, с. 19); правда, при этом она не отрицала, что границы расселения ананьинских племен при дальнейших археологических исследованиях смежных областей, вероятно, будут расширены (Збруева, 1952, с. 189). Збруева выделяла ветлужскую группу ананьинских памятников (пятая локальная группа) (Збруева, 1952, с. 73). На карте распространения основных памятников ананьинской культуры ею отмечены Одоевское, Богородское и Русенихинское городища (Збруева, 1952, с. 15, рис. 1). Кроме того, она считала, что фрагменты посуды ананьинского типа встречаются и на памятниках в окрестностях Галичского озера, относящихся к середине I тыс. до н. э., например, на селище Быки, где преобладающую массу составляет посуда так называемого дьяковского типа. По ее мнению, находки из поселения Быки указывают на приход небольших групп населения с территории ананьинских племен (Збруева, 1952, с. 186). Само же поселение она отмечает под № 19 на карте распространения бронзовых изделий и керамики ананьинского типа вне основной территории расселения ананьинских племен (Збруева, 1952, с. 187, рис. 16).

В данном случае, на ее взгляд, происходил обычный взаимный обмен двух видов керамики пограничной зоны между двумя крупными группами племен, так как, возможно, здесь было смешанное население (Збруева, 1952, с. 185).

Схожие идеи высказывал и П.Н. Третьяков, по мнению которого в лесной полосе культура РЖВ у разных племен имела очень много общего, выраженного в форме хозяйства, уклада и общественного устройства (Третьяков, 1966, с. 116). При этом в пограничных местностях они жили рядом, нередко чересполосно, в связи с чем культура пограничных районов приобретала смешанный характер (Там же, с. 124).

Костромское Поволжье он считает восточной окраиной дьяковских племен. По мнению исследователя, несмотря на то что, расположено оно на пограничье с продвинувшимися в Поветлужье ананьинцами, на реке Унже дьяковских городищ не найдено, а далее на восток расположена область ананьинских племен (Там же, с. 125, 149). П.Н. Третьяков включает территорию Костромского Поволжья в Волго-Клязьминскую локальную группу дьяковских городищ (Там же, с. 121). Северо-восточным пунктом дьяковского расселения исследователь считает Брюховское городище, расположенное в окрестностях Галичского озера, где, как он напоминает, встречена керамика с ананьинско-каргопольскими элементами, в виде

веревочного орнамента и валика под венчиком (Там же, с. 149). Также П.Н. Третьяков обращает внимание на то обстоятельство, что нет дьяковских городищ по реке Костроме, за исключением маловыразительного у города Буя (Третьяков, 1966, с. 149); правда, в дальнейшем обозначенный памятник нигде не фигурирует, никем не описывается и не отмечается. В целом укрепленные поселения Костромского течения реки Волги П.Н. Третьяковым ориентировочно определяются концом I тыс. до н. э. (Третьяков, 1941, с. 29). При этом он отмечал, что в середине I тыс. до н. э. появляются новые формы поселков в Верхнем Поволжье в виде миниатюрных земляных укреплений (Третьяков, 1941, с. 19), и относил их к восточной группе памятников дьяковской культуры (Третьяков, 1962, с. 36–41).

Первоначально, картографируя памятники начала I тыс. до н. э., он отмечал только поселения и стоянки Костромской низины (Третьяков, 1941, рис. 1), а Минское городище и городище напротив г. Костромы помещал на карту памятников начала I тыс. н. э. (Третьяков, 1941, рис. 7). В последующем Минское городище, поселения Брюхово и Быки включаются исследователем в схему расположения основных групп городищ РЖВ в лесной полосе Восточной Европы, а область ананьинских поселений на западе обозначается в районе реки Ветлуги, до реки Унжи (Третьяков, 1966, рис. 31). Таким образом, Третьяков ограничивал область ананьинских поселений на западе районом Ветлуги, до Унжи, но придерживался особой точки зрения по поводу проникновения ананьинских племен в Верхнее Поволжье.

Пути проникновения на территорию Верхней Волги носителей гребенчато-шнуровой керамической традиции виделись П.Н. Третьякову следующим образом: элементы ананьинской культуры сначала распространились по бассейну рек Печоры, Беломорью, Северной Двине и в области каргопольской культуры на озерах Лача, Воже, Кубенском и Белом, откуда уже по реке Шексне достигли северных пределов Верхнего Поволжья. Так, повсюду в этих местах известна керамика ананьинского типа (Третьяков, 1966, с. 144). Например, посуда на Городище в г. Костроме имеет признаки, характерные для ананьинской керамики, в частности, присутствует валик (Третьяков , 1941, с. 30). Какие процессы отражают эти явления, были ли они связаны с продвижением зауральских племен по северной зоне лесной полосы – эти вопросы, по мнению П.Н. Третьякова, остаются невыясненными (Третьяков , 1966, с. 144–145). В итоге исследователь пришел к выводу, что нет определенных данных, свидетельствующих о проникновении в область Волго-Окского междуречья отдельных групп ананьинского и пьяноборского населения, о чем пишет Е.И. Горюнова, не приводя доказательств, ссылаясь лишь на позднекаргопольские элементы (Третьяков, 1966, с. 152).

Н.Н. Гурина также ограничивала область распространения ананьинской культуры по Ветлуге. Она отмечала значительное своеобразие городищ и поселений всего Верхнего Поволжья, указывая, что и среди самих городищ прослеживаются различия, позволяющие, однако, объединить их в одно целое. Она выделяла группу ветлужских городищ, тяготеющих к более восточной территории – Прикамью, и костромские памятники. Прослеживая связь между костромскими и ветлужскими памятниками, Н.Н. Гурина отмечала, что на городищах и предшествующих им поселениях Костромского Поволжья на определенном хронологическом этапе нельзя не заметить некоторых элементов восточного влияния, в частности, ананьинской культуры, правда, доходившего сюда лишь в качестве довольно слабого отголоска (Гурина, 1963, с. 201). Шнур на керамике с костромских памятников, на ее взгляд, является доказательством определенной связи и влияния племен, живших по соседству (Там же, с. 158).

Культурное положение Костромского Поволжья Н.Н. Гурина представила на карте распространения памятников с текстильной керамикой (Гурина, 1963, с. 200, рис. 80) следующим образом: область распространения ананьинской культуры до его пределов не доходит, ограничиваясь Ветлугой, городища «дьякова» типа в Костромском регионе также отсутствуют. Территории относятся в основном к области распространения неолитических стоянок и поселений с «текстильной» керамикой. Очерчивается и основная территория распространения текстильной керамики, близкой к городищам «дьякова» типа, при этом делается справедливое замечание о наличии на карте множества белых пятен ввиду слабой изученности отдельных территорий.

На наличие в окрестностях Галичского озера отдельных элементов, свойственных ананьинской керамике, указывала М.Е. Фосс, отмечая при этом Быки (Фосс, 1949, с. 39),

которое благодаря присутствию в комплексе керамики ананьинского облика она датировала приблизительно VI–V вв. до н. э. (Фосс, Отчет 1946, с. 9). Также Фосс указывала на сходство керамики восточнобеломорской культуры с ананьинской Верхнего Поволжья (Фосс, 1948, с. 34), наблюдая связь в этапах развития керамики Верхнего Поволжья с приблизительно соответствующей керамикой в области каргопольской культуры: сходные с позднекаргопольскими орнаменты в виде веревочного и в виде ямок. Бытование такой посуды в Верхнем Поволжье, по мнению М.Е. Фосс, правильно определяется М.В. Воеводским и А.В. Збруевой первой половиной I тыс. до н. э. (Фосс, 1952, с. 93–95). Она также отмечала, что на последнем этапе каргопольской культуры обнаруживается близкое сходство керамики с ранних городищ Камско-Ветлужского края, выраженное как в орнаментике (веревочка, гребенчатый штамп, неглубокие вдавления), так и в морфологии верхней части сосудов – валикообразное утолщение (Фосс, 1952, с. 95). Поздний, конечный этап каргопольских поселений М.Е. Фосс датировала первой половиной I тыс. до н. э. (Фосс, 1952, с. 101), считая, что на данном (третьем) этапе распространения керамики типа ранних городищ предполагается освоение Каргопольского района племенами единого происхождения с населением городищ Камско-Ветлужского бассейна, что наблюдается и на беломорском побережье (Фосс, 1952, с. 118).

В широком распространении орнаментов ананьинского типа М.Е. Фосс видела результат расселения племен, связанных, по-видимому, единством происхождения. Такие же орнаменты, помимо Севера, на ее взгляд, распространяются и на Верхней Волге. На этом основании у нее возникает верное, на наш взгляд, предположение о заселении обширной территории (Камского бассейна, Беломорского побережья, Каргопольского района и Верхнего Поволжья) племенами, родственными по своему происхождению (Там же, 1952, с. 131–136), по крайней мере, отдельными группами носителей ананьинских традиций (гребенчато-шнуровой керамики), в том числе присутствующих в области распространения поселений с сетчатой керамикой.

А.П. Смирнов, как и многие другие исследователи, считал Поветлужье крайним западным районом распространения ананьинской культурно-исторической области. На его взгляд, бассейн Ветлуги являлся далекой периферией ананьинской культуры, при этом он полагал, что керамика с Одоевского, Богородского, Русенихинского и Чортова городищ представляет собой особый вариант ананьинской, отличной от классической (Смирнов А.П., 1952, с. 62; 1961, с. 90). Далее на запад по реке Унже, по мнению А.П. Смирнова, расположены памятники другой культурной области, близкой дьяковской (Смирнов А.П., 1952, с. 65), дьяковской (Смирнов А.П., 1961, с. 90). Он высказывал сомнения относительно схемы керамики, разработанной М.В. Воеводским для Ветлужского региона, так как в ней отсутствует, на его взгляд, единый принцип деления; в частности, А.П. Смирнов замечает, что ко второму типу относится керамика с раковиной и дресвой. В то же время у него не вызывали вопросов и сомнений предложенные датировки. Например, он соглашается с М.В. Воеводским в том, что в первую группу выделены сосуды ранней стадии ананьинской культуры (Смирнов А.П., 1961, с. 90). О.Н. Бадер датировал ранний слой Одоевского городища VII–V вв. до н. э. (Бадер, 1951, с. 151). Соглашается А.П. Смирнов и с тем, что племена ананьинской культуры продолжали обитать в Поветлужье и позже V в. до н. э. (второй слой Одоевского городища) в позднеананьинское и раннепьяноборское время (Смирнов А.П., 1961, с. 90). Процессы же смешения культурных областей, на его взгляд, происходили значительно восточнее, на территории Чувашского Поволжья при участии носителей как ананьинских, так и дьяковских традиций, свидетельством чему является сетчатая керамика (Смирнов А.П., 1961, с. 82–87).

Близкой точки зрения придерживался и В.Н. Марков, рассматривая регион Марийско-Чувашского Поволжья и западных районов Татарии как зону наиболее активных контактов между западными и восточными группами племен РЖВ (Марков, 1985, с. 38). При этом вслед за С.В. Кузьминых он отмечал, что полной взаимоассимиляции племен, изготовлявших «текстильную» керамику с примесью песка и гладкостенной с примесью раковины, не произошло, совместное их бытование на западноволжской ананьинской территории не привело к их полному культурному слиянию (Марков, 1985, с. 53).

В дальнейшем В.Н. Марковым были предприняты важные шаги в изучении процесса заселения территории Поветлужья носителями ананьинских традиций. Исследователь в этом контексте рассматривал две

смежные территории – Поветлужье и Вятский бассейн, считая, что процессы, протекавшие там, довольно близки и взаимосвязаны. Он относил появление памятников с гребенчато-шнуровой керамикой на реке Вятке к VI в. до н. э. и связывал их с продвижением сюда некоторой части племен Северного Приуралья (Марков, 1988, с. 105). В основе формирования гребенчато-шнуровой керамики, по мнению В.Н. Маркова, лежит лебяжская (Марков, 2007, с. 56), второй вероятный компонент – керамика с «классической» шнуровой орнаментацией, распространенная в Среднем Прикамье (Марков, 1988, с. 103), причем при преобладании лебяжских черт (Там же, 1988, с. 105). На его взгляд, подобным же образом складывалась судьба Ветлужского населения ананьинского времени, которое, судя по значительному сходству в керамике, было родственным вятскому и имело с ним общие истоки (Марков, 1988, с. 104). Позже он четко выделил гребенчато-шнуровую керамику вятско-ветлужской группы (Марков, 2007, с. 56) и обозначил ее различие с нижнекамской керамикой, отмечая, что на сходство ветлужской и вятской керамики указывалось и ранее А.В. Збруевой и А.Х. Халиковым: одинаковые формы, оформление венчика, орнамент в виде двух и трех шнуровых линий, между которыми располагались оттиски зубчатого штампа и глубокие ямки. Все это, на взгляд В.Н. Маркова, свидетельствовало о близком родстве племен РЖВ, обитавших на Вятке и Ветлуге, и их отличии от нижнекамских (Марков, 2007, с. 48). Видя отсутствие культурного единства между вятским населением ананьинского времени и волжским с камским (Марков, 1988, с. 105), он констатирует, что восточнее по Волге гребенчато-шнуровая керамика встречается все реже и ниже впадения в нее реки Свияги почти не известна (Марков, 1988, с. 104). Связь западноволжской гребенчато-шнуровой керамики с вятской, на его взгляд, была весьма условна, так как между ними есть территория, где она не встречается. Значительно ближе к западноволжским находятся керамические комплексы Ветлужских городищ, которые имеют те же узоры в виде рядов горизонтальных шнуровых линий, чередующихся с оттисками зубчатого штампа (Марков, 2007, с. 48). Также В.Н. Марков считает, что на рубеже VI–V вв. до н. э. ананьинское население покинуло пределы Нижней Камы, и отдельные находки керамики нижнекамского типа вместе с гребенчато-шнуровой известны на памятниках Волго-Окского междуречья и в более северных районах, включая Костромское Поволжье (Марков, 2007, с. 60–63).

Несомненно, важная заслуга В.Н. Маркова и в том, что он сформулировал и определил, что в рамках ананьинской культуры выделяются различные керамические комплексы, которые ставят под сомнение ее неделимость.

Многие исследователи, интерпретируя и картографируя материалы РЖВ на указанной территории, практически не уделяли внимания распространению в данной области гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики. Впрочем, дьяковские традиции также виделись не всеми.

Так, К.А. Смирнов, картографируя и очерчивая границы дьяковской культуры, отмечает, что северную границу ее распространения указать трудно, так как этот район еще недостаточно обследован; он считает при этом, что по Волге дьяковские городища доходили до Костромы (Смирнов К.А., 1974, с. 77). Исследователь обозначает границы дьяковской культуры, включая в область ее распространения и территорию Костромской низины (Смирнов К.А., 1974, с. 89, табл. X). Позже К.А. Смирнов включает в ареал переходного к дьяковской культуре этапа (VIII–VII вв. до н. э.) такие памятники Костромского Поволжья, как поселения Быки, Ватажка, Шунга, Борань. К памятникам древнего этапа (VII–VI, III–II вв. до н. э.) он относит Минское и Брюхово городища, к памятникам среднего этапа (III в. до н. э. – III в. н. э.) – поселение Борань и Минское городище (Смирнов К.А., 1994).

И.Г. Розенфельдт не включает поселения Костромского течения реки Волги в ареал дьяковской культуры, считая, что памятники этой культуры распространяются по реке Волге до Ярославля (Розенфельдт, 1974, с. 192, рис. 45), Костромское Поволжье находится в ареале распространения сетчатой керамики (Розенфельдт, 1974, с. 191–195, рис. 48). Относительно Минского городища она высказывает мнение о том, что оно отличается от дьяковских памятников керамикой, отсутствием грузиков и типом построек (Там же, с. 191). Быки она относила к позднебронзовому времени и РЖВ, отмечая, что с дьяковскими оно сопоставимо только по наличию сетчатой посуды (Там же, с. 192). Также И.Г. Розенфельд делает интересное замечание, что на памятниках восточной части Волго-Окского междуречья (не включены в территорию дьяковской культуры) на раннем этапе в

сетчатой керамике проявляются черты, сближающие ее с керамикой Прикамья, указывая на такие признаки, как круглодонность, наличие валика, своеобразный орнамент (Там же, с. 193–194).

М.Г. Гусаков, судя по выполненным им картам археологических культур в VIII–VII вв. до н. э. и во II в. до н. э. – II в. н. э., территорию Костромского Поволжья не включает в границу распространения дьяковской культуры. Только в пределы северной ее окраины, возможно, входят поселения Костромской низины. Впрочем, не занимает данные территории и ананьинская культурно-историческая область (Гусаков, 2007, с. 42–43).

И.В. Исланова восточную границу дьяковской культуры очерчивает по территории Ярославской области, а памятники РЖВ Костромского Поволжья в ареал ее распространения не входят (Исланова, 2002, с. 452, рис. 1).

В.И. Вишневский отмечает наличие в ранних керамических комплексах поселений Ватажка, Станок II фрагментов с мотивами, сходными с ананьинскими (Вишневский, 1991, с. 10), однако при этом подчеркивает, что не выяснены причины и самого появления, и быстрого исчезновения дьяковских племен на территории Костромского Поволжья (Там же, с. 1). Также он предполагает, что именно с восточной области культуры в первой половине I тыс. до н. э. расселялись дьяковские племена, с наибольшей плотностью заселяя Костромскую низину, окрестности Галичского озера, озер Неро и Плещеево (Там же, с. 18).

Несколько иной сценарий культурных процессов, происходивших в лесной полосе Европейской части России в РЖВ, предлагает В.С. Патрушев. В восьмидесятые годы XX в. В.С. Патрушевым была выделена ахмыловская культура (Патрушев, 1984; Патрушев, 1989). На втором этапе ее развития (VIII – VI вв. до н. э.) в границы распространения культуры он частично включает территории Поветлужья и Костромского Поволжья. Начало формирования ахмыловской культуры исследователь относит к X в. до н. э. (Патрушев, 1984, с. 74). К первоначальным территориям формирования ахмыловской культуры он причисляет берега р. Волги и устьевую часть притоков Камы, Суры, Ветлуги и Свияги, откуда она распространяется благодаря родственной среде с ниточно-рябчатой керамикой до Костромского Поволжья и Вологодской области (Патрушев, 1992, с. 54). В.С. Патрушев указывал на связи ахмыловцев с родственными соседними племенами на западе (Патрушев, 1984, с. 109), однако, на его взгляд, воспринять элементы этой культуры последние могли и на следующем этапе развития, то есть с рубежа VI–V вв. до н. э. Именно с конца VI в. до н. э., по его мнению, ахмыловское население с территории Марийского Поволжья могло быть оттеснено в другие районы, в частности, их следы появляются на поселениях Костромского Поволжья, где найдена круглодонная посуда с псевдосетчатой обработкой (Патрушев, 1984, с. 202). Рассматривая комплексы керамики РЖВ таких памятников, как Ватажка, Станок, Борань, Шунга и Минское городище, он связывает их с псевдосетчатыми (Патрушев, 1989, с. 62–63). Могильники ахмыловской культуры не выявлены. Исследователь считает, что происходила ассимиляция носителей такой керамики. Сама же псевдосетчатая посуда значительно отличается от дьяковской керамики, воспринявшей некоторые ее черты (Там же, с. 68).

На Средней Волге В.С. Патрушев отметил совместное бытование ананьинской и псевдосетчатой керамики на поселениях от устья Камы до Горьковского Поволжья, однако допускает, что так как захоронения осуществлялись на одних и тех же могильниках с инвентарем ананьинского и ахмыловского облика, то можно говорить об одной археологической культуре. По мнению В.С. Патрушева, с конца VI в. до н. э. на Средней Волге элементы ананьинской культуры утрачиваются, а уже в начале РЖВ на территории Горьковской и Ивановской областей господствует культура ахмыловского облика. Близкий облик культуры, на его взгляд, отражается в материалах и Костромского Поволжья (Патрушев, 1989, с. 58–61).

В итоге он пришел к выводу, что, судя по наличию камских черт в материалах поселений вплоть до Костромского Поволжья, культура ахмыловского облика распространяется во всем лесном Поволжье. Население ахмыловского облика со смешанными восточными и северо-западными элементами проживало от устья реки Камы до Костромского Поволжья. А с рубежа VI–V вв. до н. э. в лесном Поволжье преобладает псевдосетчатая керамика (Патрушев, 1989, с. 75–76), население которой восприняло многие элементы культуры именно ахмыловского облика (Патрушев, 1989, с. 87). Население с псевдосетчатой керамикой принимало участие в формировании культуры ахмыловского облика в юго-восточных

районах и явилось основой в северо-западной части лесного Поволжья. Незначительный процент гладкостенной и штрихованной керамики свидетельствует о включении в состав населения с псевдосетчатой керамикой культурных элементов дьяковского облика, а не наоборот (Патрушев, 1989, с. 76). Также исследователь отмечает, что ахмыловская культура была связана традиционными отношениями с ананьинской Прикамья (Там же, с. 74). Само население с псевдосетчатой керамикой В.С. Патрушев называет финноязычным суперэтносом, характеризующимся такими признаками, как ниточно-рябчатая керамика и акозинско-меларские кельты. Его хронологические рамки – XII–VI вв. до н. э., а сетчатая керамика ранних памятников дьяковской культуры – это элемент самого этноса: носителей культуры «текстильной» керамики (Патрушев, 1992, с. 64). Не вполне убедительно и обоснованно выглядит и точка зрения И.С. Манюхина о миграции населения с юга на север, с территории Среднего Поволжья, начиная с VI в. до н.э. сначала в пределы Верхнего Поволжья и Посухонья, а потом и далее вверх на север, в рамках так называемой поволжской культуры (Манюхин, 2005, с. 20–21, 34). На его взгляд, в материале ряда памятников в Горьковском, Костромском и Ярославском Поволжье, Посухоньев VII–V вв. до н. э. появляется ананьинская керамика, костяные орудия и бронзовые вещи, аналогичные средневолжским, что является свидетельством движения поволжской культуры вверх по Волге в сторону Белозерья (там же, с. 34). Отметим, что в материалах поселений Верхней Волги отсутствуют целостные комплексы керамики и другие вещи ананьинского облика, тесно связываемые именно с территорией Среднего Поволжья. Фиксируются только единичные черты, характерные и свойственные обеим группам керамики VI в. до н.э. с данных территорий, что не указывает на прямое и сколько-нибудь существенное проникновение ананьинского населения в пределы Верхней Волги именно из Среднего Поволжья. Культурные процессы в Верхневолжском регионе в VI–V вв. до н.э. проистекают несколько иначе. Данное обстоятельство будет рассмотрено ниже.

Итак, среди исследователей нет солидарного мнения о существовании в Костромском Поволжье единой культурной традиции в РЖВ: комплексы связываются с дьяковскими, выделяются локальные варианты этой культуры, материалы соотносятся с сетчатой керамикой «дьякова» типа или отождествляются с сетчатой вообще. Высказываются предположения и о связи ряда источников с ахмыловской культурой. Однако, как правило, памятники Костромского Поволжья противопоставляются памятникам Поветлужья, при этом мы замечаем, что разграничение обосновывается не только территориально, но и в культурном плане. Тем не менее многие исследователи признают присутствие ананьинских черт в керамике РЖВ Костромского Поволжья, правда, на отдельных поселениях.

Таким образом, наличие комплексов гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики ананьинского типа на поселениях Костромской низины и в окрестностях Галичского озера в большинстве случаев отождествлялось исследователями с проникновением на территорию Костромского Поволжья в период VI–IV вв. до н. э. отдельных групп носителей ананьинских традиций. Однако следует отметить, что какой-либо попытки конкретизации относительно групп носителей традиций или ананьинской культуры гребенчато-шнуровой керамики, или шнуровой керамики, появившихся на территории Костромского Поволжья, не проводилось. Не была разработана и методика исследования сильно фрагментированной керамики раннего железного века, отсутствовала модель изучения гибридной керамики двух культурных областей раннего железного века: ананьинской и с сетчатой керамикой.

Насколько активно происходил процесс интеграции отдельных групп носителей ананьинских традиций в Костромское Поволжье в среду населения с сетчатой керамикой и каким путем? С близкого ей Поветлужья или Среднего Поволжья (западноволжский вариант ананьинской культуры, выделяемый А.Х. Халиковым), с бассейна р. Вятки сухоновычегодским направлением или другим путем, с Прибеломорья и Каргопольского района по реке Шексне до пределов Верхней Волги, который предлагался П.Н. Третьяковым? Следует ли искать причины расселения ананьинских групп с обжитых ими исторических мест в западном направлении в изменениях климата и, соответственно, ресурсной кормовой базы и среды обитания? Каковы временные рамки этого продвижения и каковы причины? К примеру, в Прибеломорье ананьинские черты проявляются в керамике типа лууконсаари. В этой области отмечаются достаточно активные культурные процессы (появляется гибридная керамика, как и

на поселениях Костромского Поволжья), и вряд ли они могли способствовать оттоку оттуда населения с традициями изготовления ананьинской керамики в Верхнее Поволжье. Тем более что последние, по мнению А.М. Жульникова, наоборот, вытесняют носителей поздней сетчатой керамики с их территорий.

Вряд ли можно согласиться и с мнением о том, что в Костромское Поволжье элементы ананьинской культуры доходили как слабый отголосок. Вопрос изучения обозначенных путей проникновения до сих пор оставался открытым, как и многие другие проблемы истории региона в РЖВ. Вероятнее всего, процесс интеграции отдельных групп ананьинского населения в среду населения, изготовлявшего сетчатую керамику, мог проходить повсеместно и, на наш взгляд, права М.Е. Фосс, которая считала, что заселение обширной территории Камского бассейна, Беломорского побережья, Каргопольского района и Верхнего Поволжья происходило родственными племенами. Безусловно, при продвижении ананьинского населения по различным огромным лесным территориям Восточно-Европейской равнины, при взаимодействии с другими культурными группами, в первую очередь с носителями сетчатой керамики, происходила определенная нивелировка традиций изготовления керамики, трансформировались отдельные ее специфичные черты. Действительно, традиционная ананьинская керамика уже не могла сохранить многие элементы первоначального облика. Закономерно возникает вопрос: в какой степени была осуществлена коррекция такой традиции?

Таким образом, несмотря на довольно продолжительный период изучения древностей, связанных с эпохой раннего железа, интерес к данной проблеме не иссякает, а напротив, возрастает, что, безусловно, связано как с появлением новых археологических источников, так и с наличием целого ряда дискуссионных вопросов относительно культурно-хронологической характеристики большинства поселений Костромского Поволжья этого периода.

Существует необходимость и разработки концепции, которая сможет служить основой для исследования вопросов проникновения на запад групп носителей ананьинских традиций с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой на других смежных с Костромским Поволжьем территориях. Необходимо выделить круг поселений с гибридной, гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой раннего железного века и определить перспективы исследований таких поселений в западной части распространения АКИО и взаимодействия с другой культурной областью: сетчатой керамикой.

2. ПАМЯТНИКИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА КОСТРОМСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

В главе комплексно проанализированы поселения РЖВ Костромского Поволжья: определено их пространственное распределение в регионе, выделены места с их концентрацией, установлены ландшафтно-топографические особенности, очерчены участки локализации поселений с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой.При рассмотрении вопроса формирования площадок поселений относительно речных артерий были предложены варианты расположения памятников, что позволило определить особенности выбора участков для их заселения носителями гребенчато-шнуровой и шнуровой ананьинской традиции.

Регион Костромского Поволжья охватывает территорию Костромской области (согласно современному административному делению), а также включает участки приволжских районов Ивановской области в левобережной части р. Волги. Основная часть территории – это левобережный участок бассейна р. Волги от ее притока р. Костромы на западе до р. Унжи на востоке, включающий Галичско-Чухломскую возвышенность с крупнейшими озерами региона – Чухломским и Галичским, а также Костромскую и Унженскую низменности (АКК, 1997, с. 7–8).

Костромская область расположена в центральной части Восточно-Европейской (Русской) равнины. Граничит на юге с Ивановской областью, на западе – с Ярославской, на северо-западе и севере – с Вологодской, на северо-востоке и востоке – с Кировской, на юго-востоке – с Нижегородской. Протяженность области с севера на юг составляет 260 км, с запада на восток – 420 км. Площадь – 60,2 тыс. кв. км. По климатическим условиям регион принадлежит к умеренному широтному поясу средней полосы России.

Главная река края – Волга, а также входящие в ее бассейн реки Кострома, Унжа. Протяженность Волги (участок Горьковского водохранилища) по территории Костромской области составляет 89 км.

Первоначальное заселение территории Костромского Поволжья происходит в эпоху мезолита (VII–VI тыс. до н. э.). В это время поселения в регионе были расположены на территории Унженской низменности, Костромской низины и Галичско-Чухломской возвышенности (АКК, 1997, рис. 1), впрочем, как и в период раннего железа.

В последующую эпоху неолита (V–III вв. до н. э.) наиболее плотно была заселена округа Чухломского озера, присутствуют поселения и в бассейне р. Унжи, и на территории Костромской низменности, вдоль основного русла р. Волги, и на Половчиновском озере (район, расположенный между Костромской и Унженской низменностью) (АКК, 1997, рис. 3). Окрестности Галичского озера в раннем неолите не были заселены вовсе, и только в позднем неолите там появляются поселения Галичской культуры (АКК, 1997, рис. 5).

В эпоху бронзы (II тыс. до н. э.) наиболее густо заселен участок Костромской низины, менее плотно – территории бассейнов Галичского и Чухломского озер. Бассейн р. Унжи остается практически не обжитым (АКК, 1997, рис. 11).

Земли, занятые поселениями РЖВ, заселялись носителями традиций сетчатой керамики ещё в поздний период эпохи бронзы, исключением является только Унженская низменность (АКК, 1997, рис. 14).

Археологические памятники Костромского Поволжья VIII–XI вв. н. э. в целом немногочисленны и находятся преимущественно в тех же местах, что и поселения РЖВ (АКК, 1997, рис. 21), например, городища Унорож, Ухтубужское, Минское.

Таким образом, участки локализации поселений РЖВ Костромского Поволжья, как правило, совпадают с заселенными участками как в предшествующие эпохи, так и в последующее время. Поселения же с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой РЖВ находятся преимущественно в тех же местах, что и поселки с сетчатой керамикой эпохи раннего железа. Следует сказать, что поселенческие площадки уже были подготовлены для проживания и использовались носителями сетчатой керамики при появлении на них групп населения носителей ананьинских традиций.

В настоящее время в Костромском Поволжье известно в общей сложности сорок шесть памятников археологии с типологически выделяемыми материалами раннего железного века (приложение А, табл. А.1, А.2; приложение В, рис. 1, 2)[1]. Большинство из них – это многослойные поселения, наряду с материалами раннего железного века содер-

[1] Все табл. см. в приложении А.

жащие комплексы неолита, бронзы или более позднего времени – средневековья.

Поселения раннего железного века с сетчатой, штрихованной, гладкостенной и ананьинской керамикой сосредоточены в трех основных географических регионах Костромского Поволжья (рис. 1–13). Два памятника, упоминаемые в работе, располагаются в Среднем Поветлужье (в современных административных границах Костромской области). Подробная характеристика каждого памятника археологии представлена в приложении А (табл. А.1–А.6).

Поселения, расположенные в пределах Костромской низины (нижнее течение реки Костромы) и бассейна реки Волги у г. Костромы, находятся в границах современных Костромского и Красносельского районов (рис. 7–9). Всего здесь известно шестнадцать памятников, из них восемь содержат шнуровые и гребенчато-шнуровые комплексы. Памятники представлены укрепленными городищами и поселениями (селищами). Большинство поселений располагаются на дюнных всхолмлениях или останцах в пойме (десять памятников), три городища находятся на мысу коренной террасы (в д. Городище, в г. Костроме и в с. Минское), три поселка размещаются на мысовидном выступе и на краю первой надпойменной террасы (табл. А.1, А.2).

Высота поселений над уровнем поймы или воды в реке составляет от 3 до 6 м. Наблюдается более высокое расположение площадок городищ: от 20 до 40 м, с напольной стороны они защищены валом и рвом. Площадь поселений и городищ составляет от 1 400 до 12 000 кв. м (табл. А.3, А.5).

Близко к Костромской низменности расположено и городище Городище (рис.15) (территория современной Ивановской области, Заволжский район), которое находится на высоком мысу коренного берега реки Волги на высоте 30 м. Площадь 800 кв. м. Памятник относится к поздней стадии раннего железного века (табл. А.1, А.3, А.5).

Памятники Галичско-Чухломской возвышенности, приуроченные к округе Галичского и Чухломского озер, Сусанинскому болоту, среднему и верхнему течению р. Костромы и ее притокам, расположены на северо-западе Костромской области в границах современных административных районов Буйского, Чухломского, Сусанинского и Галичского (рис. 3–6). Здесь насчитывается двадцать три поселения с материалами раннего железного века, в материальном составе шести из них имеется гребенчато-шнуровая и шнуровая керамика ананьинского облика (табл. А.2, А.6).

На мысовидном выступе первой надпойменной террасы располагается восемь поселений, на мысу коренной террасы и останцах, отделенных от нее, – пять памятников, на дюнах и останцах в пойме также известно пять площадок заселения, на краю первой надпойменной террасы – два памятника, на краю коренной террасы – два памятника, и, наконец, один памятник расположен на мысовидном выступе второй надпойменной террасы (табл. А.3, А.5). Высота отмеченных площадок над водой или поймой варьирует от 2 до 12 м. Обособленно в этом ряду стоит городище в Галиче, высота которого достигает 50 м над уровнем воды в Галичском озере; кроме того, с напольной стороны городище было защищено валом и рвом (в настоящее время вал сильно оплыл).

Необходимо также упомянуть поселения, приуроченные к низким местам таким, как Медведки II (Шача) и Федоровское, минимальная высота поверхности которых над уровнем воды составляет всего 0,5 м.

Площадь памятников данной группы – от 600 до 30 000 кв. м, в среднем – 1 500–4 000 кв. м. Подчеркнем, что поселения с большей площадью (до 30 000 кв. м) наряду с материалами РЖВ, как правило, содержат и комплексы других, более ранних или поздних культурно-хронологических пластов, в связи с чем можно сделать предположение о заселении в рассматриваемый период только какой-то отдельной части памятников.

Поселения, сосредоточенные в Унженской низменности и приуроченные к бассейну реки Унжи (современные Мантуровский, Макарьевский, Кологривский районы Костромской области) и близко расположенной к ней реки Немды (Кадыйский район) сводятся в третий участок локализации памятников РЖВ (рис. 10–13). Количество поселений эпохи раннего железа в данной местности мало и насчитывает всего шесть памятников: городища – Поповское (Ухтубужское) и Рапоновское, селища – Унжа II, Хохлянки, Аверьяновка, Леонтьево (табл. А.3). Безусловно, малочисленность памятников может говорить как о слабой заселенности этих территорий в рассматриваемое время, так и о необходимости дальнейших исследований территорий. Еще Е.И. Горюнова допускала, что в бассейне реки Унжи памятники ананьинской культуры

пока не известны вследствие слабой изученности, однако предполагала их наличие (Горюнова, 1961, с. 23).

По геоморфологическим условиям территория Унженской низменности расположена в пределах пологоволнистой зандровой равнины времени днепровского оледенения, расчлененной долинами реки Унжи, ее притоков и овражно-балочной сетью. В геологическом строении Унженской низменности принимают участие среднечетвертичные водно-ледниковые отложения времени таяния днепровского ледника. Представлены водно-ледниковые отложения разнозернистыми песками, нередко с примесью гравия и гальки и прослоями глинистых грунтов. По берегам рек под водно-ледниковыми отложениями обнажаются среднечетвертичные ледниковые отложения времени днепровского оледенения. Представлены они моренными суглинками (реже супесями и глинами) с прослоями песков и с большим содержанием плохо окатанного гравия и гальки карбонатных пород, с валунами магматических пород. В долинах всех рек распространены современные аллювиальные отложения речных пойм, а в долине реки Унжи и некоторых ее притоков – средне-верхнечетвертичные аллювиальные отложения первой, второй и третьей надпойменных речных террас. В пределах речных террас и на пойме часто встречаются современные болотные отложения. Формирование современного рельефа описываемой территории началось еще в доледниковое время, но окончательно он был сформирован в ледниковый период и в дальнейшем за счет эрозионно-аккумулятивныхпроцессов в постоянных и временных водотоках по мере развития гидрографической сети.

Преобладающие типы почв на правом берегу Унжи – дерново-среднеподзолистые супесчаные, а на левом берегу – слабоподзолистые песчаные. В речных долинах распространены пойменные (аллювиальные) почвы, а в пределах болотных равнин – болотные (биогенные) почвы.

Гидрографическую сеть микрорегиона образует река Унжа с ее притоками, а также временные водотоки, маленькие озера и болота. Все элементы гидрографической сети принадлежат бассейну реки Волги и играют большую роль в формировании современного рельефа (Петрова, Отчет 2013).

Информация о памятниках археологии очерченного третьего участка скудная, отрывочная, раскопки здесь не проводились, за исключением городищ Ухтубужское и Рапоново. Отметим, что памятники микрорегиона в своем большинстве содержат и более поздние комплексы. Материалы из раскопок, связываемые с ранним железным веком, немногочисленны. На Рапоновском городище, к примеру, известна только гладкостенная керамика, а на Ухтубужском в небольшом количестве встречаются фрагменты сетчатой посуды.

Памятники данной группы в основном тяготеют к коренной террасе, располагаются на ее краю в трех случаях, на мысовидном выступе – в одном случае, два памятника расположены на мысовидном выступе первой надпойменной террасы. Высота поселков над уровнем поймы или воды в реке составляет в среднем 4–6 м. Относительно высоко (50 м) находится Рапоновское городище. Определяемая площадь поселений и городищ насчитывает от 1 400 до 7 000 кв. м (табл. А.3, А.4).

Четвертая группа памятников располагается в Поветлужье и частично включает территории современных административных Шарьинского и Вохомского районов Костромской области, здесь находятся два памятника раннего железного века (рис. 14).

Один памятник расположен в нижнем течении реки Вохмы, правого притока реки Ветлуги – поселение Красноборы 4. Высота поселения над урезом воды составляет 4–5 м. Площадь памятника – 1 500 кв. м. Следует отметить, что гладкостенная и штрихованная керамика с памятника имеет более поздний облик (табл. А.3, А.4).

Второй памятник находится в бассейне реки Ветлуги – Одоевское городище. Высота городища над урезом воды 18–20 м. Площадь городища, расположенного на мысу коренной террасы, составляет 1 350 кв. м. Без сомнения, памятник относится к кругу ананьинских древностей с гребенчато-шнуровой керамикой (табл. А.5, А.6).

Шарьинский район граничит на западе с Мантуровским, на северо-западе – с Межевским, на севере – с Пыщугским, на северо-востоке – с Поназыревским районами Костромской области, на юге – с Ветлужским районом Нижегородской области. Территория района протянулась более чем на 100 км с юга на север вдоль среднего течения реки Ветлуги, левого притока реки Волги, и находится в пределах Унженско-Ветлужской слабохолмистой равнины с относительно развитой овражно-балочной сетью в западной части района и слабо развитой – в восточной части. Центральную часть района прорезает доли-

на реки Ветлуги с полно развитой поймой и двумя-тремя плоскоравнинными на больших площадях заболоченными надпойменными террасами. Повсеместно на территории района залегают четвертичные отложения. На пологих склонах формируются дерново-подзолистые слабосмытые почвы легко- и среднесуглинистого механического состава. По долинам рек формируются пойменные террасы. Понижения пойменных террас часто заполнены торфяниками.

Итак, на сегодняшний день в Костромском Поволжье насчитывается в общей сложности четырнадцать памятников археологии, имеющих в своем материальном составе комплексы гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики РЖВ. Это такие поселения и городища, как Быки (Пуп) (рис. 16–18), Брюхово (Курган) (рис. 19–21), Унорож (рис. 22–25), Умиленье (рис. 26, 27), Челсма (рис. 28), расположенные в Галичском районе; стоянка Медведки II (Шача) в Сусанинском районе (рис. 29); поселения Шунга (рис. 30), Борань, Станок I (рис. 31–33), Станок II (рис. 32, 34, 35), Ватажка (рис. 32, 36), Хреново (рис. 37), городище в Костроме (рис. 38–40) и Минское городище (рис. 41–45) в Костромском районе. Упоминаемое в работе Одоевское городище (рис. 46, 47) географически соотносится с регионом Поветлужья.

Отметим и памятники, которые с определенной долей вероятности можно соотнести с кругом ананьинских древностей. Это поселение Хреново, исследованное в 1927 г. (находки были списаны по ордеру, авторы в отчете отмечают значительное сходство керамики с керамикой Ватажки), поселение Челсма (материал не сохранился, однако, судя по описаниям, оставленным Е.И. Горюновой в 1961 г., он аналогичен ананьинскому), поселения Медведки II (Шача) и Умиленье (Пески) (на территории этих памятников находки гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики единичны, что, возможно, указывает на кратковременные посещения данных площадок носителями ананьинских традиций). Практически все обозначенные поселения с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой подвергались археологическим раскопкам (за исключением поселений Челсма и Хреново).

Как уже говорилось, с большой долей вероятности комплексы ананьинской керамики могут присутствовать и на других поселениях Костромского Поволжья, где проводилось только разведочное обследование (вскрывалась шурфами небольшая площадь или же не вскрывалась вовсе). На таких памятниках для культурного определения и датировок часто использовался только подъемный материал, по большей части идентифицируемый исследователями как сетчатая керамика. С наибольшего расширения по тулову, иногда и по шейке керамика ананьинского облика содержит сетчатые отпечатки как мелкоячеистой, так и крупноячеистой структуры с регулярным и хаотичным их исполнением. Отпечатки могут быть как четко вдавленные, так и едва заметные, подзатертые. При работе с фрагментарными коллекциями это обстоятельство не всегда позволяет корректно идентифицировать комплексы посуды раннего железного века и отождествлять их с сетчатой, сетчатой дьяковского типа, гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой, а значит, и выделить такие комплексы на отдельных памятниках с малочисленными коллекциями находок (керамики), собранных по большей части с поверхности. Принимая во внимание вышесказанное, можно предположить, что поселений, содержащих комплексы керамики ананьинского типа, на территории Костромского Поволжья значительно больше; впрочем, рассмотрение данного обстоятельства требует специальных стационарных археологических работ, результаты которых в дальнейшем позволят конкретизировать перечень поселений. В этом отношении целесообразно выбрать для исследований поселения одного хронологического периода, ранее не исследованные раскопками, из включенных в полный современный Список памятников археологии раннего железного века Костромского Поволжья (табл. А.1, А.3, А.4). Несомненно, представленные карта и список поселений с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой будут корректироваться и дополняться в дальнейшем, по мере появления и накопления материала.

Основные территории Костромского Поволжья, включающие поселения с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой ананьинской культурно-исторической области, расположены в окрестностях Галичского озера и в пределах Костромской низины, один памятник известен на территории, примыкающей к Сусанинскому болоту. В округе Чухломского озера и в бассейне реки Унжи (в Унженской низменности) такие поселения пока не известны. Ниже рассмотрим геоморфологические особенности и физико-географические условия обозначенных и интересующих нас территорий.

Первая группа поселений находится на территории современного Галичского муниципального района. Район расположен в северо-западной части Костромской области на водоразделе двух левых притоков – рек Костромы и Неи. Граничит с Чухломским, Антроповским, Островским, Судиславским и Буйским районами. Район пересекает моренная гряда, наиболее выраженная на юго-востоке. Средняя высота гряды – 170–180 м над уровнем моря. Высота берегов Галичского озера достигает 190 м над уровнем моря. Здесь расположено самое большое в Костромской области Галичское озеро, имеющее протяженность с юго-запада на северо-восток 16,7 км. Наибольшая ширина озера 5,6 км, площадь 7235 га, средняя глубина – 1,8 м, максимальная – 5 м. Озеро проточное. Оно принимает четыре реки: (Едомша, Средняя, Шокшанка, Челсма), и три малые реки (Кешма, Святица, Лыкшанка, глухие рукава Рухтема, Светичка и Лама). Из озера вытекает одна река – Векса. Рельеф дна котлообразный, наибольшие глубины расположены к северо-западному берегу, южный и юго-восточный берега наиболее пологие.

Район приурочен к полого-холмистой морено-водно-ледниковой равнине, рассеченной густой сетью речных долин, нарушающих монотонность рельефа, и большой котловиной Галичского озера ледникового происхождения.

Геоморфологические особенности наложили свой отпечаток на геологическое строение, в котором принимают участие среднечетвертичные ледниковые отложения времени московского оледенения, представленные моренными суглинками (реже супесями и глинами) с большим содержанием плохо окатанного гравия и гальки известняковых пород и валунами магматических пород. Нередко в теле морены на разных глубинах встречаются линзы и карманы разнозернистых песков. Сверху моренные отложения, как правило, перекрыты нерасчлененным комплексом средне-верхнечетвертичных отложений неясного генезиса (покровные безвалунные суглинки и пески). В местах понижений между моренными холмами и грядами залегают среднечетвертичные водно-ледниковые, а в пределах котловины Галичского озера − озерно-ледниковые отложения времени таяния московского ледника. Водно-ледниковые отложения представлены разнозернистыми песками, часто с гравием и галькой, иногда с валунами небольших размеров. Озерно-ледниковые отложения − это, как правило, ленточные глины с редкой плохо окатанной галькой. Озерно-ледниковые отложения продолжают формироваться и в настоящее время в пределах котловины Галичского озера.

Гидрогеологическая обстановка района характеризуется развитием двух основных водоносных комплексов: среднечетвертичного московского водно-ледникового водоносного комплекса и средневерхнечетвертичного аллювиально-озерного водоносного комплекса.

Помимо двух основных комплексов, в современных образованиях вскрываются водоносные горизонты аллювиальных, озерных и болотных отложений. Формирование современного рельефа территории началось еще в доледниковое время, но окончательно он был сформирован в ледниковый период и в дальнейшем, благодаря аккумулятивной деятельности Галичского озера и эрозионно-аккумулятивной геологической работе постоянных и временных водотоков по мере развития гидрографической сети.

В настоящее время район представляет собой плоскую озерно-ледниковую равнину московского оледенения, на которую наложены более поздние озерные террасы. Озерная равнина сравнительно слабо расчленена речными долинами, местами заболочена, а с южной стороны подпирается высокими холмами моренной гряды московского оледенения. Основной тип почв района – дерново-сильноподзолистые, суглинистые (ООО «Геос», Отчет 2008).

Вторая группа памятников аккумулируется на территории современного Костромского района, который расположен в юго-западной части Костромской области и граничит на западе с Любимским, Даниловским и Некрасовским районами Ярославской области, на севере с Буйским, на востоке с Сусанинским, Судиславским, Красносельским, на юге с Нерехтским районами Костромской области. Район расположен в бассейне Верхней Волги. Значительную часть гидрографической сети составляет Горьковское водохранилище, а также реки Волга и Кострома. В районе протекают и малые реки, такие как Кубань, Меза, Шача, Андоба, Сущевка, Сендега.

В орографическом отношении территория Костромского района находится в пределах так называемой Костромской низины. В южной части район с запада на восток пересекается современной долиной р. Волги. Широ-

ко развиты первая, вторая и третья надпойменные террасы. Гидрографическую сеть района образует р. Волга с ее многочисленными притоками, главным из которых является р. Кострома.

Формирование современного рельефа данной территории началось еще в доледниковое время, но окончательно он был сформирован в ледниковый период и в дальнейшем формировался благодаря эрозийно-аккумулятивной деятельности постоянных и временных водотоков. Район приурочен к холмистой конечно-моренной гряде московского оледенения. На территории преобладают следующие типы рельефа: рельеф ледниковой аккумуляции, рельеф водно-ледниковой аккумуляции, рельеф речной и озерной аккумуляции. Нередко кроме естественных форм рельефа проявляются и техногенные формы.

В геологическом строении района принимают участие среднечетвертичные ледниковые отложения времени московского оледенения. Эти отложения представлены моренными суглинками (реже − супесями) с большим содержанием плохо окатанного гравия и гальки известняковых пород и валунами магматических пород. Часто в морене встречаются линзы разнозернистых песков. Под московской мореной встречаются среднечетвертичные межморенные водно-ледниковые и озерно-ледниковые днепровско-московские отложения. Водно-ледниковые отложения представлены разнозернистыми песками, часто с гравием и галькой, иногда валунами. Озерно-ледниковые отложения представлены, как правило, ленточными глинами с редкой галькой. Сверху мореноводно-ледниковая толща, как правило, перекрыта нерасчлененным комплексом среднечетвертичных отложений неясного генезиса (покровные безвалунные суглинки и пески).

В долинах рек Волги и Костромы на размытой поверхности ледниковых отложений залегают верхнечетвертичные озерно-аллювиальные отложения речных террас, представленные разнозернистыми песками, содержащими включения гравия и гальки, супесями, суглинками и глинами. Современные пойменные отложения (в основном тонкозернистые пески), развиты узкими полосами в долинах всех рек и речек гидгорафической сети района.

В пределах района развито два основных водоносных комплекса: среднечетвертичный московский водно-ледниковый водоносный комплекс и верхнечетвертичный аллювиально-озерный водоносный комплекс. Эти два комплекса в некоторых случаях (из-за отсутствия разделяющей их московской морены) объединяются в единый средне-верхнечетвертичный горизонт. Кроме двух основных комплексов встречаются среднечетвертичный локально водоносный московский ледниковый комплекс и маломощные водоносные горизонты современных аллювиальных, озерных и болотных отложений.

В пределах указанного района развита речная эрозия и заболачивание местности, реже оврагообразование. Основной тип почв района – дерново-среднеподзолистые, супесчаные (Кривошеин, Отчет 2011).

Сусанинский район расположен в юго-западной части Костромской области. На севере граничит с Буйским, на востоке с Галичским, на юге и юго-востоке с Судиславским, на западе, юго-западе с Костромским районами Костромской области.

Рельеф района холмистый, изрезанный оврагами. В направлении с юго-востока на северо-запад протекают две наиболее значительные реки: Андоба и Шача, каждая из которых имеет значительную пойму шириной от 3 до 6 км. Поймы рек в большинстве своем заболочены. Река Андоба является левобережным притоком реки Костромы и берет начало в Судиславском районе. Река Шача также впадает в реку Кострому. На территории района, кроме этих рек, есть незначительные речки, такие как река Письма – приток реки Костромы, реки Волжница, Пичеж, Водыш.

В северной и северо-восточной части района преобладают среднеподзолистые почвы на средне- и крупнопылеватых суглинках. В восточной части почвы песчаные и болотные, встречаются дерновоподзолистые на тяжелом покровном суглинке.

Освоение населением с традициями изготовления гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики ананьинского типа в раннем железном веке окрестностей Галичского озера и прилегающих речных систем в основном происходило по северному, северо-западному берегам озера, где имелись наибольшие глубины, и по берегам вытекающей из него реки Вексы. В округе Галичского озера известные поселения с такими комплексами керамики тяготеют к высоким местам. Для проживания, как правило, использовались естественные укрепленные участки – останцы в высокой пойме, тяготеющие к коренной террасе и отделенные от нее небольшими овражками, как, например, поселки Унорож, Брюхово (Курган),

Быки (Пуп). Заметно отличается по расположению поселение Умиленье (на дюнном всхолмлении в озерной пойме), но и основные комплексы этого поселка – более ранние по отношению к гребенчато-шнуровой и шнуровой керамике (сетчатая керамика ПБВ и РЖВ, галичская неолитическая керамика). Находки шнуровой посуды на территории поселка единичны, что может указывать на кратковременное посещение данного места в период расселения ананьинских групп в VI–III вв. до н. э. Месторасположение поселения Челсма, которое, по описаниям Е.И. Горюновой (Горюнова, Отчет 2011), также содержало комплексы гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики, достоверно не определено. Как уже упоминалось, памятник был разрушен при строительстве железнодорожного моста; известно, что он находился в южной части от озерной котловины, в месте вытекания из реки Челсмы ручья Святица, и тяготел к пойменной части.

Высота поселков над уровнем поймы составляет: 8 м – Брюхово, 7 м – Быки, 9–12 м – Унорож, 2–6 м – Умиленье, о поселении Челсма такие сведения отсутствуют. Площадь поселков: 475 кв. м – Брюхово, 320 кв. м – Быки (практически вся площадь раскопана). Площадь поселка в Унороже определить невозможно, так как культурный слой раннего железного века перемешан здесь в мерянское время (X–XI вв.), площадка использовалась также в древнерусский период (XII–XIII вв.) и в русское время, территория была занята монастырем, а с XIX в. – деревенским кладбищем, которое функционирует и в наши дни. Вероятнее всего, поселок находился в южной мысовидной, выступающей в пойму части останца, в настоящее время полностью занятой кладбищем. Общая площадь памятника – 14 167,61 кв. м. Основные городищенские слои относятся к мерянскому периоду. Достаточно большая площадь поселения Умиленье (Пески) складывается из двух частей дюнного всхолмления, по крайней мере одна из которых (площадью около 6 000 кв. м) использовалась для проживания в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (табл. А.2, А.5).

Мощность культурного слоя на поселениях в среднем составляет около 0,5 м. Следует отметить, что на памятниках Брюхово (Курган) и Быки (Пуп) культурный слой с керамикой ананьинского облика формируется в верхних горизонтах, а нижние горизонты содержат материалы, соотносимые исключительно с сетчатой керамикой более раннего периода. На Унороже культурный слой значительно переработан в последующее время, и мощность отложений, относящихся к периоду раннего железа, нам не известна.

Классификационная принадлежность таких памятников, как Унорож и Брюхово (Курган), к городищам весьма условна: поселки располагались на естественных всхолмлениях и останцах в пойме, дополнительно не укреплялись, отделены от террасы овражками, а расположение на высоких участках свойственно поселениям в данное время в регионе в целом.

Юго-западнее, примерно в 30 км от акватории Галичского озера, находится Сусанинское болото, вблизи которого известно поселение Медведки II (Шача) (табл. А.2, А.5, А.6). Поселок располагается на низком дюнном всхолмлении в пойме правого берега реки Шачи, в северо-восточной части болота. В настоящее время памятник затоплен. Площадь поселка составляет всего около 60 кв. м, мощность культурного слоя достигает 0,45 м, при этом следует учесть, что памятник также многослойный, в связи с чем определение параметров отложений, относящихся к раннему железному веку, на сегодняшний день затруднительно.

Поселения с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой РЖВ, расположенные на территории Костромской низины, в своем большинстве тяготеют к руслу реки Костромы и к ее более мелким притокам, за исключением городищ, которые находятся по основному течению реки Волги (в г. Костроме и п. Минское). Поселки чаще всего располагались на дюнных всхолмлениях, останцах в широкой пойме (Ватажка, Борань, Станок I–II, Хреново) или на краю надпойменной террасы, как, например, Шунга. Городища приурочены к высоким местам и находились на мысовидных выступах коренной террасы реки Волги (табл. А.2, А.5).

Площадь поселений с материалами ананьинской культурно-исторической области Костромской низменности варьирует от 1 400 до 2 000 кв. м, высота над уровнем поймы или воды в реке составляет от 2 до 6 м (табл. А.5). Городища занимают площадь 1 500 кв. м. (Минское) и 4 400 кв. м. (в Костроме), высота над уровнем воды в реке Волге – 24 и 40 м соответственно. Мощность культурного слоя на поселениях в среднем составляет 0,4–0,5 м, достигая 0,6–0,9 м на многослойных памятниках (Борань, Станок I, II), которые содержат в том числе и другие, более ранние культурно-

хронологические комплексы. На городище в Костроме средняя мощность культурного слоя – 0,3–0,4 м, на Минском городище – 0,8–1,3 м. Следует отметить, что наибольшая мощность культурного слоя городища в Костроме отмечается у края террасы, где достигает 0,8 м, так как с внутренней площадки слой счищался. Оба городища имели с напольной стороны фортификационные сооружения.

Таким образом, отмечается устойчивая тенденция расположения поселений с материалами ананьинской культурно-исторической области на высоких местах (всхолмлениях) в широкой пойме. Непосредственно к руслу реки площадки примыкают редко (Шунга). Городища (мысового типа) хорошо защищены естественными склонами со стороны реки и оврагами, а также искусственными укреплениями с напольной стороны.

Особенностью можно считать и расположение многих поселений (Брюхово, Унорож, Станок I–II, Челсма, Ватажка, Шунга, Хреново, Умиленье) рядом с небольшими речками, ручьями, на месте впадения последних в более крупный водный объект – реку, озеро.

Прежде всего, в результате исследования нами выявлено, что комплексы гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики присутствуют в материалах практически всех поселений РЖВ Костромского Поволжья, на которых проводились раскопки, хотя ее общее количество и сильно варьирует. На таких памятниках, как Борань, Умиленье, Станок I и II, Медведки II (Шача) ее процент минимален. Это и неудивительно, так как эти памятники в основе содержат сетчатую керамику с мелкоячеистой структурой поверхности, характерную, как правило, для более раннего времени. На городищах в Костроме и Унороже фрагментов гребенчато-шнуровой и шнуровой посуды собрано немного, но культурный слой этих памятников на протяжении длительного времени подвергался сильному антропогенному воздействию, к тому же количественно на них преобладают находки как более раннего, так и позднего времени. Такая многослойность памятников способствует некоторому искажению реальной картины распространения здесь гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики. Иная картина наблюдается на поселениях Быки (Пуп), Брюхово (Курган), Ватажка, Шунга и на Минском городище, где количественный состав такой посуды возрастает. Не следует забывать и о группе памятников, на которых проводились только разведочные работы, и принадлежность к раннему железному веку определялась по нахождению сетчатой керамики, часто сильно фрагментированной, в шурфах или на поверхности (подъемный материал). Несомненно, такие памятники могут содержать и другие комплексы, что делает необходимость их полевого изучения еще более актуальной. Достоверно исключить из списка памятников, содержащих ананьинские элементы, в настоящее время можно только хорошо изученные поселения с материалами позднего бронзового времени и переходного периода, такие как Говядиново, Туровское (Заячья горка), Федоровское.

Относительно группы памятников, тяготеющих к бассейну реки Унжи, можно сказать следующее. Прежде всего, обозначим, что в данной местности количество известных памятников, относящихся к РЖВ, не так велико (табл. А.1, А.3). Видимо, стоит согласиться с Ю.Н. Урбаном (Урбан, Отчет (А) 1981), который считает, что бассейн реки Унжи был слабо заселен. Вероятнее всего, данные территории использовались для кратковременных остановок не только населением, оставившим комплексы шнуровой и гребенчато-шнуровой посуды, но и носителями самой сетчатой керамики.

Обособленно в этом ряду стоит округа Чухломского озера, где на настоящий момент памятники с гребенчато-шнуровыми и шнуровыми комплексами РЖВ не известны. В то же время накоплены богатые коллекции сетчатой керамики, соотносимой с РЖВ и периодом бронзового века (основные поселения – Федоровское, Федоровское VII, стоянки на реках Святица и Юг). Расселение вокруг Чухломского озера происходило в низких пойменных местах, на невысоких дюнных всхолмлениях и низких мысовидных выступах, в отличие от других отмеченных выше микрорегионов, где наличие комплексов с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой зафиксировано на поселениях, приуроченных к высоким останцам и мысам, за исключением, пожалуй, Борани.

Проникновение ананьинских традиций изготовления шнуровой и гребенчато-шнуровой керамики в местную культуру с сетчатой керамикой на территории Костромского Поволжья, скорее всего, происходило не повсеместно. Основные поселения, известные на сегодняшний день, сосредоточены на территории Костромской низины и в окрестностях Галичского озера. В округе Чухломского озера материалы с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой на памятниках

раннего железного века, как уже отмечалось, не известны, а сами комплексы сетчатой посуды в большей своей части соотносимы с периодом поздней бронзы и переходного времени. Поселки, вероятно, существовали до стадии наибольшего потепления, когда их места и были подтоплены. Топографическая ситуация указанной территории резко отличается от окрестностей Галичского озера, где присутствуют высокие останцы в широкой пойме. Так, поселение Федоровское, стоянки на р. Юг и Святицкая располагались именно в низких местах.

Таким образом, в VI–III вв. до н. э. на территории Костромского Поволжья поселения с материалами ананьинской культурно-исторической области в основном локализуются в приустьевой части реки Костромы, на территории Костромской низменности, и в окрестностях Галичского озера, образуя два крупных участка их концентрации, расположенных друг от друга на расстоянии около 80 км по прямой (рис. 96). Известны они также в окрестностях Сусанинского болота (местность, расположенная между Галичским озером и Костромской низиной). На всех отмеченных поселениях без исключения имеется и сетчатая керамика. Культурное влияние ананьинской культурно-исторической области на поселения с сетчатой керамикой четко выражено. Можно с уверенностью говорить, что территория Костромского Поволжья, находясь в культурной области носителей сетчатой керамики, на определенном историческом этапе включалась в пределы ананьинской культурно-исторической области и, скорее всего, являлась ее западной периферийной частью. Этот вопрос мы рассмотрим далее. Начало изменения культурной ситуации в VI в. до н. э. в Костромском Поволжье положило импульс развитию памятников со смешанной ананьинской и сетчатой традицией.Территория Костромского Поволжья в это время – зона активного культурогенеза (рис.133).

3. ГРЕБЕНЧАТО-ШНУРОВЫЕ И ШНУРОВЫЕ КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ

3.1. МЕТОДИКА ОБРАБОТКИ КЕРАМИКИ

Важнейшим и, пожалуй, главным материалом, описываемым в работе, является керамика. В настоящей главе проанализирован и систематизирован весь доступный вещевой материал с комплексами гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики РЖВ из поселений Костромского Поволжья. В работе использованы коллекции находок, полученные при стационарных раскопках памятников и разведочных обследованиях территорий Костромского Поволжья под руководством Н.М. Бекаревича, В.И. Смирнова, М.И. Матасова, Н.Н. Гуриной, Е.И. Горюновой, В.С. Патрушева, А.В. Новикова. Рассмотрены коллекции ананьинской керамики Марийского Поволжья с Сиухинского и Ардинского городища, Мари-Луговского поселения (раскопки А.В. Михеева, А.И. Шадрина, Б.С. Соловьева), Пижемского городища, бассейна р. Вятки (сборы Т.Б. Никитиной).

Коллекции гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики ананьинского типа с территории Костромского Поволжья в настоящее время находятся на постоянном хранении в государственном Музейном фонде Российской Федерации, а именно в ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник» (г. Кострома) и его филиалах – Галичском краеведческом музее (г. Галич) и Буйском краеведческом музее (г. Буй). Полный перечень коллекций из памятников РЖВ Костромского Поволжья представлен в работе. Изучены коллекции сетчатой керамики раннего железного века, представленные в Чухломском краеведческом музее. Основные комплексы такой посуды, полученные в округе Чухломского озера, соотносятся с поздним бронзовым веком (поселения Федоровское, Святица, Юг) и в основном найдены при раскопках памятников, проведенных в 1922–1927 гг. под руководством Л.Н. Казаринова, В.И. Смирнова.

Первоначально поставлены и рассмотрены вопросы методики изучения керамики, проанализированы сложности ее типологического определения. Выработана схема исследования сильно фрагментированной гребенчато-шнуровой, шнуровой и гибридной керамики РЖВ Костромского Поволжья.

Далее гребенчато-шнуровая, шнуровая и гибридная керамика была выбрана из многосерийных коллекций, включающих различные культурно-хронологические комплексы, в том числе содержащие и материалы раннего железного века (как правило, сетчатую керамику); из отдельных, часто многослойных, памятников. Сложность процесса состояла и в том, что при проведении полевых работ такая керамика нередко не выделялась и не привязывалась к конкретным археологическим объектам, литологическим пластам и культурным горизонтам или не упоминалась вовсе.

При выделении гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики из общей массы керамики РЖВ, в большинстве своем сетчатой, возникали проблемы типологического определения и дальнейшей интерпретации фрагментарной части комплексов. Часто недоступной для культурной идентификации остается нижняя часть сосудов и их стенки (тулово), содержащие зоны с сетчатой структурой, заглаженные участки и другие, которые могут относиться к разным типам керамики. Выделены гибридные формы керамики с сетчатой и гребенчато-шнуровой ананьинской основой.

Типологически выделяются пять групп донных частей. Фрагменты донных частей в большинстве случаев – плоские с закраиной; с четким углом перехода в стенку; встречаются и плоские донца с плавным скругленным переходом в стенку; очень редко присутствуют округло-утолщенные формы дна; единично имеются округло-приостренные формы.

В исследовании использован положительный опыт работы И.В. Исламовой с фрагментарными керамическими коллекциями РЖВ дьяковского типа из отдельных памятников сопредельной с Костромским Поволжьем территории Тверской области. Анализ материалов показал состоятельность работы с фрагментарными коллекциями по признакам морфологии верхней части посуды у дьяковского населения (Исланова, 2007, с. 94–103; Исланова, 2007, с. 104–111; Исланова, 2011, с. 81–120; Исланова, 2002, с. 510). Автором предложен следующий механизм обработки таких коллекций (Исланова, 2001, с. 61–65), с внесенными изменениями (Исланова, 2002, с. 510).

Группируется вся керамика независимо от характера внешней поверхности и размеров сосуда. Выделено три основных уровня:

1. Стиль – комплекс посуды разных форм, объединенный несколькими отличительными стилистическими признаками, присущими только такой посуде. Эти признаки связаны с оформлением верхней части сосудов. Чаще всего это оформление шейки и края венчика.

2. Форма – общая профилировка сосудов (без деталей), зависящая от функционального назначения.

3. Вариант – связан с характером оформления плеча и участка перехода плеча в тулово. Формы и варианты остаются неизменными вне зависимости от того, есть ли они в конкретном стиле.

Также автор разделяет керамику по характеру внешней поверхности: сетчатая, гладкостенная, штрихованная, лощеная и затертая (Исланова, 2007, с. 94). Дальнейший анализ включает раскладку комплексов по классификационным группам (а внутри них – по формам).

Таким образом, описание керамики производится по следующим признакам: морфология верхней части, орнамент, характер обработки внутренней и внешней поверхности.

Данные построения (после некоторой адаптации) использованы нами для анализа сильно фрагментированной гребенчато-шнуровой и шнуровой ананьинской керамики Костромского Поволжья.

При систематизации материалов керамика соотносилась с известными типологическими схемами ананьинской посуды. Так, В.Н. Марков в нижнекамской посуде ананьинского времени по степени отогнутости шейки выделяет четыре типа (Марков, 2007, с. 17–26):

1. Сосуды с сужающимся горлом (присутствуют в группе слабопрофилированной керамики Костромского Поволжья с легким изгибом шейки внутрь).

2. Сосуды с вертикальными или слабоотогнутыми горловинами (имеются в группе слабопрофилированной керамики Костромского Поволжья).

3. Среднеотогнутые горловины и сильноотогнутое горло (группа профилированных сосудов Костромского Поволжья).

4. Непрофилированные сосуды.

По указателям шейки внутри типов В.Н. Марков выделяет разновидности по горловинам: А – с низкими; Б – со средневысокими; В – высокими.

А.В. Збруева выделяла следующие типы (Збруева, 1952, с. 257):

1. Сосуды с круглым или уплощенным дном. Прямая или слегка отогнутая шейка, прямой венчик. Переход от шейки к стенке плавный. Характерен воротничок.

2. Сосуды, подобные первым, но наибольшей ширины они достигают посередине. Встречаются с резким переходом от стенки к шейке. Также для большей части характерен воротничок (группа плавнопрофилированной керамики Костромского Поволжья с воротничком и без него).

3. Сосуды, подобные первым, но самая широкая их часть – шейка. Шейка отогнутая.

4. Сосуды с прямой или слегка отогнутой шейкой без воротничка. Переход от стенки к шейке резкий, стенки расширяются (группа профилированной посуды Костромского Поволжья).

5. Крупные сосуды с прямой или слегка отогнутой шейкой средней величины. Яйцевидное дно. Переход от шейки к стенке резкий.

При обработке гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики раннего железного века из поселений Костромского Поволжья в основу положены морфологические особенности верхней части посуды, так как часто отсутствует возможность правильной идентификации нижних частей горшка (включая в значительной степени и фрагменты средней части – тулова).

Выделены группы (формы) сосудов по верхней части (табл. А.7):

1. Плавнопрофлированные сосуды.

2. Профилированные сосуды.

3. Слабопрофилированные сосуды.

4. Чашевидные сосуды (непрофилированные).

Параметры степени профилировки определялись по оформлению, изогнутости шейки, переходу ее в плечико, структуре самого плечика и его переходу к тулову сосуда.

Варианты оформления шейки выделены по следующим признакам:

а) плавно вогнутая средняя по величине шейки;

б) короткая вогнутая;

в) высокая вогнутая;

г) высокая прямая;

д) короткая прямая.

Варианты «г» и «д» могут быть с легким выгибом внутрь. Варианты «а»–«в» выделя-

ются и по степени изгиба – плавный, слабый или сильный, глубокий.

Оформление плечиков на посуде представлено следующими разновидностями:

а) пологие низкие (приспущенные);

б) приподнятые выпуклые;

в) ребристые;

г) округлые выделенные.

Оформление края наиболее вариативно (табл. А.8):

а) округлый или скругленный;

б) округлый с валиковым наплывом;

в) округло-приостренный;

г) в виде скошенного наружу бортика;

д) плоский;

е) плоский с утолщением по краям;

ж, з) с Т или Г-образной оттяжкой;

и) с «воротничком»;

к) гофрированный.

Элементы орнамента и его композиции описывались отдельно и характеризовались в каждой выделенной группе посуды. Встречаемая техника нанесения орнамента – шнуровые оттиски, гребенчатые отпечатки, нарезная, а также вдавления. Выделенные элементы сведены в табл. А.9, А.10 приложения А и представлены на рисунках 83–95 приложения В.

При описании шнуровых оттисков выделяется два, три, четыре или более горизонтальных ряда, расположенных вплотную друг к другу, при этом они отделены свободным неорнаментированным пространством или другими элементами орнамента, то есть находятся на определенном расстоянии друг от друга. Имеются и мотивы из вплотную расположенных оттисков одного шнура. Определяемая структура шнуровых оттисков тонкая и толстая. Направление оттисков (при определенном положении шнура) – правонаклонное или левонаклонное.

При анализе комплексов, безусловно, учитывались и другие параметры: обработка внутренней и внешней поверхностей посуды (сетчатая, заглаженная, штрихованная) и характер примесей. Наиболее часто встречаются мелко- и крупноячеистые «рябчатые» отпечатки, очень редко присутствуют нитчатой формы. Структура нитей мелкая. Эти параметры выделялись и описывались отдельно по каждой группе посуды.

Следует еще раз отметить сильную фрагментарность комплексов. Целых форм сосудов в нашем распоряжении нет. Статистические данные получены по верхней части посуды. Существует определенная сложность в вычленении фрагментов нижней части посуды, так как для гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики Костромского Поволжья характерна обработка внешней поверхности посуды сетчатыми отпечатками различной структуры. С наибольшего расширения по тулову или плечикам, реже − с самой шейки, внешняя поверхность покрыта сетчатыми отпечатками как мелкоячеистой, так и крупноячеистой рябчатой структуры, как с бессистемным их расположением, так и складывающимися регулярно. Отпечатки могут быть как четко вдавленными, так и слабо, едва заметными, сильно затертыми. Данное обстоятельство добавляет сложности в идентификации такой керамики. Точно такие же отпечатки характерны и для бедно орнаментированной сетчатой керамики переходного периода, и для керамики раннедьяковского времени. Исследователи, безусловно, отмечают многообразие сетчатых отпечатков в том числе в рамках дьяковской культуры, что добавляет сложности в их изучении, при этом справедливо указывается, что сетчатая керамика – это яркий признак культур лесной полосы РЖВ (Сыроватко, 2009; Сыроватко, 2011; Лопатина, 2015).

Таким образом, при обработке гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики РЖВ с поселений Костромского Поволжья использован следующий алгоритм действий. В основу положены морфологические особенности верхней части посуды, так как в особенностях обработки внешней поверхности посуды сетчатыми отпечатками отсутствует возможность правильной и достоверной идентификации нижних частей горшка, включая по большей части и фрагменты средней части – тулова. Были выделены группы сосудов. Параметры степени их профилировки определялись по следующим признакам: оформлению, изогнутости шейки, перехода ее в плечико, структуры самого плечика и его перехода к тулову сосуда. Определены варианты оформления шейки и оформления плеча на посуде. Учтены особенности орнаментации, охарактеризованы элементы орнамента, обработка внутренней и внешней поверхности посуды (сетчатая, заглаженная, штрихованная), характер примесей.

3.2.КЕРАМИКА ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ ГАЛИЧСКОГО ОЗЕРА И СУСАНИНСКОГО БОЛОТА

Ниже приводится характеристика керамики по каждому памятнику в отдельности. Следует отметить, что гребенчато-шнуровые и шнуровые керамические комплексы из поселений окрестностей Галичского озера наиболее сильно фрагментированы, целые формы сосудов отсутствуют.

Материал из **поселения Умиленье (Пески)** представлен всего двумя фрагментами шнуровой керамики. Один фрагмент со шнуровыми оттисками происходит из раскопа В.И. Смирнова 1927 г., он выглядит достаточно чужеродно среди сетчатой, нитчатой и другой посуды раннего железного века. Коллекция предметов из раскопок хранится в Галичском краеведческом музее (КМЗ/ГКМ ОФ 258/215, ДП-1-118/215). Фрагмент небольшой и маловыразительный, но отмечаются тройной и сдвоенный горизонтальные ряды правонаклонных шнуровых оттисков. Поверхность заглажена. Примесь в тесте – мелкозернистый песок. Черепок серо-черного цвета снаружи и серо-коричневый внутри. Толщина 0,5–0,55 см (рис. 48: 1). Другой фрагмент находится в Костромском музее заповеднике (КМЗ КОК 15413, № 1982). Он происходит из раскопа В.И. Смирнова 1928 г. Внутренняя поверхность заглажена, внешняя покрыта мелкими сетчатыми отпечатками. Примесь в тесте – песок. Черепок – коричневого цвета снаружи и серо-коричневый внутри. Толщина 0,5–0,55 см. Орнаментирован горизонтальным рядом спаренных шнуровых оттисков, под которыми нанесены строенные с неровными расплывчатыми краями, неглубокие вдавления. Орнамент наложен на сетчатую поверхность (рис. 48: 2).

Городище (поселение) Унорож. Керамика РЖВ, найденная на памятнике, сильно измельчена при использовании данного места в более позднее время. Все фрагменты от гребенчато-шнуровой и шнуровой – стенок. Цвет – от коричневого до серо-коричневого, в изломе от серого до коричневого. Примесь в тесте – песок. Толщина стенок 0,4–0,5 см. Коллекция хранится в Костромском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике (КМЗ ВХ-107-13, 108–13, 90–14, 91–14).

В результате раскопок 2013 г., помимо фрагментов сетчатой, обнаружены три фрагмента гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики. На одном фрагменте отмечается горизонтальная косичка из тонких шнуровых оттисков, сверху над ней фиксируется еще один горизонтальный ряд оттисков шнура, а ниже располагаются неглубокие вдавления округлых очертаний. С внешней стороны видны затертые мелкоячеистые хаотичные сетчатые отпечатки. Внутренняя сторона заглажена (рис. 49: 3). Второй фрагмент с внешней и внутренней стороны подштрихован, снаружи нанесен орнамент в виде двойного горизонтального ряда из правонаклонных оттисков шнура, над ним расположены вертикальные отпечатки гребенчатого штампа, замкнутые также горизонтальным рядом шнуровых оттисков. Завершается композиция в нижней части разнонаклонными отпечатками мелкогребенчатого штампа (однорядный зигзаг?) (рис. 49: 1). Орнаментальные мотивы на третьем фрагменте представлены двойными горизонтальными рядами правонаклонных оттисков шнура, между которыми располагается двойной зигзаг из отпечатков мелкогребенчатого штампа. Замыкают композицию два горизонтальных ряда ямочных вдавлений. Фрагмент с обеих сторон заглажен (рис. 49: 2).

При продолжении работ на городище в 2014 г. наряду с фрагментами сетчатой посуды были найдены два фрагмента керамики ананьинского типа. Первый отличается тем, что внешняя поверхность частично заглажена, частично покрыта частыми крупноячеистыми, хаотично расположенными, сетчатыми отпечатками. Изнутри фрагмент заглажен. Орнаментирован горизонтальной косичкой из толстых оттисков шнура и мелкими подтреугольными неглубокими вдавлениями (рис. 49: 4). Внешняя поверхность второго фрагмента на месте орнаментальной зоны заглажена, ниже по тулову прослеживаются подзатертые мелкоячеистые, хаотично расположенные, сетчатые отпечатки. Внутренняя поверхность заглажена. Орнамент: двойной зигзаг чередуется с двойными горизонтальными линиями отпечатков мелкогребенчатого штампа. Завершают композицию однорядный зигзаг и парные каплевидные отпечатки гребенчатого штампа. Аналогичные парные отпечатки присутствуют внутри двойного зигзага (рис. 49: 5).

На поселении **Быки (Пуп)** комплексы керамики ананьинского типа найдены В.И. Смирновым в 1927 г. Предметы хранятся в Галичском краеведческом музее (КМЗ

ГКМ ОФ 256/…, ДП-1-116/…). Наиболее значительно такие комплексы представлены в раскопе Е.И. Горюновой 1961 г. Коллекция находится в Костромском музее заповеднике (КМЗ ДВХ-17, Пуп-61/…). Всего по верхней части определяются не менее четырнадцати сосудов. Толщина стенок посуды в среднем составляет от 0,4 до 0,6 см. Можно выделить 4 группы сосудов.

Представительно выглядит группа ананьинской гребенчато-шнуровой керамики с «воротничком» (группа 1), составляющей 42,86 % керамики ананьинского типа, полученной на поселении (рис. 50: 2; 51: 1, 3, 5, 7; 52: 2). Посуда плавнопрофилированная горшковидной формы с «воротничком» по краю. Высота «воротничка» варьирует от 1 до 2 см. Шейка у такой группы посуды плавно вогнутая, средняя по величине, плечо – пологое, приспущенное. Тулово округлое. Внутренняя поверхность чаще всего заглаживалась и лишь в одном случае заштрихована. Внешняя поверхность также заглаживалась, но однократно отмечена штриховка ниже «воротничка», в двух случаях ниже орнаментальной зоны с наибольшего расширения по тулову наблюдаются участки, покрытые нитчатыми мелкой структуры и сетчатыми регулярного исполнения мелкоячеистой фактуры отпечатками (рис. 50: 2; 51: 7). В примеси к тесту сосудов содержится мелко- и крупнозернистый песок. Снаружи фрагменты коричневые, серо-коричневых оттенков, внутри – серые, серо-коричневые, в изломе, как правило, коричневые, серо-коричневые.

«Воротничок» орнаментирован чаще всего горизонтальными рядами (линиями) оттисков тонкого шнура (направление оттисков правонаклонное, в одном случае левонаклонное, рис. 51: 5), редко дополняемыми другими элементами (ямками).

Под «воротничком» у четырех горшков (рис. 50: 2; 51: 3,7; 52: 2) был нанесен горизонтальный ряд округлых или с неровными краями ямочных вдавлений, в одном случае – подромбической формы. Вдавления четкие, относительно глубокие.

Мотивы орнамента состоят из строенного, счетверенного и более горизонтальных рядов правонаклонных оттисков тонкого шнура, на одном фрагменте фиксируется волна из оттисков тонкого шнура. На одном фрагменте фиксируются левонаклонные шнуровые оттиски (рис. 51: 5). Мотивы из оттисков спаренных шнуров (или вплотную расположенных оттисков одного шнура) отсутствуют. Следует отметить, что в данной группе не наблюдаются элементы орнамента, выполненные отпечатками гребенчатого штампа.

Нижняя часть композиции в фиксируемых случаях замыкается плавно изогнутыми линиями оттисков спаренных шнуров (рис. 50: 2), округлыми вдавлениями и вдавлениями кости, образующими четырехлистник (рис. 51: 7), в остальных случаях отмечаются линии шнуровых оттисков. Орнаментальная композиция в целом формируется только до максимального расширения тулова, ниже не прослеживается.

Вторая группа представлена также плавнопрофилированной посудой (21,43 % от всей керамики ананьинского типа) с высокой вогнутой шейкой и пологими приспущенными плечиками, с округлым туловом. По верхней части выделяются три сосуда (рис. 50: 1, 51: 4; 52: 7). Венчик – скругленный, с слегка утолщенным гофрированным краем и двусторонней Т-образной оттяжкой. На срезе одного венчика отмечены глубокие нарезки, образующие гофрированную поверхность (рис. 52: 7). Примесь в тесте – песок, встречаются фракции крупнозернистого песка. Цвет черепков снаружи и внутри серый, коричневый, серо-коричневый, идентичен и в изломе. Снаружи поверхность заглажена, в одном случае покрыта сетчатыми отпечатками. Внутренняя поверхность заглажена.

Керамика данной группы орнаментирована горизонтальными рядами правонаклонных оттисков одинарного и спаренных шнуров. В одном случае исполнены четырехрядные левонаклонные шнуровые оттиски. Структура шнуровых оттисков тонкая. И лишь единожды отмечены неглубокие ямки между горизонтальными линиями оттисков одинарного шнура, расположенными на шейке (рис. 51: 4). Вдавления расположены вертикально в короткий ряд, составленный из двух ямок. В конкретном случае орнамент нанесен на подзатертую сетчатую поверхность.

Третья группа посуды – это профилированные горшки с высокой вогнутой шейкой и слегка приподнятым, выпуклым, выступающим плечом в виде сглаженного ребра (рис. 51: 2; 52: 4). Тулово округлое, сужающееся к придонной части. Один венчик округло-приостренный, другой – округлый с небольшим валиковым наплывом с внешней стороны. Выделены два сосуда (14,28 %).

Цвет керамики коричневый, серо-коричневый, в изломе серый. Поверхность таких

фрагментов снаружи по шейке до реберного выступа гладкая, ниже – сетчатой структуры. Внутренняя поверхность фрагментов заглажена. Примесь в тесте – песок. В одном случае сетчатые отпечатки мелкоячеистые подзатертые, в другом – крупноячеистые, хаотично расположенные, четко вдавленные.

Орнаментальная зона всегда доходит только до наибольшего расширения по тулову, ниже не спускается. Элементы орнамента данной группы, в сравнении с другими, достаточно разнообразны и представлены горизонтальными рядами спаренных шнуровых оттисков, округлыми и каплевидными вдавлениями, косыми нарезками. Одна линия спаренных оттисков шнура по шейке волнообразно изгибается, чередуясь с тройными каплевидными вдавлениями (рис. 52: 4).

Четвертая группа посуды (21,4 % от керамики ананьинского типа). Выделяются фрагменты не менее чем трех слабопрофилированных сосудов (рис. 51: 6; 52: 1,3). У двух сосудов – плоскосрезанный край с небольшими наплывами в обе стороны (Т-образный). Есть и гофрированный край. Шейка сосудов прямая короткая, наблюдается слабый выгиб внутрь. Плечики низкие, пологие, плавно переходят в слабовыпуклое тулово. Цвет черепков – от серо-коричневого до черного. Внешняя и внутренняя поверхности заглажены. Примесь в глиняном тесте – песок.

Орнамент, как и в предыдущих случаях, наносился только по шейке. Горизонтальные правонаклонные оттиски четырех в ряд тонких шнуров фиксируется в двух случаях, спаренных толстых – в одном, здесь они дополнены сгруппированными парно-овальными неглубокими вдавлениями (рис. 52: 3).

Коллекция предметов, включающих комплексы гребенчато-шнуровой и шнуровой посуды РЖВ, с **городища Брюхово (Курган)** находится в Костромском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике (КМЗ КОК № 18028, Брюхово/…). Вещи найдены при раскопках памятника Е.И. Горюновой в 1961 г. В коллекции имеются фрагменты не менее чем от одиннадцати сосудов, толщина стенок которых составляет от 0,35 до 0,6 см. Следует отметить, что отсутствует керамика с «воротничком». Выделяются несколько групп сосудов.

Группа плавнопрофилированной посуды представлена обломками от двух сосудов (рис. 53: 1, 2). Цвет фрагментов коричневый, серо-коричневый, в изломе серый. Примесь в тесте – песок. Внутренняя и внешняя поверхность заглажены. На одном – нагар на внутренней поверхности (рис. 53: 1). У одного горшка край округлый, у другого – в виде скошенного бортика, на него нанесены короткие косые оттиски мелкогребенчатого штампа. Шейки сосудов вогнутые, плечи пологие низкие. Элементы орнамента представлены горизонтальными линиями, наклонными отрезками и решеткой, выполненными отпечатками мелкогребенчатого штампа. Встречаются округлые с неровными краями ямки и подквадратные вдавления. Элементы орнамента из оттисков шнура отсутствуют. Определенно такие фрагменты происходят от гибридной посуды, более близкой к сетчатой керамике.

Фрагменты профилированной посуды с глубоко вогнутой короткой шейкой и выделенным округлым выпуклым плечом представляют не менее чем три сосуда с плоским, округлым и в виде скошенного бортика краем (рис. 53: 4–6). Цвет черепков снаружи и внутри от коричневого до серого, в изломе – этих же оттенков. Примесь в тесте – песок, в том числе крупнозернистый. С внутренней и внешней стороны сосуды заглажены. Необходимо акцентировать внимание на отсутствие у профилированных горшков гребенчатой орнаментации. Шейки двух сосудов орнаментированы одинарными горизонтальными линиями оттисков толстого шнура в чередовании с округлыми мелкими ямочными вдавлениями. Третий сосуд украшен спаренными линиями оттисков тонкого шнура. Фиксируется три их ряда. Сверху под венчиком нанесены мелкие ямочные вдавления (рис. 53: 5).

Выделены в коллекции и близки к вышеописанной группе фрагменты хорошо профилированного сосуда с скругленным краем, короткой цилиндрической шейкой, приподнятым выпуклым плечом и раздутым туловом с гребенчатой орнаментацией (рис. 53: 3). Цвет черепков коричнево-серый. Внутренняя поверхность сосуда заглажена. Снаружи с плеча по тулову нанесены сетчатые крупноячеистые регулярные, четко вдавленные отпечатки. Примесь в тесте – песок. Орнаментальная композиция сформирована из наклонных отрезков горизонтальных линий и однорядного зигзага, выполненных мелкогребенчатым штампом. С внутренней стороны под краем нанесены наклонные оттиски такого же штампа. Шнуровых оттисков нет. Сосуд также можно отнести к гибридной посуде, наиболее близкой именно к сетчатой керамике.

Следующая группа представлена слабопрофилированным горшком с скругленным краем с небольшим валиковым наплывом наружу (рис. 53: 7). Шейка прямая, высокая, наблюдается легкий плавный выгиб внутрь. Плечики сильно пологие, низкие. Слабо выделен переход в округлое тулово. Цвет коричнево-серый, в изломе серо-черный. Изнутри и снаружи заглажен. Примеси в тесте – мелкий песок и шамот. Орнаментальная композиция представлена горизонтальным рядом из наклонных оттисков тонкого мелкогребенчатого штампа и каплевидных глубоких вдавлений, ниже спаренных рядами шнуровых оттисков. Замыкается орнаментальная композиция однорядным зигзагом из отпечатков тонкого гребенчатого штампа.

Имеющиеся фрагменты стенок в большинстве случаев – от слабопрофилированной и плавнопрофилированной посуды с пологим и низким приспущенным плечом (рис. 54: 1, 3, 4, 5). Выделяется фрагмент стенки от профилированного сосуда со сглажено-ребристым плечом (рис. 54: 7). Цвет фрагментов коричневый, серо-коричневый, часто с внутренней стороны – более темных оттенков: до серо-черного. Примесь в тесте – песок, крупнозернистый песок. В одном случае фиксируются выгоревшие пустоты. Внутренняя поверхность заглажена и лишь в одном случае заштрихована. С внешней стороны часто наблюдается чередование заглаженной зоны с участками, покрытыми сетчатыми отпечатками, в большей степени рябчатыми мелкоячеистой структуры, реже − крупной фактуры. Как правило, участки с сетчатыми отпечатками начинаются после окончания орнаментальной зоны, которая расположена по шейке сосудов. Орнаментальная композиция главным образом складывается из рядов оттисков двойных шнуров, единично фиксируются одинарные и строенные линии. В одном случае оттисками спаренных шнуров образован зигзаг (рис. 54: 1). Дополняются шнуровые оттиски мелкими подтреугольными, прямоугольными и каплевидными вдавлениями (рис. 54: 7), в данном случае оттиски имеют левый наклон. Отмечаются и элементы орнамента, выполненные отпечатками мелкогребенчатого штампа – прямые короткие отрезки, однорядный зигзаг (рис. 54: 4).

Поселение Медведки II (Шача). С территории поселения известен лишь один фрагмент шнуровой керамики (рис. 55: 1), который находится в Буйском краеведческом музее (БКМ ОФ, 891/3), и найден он в 1955 г. М.И. Матасовым вместе с сетчатой керамикой. Фрагмент снаружи коричневый, в изломе серый, внутренняя поверхность серо-коричневая. Толщина – 0,5–0,6 см. Примесь в тесте – мелкий песок. Внешняя и внутренняя поверхность заглажена. Фрагмент от слабопрофилированного сосуда с прямой, слегка изогнутой, высокой шейкой и пологими низкими плечиками. Край плоский, скошен наружу в виде бортика. По шейке прослеживается пять рядов спаренных шнуровых оттисков, первые два разделены между собой подквадратными неглубокими вдавлениями (возможно сгруппированными по три?). Оттиски шнура правонаклонные.

3.3.КЕРАМИКА ИЗ КОСТРОМСКОЙ НИЗИНЫ

Обратимся к поселениям с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой, расположенным в пределах Костромской низменности и основного течения реки Волги вблизи Костромы.

Поселение Борань. Коллекция предметов находится в Костромском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике (КМЗ КОК № 15309, 15310, 15312). Раскопки на памятнике проведены В.И. Смирновым в 1925–1927 гг. Основная керамика памятника представлена фрагментами льяловской неолитической посуды. Коллекция керамики РЖВ в целом малочисленна. В большей массе такая керамика – с сетчатой мелкоячеистой фактурой, хаотично расположенными отпечатками. Встречаются отпечатки «ногтевидной» и вытянутой форм. Намного реже на поверхности горшков фиксируются сетчатые отпечатки с крупноячеистой рябчатой структурой.

Всего по верхней части выделяются не менее четырех сосудов ананьинского облика (рис. 56). Толщина стенок составляет от 0,45 до 0,7 см.

Цвет керамики – от коричневого до серо-черного, аналогичен и в изломе. Внешняя поверхность сосудов по шейке заглажена, ниже с наибольшего расширения по тулову и плечикам покрыта сетчатыми отпечатками, в одном случае заштрихована (штриховка наклонная) (рис. 56: 3). Внутренняя поверх-

ность заглажена. Сетчатые отпечатки подзатертые, мелкоячеистой структуры, слабо вдавленные. Примесь в тесте минеральная – песок, встречаются крупные его фракции.

По верхней части отчетливо выделяется только группа плавнопрофилированной посуды. Форма верхней части восстанавливается по обломкам от двух сосудов. У одного горшка край оформлен в виде скошенного бортика, с небольшими наплывами в обе стороны, у другого – плоский, по его срезу нанесены мелкие подтреугольные вдавления. Шейка сосудов высокая вогнутая, плечи пологие низкие (рис. 56: 1, 2).

Элементы орнамента представлены горизонтальными рядами спаренных правонаклонных оттисков шнура, в верхней части шейки чередующихся или прорезаемых округлыми глубокими вдавлениями. Один фрагмент с внутренней стороны орнаментирован наклонными оттисками крупногребенчатого штампа (рис. 56: 2). На двух фрагментах стенок линии из оттисков спаренного шнура волнообразно выгибаются.

Следует отметить, что все элементы орнамента из оттисков шнура представлены только в виде спаренных горизонтальных линий.

Поселение Станок I. Коллекция предметов находится в Костромском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике (КМЗ КОК № 14285, 15439; КМЗ ВХ б/н). Раскопки проведены В.И. Смирновым при участии Л.Н. Казаринова в 1927–1928 гг. В коллекционной описи представлено описание керамики с орнаментом в виде «веревки», также отмечается привязка к участкам, траншеям и глубине (лопата 1, л. 2 и т. д.). Обнаружена интересующая нас керамика на уровне «первой лопаты», реже встречается на уровне «второй лопаты». Всего выделяется не менее пяти сосудов. Толщина стенок составляет 0,5–0,6 см. Керамика сильно измельчена.

Фрагменты двух слабопрофилированных сосудов (рис. 57: 1, 2): край плоский; в одном случае по срезу фиксируются оттиски гребенчатого штампа, которые выстраиваются в кривую линию (зигзаг); шейка у сосудов прямая высокая, наблюдается слабый выгиб внутрь; плечики низкие, пологие. Цвет черепков – коричневый, серо-коричневый. Внутренняя поверхность заглажена. На внешней поверхности фиксируются сетчатые отпечатки мелкоячеистые, подзатертые и крупноячеистые хаотично расположенные. Примесь в тесте – песок, в том числе крупнозернистый.

Орнамент беден и представлен горизонтальными рядами одиночных и спаренных оттисков шнура.

Найдены на памятнике и фрагменты от плавнопрофилированной посуды горшковидной формы с «воротничком» по краю (рис. 57: 5). Внешняя и внутренняя поверхность сосуда заглажена. Примесь в тесте – песок. Цвет – снаружи коричневый, в изломе серый, внутри серо-коричневый. «Воротничок» орнаментирован горизонтальным рядом, состоящим из спаренных оттисков шнура (направление оттисков правонаклонное). Под «воротничком» нанесен традиционный для такой керамики горизонтальный ряд округлых ямочных вдавлений.

Имеющиеся фрагменты стенок в большинстве случаев – от слабопрофилированной посуды (рис. 57: 3, 4, 6, 7). Цвет – серый, коричневый, серо-коричневый, с внутренней стороны более темных оттенков. Примесь в тесте – песок, дресва. Поверхность заглажена, шероховатая из-за песчаных примесей.

Орнаментальная композиция главным образом складывалась из горизонтальных рядов толстых и тонких оттисков шнура – одиночного, спаренного, тройного. В одном случае линии шнуровых оттисков разделены зигзагом из отпечатков крупногребенчатого штампа (рис. 57: 4).

Поселение Станок II. Коллекция предметов находится в Костромском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике (КМЗ КОК № 17034). Раскопки на памятнике проведены Н.Н. Гуриной в 1954 г. Коллекция керамики РЖВ ананьинского облика малочисленна.

Всего по верхней части выделяется не менее четырех сосудов (рис. 58), описанных ниже. Толщина стенок составляет от 0,45 до 0,6 см.

Профилированный горшок (венчик сломлен) с высокой вогнутой шейкой и слегка приподнятым, выпуклым, выступающим в виде сглаженного ребра плечом. В эту группу выделен один сосуд. Примесь – песок, в том числе крупнозернистый. Цвет – серый, серо-черный. Внутренняя поверхность заглажена. С внешней стороны по шейке сосуд заглажен, с наибольшего расширения по тулову фиксируются сетчатые мелкоячеистые отпечатки. Орнаментальная зона доходит до наибольшего расширения по тулову, ниже не спускается. Элементы орнамента представ-

лены горизонтальными рядами спаренных шнуровых оттисков, каплевидными и клиновидными неглубокими вдавлениями (рис. 58: 5).

Имеются фрагменты не менее чем от двух слабопрофилированных сосудов (рис. 58: 1, 3). Край плоский, в одном случае скошен внутрь, в другом – наружу, по срезу последнего нанесены подпрямоугольные мелкие вдавления. Шейка сосудов прямая, наблюдается слабый выгиб внутрь. Плечики низкие пологие. Цвет черепков коричневый, серо-коричневый. Внешняя и внутренняя поверхности заглажены. Примесь в тесте – песок, в том числе встречаются крупные его фракции.

Орнамент, как и в предыдущих случаях, нанесен только по шейке. У одного горшка фиксируются горизонтальные линии четырехрядных оттисков тонкого шнура, которые в нижней части композиции дополнены округлыми глубокими вдавлениями (рис. 58: 1). На другом сосуде нанесен ряд неглубоких ямок с «рваными» краями – две горизонтальные косички из шнуровых оттисков (рис. 58: 3).

Четвертый сосуд – чашевидной формы. Внешняя и внутренняя поверхности заглажены. Примесь в тесте – песок, фиксируются выгоревшие пустоты (органика). Цвет – от коричневого на внешней поверхности до серо-коричневого на внутренней. Край плоский. По срезу орнаментирован косыми оттисками мелкогребенчатого штампа. С внешней части сосуд орнаментирован горизонтальными рядами спаренных правонаклонных оттисков шнура в чередовании с неглубокими неправильными и ромбическими вдавлениями (рис. 58: 2).

Поселение Шунга. Коллекция предметов находится в Костромском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике (КМЗ КОК № 17033). Раскопки на памятнике проведены Н.Н. Гуриной в 1954 г. В коллекционной описи керамика привязана к жилищам. В жилище № 1 найдена основная масса шнуровой керамики, за исключением редких фрагментов (№ 864–865 по кол. описи), обнаруженных в жилище № 2.

Группа слабопрофилированной посуды (рис. 59: 1–5). В данной группе представлено не менее пяти сосудов. У четырех из них плоский край, с небольшими наплывами в обе стороны, один с Г-образной оттяжкой наружу. Шейка сосудов прямая короткая, реже высокая, наблюдается слабый выгиб внутрь. Плечики низкие пологие, практически не фиксируются, и наблюдается плавный переход в слабовыпуклое тулово. Цвет черепков коричневый (превалирующий), серый, серо-коричневый, в изломе аналогичен. Внешняя и внутренняя поверхности заглажены, в одном случае отмечена штриховка на внутренней поверхности. Примесь в тесте – песок, редко встречаются и крупные его фракции.

Орнамент у данной группы посуды бедный и представлен одиночными и спаренными рядами шнуровых оттисков, которые редко дополняются другими элементами – мелкими округлыми (рис. 59: 2) и пятиугольными вдавлениями (рис. 59: 4).

Группа плавнопрофилированной посуды. По верхней части выделяются три сосуда: с высокой вогнутой шейкой и пологими приспущенными плечиками – в двух случаях и округлым плечом – в одном случае (рис. 59: 6, 8, 10). Венчик скругленный у одного горшка, скошен наружу в виде бортика также у одного и еще один – с валиковым наплывом наружу. По срезу одного венчика нанесены хаотично расположенные неправильной формы мелкие вдавления (рис. 59: 6). Примесь в тесте – песок, встречаются крупные его фракции. Цвет черепков снаружи и внутри серый, коричневый, серо-коричневый, такой же и в изломе. Внешняя поверхность заглажена, в одном случае по тулову покрыта сетчатыми мелкоячеистыми отпечатками (рис. 59: 8). Внутренняя поверхность заглажена.

Керамика данной группы орнаментирована горизонтальными рядами спаренных или тройных правонаклонных оттисков шнура, нередко дополняемыми округлыми и с неровными краями неглубокими вдавлениями.

Группа профилированной посуды с глубоко вогнутой короткой шейкой, средней по величине. Плечо приподнятое выпуклое или выступающее в виде сглаженного ребра. Выделяются четыре сосуда (рис. 59: 7, 9, 11; 60: 10). Край в виде скошенного бортика, округлый и Г-образный. Цвет черепков от коричневого снаружи до серо-коричневого внутри. В изломе фрагменты коричневые. Примесь в тесте – мелко- и крупнозернистый песок. С внешней поверхности сосуды заглажены. С внутренней также заглажены, за исключением одного сосуда, у которого по шейке нанесены сетчатые отпечатки.

Посуда данной группы наиболее разнообразно орнаментирована. Мотивы орнамента складываются из горизонтальных рядов одиночных, спаренных и строенных линий оттисков шнура. Шнуровые оттиски часто сопровождаются различными неглубоки-

ми вдавлениями (округлыми, треугольными, квадратными). Один сосуд украшен волной из спаренных оттисков шнура (рис. 59: 7). Встречаются узкие наклонные оттиски мелкогребенчатого штампа (рис. 59: 11) и «реснички» (рис. 60: 10).

Следующая группа представлена сосудом чашевидной формы с округлым выделенным плечом (рис. 59: 12). Край плоский. Цвет снаружи серый, внутри и в изломе серо-коричневый. Примеси в тесте – песок и дресва. Поверхность как заглаживалась, так и покрывалась сетчатыми мелкоячеистыми хаотично расположенными отпечатками. Орнамент выполнен в верхней части сосуда. Сверху орнаментальная композиция начинается горизонтальным рядом из «жемчужин», чередующихся с различными по форме вдавлениями, ниже нанесены горизонтальные ряды спаренных шнуровых оттисков, чередующихся с подтреугольными и каплевидными мелкими вдавлениями.

Имеющиеся фрагменты стенок в большинстве случаев относятся к слабопрофилированной и плавнопрофилированной посуде с округлым или пологим приспущенным плечом (рис. 60). Имеется и стенка от профилированного сосуда со сглаженным ребристым плечом (рис. 60: 10). Цвет фрагментов с внешней стороны коричневый, реже серый, внутри серо-коричневый и серо-черный. В изломе в основном серых оттенков. Толщина стенок в среднем составляет 0,5–0,6 см. Примесь в тесте – мелкий песок, встречаются крупные его фракции. В 80 % случаев внешняя поверхность стенок заглажена, в 20 % – покрыта сетчатыми отпечатками (отпечатки в большинстве мелкоячеистые, встречаются и крупноячеистые). Внутренняя поверхность всех фрагментов заглажена, и только один имеет заштрихованные зоны.

Участки с сетчатыми отпечатками на внешней поверхности посуды, как правило, начинаются после окончания орнаментальной зоны, чаще всего расположенной по шейке сосудов. Орнаментальная композиция главным образом складывается из горизонтальных рядов, сделанных правонаклонными оттисками шнура. Встречаются мотивы вплотную расположенных оттисков одного шнура, строенные линии, реже нанесены спаренные и четверные оттиски шнура. Дополняются шнуровые оттиски и мелкими подтреугольными и каплевидными неглубокими вдавлениями, ямками с «рваными» краями (рис. 60: 1, 2, 8, 9). Редко (единично) фиксируются и элементы из оттисков мелкогребенчатого штампа (рис. 60: 9).

Городище в Костроме. Коллекция предметов хранится в Костромском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике (КМЗ ВХ 19-12). Раскопки проведены в 2011 г. А.В. Новиковым, в 2013 г. определены границы памятника. Встреченная при раскопках керамика РЖВ представлена в основном сетчатой (рис. 108) (742 экз. – 67,7 %), реже – заглаженной (343 экз. – 31,3 %) и в двух случаях (0,2 %) – со штрихованной поверхностью. Отмечено незначительное количество фрагментов с «текстильными» отпечатками (8 экз. – 0,8 %) финала бронзового века или переходного периода. Встречаются и комплексы шнуровой посуды (в коллекционной описи включены в группу с сетчатой и заглаженной поверхностью). Толщина стенок от 0,4 до 0,8 см.

Находки, обнаруженные в раскопах, оказались сильно смешанными. Среди них выделяются комплексы эпохи поздней бронзы, РЖВ, средневековья и нового времени. Керамический комплекс включает 1185 экз., лепная посуда представлена 1 095 фрагментами. Цвет керамики – коричневый, серый и серо-коричневый. В изломе более темных тонов, от коричневого и серого до черного. Ряд черепков содержит следы легкого нагара.

Сетчатая керамика. В большинстве сетчатые отпечатки представлены «рябчатыми» мелкоячеистой и крупноячеистой структуры. Крупноячеистая фактура отпечатков фиксируется в 489 случаях, с регулярным исполнением элементов (горизонтальными, вертикальными или диагональными рядами) в 73 случаях и с бессистемным их расположением – в 416 случаях. В 69 случаях такая керамика орнаментирована. Фрагменты с мелкоячеистой структурой отпечатков отмечены в 253 случаях, в 23 – с орнаментом. Построение элементов бессистемное, хаотичное (233 случая), реже регулярное (20 случаев). На обоих обозначенных типах встречаются как четко врезанные, так и слабо вдавленные, иногда сильно подзатертые отпечатки. Форма элементов отпечатков различная: «ногтевидная», скобчатая, подтреугольная, многоугольная, неправильная, подквадратная, прямоугольная. С внутренней стороны такая керамика чаще всего заглаживалась.

Фрагменты от сосудов с заглаженной внешней поверхностью (рис. 107) обнаружены в количестве 343 шт., на 70 из них имеется орнамент. Поверхность фрагментов

в 129 случаях шероховатая из-за выступающих песчинок, слегка подзатертая. Возможно, часть фрагментов такой керамики относится к горшкам с сетчатой структурой. Верхняя треть таких сосудов, как правило, орнаментированная могла быть заглажена, а по тулову и в придонной части покрыта сетчатыми отпечатками. Такое встречается в комплексах «текстильной» керамики позднего периода эпохи бронзы, поэтому разделение сильно фрагментированной керамики на сетчатую и заглаженную в данном случае весьма условно.

Типологически отчетливо из общей массы керамики выделяется комплекс гребенчатой гладкостенной слабопрофилированной посуды с высокой шейкой. Край плоский с утолщением или округлый. Посуда орнаментирована крупногребенчатым штампом с достаточно широким зонально-горизонтальным орнаментальным полем. Основная техника нанесения орнамента – крупно- и мелкогребенчатый штамп, вдавления. В орнаментальных мотивах имеются всевозможные округлые вдавления, в том числе ямки с неровными, «рваными» краями. Встречаются каплевидные, подтреугольные, ромбические, овальные вдавления, «жемчужины». Зачастую отмечается рядовое расположение указанных элементов орнамента. Элементы, представленные оттисками гребенчатого штампа, образуют мотивы в виде ромбов, горизонтальных линий (иногда многорядных), участков наклонных коротких отрезков. Представленные композиции сочетают «жемчужины» и один или несколько горизонтальных рядов и наклонных отрезков, выполненных гребенчатым штампом, ямочных вдавлений; отмечается и решетка с вдавлениями внутри. Единожды фиксируется зигзаг из двойных отрезков гребенчатого штампа. Имеется и один профилированный горшок с ребристым плечиком, также орнаментированный мелкогребенчатым штампом.

Орнамент на сетчатой керамике выглядит более бедным, чем на заглаженной посуде, и представлен в основном только различными вдавлениями, с редким присутствием элементов, выполненных гребенчатым штампом (рис. 109).

У 40 горшков орнаментировался срез венчика, который был заполнен либо сетчатыми мелкоячеистыми, хаотично расположенными отпечатками, либо оттисками гребенчатого штампа, как правило, нанесенными в виде косых коротких отрезков.

Отличительными признаками теста всех категорий посуды является основное содержание в нем минеральных примесей, а именно мелкозернистого песка, иногда с крупными его фракциями. Встречается и шамот. Значительно реже наблюдается посуда с пористой структурой (выгоревшая органика, единожды отмечена выщелоченная раковина) и содержанием дресвы и кварцита в тесте. Наблюдается и комбинированное содержание примесей в тесте одно горшка, как, например, песок с шамотом, песок с органикой, шамот с органикой.

В процентом соотношении это выглядит следующим образом: однородное, слабо запесоченное тесто – 1,8 %, с примесью песка – 68,3 %, с примесью мелкозернистого песка с содержанием крупных фракций – 8,1 %. Общее содержание песчаных примесей составляет 78,2 %. Процентное отношение добавок в виде шамота – 15,4 %, дресвы – 1,3 %, органики (визуально фиксируются выгоревшие пустотки) – 4,7 %, кварцитовой крошки – 0,3 % и толченой раковины – 0,1 %.

В оформлении венчиков наблюдается большая вариативность: заворот края внутрь или наружу, или же в обе стороны (Т- или Г-образной формы), зачастую, фиксируются плоские края с небольшими наплывами в ту или иную сторону или скошенные в виде бортика наружу или внутрь, реже отмечается округлый или округло-приостренный край, встречаются валикообразные наплывы или завороты в виде воротничка.

Следует отметить, что при составлении классификации полученной керамической посуды мы имели дело с сильно фрагментированной ее частью, отсутствуют многие морфологические признаки, поэтому построения весьма затруднительны, тем не менее, некоторые виды определяются достаточно четко по верхней трети сосудов. Полные формы не реконструируются.

1. Горшковидная:

– с вертикальной цилиндрической (иногда слегка отогнутой наружу, образующей небольшой раструб или с небольшим изгибом внутрь) высокой, реже короткой шейкой, переходящей в слабовыпуклые пологие низкие плечики и слегка округлое тулово (слабопрофилированные);

– небольшое количество фрагментов с вертикальной, иногда слегка наклонной наружу шейкой, с выделенными ребристыми плечиками и сужающимся к придонной части округлым туловом.

2. Плавнопрофилированная посуда с выраженной вогнутой внутрь шейкой и выступающими округлыми плечиками, переходящими в выпуклое тулово.

3. Чашевидной, баночной или ведрообразной формы.

Встреченные в раскопах фрагменты донных частей происходят от посуды с сетчатыми отпечатками и заглаженной внешней поверхностью. Выделяются с закраиной или без нее (рис. 110). Форма дна плоская, в одном случае уплощенная. В большинстве случаев (71,5 % от общего количество днищ лепной посуды) фрагменты дна – с закраиной, иногда слабо выделенной. Реже отмечаются донья с четким углом перехода в стенку (20,4 %), еще в меньшем количестве зафиксированы донья с большим, как правило, скругленным углом перехода (8,1 %).

Толщина стенок сосудов варьирует от 0,3 до 1,2 см, с увеличением в придонной части. В среднем толщина стенок составляет 0,5–0,7 см.

Как видим, в целом отмечается большое разнообразие керамического комплекса. Орнаментальные композиции сложены из широких сложных зонально-горизонтальных мотивовв построении наблюдаются зигзаги, елочка. Есть и композиции, сложенные только из одного элемента – ямок, которые вытягиваются горизонтальной полосой и опоясывают, как правило, шейку или плечико сосуда. Присутствуют «текстильная», сетчатая, гладкостенная, в единичных экземплярах штрихованная керамика. Значительная вариативность отмечается и в составе примесей в тесте (песок, шамот, органика, дресва, раковина). Итак, фиксируем большую разнородность керамического комплекса, что может указывать как на его хронологическую растянутость, так и культурную неоднородность.

Следует отметить наличие в коллекции большого числа каменных предметов, а также присутствие небольшого объема металлических вещей (что говорит о некоторой её архаичности). Хронологические рамки полученного материала достаточно широки и определяются в пределах I тыс. лет до н. э., но как с верхними, так и нижними допусками. По крайней мере, комплексы финальной бронзы в материалах четко выделяются.

Интерес представляют и обнаруженные на памятнике: поясная сланцевая подвеска; височная спираль в три с половиной оборота из плоской проволоки бронзового сплава; глиняный грузик «дьякова типа» треугольной формы в плоскости осевого сечения, поверхность предмета заглажена, в тесте примесь шамота: по центру нижней части отверстие диаметром 0,5 см и глубиной 2,0 см (класс I, по М.Г. Гусакову, тип 12 в–г, по К.А. Смирнову) (Смирнов К.А., 1971; Гусаков, 2007).

Керамика ананьинского облика, собранная в процессе выполнения раскопок, сильно измельчена, как и коллекция предметов в целом, ввиду интенсивного антропогенного воздействия в позднее время – городище находится на территории современного г. Костромы. В силу этого не представляется возможным получение корректных статистических данных, однако можно с уверенностью говорить, что измельченные фрагменты шнуровой посуды ананьинского типа на территории городища фиксируются.

Орнаментальные мотивы из шнуровых правонаклонных оттисков представлены горизонтальными линиями (как правило, с однорядным расположением) и косичкой (рис. 61). Единично их дополняют подквадратные неглубокие вдавления (рис. 61: 4).

По верхней части выделяются два сосуда.

Один профилированный со скругленным краем, короткой прямой шейкой, приподнятым выпуклым плечиком и раздутым туловом. Цвет черепка – коричневый с внешней стороны, коричнево-черный с внутренней, в изломе черный. С внешней и внутренней поверхности заглажен. Примесь в тесте – песок. Орнаментирован одинарными рядами шнуровых правонаклонных оттисков (рис. 61: 5).

Имеется и фрагмент от плавнопрофилированного сосуда с «воротничком» по краю (рис. 61: 2). Поверхность заглажена. Коричневого цвета с внешней и внутренней стороны, в изломе коричнево-серый. Под «воротничком» орнаментирован горизонтальным рядом чередующихся между собой «жемчужин» и округлых ямочных вдавлений.

Фрагменты стенок шнуровой керамики РЖВ найдены в перемешанном слое, в поздних ямах, в засыпке рва. Интересен фрагмент из ямы № 39, имеющей отношение к конструктивным особенностям рва. Данный фрагмент ошлакован. В шурфах, заложенных с целью определения границ памятника в 2013 г., в средневековом городском слое также были найдены обломки от шнуровой посуды РЖВ. Цвет черепков – коричневый, серый, в изломе серых оттенков. Часть керамики заглажена, часть с внешней стороны покрыта сетчатыми отпечатками. Орнаментированы горизонталь-

ными рядами одинарных и спаренных оттисков шнура, встречается и косичка из шнуровых оттисков (рис. 61: 4).

Поселение Ватажка. Комплексы гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики РЖВ занимают в коллекции важное место, выразительно представлены среди основной массы сетчатой, нитчатой, реже штрихованной и заглаженной посуды переходного периода и раннедьяковского времени. Однако обратим внимание, что сетчатая керамика в керамической коллекции с поселения превалирует. Следует отметить сильную фрагментарность интересуемого нас комплекса и коллекции керамики в целом. Целых форм сосудов нет.

Сетчатая керамика (рис. 102, 104). Наиболее многочисленная категория керамики представлена сетчатой, скудно орнаментированной, посудой. Исключение, безусловно, составляют фрагменты с сетчатой структурой поверхности, но по шейке заполненные рядами шнуровых оттисков (гибридная керамика). Черепки плотные, тесто с примесью песка. Поверхность из-за этого зачастую шершавая. С внешней стороны поверхность такой керамики покрыта мелко и крупноячеистыми «рябчатыми» отпечатками, расположенными как регулярно, так и бессистемно. Отпечатки четко вдавленные, но присутствуют и едва заметные, сильно затертые (рис.102: 1, 6, 7, 12, 19, 20). Отмечено их сочетание: так, на одном фрагменте по шейке расположены бессистемные мелкоячеистые отпечатки, а по туловукрупные регулярные (рис.102: 18). Сетчатые отпечатки – овально-вытянутой, подтреугольной, ногтевидной, скобчатой, неправильной формы. Орнамент на такой посуде редок, не сложен и представлен различной формы вдавлениями (овальные, округлые, зачастую ямки с неровными краями) и насечками. Реже встречаются «жемчужины» (рис.102: 1, 3, 13, 15). Построение элементов орнамента рядно-горизонтальное. По морфологическим особенностям оформления верхней части выделяется три группы посуды.

1. Посуда, напоминающая баночные формы, как правило, с прикрытым устьем, иногда на таких банках намечается легкий изгиб, подчеркивающий шейку. Край плоский или скошен внутрь (рис.102: 1, 3, 7, 13, 14).

2. Профилированная посуда горшковидной формы: сосуды с хорошо выраженной вогнутой шейкой, выделенным, слегка приподнятым или округлым, низким плечом, округлым туловом. Край плоскосрезанный, с оттяжкой в одну или обе стороны (Т- или Г-образный), встречается и с валиковым наплывом с внешней стороны (рис. 102: 2, 5, 8, 12, 20–24). К этой же группе относится четко профилированная, с раструбной шейкой и округлым раздутым туловом, керамика. Орнамент представлен ямочными вдавлениями, дополненными горизонтальными отрезками гребенчатого штампа, образующими неровные (обрезанные) линии (рис. 102: 6).

3. Слабопрофилированные горшки с прямой (или легким прогибом) шейкой, выраженным округлым плечом и округлым туловом. Край, как правило, плоско срезан, с небольшим Г-образным отворотом наружу (рис. 102: 4, 9–10, 15–19).

Среди гребенчато-шнуровой и шнуровой посуды четко выделяется комплекс керамики с «воротничком», где поверхность заглажена или слегка подштрихована (расчесана); также в основном заглажена поверхность плавнопрофилированной шнуровой посуды и горшков только с гребенчатой орнаментацией. Вполне допустимо, что наличие определенного количества стенок с сетчатой структурой поверхности происходит, вероятно, от посуды со шнуровой орнаментацией, нижней ее части. Тогда процент данного комплекса керамики может выглядеть весьма внушительно и достигать как минимум 30 % от количества керамики поселка Ватажки.

Коллекции предметов из раскопок поселения Ватажка, проведенных в 1925–1927 гг. под руководством В.И. Смирнова и в 1954 г. Н.Н. Гуриной, в настоящее время находится на постоянном хранении в фонде археологии ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей заповедник», г. Кострома (раскопки 1925 г.: (КМЗ КОК № 15407); раскопки 1926 г.: (КМЗ КОК № 15406); раскопки 1927 г.: (КМЗ КОК № 15405); раскопки 1954 г. (КМЗ КОК № 17035).

Всего насчитывается 8 336 предметов из раскопок 1925–1927 гг. и 10 883 предмета, которые были получены в 1954 г.

Первая группа керамики ананьинского типа представлена гребенчато-шнуровой плавнопрофилированной посудой с «воротничком». В коллекции имеются фрагменты не менее чем от тринадцати сосудов, выделенных по верхней части (рис. 62). На сегодняшний день это самый представительный зафиксированный комплекс «воротничковой» ананьинской посуды в пределах Костромского Поволжья.

Морфологические особенности данной группы посуды: горшки плавной профилировки с «воротничком» по краю (ворот максимально спускается от среза на 2,5 см), слегка вогнутой внутрь шейкой и пологим, низко опущенным плечом (в одном случае округлым, выпуклым, рис. 62: 7). Тулово округлое. Низкий ворот отмечен в четырех случаях, высокий – в восьми.

Поверхность, как правило, снаружи и внутри заглажена. В четырех случаях ниже орнаментальной зоны с внешней стороны наблюдаются расчесы по тулову (рис. 62: 3, 7, 11, 12). Снаружи фрагменты коричневые, серо-коричневые, изнутри серые, иногда с легким нагаром. В изломе, как правило, фрагменты серые, серо-черные. В примеси – песок, встречаются фракции крупнозернистого песка, дресва. В одном случае отмечена органическая примесь.

В большинстве случаев «воротничок» орнаментирован горизонтальными рядами из тонких шнуровых оттисков (направление оттисков во всех случаях правонаклонное), в одном – без орнамента, в трех случаях фиксируются вертикальные отрезки, выполненные отпечатками гребенчатого штампа, и опять же в одном случае – неглубокие вдавления подромбической формы, чередующиеся с горизонтальной елочкой, выполненной также неглубокими вытянутыми вдавлениями (рис. 62: 10). Горизонтальные линии, образованные шнуровыми оттисками, в четырех случаях дополнены наклонными отпечатками гребенчатого штампа, начинающими композицию и заканчивающими ее у основания «ворота». В двух случаях фиксируются вертикальные отрезки отпечатков гребенчатого штампа (рис. 62: 5, 12).

Мотивы орнамента представлены спаренным, тройным, четырех- и более горизонтальными рядами оттисков шнура. Под «воротничком» у восьми сосудов нанесен горизонтальный ряд округлых ямочных вдавлений, который часто дополняется коротким вертикальным рядом из двух ямок, выстраивающихся перпендикулярно основному ряду. Ямочные вдавления четкие, относительно глубокие.

Часто ряды шнуровых оттисков как на «воротничке», так и ниже по шейке и плечике чередуются с наклонными отрезками, выполненными оттисками гребенчатого штампа. Нижняя часть композиции в двух случаях замыкается однорядным зигзагом, выполненным отпечатками гребенчатого штампа (рис. 62: 4, 7), в одном – наклонными отпечатками гребенчатого штампа и небольшими ямками (рис. 62: 12), еще в одном – неглубокими вдавлениями (рис. 62: 11), в остальных – горизонтальными линиями шнуровых оттисков.

Орнаментальная композиция формируется только до максимального расширения тулова, ниже не наносится.

Вторая группа керамики ананьинского облика представлена плавнопрофилированными сосудами с вогнутой высокой или средней величины (редко короткой) шейкой, пологими приспущенными или округлыми плечиками (рис. 63, 64). По верхней части выделяется не менее двадцати шести сосудов. Венчик плоский в трех случаях: плоский, со слегка утолщенным, как правило, внешним краем – в шести; округло-приостренный – в одном; округлый с валиковым наплывом – в восьми; с Г- либо двусторонней Т-образной оттяжкой – в семи случаях; в виде скошенного бортика – в одном случае. Примесь в тесте – песок, крупнозернистый песок. Цвет черепков снаружи и внутри серо-коричневый, в изломе черный, серо-черный. Снаружи поверхность заглажена, иногда подштрихована и лишь в четырех случаях – с сетчатыми отпечатками. Внутри фрагменты заглажены.

Керамика данной группы орнаментирована одиночными горизонтальными правонаклонными шнуровыми оттисками в четырех случаях, спаренными – в десяти, тройными – в семнадцати, в четыре и более ряда – в девяти.

Горизонтальные линии шнуровых оттисков дополняются, чередуются с рядами ямочных вдавлений округлой формы, реже – неправильной, подквадратной и прямоугольной. Следует отметить, что в основном у этой группы керамики вдавления глубокие, четкие. Вдавления в большинстве случаев опоясывают шейку сосудов, реже отмечаются по плечику (четыре раза) (рис. 63: 4, 13, 21; 64: 9). Единично по плечику отмечены ямки с «ресничками» (рис. 63: 14). На одном фрагменте одиночная горизонтальная линия шнуровых оттисков волнообразно изгибается (рис. 63: 8). Срез в четырех случаях оформлен косыми отпечатками гребенчатого штампа (рис. 63: 21; 64: 3, 8, 14), в одном случае – гофрированный (рис. 63: 12). Единично зафиксированы и вертикальные отпечатки гребенчатого штампа, дополняющие ряды шнуровых оттисков (рис. 63: 5). В одном случае отмечена горизонтальная елочка (рис. 64: 4). Поверхность

одного из сосудов имеет достаточно сложную, в сравнении с другими горшками данной группы, орнаментацию. На сетчатую поверхность мелкоячеистой структуры, местами сильно подзатертую, накладываются шнуровые оттиски в виде двойной горизонтальной линии и двойного горизонтального зигзага и шнуровыми оттисками, сделанными разреженно, но повторяющими горизонтальные линии. Оттиски дополнены по шейке и плечикам ямочными вдавлениями (рис. 63: 21).

Третья группа представлена профилированными сосудами с высокой вогнутой шейкой и выделенным, слегка приподнятым, выпуклым плечом, нередко оформленным в виде ребристого выступа (рис. 65, 66). Тулово округлое, сужающееся к придонной части. По верхней части выделено шестнадцать таких сосудов.

Венчик плоский, слегка скошенный наружу в четырех случаях, с небольшой Г-оттяжкой края наружу в двух случаях. В одном случае – с «валикообразным» наплывом (рис. 65: 3), у трех горшков – округло-приостренный.

Цвет керамики коричневый, серо-коричневый, в изломе – коричневый, серо-черный, нередко трехслойный. У части фрагментов на поверхности прослеживаются следы небольшого нагара. Поверхность таких фрагментов снаружи гладкая или с сетчатыми отпечатками. Внутри фрагменты заглажены. Примесь в тесте – песок, встречаются крупные фракции песка.

У двенадцати фрагментов отмечены сетчатые и «нитчатые» отпечатки, как правило нанесенные с наибольшего расширения по тулову, единично заходящие на зону с шнуровыми оттисками, то есть на шейку сосуда. Фактура сетчатых отпечатков – мелкоячеистая с регулярным и хаотичным их исполнением, местами отпечатки сильно затертые. Один раз встречаются крупноячеистые четко вдавленные отпечатки в регулярном их исполнении. В трех случаях отпечатки «нитчатые».

Как и у предшествующей группы плавнопрофилированной шнуровой керамики, орнамент не наносится ниже наибольшего расширения плечика по тулову, максимально доходит до ребристого выступа на плече.

Одинарные правонаклонные шнуровые оттиски отмечены три раза, спаренные – четыре раза, тройные – четыре раза и выстроенные в четыре ряда и более – в восьми случаях. На одном фрагменте отмечена двойная волна из шнуровых оттисков (рис. 66: 4).

Помимо шнуровых оттисков элементы орнамента данной группы достаточно скудны и представлены в основном мелкими неправильными, вытянутыми вдавлениями, ямками с неровными краями, прямоугольными и квадратными вдавлениями. Единично отмечен однорядный горизонтальный зигзаг из отпечатков гребенчатого штампа (рис. 65: 10).

Следует отметить, что вдавления, особенно округлой формы, на такой керамике фиксируются значительно реже, чем на «воротничковой» и плавнопрофилированной шнуровой посуде. На одном фрагменте нанесены разнонаклонные незамкнутые овалы из оттисков шнура, между которыми расположены горизонтальные линии шнуровых оттисков (рис. 65: 2).

Выделяется и фрагмент, где на сетчатую мелкоячеистую подзатертую поверхность по шейке наложены тройные ряды оттисков шнура и спаренные вдавления четырехугольной и неправильной формы, а с наибольшего расширения плечика вниз по тулову фиксируются сетчатые крупноячеистые четкие регулярные вдавления (рис. 65: 9).

Четвертая группа – это сосуды с прямой вертикальной или слегка вогнутой внутрь шейкой (слабопрофилированные) (рис. 67, 68). Выделяется две подгруппы.

1. В данной подгруппе насчитываются девять горшков, которые имеют плавный, слегка изогнутый профиль (рис. 67). Край округлый у четырех горшков, слегка приплюснутый плоский – у двух и также у двух – с Г-образной оттяжкой наружу, у одного – валикообразный. Шейка высокая прямая, с небольшим изгибом внутрь, плечики округлые, в одном случае – с небольшим ребристым выступом (рис. 67: 4). Тулово сужается к придонной части.

Цвет черепков коричневый, коричнево-серый, в изломе фрагменты серые, серо-черные. Внутренняя поверхность заглажена. Примесь в тесте – песок, в том числе встречаются фракции крупнозернистого песка.

У трех сосудов данной группы с внешней стороны, с наибольшего расширения по тулову, идут четкие сетчатые отпечатки крупноячеистой фактуры, у двух – мелкоячеистые, слабо вдавленные, подзатертые отпечатки. В двух случаях внешняя поверхность ниже орнаментальной зоны сколота (рис. 67: 1,8). Один сосуд заглажен (рис. 67: 7), другой – полностью покрыт шнуровыми тонкими оттисками (рис. 67: 5).

Одинарный ряд из правонаклонных шнуровых оттисков не встречается, двойной отмечается один раз, тройной – три раза, в четыре и более рядов – пять раз. На одном сосуде по шейке линии оттисков шнура наложены вертикально на поверхность с сетчатыми отпечатками (рис. 67: 9).

Элементы орнамента, за исключением шнуровых оттисков, как и в предыдущей группе, крайне бедны и представлены округлыми, неправильными и каплевидными вдавлениями. Вдавления нанесены на шейку и плечики.

Все элементы орнамента размещены строго по шейке и плечикам, ниже не наносятся.

2. Выделяются фрагменты не менее чем от двадцати двух слабопрофилированных сосудов (рис. 68). Плоский край (4 экз.) встречается чаще всего с оттяжкой на внешнюю сторону, реже – в обе или в обратную внутреннюю сторону (Т или Г-образные) (12 экз.), иногда прослеживается подобие небольшого валикообразного наплыва (1 экз.). Фиксируется и плоский скошенный край, оформленный в виде бортика (в пяти случаях). Шейка прямая высокая (реже короткая) цилиндрическая, иногда наблюдается легкий плавный выгиб внутрь. Плечики низкие, сильно пологие, переходят в слабо выпуклое тулово.

Цвет черепков коричневый, коричнево-серый, в изломе серо-черный. Внутри фрагменты заглажены. Отмечается легкий нагар у пяти сосудов с внутренней стороны. Примесь в тесте – песок.

Орнамент, как и в предыдущих случаях, наносился по шейке. Оттиски однорядного шнура фиксируются в пяти случаях, спаренного – в семи, тройного – в семи, четырех- и более рядного – в двенадцати. В одном случае до места слома фиксируется тринадцать рядов оттисков шнура (рис. 68: 8). Следует отметить, что на одном сосуде нанесены левонаклонные шнуровые оттиски (рис. 68: 18), такие в коллекции керамики Ватажки фиксируются единично. В одном случае тройной горизонтальный ряд оттисков шнура плавно изгибается волной (рис. 68: 3).

При орнаментации сосудов дополнением к горизонтальным рядам шнуровых оттисков являются различные вдавления (округлые, неправильные, подквадратные, вытянутые), выстроенные горизонтальными рядами. Встречаются как глубокие, так и неглубокие вдавления.

На одном сосуде спаренные ряды шнуровых оттисков разделены горизонтальной линией, выполненной отпечатками крупногребенчатого штампа (рис. 68: 13).

Нередко у данной группы оформляется срез. Так, фиксируются косые нарезки, образующие гофру (рис. 68: 1), подтреугольные вдавления (рис. 68: 5), единично отмечена двойная линия шнура (рис. 68: 3). Присутствуют сетчатые отпечатки (рис. 68: 7, 15).

Поверхность четырех сосудов покрыта сетчатыми мелкоячеистыми отпечатками, хаотично расположенными, в двух случаях отпечатки «ногтевидной» формы.

Кроме того, в коллекции находятся и стенки от шнуровой посуды РЖВ. Примесь в тесте – песок, в том числе крупнозернистый, кварцит. В основной массе поверхность заглажена, у восьми фрагментов – с сетчатыми отпечатками, из них у четырех – с крупными рябчатыми отпечатками, столько же имеют мелкоячеистую фактуру. Оттиски шнура однорядные, но чаще двух- и трехрядные, единожды – четырехрядные. Орнамент дополняется и вдавлениями различной формы. Сопоставить стенки с определенной группой посуды из-за сильной фрагментарности достаточно сложно. Придонные и донные части (плоские в большинстве) среди общей их массы определенно выделить и соотнести с той или иной категорией керамики не удается, но, вероятно, часть из них соотносится с керамикой ананьинского облика, гибридной посудой, другая (большая?) – с сетчатой посудой.

Донные части сосудов. Типологически представлено пять групп донных частей (рис. 104: 3; 105; 106). Следует отметить небольшое количество их фрагментов в данной коллекции. 1. В одном экземпляре присутствует округло-приостренное дно. На внешнюю поверхность беспорядочно нанесены сетчатые отпечатки мелкоячеистой структуры, на отдельных участках сильно подзатерты (рис. 104: 3). Примесь – песок, крупнозернистый песок. 2. Фрагменты плоских днищ с закраиной, от посуды с сетчатой структурой поверхности в придонной части. Примесь в тесте – песок (рис. 106). Донных частей данной категории отмечено наибольшее количество. 3. Плоское дно с четким углом перехода в стенку (рис. 105: 1–5). Внешняя поверхность придонной части с сетчатой структурой. Примесь – песок. 4. Плоское дно с плавным скругленным углом перехода в стенку (рис. 105: 6–10). Посуда с сетчатой поверхностью в придонной части. Примесь – песок. 5. Округло-утолщенные днища от посуды с заглажен-

ной поверхностью (рис. 105: 11–15). Примесь – песок, крупнозернистый песок.

Минское городище. Коллекция предметов находится в фонде археологии ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей заповедник», г. Кострома:

– раскопки Н.Н. Гуриной 1954 г. (КМЗ КОК № 17032);

– раскопки В.С. Патрушева 1989 г. (КМЗ КОК № 48498; КМЗ НВ № 17238);

– раскопки В.С. Патрушева 1991 г. (КМЗ ВХ № 405);

– раскопки В.С. Патрушева 1990 г (КМЗ ВХ № 406);

– раскопки В.С. Патрушева 1992 г. (КМЗ ВХ № 732).

Коллекция из памятника внушительная, только керамического материала во время исследований в разные годы собрано более пятнадцати тысяч фрагментов. Можно отметить значительное своеобразие керамического комплекса РЖВ: присутствуют фрагменты посуды с сетчатыми отпечатками «рябчатой структуры», «нитчатой», реже – с штрихованной и заглаженной поверхностью. Толщина стенок всех групп сосудов варьирует в среднем между 0,5–0,6 см. Достаточно хорошо представлен комплекс керамики ананьинского типа (рис. 69–82). Выделяется несколько групп такой посуды.

Группа чашевидной посуды (рис. 79). Выделяются четыре таких сосуда. Шейка высокая прямая, слабовогнутая, плечо округлое, в одном случае – низкое пологое. Тулово сужается к донной части. Край плоский, с небольшими утолщениями в обе стороны или слегка скошенный наружу в виде бортика, встречается гофрированный. Примесь в тесте – песок, встречается дресва. Цвет черепков с внешней стороны коричневый, с внутренней серо-коричневый. В изломе, как правило, фрагменты серые. Внутренняя поверхность заглажена, один имеет заштрихованную область в верхней части. Внешняя поверхность посуды этой группы покрыта сетчатыми отпечатками. Поверх сетчатых отпечатков нанесен орнамент в виде шнуровых оттисков. Во всех случаях ряды оттисков шнура спаренные, в двух случаях образуют косичку, направление рядов при этом разностороннее. Максимально выстраивается четыре парных ряда оттисков шнура. Ниже рядов из оттисков шнура нанесены вдавления, нередко по три, образующие треугольник, опущенный вершиной вниз. Вдавления клиновидные, каплевидные и фигурные, неглубокие. На имеющейся посуде этой группы всегда орнаментировался срез – косые гребенчатые оттиски, подквадратные мелкие вдавления и нарезки.

Группа плавнопрофилированной посуды (рис. 69: 1–3; 70). Имеются фрагменты не менее чем от четырех сосудов, выделенных по верхней части, включая один развал (диаметр по венчику 16 см) (рис. 70). Шейка низкая, средней величины и в двух случаях высокая, с плавным изгибом внутрь. Плечики округлые, в одном случае низкие пологие. Тулово выпуклое и сужается к придонной части. Край плоский с небольшими утолщениями в обе стороны у двух сосудов, скошен наружу у одного и у другого округлый. Примесь в тесте – песок. Цвет черепков снаружи коричневый, изнутри более темных оттенков: серо-коричневый или черно-коричневый, в изломе черепки серые. Внутренняя поверхность фрагментов заглажена. Один имеет заштрихованную область в верхней части, что отмечалось и у группы чашевидной посуды. Внешняя поверхность у одного заглажена, у остальных покрыта сетчатыми отпечатками. Отмечаются подзатертые мелкоячеистые отпечатки на внешней поверхности двух сосудов и крупноячеистые четко вдавленные, регулярного исполнения – у одного. Как и у группы чашевидных сосудов, поверх сетчатых отпечатков нанесен орнамент из оттисков шнура. Горизонтальные ряды шнуровых оттисков, как правило, спаренные, встречаются и одинарные. Часто имеется и косичка из оттисков шнура (рис. 69: 1, 2; 70). Максимально выстраивается четыре парных ряда оттисков шнура. На плечиках двух сосудов ниже рядов шнуровых оттисков нанесены вдавления (рис. 69: 2; 70). На одном сосуде нанесен зигзаг из округлых, слабо вдавленных ямок. На другом сосуде ямки сгруппированы по три. Орнамент не наносится ниже наибольшего расширения плечика по тулову.

Срез орнаментирован косыми оттисками гребенчатого штампа у двух сосудов и округлыми неглубокими вдавлениями – у одного.

Посуда с «воротничком» по краю представлена в единственном экземпляре (рис. 69: 4). Фрагмент небольшой и маловыразительный. Цвет черепка коричневый снаружи, серо-коричневый внутри, в изломе коричневый. Примесь в тесте – мелкозернистый песок. С внешней и внутренней сторон фрагмент заглажен. Высота «ворота» 1,4 см. Толщина стенки 0,5 см. Шейка короткая вогнутая. По «воротничку» сосуд орнаментирован наклон-

ными отпечатками тонкого мелкогребенчатого штампа, возможно, образующими зигзаг. Под «воротничком» имеются округлые средней глубины вдавления. По шейке нанесены разнонаклонные отпечатки мелкогребенчатого штампа.

Группа профилированной посуды (рис. 71, 72). Фрагменты керамики от профилированной посуды с глубоко вогнутой короткой или средней величины шейкой и выделенным приподнятым, выпуклым или ребристым плечом представлены не менее чем десятью сосудами. Тулово сужается к придонной части. Край округлый у трех сосудов (рис. 71: 1, 5, 6), у одного загнут наружу (рис. 72: 3), у двух других скошен наружу в виде бортика (рис. 71: 2, 4). Цвет черепков снаружи коричневый, изнутри серо-коричневый, в изломе серый, серо-коричневый. На одном сосуде фиксируются следы копоти и нагара. Примесь в тесте – мелко и крупнозернистый песок. С внутренней стороны сосуды заглажены. Внешняя поверхность двух сосудов покрыта сетчатыми крупноячеистыми отпечатками, мелкоячеистые отпечатки (нередко затертые) нанесены по тулову пяти сосудов. У трех сосудов поверхность в верхней части заглажена.

Орнамент наносился до максимального расширения по плечу, ниже отсутствует. Горизонтальные линии из оттисков шнура нанесены в один, два или четыре ряда. Дважды фиксируется косичка из шнуровых оттисков. На одном фрагменте фиксируются разнонаклонные ряды шнуровых оттисков (тройной ряд), образующие короткий вертикальный зигзаг (молнию) (рис. 72: 2). Вдавления, как правило, замыкают орнаментальную композицию и достаточно вариативно представлены (фигурные, подромбические, округлые, подквадратные, каплевидные). Вдавления неглубокие. В двух случаях происходит чередование горизонтальных рядов шнуровых оттисков (в одном – одинарные, в другом – спаренные) и различных вдавлений (рис. 71: 4; 72: 3). Срез орнаментирован у двух сосудов (рис. 71: 1, 4).

Наиболее представительно на памятнике выглядит группа слабопрофилированных сосудов (рис. 73–78).

Группа горшков с прямой вертикальной или слегка вогнутой внутрь шейкой (слабопрофилированные). Выделяется две подгруппы, как и на поселении Ватажка.

1. В данной подгруппе выделяются пять горшков (в том числе один развал), которые имеют плавный, слегка изогнутый профиль (рис. 74). Шейка высокая прямая, с небольшим изгибом внутрь, плечики округлые. Тулово сужается к придонной части. Край плоский с утолщениями (2 экз.), гофрированный (2 экз.), округлый с небольшими наплывами (1 экз.).

Цвет черепков коричневый, коричнево-серый, в изломе фрагменты серые, серочерные. Примесь – песок, в том числе встречаются фракции крупнозернистого песка.

Необходимо отметить особенность такой посуды. Все сосуды данной группы с внешней стороны, с наибольшего расширения по тулову, покрыты сетчатыми отпечатками крупноячеистой структуры. Отпечатки четко вдавленные. Внутренняя поверхность заглажена.

Из оттисков шнура наносятся только спаренные ряды. В трех случаях орнаментальная композиция замыкается вдавлениями, в двух случаях сгруппированными по три. Вдавления округлые, подпрямоугольные и неправильные. Особенностью орнаментации шнуровыми оттисками можно назвать косичку, представленную на четырех сосудах.

Орнамент наносился, как и в предыдущих группах посуды, до наибольшего расширения по тулову. У двух сосудов орнаментирован срез косыми отпечатками гребенчатого штампа, у одного − косыми нарезками. У одного заполнен сетчатыми отпечатками.

2. Выделяются фрагменты не менее чем от двадцати одного слабопрофилированного сосуда, в том числе четырёх развалов (рис. 73, 75–78). Шейка прямая высокая (реже короткая) цилиндрическая, иногда наблюдается легкий плавный выгиб внутрь. Плечики низкие, сильно пологие, переходят в слабовыпуклое тулово.

Плоский край фиксируется в шести случаях, плоский с утолщением по краям – в двух, округлый – в двух, округло-приостренный – в одном, в виде скошенного наружу бортика – в четырех, гофрированный – в девяти, Т-образный – в одном, Г-образный – также в одном и округлый с валиковым наплывом наружу – в одном.

Цвет черепков снаружи коричневый, коричнево-серый, в изломе серый, серочерный. Внутри оттенки цветов более темные, чем снаружи: серые, серо-коричневые. Отмечается нагар на двух сосудах. Примесь в тесте – мелко- и крупнозернистый песок, редко встречается дресва.

Внешняя поверхность в четырнадцати случаях покрыта сетчатыми отпечатками, в одном – «нитчатыми», в двенадцати случаях поверхность заглажена. Отмечается

и чередование зон с сетчатой и заглаженной поверхностью. Заглаживалась в таком случае, как правило, шейка, а по тулову наносились сетчатые отпечатки. Внутренняя поверхность чаще всего заглаживалась (29 экз.). Единично отмечены участки, штрихованные и с сетчатыми отпечатками. На одном сосуде ряды шнуровых оттисков нанесены до наложения на поверхность сетчатых отпечатков. Зона с сетчатыми отпечатками заходит на орнамент, накрывая его (рис. 73: 3). Встречаются оттиски шнура как тонкие, так и толстые.

Орнамент, как и у других групп керамики, наносился строго по шейке, до наибольшего расширения по тулову. Однорядные шнуровые оттиски фиксируются в двух случаях, спаренные – в девяти, тройные не зафиксированы ни разу, четырехрядные – в двух случаях. В четырех случаях отмечены трехрядные оттиски шнура, образующий короткие вертикальные молнии (рис. 73: 1; 75: 5; 76: 1,7). Наиболее распространенным элементом из шнуровых оттисков является косичка, чаще всего расположенная в три или четыре горизонтальные линии, которая отмечается в тринадцати случаях.

Дополнением в орнаменте к горизонтальным рядам шнуровых оттисков являются различные, как правило, неглубокие вдавления (фигурные, округлые, неправильные, подквадратные, вытянутые, ромбические, подтреугольные), выстроенные также горизонтальными рядами. Чередование рядов вдавлений и шнуровых оттисков отмечено на ряде сосудов (рис. 73: 1; 75: 5; 76: 7; 77: 5). Как правило, вдавления замыкают орнаментальную композицию. На одном сосуде композиция из шнуровых оттисков замыкается двойной прочерченной волной (рис. 76: 3). Отпечатки гребенчатого штампа на внешней поверхности данной группы сосудов отсутствуют. Гребенчатая техника исполнения орнамента применялась только для оформления среза.

Часто у рассматриваемой группы оформлен срез. Так, фиксируются косые гребенчатые оттиски, нередко при их нанесении образовывается гофра (рис. 75: 1–3; 76: 1; 77: 2). Отмечаются и подпрямоугольные, ромбические, округлые вдавления, включая вдавления с неровными краями (рис. 76: 2, 4, 5; 77: 4; 78: 3, 6), при нанесении которых также нередко образуется гофрированность края. Накладываются и сетчатые, хаотично расположенные отпечатки (рис. 73:1–4; 75: 2, 5; 76: 3, 6–7; 77: 1, 3, 5–7; 78: 1, 5, 7).

Кроме того, в коллекции имеются и стенки от шнуровых сосудов РЖВ (рис. 80–82). Примесь в тесте – песок, встречаются крупные его фракции. Внешняя поверхность чаще всего имеет участки, покрытые сетчатыми отпечатками как крупноячеистой, так и мелкоячеистой фактуры или реже заглаженные. Оттиски шнура однорядные, чаще спаренные, в одном случае четырехрядные. Часто отмечаются косичка и молния из оттисков шнура. Дополняется шнуровой орнамент чаще всего неглубокими вдавлениями округлой, фигурной, каплевидной, подквадратной, подтреугольной форм. С уверенностью сопоставить стенки с какой-либо определенной группой посуды сложно из-за сильной фрагментарности, но, судя по пологому плечу, реже округлому и прямой слабовогнутой шейке, стенки в своем большинстве принадлежат слабопрофилированной и плавнопрофилированной посуде, реже профилированной со сглаженно-ребристым плечом (рис. 80: 9; 81: 8, 9, 11; 82: 7).

Следует отметить, что по керамике Минского городища была получена радиоуглеродная дата. Минское городище АМС 2775^{+}_{-} 35, calBC 1005-836. Типология VII–V, типологическое датирование выполнено В.С. Патрушевым (Лавенто М., 2011, с. 267–268, табл. 2). Очевидно, для определения использована сетчатая керамика. Абсолютных дат, кроме обозначенной, для поселений РЖВ Костромского Поволжья нет.

Для установления хронологической позиции гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики региона необходимо привлекать в совокупности материалы с сетчатой керамикой и культурные индивидуальные ориентиры, имеющие определенный промежуток бытования, последних пока явно недостаточно.

Наблюдается много схожего в костромской керамике ананьинского типа с ананьинской посудой с других территорий, но следует отметить, что общие устойчивые черты, свойственные ананьинской керамике, присутствуют здесь параллельно с индивидуальными, специфическими признаками. Причиной определенных изменений в материальной культуре можно считать как удаленность от исторического ядра ананьинской культурно-исторической области, так и влияние других культурных областей с сетчатой керамикой. Следует признать, что традиции изготовления сетчатой посуды сильно повлияли на процесс формирования облика гребенчато-шнуровой

и шнуровой керамики в Костромском Поволжье. Появляется гибридная керамика.

Таким образом, предварительно можно говорить о «пограничном» культурном статусе поселений РЖВ и территории Костромского Поволжья в рассматриваемый период. Культурное положение территорий определяется составом населения, присутствующего в регионе в конкретные временные рамки, его культурной идентификацией. Регион в РЖВ, безусловно, занят в основном поселениями носителей сетчатой керамики, однако четко ощущается и влияние ананьинской культурно-исторической области, проявляющееся в распространении традиций с гребенчато-шнуровой керамики. Очевидно, что регион Костромского Поволжья в РЖВ включается в систему данной культурно-исторической области, являясь ее западной периферийной частью или, по крайней мере, определяя западный вектор ее развития. Несомненно, интеграция в местную среду с сетчатой керамикой способствовала сглаживанию многих классических культурных традиций в керамическом производстве, свойственных ананьинской культурно-исторической области, адаптации их к новым условиям. Суммируя морфологические и технологические изменения керамики, произошедшие в результате этих контактов, можно отметить следующее. Происходит изменение техники обработки внешней поверхности горшка (заглаженная поверхность часто сменяется сетчатой), меняется состав примесей (при этом превалируют минеральные примеси (песок)), появляются новые элементы орнамента, изменяется профилировка горшков. Из морфологических особенностей можно назвать изменение профилировки, то есть превалируют слабопрофилированные формы, характерные для сетчатой керамики данной округи в целом, теряются плавность и изогнутость в верхней части, высокая прямая цилиндрическая шейка выгибается. Преобладают плоскодонные сосуды. Морфологические особенности, характерные для ананьинской керамики, проявляются на сетчатой посуде, например, плавность в профилировке верхней части посуды (вогнутая шейка, округлые плечики); шнуровая же керамика, напротив, теряет плавность, округлобокость, начинают преобладать слабопрофилированные формы посуды с пологим низким плечом и короткой шейкой, край приобретает гофрированность, часто обрабатывается сетчатыми отпечатками, обретает Т- и Г-образные оттяжки. При орнаментации появляются отдельные элементы, не характерные для ананьинских традиций, такие как фигурные неглубокие вдавления и штампы, неглубокие широкие вдавления с «рваными» краями, защипы, «розетки», то есть элементы, свойственные дьяковской среде и сетчатой керамике вообще. Используется и сочетание отмеченных элементов на посуде, например: по шейке шнуровые оттиски, а ниже по плечу неглубокие фигурные вдавления. Орнаментальные элементы и мотивы в виде оттисков шнура, часто заполнявших всю внешнюю поверхность шейки посуды, или отпечатков мелкогребенчатого штампа (правда, встречающихся в регионе реже), не характерных для сетчатой керамики Костромского Поволжья, начинают наноситься и на керамику с сетчатой поверхностью: накладываться на такую поверхность или же оконтуриваться зонами сетчатых отпечатков, нанесенных по плечику и ниже по тулову, по завершении композиционного исполнения, как правило, по шейке сосудов.

Сетчатые отпечатки по большей части характерны для внешней поверхности тулова горшка, реже наносятся на плечики и шейку сосудов, отмечен случай перекрытия ими оттисков шнура. На поверхности преобладают сетчатые мелкоячеистые, хаотично расположенные отпечатки, реже встречаются крупноячеистые регулярные отпечатки. Нередки случаи, когда орнамент накладывается на поверхность с сетчатыми отпечатками, заглаженные участки минимальны.

Всего по верхней части выделен 181 сосуд ананьинского облика, включая гибридные формы. Элементы орнамента, составленные из шнуровых оттисков, преобладают и составляют 68,8 % от общего числа элементов. Доля ямочного орнамента – 25,8 %. Элементы из отпечатков гребенчатого штампа насчитывают 5,9 % (рис. 95). Как правило, элементы орнамента, выполненные отпечатками гребенчатого штампа, представлены горизонтальными линиями, вертикальными и наклонными отрезками, зигзагами (одинарным и двойным) и редко – решеткой. В целом, элементы этого штампа отмечены единично, доля каждого составляет от 0,1 до 1,5 %. Очень редко встречается прочерченный и нарезной орнамент, составляющий лишь 0,3 %. В одном случае на фрагменте с Минского городища отмечена волнистая прочерченная линия.

Среди элементов, выполненных шнуровыми оттисками, преобладают одинарные

горизонтальные линии, часто наложенные в несколько рядов, образующие рядность в шесть, семь и более линий (21,2 %), далее следуют композиции из спаренных линий (18 %). Достаточно часто встречаются и тройные линии, в том числе с разной стороной наклона оттисков шнура (левой или правой) – 11,5 %. Высок процент и косичек, достигая 9 % от общего числа элементов орнамента. Реже орнамент из шнуровых оттисков представлен одинарной и двойной волной (0,4–0,6 %). Минимальны композиции из наклонных и вертикальных элементов, а также двойного зигзага (0,1–0,3 %). Оттиски шнура, как правило, правонаклонные. Левонаклонные встречаются очень редко.

Ямочный и штампованный орнамент в большинстве случаев представлен округлыми вдавлениями, его доля составляет 9 % от общего числа элементов. Встречаются ямки с «рваными» краями (2,9 %), жемчужины (0,3 %), подквадратные (1,4 %), подпрямоугольные и ромбические вдавления (1,4 %), «ногтевидные» вдавления и другие фигурные штампы. Ямки группируются по две и по три в ряд. Доля каждого элемента орнамента составляет от 0,1 до 3 %, но чаще менее 1 %. Вдавления обычно, неглубокие. Глубокие четкие вдавления в основном отмечаются в группе плавнопрофилированной керамики и такой же керамики с «воротничком».

Отметим, что доля орнамента, выполненного отпечатками гребенчатого штампа, возрастает в округе Галичского озера, снижаясь на юг к реке Волге, а в пределах Костромской низины выше доля шнуровых оттисков в сочетании с ямками (табл. А.9, А.10), также обнаруживается большее количество горшков с «воротничком» по краю.

Зафиксировано также 65 венчиков с орнаментом по краю или покрытых сетчатыми отпечатками по поверхности среза. Сетчатые отпечатки наложены в 60 %, отпечатки гребенчатого штампа (как правило, косые оттиски) фиксируются в 23,1 %, различные вдавления (подквадратные, ромбические, вытянутые листовидные, округлые) – в 15,4 % случаев, единичны шнуровые оттиски по срезу в виде косички – 1,5 %.

Важно отметить, что в состав формовочной массы в основном входят минеральные примеси, а именно песок, реже дресва, что не характерно для Камской керамики и керамики Среднего Поволжья, но типично для посуды Европейского Северо-Востока. Единично в примеси отмечается шамот (городище Брюхово), что составляет 0,55 % от всех сосудов. Органические примеси, фиксирующиеся по пустотам, представлены только в посуде из поселений Станок II, Брюхово, Ватажка (в группе керамики с «воротничком»)), что составляет 1,65 % от всех сосудов.

Морфологические особенности (табл. А.7). Наибольший процент составляет слабопрофилированная посуда – 40,8 %; далее следуют плавнопрофилированные горшки – 22,1 % (без учета плавнопрофилированных горшков с воротничком по краю, доля последних составляет 12,2 %, в общей сложности доля такой посуды – 34,3 %). Немногим меньше доля четко профилированной посуды – 21,6 %, наиболее малочисленна группа чашевидных сосудов – 3,3 % (рис. 97).

Край посуды чаще всего плоский, его доля составляет 14,7 %. Высокий процент имеют сосуды с краем в виде скошенного наружу бортика – 13,5 %. Часто венчик оформлен воротничком – 12,9 %. Далее следуют сосуды с Г-образно оттянутым краем (11,2 %), плоским с утолщениями по сторонам (10,6 %), округлым (10,6 %), округлым с валиковым наплывом (9,4 %). Представительна и доля сосудов с гофрированным краем (7,7 %). Самый низкий процент (от 2,9 % до 6,5 %) составляет посуда с округло-приостренным и с Т-образно оттянутым краем (табл. А.8)

Следует подчеркнуть, что «воротничок» по краю отмечается исключительно на плавнопрофилированной посуде, также на такой посуде наиболее часто встречается оформление края с валикообразным наплывом, в других группах случаи минимальны. Плоский край, плоский край с утолщениями и в виде скошенного наружу бортика наиболее характерны для слабопрофилированной посуды с пологим низким плечом, высока их доля и на плавнопрофилированной посуде. Округлый или скругленный край чаще всего отмечается на профилированных горшках. Т-образный край характерен только для плавнопрофилированной и слабопрофилированной посуды с низкими плечиками, для нее же в основном характерен и Г-образный венчик. Гофрированный край типичен для слабопрофилированных горшков с пологим плечом. Редко гофрированный край встречен на плавнопрофилированной посуде и слабопрофилированных сосудах с округлым плечом. Округло-приостренный край чаще наблюдается у профилированной посуды, на других формах горшков он – редкое явление (табл. А.8).

Наиболее представительно комплексы гребенчато-шнуровой керамики выглядят на таких поселениях, как Унорож (ее доля составляет 60 % от всей керамики ананьинского типа, обнаруженной на памятнике), Брюхово (35 %), Станок I (28 %), Шунга (4,5 %), Ватажка (11,4 %) и Минское (4,4 %). Доля такой керамики в регионе в целом составляет 15 % от всей керамики ананьинского типа. Доля керамики со шнуровой орнаментацией соответствующей ныргындинской стадии −38 %. Доля гибридной керамики, имеющей генетические истоки двух компонентов – сетчатого и ананьинского, составляет 47 %.

Важно отметить, что на первоначальной стадии развития поселений с ананьинскими материалами в Костромском Поволжье присутствует именно керамика с гребенчато-шнуровой ананьинской традицией, представлена и шнуровая керамика (в том числе с редко встречающейся сложношнуровой орнаментацией: волной, многорядными горизонтальными рядами шнуровых оттисков). Многие устойчивые признаки ананьинской керамики в регионе Костромского Поволжья корректируются, дополняются элементами сетчатой керамики, при этом сетчатая керамика в регионе, несомненно, превалирует. Также очевидно появление в регионе в середине I тыс. до н. э. гибридной керамики, имеющей генетические истоки двух компонентов – сетчатого и ананьинского. На данном вопросе остановимся ниже.

4. ПОСЕЛЕНИЯ РЖВ КОСТРОМСКОГО ПОВОЛЖЬЯ И АНАНЬИНСКАЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЛАСТЬ. ХРОНОЛОГИЯ ПАМЯТНИКОВ С ГРЕБЕНЧАТО-ШНУРОВОЙ И ШНУРОВОЙ КЕРАМИКОЙ

4.1. ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЙ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА КОСТРОМСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

При определении статуса и хронологической позиции поселений раннего железного века хотелось бы акцентировать внимание на ряде проблемных вопросов. В связи со слабой изученностью поселений раннего железного века Костромского Поволжья вопросы периодизации, определения культурного статуса, стратификации многих памятников остаются на сегодняшний день открытыми и не могут быть до конца решены без проведения специальных полевых археологических исследований.

Материалы РЖВ Костромского Поволжья охватывают широкий временной диапазон (VIII–I вв. до н. э., первые века н. э.). При этом большинство памятников региона исследователи датируют именно I тыс. до н. э., без внутренних, более узких дат. Основным общепринятым хронологическим индикатором является сетчатая керамика, в связи с чем, как правило, и для поселений, содержащих материалы ананьинской культурно-исторической области, предлагается усредненная датировка – середина I тыс. до н. э.

Можно уверенно говорить, что во второй половине I тыс. до н. э. культурные процессы в Костромском Поволжье становятся более сложными, что в первую очередь проявляется в изменениях на керамике: морфологических особенностей верхней части посуды и усложнении ее орнаментации. Особенно заметно это становится именно к середине I тыс. до н. э. и связано с появлением и интеграцией в область расселения носителей сетчатой керамики населения, принесшего традиции изготовления гребенчато-шнуровой и шнуровой посуды ананьинского облика, не характерной для местной среды с сетчатой керамикой.

Гребенчато-шнуровая и шнуровая керамика выделена из синкретических керамических комплексов поселений. Анализ этих материалов позволил нам выявить на территории Костромского Поволжья 14 памятников, содержащих подобную посуду, а также определить их территориальную специфику, топографические особенности, выявить некоторые закономерности расселения ее носителей, проследить географию ананьинского культурного импульса в регионе.

Ареал распространения ананьинских традиций в Костромском Поволжье очень широк, материалы фиксируются практически повсеместно в среде носителей сетчатой керамики, поэтому достаточно сложно определить пути их проникновения. Распространение традиций изготовления гребенчато-шнуровой и шнуровой посуды в регионе могло происходить в результате продвижения населения ананьинского мира, как с востока – со стороны Поветлужья и бассейна р. Вятки, так и из Среднего Поволжья Волжским путем: до бассейна реки Костромы, которая в устьевой части имеет широкую пойму, благоприятную для расселения (территория так называемой Костромской низины), затем по реке Костроме до окрестностей Галичского озера,или, наоборот, с севера до округи Галичского озера, или до обоих микрорегионов одновременно. Отмеченные в работе участки концентрации поселений соответствуют обозначенной схеме: выделяется участок локализации, включающий окрестности Галичского озера и Сусанинского болота, соединенный с другим – основным течением реки Костромы (с Костромской низиной) разветвленной сетью притоков. Именно в Костромской низине и в окрестностях Галичского озера отмечается основная концентрация памятников РЖВ Костромского Поволжья вообще и поселений с керамикой ананьинского облика в частности. Данные участки расположены на расстоянии около 80 км друг от друга по прямой.

Рассматривается и возможность проникновения отдельных групп населения с северных территорий Восточно-Европейской равнины (Прибеломорье, озеро Лача). На этот путь указывает, прежде всего, присутствие в тесте гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики характерных минеральных примесей. Безусловно, изменение традиций, а именно появление минеральных примесей в тесте керамики ананьинского типа Костромского Поволжья явилось результатом воздействия

носителей сетчатой керамики, для которой подобные примеси очень характерны.

В этой связи следует рассмотреть особенности керамики РЖВ из окрестностей еще одного крупного северного озера – Чухломского. До настоящего времени комплексы гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики здесь не найдены, хотя материалы, соотносимые с эпохой раннего железа (в первую очередь, сетчатая керамика), полученные с таких поселений, как Федоровское, Федоровское 7, Стоянка Юг и Святица, достаточно представительны. Отсутствие ананьинских материалов в случае рассматриваемого сценария можно объяснить следующим. Поселения в окрестностях Чухломского озера расположены в низких пойменных местах, на невысоких дюнных всхолмлениях и низких мысовидных выступах. В отличие от них поселения округи Галичского озера и Костромской низины, где имеются комплексы с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой ананьинского типа, приурочены к мысам и высоким останцам с широкой заливной поймой.

До настоящего времени не известны комплексы гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики ананьинского типа и в бассейне реки Унжи. Впрочем, материалы РЖВ там немногочисленны, поэтому можно сделать определенный вывод, что территории в бассейне реки Унжи были заселены в РЖВ менее плотно, чем западные участки Костромского Поволжья.

Костромское Поволжье, практически целиком находясь в культурной области населения с традициями изготовления сетчатой керамики, в то же время испытывало и существенное влияние ананьинской культурно-исторической области и, вероятно, находилось на западной периферии последней. В пользу этого говорит отсутствие четких иных, кроме керамики, индивидуальных культурных идентификаторов этой области, могильники также пока не известны.

Шнуровая керамика присутствует и на других памятниках археологии Верхневолжского региона, таких как городище у села Городище около города Калязина (территория современной Тверской области), городище у села Городок (территория современной Ярославской области) (Третьяков, 1941, с. 23, 26 рис. 6: 2, 6; 9: 2, 6, 7, 10; Третьяков, 1966, с. 148, рис. 43: 2), Серюпитинское городище (территория современной Ивановской области) (Столяр, Хлобыстин, 1963). И хотя систематизация керамических комплексов из этих памятников пока не проводилась, можно с уверенностью говорить о повсеместном распространении на территории Верхнего Поволжья материалов, связанных с ананьинским миром. Исключением не является и Костромской регион.

Судьба населения с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой во многом остается загадкой. Сделаем осторожное предположение, что группы ананьинского населения постепенно растворились в среде носителей традиций изготовления сетчатой керамики, что связано, возможно, с малой численностью групп пришлого населения. Историческое развитие в регионе в последующее время получило именно население, изготавливавшее сетчатую керамику, во многом впитавшее и ананьинские традиции. По крайней мере, традиции ананьинского мира оставили заметный след в истории региона в эпоху раннего железа.

Как уже отмечалось, вопрос отнесения Костромского Поволжья к ареалу дьяковской культуры также рассматривался исследователями неоднозначно: либо регион связывался полностью с носителями культуры сетчатой керамики и не входил в ареал распространения дьяковского населения, либо обозначался как окраина их территорий. Граница же, разделяющая дьяковские и ананьинские общества, обозначалась по Ветлужско-Унженскому междуречью. Анализ керамических серий памятников показывает, что разделение это очень условное, скорее, можно говорить о совместном проживании ананьинских групп и населения, изготовлявшего сетчатую керамику, на одной контактной территории, которой и является регион Костромского Поволжья. Суммируя морфологические и технологические изменения керамики, произошедшие в результате этих контактов, можно отметить следующее:

– орнаментальные элементы и мотивы в виде оттисков шнура, часто заполнявших всю внешнюю поверхность шейки посуды, или отпечатков мелкогребенчатого штампа (правда, встречающихся в регионе реже), не характерных для сетчатой керамики Костромского Поволжья, начинают наноситься и на керамику с сетчатой поверхностью: накладываться на такую поверхность или же оконтуриваться зонами сетчатых отпечатков, нанесенных по плечику и ниже по тулову, по завершении композиционного исполнения, как правило, по шейке сосудов.

– на гребенчато-шнуровой и шнуровой керамике ананьинского типа появляются отдельные элементы орнамента, не характерные для носителей шнуровых традиций: неглубокие широкие вдавления с «рваными» краями и другие разные мелкие вдавления, характерные для дьяковской среды с сетчатой керамикой и сетчатой посуды вообще;

– гребенчато-шнуровая и шнуровая керамика ананьинского типа всегда находится на поселениях вместе с сетчатой (в двух случаях керамика происходит из одной постройки: поселения Быки (Пуп) и Шунга). Стратифицировать комплексы чаще всего не удается, так как отсутствуют многие параметры полевых исследований прошлых лет, нет необходимых сведений и в первичной полевой документации, и в коллекционных описях. Привязка материалов к конкретному культурно-хронологическому горизонту будет возможна только в процессе производства стационарных исследований в будущем;

– морфологические особенности, характерные для ананьинской керамики, проявляются на сетчатой посуде, например, плавность в профилировке верхней части посуды (вогнутая шейка, округлые плечики); шнуровая же керамика, напротив, теряет плавность, округлобокость, начинают преобладать слабопрофилированные формы посуды с пологим низким плечом и короткой шейкой, край приобретает форму «гофры», часто обрабатывается сетчатыми отпечатками, обретает Т- и Г-образные оттяжки, прямая высокая цилиндрическая шейка начинает слегка выгибаться, превалируют плоскодонные сосуды;

– в глиняном тесте гребенчато-шнуровых и шнуровых сосудов Костромского Поволжья присутствуют в основном только минеральные примеси (чаще всего песок, в том числе крупнозернистый), что характерно для консервативной среды с сетчатой керамикой. Редко, на единичных фрагментах, отмечены пустоты.

Итак, происходит изменение техники обработки внешней поверхности горшка (заглаженная поверхность зачастую сменяется сетчатой), меняется состав примесей (при этом превалируют минеральные примеси (песок)), появляются новые элементы орнамента, изменяется профилировка горшков. Превалируют плоскодонные сосуды. Керамические комплексы, фиксируемые на поселениях РЖВ Костромского Поволжья, чаще всего смешанные. Это, безусловно, является подтверждением устойчивых связей населения с сетчатой керамикой и ананьинского мира, свидетельствует о сложности культурных процессов, происходивших в РЖВ на территории Костромского Поволжья. Именно в результате взаимодействия появляется гибридная керамика. Можно говорить не только о сосуществовании носителей сетчатых и ананьинских культурных традиций, но и о протекании объединяющих их процессов.

Карта распространения гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики в Костромском Поволжье выглядит следующим образом. Наиболее отчетливо керамические комплексы ананьинского мира фиксируются на поселениях Ватажка, Быки (Пуп), Брюхово (Курган), Шунга и на городищах Минское и в Костроме, достигая иногда 30 % от всей фиксируемой посуды раннего железного века (сетчатой, штрихованной, «нитчатой»), более слабая концентрация отмечена на поселениях Борань, Медведки II, Станок I–II, Унорож, Умиленье.

Отмечается многообразие керамического комплекса раннего железного века на поселениях Костромского Поволжья: встречается сетчатая (с мелкоячеистой и крупноячеистой рябчатой структурой отпечатков), «нитчатая», гладкостенная, гребенчато-шнуровая, шнуровая и штрихованная керамика (рис. 102–106). Вариативность наблюдаются и в морфологических особенностях посуды (рис. 107–108), в меньшей мере в орнаментации и составе примесей в тесте. Все это, безусловно, указывает как на хронологическую растянутость, так и культурную неоднородность материалов РЖВ. Характер культурного взаимодействия ещё необходимо выяснить. Хорошо представленная в ряде случаев коллекция каменных предметов (рис. 101: 1–10), сопровождающая керамику, при минимальном количестве металлических вещей, может быть признаком архаичности материалов. Действительно, хронологические рамки материалов РЖВ (в первую очередь соотносимых с носителями сетчатой керамики) достаточно широки и, вероятнее всего, находятся в пределах I тыс. до н. э. (как с верхними, так и с нижними допусками). Стратифицировать во времени сетчатую керамику РЖВ данного региона еще предстоит.

Весьма условны представления о продолжительности существования многих поселений, о времени посещения их пришлым населением, о взаимосвязи групп населения, при этом можно однозначно говорить о присутствии на одних и тех же памятниках

носителей как традиций изготовления сетчатой керамики, так и керамики ананьинского типа. Вероятно, отличия в материальной культуре отдельных групп ананьинского населения поселений Костромского Поволжья от ананьинского населения других основных территорий, в частности Прикамья, Среднего Поволжья, Поветлужья, бассейна р. Вятки, что видно, прежде всего, по керамике, – это результат не только внутренних процессов в данных группах на обособленной территории, но и безусловное следствие внешнего влияния, которое послужило определенным импульсом к изменению облика материальной культуры носителей ананьинских традиций, посуды в частности.

На первый взгляд, обнаруживается большее сходство гребенчато-шнуровой и шнуровой посуды с территории Костромского Поволжья с камской или с посудой западноволжского варианта ананьинской культуры, выделяемого А.Х. Халиковым, а также с посудой более северных территорий Восточно-Европейской равнины, чем с гребенчато-шнуровой керамикой с Поветлужья. С другой стороны, на посуде с Костромского Поволжья также проявляются орнаментальные мотивы, характерные для керамики Поветлужья и бассейна р. Вятки. В орнаментации керамики из Костромского региона шнуровые оттиски преобладают над отпечатками гребенчатого штампа (68,8 % и 5,9 % соответственно). Исполнение шнурового орнамента, в свою очередь, усложнено и представлено косичками, волнами и многорядными горизонтальными оттисками шнура, нередко в два-четыре ряда, заполняющими шейку и спускающимися на плечики сосудов. Доля гребенчато-шнуровой и шнуровой плавнопрофилированной посуды с «воротничком» по краю составляет 12,2 % от всей керамики ананьинского типа и гибридной посуды. Отметим также, что на территории Костромской низины такой посуды сконцентрировано больше, чем в округе Галичского озера.

Можно говорить о характерных чертах гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики Костромского Поволжья. Бросается в глаза то обстоятельство, что орнаментальные композиции на керамике с Костромского Поволжья не так насыщенны и многообразны, как на ананьинской посуде с других территорий, то же касается техники нанесения и зонального распределения символов и элементов на поверхности горшка. Подобное упрощение орнаментации, вероятно, происходит как по причине удаленности от исторического ядра ананьинской культурно-исторической области, так и вследствие влияния других культурных областей.

Традиция изготовления в Костромском Поволжье в РЖВ посуды с сетчатой структурой поверхности уходит своими генетическими корнями в переходный период и в эпоху поздней бронзы. Для керамики этого времени характерна сетчатая мелкоячеистая структура отпечатков, расположенных, как правило, хаотично. Часто поверхность на месте нанесения отпечатков сильно затертая. Подобная керамика хорошо представлена на таких памятниках археологии рассматриваемого региона, как Говядиново, Умиленье, Юг, Святица, Федоровское, Борань, Туровское и др. (рис. 111–113). В период раннего железа действительно наблюдаются изменения структуры сетчатых отпечатков с мелкоячеистых на крупноячеистые, что фиксируется на отдельных памятниках Костромского Поволжья, в число которых входят и поселения с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой. Отметим, что сетчатая керамика не является узким хронологическим индикатором для Костромского Поволжья и время изменения этого технологического приема обработки внешней поверхности сетчатой керамики еще необходимо определить. В период поздней бронзы, переходного периода и РЖВ такая керамика в определенной степени статична. Ее глубокое изучение в регионе еще предстоит сделать. В середине I тыс. до н. э. в бассейнах рек Волги, Костромы, Вексы, в округе Галичского озера начинают проявляться ананьинские, реже дьяковские, традиции, появляется керамика со шнуровой и гребенчато-шнуровой орнаментацией и сетчатыми отпечатками на внешней поверхности, а в бассейне рек Унжа, Нёмда и в окрестностях Чухломского озера по-прежнему присутствует только сетчатая керамика, существенных изменений в технике изготовления посуды не отмечается. Культурный статус памятников не меняется.

Прежде чем говорить о сходстве и отличии ананьинской посуды с территории Костромского Поволжья с такой керамикой с других территорий, необходимо отметить, что общие устойчивые черты, свойственные ананьинской керамике, присутствуют здесь параллельно с индивидуальными, специфическими признаками.

В северных областях Восточно-Европейской равнины посуда с гребенчато-шнуровой и шнуровой орнаментацией присутству-

ет на памятниках каргопольской культуры: в устье реки Кинемы встречается гребенчато-шнуровая керамика (Фосс, 1952, с. 94, рис. 46); на поселениях Ольга, Попово, Кубенино, Ольженица, Верхнее Веретье посуда чаще орнаментируется шнуровыми оттисками (горизонтальными рядами и волной), реже дополненными гребенкой на таких памятниках, как Ольга и Кубенино (там же, с. 99, рис. 51); на Верхнем Веретье и Кубенино отмечены и «воротнички» (там же, с. 99, рис. 51: 7, 8). М.Е. Фосс включает эти поселения в поздний этап развития каргопольской культуры (Фосс М.Е., 1952) Похожая посуда, как правило, с «воротничком», горизонтальными рядами шнуровых оттисков, также известна на памятниках Юго-Западного Прибеломорья, в частности на поселении Бохта II (Жульников, 2005, рис. 143–144). По составу минеральных добавок в тесте (как правило, это песок) керамика Костромского Поволжья ближе именно посуде северных территорий Восточно-Европейской равнины, нежели керамике Прикамья.

Параллели в морфологических особенностях и в орнаментации горизонтальными рядами шнура прослеживаются и в посуде Васильсурского городища (Халиков, 1977, с. 231, рис. 86), наблюдается сходство как с нижнекамской (там же, с. 237, рис. 90), так и со средневолжской керамикой (там же, с. 232, рис. 87). Отдельные фрагменты керамики сопоставимы с посудой нижнекамских городищ Сорочьи горы (Марков, 2007, с. 77. рис. 6: 4, 5) и Сухой Берсут (сходство гребенчато-шнуровой керамики) (Марков, 2007, с. 93, рис. 22), с посудой вятских памятников, таких как Белоглазовское, Аргыжское (Збруева, 1952, с. 281, 287, табл. LIII, LIV), Ройский Шихан (Марков, 2007, с. 96–98, рис. 25–27). Параллели можно провести и с материалами из Свиногорского городища (Збруева, 1952, с. 70, табл. XV, 6–8). Сходство обнаруживается с посудой из Ардинского городища Среднего Поволжья (Марков, 2007, с. 116, рис. 45). По оформлению края («воротничок») и по ряду орнаментальных признаков (разреженный шнуровой орнамент) поселениям Костромского Поволжья близки и поселения Верхней Камы – Концегорское (Збруева, 1952, с. 70, табл. XV: 5).

На первый взгляд, проявляется меньшее сходство керамики ананьинского типа Костромского Поволжья с керамикой ветлужских памятников (Марков, 2007, с. 117, рис. 46; Воеводский, 1951, рис. 3, 5, 6–8, 12–14), так как орнамент из отпечатков гребенчатого штампа в сочетании со шнуровыми оттисками и ямками представлен в регионе в небольшом количестве. Но здесь необходимо отметить, что именно на первоначальном этапе, в VI в. до н. э., территория Костромского Поволжья заселяется ананьинской общностью с традицией гребенчато-шнуровой керамики (комплекс 1 Ватажки, Унорож и др.), которая имеет много общих черт именно с гребенчато-шнуровой посудой Поветлужья и бассейна р. Вятки. В целом же доля гребенчато-шнуровой посуды Костромского Поволжья составляет всего 15 % от керамики ананьинского типа. Соответственно последующая шнуровая ныргындинской стадии развития и гибридная керамика (доля которых составляет 85 %) может характеризовать очередной хронологический этап в развитии. Это предположение рассмотрим более подробно ниже.

Таким образом, сходство костромской керамики ананьинского типа с аналогичной ананьинской посудой с других территорий бесспорно. Несомненно, она имеет общие корни, свойственные ананьинскому миру. Особенности такой посуды выражены, в первую очередь, в обработке поверхности сетчатыми отпечатками и в составе минеральных примесей в тесте, присутствует и ряд морфологических отличий. Традиции изготовления сетчатой посуды сильно повлияли на процесс формирования облика гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики на территории Костромского Поволжья. Подчеркнем, что сетчатая керамика имела широкое распространение и представлена на всех известных поселениях РЖВ региона (табл. А.1, А.3). Безусловно, сетчатая традиция является в Костромском Поволжье превалирующей.

На сегодняшний день можно говорить о «пограничном» культурном положении региона Костромского Поволжья в раннем железном веке. Как результат изменения культурной ситуации в Костромском Поволжье – появление поселений со смешанными комплексами керамики: с ананьинской и сетчатой традицией. Очевидно, в раннем железном веке регион был занят носителями сетчатой керамики, которые на определенном этапе испытали сильное чужеродное влияние, выразившееся в появлении ананьинских элементов на посуде. В результате взаимопроникновения появляются смешанные комплексы керамики, возникает гибридная керамика со следующими характерными особенностями: орнамент, как правило, в виде шнуровых оттисков, допол-

ненных неглубокими вдавлениями; примеси в тесте минеральные; сетчатые отпечатки на внешней поверхности сосудов нанесены чаще всего с плечиков и далее по тулову сосудов, развиваются слабопрофилированные формы горшков с плоским дном. Возможно, именно это обстоятельство заставляло многих исследователей сомневаться в существовании в РЖВ на территории Костромского Поволжья единой культурной традиции и побуждало к выделению различных вариантов даже в самой сетчатой посуде.

Можно заключить, что керамика РЖВ Костромского Поволжья имеет генетические истоки как ананьинской, так и сетчатой, но с незначительным доминированием первого компонента, и может быть охарактеризована как составная из обоих. Исключением являются «чистые» ананьинские комплексы гребенчато-шнуровой и шнуровой плавнопрофилированной посуды, часто с «воротничком», которые выделяются на поселениях Ватажка (комплекс 1) в Костромской низине и Быки (Пуп) в окрестностях Галичского озера, присутствуют комплексы гребенчато-шнуровой керамики и на других памятниках (городище в Костроме, Минское, поселение Станок I, Унорож, Брюхово (Курган)).

Следует отметить, что неразрешенных проблем РЖВ Костромского Поволжья остается еще достаточно. Одна из важнейших – разграничение комплексов самой сетчатой керамики (ПБВ, РЖВ), определение ее узкой хронологии, выделение дьяковских комплексов, определение культурного статуса большинства памятников с такой керамикой.Так же актуальны и вопросы,связанные с изучением особенностей поселений региона концаI тыс. до н.э. и первой половины I тыс. н.э.,их развития, материального облика и культурного статуса.

4.2. ХРОНОЛОГИЯ ПОСЕЛЕНИЙ. ОСОБЕННОСТИ ПОСЕЛЕНИЙ С ГРЕБЕНЧАТО-ШНУРОВОЙ И ШНУРОВОЙ КЕРАМИКОЙ КОСТРОМСКОГО ПОВОЛЖЬЯ И ИХ СХОДСТВО С ПАМЯТНИКАМИ АНАНЬИНСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ

Несмотря на довольно большой спектр проблем в узком датировании материалов РЖВ Костромского Поволжья, предпримем попытку выделить основные ступени хронологической позиции поселений с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой ананьинского типа в регионе, определить особенности в устройстве, планировочной структуре поселений, сопоставить с памятниками основных районов распространения ананьинской культурно-исторической области. Заметим, что многослойность многих поселений усложняет решение данных узловых проблем. Попробуем также определить место памятников с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой РЖВ Костромского Поволжья в рамках ананьинской культурно-исторической области и синхронизировать поселения.

Первоначально обратимся к одновременной ананьинским древностям дьяковской культуре (степень участия населения данной общности в культурных процессах региона еще предстоит определить) и ее периодизации.

К.А. Смирнов датирует древний этап дьяковских древностей VII–VI – III–II вв. до н. э., симультанно скифскому периоду на юге и ананьинскому на востоке. Характерные элементы материальной культуры дьяковского населения в это время – сетчатая керамика и грузики «дьякова» типа. К данному этапу Смирнов относит и поселения Костромского Поволжья, такие как Минское и Брюхово (Курган). Безусловно, на этом этапе поселения с сетчатой керамикой преобладали на территории региона. Средний период – период расцвета дьяковской культуры, III в. до н. э. – III в. н. э. – характеризуется снижением процента сетчатой керамики. На карте появляются такие памятники, как Борань и Минское. Поселения Быки, Ватажка, Шунга, Борань К.А. Смирнов соотносил с переходным к дьяковской культуре периодом, датируемым им VIII–VII вв. до н. э. (Смирнов К.А., 1994), с чем нельзя согласиться, так как материалы более позднего времени на этих памятниках, безусловно, выделяются, в том числе и связанные с сетчатой керамикой и, в частности, с дьяковской общностью (например, грузики «дьякова» типа на Борани).

Н.А. Кренке на основании материалов Дьякова городища выделяет пять периодов дьяковской культуры, первые два из них датирует VIII–VI вв. до н. э. и V–III вв. до н. э. (Кренке, 1987). Частично они совпадают со временем распространения ананьинских древностей на территории Верхнего Поволжья. В контексте этих датировок особенно

отчетливо синхронизируются второй этап развития дьяковской культуры и поселений с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой Костромского Поволжья.

М.Г. Гусаков в предлагаемом варианте периодизации дьяковской культуры также определяет пять этапов. Наиболее ранний – додьяковский период (XI–VI вв. до н. э.) соотносится с Европейской периодизацией эпохи железного века (Гальштат); раннедьяковский период, сопоставляемый с Европейской периодизацией эпохи железного века (Латен А), исследователь предлагает датировать V–III вв. до н. э., при этом считает, что именно на рубеже VI–V вв. до н. э. должно было произойти первое увеличение населения дьяковской культуры (Гусаков, 2007, с. 48).

На наш взгляд, следует обратить внимание на то обстоятельство, что дьяковские традиции в материальной культуре РЖВ поселений Костромского Поволжья прослеживаются довольно слабо. В частности, малочисленны находки грузиков (их общее количество в регионе единично, не более десятка), металлических вещей (редки ножи), костяных изделий на городищах. Неправильно связывать дьяковское население только с распространением сетчатой керамики в регионе (рябчатой фактуры в большинстве случаев), так как сетчатая керамика имеет генетические связи с широко распространенной в данной области сетчатой посудой эпохи финальной бронзы и переходного периода.

Следует согласиться с мнением ряда исследователей, не включающих регион Костромского Поволжья в область распространения дьяковской общности. В частности, по мнению Е.И. Горюновой, дьяковские материалы с территории Костромского Поволжья должны быть выделены в локальный вариант этой культуры (Горюнова, 1961). На существенное культурное различие «западнодьяковской и восточнодьяковской культур» указывал и П.Н. Третьяков (Третьяков, 1962, с. 41). Нам кажется правильным признать значительную удаленность территории Костромского Поволжья от области основного распространения дьяковской культурной области и считать данный регион далекой периферией дьяковской среды. Это объясняет и малочисленность вещевого комплекса, связанного с данным культурным образованием, на территории исследуемого региона.

Как отмечено выше, отражение и дьяковских, и ананьинских традиций мы находим в керамике. При этом в основе шнуровой гибридной керамики лежит в том числе и сетчатая керамика. Дьяковские группы населения участвовали в процессах формирования керамических комплексов сетчатой и шнуровой посуды, скорее всего, опосредованно, доля их участия не так велика.

Если говорить о структуре поселений Костромского Поволжья, то следует отметить определенную связь с дьяковской средой – небольшие мысовые городища, которые находятся в регионе (Минское и в Костроме). Например, начиная с V в. до н. э. появляются искусственные укрепления на городищах Минское и в Костроме. По мнению Н.А. Кренке, строительство валов и рвов на дьяковских городищах синхронно второму этапу развития дьяковской культуры и начинается в V в. до н. э. (Гусаков, 2007, с. 42). Ряд поселений Костромского Поволжья своей структурой, а также такими особенностями, как небольшие размеры, отсутствие могильников напоминает памятники западной – дьяковской – среды.

Степень взаимосвязанности поселений раннего железного века Костромского Поволжья с дьяковской средой еще только предстоит определить. После Е.И. Горюновой таких попыток предпринято не было. Тем не менее синхронизация исследователями ряда поселений Костромского Поволжья с памятниками дьяковской культуры, бесспорно, помогает сузить хронологический диапазон многих материалов, в частности, ограничивая их временные рамки VI–III вв. до н. э. Более же узкие хронологические рамки сетчатой керамики с различной фактурой отпечатков еще необходимо установить, как и разработать внутреннюю ее периодизацию для региона.

Далее перейдем к рассмотрению главного вопроса, а именно к определению соотношения поселений РЖВ Костромского Поволжья и ананьинской культурно-исторической области. Для этого сначала определим хронологическую позицию гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики ананьинского типа Костромского Поволжья. Для решения вопроса обратимся к хорошо датированным и документированным керамическим комплексам (разной традиции) сопредельных основных территорий распространения ананьинской культурно-исторической области, а именно Средней и Нижней Камы, бассейна р. Ветлуги, Вятки и района Средней Волги. Только с привлечением аналогий мы сможем установить относительный возраст многих находок (керамики) и спроектировать условную периодизацию поселений РЖВ Костром-

ского Поволжья с такой керамикой, обозначить их место в ананьинском мире. Как уже было отмечено, в настоящее время основным культурным индикатором, указывающим на участие ананьинского населения в культурных процессах в регионе, является керамика. Другие представленные в малом количестве индивидуальные ориентиры имеют широкое географическое распространение и отражают эпоху раннего железа в Верхневолжском регионе в целом. Кроме того, они отчасти характерны для других культурных групп и могут указывать только на хронологическую позицию сопутствующих материалов.

Например, грузики «дьякова» типа, найденные на поселении Борань (Гурина, 1963, с. 99, рис. 10: 1, 2), близкие классам II и III классификации грузиков Троицкого городища (Гусаков, 2007, с. 55, рис. 3; Смирнов К.А., 1971), по М.Г. Гусакову (тип № 6, по К.А. Смирнову). Похожие грузики происходят и с городища Брюхово (один с точечным орнаментом, близкий классу II) (Гусаков, 2007, с. 55, рис. 3). На городище в Костроме также обнаружен грузик «дьякова» типа треугольной формы в плоскости осевого сечения, с гладкой поверхностью: по центру отверстие диаметром 0,5 см, глубиной 2,0 см, примесь в тесте – шамот: класс I, по Гусакову М.Г.; типы № 12 в–г, по К.А. Смирнову (классификация грузиков Троицкого городища) (Гусаков, 2007; Смирнов К.А., 1971). Здесь следует отметить, что грузики имеют довольно широкий период бытования на большой территории, начиная со второй половины I тыс. до н. э. (Гусаков, 2007, с. 51), а на территории Костромского Поволжья они распространены незначительно (рис. 114).

Среди индивидуальных предметов выделим глиняную литейную форму (рис. 100) акозинско-меларского кельта с поселения Ватажка (Гурина, 1963), датируемую VI в. до н. э. (Кузьминых, 1993) и определенно маркирующую нижние хронологические границы распространения гребенчато-шнуровых и шнуровых комплексов в Костромском Поволжье.

К индивидуальным предметам отнесем также поясную сланцевую подвеску (рис. 101: 11) прямоугольной формы со сквозным коническим отверстием (встречаются на Старшем Ахмыловском могильнике) (Халиков, 1977, с. 158, рис. 58), которая может указывать на заселение площадки городища в Костроме как минимум с VI в. до н. э.; височную спираль (рис. 101: 12) в три с половиной оборота из плоской проволоки бронзового сплава с городища в Костроме (аналогии есть в комплексах Старшего Ахмыловского могильника). В.С. Патрушев датирует такие подвески VII–VI вв. до н. э. (Патрушев, 1984, рис. 5, с. 12; 1992, с. 76); нож с округлой спинкой и слабовыраженным черешком; витую бронзовую гривну; три наконечника стрел (рис. 115); глиняную литейную форму (рис. 69: 5) и бронзовую височную спиральную подвеску, которая обнаружена в культурном слое Минского городища при переходе слоя в материк (Патрушев, Отчет 1990, с. 62). Последняя может маркировать верхнюю дату распространения шнуровой керамики IV–III вв. до н. э. Подвеска близка по форме проволочным изделиям из нижнего слоя Щербининского городища, датируемого III в. до н. э. (Розенфельдт, 1974, с. 100, рис. 3). Интересен железный массивный нож, найденный в яме, заглубленной в материковую поверхность, на Унороже (рис. 99). Длина составляет 22,2 см, нож со слабоизогнутым клинком и коротким черенком, выходящим со стороны спинки, спинка клинка дугообразная, лезвие имеет значительную сточенность внутрь клинка, клинок в сечении клиновидный, острие закруглено, переход к черешку рукояти вверху покатый, снизу – в виде ступеньки, черешок короткий в виде широкой закругленной пластины. По типологической схеме А.Х. Халикова нож соответствует типу III, 2 Г, изделия такой формы датируются им не ранее VI в. до н. э. (Халиков, 1977, с. 144, 148).

Таким образом, это практически весь ряд ярко выраженных индивидуальных предметов РЖВ Костромского Поволжья. Данные артефакты помогают четко определять первоначальное время расселения ананьинских групп с традицией гребенчато-шнуровой керамики в регионе как минимум с VI в. до н. э.

Далее рассмотрим вопрос хронологической позиции поселений Костромского Поволжья с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой. На наш взгляд, можно выделить два взаимосвязанных этапа в развитии таких поселений.

На первом этапе распространения ананьинской культурно-исторической области в Костромском Поволжье получают развитие такие поселения, как Ватажка, Быки (Пуп), Унорож, Брюхово (Курган). Керамические комплексы этих памятников синхронны каменоложской стадии развития ананьинской керамики, датируемой Л.И. Ашихминой VI–V вв. до н. э. (Ашихмина, 2014, с. 74, 298). В это

время сетчатая и гребенчато-шнуровая традиции в керамическом производстве соседствуют на данных поселениях, гибридная керамика – явление редкое. Можно говорить о сосуществовании на территории поселений разнокультурных групп населения с различными традициями в керамическом производстве. В список памятников этого периода необходимо добавить и городище в Костроме, которое первоначально могло и не иметь искусственных напольных укреплений. Здесь, как отмечалось выше, обнаружены индивидуальные вещи ананьинской среды, датируемые VI в. до н. э., имеющие аналогии в Старшем Ахмыловском могильнике.

Для подтверждения хронологической позиции поселений необходимо обратиться к хорошо датированным материалам памятников ананьинской культурно-исторической области сопредельных территорий, особенно восточным аналогиям.

Сходство гребенчато-шнуровой посуды поселений Костромского Поволжья обнаруживается с керамикой Юго-Западного Прибеломорья – похожая керамика имеется в бассейнах рек Сума и Тунгуда, в низовьях Выги, в частности гребенчато-шнуровой комплекс поселения Бохта II (рис. 118), датированный А.М. Жульниковым каменоложской стадией – VI–V вв. до н. э. (Жульников, 2005, с. 36). Жульников датирует ананьинскую керамику Западного Прибеломорья на основании восточных аналогий VI–IV вв. до н. э. (Zulnikov, 2009, p. 78). Область Юго-Западного Прибеломорья, по мнению Жульникова, является контактной территорией, где присутствует гибридная керамика, сочетающая и черты керамики типа лууконсаари, и ананьинской (Zulnikov, 2009, p. 75). Процессы гибридизации посуды отмечаются и на территории Костромского Поволжья, также являющейся контактной зоной, в форме появления керамики, совмещающей ананьинские и сетчатые традиции.

Комплексы керамики ананьинского типа из Костромского Поволжья близки и ананьинской посуде позднекаргопольских поселений озера Лача (рис. 117), датируемой М.Е. Фосс первой половиной I тыс. до н. э., VII–V вв. до н. э. (Фосс, 1952, с. 118; рис. 68 (периодизация памятников каргопольской культуры)). Параллели прослеживаются и с ананьинской керамикой бассейна Средней Камы (рис. 130). Прежде всего, это касается памятников, соответствующих каменоложской стадии, датируемой VI–V вв. до н. э., среди которых средний горизонт поселения Каменный Лог (Ашихмина, 2014, рис. 66; 85). В VI–V вв. до н. э. на ананьинской посуде в Прикамье появляется «воротничок», характерный для комплекса 1 керамики из поселения Ватажка (плавнопрофилированные сосуды с «воротничком»). Посуда комплекса 1 Ватажки, ряд плавнопрофилированной посуды с «воротничком» с поселения Быки (Пуп) находят соответствие в сосудах Ново-Кабановского, Тра-Тау и Аначаевского городищ (Там же, рис. 80), которые, как и керамика среднего горизонта Каменного Лога, датируется VI–V вв. до н. э. (Ашихмина, 2014, с. 73).

Можно говорить о немалом сходстве посуды поселения Ватажка (комплекс 1), части комплексов поселения Брюхово (Курган), гребенчато-шнурового комплекса Унорожа с посудой с ветлужских городищ – Одоевского, Богородского, Русенихинского (рис. 119) (Марков, 2007, рис. 46). Это, в частности, проявляется в орнаментальных мотивах, а именно в сочетании гребенчатого штампа, шнуровых горизонтальных оттисков, реже с ямками, и морфологических особенностях верхней части сосудов (за исключением наличия «воротничков» на костромской керамике). Такая посуда из городищ Поветлужья датируется с VI в. до н. э. (Марков, 2007, с. 57). Нижний (первый) слой Одоевского городища обозначен О.Н. Бадером VII–V вв. до н. э. (Бадер, 1951, с. 151), второй слой Богородского городища датирован VII–VI вв. до н. э., третий – V–IV вв. до н. э. (Архипов, 1982, с. 13).

Отметим и подобие ряда керамических комплексов Костромского Поволжья керамике поселений региона Средней Волги (Нижегородского Поволжья) – Васильсурского II городища (рис. 121: 5–8; 122) (Халиков, 1977, рис. 86; Марков, 2007, рис. 45). Аналогии проявляются именно в орнаментике керамики комплекса 1 плавнопрофилированной посуды с «воротничком» из поселения Ватажка, где господствует горизонтальное построение композиций, как и на западноволжской ананьинской керамике.

Следует обратить внимание на выводы А.Х. Халикова о присутствии на Васильсурском II городище гибридной посуды, появившейся, по его мнению, в результате смешения раннеананьинской и раннегородецкой керамики (Халиков, 1962, с. 148–150). Гибридная посуда, совмещающая шнуровую и сетчатую традицию, характерна и для ананьинских поселений территорий Костромского Повол-

жья. При этом Малахайское и Васильсурское II городища А.Х. Халиков считал изолированными памятниками, керамику из них относит ко второй половине I тыс. до н. э. и называет керамикой «городецкого облика» (Халиков, 1962).

Можно говорить о меньшем сходстве ананьинской керамики из Костромского Поволжья с посудой с поселений Марийского Поволжья. На таких памятниках, как Мари-Луговое (раскопки А.И. Шадрина 1990–1991 гг.) (рис. 124), Сиухинское поселение (раскопки Д.Ю. Ефремовой и Б.С. Соловьева 2009–2010 гг.) (рис. 125), Ардинское городище доминирует гребенчато-шнуровая традиция, встречается сложношнуровая керамика (правда, намного реже), присутствуют лебяжские черты (глазчатые ямки), имеется постмаклашеевская и сетчатая керамика. Очевидно, сетчатая традиция здесь существует отдельно от ананьинской, нет массовой гибридизации, на что обращает внимание и С.В. Кузьминых (Кузьминых, 1982, с. 23; 1983, с. 157). Присутствует и керамика с достаточно разреженными горизонтальными рядами шнуровых оттисков, редко сочетающихся с рядами ямок, как, например, на Ардинском городище, что может указывать и на более позднее время заселения его площадки ананьинскими группами населения (в V–IV вв. до н. э.).

Сетчатая керамика из Ардинского городища (раскопки А.В. Михеева 2013 г.) – в основном мелкоячеистой фактуры, реже встречается крупноячеистой, орнаментирована бедно (только ямками, часто с неровными краями). Ананьинская керамика – с высокой подцилиндрической шейкой, встречается и слабопрофилированная с низкой прямой шейкой и округлым выделенным плечом, плавнопрофилированная с вогнутой шейкой и округлым плечом, профилированная с глубоко вогнутой шейкой и с выделенным плечом в виде сглаженного ребра. При изучении коллекции керамики не встречено ни одного гибридного сосуда (рис. 126–128).

Всего девятнадцать фрагментов керамики со шнуровым орнаментом и «текстильными» отпечатками (гибридная посуда) найдено во время исследований Ардинского городища В.С. Патрушевым и А.Г. Архиповым (Архипов, Патрушев, 1982, с. 55). Все фрагменты без «воротничков» по краю посуды. Правда, некоторая схожесть с керамикой из костромских поселений ананьинской культурно-исторической области отмечается в орнаментальных мотивах. Нижний культурный слой Ардинского городища датируется VII–VI вв. до н. э. (Архипов, Патрушев, 1982, с. 53).

Отдельно отметим Сиухинское поселение, расположенное в правобережье Волги, где встречаются «гофрированные» венчики, края с утолщениями, в орнаментации превалируют ряды из шнуровых оттисков, как и на посуде с большинства поселений с ананьинскими материалами Костромского Поволжья. Встречаются слабопрофилированные формы посуды, редки чашевидные. Предварительно памятник датирован VIII–VI вв. до н. э., но с оговоркой, что время существования поселения все-таки еще следует уточнить (Ефремова, Соловьев, 2014, с. 239). Возможно, Сиухинское поселение существовало и в более позднее время.

Большинство памятников Марийского Поволжья (городища Токари, Малахай) датируются раннеананьинским временем – VII–VI вв. до н. э., правда, для ряда памятников предлагаются и более широкие датировки (I тыс. до н. э.) (Никитин, 2009). А.Х. Халиков практически все памятники средневолжского варианта ананьинской культуры предлагал датировать VII–VI вв. до н. э. (Халиков, 1962, с. 112, 116).

Шнуровая керамика из поселений Костромского Поволжья имеет сходные черты (морфологические особенности, орнаментика) и с посудой из памятников, приуроченных к бассейну Нижней Камы (рис. 129). В.Н. Марков выделял три этапа в развитии нижнекамских поселений. Третий этап (VI–V вв. до н. э.), согласно этой периодизации, характеризуется появлением на памятниках Нижней Камы парного и строенного шнура, нередко сопровождающегося оттисками гребенчатого штампа (Марков, 2007, с. 44). Сходство с костромской керамикой можно найти в посуде из таких памятников, как Сухой Берсут (керамика второй группы), Сорочьи Горы (верхний горизонт); необходимо отметить и отдельный ряд керамики из Гремячего Ключа (Марков, 2007, рис. 3: 2, 6; 10; 22).

Наблюдается еще одно соответствие нижнекамской и костромской керамики. На всех поселениях Нижней Камы фиксируется сетчатая керамика (Марков, 2007, с. 44). Это обстоятельство, безусловно, сближает эти поселения с поселками Костромского Поволжья и демонстрирует определенную взаимосвязь культурных процессов обозначенных регионов. Также В.Н. Марков отмечал, что

доля примеси песка в тесте увеличивается именно в западной части региона Нижнего Прикамья (Марков, 2007, с. 15).

Ананьинская керамика бассейна р. Вятки характеризуется обилием гребенчатых отпечатков, чередованием таких отрезков с линиями шнуровых оттисков, дополняемых пояском из ямок (рис. 119). Аналогичная посуда с гребенчато-шнуровой традицией присутствует на поселениях Костромского Поволжья, таких как Ватажка (комплекс 1), Унорож. Сходство обнаруживается с комплексами Аргыжского городища, частью комплексов Ройского Шихана (Марков, 2007, рис. 25; 27).

Городище Ройский Шихан датировано Г.А. Архиповым VII–V вв. до н. э. (Архипов, 1962, с. 196, 203), позднее В.Н. Марковым была предложена дата не ранее VI в. до н. э., как и для Аргыжского городища (Марков, 2007, с. 57).

Необходимо отметить и близость керамики из Ватажки (комплекс 1) посуде с Грехневского I поселения (Митряков, Черных, 2014, с. 176, рис. 16). Сходство комплексов проявляется в морфологических особенностях, в частности преобладании слабопрофилированных форм (Митряков, Черных, 2014, с. 175). Предварительная датировка керамики Грехневского поселения – VII–VI вв. до н. э. (Там же, 2014, с. 174).

В ходе настоящего исследования изучена коллекция керамики с Пижемского городища (сборы Т.Б. Никитиной, 2012 г.). Пижемское городище относится к ранним памятникам ананьинской культурно-исторической области бассейна р. Вятки (Митряков, Черных, 2014, с. 173). Коллекция, хранящаяся в МарНИИЯЛИ (рис. 120), показывает большое морфологическое сходство с плавнопрофилированной посудой комплекса 1 Ватажки, где отчетливо выражен «воротничок» по краю плавнопрофилированной посуды, но орнаментация при этом более насыщенна.

Таким образом, вятский ананьинский след в керамике ряда поселений Костромского Поволжья исключить никак нельзя, прослеживаются отчетливые параллели, имеются хорошие аналогии. Высокая степень сходства вятской и костромской ананьинской керамики проявляется именно в начальный период освоения территорий Костромского Поволжья ананьинским населением с гребенчато-шнуровой традицией.

Обратим внимание на особенности гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики РЖВ из поселений Костромского Поволжья первоначального этапа распространения такой керамики. Различны орнаментальные мотивы и техника их исполнения на плавнопрофилированной посуде с «воротничком» поселений Ватажка и Быки (Пуп). На последнем орнамент в основном представлен в виде шнуровых оттисков, не дополняемых гребенчатыми отпечатками, а только вдавлениями, тогда как на керамике Ватажки встречаются все элементы. Керамика из поселения Брюхово (Курган) уверенно сочетает в себе две техники исполнения: гребенчатую (зигзаги, короткие отрезки) и шнуровую. На керамике из поселения Станок I такое сочетание является редкостью. В регионе преобладают плавнопрофилированные (включая комплексы с «воротничком») и профилированные формы посуды. Следует отметить, что мотивы и отдельные элементы сложношнуровой орнаментации (зигзаг, решетка, волна и др.), характерные для ананьинской керамики из памятников Среднего и Нижнего Прикамья, редко встречаются на костромской керамике ананьинского типа VI–V вв. до н. э. и единично фиксируются на посуде из таких поселений, как Брюхово (Курган), Быки (Пуп), Ватажка, Шунга и городище Минское.

Керамика Минского городища выглядит несколько обособленно: здесь гребенчатый штамп практически не встречается, но присутствует резная техника, орнамент очень разнообразный, составлен из горизонтальных рядов шнуровых оттисков, включая косички, которые очень часто присутствуют на посуде. Нередко фиксируется сочетание шнуровых оттисков с поясками из ямок, сходными с посудой Аначаевского городища (Ашихмина, 2014, рис. 79–80), за исключением фигурных и других мелких вдавлений. Правда, ямки встречаются, как правило, мелкие подтреугольные, а также овальной, ромбической формы, реже – округлые и аморфные, фигурные неглубокие вдавления. Отмечается и устойчивое морфологическое подобие, в частности, найдены профилированные сосуды с реберным плечом, как на посуде из среднего горизонта поселения Каменный Лог (Ашихмина, 2014, рис. 66).

Профилированная посуда имеется и на других памятниках Костромского Поволжья: поселениях Шунга, Ватажка, Брюхово (Курган), Быки (Пуп), на городище в Костроме. По орнаментации керамика Минского городища более сходна с фрагментами посуды, найденной выше устья р. Вятки по Каме

и, возможно, с частью Бельской (Бирское поселение) (Халиков, 1977, рис. 92). Обнаруживается значительное совпадение керамики Минского городища и поселения Усть-Очер I, датируемого второй половиной VI – началом V в. до н. э. (Коренюк, Мельничук, Перескоков, 2014, рис. 3) в орнаментации (широкие зоны шнуровых оттисков, косички), в морфологии (профилированные сосуды с выделенным плечом). Исходя из этих материалов можно предположить, что Минское городище включается в круг ананьинских памятников Костромского Поволжья уже со второй половины VI в. до н. э.

С V в. до н. э., на поздней каменоложской стадии, в систему расселения ананьинских групп включается поселение Станок I, на посуде из которого очень редко встречаются «воротнички», меньше зон, орнаментированных гребенчатыми отпечатками, превалируют шнуровые оттиски. Очевидно, к этому же времени относится и поселение Шунга, на посуде с которого наблюдается орнамент, составленный из шнуровых оттисков в виде волны. Правда, орнамент более разрежен, встречаются наклонные гребенчатые оттиски, присутствуют плавнопрофилированные и профилированные формы сосудов. Уменьшение доли орнаментированных зон, разреженность элементов орнамента, низкий процент ямок отмечается на ананьинском памятнике Вятского бассейна – Скорняковском городище (Митряков, Черных, 2014, с. 177, рис. 17), датированном именно V в. до н. э. (Митряков, Черных, 2014, с. 183; Чижевский, Черных, Хисяметдинова. и др., 2016). При этом морфология посуды различна: на Скорняковском городище, в отличие от поселений Костромского Поволжья, много посуды с «воротничком», что, впрочем, в данном случае сближает ее с керамическим комплексом 1 поселения Ватажка.

Очевидно, именно с V в. до н. э. на многих поселениях Костромского Поволжья происходят значительные изменения. Именно в это время начинает массово появляться гибридная керамика, характеризующаяся наличием шнуровых оттисков на шейке и сетчатой поверхностью ниже плечиков посуды, сочетанием элементов орнамента обоих культурных областей. Изменяются и морфологические особенности посуды, о чем упоминалось выше. Как и на ряде синхронных памятников дьяковской и ананьинской общностей смежных территорий (Ашихмина, 2014; Кренке, 1987; Халиков, 1977), возникают укрепления на городищах Минское и в г. Костроме. В то же время многие поселения, как и в раннеананьинское время, располагаются на высоких, естественно укрепленных местах: (Быки (Пуп), Брюхово (Курган), Унорож, Ватажка). Как правило, в таких случаях месторасположение совпадает с предшествующими поселениями финала поздней бронзы, что, впрочем, характерно и для памятников ананьинского круга смежных областей (Ашихмина, 2014, с. 63; Халиков, 1977, с. 16).

Наверное, самым характерным (реперным) памятником, отражающим процесс первоначального, начиная с VI в. до н. э., появления ананьинского населения с гребенчато-шнуровой традицией в пределах Костромского Поволжья, является поселение Ватажка. Оно существовало несколько столетий, вплоть до III в. до н. э., когда традиция шнуровой орнаментации керамики оказалась полностью снивелированной. В дальнейшем население проживало здесь вплоть до первых веков нашей эры. Именно поселение Ватажка могло стать либо отправной точкой, либо очагом распространения ананьинской культурно-исторической области в регионе Костромского Поволжья. На поселении четко выделяется три комплекса керамики:

– ***комплекс 1:*** превалирует плавнопрофилированная посуда, в том числе с «воротничком», в мотивах орнамента находят преобладание и фиксируются сочетания гребенчатых отпечатков со шнуровыми оттисками и поясками из глубоких (в большинстве случаев) ямок, встречается посуда со сложношнуровой орнаментацией;

– ***комплекс 2*** характеризуется упрощением орнаментальных мотивов на керамике ананьинского типа, преобладанием элементов из шнуровых оттисков (правда, встречаются многорядное их исполнение, волна), появлением мелких, как правило, неглубоких, вдавлений, уменьшением зон заглаженных участков поверхности посуды и увеличением участков, покрытых сетчатыми отпечатками, увеличением процента слабопрофилированных горшков при встречаемых профилированных горшках с сетчатой внешней поверхностью, преобладанием плоских днищ. Данный комплекс шнуровой керамики отражает развитие и преобразование ананьинских традиций, начало процесса гибридизации посуды. В результате развития появляется гибридная посуда – ***комплекс 3***.

Далее перейдем ко второму этапу эволюции поселений со шнуровой керами-

кой РЖВ Костромского Поволжья, который синхронизируется с ныргындинской стадией развития ананьинской керамики, датируемой Л.И. Ашихминой IV–III вв. до н. э. (Ашихмина, 2014, с. 74). На этом этапе массово распространяется гибридная посуда с характерным шнуровым орнаментом и сетчатой поверхностью (особенности описаны выше). Орнаментация на шнуровой керамике заметно упрощается, отсутствуют гребенчатые оттиски, более не встречаются широкие орнаментальные зоны, совмещающие орнаментальные мотивы, выполненные в разных техниках исполнения, преобладают двух- и трехрядные горизонтальные шнуровые оттиски, нередко сочетающиеся с различными вдавлениями, как на керамике из памятников бассейна Средней Камы (рис. 131). Доминирует гибридная керамика. На шнуровой керамике проявляются отдельные элементы сетчатой керамики, которые прослеживаются в орнаменте, особенностях оформления края (рассмотрено выше). Посуда с «воротничком» на этом этапе отсутствует, в орнаментации не применяется гребенчатый штамп, преобладают слабопрофилированные формы посуды. Сетчатая структура по большей части характерна для внешней поверхности тулова горшка, реже заходит на плечики и шейку сосудов. На поверхности фрагментов преобладают сетчатые мелкоячеистые, хаотично расположенные отпечатки, намного реже встречаются крупноячеистые отпечатки. Нередки случаи, когда орнамент накладывается на поверхность с сетчатыми отпечатками, заглаженные участки минимальны.

К поселениям этого этапа можно отнести такие, как Станок II, Борань, Медведки II, Умиленье, Челсма, вероятно, Хреново (рис. 98). На всех имеется гибридная керамика. Если сравнивать топографию первого и второго этапов, становится очевидно, что места заселения второго этапа находятся ниже по отношению к реке, чем участки при первоначальном расселении. При этом поселения, появившиеся на первом этапе, также продолжают существовать.

Керамика второго этапа имеет большое сходство с посудой Верхневолжских памятников (рис. 116) – городищ около Калязина и Городок (Третьяков, 1941, рис. 6: 2, 6; 9: 2, 6, 7, 10; Третьяков, 1966, рис. 43: 2). П.Н. Третьяков датирует обозначенные городища синхронно поселению Ватажка (сходство с комплексами 2 и 3) Костромского Поволжья (Третьяков, 1966, с. 147). Близка посуда этого этапа и керамике Серюпитинского городища, на которой также фиксируются редкие ряды шнуровых оттисков и отмечается сетчатая внешняя поверхность (Столяр, Хлобыстин, 1963, рис. 4: 1, 4). Городище датировано IV–III вв. до н. э. – I в. н. э. (Столяр, Хлобыстин, 1963, с. 238). Наблюдается сходство посуды второго этапа с керамикой поселений бассейна Средней Камы – Зуево-Ключевское I, Ныргында I, отнесенных Ашихминой Л.И. к IV–III вв. до н. э. (Ашихмина, 2014, рис. 46; 48; 72).

Следует отметить ее подобие и посуде из второго слоя Одоевского городища, датированного О.Н. Бадером IV–III вв. до н. э. (Бадер, 1951, с. 152). Посуда Одоевского городища претерпевает в это время значительные изменения. Во-первых, появляются минеральные примеси в тесте. Во-вторых, отмечается уменьшение мотивов орнамента. Шнуровой орнамент представлен слабо, на орнаментальном фоне остаются чистые поля (Воеводский, 1951, с. 160–169). Сосуды этого времени – с невысокой прямой шейкой и выраженными плечиками, венчик округлый, иногда с наплывом наружу, встречаются сосуды со слабовыраженной шейкой. Появляется сетчатая керамика. Все эти признаки, несомненно, сближают керамику поселений Костромского Поволжья и керамику Одоевского городища этого периода. Можно говорить о единообразии процесса изготовления керамики в этот период: уменьшается доля шнуровых оттисков, увеличивается процент слабопрофилированной посуды, появляется характерная сетчатая поверхность.

Похожая, с разреженными шнуровыми оттисками, керамика в небольших количествах встречается и на памятниках Марийского Поволжья, таких как Ардинское городище, Сиухинское поселение. Наряду с ананьинской (рис. 122) и сетчатой (рис. 123) гибридная керамика известна в Марийско-Нижегородском Поволжье на Васильсурском II поселении, о чем упоминалось выше.

На финальном этапе, в IV–III вв. до н. э., керамические традиции ананьинской культурно-исторической области развиваются в Костромском Поволжье, непосредственно пройдя через фильтр сетчатых керамических традиций. На гребенчато-шнуровой и шнуровой керамике этого времени появляются новые компоненты, происходит сглаживание традиционных культурных ориентиров, сетчатые отпечатки на внешней поверхности заменяют заглаженные участки и накладываются, как правило, с плечиков сосудов.

Как уже было отмечено, процессы гибридизации керамики начинаются уже в V в. до н. э. В целом доля гибридной посуды в регионе достаточно высока и составляет 47 % от общего числа керамики ананьинского типа, что говорит о сложившихся в Костромском Поволжье между населением двух культурных областей (ананьинской и сетчатой) тесных связях.

Таким образом, на наш взгляд, сегодня можно обозначить внутреннюю хронологическую шкалу и предложить следующую периодизацию поселений Костромского Поволжья с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой ананьинского типа, синхронизируя их с определенными этапами развития памятников ананьинской культурно-исторической области Волго-Камья, бассейна Ветлуги и Вятки и северных регионов.

В VI–V вв. до н. э. в регионе на поселениях отдельно присутствует ананьинская (гребенчато-шнуровая традиция) и сетчатая керамика, с V в. начинает появляться гибридная посуда. В IV–III вв. до н. э. сосуществуют шнуровая, гибридная и сетчатая керамика.

Далее рассмотрим и выделим особенности расположения и структуры поселений с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой РЖВ Костромского Поволжья.

Прежде всего, большинство поселений (Брюхово, Унорож, Станок I–II, Челсма, Шунга, Ватажка, Хреново, Умиленье) расположены на берегах небольших речек, ручьев, на месте впадения последних (в приустьевой части) в более крупные реки, озера, что в целом характерно для поселений ананьинского круга.

Во-вторых, на территории Костромского Поволжья известно только два городища, искусственно укрепленных с напольной стороны, а также двенадцать поселений, из которых четыре естественно укреплены. Площадь поселков достаточно вариативна (табл. А.5).

В третьих, отметим многослойность поселений, наличие подстилающего РЖВ культурного слоя эпохи бронзы. Использование площадки поселений в последующее время (средневековье) способствовало нарушению структуры культурного слоя РЖВ и было свойственно для многих памятников основных территорий расселения ананьинской общности в Волго-Камье (рис. 132), что отмечается исследователями (Халиков, 1977, с. 8; Ашихмина, 2014, с. 63; Ванчиков, 1992, с. 77–79; Архипов, Патрушев, 1982, с. 53). Аналогичную ситуацию мы наблюдаем и в Костромском Поволжье. Все поселения с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой РЖВ возникают не на «чистом» месте, а на территории поселков предшествующего времени – эпохи поздней бронзы, РЖВ с сетчатой керамикой. На некоторых памятниках имеются и неолитические комплексы. Площадки поселений, как правило, используются и в последующее время (Станок I–II, Умиленье, Унорож, Борань, Быки (Пуп), городище Минское и др.).

Относительно планировочной структуры поселений Костромского Поволжья следует сказать следующее. Прежде всего, обнаруживается значительное сходство с поселениями бассейна р. Вятки. Городища мысовые, укреплены с напольной стороны валом и рвом. Например, по форме подпрямоугольная площадка городища в г. Костроме близка Ройскому и Чижевскому городищам. Подтреугольная вытянутая площадка Минского городища аналогична Мальковскому, Буйскому и Никульчинскому (Ванчиков, 1992, рис. 2). По мощности культурных напластований Минское городище сравнимо с Ройским, Аргыжским, Буйским (Ванчиков, 1992, с. 77) и Одоевским (табл. А.6) городищами, которые так же имеют значительную толщину культурных отложений, достигающую порядка 2 м. На городище в Костроме культурный слой РЖВ был счищен в более позднее время и фиксировался по краям на склонах, как и на Ардинском городище, расположенном в Марийском Поволжье (Архипов, Патрушев, 1982, с. 53). На городищах Костромского Поволжья, как и на вятских (Ванчиков, 1992, с. 78), фиксируются сооружения и постройки. Правда, их идентификация с ананьинским кругом затруднительна. В большинстве построек найдена сетчатая керамика.

Близки по планировочной структуре городищам Костромского Поволжья и городища Поветлужья. Так, Минское городище расположено аналогично мысовым, треугольной формы, Одоевскому и Богородскому (Бадер, 1951, рис. 20, 21), а Русенихинское городище, с подпрямоугольной мысовой площадкой, ограниченной по краям широкими оврагами (Бадер, 1951, рис. 24), близко по форме городищу в Костроме. Все вышесказанное означает, что костромские городища подобны ананьинским городищам бассейна р. Ветлуги и Вятки.

Появление городищ на Средней Каме А.Х. Халиков относит к V в. до н. э. (Хали-

ков, 1977, с. 15). Близкой точки зрения придерживается и Л.И. Ашихмина, которая считает, что оборонительные сооружения на городищах появляются в VI–V вв. до н. э. (Ашихмина, 2014, с. 63). Одновременно появляются укрепления и на дьяковских городищах (Кренке, 1987). Устройство дополнительных искусственных укреплений на городищах Костромского Поволжья, безусловно, следует соотносить с этим же временем, так как мы наблюдаем повсеместную традицию, характерную как для дьяковской среды, так и ананьинского Прикамья.

Традиция расположения поселений на высоких местах восходит еще к раннеананьинскому времени (Халиков, 1977, с. 16). Такие поселения, как Сорочьегорское, Гроханьское, Зуево-Ключевское, Богородское, Русенихинское, Одоевское появляются на естественно укрепленных местах, затем на них возводятся дополнительные искусственные укрепления. Такая же картина начиная с V в. до н. э. наблюдается и на поселениях Костромского Поволжья, таких как Минское и в Костроме.

В то же время другие поселки Костромского Поволжья, как, например, Быки (Пуп), Брюхово (Курган), Унорож, продолжают существовать без каких-либо дополнительных искусственных укреплений, что связано, очевидно, с удачным ландшафтом местности, который позволял обходиться без их устройства. Эти поселения расположены на высоких курганообразных местах, отделенных от коренной террасы, удобно естественно защищены. Интересно, что все обозначенные поселки находятся в окрестностях Галичского озера. Аналогично, на высоком останце коренной террасы расположено Сиухинское поселение в Марийском Поволжье (Никитин, 2009, с. 50). Достаточно высоко над водой находится и Концегорское поселение в Прикамье, датированное А.В. Збруевой IV–III до н. э. (Збруева, 1952, с. 260).

На краю высокой надпойменной террасы (10 м) располагались селище Мари-Луговое I (в настоящее время разрушено) и стоянка Юлъялы V в Марийском Поволжье (Никитин, 2009, с. 38, 115–116). В Костромском Поволжье на краю высокой надпойменной террасы (6 м) находилось поселение Шунга, к настоящему времени утраченное (размыто). На памятнике найдена шнуровая керамика.

Встречаются поселения ананьинской культурно-исторической области и в низких местах, в некоторых случаях они располагаются на невысоких надлуговых террасах. Например, на Нижней Каме это такие поселения, как Байларское I, Каракулинское, на Верхней Каме – Скородумовское, Базов Бор, Васюковское I, II (Халиков, 1977), на Средней Волге – Малахайское селище, Акозино стоянка II (не сохранились) (Никитин, 2009, с. 54, 67), на Вятке – поселение Моторки II (Ванчиков, 1992, с. 79). Подобные поселения, расположенные на приближенных к воде участках, появляются в Костромском Поволжье на позднем втором этапе, в IV–III вв. до н. э.: Умиленье, Борань, Медведки II, Станок II, Шунга. Отметим, что до настоящего времени не сохранились (размыты, затоплены) именно те поселения Костромского Поволжья со шнуровой керамикой РЖВ, которые расположены в низких местах: Борань, Медведки II, Шунга. Мощность культурных напластований на поселениях Костромского Поволжья, содержащих ананьинские материалы, составляет от 0,2 до 1,1 м (табл. А.6). Подобная картина характерна и для ананьинских поселков РЖВ бассейна р. Вятки.

Вятские поселения устраивались вблизи устьев ручьев или оврагов на высоте не менее 4–5 м. Мощность культурного слоя РЖВ, как правило, невелика, часто культурный слой этого времени нарушен поздними напластованиями (Ванчиков, 1992, с. 78–79). Похожая картина наблюдается и на поселениях с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой РЖВ Костромского Поволжья. Характерно, что и в бассейне р. Вятки (Ванчиков, 1992, с. 77), и в регионе Костромского Поволжья до настоящего времени не выявлены могильники.

Таким образом, наблюдается явное сходство в устройстве и расположении поселений с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой РЖВ Костромского Поволжья и основных территорий распространения ананьинской культурно-исторической области – Прикамья, бассейнов рек Вятки и Ветлуги, Среднего Поволжья. Месторасположение поселений, приуроченных к мысовидным площадкам в устье рек, характерно также для поселений Прибеломорья (Бохта II, Сумозеро XVI). В юго-западном Прибеломорье такие поселения располагались и в низких местах (Тугунда XV). Интересно, что на поселении Тугунда XV посуда ананьинского облика немногочисленна, выделен только один сосуд (Жульников, 2005, табл. 3). Небольшое количество шнуровой посуды наблюдается и на памятниках Костромского Поволжья, расположенных в невысоких затопляемых

местах: Умиленье, Борань, Медведки II. Похожая тенденция прослеживается в бассейне р. Вятки: малочисленна коллекция шнуровой посуды на низкорасположенных поселениях, таких как Первомайское, Арбажский льнозавод, Худяковское, Этанцы II, Буй I (Ванчиков, 1992, с. 79). Объяснить данное обстоятельство можно кратковременностью посещений в РЖВ обжитых в более раннее время (в эпоху неолита, поздней бронзы, переходного времени) площадок. Кроме того, располагаются они нередко рядом с долговременными поселениями РЖВ, на что обращает внимание и В.В. Ванчиков, характеризуя ананьинские памятники бассейна р. Вятки.

Одной из особенностей поселений Костромского Поволжья с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой РЖВ является немногочисленность здесь находок металлических вещей. Известно всего несколько ножей из таких памятников, как Унорож (1), Минское (3), Борань (1), Брюхово (1); немного украшений, выполненных из цветных металлов, найдено на городищах в Минском и Костроме. Сетчатая керамика, как отмечалось выше, присутствует на всех поселениях с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой РЖВ Костромского Поволжья.

Далее рассмотрим такие параметры, как площадь поселений. Небольшие площадки (до 500 кв. м) имеют поселения Быки (Пуп), Брюхово (Курган), Медведки II. Это сближает их с памятниками ананьинского круга, расположенными в бассейне Средней Волги: Малахайское, Хмелевское, Антоновское (Халиков, 1977, табл. I), Токари (не сохранилось) (Никитин, 2009, с. 67), а также с поселениями юго-западного Прибеломорья, в частности Бохта II (Жульников, 2005) (неразмытая часть памятника, площадь, вероятно, могла быть и больше). Площадь же основной массы поселений с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой РЖВ Костромского Поволжья варьируется от 1 400 до 2 000 кв. м (Шунга, Ватажка, Борань, Станок II, Хреново, Минское). Похожая ситуация характерна и для бассейна р. Вятки, где площадь поселений в среднем составляет 1 500 кв. м (Ванчиков, 1992, с. 77). Поселения подобных размеров присутствуют и в других регионах: Кирюшкин городок и Гремячий ключ на Нижней Каме, I Васильсурское на Средней Волге, Одоевское на Ветлуге (Халиков, 1977, табл. I), городища Ардинское, Малахайское и Копани в Марийском Поволжье (Архипов, Патрушев, 1982, с. 51; Никитин, 2009, с. 38, 49).

Поселения РЖВ с большой площадью заселения в Костромском Поволжье встречаются значительно реже. Площадки памятников археологии Станок I, Умиленье, городище в Костроме составляют около 4 000–5 000 кв. м, что аналогично поселениям Сорочьи Горы на Нижней Каме и Ташевкинскому на Средней Волге. Площадь более 10 000 кв. м имеет только Унорож, этот показатель близок таким памятникам, как Мальковское, Тюм-Тюмское IV на Вятке, I Половинное на Средней Каме и Красный Исток на Нижней Каме. Следует отметить, что обозначенные поселения являются многослойными, имеют различные культурно-хронологические горизонты, и, конечно, нельзя исключать, что в РЖВ могла использоваться только часть площадки этих поселений. Повторим и еще одну важную деталь: на территории Костромского Поволжья отсутствуют могильники ананьинской культурно-исторической области.

Таким образом, можно говорить о том, что поселения западной части ананьинской культурно-исторической области, а именно территории Костромского Поволжья, обладают схожими параметрами как с поселениями западной среды с сетчатой керамикой, так и с поселениями восточной области – ананьинской. Нам кажется вполне закономерным, что ананьинское население занимало именно те площадки, обжитые носителями сетчатой керамической традиции, которые подходили под их требования к устройству поселков. Первоначально, на первом этапе, заселяются высокие, как правило естественно укрепленные, места. Низко расположенные места включаются в систему расселения только на втором этапе (IV–III вв. до н. э.), и связано это может быть как с увеличением населения, так и с изменением его состава в результате смешения с сетчатой средой. На этом этапе происходит трансформация многих культурных ананьинских традиций, которые развиваются уже одновременно, смешиваясь с сетчатыми, бесспорным свидетельством чему является появление гибридной керамики.

Распространение ананьинских традиций в регионе Костромского Поволжья, вероятнее всего, происходило из бассейнов рек Вятки и Ветлуги (гребенчато-шнуровая традиция) до области Костромской низменности, одновременно были освоены и участки вокруг Галичского озера. Интересно, что совсем не заселяются в это время носителями ананьинских традиций бассейн р. Унжи и округа Чухлом-

ского озера. Возможно, это связано с малочисленностью первых групп ананьинского населения с гребенчато-шнуровой керамической традицией, которые, естественно, старались выбрать наиболее удобные для заселения площадки, имевшиеся прежде всего в округе Галичского озера и на территории Костромской низменности и к их приходу уже обжитые носителями сетчатой керамики. Однако отметим что территория бассейна р. Унжи еще требует специальных археологических исследований именно по поиску памятников археологии РЖВ. Дальнейшее расселение происходило, главным образом, вокруг Галичского озера и Костромской низины, здесь же появляется и гибридная керамика. Именно в обозначенных микрорегионах сосредоточены и известные основные поселения РЖВ с сетчатой керамикой, а на территории Унженской низменности и в бассейне Чухломского озера их количество минимально. В результате проведенного исследования считаем возможным выделить в Костромском Поволжье два крупных участка концентрации поселений РЖВ, оказавшихся в сфере влияния ананьинской культурно-исторической области с гребенчато-шнуровой традицией.

От Средней Ветлуги до Галичского озера расстояние по прямой составляет примерно 190 км, до группы памятников Костромской низины – около 260 км. Еще дальше расположены ананьинские памятники Среднего Поволжья и бассейна р. Вятки. Маловероятно, что масштабное проникновение ананьинских традиций происходило из Средней Волги, Марийского Поволжья. Керамика Марийского Поволжья в основной массе сильно отличается от костромской, близки только отдельные орнаментальные мотивы. И хотя в регионе Марийско-Нижегородского Поволжья можно выделить единичные памятники с достаточно схожей с костромской керамикой (Сиухино, II Васильсурское), связано это, безусловно, с общими корнями ананьинских традиций. Общие характерные черты посуды ананьинского облика прослеживаются на обширной территории Восточно-Европейской равнины.

От группы Каргопольских памятников в бассейне озера Лача до Галичского озера примерное расстояние – 370 км, до Костромской низины – 400 км. Поселения Прибеломорья удалены еще больше. Вряд ли традиция гребенчато-шнуровой ананьинской посуды могла прийти в Костромское Поволжье в VI в. до н. э. оттуда, к тому же в этих регионах именно на каменоложской стадии гребенчато-шнуровая керамика ананьинского типа также только появляется. Изменения ананьинских керамических традиций в этих областях, аналогично Костромскому Поволжью, могли произойти в результате взаимодействия с носителями сетчатой керамики.

Нельзя не отметить, что с V в. до н. э. в гребенчато-шнуровой и шнуровой керамике западных регионов ананьинской культурно-исторической области (рис. 133) появляется общее свойство – наличие в тесте минеральных примесей (песка). Однако, скорее всего, это связано не с контактами на отдельных западных территориях ананьинской культурно-исторической области самостоятельных групп, изготовлявших гребенчато-шнуровую и шнуровую керамику, и передачей этой традиции, а с близостью и влиянием культурной области сетчатой керамики, для которой это явление характерно.

Таким образом, включение поселений Костромского Поволжья в систему расселения ананьинской культурно-исторической области связано с традицией изготовления гребенчато-шнуровой керамики, пришедшей в регион с близких территорий Среднего и Верхнего Поветлужья, Вятского бассейна. Наиболее близкие параллели (наличие плавнопрофилированной «воротничковой» посуды, сходство в устройстве и структуре самих поселений) можно провести именно с кругом поселений с гребенчато-шнуровой традицией бассейна р. Вятки.

Несомненно, население ананьинской культурно-исторической области оставило заметный след в истории региона, оказало огромное влияние на формирование и развитие новых культурных компонентов на территории Костромского Поволжья. Устоявшаяся сетчатая керамическая традиция под влиянием новых факторов претерпевает заметные изменения. В результате взаимодействия двух традиций начиная с V в. до н. э. возникает гибридная керамика с сетчатой и гребенчато-шнуровой основой. В III в. до н. э. количество керамики, орнаментированной шнуровыми оттисками, заметно уменьшается, а затем эта традиция полностью угасает. Орнамент, выполненный шнуром, становится разреженным. Очевидно, пришлое ананьинское население постепенно растворяется в местнойсреде с сетчатой керамикой. В дальнейшее время на поселениях преобладает гладкостенная керамика, встречается и посуда с сетчатой и нитчатой поверхностью. Исследование материальной культуры населения Костромского

Поволжья конца I тыс. до н.э. и первой половины I тыс. н.э. еще предстоит выполнить, впрочем, как и рассмотреть вопросы переходного этапа от позднего бронзового времени к началу РЖВ.

Бесспорно, на современном этапе крайне актуальным остается вопрос систематизации гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики РЖВ Верхневолжского региона и, безусловно, Поветлужья. Материалы с гребенчато-шнуровой, шнуровой и гибридной керамикой поселений западной части ананьинской культурно-исторической области пока изучены недостаточно, культурный статус части памятников не определен.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в ходе настоящего исследования из круга памятников РЖВ Костромского Поволжья впервые выделены поселения с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой ананьинского облика, материалы систематизированы. Проведено сопоставлениеданных с другими регионами распространения ананьинской культурно-исторической области, определены хронологические рамки ананьинских материалов (VI–III вв. до н. э.) рассматриваемой территории. Несомненно, именно в VI–III вв. до н. э. поселения РЖВ Костромского Поволжья оказываются в сфере влияния носителей традиций ананьинской культурно-исторической области и включаются в ее ареал. Впервые керамика и редкие предметы индивидуального облика, происходящие с восточных территорий и явно отождествляемые с ананьинской культурно-исторической областью, в вещевом комплексе поселений Костромского Поволжья появляются в VI в. до н. э. В дальнейшем при взаимодействии групп населения происходят изменения в облике материальной культуры РЖВ Костромского Поволжья, появляется гибридная керамика.

В результате анализа собранных материалов удалось установить характерные признаки поселений РЖВ региона, выделить среди них имеющиеся в материальном составе комплексы гребенчато-шнуровой, шнуровой и гибридной керамики; в настоящее время можно говорить о 14 памятниках. Среди характерных признаков таких поселений отметим следующее. Все они многослойные и возникают на месте поселков предшествующего времени – эпохи поздней бронзы, РЖВ с сетчатой керамикой. Обжитые в РЖВ площадки часто используются и в последующее время (РЖВ, раннее средневековье). Отмечается размещение большинства поселений (Брюхово, Унорож, Станок I–II, Челсма, Шунга, Ватажка, Хреново, Умиленье) на берегах небольших речек, ручьев, на месте впадения последних (в приустьевой части) в более крупный водоем – реку, озеро, что в целом характерно для поселений ананьинской среды. Заметим, что на первом этапе для проживания использовались только высокие места, в дальнейшем (на втором этапе) заселялись и более низкие площадки, тяготеющие к реке.

При картографировании удалось определить микрорегионы концентрации поселений и установить область распространения носителей традиций изготовления гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики РЖВ в Костромском Поволжье: выявлено два крупных участка сосредоточения таких поселений – Костромская низина и округа Галичского озера.

Рассматривая различные варианты путей миграции групп ананьинского населения с гребенчато-шнуровой традицией в Костромское Поволжье, мы приходим к выводу о первоначальном их проникновении с территорий Средней и Верхней Ветлуги, при этом достаточно четко прослеживается и «вятский след»: можно говорить о большом сходстве в структуре, в устройстве и расположении поселений Костромского Поволжья и бассейна р. Вятки, аналогии прослеживаются и в гребенчато-шнуровой керамической традиции. В целом ананьинские керамические традиции в регионе имеют много общего с керамикой областей основного расселения ананьинского населения, что является подтверждением наличия общих корней.

Среди характерных особенностей керамики региона можно выделить сетчатую обработку внешней поверхности горшков, а также наличие минеральных примесей в тесте и ряд морфологических отличий. Начиная с V в. до н. э. керамика РЖВ Костромского Поволжья имеет смешанный характер, представленный двумя традициями – сетчатой и ананьинской. Подобная керамика определена нами как «гибридная». Традиции изготовления сетчатой посуды сильно повлияли на процесс формирования облика гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики на территориях Костромского Поволжья. Учитывая изложенное, культурное положение региона в VI–III вв. до н. э. можно определить как «пограничное». В III в. до н. э. шнуровая традиция прерывается (растворяясь в сетчатой среде), при этом население продолжает обитать на прежних территориях. Изучение поселений III в. до н.э. – первой половины I тыс. н.э. по-прежнему остается очень актуальным для территории Костромского Поволжья: необходимы систематизация и разграничение керамических комплексов, их детальная проработка, выделения типов керамики, определение культурных традиций и их развития в регионе.

Сложность в решении вопросов распространения ананьинских традиций в Костромском Поволжье состоит в том, что в результате контактов ананьинского населения с носителями сетчатых традиций многие реперные элементы культуры видоизменялись, транс-

формировались. Несомненно, способствовало этому и особое географическое положение Костромского Поволжья как контактной территории, зоны активного культурогенеза в РЖВ, благоприятствующее появлению новых культурных сегментов и, как следствие, изменению сложившихся керамических традиций. Поселения РЖВ Костромского Поволжья включаются в ананьинскую культурно-историческую область в условиях сложного процесса взаимной адаптации пришлого населения и автохтонных групп – носителей сетчатой керамической традиции, в результате появляется гибридная керамика. Начало изменения культурной ситуации в VI в. до н. э. в Костромском Поволжье положило импульс развитию памятников со смешанной ананьинской и сетчатой традицией. Следует отметить, что в «чистом» виде ананьинские материалы так же присутствуют на нескольких известных нам поселениях.

Таким образом, поселения с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой РЖВ Костромского Поволжья занимают важное место в системе памятников ананьинской культурно-исторической области, определяя западный вектор ее распространения в Волжском бассейне. При этом необходимо подчеркнуть, что работы по выявлению, сопоставлению, анализу и обобщению ананьинских материалов Верхневолжского региона в целом, в том числе изучение поселений РЖВ этой округи и включение отдельных памятников в систему ананьинской культурно-исторической области, ещё только предстоит выполнить. Также целесообразно в комплексе рассмотреть материалы с поселений РЖВ бассейна рек Шексны, Сухоны и округи озер Кубенское, Воже, Лача и Белое.

Проблемы выделения и интерпретации материалов ананьинской культурно-исторической области в западной части ее распространения и вопросы взаимодействия с носителями сетчатой керамики, несомненно, актуальны как в плане изучения ананьинской культурно-исторической области, так и в порядке выяснения и детализации археологической ситуации в самих западных регионах, области распространения сетчатой керамики. Их решение возможно только с учетом взаимодействия двух крупных культурно-исторических областей – ананьинской и сетчатой керамики. При этом археологическую ситуацию в области распространения поселений с сетчатой керамикой, в контактных районах, необходимо рассматривать исключительно с учетом влияния носителей ананьинских традиций. Продолжение исследований в этом направлении перспективно и необходимо.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЕС – Археология нвразийских степей, Казань
АКК – Археология Костромского края
АКР КО – Археологическая карта России. Костромская область
АКР ИО – Археологическая карта России. Ивановская область
АН СССР – Академия наук СССР
ВОЭ – Волго-Окская экспедиция
ВОЛС – волоконная оптическая линия связи
ДП – дореволюционные поступления
ГИМ – Государственный исторический музей
ГНПЦ – Главный научно-производственный центр по сохранению, реставрации и использованию ист.-культур. наследия Костром. обл.
КМЗ БКМ – Костромской музей-заповедник. Буйский краеведческий музей
КМЗ ВХ – Костромской музей-заповедник. Временное хранение
КМЗ ГКМ – Костромской музей-заповедник. Галичский краеведческий музей
КМЗ ДВХ – Костромской музей-заповедник. Длительное временное хранение
КМЗ КОК – Костромской музей-заповедник. Костромской областной краеведческий
КМЗ Н/В – Костромской музей-заповедник. Научно-вспомогательный фонд
КМЗ ЧКМ – Костромской музей-заповедник. Чухломской краеведческий музей
КОИАМЗ – Костромской историко-архитектурный музей-заповедник
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
ФГБУН ИА РАН – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт археологии Российской академии наук»
ИА АН СССР – Институт археологии академии наук СССР
ИИ АН РТ – Институт истории Академии наук Республики Татарстан
ИЯЛИ – Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР
ИИМК – Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
МАЕСВ – Материалы по археологии Европейского Северо-Востока.
МарГУ – Марийский государственный университет
МАРНИИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
ОГБУК – Областное государственное бюджетное учреждение культуры
ПБВ – поздний бронзовый век
ППА – паспорт памятника археологии
РЖВ – ранний железный век

СПИСКИ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ

1. Коллекции № 101-10, 102-10. Поселение Федоровское (Новиков А.В., 2004–2008 г.) // Фонд Археологии КМЗ ВХ.

2. Коллекции № 107-13, 108-13. Городище Унорож (Новиков А.В., 2013 г.) // Фонд Археологии КМЗ ВХ.

3. Коллекции № 15306, 15307. Одоевское городище (Бекаревич Н.М.) // Фонд Археологии КМЗ КОК.

4. Коллекции № 324, 370, 415, 428, 430. Святицкая стоянка (Казаринов Л.Н., 1927 г.) // Фонды КМЗ ЧКМ ОФ.

5. Коллекции № 90-14,91-14. Городище Унорож (Новиков А.В., 2014 г.) // Фонд Археологии КМЗ ВХ.

6. Коллекция № 02-11. С. Григорьевское Чухломского района (Новиков А.В., 2010 г.) // Фонд Археологии КМЗ ВХ.

7. Коллекция № 132-140. Федоровская стоянка (Казаринов Л.Н., 1923 г.) // Фонды КМЗ ЧКМ ОФ.

8. Коллекция № 14285. Стоянка Станок (Смирнов В.И., 1928 г.) // Фонд Археологии КМЗ КОК.

9. Коллекция № 15309. Поселение Борань (Смирнов В.И., 1925 г.) // Фонд Археологии КМЗ КОК.

10. Коллекция № 15310. Поселение Борань (Смирнов В.И., 1926 г.) // Фонд Археологии КМЗ КОК.

11. Коллекция № 15312. Поселение Борань (Смирнов В.И., 1927 г.) // Фонд Археологии КМЗ КОК.

12. Коллекция № 15391. Стоянка «Заячья горка» у д. Туровское (Смирнов В.И., 1921–1923 гг.) // Фонд Археологии КМЗ КОК.

13. Коллекция № 15398. «Городище» против г. Костромы. (Бекаревич Н.М., нач. XX в.) // Фонд Археологии КМЗ КОК.

14. Коллекция № 15405. Стоянка Ватажка на берегу оз. Борисова Костромского у. (Смирнов В.И., 1927 г.) // Фонд Археологии КМЗ КОК.

15. Коллекция № 15406. Стоянка Ватажка у оз. Борисова (Смирнов В.И., Казаринов Л.Н., Китицина Л.С., 1926 г.) // Фонд Археологии КМЗ КОК.

16. Коллекция № 15407. Стоянка Ватажка у оз. Борисова Костромского у. (Смирнов В.И., 1925 г.) // Фонд Археологии КМЗ КОК.

17. Коллекция № 15413. Стоянка Пески у с. Умиление (Смирнов В.И., 1927–1928 гг.) // Фонд Археологии КМЗ КОК.

18. Коллекция № 15439. Стоянка Станок (Смирнов В.И., 1927 г.) // Фонд Археологии КМЗ КОК.

19. Коллекция № 15440. Поселение Ватажка (Третьяков П.Н., 1924 г.) // Фонд Археологии КМЗ КОК.

20. Коллекция № 17032. Минское городище (Гурина Н.Н., 1954 г.) // Фонд Археологии КМЗ КОК.

21. Коллекция № 17033. Поселение Шунга (Гурина Н.Н., 1954 г.) // Фонд Археологии КМЗ КОК.

22. Коллекция № 17034. Поселение Станок (Гурина Н.Н., 1954 г.) // Фонд Археологии КМЗ КОК.

23. Коллекция № 17035. Поселение Ватажка (Гурина Н.Н., 1954 г.) // Фонд Археологии КМЗ КОК.

24. Коллекция № 17081. Поповское городище в Мантуровском районе // Фонд Археологии КМЗ Н/В (Кострома).

25. Коллекция № 17238. Минское городище (Патрушев В.С., 1989 г.) // Фонд Археологии КМЗ НВ.

26. Коллекция № 17625. ВОЭ 1981-84 гг. – /38,39 Унжа I и II; /16 Туровское; /43 Леонтьево; /19 Быки (Пуп); /21 Умиление /18; Воскресенское; /9 Княгинино // Фонд Археологии КМЗ Н/В (Кострома).

27. Коллекция № 18028. Поселение «Курган» у. д. Брюхово (Горюнова Е.И., 1961 г.) // Фонд Археологии КМЗ КОК.

28. Коллекция № 19–12. Городище в Костроме (Новиков А.В., 2011 г.) // Фонд Археологии КМЗ ВХ.

29. Коллекция № 256, Дп-1-116. Поселение Быки (Пуп) (Смирнов В.И., 1927 г.) // Фонды КМЗ ГКМ ОФ.

30. Коллекция № 274 Федоровская стоянка (Казаринов Л.Н., 1926 г.) // Фонды КМЗ ЧКМ ОФ.

31. Коллекция № 405. Минское городище (Патрушев В.С., 1991 г.) // Фонд Археологии КМЗ ВХ.

32. Коллекция № 406. Минское городище (Патрушев В.С., 1990 г.) // Фонд Археологии КМЗ ВХ.

33. Коллекция № 48498. Минское городище (Патрушев В.С., 1989 г.) // Фонд Археологии КМЗ КОК.

34. Коллекция № 50215. Поселение Федоровское (Гаврилова И.В., 1963–1973 гг.) // Фонд Археологии КМЗ КОК.

35. Коллекция № 64–13. С. Борщино Костромского района (Новиков А.В., 2012 г.) // Фонд Археологии КМЗ ВХ.

36. Коллекция № 732. Минское городище (Патрушев В.С., 1992 г.) // Фонд Археологии КМЗ ВХ.

37. Коллекция № 78–82, 131. Коллекция предметов с раскопок Югской стоянки (Казаринов Л.Н., 1922 г.) // Фонды КМЗ ЧКМ ОФ.

38. Коллекция № 888. Д. Брюхово – городище (Матасов М.И., 1956 г.) // Фонды КМЗ БКМ ОФ.

39. Коллекция № б/н. Стоянка Станок (Смирнов В.И., 1928 г.) // Фонд Археологии КМЗ ВХ.

40. Коллекция № 884. Д. Демьяново (Матасов М.И., 1956 г.) // Фонд КМЗ БКМ ОФ.

41. Коллекция №. 891. Стоянка Водыш, Медведки Шача II Сусанинского район (Матасов М.И., 1954–55 гг.) // Фонд КМЗ БКМ ОФ.

42. Коллекция № 258 Дп-1-118. Стоянка Умиление (Пески) (Смирнов В.И., 1927–28 гг.) // Фонд КМЗ ГКМ ОФ.

43. Коллекция № ДВХ-17. Шифр Пуп-61. Поселение Быки (Пуп) (Горюнова Е.И., 1961 г.) // Фонд Археологии КМЗ ДВХ.

44. Коллекция МарНИИЯЛИ. Ардинское городище (раскопки, Михеев А.В., 2013 г.) // Отдел Археологии МарНИИЯЛИ.

45. Коллекция МарНИИЯЛИ. Сиухинское поселение (раскопки, Ефремова Д.Ю., Соловьев Б.С., 2009–2010 гг.) // Отдел Археологии МарНИИЯЛИ.

46. Коллекция МарНИИЯЛИ. Мари-Луговое поселение (раскопки, Шадрин А.И., 1990–1991 гг.) // Отдел Археологии МарНИИЯЛИ.

47. Коллекция МарНИИЯЛИ. Пижемское городище (сборы, Никитина Т.Б., 2012 г.) // Отдел Археологии МарНИИЯЛИ.

ПАСПОРТА ОБЪЕКТОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

1. Паспорт памятника археологии (городище в г. Галиче) / составитель Урбан Ю.Н.; составлено 04.12.1981 г. // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. 4 с.

2. Паспорт памятника археологии (городище в г. Костроме) / составитель Комаров К.И.; составлено 04.09.1983 г. // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. 4 с.

3. Паспорт памятника археологии (городище Минское) / составитель Воробьев В.М.; составлено 26.10.1976 г. // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. 4 с.

4. Паспорт памятника археологии (городище у д. Городище) / составитель Комаров К.И.; составлено 20.10.1980 г. // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. 4 с.

5. Паспорт памятника археологии (городище Унорож) / составитель Комаров К.И.; составлено 12.08.1983 г. // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. 4 с.

6. Паспорт памятника археологии (д. Медведица. Стоянка.) / составитель Комаров К.И.; составлено 10.09.1981 г. // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. 4 с.

7. Паспорт памятника археологии (д. Рапоново, Городище) / составитель Комаров К.И.; составлено 15.07.1985 г. // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. 4 с.

8. Паспорт памятника археологии (д. Хохлянки. Селище) / составитель Комаров К.И.; составлено 10.01.1982 г. // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. 4 с.

9. Паспорт памятника археологии (Одоевское городище) / составитель Комаров К.И.; составлено 09.09.1981 г. // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. 7 с.

10. Паспорт памятника археологии (поселение Кучумиха) / составитель Булкин В.А.; составлено 03.11.1979 г. // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. 4 с.

11. Паспорт памятника археологии (с. Никола. Стоянка Красноборы 4 и селище) / составитель Комаров К.И.; составлено 11.06.1985 г. // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. 4 с.

12. Паспорт памятника археологии (с. Старошангское. Шангское городище) / составитель Комаров К.И.; составлено 17.09.1981г. // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. 4 с.

13. Паспорт памятника археологии (селище II у с. Унжа) / составитель Урбан Ю.Н.; составлено 04.12.1981 г. // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. 4 с.

14. Паспорт памятника археологии (селище Брюхово II) / составитель Урбан Ю.Н.; составлено 05.11.1982 г. // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. 4 с.

15. Паспорт памятника археологии (селище Брюхово III) / Составитель Урбан Ю.Н.; составлено 25.11.1982 г. // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. 4 с.

16. Паспорт памятника археологии (селище Воскресенское) / составитель Комаров К.И.; составлено 11.08.1983 г. // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. 4 с.

17. Паспорт памятника археологии (селище Колгора) / составитель Урбан Ю.Н.; составлено 16.11.1980 г. // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. 4 с.

18. Паспорт памятника археологии (селище Лихарево II) / составитель Урбан Ю.Н.; составлено 28.10.1982 г. // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. 4 с.

19. Паспорт памятника археологии (селище Туровское II) / составитель Урбан Ю.Н.; составлено 01.11.1981 г. // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. 4 с.

20. Паспорт памятника археологии (селище у д. Аверьяновка) / составитель Урбан Ю.Н.; составлено 01.02.1979 г. // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. 4 с.

21. Паспорт памятника археологии (селище у д. Княгинино) / составитель Урбан Ю.Н.; составлен 23.11 1982 г. // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. 4 с.

22. Паспорт памятника археологии (селище у д. Леонтьево) / Составитель Урбан Ю.Н.; составлено 03.12.1981 г. // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. 4 с.

23. Паспорт памятника археологии (селище у д. Борщино) / составитель Комаров К.И.; составлено 12.12.1979 г. // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. 4 с.

24. Паспорт памятника археологии (селище Унорож) / составитель Урбан Ю.Н.; составлено 04.10.1982 г. // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. 4 с.

25. Паспорт памятника археологии (селище Усть-Тебза) / составитель Урбан Ю.Н.; составлено 08.11.1980 г. // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. 4 с.

26. Паспорт памятника археологии (стоянка II у д. Коряково) / составитель Исланова И.В.; составлено 23.01.1979 г. // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. 4 с.

27. Паспорт памятника археологии (стоянка Бараново II) / составитель Урбан Ю.Н.; составлено 12.01.1979 г. // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. 4 с.

28. Паспорт памятника археологии (стоянка Ватажка) / составитель Жилин М.Г.; составлено 24.12.1980 г. // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. 4 с.

29. Паспорт памятника археологии (стоянка Станок I) / составитель Жилин М.Г.; составлено 24.12.1980 г. // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. 4 с.

30. Паспорт памятника археологии (стоянка Станок II) / составитель Жилин М.Г.; составлено 23.12.1980 г. // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. 4 с.

31. Паспорт памятника археологии (стоянка Федоровское I) / составитель Урбан Ю.Н.; составлено 10.10.1981 г. // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. 4 с.

32. Паспорт памятника археологии (Троицкое городище.) / составитель Комаров К.И.; составлено 21.11.1981 г. // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. 4 с.

33. Паспорт памятника археологии старого образца (Галичская или Туровская стоянка) / составитель Белов Л.И., научный сотрудник Галичского музея; составлено 10.08.1949 г. // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. 2 с.

34. Паспорт памятника археологии старого образца (стоянка или селище Быки (Пуп)) / составитель Белов Л.И., научный сотрудник Галичского музея; составлено 12.08.1949 г. // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. 2 с.

35. Паспорт памятника археологии старого образца (стоянка Умиление (Пески)) / составитель Белов Л.И., научный сотрудник Галичского музея; составлено 09.08.1949 г. // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. 2 с.

36. Паспорт памятника археологии (д. Городище. Городище) / составитель Комаров К.И.; составлено 10.08.1983 г. // Картотека департамента культуры Ивановской области. 4 с.

НАУЧНЫЕ ОТЧЕТЫ

1. *Архипов Г.А.* Отчет о раскопках на Рапоновском городище летом 1979 г.: отчет Марийской археологической экспедиции за 1979 г. // Научный фонд МАРНИИ. № 555. Йошкар-Ола.

2. *Брюсов А.Я.* Отчет о раскопках в Чухломском уезде в 1925 г. // Научный архив ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник». – 28 с.

3. *Гаврилова И.В.* Отчет о полевых исследованиях Костромского отряда в 1978 г. Поселение Водыш, Поповка III // Архив ИА РАН. Р-I. № 6995.

4. *Гаврилова И.В.* Отчет о работе Костромского неолитического отряда в 1975 г. // Архив ИА РАН. Р-I. № 5856.

5. *Гаврилова И.В.* Отчет о работе Костромского отряда в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-I. № 6538.

6. *Горюнова Е.И.* Отчет о работах Костромского отряда Волжской экспедиции 1961 г. / КМЗ. Фонд археологии. Приложение к КМЗ КОК №18028 // ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник». 30 с.

7. *Гурина Н.Н., Хлобыстин Л.П., Абрамова З.А., Крижевская Л.Я., Каманцева А.С., Столяр А.Д.* Отчет о результатах работы Горьковской археологической экспедиции в 1954 г. // Архив ИА РАН. Р-I. № 1041.

8. *Казаринов Л.Н.* Отчет о раскопках стоянки около деревни Федоровское на р. Вексе в Чухломском уезде Костромской губернии летом 1926 г. / КМЗ. Фонд археологии. Приложение к КМЗ КОК № 15400 // ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник». 48 с.

9. *Казаринов Л.Н.* Отчет об археологических раскопках вновь открытой стоянки первобытного человека, на побережье Чухломского озера около истока р. Вексы в 1923 г. / КМЗ. Фонд археологии. Приложение к КМЗ КОК № 15400 // ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник». 2 с.

10. *Казаринов Л.Н.* Отчет об археологическом исследовании устья реки Святицы, в старых возвышенных берегах Чухломского озера, произведенном 3 октября 1923 г. / КМЗ. Фонд археологии. Приложение к КМЗ КОК №15400 // ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник». 4 с.

11. *Казаринов Л.Н., Смирнов В.И.* Отчет заведующих: Костромским губмузеем В.И. Смирнова и Чухломским музеем местного края Л.Н. Казаринова о произведенных археологических раскопках стоянки первобытного человека на побережье Чухломского озера, при устье реки Юг в 1923 г. / КМЗ. Фонд археологии. Приложение к КМЗ КОК № 15400 // ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник». 3 с.

12. *Казаринов Л.Н., Смирнов В.И.* Отчет заведующих: Костромским губмузеем В.И. Смирнова и Чухломским музеем местного края Л.Н. Казаринова по археологическому исследованию 27 сентября 1923 г. берега Чухломского озера у истока р. Вексы, при котором открыта стоянка первобытного человека / КМЗ. Фонд археологии. Приложение к КМЗ КОК № 15400 // ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник». 3 с.

13. *Китицина Л.С.* Отчет по обследованию Саметского района Костромского уезда в 1927 г. / КМЗ. Фонд археологии // ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник». 7 с.

14. *Кольцов Л.В., Комаров К.И.* Отчет Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР за 1982 г., Костромская обл., Калининская обл. // Архив ИА РАН. Р-I. № 9579.

15. *Комаров К.И.* Отчет о полевых работах Костромской экспедиции в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-I. № 8635.

16. *Комаров К.И.* Отчет о работах Костромской экспедиции в Костромской области в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-I. № 9867. 13 с.

17. *Комаров К.И.* Отчет о работе Костромского отряда в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-I. № 11863.

18. *Комаров К.И., Жилин М.Г.* Отчет Костромской экспедиции в 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-I. № 9518.

19. *Комаров К.И., Жилин М.Г.* Отчет о работе Костромского отряда Верхневолжской экспедиции в 1979 г. // Архив ИА РАН. Р-I. № 7898.

20. *Кривошеин В.В.* Технический отчет об инженерно-геологических изысканиях в г. Костроме, ул. Дачная, 23 [Рукопись] // ООО «Геостройэкология». Кострома, 2011.

21. *Матасов М.И.* Отчет об археологических разведках в Буйском, Сусанинском и Ореховском районах Костромской области в 1956 г. // Архив ИА РАН. Р-I. № 1226.

22. *Матасов М.И.* Отчет об археологических разведках в Буйском районе Костромской области в 1958 г. // Архив ИА РАН. Р-I. № 1721.

23. *Матасов М.И.* Отчет об археологической разведке в Сусанинском районе Костромской области 12–16 июля 1954 г. // Буйский краеведческий музей. Ф. 2.

24. *Михеев А.В.* Отчет по результатам исследований Ардинского городища в Килемарском районе Республики Марий Эл в 2013 г. // Научный фонд МАРНИИ. Йошкар-Ола.

25. *Новиков А.В.* Научный отчет о выполненных археологических исследованиях по определению границ территории и предметов охраны объектов культурного наследия федерального значения: «Городище» кон. I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. и остатки крепостного вала XVI в. в г. Костроме Костромской области в 2013 г. // Архив ИА РАН. Р-I.

26. *Новиков А.В.* Научный отчет о проведенной археологической разведке в с. Николо-Бережки Островского района; на земельных участках при реконструкции трасс волоконно-оптического кабеля связи Буй – Галич, Галич – Чухлома, Чухлома – Солигалич в Буйском, Галичском, Чухломском, Солигаличском районах; на участке, отводимом под организацию туристическо-просветительской деревни у н. п. Некрасово в Костромском районе; на территории Нерехтского и Судиславского районов Костромской области в 2010 г. // Архив ИА РАН.

27. *Новиков А.В.* Научный отчет о проведенной археологической разведке на территории Костромского, Буйского, Красносельского и Нерехтского районов Костромской области в 2012 г. // Архив ИА РАН.

28. *Новиков А.В.* Отчет о выполненных археологических раскопках городища у с. Унорож в Галичском районе Костромской области в 2013 г. // Архив ИА РАН.

29. *Новиков А.В.* Отчет о выполненных археологических раскопках городища у с. Унорож в Галичском районе Костромской области в 2014 г. // Архив ИА РАН.

30. *Новиков А.В.* Отчет о проведенном археологическом обследовании в Кологривском районе Костромской области в 2000 г. // Архив ИА РАН. Р-I. № 24088.

31. *Новиков А.В.* Отчет о проведенных охранных археологических раскопках на месте строительства жилого дома по ул. Дачная, 23 в г. Костроме в 2011 г. (Городище в Костроме): в 5 т. // Архив ИА РАН. Р-I. № 30360-30364.

32. *Новиков А.В.* Отчет об археологических раскопках «Нижнего Городища» в г. Галиче в 2009 г. (Костромская область, Галичский район) // Архив ИА РАН.

33. *Новиков А.В.* Отчет об археологической разведке в 1999 г. в Вохомском и Шарьинском районах Костромской области // Архив ИА РАН. Р-I. № 23320.

34. Отчет об инженерно-геологических изысканиях по ул. Подбельского, 1 в г. Галиче Костромской области [Рукопись] // ООО «Геос». Кострома, 2008.

35. *Патрушев В.С.* Отчет об исследованиях Минского городища в 1990 г. // ИА РАН. Р-I. № 14398.

36. *Патрушев В.С.* Отчет о раскопках Минского городища в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р-I. № 16270.

37. *Петрова Т.В.* Технический отчет об инженерно-геологических изысканиях на площадке, отведенной для установки цифровой радиотелепередающей станции (РТПС) в н. п. Карьково Мантуровского района Костромской области [Рукопись] // ООО «ГЕОС». Кострома, 2013.

38. *Смирнов В.И.* Отчёт Костромского научного общества за 1926 г. // Тр. КНО. Кострома, 1927.

39. *Смирнов В.И.* Отчет о раскопках на р. Вексе Чухломской у д. Федоровское 4–10 августа 1926 г. экспедиции Этнологической станции Костромского научного общества и Костромского государственного областного музея // КМЗ. Фонд археологии. Приложение к КМЗ КОК № 15400 // ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник». 20 с.

40. *Ставицкий В.В.* Отчет об исследованиях в Чухломском районе Костромской области в 1994 г. // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области.

41. *Урбан Ю.Н.* (А) Отчет об археологических исследованиях на территории Костромской области в 1980–1981 гг. Волго-Окской Новостроечной экспедиции ИА АН СССР // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области.

42. *Урбан Ю.Н.* (Б) Отчёт об археологической разведке в Костромской области в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9806.

43. *Фосс М.Е.* Отчет о Галичской экспедиции 1945 г. // Архив ИА РАН. Р-I. № 12.

44. *Фосс М.Е.* Отчет о Галичской экспедиции 1947 г. // Архив ИА РАН. Р-I. № 210.

45. *Фосс М.Е.* Отчет о работе Галичской экспедиции в 1946 г. // Архив ИА РАН. Р-I. № 77.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алабин П.В.* Ананьинский могильник // Вестник Императорского русского географического общества. 1860. № 6. С. 87–120.

2. *Ашихмина Л.И.* Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) / АЕС. Вып. 19. Казань : ИА АН РТ, 2014. 300 с.

3. *Ашихмина Л.И.*, *Васкул И.О.* Памятники ананьинской культурной общности // Археология республики Коми / Отв. ред. Э. А. Савельева М.: ДиК, 1997. С. 314–348.

4. *Ашихмина Л.И.* Раннеананьинские поселения на Верхней Мезени // Материалы по археологии европейского Северо-Востока. Вып. 6. / Археологические памятники Печоры, Северной Двины и Мезени / Отв.ред.: В.С. Столокос. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми фил. АН СССР, 1977. С. 37–47.

5. Археологическая карта России. Ивановская область Сост. К.И. Комаров; Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: РАН : Восточная лит-ра, 1993. 96 с.

6. Археологическая карта России. Костромская область / Сост. К.И. Комаров; Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: РАН : Восточная лит-ра, 1999. 368 с.

7. Археология Костромского края / Под ред. А.Е. Леонтьева; Администрация Костром. обл., Департамент культуры, кино и ист. наследия, Гос. науч.-произв. центр по сохранению, реставрации и использованию ист.-культур. наследия. Кострома : ГНПЦ, 1997. 274 с.

8. *Архипов Г.А.* Ананьинские городища на р. Вятке // Труды МАЭ. Т. II / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1962. С. 188–205.

9. *Архипов Г.А.*, *Патрушев В.С.* Ардинское городище // Поселения и жилища Марийского края / Археология и этнография Марийского края. Вып. 6. / Науч. ред. Г. А. Архипов, Г. А. Сепеев. Йошкар-Ола : МарНИИ, 1982. С. 51–82.

10. *Архипов Г.А.* Городища и селища Поветлужья и Горьковского Заволжья (к истории марийско-славянских контактов) // Поселения и жилища Марийского края / Археология и этнография Марийского края Вып. 6. / Науч. ред. Г. А. Архипов, Г. А. Сепеев. Йошкар-Ола : МарНИИ, 1982. С. 5–50.

11. *Бадер О.Н.* Городища Ветлуги и Унжи // МИА. № 22. Т. 3. М. : АН СССР, 1951. С. 110–158.

12. *Бекаревич Н.М.* Материалы для археологической карты Костромской губернии. Костромской уезд (из трудов Тверского археологического съезда). Тверь : Типография губернского правления, 1905. 51 с.

13. *Бекаревич Н.М.* О некоторых городищах в Костромской губернии // Труды Ярославского областного съезда. М. : Тов-во типографии А.И. Мамонтова, 1902. С. 125–129.

14. *Ванчиков В.В.* Памятники ананьинского времени бассейна р. Вятки // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья. / Отв.ред. В. А. Канавин. Ижевск : УдГУ, 1992. С. 72–94.

15. *Верещагина И.Б., Ашихмина Л.И.* Раннеананьинские поселения в бассейне Северной Двины // Материалы по археологии европейского Северо-Востока. Вып. 8 / Древние памятники Северного Приуралья / Отв.ред.: В.С. Столокос. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми фил. АН СССР, 1980. С. 42–70.

16. *Виноградова С.Г.* Археологическая коллекция В.И. Смирнова в КОИАМЗ «Ипатьевский монастырь» // Вестник Костромской археологической экспедиции. Вып. 1 / Отв. ред. Алексеев С.И. Кострома, 2001. С. 22–28.

17. *Вишневский В.И.* Дьяковская культура в Верхнем Поволжье (VIII–VII вв. до н. э. – VII–VIII вв. н. э.). Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1991. 22 с.

18. *Вишневский В.И.* Максимовское селище дьяковской культуры на р. Клязьме // Тверской археологический сборник. Вып. 7. / Отв.ред. И.Н. Черных. Тверь : Триада, 2009. С. 465–473.

19. *Воеводский М.В.* Краткая характеристика керамики городищ Ветлуги и Унжи // МИА. № 22.Т. 3. М.: АН СССР, 1951. С. 159–180.

20. *Гаврилова И.В.* Керамика Фёдоровской стоянки в связи с новыми исследованиями // КСИА. Вып. 117. М. : Наука, 1969. С. 76–83.

21. *Гаврилова И.В.* Некоторые итоги раскопок Фёдоровского поселения // КСИА. Вып. 173. М. : Наука, 1983. С. 89–93.

22. *Горюнова Е.И.* Этническая история Волго-Окского междуречья / МИА. № 94. М. : Академия наук СССР, 1961. 265 с.

23. *Гурина Н.Н.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье (по материалам Горьковской экспедиции) // МИА. № 110. М.; Л. : АН СССР, 1963. С. 85–203.

24. *Гусаков М.Г.* Глиняные грузики и таблички Дьяковской культуры (к вопросу о назначении) // Тверской археологический сборник. Вып. 6 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь : Триада», 2007. С. 51–64.

25. *Гусаков М.Г.* Дьяковская культура на Верхней Волге // Проблема хронологии. Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К.И. Комарова) / Под ред. А. В. Кашкина. М. : Институт археологии РАН, 2006. С. 105–120.

26. *Гусаков М.Г.* Хронология дьяковской культуры // Тверской археологический сборник. Вып. 6. / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь : Триада, 2007. С. 35–50.

27. *Ефремова Д.Ю.* Сиухинское поселение (предварительные итоги исследований 2009–2011 гг.) // АЕС. Вып. 20 / Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Отв.ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2014. С. 225–240.

28. *Жульников А.М.* Поселения эпохи раннего металла Юго-Западного Прибеломорья. Петрозаводск: Паритет, 2005. 310 с.

29. *Збруева А.В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / МИА. № 30. М. : АН СССР, 1952. 326 с.

30. *Исланова И.В.* Керамика городища Борки // Тверской археологический сборник. Вып. 6. / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь : Триада, 2007. С. 104–111.

31. *Исланова И.В.* Керамика городища Дулево (Козлово) // Тверской археологический сборник. Вып.5. / Отв.ред И.Н. Черных. Тверь : Триада, 2002. С. 508–519.

32. *Исланова И.В.* Керамика городища Орлов Городок (Молоковский район Тверской области) // Тверской археологический сборник. Вып.8. / Отв.ред. И.Н. Черных. Тверь : Триада, 2011. С. 81–120.

33. *Исланова И.В.* Керамический комплекс городища Отмичи (по материалам раскопок 1968–1970 гг.) // Тверской археологический сборник Вып.6. / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь : Триада, 2007. С. 94–103.

34. *Исланова И.В.* О локальных группах дьяковских памятников // Тверской археологический сборник. Вып. 5. / Отв.ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2002. С. 451–460.

35. *Китицина Л.С.* Памяти Василия Ивановича Смирнова // СА. 1968. № 4. С. 239–243.

36. *Коренюк С.Н.* Современное состояние проблем изучения среднего и позднего этапов ананьинской культуры в Прикамье // АЕС. Вып. 20 / Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2014. С. 116–131.

37. *Кренке Н.А.* Культура населения бассейна Москвы-реки в железном веке и раннем средневековье. Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1987. 25 с.

38. *Кузьминых С.В.* Некоторые дискуссионные проблемы археологии позднего бронзового и раннего железного веков Среднего Поволжья // Проблемы взаимодействия населения лесной и лесостепной зон восточно-европейского региона в эпоху бронзы и раннем железном веке: тезисы докладов научной конференции (Тула, 29 ноября – 3 декабря 1993г.). Тула: ТОКМ, 1993. С. 39–42.

39. *Кузьминых С.В.* Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Волго-Камье в 1968–1981 гг. // Новое в археологии и этнографии Татарии / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ, 1982. С. 13–23.

40. *Кузьминых С.В.* Меларские кельты Восточной Европы и Фенноскандии (к проблеме одной исторической загадки) // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 3. / Отв.ред. В.П. Челяпов. Рязань: НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Рязанской области, 1993. С. 61–109.

41. *Кузьминых С.В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М. : Наука, 1983. 256 с.

42. *Лавенто М.* Новые АМС-датировки текстильной керамики Среднего и Верхнего Поволжья // Тверской археологический сборник. Вып. 8. / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь : Триада, 2011. С. 263–272.

43. *Леонтьев А.Е.* Поповское городище (результаты раскопок 1980–1984 гг.) // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья: материалы работ Волго-Окской экспедиции / Отв.ред. В.В. Седов. М. : ИА АН СССР, 1989. С. 5–105.

44. *Лопатина О.А.* К изучению приемов нанесения «текстильных» отпечатков на керамике дьяковской культуры // Самарский научный вестник. 2015. № 3 (12). С. 105–113.

45. *Марков В.Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокульутрных компонентах ананьинской общности) / Археология Евразийских степей. Вып. 4. Казань : ИИАН РТ, 2007. 136 с.

46. *Марков В.Н.* О происхождении и культурной принадлежности вятских городищ ананьинского времени // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье / Отв.ред. Старостин П.Н. Казань : ИЯЛИ, 1988. С. 92–113.

47. *Марков В.Н.* Об особенностях юго-западных памятников ананьинской общности // Археология и этнография Марийского края. Вып. 9. / Древние этнические процессы Волго-Камья / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола : МарНИИ, 1985. С. 38–56.

48. *Манюхин И.С.* Этногенез саамов (опыт комплексного исследования). Автореф. дисс… докт. ист. наук. Ижевск, 2005 г. 38 с.

49. *Миловидов И.В.* О Костроме в историко-археологическом отношении. Москва: Типография Э. Лисснера и Ю. Романа, 1890. 20 с.

50. *Митряков А.Е.* Вятские древности начала железного века: полтора столетия после открытия культуры «костеносных городищ» // АЕС. Вып. 20 / Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский Казань: ИА АН РТ, 2014. С. 147–186.

51. *Никитин В.В.* Археологическая карта Республики Марий Эл. Йошкар-Ола : МарНИИ, 2009. 416 с.

52. *Новиков А.В.* Археологические исследования Федоровского поселения в Чухломском районе Костромской области в 2005–2006 гг. // Тверской археологический сборник Вып. 8 / Отв.ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2011. С. 102–114.

53. *Новиков А.В.* Археологические исследования Федоровского поселения в Чухломском районе Костромской области в 2004–2005 гг. // Археология: история и перспективы. Материалы III межрегиональной конференции (Ярославль, 18 – 19 октября 2006 г.). Ярославль: Ремдер, 2007. С. 159–169.

54. *Новиков А.В.* Комплексы гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики РЖВ поселения Ватажка // АЕС. Вып. 20 / Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Отв.ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский Казань: ИА АН РТ, 2014. С. 370–383.

55. *Патрушев В.С.* Марийский край в VII–VI вв. до н. э.. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1984. 230 с.

56. *Патрушев В.С.* У истоков Волжских финнов. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1989. 122 с.

57. *Патрушев В.С.* Финно-угры России. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1992. 216 с.

58. *Рождественский А.Н.* Краткие сведения о раскопках в Костромской губернии (К IV областному Историко-Археологическому съезду). Кострома: Губернская типография, 1909. 17 с.

59. *Розенфельдт И.Г.* Керамика Дьяковской культуры // Дьяковская культура / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука, 1974. С. 90–197.

60. *Рябинин Е.А.* Могильник и селище у д. Попово на р. Унже // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья: материалы работ Волго-Окской экспедиции. М.: ИА АН СССР, 1989. С. 127–170.

61. *Смирнов А.П.* Железный век Чувашского Поволжья / МИА. № 95. М. : АН СССР, 1961. 171 с.

62. *Смирнов А.П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. № 28. М. : АН СССР, 1952. 276 с.

63. *Смирнов К.А.* Дьяковская культура (Материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М. : Наука, 1974. С. 7–89.

64. *Смирнов К.А.* К вопросу о систематизации грузиков «дьякова типа» с Троицкого городища // МИА № 184. М.: Наука, 1971. С. 80–98.

65. *Смирнов К.А.* Проблема периодизации памятников городецкой и дьяковской культур // РА. 1994. № 4. С. 85–97.

66. *Столяр А.Д. , Хлобыстин Л.П.* Городище у дер. Серюпитино // МИА. № 110. М.; Л. : АН СССР, 1963. С. 227–238.

67. *Сулержицкий Л.Д. , Фоломеев Б.А.* Радиоуглеродная хронология памятников с текстильной керамикой бассейна Средней Оки // Финно-угры России. Вып. 1. Йошкар-Ола: МарГУ, 1993. С. 20–34.

68. *Сыроватко А.С.* Дьяковские этнокультурные трансформации и керамика: возможности реконструкции // Тверской археологический сборник. Вып. 8 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь :Триада, 2011. С. 75–80.

69. *Сыроватко А.С.* Источниковедческие проблемы дьяковской культуры и возможности малосерийных коллекций // Тверской археологический сборник Вып. 7 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь :Триада, 2009. С. 441–449.

70. *Сыроватко А.С.* Сетчатая керамика стоянки Сахтыш II (по материалам раскопок Д.А. Крайнова) // Тверской археологический сборник. Вып. 6 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь : Триада, 2007. С. 75–80.

71. *Третьяков П.Н.* Бологовское городище // КСИА. Вып. 87. М.: АН СССР, 1962. С. 36–41.

72. *Третьяков П.Н.* К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. / МИА. № 5. М.; Л. : АН СССР, 1941. 367 с.

73. *Третьяков П.Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л. : Наука, 1966. 308 с.

74. *Фосс М.Е.* Древнейшая история севера Европейской части СССР / МИА. № 29. М. : АН, 1952. 278 с.

75. *Фосс М.Е.* Культурные связи севера Восточной Европы во II тыс. до н. э. // СЭ. 1948. № 4. С. 23–35.

76. *Фосс М.Е.* Итоги Галичской экспедиции // КСИИМК. 1949. Вып. XXVI. С. 34–39.

77. *Фосс М.Е.* Новые памятники в районе Галичской культуры (раскопки Галичской экспедиции 1945 г.) // КСИИМК 1947. Вып. XVII. С. 63–69.

78. *Фосс М.Е.* Результаты Галичской экспедиции 1946 г. // КСИИМК. 1948. Вып.XX. С. 58–66.

79. *Халиков А.Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н. э.). М. : Наука, 1977. 262 с.

80. *Халиков А.Х.* Об этнических основах Марийского народа // Археология и этнография Марийского края. Вып.1. / Древние и современные этнокультурные процессы в Марийском крае / Отв.ред. Г. А. Архипов, Г. А. Сепеев . Йошкар-Ола: МарНИИ, 1976. С. 12–26.

81. *Халиков А.Х.* Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Труды МАЭ. Т. II. / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1962. С. 7–187.

82. *Чижевский А.А.* Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области) / АЕС. Вып. 5. Казань: РИЦ «Школа», 2008. 172 с.

83. *Чижевский, А.А., Черных Е.М., Хисяметдинова А.А., Митряков А.Е., Спиридонова Е.А., Кочанова М.Д., Алешинская А.С.* Скорняковское городище на Вятке / АЕС. Вып. 22. Казань: Казанская недвижимость; ИА АН РТ, 2016. 156 с.

84. *Яблокова Н.Н.* Памятники неолита и эпохи бронзы в Костромской области (археологическая карта) // МИА. № 110. М.; Л. : АН СССР, 1963. С. 25–29.

85. Zul'nikov, A.M. 2009. *Iskos.* 16. Helsinki, P. 75–84.

ТАБЛИЦЫ

ТАБЛ. А.1. СПИСОК ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ РЖВ КОСТРОМСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

1. **Селище Княгинино**

Датировка памятника	РЖВ, I тыс. н.э
Местонахождение памятника	Костромская обл. Буйский район, д. Княгинино
Исторические сведения	Памятник представляет собой остатки поселения эпохи железного века. Выявлен и зафиксирован в 1981 году во время разведок Волго-Окской экспедиции Института археологии АН СССР. При обследовании проводилась графическая и фотодокументальная фиксация, шурфовка. Отчет находится в Архиве ИА РАН
Описание памятника	Селище расположено на мысовидном выступе коренной террасы р. Кореги, у южной оконечности д. Княгинино. Река здесь делает большую петлю и склоны коренного берега к пойме с запада и востока ограничивают селище. Размеры памятника 150×200 м. Высота над уровнем поймы около 4 м. Северо-восточная часть его занята огородами и постройками деревни. Остальная поверхность задернована, но ранее, видимо, распахивалась. При шурфовке прослежена следующая стратиграфия: 0,00 – 0,05 м – дерн; 0,05 – 0,40 м – темно-серая супесь (культурный слой); от 0,40 м – желтая супесь (материк). До глубины 0,25 – 0,30 м культурный слой перемешан распашкой. Здесь найдены мелкие угольки, пережженные камни, лепная керамика, поздняя деревенская керамика. В не потревоженном горизонте культурного слоя найдена только лепная керамика. Преобладает гладкостенная керамика с примесью крупной дресвы в тесте. В меньшем количестве найдена сетчатая керамика. Полученный материал позволяет датировать памятник только в широких пределах РЖВ. Уточнение датировки возможно только после проведения стационарных исследований
Основная библиография, архивные источники	1. *Урбан Ю.Н.* Отчет об археологической разведке в Костромской области в 1981 г. Архив ИА РАН. № 9806. Л.18; 2. Археологическая карта России. Костромская область / Сост. Комаров К.И.; Отв. ред. Краснов Ю.А.. М.: РАН: Восточная литература, 1999. С. 129. 3. Паспорт памятника археологии // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области.
Наименование документа о принятии на государственную охрану	Постановление главы администрации Костромской области «Об объявлении находящихся на территории Костромской области объектов, имеющих историческую, культурную и научную ценность, памятниками истории и культуры» от 30.12.1993 №598, приложение 1.

2. Стоянка Бараново II по паспорту, поселение Бараново по К.И. Комарову

Датировка памятника	Эпоха раннего железа, ориентировочно первая половина I тыс. до н.э.
Местонахождение памятника	Костромская обл. Буйский район, в 4,0 км южнее дер. Бараново, на правом берегу р. Вексы
Исторические сведения	Памятник представляет собой остатки поселения эпохи раннего железного века. Открыт в 1978 году во время разведок Волго-Окской Новостроечной экспедиции ИА АН СССР. Проводилась шурфовка и графическая, фотодокументальная фиксация
Описание памятника	Стоянка расположена на правом берегу реки Вексы, в 4,0 км южнее д. Бараново, на мысу первой надпойменной террасы. Мыс на оконечности полого спускается к заболоченной пойме. Высота над поймой 4-5 м. По мысу проходит лесная дорога из д. Махрово в Бараново. Поверхность памятника хорошо задернована и заросла сосновым лесом. При шурфовке прослежена следующая стратиграфия: Шурф № 1 0,00 – 0,05 м – лесной дерн, насыщенный корнями; 0,05 – 0,12 м – почвенный слой; 0,12 – 0,25 м – серый песок (культурный слой); от 0,25 м – желтый песок. Шурф №2 0,00 – 0,05 м – лесной дерн, насыщенный корнями; 0,05 – 0,10 м – почвенный слой; 0,10 – 0,28 м – серый песок (культурный слой); от 0,28 м – желтый песок (материк). Находки встречались в слоях почвы и серого песка. Насыщенность слоев находками слабая. При шурфовке обнаружено 2 кремневых отщепа и 3 обломка сетчатой керамики, украшенных поверх сетки оттисками гребенки и ямочными вдавлениями.
Основная библиография, архивные источники	1. Археологическая карта России. Костромская область / Сост. Комаров К.И.; Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: РАН: Восточная литература, 1999. С.125. 2. *Леонтьев А.Е.* Отчет о работах Новостроечной Волго-Окской экспедиции ИА АН СССР // Архив ИА РАН. 3. Паспорт памятника археологии // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области
Наименование документа о принятии на государственную охрану	Постановление главы администрации Костромской области «Об объявлении находящихся на территории Костромской области объектов, имеющих историческую, культурную и научную ценность, памятниками истории и культуры» от 30.12.1993 №598, приложение 1.

3. Селище Усть-Тебза

Датировка памятника	РЖВ
Местонахождение памятника	Костромская обл., Буйский район, в 2,5 км южнее д. Борисовское.
Исторические сведения	Памятник представляет собой остатки поселения эпохи раннего железного века. Выявлен в 1980 г. ВОАЭ ИА АН СССР Ю.Н. Урбаном, в 1983 г. обследован В.В. Сидоровым.
Описание памятника	Высота над уровнем реки составляет 3 – 4 м. Занимает площадь около 1650 кв. м. Поверхность задернована и заросла лесом. При шурфовке прослежен культурный слой черного цвета, мощность которого достигает 0,35 м. Найдены шлаки и обломки сетчатой керамики эпохи раннего железного века
Основная библиография, архивные источники	Паспорт памятника археологии // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области.
Наименование документа о принятии на государственную охрану	Постановление главы администрации Костромской области «Об объявлении находящихся на территории Костромской области объектов, имеющих историческую, культурную и научную ценность, памятниками истории и культуры» от 30.12.1993 №598, приложение 1

4. Стоянка Красноборы 4 и селище
(памятник Поветлужья)

Датировка памятника	VII–I тыс. до н.э.; РЖВ, 1-я половина I тыс. н.э.
Местонахождение памятника	Костромская обл., Вохомский район, с. Никола, 6 км к юго-западу; 0,1 км к востоку от починка Красноборы.
Исторические сведения	Памятник открыт в 1985 г. К.И. Комаровым, снят план, произведена фотофиксация памятника, собран подъемный материал. Коллекция находится на хранении в ОГБУ «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник»
Описание памятника	Находится в 6 км к ЮЗ от села, в 0,1 км к В от починка Красноборы, на правом берегу Красноборского ручья, правого притока р. Вохмы, при его устье. С севера памятник ограничен береговым склоном к ручью высотой 4 м, с В – дюнной грядой, идущей от мыса на ЮЗ. Памятник двухслойный. Селище занимает прибрежную полосу вдоль ручья длиной 75 м, шириной 20 м. Южная часть его на протяжении 30 – 32 м перекрывает стоянку. Почва песчаная, поверхность задернована. Мысовая часть нарушена осыпью. Стратиграфия селища: 1) дерн – 5 см; 2) серый, слабо гумусированный песок – 15−18 см; 3) светло-желтый песок с ортзандами – материк. Стратиграфия на участке стоянки: 1) дерн – 5 см; 2) подзолистый песок – 6−7 см; 3) погребенная почва (темно-серый песок) – 3−4 см; 4) погребенный подзол – 10 см; 5) бурый песок – 15−18 см; 6) желто-бурый песок с ортзандами – материк. На первом участке в гумусированном слое встречается гладкостенная и штрихованная лепная керамика красновато-коричневого цвета с примесью шамота в тесте, с расчесами на внутренней поверхности. Керамика относится к раннему железному веку.
Основная библиография, архивные источники	1. *Комаров К.И.* Отчет о работе Костромского отряда в 1985 г. // Архив ИА РАН, Р-I, № 11863. Л. 3, 4. 2. Паспорт памятника археологии // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области.. 3. *Новиков А.В.* Отчет об археологической разведке в 1999 г. в Вохомском и Шарьинском районах Костромской области. // Архив ИА РАН №23320.
Наименование документа о принятии на государственную охрану	Постановление главы администрации Костромской области «Об объявлении находящихся на территории Костромской области объектов, имеющих историческую, культурную и научную ценность, памятниками истории и культуры», от 30.12. 1993 № 598, приложение 1

5. Городище РЖВ в г. Галич. (по К.И. Комарову – Галич. Городище 1)

Датировка памятника	РЖВ, I тыс. до н.э. – нач. I тыс. н.э.
Местонахождение памятника	Костромская обл., Галичский район, г. Галич
Исторические сведения	Городище открыто в 1981 году Ю.Н. Урбаном во время разведок Волго-Окской экспедиции Института археологии АН СССР. При обследовании проводилась графическая и фотодокументальная фиксация, сбор подъемного материала. Отчет с материалами обследования находится в архиве ИА РАН
Описание памятника	Городище расположено в пределах города в 150 м к ЮЗ от средневекового «Верхнего» Городища (Шемякина гора). Отдельно от него широким оврагом. Памятник относится к типичным мысовым укреплениям характерным для РЖВ. Площадка подтреугольной формы с боковых сторон ограничена крутыми склонами оврагов. В древности склоны, возможно, были эскарпированы. С напольной стороны городище ограждалось валом и рвом. Размеры площадки вытянутого к востоку мыса следующие: С-Ю – 47 м (у основания вала), в самой узкой части 15 м, З–В – 57 м (от вала до стрелки мыса). Перепад высот на площадке достигает 4 м, уклон организован в сторону Галичского озера. Высота над уровнем воды в озере более 50 м. Культурный слой – темно-серый песок с включением обожженных камней и редких угольков, залегает сразу под дерном. Мощность слоя колеблется в исследованных местах от 0,2 до 0,6 м. Материк – желто-серая супесь. Материал представлен фрагментами сетчатой керамики. Найдена часть донца с тем же орнаментом. Один обломок принадлежит неорнаментированному сосуду. На основании керамики памятник датирован I тыс. до н.э. – началом I н.э.
Основная библиография, архивные источники	1. Археологическая карта России. Костромская область / Сост. Комаров К.И.; Отв. ред. Краснов Ю.А.. М.: РАН: Восточная литература, 1999. С. 142. 2. Паспорт памятника археологии / Сост. Урбан Ю.Н. // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. 3. *Урбан Ю.Н.* Отчет об археологической разведке в Костромской области в 1981 г. // Архив ИА РАН. № 9806. Л. 6,7.
Наименование документа о принятии на государственную охрану	Указ Президента РФ от 20.02.1995 г. №176 «Об утверждении Перечня объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения».

6. Селище Воскресенское по паспорту. (По К.И. Комарову – Воскресенское Селище 1).

Датировка памятника	по К.И. Комарову – РЖВ, 2-я пол. I тыс. н.э., XI−XIII вв.
Местонахождение памятника	Костромская обл., Галичский район, с. Воскресенское, 0,8 км к ССВ.
Исторические сведения	Открыто в 1927 г. В.И. Смирновым, материалы хранятся в Галичском краеведческом музее. В 1979 и 1988 гг. обследовалось Е.А. Рябининым. В 1983 г. обследовано К.И. Комаровым, снят план, произведена фотофиксация памятника, собран подъемный материал. Коллекции хранятся в ОГБУ «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник».
Описание памятника	Находится в 0,8 км к ССВ от села, на краю правой надпойменной террасы р. Ноли, близ ее впадения в р. Вексу. Высота террасы над уровнем реки 6–12 м, северный край ее отстоит от реки в 130 м, южный подходит вплотную к реке. Территория селища используется под пашню. Длина селища вдоль террасы по линии СЮ равняется 300 м, ширина в С конце – 60 м, в Ю конце – 150 м, площадь – около 3 га. Два оврага длиной до 60 м, идущие поперек террасы, делят селище на три части. Край террасы, ограничивающий селище с В, хорошо задернован. Культурный слой до глубины 25 см перепахан, до глубины 50 см идет ненарушенный слой темно-серой супеси. Он подстилается материком из светло-рыжей суглинистой супеси. На обрывистом краю террасы В.И. Смирнов отмечал культурный слой толщиной 2 м. На территории селища собран значительный подъемный материал: лепная и гончарная керамика с примесью крупнозернистого песка и дресвы в глине, сетчатая керамика, камни от печей, железные шлаки и крица, оселки для заточки ножей и шильев, изделия из металла костромского типа. К.И. Комаров описывает следующие находки: Керамика лепная, с примесями крупной дресвы в глиняном тесте, с сетчатыми отпечатками на внешней поверхности, отнесенная к РЖВ, лепная горшковидная, кон. I – нач. II тыс. н.э., гончарная древнерусская с линейным и волнистым орнаментом.
Основная библиография, архивные источники	1. Археологическая карта России. Костромская область / Сост. Комаров К.И.; Отв. ред. Краснов Ю.А. М.: РАН: Восточная литература, 1999. С. 150. 2. *Комаров К.И.* Отчет о работе Костромской экспедиции в 1983 г. // Архив ИА РАН. №9867. Л. 4–6. 3. *Леонтьев А.Е.*. Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. / Археология эпохи великого переселения народов и раннего средневековья. Вып. 4. М.: Гоэко,1996 С. 246. 4. *Смирнов В.И.* Отчет Костромского научного общества за 1927 год. // Труды КНО. Кострома, 1928. С. 17. 5. Рябинин Е.А. Отчет о работе Заволжской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1988 г. Архив ИА РАН. №12779. Л. 13−17. 6. *Рябинин Е.А*. Отчет о работе археологической группы ЛОИА в Костромской и Ивановской областях в 1979 г. Архив ИА РАН. № 7697. 7. Паспорт памятника археологии. Составитель Комаров К.И. // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области.
Наименование документа о принятии на государственную охрану	Постановление главы администрации Костромской области «Об объявлении находящихся на территории Костромской области объектов, имеющих историческую, культурную и научную ценность, памятниками истории и культуры» от 30.12.1993 г. №598, приложение 1.

7. Селище Брюхово II

Датировка памятника	РЖВ, I тыс. до н.э. – нач. I тыс. н.э.
Местонахождение памятника	Костромская обл., Галичский район, 0,35 км к юго-востоку от д. Брюхово.
Исторические сведения	Памятник представляет собой остатки поселения эпохи РЖВ. Выявлен и зафиксирован в 1982 году во время разведок Волго-Окской экспедиции Института археологии АН СССР. При обследовании проводилась графическая и фотодокументальная фиксация, сбор подъемного материала. Отчет с материалами обследования находится в Архиве ИА РАН.
Описание памятника	Селище расположено в 0,35 км к юго-востоку от д. Брюхово. Занимает край надпойменной террасы правого берега р. Вексы. С запада и востока ограничено оврагами. Высота террасы над окружающей поймой около 4 м. Поверхность селища задернована, но заметны следы старых перекопов. Культурный слой – серо-коричневый песок, зафиксирован на протяжении 60 м вдоль берега реки, при ширине полосы до 10 м. Слой залегает под дерном, толщина слоя до 0,25 м, судя по его рыхлости на отдельных участках, слой переотложен. Насыщенность слоя слабая. Заметных включений нет, изредка встречаются осколки обожженных камней, угольки. Найдено несколько фрагментов сетчатой керамики. Селище может быть датировано I тыс. до н.э. – нач. I тыс. н.э.
Основная библиография, архивные источники	1. Археологическая карта России. Костромская область / Сост. Комаров К.И.; Отв. ред. Краснов Ю.А. М.: РАН: Восточная литература, 1999. С. 148. 2. Паспорт памятника археологии / Сост. Урбан Ю.Н. // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. 3. *Урбан Ю.Н.* Отчет о разведках в Костромской области в 1982 г. Архив ИА РАН. №10642. Л. 31, 32.
Наименование документа о принятии на государственную охрану	Постановление главы администрации Костромской области «Об объявлении находящихся на территории Костромской области объектов, имеющих историческую, культурную и научную ценность, памятниками истории и культуры» от 30.12.1993 г. №598, приложение 1.

8. Селище Брюхово III

Датировка памятника	РЖВ, I тыс. до н.э. – нач. I тыс. н.э. (по К.И. Комарову – РЖВ, 3-я четверть I тыс. н.э.).
Местонахождение памятника	Костромская обл., Галичский район, д. Брюхово
Исторические сведения	Селище Брюхово III небольшое по размерам, возможно существовавшее непродолжительный период времени поселение раннего железного века. Открыто в 1982 году во время разведок Волго-Окской экспедиции Института археологии АН СССР. Проводилась графическая и фотодокументальная фиксация, сбор подъемного материала, шурфовка. Отчет находится в Архиве ИА РАН.
Описание памятника	Селище занимает низкий пологий мыс I надпойменной террасы р. Вексы, в 0,5 км южнее д. Брюхово. Высота площадки над уровнем воды в реке около 2 м. Поверхность задернована, северный край селища входит в огороженный выгон, восточный край отрезан канавой, идущей от скотного двора д. Брюхово. Площадь распространения культурного слоя определяется по выходящим на поверхность горелым камням – 100х25 м. Насыщенность слоя слабая. Шурф 0,8х0,6 м, заложенный у западного конца селища дал следующую стратиграфию: 0,00 – 0,09 м – дерн луговой; 0,09 – 0,17 м – светло-серая однородная супесь; 0,17 – 0,31 м – темная пятнистая супесь (культурный слой); от 0,31 м – серо-желтая супесь (материк). При шурфовке встречены угли, обожженные камни, фрагменты сетчатой и гладкой лепной керамики. На восточном конце селища при зачистке стенок канавы найдено большое количество шлака. На основании керамики селище может быть датировано в широких рамках железного века – I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.
Основная библиография, архивные источники	1. Археологическая карта России. Костромская область / Сост. Комаров К.И.; Отв. ред. Краснов Ю.А..М.: РАН: Восточная литература, 1999. С. 148. 2. Паспорт памятника археологии / Сост. Урбан Ю.Н. // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. 3. *Урбан Ю.Н.* Отчет о разведках в Костромской области в 1982 г. Архив ИА РАН. №10642. Л.32.
Наименование документа о принятии на государственную охрану	Постановление главы администрации Костромской области «Об объявлении находящихся на территории Костромской области объектов, имеющих историческую, культурную и научную ценность, памятниками истории и культуры» от 30.12.1993 г. №598, приложение 1.

9. Селище Лихарево II

Датировка памятника	РЖВ, I тыс. до н.э.
Местонахождение памятника	Костромская обл., Галичский район, в 0,2 км юго-западнее д. Лихарево
Исторические сведения	Памятник представляет собой остатки неукрепленного поселения эпохи раннего железного века. Открыт и обследован в 1982 году В.В. Сидоровым и Ю.Н. Урбаном во время разведок ВОЭ ИА АН СССР. Проводилась шурфовка, графическая и фотодокументальная фиксация. Отчет об обследовании находится в архиве ИА РАН. Паспортная документация составлена Ю.Н. Урбаном
Описание памятника	Селище расположено на северной стороне котловины Галичского озера, ближе к ее восточному концу, в 0,2 км юго-западнее д. Лихарево. Занимает мыс высотой 8 м, вдающийся в пойму озера по линии север-северо-запад – юг-юго-восток. У подножья мыса проходит дорога из г. Галича в д. Туровское. Занимая очень удобное положение, памятник не имеет оборонительных сооружений. Поверхность его ровная, хорошо задернована и заросла редкими соснами по краям. При шурфовке прослежена следующая стратиграфия: 0,00 – 0,03 м – дерн; 0,03 – 0,12 м – серый песок (почвенный слой); 0,12 – 0,37 м – серовато-коричневый песок (культурный слой); от 0,37 м – желтый песок. Подъемный материал на селище отсутствует. При шурфовке было найдено 8 фрагментов лепной керамики с примесью в глиняном тесте песка. Керамика относится к типичной сетчатой, характерной для городищ раннего железного века.
Основная библиография, архивные источники	1. Археологическая карта России. Костромская область / Сост. Комаров К.И.; Отв. ред. Краснов Ю.А. М.: РАН: Восточная литература, 1999. С. 157. 2. Паспорт памятника археологии / Сост. Урбан Ю.Н. // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. 3. *Урбан Ю.Н.* Отчет о разведках в Костромской области в 1982 г. Архив ИА РАН. №10642. Л.33.
Наименование документа о принятии на государственную охрану	Указ Президента РФ от 20.02.1995 г. № 176 «Об утверждении Перечня объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения».

10. Селище Туровское II

Датировка памятника	РЖВ, IX–VIII до н.э.
Местонахождение памятника	Костромская обл., Галичский район, на юго-западной окраине села Туровское.
Исторические сведения	Памятник представляет собой остатки поселения эпохи раннего железного века. Выявлен и зафиксирован в 1981 году Ю.Н. Урбаном во время разведок Волго-Окской археологической экспедиции ИА
	АН СССР. Проводилась графическая и фотодокументальная фиксация, зачистка обреза карьера и сбор подъемного материала. Отчет об обследовании находится в архиве ИА РАН.
Описание памятника	Селище расположено на юго-западной окраине с. Туровское, в 0,5 км севернее Галичского озера. Занимало ровный участок коренного супесчаного берега. Примерные размеры 30×25 м. Высота над озером около 12 м. Поверхность памятника повреждена при карьерных разработках. В обрезе прослежена следующая стратиграфия: 0,00 – 0,12 м – дерново-почвенный серый слой; 0,12 – 0,38 м – темно-серая гумусированная супесь (культурный слой); от 0,38 м – желтая супесь с гальками и гравием. Мощность культурного слоя в обрезах колеблется от 0,25 до 0,3 м. Верхняя и нижняя граница слоя волнистая, хотя заметных западин и ям не прослежено. По-видимому, основная часть селища уничтожена карьером. При зачистке найдены обломки лепной гладкостенной и сетчатой керамики. Датируется эпохой раннего железного века.
Основная библиография, архивные источники	1. Археологическая карта России. Костромская область Сост. Комаров К.И.; Отв. ред. Краснов Ю.А. М.: РАН: Восточная литература, 1999. С. 159. 2. Паспорт памятника археологии // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. 3. *Урбан Ю.Н.* Отчет об археологической разведке в Костромской области в 1981 г. // Архив ИА РАН. №9806. Л.6.
Наименование документа о принятии на государственную охрану	Постановление главы администрации Костромской области «Об объявлении находящихся на территории Костромской области объектов, имеющих историческую, культурную и научную ценность, памятниками истории и культуры» от 30.12.1993 г. №598, приложение 1.

11. Селище Унорож

Датировка памятника	РЖВ, IX–VII вв. до н.э. (по К.И. Комарову – РЖВ, 2-я пол. I тыс. н.э.).
Местонахождение памятника	Костромская обл., Галичский район, в 0,5 км юго-восточнее церкви в д. Унорож, на левом берегу р. Вексы.
Исторические сведения	Памятник представляет собой остатки поселения эпохи раннего железного века. Открыт в 1927 г. В.И. Смирновым, обследован в 1982 году Ю.Н. Урбаном во время разведок Волго-Окской экспедиции Института археологии АН СССР. При обследовании проводилась графическая и фотодокументальная фиксация, сбор подъемного материала, шурфовка. Отчет находится в архиве ИА РАН.
Описание памятника	Селище расположено на левом берегу р. Вексы, в 0,5 км юго-восточнее церкви в д. Унорож. Занимает мысовидный выступ первой надпойменной террасы, сложенный желтой супесью. Поверхность ровная, хорошо задернована, заросла кустарником и деревьями. Через селище проходит тропа в д. Заря и д. Унорож. Размеры памятника 90×80 м. Высота над поймой 2 – 3 м. С запада, севера и северо-востока оно ограничено естественными склонами мыса к заболоченной пойме реки со старицами. При шурфовке прослежена следующая стратиграфия: Шурф №1 – 0,00 – 0,08 м – дерн и почвенный слой, 0,08 – 0,30 м – темно-серый песок с углями и камнями, от 0,30 м – желтая супесь (материк). Шурф №2 – 0,00-0,08 м – дерн и почвенный слой, 0,08 – 0,26 м – темно-серый песок (культурный слой), от 0,26 м – желтая супесь (материк). При шурфовке найдено 12 фрагментов лепной керамики. 7 из них имеют в тесте примесь песка, внешняя поверхность сетчатая. Остальные фрагменты гладкостенные, с примесью в глиняном тесте дресвы.
Основная библиография, архивные источники	1. Археологическая карта России. Костромская область / Сост. Комаров К.И.; Отв. ред. Краснов Ю.А. М.: РАН: Восточная литература, 1999. С. 166. 2. Паспорт памятника археологии / Сост. Урбан Ю.Н. // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области 3. *Смирнов В.И.* Отчет Костромского научного общества за 1927 год // Труды КНО. Кострома, 1928. С. 17, 18. 4. *Урбан Ю.Н.* Отчет о разведках в Костромской области в 1982 г. Архив ИА РАН. №10642. Л.31,32.
Наименование документа о принятии на государственную охрану	Постановление главы администрации Костромской области «Об объявлении находящихся на территории Костромской области объектов, имеющих историческую, культурную и научную ценность, памятниками истории и культуры» от 30.12.1993 г. №598, приложение 1.

12. Селище Кучумиха по паспорту (по К.И. Комарову – Поселение Кучумовка)

Датировка памятника	РЖВ
Местонахождение памятника	Костромская обл., Галичский район, близ северо-западной окраины д. Кучумиха.
Исторические сведения	Памятник представляет собой остатки поселения эпохи раннего железного века. Выявлен и зафиксирован в 1979 году Ю.Н. Урбаном во время разведки группы археологов Министерства культуры РСФСР. Паспорт составлен В.А. Булкиным
Описание памятника	Селище расположено за огородами северо-западной окраины д. Кучумиха. Занимает песчаный мыс первой надпойменной террасы, вдающийся в пойму р. Вексы, в 300 м от последней. В стенках карьера прослежен слабовыраженный культурный слой мощностью до 0,3 м при сборах найдены обломки сетчатой керамики раннего железного века.
Основная библиография, архивные источники	1. Археологическая карта России. Костромская область / Сост. Комаров К.И.; Отв. ред. Краснов Ю. А. М.: РАН: Восточная литература, 1999. С. 156. 2. Паспорт памятника археологии // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области..
Наименование документа о принятии на государственную охрану	Постановление главы администрации Костромской области «Об объявлении находящихся на территории Костромской области объектов, имеющих историческую, культурную и научную ценность, памятниками истории и культуры» от 30.12.1993 г. №598, приложение 1.

13. Стоянка Туровская I «Заячья горка»

Датировка памятника	Неолит, эпоха бронзы, РЖВ.
Местонахождение памятника	Костромская обл., Галичский район, на левом берегу р. Лыкшанки между с. Туровское и д. Вахнецы, в 500 м к северу от Галичского озера
Исторические сведения	В 1836 г. рядом с холмом «Заячья горка» крепостными крестьянами помещицы Н. Челеевой случайно при рытье плотины был найден так называемый «Галичский клад». В 1908 г. А.М. Тальгрен произвел здесь первые раскопки (по существу – разведки) и нашел кремневые орудия (скребки, наконечники стрел и пр.), обломки глиняной посуды весьма архаичных типов и клинок ланцетовидного ножа. В 1921-1923 гг. раскопки производит В.И. Смирнов (частично с участием Л.Н. Казаринова). В ходе раскопок было обнаружено большое количество обломков глиняной посуды, каменные орудия, железные шлаки, два железных предмета и одно костяное орудие. В 1924 г. были проведены значительные археологические раскопки под руководством В.А. Городцова. В ходе раскопок было обнаружено 152 экз. каменных орудий (8 топоров, 4 долота, один наконечник копья, 26 наконечников стрел, 18 скребков, 2 сверла и пр.), бронзовый и железный топоры, медные ножи, железное долото и пр. Кроме того, железные шлаки, обломки глиняной посуды. Вскрыто 9 землянок и 2 очага. В 1964 г. раскопки продолжены под руководством Л.И. Кольцова
Описание памятника	В настоящее время памятник разрушен при строительстве дороги. Стоянка располагалась на небольшом холме называемом «Заячьей горкой», на склоне коренной террасы. На северо-западном скате холма, около старой мельничной плотины, перегораживающей речку Лыкшанку – место находки «Галичского клада». По состоянию на 1949 г. почти вся вершина холма заросла лесом и кустарником, среди которых видны следы раскопок в виде ям и траншей. Холм вытянут с востока на запад и имеет в ширину – около 50 м, в длину – около 100 м и высоту 3−5 м холм со стоянкой окружен болотистыми лугами. Холм пересекался проселочной дорогой. Описание представлено с паспорта старого образца (1949 г.) Коллекция с раскопок представлена фрагментами посуды от неолитической галичской, фатьяновской и сетчатой керамики. С сетчатой керамикой можно соотносить жилище №2, где на дне были найдены железные шлаки.
Основная библиография, архивные источники	1. *Городцов В.А.* Галичский клад и стоянка // Труды секции археологии. РАНИОН. Т.3. М. 1928. С.13−54. 2. Паспорт памятника археологии составлен 10.08.1949 г. Составитель Белов Л.И. научный сотрудник Галичского музея // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области.. 3. *Третьяков П.И.* К истории доклассового общества Верхнего Поволжья // Из истории родового общества на территории СССР. ГАИМК. ОГИЗ. М.-Л. 1934. С. 101−110. 4. *Третьяков П.Н.* К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н.э. М.-Л. 1941. С. 13−17.
Наименование документа о принятии на государственную охрану	Решение ИК Костромского областного Совета депутатов трудящихся от 17.11.1959 г. №949; Постановление Совета Министров РСФСР от 30.08.1960 г. № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР»; Решение ИК Костромского областного Совета депутатов трудящихся от 25.04.1963 г. №196. В настоящее время разрушено.

14. Поселение Шокша «Бугорки»

Датировка памятника	Эпоха бронзы, РЖВ.
Местонахождение памятника	Костромская обл., Галичский район., близ д. Шокша, к С от г. Галич, восточный берег оз. Галичское
Исторические сведения	Открыто Брюсовым В.Я. в 1925 г. В дальнейшем разведки на территории поселения проводило Костромское научное общество в 20-е годы XX века, под руководством Смирнова В.И. На момент обследования проведенного в 1983 г. К.И. Комаровым стоянка разрушена полностью дорогой.
Описание памятника	В.Я. Брюсов характеризует памятник как стоянку дюнного типа. При обследовании Найдены обломки лепных сосудов с сетчатыми отпечатками и штриховкой на внешней поверхности, железные шлаки, кремень с ретушью.
Основная библиография, архивные источники	1. Археологическая карта России. Костромская область / Сост. Комаров К.И.; Отв. ред. Краснов Ю.А. М.: РАН: Восточная литература, 1999. С. 310. 2. *Комаров К.И.* Отчет о работе Костромской экспедиции в 1983 г. // Архив ИА РАН. №9867. 3. Отчет КНО … 1926. С.28. 4. Отчет КНО … 1927. С. 16. 5. Отчет КНО … 1928. С.20. 6. Паспорт 1949 г.
Наименование документа о принятии на государственную охрану	Решение ИК Костромского областного Совета депутатов трудящихся от 17.11.1959 г. №949. В настоящее время разрушено.

15. Поселение Демьяновское

Датировка памятника	Эпоха поздней бронзы, РЖВ. По К.И. Комарову – конец эпохи бронзы. По М.И. Матасову – эпоха позднего неолита
Адрес (местонахождение) памятника	Костромская обл., Галичский район., близ д. Демьяновское, у дороги в с. Сынково.
Исторические сведения	Обследовано в 1956 и 1958 гг. М.И. Матасовым. Произведена фотофиксация общего вида памятника с северо-запада
Описание памятника	Поселение занимает мыс высокой надпойменной террасы правого берега вытекающей из оз. Галичское р. Вёкса (левый приток р. Кострома, левого притока р. Волга) при вхождении в ее долину оврага Мельник. Размеры памятника не определены. Под слоем глины и дерна толщиной 32 см расположен культурный слой мощностью 25 см, который, в свою очередь, подстилается мощным слоем белого кварцевого песка. В 1956 и 1958 гг. М.И. Матасовым был собран подъемный материал: 14 фрагментов глиняной посуды с сетчатым и верёвочным орнаментом и с ямками, нанесенными квадратным штампом, 5 кремневых отщепов и наконечников стрел и 1 скол от сланцевого орудия, 5 костей и 1 фрагмент угля, а также 8 фрагментов неопределенной М.И. Матасовым керамики. Весь перечисленный подъемный материал хранится в Буйском краеведческом музее.
Основная библиография, архивные источники	1. Археологическая карта России. Костромская область / Сост. Комаров К.И.; Отв. ред. Краснов Ю.А..М.: РАН: Восточная литература, 1999. С. 151. 2. *Матасов М.И.* Отчет об археологических разведках в Костромской области в 1958 г. // Архив ИА РАН. №1721. Л. 1. 3. *Матасов М.И.* Отчет об археологической разведке в Буйском, Сусанинском и Ореховском районах Костромской области в 1956 г. // Архив ИА РАН. №1226. Л.7, 8.
	На государственной охране не состоит.

16. Селище Хохлянки

Датировка памятника	РЖВ, 2-я пол. I тыс. н.э.
Местонахождение памятника	Костромская обл., Кадыйский район, д. Хохлянки, 0,6 км к СВ от дер.
Исторические сведения	Селище открыто в 1982 г. К.И. Комаровым, снят план, произведена фотофиксация памятника. Подъемный материал находится на хранении в ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник».
Описание памятника	Селище находится в 0,6 км к СВ от д. Хохлянки, на левом обрывистом берегу р. Кусцы, правый приток р. Немды, левый приток р. Волга. Высота над урезом воды 4−5 м. Оно тянется вдоль излучины реки с СВ на ЮЗ на расстоянии 80 м и имеет ширину в СВ конце 9 м, в ЮЗ конце 30 м. С СВ селище ограничено береговым обрывом, с СЗ – грейдером, с В – промоиной, с З – крутым склоном в пойму высотой 3 м. Поверхность селища хорошо задернована. В обнажении выявлена следующая стратиграфия: 1) дерн – 5 см; 2) черная супесь – 10−12 см; 3) темно-коричневая супесь – 25−30 см; 4) материк – коричневый суглинок. Во втором и третьем слоях найдена лепная гладкостенная керамика с примесью песка и шамота в тесте, на основании которой селище можно предварительно датировать концом I тыс. до н.э. – началом I тыс. н.э.
Основная библиография, архивные источники	1. Археологическая карта России. Костромская область / Сост. Комаров К.И.; Отв. ред. Краснов Ю.А.. М.: РАН: Восточная литература, 1999. С. 170. 2. *Кольцов Л.В., Комаров К.И.* Отчет о Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР за 1982 г. Костромская обл., Калининская обл. Архив ИА РАН, Р-I, № 9579. 3. *Комаров К.И.* Исследования в Костромской и Калининской областях // АО. 1982 г. / Отв.ред. Рыбаков Б.А. М.: Наука, 1984. С 60−61. 4. Паспорт памятника археологии // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области.
Наименование документа о принятии на государственную охрану	Постановление главы администрации Костромской области «Об объявлении находящихся на территории Костромской области объектов, имеющих историческую, культурную и научную ценность, памятниками истории и культуры» от 30.12.1993 г. №598, приложение 1.

17. Городище Рапоново

Датировка памятника	РЖВ, 2-я пол. I тыс. н.э.
Местонахождение памятника	Костромская обл., Кологривский район, д. Рапоново, 1 км к Ю–В от дер.
Исторические сведения	Впервые обследовано в 1925 г. О.Н. Бадером. В 1979 г. Г.А. Архипов раскопал в центральной части городища 104 кв. м. Коллекция из раскопок в Марийском республиканском музее, документация в ИА РАН. В 1985 г. обследовано К.И. Комаровым. Снят план, произведена фотофиксация памятника. В 2000 г. обследовано Новиковым А.В.
Описание памятника	Находится в 1 км к Ю–В от дер., на мысовидном выступе правого коренного берега р. Унжи, на высоте около 50 м над ее уровнем, в 0,5 км к З от нее. Площадка городища подтреугольной формы имеет длину по осевой линии 42 м и ширину у вала 30–32 м. С напольной стороны оно защищено валом в форме подковы шириной в основании 12 м, высотой 2 м и длиной по дуге около 46 м, и рвом шириной 10–12 м и глубиной 1 м. С мысовой стороны его защищают склоны крутизной от 18 до 40 градусов и высотой от подошвы 50 м. Поверхность и склоны поросли смешанным лесом. В результате раскопок выявлен культурный слой мощностью до 25–30 см. Он состоит из светло-серого подзола, его подстилает материк из светло-коричневого суглинка с галькой. В нем находится сильно фрагментированная лепная керамика светло-коричневого цвета и шлаки. Культурный слой в виде слабогумусированного суглинка светло-серого цвета имеет толщину до 0,25-0,30 м. Керамика лепная, с примесями дресвы и шамота в глиняном тесте, светло-коричневого цвета, без орнамента, отнесенная к РЖВ и 2-ой пол. I тыс. н.э. Коллекция в Марийском НИИ. Современное техническое состояние удовлетворительное.
Основная библиография, архивные источники	1. Археологическая карта России. Костромская область / Сост. Комаров К.И.; Отв. ред. Краснов Ю.А. М.: РАН: Восточная литература, 1999. С. 175−177. 2. *Архипов Г.А*. Отчет Марийской археологической экспедиции за 1979 г. // Архив ИА РАН, Р-I, №7688. 3. *Бадер О.Н.* Городища Ветлуги и Унжи. / МИА. № 22. Т. 3. М. : Академия наук СССР, 1951. С. 146−147. 4. *Комаров К.И.* Отчет о работе Костромского отряда в 1985 г. // Архив ИА РАН, Р-I, № 11863. 5. *Леонтьев А.Е.* Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. / Археология эпохи великого переселения народов и раннего средневековья. Вып. 4. М.: Гоэко, 1996. 6. *Новиков А.В.* Отчет о проведенном археологическом обследовании в Кологривском районе Костромской области. // Архив ИА РАН, № 24088. 7. Паспорт памятника археологии // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области.
Наименование документа о принятии на государственную охрану	Решение исполнительного комитета Костромского областного (промышленного) Совета депутатов трудящихся «О мерах по улучшению охраны и пропаганды памятников истории и культуры, находящихся на территории Костромской области» от 25.04.1963 г. №196; Решение ИК Костромского областного Совета депутатов трудящихся от 17.11.1959 г. №949.

18. Селище Аверьяновка

Датировка памятника	РЖВ, XI–XIII, XIV–XVII в.
Местонахождение памятника	Костромская обл., Кологривский район, в 0,5 км юго-восточнее д. Аверьяновка.
Исторические сведения	Памятник открыт в 1976 году А.Е. Леонтьевым. Паспорт в 1979 г. составлен Ю.Н. Урбаном. В 2000 г. обследовано Новиковым А.В.
Описание памятника	Селище расположено на правой надпойменной террасе реки Унжи, в 0,2 км юго-западнее последней, и в 0,5 км юго-восточнее дер. Аверьяновка. Занимает участок мыса, образованного поймой реки Унжи и левым берегом небольшого ручейка – правого притока р. Унжи. Мыс сложен желтовато-серым песком и возвышается на 4 м над уровнем поймы. Выраженный культурный слой светло-серого цвета прослеживается на участке пашни размером 70×110 м. При шурфовке на поле выяснено, что культурный слой перемешан на всю глубину. В не потревоженном виде он сохранился лишь в западинах. При сборах на поверхности пашни собрано 18 обломков гончарной керамики XIII – XV вв.; найдено **2** обломка сетчатой керамики.
Основная библиография, архивные источники	1. Археологическая карта России. Костромская область / Сост. Комаров К.И.; Отв. ред. Краснов Ю.А. М.: РАН: Восточная литература, 1999. С. 172. 2. *Леонтьев А.Е.* Отчет о работах Новостроечного отряда ВВАЭ за 1976 г. // Архив ИА РАН. 3. *Новиков А.В.* Отчет о проведенном археологическом обследовании в Кологривском районе Костромской области. // Архив ИА РАН, № 24088. 4. Паспорт памятника археологии // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области.
Наименование документа о принятии на государственную охрану	Постановление главы администрации Костромской области «Об объявлении находящихся на территории Костромской области объектов, имеющих историческую, культурную и научную ценность, памятниками истории и культуры» от 30.12.1993 г. №598, приложение 1.

19. Селище Борщино

Датировка памятника	Финал поздней бронзы, РЖВ. IX – I вв. до н.э.
Местонахождение памятника	Костромская обл., Костромской район, с. Борщино, в 0,5 – 0,6 км к С от села, на правом берегу р. Волги.
Исторические сведения	Открыто в 1979 г. К.И. Комаровым. Материалы хранятся в ИА РАН.
Описание памятника	Расположено на правом берегу р. Волги, на прибрежной дюне. Оно занимает полосу длинной 200 м и шириной до 60 м, идущую от устья р. Елховки вниз по берегу р. Волги. Западная часть дюны длиной около 150 м занята дачными участками. Высота над урезом воды 3−4 м. Культурный слой в виде пепельно-серой супеси залегает сразу под дерном и имеет толщину 10−20 см. На прибрежной стороне дюны мощность слоя возрастает до 30−40 см. В основании культурного слоя встречаются западины со значительной примесью мелких углей. Подстилается он светло-желтым песком с ортзандами. Находки состоят из железных шлаков, обломков керамики с сетчатыми отпечатками, кремневых отщепов и осколков.
Основная библиография, архивные источники	1. *Комаров К. И., Жилин М. Г.* Отчет о работе Костромского отряда Верхневолжской экспедиции в 1979 г. // Архив ИА РАН. № 7898. 2. *Комаров К.И.* Работы Славянского отряда Верхневолжской экспедиции // АО 1979 г. / Отв.ред. Рыбаков Б.А. М.: Наука, 1980. С. 56−57. 3. Паспорт памятника археологии // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области.
Наименование документа о принятии на государственную охрану	Постановление главы администрации Костромской области «Об объявлении находящихся на территории Костромской области объектов, имеющих историческую, культурную и научную ценность, памятниками истории и культуры» от 30.12.1993 г. №598, приложение 1.

20. Городище у д. Городище

Датировка памятника	РЖВ. Конец I тыс. до н.э. − 1-я половина I тыс. н.э.
Местонахождение памятника	Костромская обл., Костромской район, д. Городище, у западной окраины деревни
Исторические сведения	Открыто в 1980 г. К.И. Комаровым. Снят план, произведена фотофиксация, в обнажениях сделаны две зачистки. Материал хранится в ИА РАН. Памятник не раскапывался.
Описание памятника	Городище расположено у западной окраины д. Городище, на мысу, образованном отрогом высокого правого коренного берега р. Мезы. Оно занимает весь мыс выступающий в долину реки в направлении ЗЮЗ и возвышающийся над ней на 25−30 м. Площадка городища ровная, без видимых повреждений, в плане имеет вид равнобедренного треугольника с притупленной вершиной высотой 48 м, основанием – 30 м и шириной близ вершины – 15−20 м. С напольной стороны вплотную к нему примыкают развалины фундамента бывшего помещичьего дома, который, очевидно, разрушил оборонительные сооружения. На развалинах построена школа. Крутизна склонов городища превышает 60 градусов. Площадка по периметру поросла отдельными деревьями и кустарниками. Вблизи оконечности мыса сделаны две зачистки, давшие следующие результаты: Зачистка № 1: 1) дерн – толщина до 10 см; 2) черный суглинок – 18–24 см; 3) прокаленный песок – до 5 см; 4) материк – желтый песок. Зачистка № 2: 1) дерн – до 10 см; 2) черный суглинок – 28–34 см; 3) темно-серый суглинок – 15–25 см; 4) материк – желтый песок. Находки встречаются в слоях 2–3. Они состоят из лепной сетчатой керамики с «жемчужным» орнаментом и гладкостенной без орнамента. По керамике и типовой характеристике городище датируется ранним железным веком. Возможно, есть посуда и более раннего периода (финала бронзового времени).
Основная библиография, архивные источники	1. Археологическая карта России. Костромская область / Сост. Комаров К.И.; Отв. ред. Краснов Ю.А. М.: РАН: Восточная литература, 1999. С. 86. 2. *Комаров К.И., Жилин М.Г.* Отчет Костромской экспедиции за 1980 г. // Архив ИА РАН. № 9548. Л.32–33. 3. Паспорт памятника археологии // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области.
Наименование документа о принятии на государственную охрану	Постановление главы администрации Костромской области «Об объявлении находящихся на территории Костромской области объектов, имеющих историческую, культурную и научную ценность, памятниками истории и культуры» от 30.12.1993 г. №598, приложение 1.

21. Селище Колгора

Датировка памятника	РЖВ
Местонахождение памятника	Костромская обл., Костромской район, в 2,5 км северо-северо-западнее д. Колгора
Исторические сведения	Памятник представляет собой остатки поселения эпохи раннего железного века. Выявлен В.В. Сидоровым в 1980 году.
Описание памятника	Селище расположено на левом берегу р. Костромы, в 2,5 км северо-северо-западнее д. Колгоры. Занимает песчаное возвышение (дюна), поросшее лесом. При шурфовке прослежен серый культурный слой мощностью до 0,2 м, содержащий мелкие угольки, сетчатую керамику и шлаки.
Основная библиография, архивные источники	Паспорт памятника археологии // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области.
Наименование документа о принятии на государственную охрану	Постановление главы администрации Костромской области «Об объявлении находящихся на территории Костромской области объектов, имеющих историческую, культурную и научную ценность, памятниками истории и культуры» от 30.12.1993 г. №598, приложение 1.

22. Поселение Бораны (Оганино 14).

Датировка памятника	Эпоха бронзы, РЖВ.
Местонахождение памятника	Костромская обл., Костромской район, около 3,8 км к СВ от д. Аганино
Исторические сведения	Открыто в 1925 г. В.И. Смирновым, исследовалось в 1926 г. им же. Было заложено 11 шурфов 1×0,5 м.
Описание памятника	Поселение расположено на северном берегу оз. Борисово близ впадения в него р. Борисовка, на южном краю возвышенности отделенной от кромки современного озерного берега широкой пойменной луговиной. Размеры не определены. Высота над поймой достигает 3 м. Культурный слой в виде слабогумусированного песка серого цвета залегает под дерном, толщина около 30 см. Насыщенность слоя находками слабая. Вся керамика сетчатая.
Основная библиография, архивные источники	1. Археологическая карта России. Костромская область / Сост. Комаров К.И.; Отв. ред. Краснов Ю.А. М.: РАН: Восточная литература, 1999. С.104, 105. 2. *Гурина Н.Н.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье // МИА. №110. М.-Л.: Академия наук СССР, 1963. С.145−146. 3. Отчет КНО ..1927 г. С. 17. 4. *Яблокова Н.Н.* Памятники неолита и эпохи бронзы в Костромском Поволжье // МИА. №110. М.-Л.: Академия наук СССР, 1963. С.27.
	На государственной охране не состоит.

23. Поселение Емсна (Оганино 15)

Датировка памятника	Неолит, эпоха поздней бронзы, ранний железный век
Местонахождение памятника	Костромская обл., Костромской район, к ЮЗ от д. Аганино.
Исторические сведения	Исследовалось в конце XIX в. членами КГУАК, обследовано в 1921−1925 гг. В.И. Смирновым.
Описание памятника	Поселение располагалось на дюнообразном всхолмлении, на левом берегу р. Кострома (левый приток р. Волга). Среди находок представлены: неолитическая ямочно-гребенчатая и сетчатая керамика, конца эпохи бронзы и начала РЖВ, кремневые и сланцевые орудия, куски железной руды.
Основная библиография, архивные источники	1. Археологическая карта России. Костромская область / Сост. Комаров К.И.; Отв. ред. Краснов Ю.А. М.: РАН: Восточная литература, 1999. С. 105. 2. Отчет КНО …1926 г. С. 10. 3. *Яблокова Н.Н.* Памятники неолита и эпохи бронзы в Костромском Поволжье // МИА. №110. М.-Л.: Академия наук СССР, 1963. С.28.
	На государственной охране не состоит

24. Стоянка Коряково II (по К.И. Комарову – Поселение Коряково)

Датировка памятника	Эпоха бронзы, РЖВ.
Местонахождение памятника	Костромская обл., Костромской район, 2 км к С от деревни Коряково
Исторические сведения	Стоянка обнаружена в 1978 г. Волго-Окской Новостроечной экспедицией ИА АН СССР. Обследована А.Е. Леонтьевым и И.В. Исламовой.
Описание памятника	Поселение расположено на восточной стороне мыса правого берега р. Волги, примерно в 2 км к северу от д. Коряково, в 1,7 км к югу от р. Волги, в 1,5 км к юго-западу от д. Заречье и в 800 м к СЗЗ от курганной группы Коряково. Мыс ограничен с севера и северо-запада поймой р. Волги и с северо-востока – ручьем, впадающим в пруд. На мысу находится пахотное поле, по восточному краю тянется полоса луговины шириной 20 м Поселение занимает восточный край мысовидного выступа. Площадь памятника около 3200 кв. м. Высота над уровнем поймы 5 м. В 10 м от края мыса заложен шурф площадью 1×0,5 м. Мощность культурного слоя в месте шурфа достигает 0,5 м. Стратиграфия: дерн – 0,08 м, серый песок с мелкими углями и прослойкой белого песка – 0,2–0,3 м, желто-серый песок – 0,05–0,1 м, серый золотистый песок – 0,14 м, желто-красная супесь – материк. В верхнем слое серого песка найдены мелкие фрагменты керамики XX–XIX вв., железная пластина и сетчатая керамика. Данный горизонт перепахивался. В слоях желто-серого и серого золотистого песка найдены мелкие пережженные косточки, угольки, кремневый скол и лепная керамика орнаментированная ямками.
Основная библиография, архивные источники	1. Археологическая карта России. Костромская область / Сост. Комаров К.И.; Отв. ред. Краснов Ю.А. М.: РАН: Восточная литература, 1999. С. 93. 2. *Леонтьев А.Е.* Отчет о работе Волго-Окской Новостроечной экспедиции в Костромской области в 1978 г. // Архив ИА РАН. №7167. 3. Паспорт памятника археологии // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области.
Наименование документа о принятии на государственную охрану	Постановление главы администрации Костромской области «Об объявлении находящихся на территории Костромской области объектов, имеющих историческую, культурную и научную ценность, памятниками истории и культуры» от 30.12.1993 г. №598, приложение 1.

25. Поселение Отрада

Датировка памятника	Эпоха бронзы, РЖВ?
Местонахождение памятника	Костромская обл., Красносельский район, д. Отрада, в 0,15 км к З от дер.
Исторические сведения	Открыто в 1979 г. К.И. Комаровым, в этом же году обследовано К.И. Комаровым и М.Г. Жилиным
Описание памятника	Расположено на мысу, образованном правым берегом р. Волги и левым берегом р. Аргишны. Размеры памятника 80×70 м. С двух сторон оно ограничено обрывистыми берегами р. Волги и Аргишны, достигающими высоты 4–5 м, в сторону коренного берега оно полого повышается. Культурный слой толщиной 0,3–0,5 м в коренной части селища состоит из темно-серого песка, в прибрежной части темной супеси с галькой. В зачистках найдена сетчатая керамика, в том числе с жемчужинами и обломок кремневого орудия, обработанного двусторонней ретушью.
Основная библиография, архивные источники	1. Археологическая карта России. Костромская область / Сост. Комаров К.И.; Отв. ред. Краснов Ю.А. М.: РАН: Восточная литература, 1999. С. 205. 2. *Комаров К.И., Жилин М.Г.* Отчет о работе Костромского отряда Верхневолжской экспедиции в 1979 г. // Архив ИА РАН, Р-I, № 7898.
Наименование документа о принятии на государственную охрану	Постановление главы администрации Костромской области «Об объявлении находящихся на территории Костромской области объектов, имеющих историческую, культурную и научную ценность, памятниками истории и культуры» от 30.12.1993 г. №598, приложение 1.

26. Селище Трубинка

Датировка памятника	РЖВ, XIV−XVII вв.
Местонахождение памятника	Костромская обл., Красносельский район, д. Трубинка, в 0,3 км к СЗ.
Исторические сведения	Открыто в 1979 г. К.И. Комаровым
Описание памятника	Расположено на ВЮВ оконечности дюны (или останца обтекания) вдоль правого берега р. Волги от устья р. Трубинки, которое отстоит от селища в 0,7-0,8 км выше по течению р. Волги. Дюна имеет вид гряды, возвышающейся над уровнем р. Волги до 3 м. От надпойменной террасы, на которой располагается деревня, дюна определяется низменным, местами заболоченным лугом. Поверхность дюны в ненарушенной части задернована. Селище занимает гребень дюны длиной 260 м и шириной до 30 м. Культурный слой делится на два горизонта: верхний толщиной до 15 см имеет вид темно-серого песка, под ним залегает слой светло-серого песка толщиной до 20 см. В этих слоях обнаружена гончарная керамика, характерная для XV– VI вв. В одной из зачисток обнаружена яма. В ней найдена сетчатая керамика с зубчатым штампованным орнаментом. Нижний горизонт культурного слоя, датируемый ранним железным веком, отчетливо фиксируется лишь в части территории памятника. Большая и основная занята средневековым слоем.
Основная библиография, архивные источники	1. Археологическая карта России. Костромская область / Сост. Комаров К.И.; Отв. ред. Краснов Ю.А. М.: РАН: Восточная литература, 1999. С. 209. 2. *Жилин М.Г., Комаров К.И.* Разведочные работы Костромской экспедиции // АО. 1980 г. / Отв. ред. Рыбаков Б.А. М.: Наука, 1981. С. 52−53 3. *Комаров К.И., Жилин М.Г.* Отчет о работе Костромского отряда Верхневолжской экспедиции в 1979 г. // Архив ИА РАН, Р-I, № 7898. 4. Паспорт памятника археологии // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области..
Наименование документа о принятии на государственную охрану	Постановление главы администрации Костромской области «Об объявлении находящихся на территории Костромской области объектов, имеющих историческую, культурную и научную ценность, памятниками истории и культуры» от 30.12.1993 г. №598, приложение 1.

27. Селище Унжа II (по К.И. Комарову – Унжа. Селище 3)

Датировка памятника	РЖВ, I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.
Местонахождение памятника	Костромская обл., Макарьевский район, с. Унжа.
Исторические сведения	Селище открыто Ю.Н. Урбаном в 1981 году во время разведок Волго-Окской экспедиции Института археологии АН СССР. При обследовании проводилась графическая и фотодокументальная фиксация, шурфовка, сбор подъемного материала.
Описание памятника	Селище расположено на пологом склоне правого коренного берега р. Унжи в 0,4 км к ССВ от городища Унжа. Высота площадки над уровнем поймы – 1,5–2 м. Площадь памятника определить затруднительно, но, судя по данным шурфовки, она составляет около 3500 кв. м. Культурный слой – серо-коричневый суглинок залегает под современной почвой и тонким слоем наносной коричневой супеси. Мощность культурного слоя невелика – до 0,15 м. Насыщенность слабая. Встречаются обожженные камни. Найдено несколько фрагментов лепной керамики, из них один сетчатый.
Основная библиография, архивные источники	1. Археологическая карта России. Костромская область / Сост. Комаров К.И.; Отв. ред. Краснов Ю.А. М.: РАН: Восточная литература, 1999. С. 228. 2. Паспорт памятника археологии // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области.. 3. *Урбан Ю.Н.* Отчет об археологической разведке в Костромской области в 1981 г. // Архив ИА РАН. № 9806. Л.32.
Наименование документа о принятии на государственную охрану	Постановление главы администрации Костромской области «Об объявлении находящихся на территории Костромской области объектов, имеющих историческую, культурную и научную ценность, памятниками истории и культуры» от 30.12.1993 г. №598, приложение 1.

28. Селище Леонтьево

Датировка памятника	РЖВ, I тыс. до н.э. – нач. I тыс. н.э.
Местонахождение памятника	Костромская обл., Мантуровский район, д. Леонтьево.
Исторические сведения	Селище открыто Ю.Н. Урбаном в 1981 году во время разведок Волго-Окской экспедиции Института археологии АН СССР. При обследовании проводилась графическая и фотодокументальная фиксация, зачистка обрыва берега, шурфовка и сбор подъемного материала. Результаты обследования содержатся в отчете, находящемся в архиве ИА РАН. В 1993 г. обследовано Д.Г. Свечниковым, составлена учетная карточка.
Описание памятника	Селище расположено на пологой площадке правого коренного берега р. Унжи (левый приток р. Волги), над речной старицей, в 1 км к югу от д. Леонтьево. Высота площадки над уровнем воды – до 7 м. Склон обрывистый. С запада и востока площадка ограничена впадающими в старицу ручьями, с севера – резко повышающимся склоном коренного берега. Площадь памятника определяется следующими размерами: протяженность вдоль берега 130 м при ширине от 20 до 40 м. По-видимому, часть поселения разрушена береговыми обрывами. Проведена зачистка в обрывистой части. Мощность культурного слоя колеблется в исследованных местах от 0,15 до 0,40 м. Встречены обожженные камни, шлак. Фрагменты керамики представлены гладкостенной, штрихованной и сетчатой.
Основная библиография, архивные источники	1. Археологическая карта России. Костромская область / Сост. Комаров К.И.; Отв. ред. Краснов Ю.А. М.: РАН: Восточная литература, 1999. С. 232−233. 2. Паспорт памятника археологии // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области.. 3. *Свечников Д.Г.* Вкладыш и учетная карточка к паспорту. 1993. 4. *Урбан Ю.Н.* Отчет об археологической разведке в Костромской области в 1981 г. // Архив ИА РАН. №9806.
Наименование документа о принятии на государственную охрану	Постановление главы администрации Костромской области «Об объявлении находящихся на территории Костромской области объектов, имеющих историческую, культурную и научную ценность, памятниками истории и культуры» от 30.12.1993 г. №598, приложение 1.

29. Городище Бухарино

Датировка памятника	РЖВ, 2-я пол. I тыс. н.э.
Местонахождение памятника	Костромская обл., Сусанинский район, в 1,7 км к ЮЗ от д. Бухарино.
Исторические сведения	Открыто и обследовано в 1982 г. Ю.Н. Урбаном. Составлен паспорт на объект культурного наследия.
Описание памятника	Городище занимает мыс второй надпойменной террасы правого берега р. Андоба (левый приток р. Кострома, левого притока р. Волга) при впадении в нее безымянного ручья, правый берег последнего. Площадка подтреугольная в плане, вытянута с севера на юг. Размеры 30×25 м, высота над рекой 11 м, с востока и запада она ограничена склонами к реке и ручью, с напольной, северной, стороны прослеживаются остатки вала высотой до 0,4 м, при ширине в основании до 4 м и ров перед ним, переходящий в овраг. Поверхность площадки неровная, с западинами, которые, возможно, являются остатками жилищ. Культурный слой в виде гумусированного песка коричневатого цвета имеет мощность около 0,5 м, разделяется на два горизонта прослойкой светлого песка без находок. В нижнем горизонте найдены фрагменты сетчатой посуды, в верхнем – фрагменты гладкостенных сосудов без орнамента.
Основная библиография, архивные источники	1. Археологическая карта России. Костромская область / Сост. Комаров К.И.; Отв. ред. Краснов Ю.А. М.: РАН: Восточная литература, 1999. С. 262 2. *Леонтьев А.Е.* Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. / Археология эпохи великого переселения народов и раннего средневековья. Вып. 4. М.: Гоэко,1996. 3. *Урбан Ю.Н.* Отчет о разведках в Костромской области в 1982 г. // Архив ИА РАН: №10642.
Наименование документа о принятии на государственную охрану	Указ Президента РФ от 20.02.1995 г. № 176 «Об утверждении Перечня объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения».

30. Поселение Федоровское (Федоровская стоянка 1 по документу о принятии на государственную охрану)

Датировка памятника	Мезолит, неолит, эпоха бронзы, РЖВ.
Местонахождение памятника	Костромская обл., Чухломской район, 0,4 км к В от д. Федоровское.
Исторические сведения	Поселение Федоровское открыто 27 сентября 1923 г. заведующим Костромским губмузеем В.И. Смирновым и Чухломским музеем местного края Л. Н. Казариновым. Авторами отмечено, что «…берега озера у р. Вексы болотистые, поросли кустарником….Вся стоянка распахивается ежегодно и засевается хлебами. Поле разделено на мелкие полосы – шнуры…..В углу этого поля, к озеру к реке Вексе, во время исследования местности, открыта большая стоянка первобытного человека…..Площадь земли, под открытой стоянкой будет не менее 1 десятины…». В этом же году ими сделаны небольшие пробные раскопки и составлен план местности. В 1925 г. раскопки на поселении проводили А.Я. Брюсов и М.Е. Фосс. В 1926 г. исследования проводились Л.Н. Казариновым и В.И. Смирновым при участии сотрудников Костромского научного общества Л.С. Китициной, Г.И. Лебедева и др., а после продолжительного периода, в 1962−1964, 1969−1973 гг. - И.В. Гавриловой. Последняя разделила культурный слой на четыре последовательных горизонта и выделила пять типов керамики: 1)ямочно-гребенчатая; 2)гребенчатая; 3)волосовская; 4)фатьяновидная; 5)сетчатая. А также типологически выделила кремневые изделия мезолитического облика. Исследователем в совокупности вскрыта значительная площадь памятника, составляющая около 1000 кв. м. В 1981 г. территория поселения обследована Ю.Н. Урбаном, во время разведок ВОАЭ ИА АН СССР им же составлен паспорт на данный памятник. В 2004−2008 гг. раскапывалось под руководством Новикова А.В. Коллекции в ГИМ, ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник», Чухломском краеведческом музее.
Описание памятника	Поселение Федоровское расположено на низком мысовидном выступлении первой надпойменной террасы левого берега р. Векса (современная ширина реки в данном месте колеблется от 50 до 90 м), вытекающей из Чухломского озера – левый приток р. Костромы, левый приток р. Волги, в 400 м восточнее д. Федоровское Чухломского района Костромской области. Сохранившиеся размеры поселения составляют около 120×80м. Мыс возвышается над урезом воды р. Векса от 0,5 до 2,2 м. Подножие мысовидной площадки заболочено, повышение уровня поверхности происходит плавно к центральной части мыса. Координаты памятника № 58°49.194', Е 042° 33.258' (юго-западная часть памятника); №58° 49. 172' , Е 042° 33. 332' (юго-восточная часть памятника); № 58°49.253', Е 042°33.296' (северо-восточная часть памятника); № 58°49.211', Е 042°33.335' (угол раскопа 6, северо-западная часть памятника). Максимальная высота мысовидного выступления по Балтийской системе высот соответствует отм. 252.7. (юго-западная часть поселения). Раскопками вскрыта площадь более 1500 кв. м. Культурный слой в виде однородной гумусированной супеси серовато-черного цвета, мощность его колеблется от 0,2−0,3 м. в напольной части памятника до 0,8-1,0 м. в прибрежной, где он шлейфом уходит под пойменный торфяник. Культурные напластования поселения содержат материалы различных эпох, выделяющихся типологически, реже планиграфически и лишь отчасти стратиграфически. Наиболее ранний комплекс находок представлен каменными орудиями мезолитического облика. Значительную часть керамического материала составляет ямочно-гребенчатая керамика. Значительную часть керамического материала также составляют фрагменты посуды неолитической галичской культуры. Отчетливо

	выделяются и комплексы керамика волосовской культуры. К эпохе бронзы относится керамика фатьяновской культуры и фатьяноидная. К верхним горизонтам культурного слоя приурочены находки фрагментов сосудов, с примесями дресвы и песка в тесте, с сетчатыми отпечатками на поверхности, реже − штриховкой, конца эпохи бронзы и начала РЖВ. Такая керамика сосредоточена повсеместно на территории памятника. На территории поселения исследованы остатки нескольких построек эпохи неолита, позднего неолита. В культурном слое выявлены остатки значительного количества очагов, столбовых ям.
Основная библиография, архивные источники	1. *Казаринов Л.Н.* Отчет о деятельности Костромского научного общества за 1923 г. // Тр. КНО. Кострома: 1924. С. 4, 17, 18, 26. 2. *Казаринов Л.Н.* Отчет Костромского научного общества за 1924 г. // Тр. КНО. Кострома: 1925. С. 31. 3. *Казаринов Л.Н.* Прошлое Чухломского края // Тр.Чухломского отд. КНО и Чухломского музея. Вып. 4. Солигалич: 1929. С. 3–5. 4. *Смирнов В.И.* Отчет Костромского научного общества за 1926 г. // Тр. КНО. Кострома: 1927. С. 16, 31. 5. *Смирнов В.И.* Отчет Костромского научного общества за 1927 г. // Тр. КНО. Кострома: 1928. С. 20, 42. 6. *Брюсов А.Я.* О раскопках в Чухломском уезде Костромской губернии летом 1925 г. // Материалы к доистории ЦПО. М.: 1927. С.55–58. 7. *Брюсов А.Я.* Федоровская стоянка // ТСАРАНИОН. Т.2. 1928. С. 26–32. 8. *Фосс М.Е.* Керамика Федоровской стоянки // ТСАРАНИОН. Т.4. 1929. С. 505–518. 9. *Яблокова Н.Н.* Памятники неолита и эпохи бронзы в костромском Поволжье // МИА. №110. 1963. С. 25. 10. *Гаврилова И.В.* Типы наконечников стрел эпохи неолита и бронзы Костромского Поволжья // МИА. №131. 1965. С. 204–213. 11. *Гаврилова И.В.* Керамика Федоровской стоянки в связи с новыми исследованиями // КСИА. Вып. 117. 1969. С. 76–83. 12. *Гаврилова И.В.* О работе Костромского неолитического отряда // АО 1970 г. М.: 1971. С. 50, 51. 13. *Гаврилова И.В.* Зооморфные изображения на керамике Федоровского поселения // КСИА. Вып. 131. 1972. С. 115–118. 14. *Гаврилова И.В.* Работы Костромского неолитического отряда // АО 1971 г. М.: 1972. С. 69, 70. 15. *Гаврилова И.В.* Новые мезолитические находки Федоровского поселения // КСИА. Вып. 137. 1973. С. 74–79. 16. *Гаврилова И.В.* Неолитические племена Костромского Поволжья // МИА. №173. 1973. С. 130–137. 17. *Гаврилова И.В.* Работа Костромского неолитического отряда // АО 1972 г. М.: 1973. С. 51, 52. 18. *Гаврилова И.В.* Новые зооморфные изображения на керамике Федоровского поселения // КСИА. Вып. 142. 1975. С. 104, 105. 19. *Гаврилова И.В.* Галичская культура Костромского Поволжья // Краеведческие записки. Ярославль: 1977. С. 5–27. 20. *Гаврилова И.В.* О работе Костромского отряда // АО 1980 г. М.: 1981. С. 56, 57. 21. *Гаврилова И.В.* Некоторые итоги раскопок Федоровского поселения // КСИА. Вып. 173. 1983. С. 89–93. 22. *Смирнов В.И., Казаринов Л.Н.* Отчет о разведке у с. Федоровское Чухломского у. в 1923 г. // Архив ИИМК. Ф.46. 1923. №40. 23. *Смирнов В.И.* Отчет о раскопках на р. Вёксе Чухломского у. у д. Федоровское. 1926 г. // Архив ИИМК. Ф.46. 1926. №43. 24. *Брюсов А.Я.* Отчет о раскопках стоянки около с. Федоровское в Чухломском у. Костромской губернии летом 1925 г. // Архив ИИМК. Ф.2. Оп.1. 1925. №196.

	25. *Гаврилова И.В.* Отчет о полевой работе в Костромской области в 1962 г. // Архив ИА РАН. №2558. Л. 1–4. 26. *Гаврилова И.В.* Отчет о работе Костромской неолитической экспедиции в 1963 г. // Архив ИА РАН. №2779. Л. 1–16. 27. *Гаврилова И.В.* Отчет о работе Костромской неолитической экспедиции в 1964 г. // Архив ИА РАН. №3154. Л. 1–16. 28. *Гаврилова И.В.* Отчет о работе Костромской неолитической экспедиции в 1969 г. // Архив ИА РАН. №4033. Л. 1–11. 29. *Гаврилова И.В.* Отчет о работе Костромской неолитической экспедиции в 1970 г. // Архив ИА РАН. №4182. Л. 11–13. 30. *Гаврилова И.В.* Отчет о работе Костромской неолитической экспедиции в 1971 г. // Архив ИА РАН. №4484. Л. 1–9. 31. *Гаврилова И.В.* Отчет о полевой работе Костромского неолитического отряда в 1972 г. // Архив ИА РАН. №4874. Л. 1–13. 32. *Гаврилова И.В.* Отчет о полевой работе Костромского неолитического отряда в 1973 г. //Архив ИА РАН. №5215. Л. 1–11. 33. *Урбан Ю.Н.* Отчет об археологической разведке в Костромской области в 1981 г. // Архив ИА РАН. №9806. Л. 12. 34. Паспорт на памятник // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. 35. Археологическая карта России. Костромская область / Составитель К.И. Комаров; отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: РАН: Восточная литература, 1999. С. 281–284. 36. *Аверин В.А., Новиков А.В., Аверина А.В.* Мезолитические кремнёвые изделия с Фёдоровского поселения в Костромской области (по материалам раскопок 2007 г.) // Тверской археологический сборник. Вып. 8. Т. I. Тверь: Триада, 2011. С. 115–124, илл. 37. *Новиков А.В.* Археологические исследования Федоровского поселения в Чухломском районе Костромской области в 2005–2006 гг. // Тверской археологический сборник. Вып. 8. Т. I. Тверь: Триада, 2011. С. 102–114. 38. *Новиков А.В.* Археологические исследования Федоровского поселения в Чухломском районе Костромской области в 2004–2005 гг. // Археология: история и перспективы, III межрегиональная конференция. Сборник статей. Ярославль, 2007. 39. *Брюсов А.Я.* Отчет о раскопках в Чухломском уезде в 1925 году // Научный архив ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник» 40. *Казаринов Л.Н., Смирнов В.И.* Отчет заведующих: Костромским губмузеем .В.И. Смирнова и Чухломским музеем местного края Л.Н. Казаринова по археологическому исследованию 27 сентября 1923 г. берега Чухломского озера у истока р. Вексы при котором открыта стоянка первобытного человека // Научный архив ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник» 41. *Казаринов Л.Н.* Отчет об археологических раскопках вновь открытой стоянки первобытного человека, на побережье Чухломского озера около истока р. Вексы. в 1923 г. // Научный архив ОГБУК«Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник» 42. *Казаринов Л.Н.* Отчет о раскопках стоянки около деревни Федоровского на р. Вексе в Чухломского уезде Костромской губернии летом 1926 г. // Научный архив ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник» 43. *Новиков А.В.* Отчеты о проведенных археологических раскопках поселения Федоровское в 2004, 2005, 2006, 2007,2008 гг. //
Наименование документа о принятии на государственную охрану	Указ Президента РФ от 20.02.1995 г. № 176 «Об утверждении Перечня объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения».

31. Поселение Федоровское 7

Датировка памятника	Эпоха поздней бронзы, РЖВ.
Местонахождение памятника	Костромская обл., Чухломской район, в 1 км от с. Федоровское, в 500 м к СЗ от молочно-товарной фермы с. Федоровское.
Исторические сведения	Памятник открыт экспедицией Марийского государственного университета в 1994 г.
Описание памятника	Поселение расположено у подножия мысовидного выступа первой надпойменной террасы левого берега р. Вёксы. Высота поселения над уровнем воды в р. Вексе около 1,5 м. Ориентировочные размеры поселения 50×50 м. Оно занимает равномерно понижающуюся в направлении с юга на север площадку. На протяжении 10 м. перепад высот составляет около 50 см. Западная часть поселения разрушена при строительстве мелиоративного канала. Первоначально была заложена траншея 10×2 м, впоследствии к ней был прирезан раскоп 6х6 м в восточном направлении и два квадрата в западном направлении. Кроме того, в 30 м к ЮЮЗ от ЮЗ угла раскопа был заложен шурф 2×2 м. В общей сложности на поселении было вскрыто 68 кв. м. Стратиграфия шурфа: верхний слой был представлен дерном толщиной 12–15 см, под ним залегал слой темно-серого суглинка мощностью 12–14 см. Находки в культурном слое отсутствовали. Маломощность культурного слоя и отсутствие находок позволило предположить, что шурф был заложен за границей расположения поселения. Стратиграфия раскопа: верхний слой на раскопе повсеместно представлен дерном, толщина которого составляет 12–16 см (пласт №1), под слоем дерна залегает слой темно-серого суглинка (пласт №2). Средняя толщина этого слоя колеблется в пределах 40–50 см, возрастая в отдельных местах до 60 см, уменьшаясь в северной части раскопа до 28 см. В восточной и юго-западной частях раскопа на границе слоя темно-серого суглинка и нижележащего слоя располагается слой темно-серого суглинка, насыщенный углистыми отложениями. Толщина этого слоя в восточной части достигает 34 см, в юго-западной части не превышает 20 см данный слой не образует особого пласта, а является продолжением пласта №2, осложненного углистыми включениями. В южной части раскопа пласт №2 залегает на слое светло-коричневой материковой глины. На остальной площади раскопа пласт №2 подстилает не содержащая находок прослойка коричневого суглинка (пласт №3). Мощность этой прослойки подвержена значительным колебаниям. В западной части раскопа толщина пласта №3 составляет 20–30 см, лишь в северной части кв.15 достигает 40 см. В восточной части раскопа толщина этого пласта колеблется от 30 до 50 см. Причем в кв. 2 пласт №3 вклинивается в слой темно-серого углистого слоя, разделяя его на два языка. Ниже пласта №3 располагается слой серого суглинка (пласт №4), мощность которого также сильно колеблется. Наибольшей толщины в 38 см. пласт №4 достигает в северной части раскопа. На остальной площади раскопа его мощность колеблется от 10 до 26 см., полностью выклиниваясь в южной части раскопа. В кв. 1 нижняя часть этого слоя осложнена углистыми включениями. При вскрытии культурного слоя находки залегали в пластах №2 и №4, а также в слое темно-серого углистого суглинка. В заполнении пластов найдено 6 развалов сосудов, 999 фрагментов лепной керамики, 2 фрагмента гончарной керамики. По технологии изготовления керамика выглядит достаточно однородно. В качестве примеси к глиняному тесту

	использовалась мелкая дресва. Средняя толщина стенок 0,5–0,6 см, хотя встречаются и более толстостенные фрагменты. Внешняя поверхность фрагментов имеет коричневый цвет. Внутренняя поверхность также коричневого, либо темно-серого цвета. Обжиг керамики костровой. Внутри многих фрагментов имеются следы нагара. Преобладают горшковидные сосуды с отогнутым наружу венчиком, сосуды баночной формы имеют венчик, отогнутый вовнутрь, венчики ряда сосудов почти прямые. Верхний срез венчиков орнаментирован насечками, оттисками зубчатого штампа. Срез венчика прямой, плоский, округлый. На венчиках имеются один, два (в шахматном порядке) или три ряда ямочных вдавлений, либо вообще ямки представлены в единственном числе или отсутствуют. Выделяются следующие варианты орнамента сосудов: 1) ямочные вдавления; 2) «жемчужины»; 3) сочетание ямок с оттисками зубчатого штампа; 4) ямки нанесены поверх сетчатых (рябчатых) отпечатков; 5) сочетание ямок с текстильными отпечатками и расчесами; 6) оттиски зубчатого штампа, которые в ряде случаев занимают бордюрную зону и как бы продолжают орнаментацию, нанесенную по срезу венчика, или образуют особую орнаментальную зону из горизонтальных и поставленных под углом друг к другу оттисков; 7) горизонтальные ряды мелких наколов; 8) орнамент в виде округлых наколов, образующих неровно расположенные вертикальные ряды; 9) диагональные ряды тычковых вдавлений на сосуде, украшенном текстильными отпечатками в виде перекрученных нитей. 10) на ряде боковин зубчатые оттиски нанесены поверх текстильных отпечатков. Ряд сосудов не орнаментирован. Прослежена устойчивая взаимосвязь между заглаженностью фрагментов изнутри и орнаментацией сетчатыми отпечатками снаружи, хотя для пласта №4 она выражена несколько слабее. Кремневые орудия представлены: обломком двухсторонне обработанного наконечника, тремя скребками на отщепах (два с полукруглым рабочим лезвием и один со смежными рабочими краями), ножевидной пластиной с краем обработанным притупляющей ретушью. Кроме того, было обнаружено 42 отщепа кремня и 3 шлифованных камня из кварцита.
Основная библиография, архивные источники	*Ставицкий В.В.* Отчет об исследованиях в Чухломском районе Костромской области в 1994 г. // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. С. 2−9.
	На государственной охране не состоит

32. Городище Поповское (Ухтубужское)

Датировка памятника	РЖВ, Вторая половина I тыс. н.э.
Адрес (местонахождение) памятника	Костромская обл., Мантуровский район, 0,7 км к ЗЮЗ от д. Попово, близ бывшего погоста Ухтубуж.
Исторические сведения	Обследовалось в 1885 г. Ф.Д. Нефедовым, в 1903 г. – Н.М. Бекаревичем, в 1926 г. – О.Н. Бадером; исследовалось в 1979 г. Г.А. Архиповым, в 1980−1984 гг. – А.Е. Леонтьевым.
Описание памятника	Памятник занимает мыс левого берега (первая надпойменная терраса) р. Унжа (левый приток р. Волга) между двумя оврагами, по дну которого протекают безымянные ручьи, 0,5 км от русла. Площадка подпрямоугольная в плане, вытянута с СВ на ЮЗ, размеры около 56×20 – 32 м, высота над уровнем заболоченной поймы 5 – 6 м. С мысовой юго-западной стороны площадка ограничена склоном к пойме р. Унжа, с северной и южной сторон – склонами оврагов. С напольной, северо-западной стороны сохранились слабые следы вала и заплывший ров перед ним, соединяющий овраги, между которыми располагается городище. Территория памятника длительное время распахивалась. Раскопками вскрыта площадь 1300 кв. м, исследованы остатки жилых и хозяйственных построек, столбовые и хозяйственные ямы, погребение. Культурный слой в виде однородной гумусированной супеси серого цвета, местами – с включениями угля, золы, песка, глины, имеет мощность от 0,1 до 1,6 м. Керамика лепная, разделяется на две группы. К первой группе относятся плоскодонные горшковидные и мисковидные сосуды с примесями дресвы, песка и шамота в глиняном тесте, в большинстве случаев неорнаментированные. Вторую группу составляют округлодонные сосуды в виде низких горшков с раковинной примесью в глиняном тесте, в большинстве случаев орнаментированные по шейке и плечикам несколькими рядами оттисков веревочки, отпечатками различных штампов, кружковыми отпечатками и т.п., а по краю венчика – нарезками и отпечатками веревочки. В результате работ установлено, что вал городища был сооружен в период основания поселения, представлял собой сопкообразную насыпь высотой не менее 2 м, в поздний период подвергался реконструкции. Ров первоначально имел глубину не менее 2 м, ширину до 5 м. Изучены остатки 13 разновременных срубных построек подпрямоугольной в плане формы. В жилых постройках выявлены развалы очагов или печей-каменок. Очаги из камней зафиксированы и вне пределов построек. У северного края площадки обнаружено погребение, совершенное по обряду трупосожжения. Основной материал А.Е. Леонтьевым датирован VI–VII вв. н.э. и IX в. н.э. Но в коллекции встречается сетчатая керамика в мелких фрагментах, с мелкоячеистой структурой, один фрагмент крупноячеистой рябчатой фактуры (№3910, Н/В 17081 КМЗ). Коллекции в МарНИИ и ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник».
Основная библиография, архивные источники	*1. Архипов Г.А.* Работы Марийской экспедиции на р. Унжа // АО – 1979 г. / Отв.ред. Рыбаков Б.А. М.: Наука, 1980. С. 44−45. *2. Архипов Г.А.* Отчет Марийской археологической экспедиции за 1979 г. // Архив ИА РАН. № 7688. *3. Бадер О.Н.* Древнее Поветлужье в связи с вопросами этногенеза мари и ранней истории Поволжья // СЭ. 1951. №2. С.147−148.

	4. Бекаревич Н.М. О раскопках, проведенных в 1903 г. в Костромской губернии // ИАК. 1904. Вып. 10. СПб. С. 55. *5. Воеводский М.В.* Краткая характеристика керамики городищ Ветлуги и Унжи // МИА. №22. Т. 3. М. : Академия наук СССР, 1951. С. 170. 6. Дело Археологической комиссии о раскопках Костромской губернской ученой архивной комиссии. // Архив ИИМК. Ф. 1. Оп. 1. 1903. № 35. *7. Леонтьев А.Е.* Поповское городище (результаты раскопок 1980–1984 гг.) // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья. / Отв.ред. Седов В.В. М.: Институт археологии АН СССР, 1989.С. 5−98. *8. Леонтьев А.Е.* Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. / Археология эпохи великого переселения народов и раннего средневековья. Вып. 4. М.: Гоэко,1996. С. 250−259. *9. Леонтьев А.Е.* Отчет о работе Волго-Окской новостроечной экспедиции в г. Ростове Ярославской области и в Костромской области в 1983 г. // Архив ИА РАН. № 9653. *10. Леонтьев А.Е.* Отчет о работе Волго-Окской новостроечной экспедиции ИА АН СССР в Ярославской, Костромской и Калининской областях в 1982 г. // Архив ИА РАН. № 9657. *11. Леонтьев А.Е.* Отчет о работе Волго-Окской новостроечной экспедиции ИА АН СССР в Костромской и Ярославской областях в 1981 г. // Архив ИА РАН. № 9871.16. Архив ИА РАН. № 10352. *12. Леонтьев А.Е.* Отчет о работе Волго-Окской экспедиции ИА АН СССР в 1980 г. // Архив ИА РАН. № 8306. *13. Леонтьев А.Е., Розанов Л.С., Рябинин Е.А.* Железные изделия городища и могильника у д. Попово // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья. / Отв.ред. Седов В.В. М.: Институт археологии АН СССР, 1989.С. 171−184. *14. Леонтьев А.Е., Рябинин Е.А.* Могильник и городище у д. Попово на р. Унжа // АО 1980 г./ Отв.ред. Рыбаков Б.А. М.: Наука, 1981. С. 62. *15. Самойлович Н.Г.* Керамика Поповского городища // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья. / Отв.ред. Седов В.В. М.: Институт археологии АН СССР, 1989.С. 106−126.
	На государственной охране не состоит.

33. Городище Городище

Датировка памятника	РЖВ.
Адрес (местонахождение) памятника	Ивановская обл., Заволжский район, 0,6 км к ЮЮВ от д. Городище.
Исторические сведения	Обследовалось в 1983 г. К.И. Комаровым.
Описание памятника	Памятник занимает мыс левого коренного берега р. Волга при впадении в нее р. Локша. Площадка подтреугольной в плане формы размерами около 30×27 м, занимает южную оконечность мыса, ориентированного по линии С–Ю, высотой 30 м. над уровнем воды в реке. С напольной северной стороны ограничена рвом глубиной от 1 у краев глубина увеличивается до 2–3 м. при ширине 4–5 м. Культурный слой мощностью 0,15–0,23 м. состоит из темно-серой супеси. Слой беден находками. Найдены фрагменты лепной керамики без орнамента, которые предположительно Комаровым К.И. отнесены к позднему этапу раннего железного века (I– III вв. н.э.)
Основная библиография, архивные источники	1. Археологическая карта России. Ивановская область / Сост. Комаров К.И.; Отв. ред. Краснов Ю.А. М.:РАН,1993.С. 96. 2. *Комаров К.И.* Отчет о работах Костромской экспедиции в Костромской области в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-I. №9867. 13 с. 3. Паспорт памятника археологии. Составитель Комаров К.И. Составлено 10.08.1983 г. // Архив департамента культуры Ивановской области.
	На государственной охране не состоит. Числится как вновь выявленный объект археологического наследия

Примечание – В данную таблицу включены все памятники раннего железного века известные на территории Костромского Поволжья, включая многослойные поселения и селища с более ранними или поздними хронологически вещевыми комплексами, но с выделяемыми материалами эпохи раннего железа.

Отдельным списком выделены памятники с достоверно известными на настоящий момент комплексами гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики (Табл. 2). Следует отметить, что уже сейчас на основании новых данных, поступающих с археологических разведок и раскопок, возможно изменение количества памятников.

Представленное в данной таблице поселение Красноборы 4 – памятник Поветлужья.

ТАБЛ. А.2. СПИСОК ПАМЯТНИКОВ С КОМПЛЕКСАМИ ГРЕБЕНЧАТО-ШНУРОВОЙ И ШНУРОВОЙ КЕРАМИКИ РЖВ КОСТРОМСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

1. **Городище в г. Костроме**

Датировка памятника	РЖВ, I тыс. до н.э. – начало I тыс. н.э.
Местонахождение памятника	г. Кострома, правобережная часть города, мкр. Заволжский, к С от ул. Дачная, около 100 м. к ВЮВ от Ильинской (Рождественской) церкви, краевая часть правого коренного берега р. Волга.
Исторические сведения	Известно Городище с 1890 г., впервые упоминается И.В. Миловидовым, который отмечает: «...Противъ г. Костромы, на противоположномъ правомъ берегу Волги, на возвышенномъ холмѣ, расположено селеніе Городище. Ввиду интереса, какой может иметь эта местность для начальной истории г. Костромы, мы отправились туда, чтобы осмотреть ближе местность и узнать предания, связанные с нею, узнать, не найдено ли здесь каких-нибудь вещественных памятников старины. При беглом осмотре места можно заметить, что возвышение, на котором находится церковь и сельцо, господствует над окрестностью и дает повод предполагать, что оно не сполна, по крайней мере, естественное, но увеличено еще и насыпною землею». На данную информацию ссылается Н.М. Бекаревич, который в начале XX в. произвел на территории Городища небольшие раскопки: «... Непосредственно за дерномъ, одъвающимъ этотъ холм, нами былъ обнаруженъ культурный слой, въ которомъ попадается масса черепковъ глиняной посуды, угли, кремневые осколки и небольшіе обомки костей животных... Черепки глиняной посуды изъ плохо вымѣшанной глины, принадлежатъ, по видимому, не большимъ сосудамъ. На поверхности ихъ замѣчаются примитивные орнаменты и рубчики отъ плетенокъ, служивших для ихъ изготовленія. А описание памятника представил следующим образом: «...Возвышенность, занимаемая сельцомъ Городищемъ, въ своей середине образуетъ какъ бы выступъ, спускающійся довольно круто къ р. Волгъ. Вершина этого выступа имѣетъ почти правильную форму круга, діаметръ котораго равенъ 30 метрамъ и окружность 102 метр». Упоминание о Городище на правом берегу реки Волги, напротив Костромы, и его материалах, в части выделения ананьинских комплексов, находим у Горюновой Е.И. В 1983 г. проведено обследование К.И. Комаровым. Снят план памятника, обозначены границы, собрана керамика из зачистки культурного слоя, произведена фотофиксация памятника. Исследователем отмечено, что городище застроено частными домовладениями и хозяйственными строениями (сараями), а также частично занято приусадебным садом и огородом. Культурный слой памятника сложен из черной супеси толщиной 80 см от уровня современной поверхности, его подстилает материк из светлой супеси. В культурном слое содержится многочисленная керамика, по всей поверхности покрытая текстильным орнаментом. Некоторые образцы украшены жемчужным, ямчатым тычковым орнаментом, последний расположен несколькими горизонтальными рядами. Керамика принадлежит к плоскодонным, сравнительно толстостенным сосудам, формы слабопрофилированные, есть образцы сосудов с хорошо выраженным ребром на тулове. В глине содержится примесь шамота, дресвы и раковины. В слое найдены и различные изделия из кремня: отщепы, осколки, скребок, сверло (?). Комаровым К.И. составлена учетно-паспортная документация на объект археологического наследия − Городище VIII−I в. до н.э.

	В 2011 г. раскапывалось Новиковым А.В., раскоп площадью 404 кв. м; в 2013 г. Новиковым А.В. определены границы территории и предмет охраны. Незначительная толщина (10−40 см.) культурного слоя, фиксирующаяся на месте проведенных исследований, говорит скорее не о коротком промежутке его существования, а о постоянной расчистке культурных отложений в его центре *(при неоднократных, разновременных посещениях)*; так, по краям фиксируется достаточно мощный счищенный с площадки культурный слой порядка 80 см., обследованный Комаровым К.И. в 1983 г. В раскопах исследовано два сооружения эпохи РЖВ: одно наземное подквадратное отапливаемое (600×640 см), выявленное в раскопе 2, второе − полуземляночного типа с заглубленным основанием на 60−80 см, подпрямоугольных очертаний в плане (400×230 см), ритуальное захоронение, выполненное по обряду ингумации, и участок неглубокого рва. Мощность рва с уровня верхней фиксации составляла от 115 до 160 см. Встреченная в раскопах 2011 г. лепная посуда РЖВ представлена «сетчатой» (742 экз.) 67,7%, реже – гладкой, с заглаженной поверхностью (343 шт.) 31,3% и единично – штрихованной обработки поверхности сосудами (в 2 случаях) 0,2%. Отмечено незначительное количество фрагментов с «текстильными» отпечатками (8 шт.) 0,8 % финала позднего бронзового века или переходного периода. Выделяются и комплексы шнуровой посуды РЖВ (в статистике включены в группу с сетчатой и заглаженной поверхностью). В целом, посуда горшковидная слабопрофилированная, встречается плавнопрофилированной и чашевидной форм. Следует отметить, что орнамент на фрагментах с сетчатой структурой более беден, чем на гладкостенной посуде. Мотивы из оттисков перевитого шнура или веревочки представлены только горизонтальными линиями. Отличительными признаками теста посуды является значительное содержание в нем песка, часто мелкозернистого, но иногда просматриваются крупные его фракции, а также значительное содержание шамота. Реже встречены фрагменты от посуды с пористой структурой (органика) и содержанием дресвы в тесте. Таким образом, по основным параметрам городище синхронизируется с кругом памятников раннедьяковского времени. Отмечаемое сочетание элементов ананьинской и дьяковской культур на памятниках Костромской низины, включая городища Минское и на правом берегу р. Волги напротив Костромы, на которое указывает Е.И. Горюнова, находит отражение и в вещевых комплексах, найденных при раскопках в 2011 г. Коллекции находок находятся на постоянном хранении в ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник».
Описание памятника	Городище расположено на правом берегу р. Волги на мысу ее коренной террасы в черте современного г. Костромы. Площадка памятника имеет в плане подпрямоугольную форму с неровной стороной по краю коренной террасы (линия повторяет ее очертания) размерами 75 × 60–65 м. Площадь памятника составляет 4418.29 кв. м. Площадка расположена на высоте около 40 м. от современного уровня воды в р. Волге, с северо-западной и юго-восточной сторон ограничена (защищена) естественными высокими, короткими и широкими оврагами, с северо-восточной − естественным крутым высоким склоном коренной террасы к р. Волге. Ориентировано городище по линии СВ−ЮЗ. Определенная ширина городища характеризуется ландшафтно-топографической характеристикой и четко соответствует геоморфологическим особенностям, а именно краям овражков. С напольной, южной, юго-западной сторон городище, видимо, защищал ров, который в настоящее время снивелирован проезжей частью ул. Дачной. Комаров К.И. указывает на присутствие фортификаций на месте современного проезда по ул. Дачной. В паспортной документации отмечается ров как «… в настоящее время занятый мостовой ул. Дачной…». По крайней мере, в настоящее время вал снивелирован, а ров засыпан и визуально не фиксируется. Строительство фортификаций на городище могло быть осуществлено непосредственно уже в период функционирования поселка, а именно в V в. до н.э.

	Техническое состояние: Территория памятника по склону коренной террасы поросла травой и отдельно стоящими лиственными деревьями (преимущественно березами). На период 1983 г. К.И. Комаровым отмечена плотная застройка. Центральная часть городища в советское время была застроена. В конце XX − начале XXI в. на площадке находились дома №21 и 23 по ул. Дачной, две бетонные конструкции (в северо-западной части), выгребные ямы под туалеты, остатки фундаментов из силикатных кирпичей от хозяйственных сооружений, хозяйственные строения. В центральной части были проложены линии коммуникаций под газ, вкопаны столбы ЛЭП. Кроме того, в разных частях имелись мусорные ямы, хозяйственные траншеи. В восточной, юго-восточной частях, в границах Городища частично находится и земельный участок с домом по ул. Дачной №25, где находятся сараи, теплицы и другие строения. Основные географические координаты городища: южный угол №57°45.246', E 040°55.002'; юго-западный угол №57°45.265', E 040°54.962'; северо-западный угол №57°45.286', E 040°54.989'; северо-восточная часть №57°45.277', E 040°55.063'.
Основная библиография, архивные источники	1. *Бекаревич Н.М*. О некоторых городищах в Костромской губернии // Труды Ярославского областного съезда исследователей древностей Ростово-Суздальской области. М. 1902. С. 125, 126. 2. *Комаров К.И*. Отчет о работе Костромской экспедиции в 1983 г. // Архив ИА РАН. №9867. Л. 11, 12. 3. *Миловидов И.В*. Древности костромского края, известные Архивной комиссии // КС. Вып. 1. 1890. С. 116, 129. 4. Научный отчет о выполненных археологических исследованиях по определению границ территории и предметов охраны объектов культурного наследия федерального значения «ГОРОДИЩЕ», кон. I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. и «ОСТАТКИ КРЕПОСТНОГО ВАЛА», XVI в. в г. Костроме Костромской области в 2013 г. 5. *Новиков А.В*. Отчет о выполненных археологических раскопках на участке строительства жилого дома в г. Костроме, по ул. Дачной, д. 23, в 2011 г. // Архив ИА РАН №30360–30364. 6. Паспорт памятника археологии / Составитель Комаров К.И. // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области.
Наименование документа о принятии на государственную охрану	Указ Президента РФ от 20.02.1995 г. № 176 «Об утверждении Перечня объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения».

2. **Городище Унорож**

Датировка памятника	РЖВ, VIII в. до н.э. – VII в. н.э., IX–XIII вв. н.э.
Местонахождение памятника	Костромская область, Галичский район, с. Унорож, на Ю окраине села
Исторические сведения	Известно с 1888 г. по краткому сообщению в газете. В 1908 г. В.Н. Глазов раскапывал на городище курган «Журавец». В 1927 г. Обследовано В.И. Смирновым. В 1956, 1958 гг. городище осмотрено Матасовым М.И. В 1983 г. обследовано К.И. Комаровым, снят план, произведена фотофиксация памятника. Составлена учетно-паспортная документация. Паспорт памятника: с. Унорож. Городище, VIII в. до н.э. − VII в. н.э., где так же указывается, что в XVIII–XIX вв. на территории городища существовал монастырь, обнесенный каменной стеной по периметру останца. В 1988–1989 гг. археологические раскопки проведены под руководством Рябинина Е.А. По ведущим элементам культуры поселение X–XI вв. связано с финно-угорским миром. Отмечаются и слабо выраженные следы заселения Унорожа в XII–XIII вв. В 2013–2014 гг. раскопки проведены Новиковым А.В., совокупная площадь раскопов составила 76,96 кв. м. Выявлены материалы РЖВ, в том числе комплексы гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики, Основной материал соотносится с мерянским заселением площадки (X–XI вв.). Коллекция хранится в ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник».
Описание памятника	Городище расположено на южной окраине с. Унорож в Галичском районе Костромской области, на останце первой надпойменной террасы правого берега вытекающей из Галичского озера р. Вексы (левый приток р. Костромы, левый приток р. Волги). В плане городище имеет неправильную, приближающуюся к пятиугольной, форму. С севера и востока оно обтекается р. Тойгой (правый приток р. Векса), отсекающей с этой стороны останец от коренной террасы. Берега р. Тойги обрывистые. С западной части подошва памятника заболачивается. С южной стороны открывается широкая заливная пойма р. Вексы. Высота склонов над уровнем поймы составляет порядка 9 м., над урезом воды в р. Тойга около 10–11 м. Размеры площадки по линии север – юг составляют порядка 160–180 м., по линии запад-восток 70–145 м. Сужается останец в южной части. Отметки верхней части площадки по Балтийской системе высот колеблются в пределах 108.00–110.00. Площадь памятника 14167,61 кв.м. Первый период жизни на территории памятника можно связывать с эпохой мезолита (судя по небольшому количеству находок, характер посещений площадки был кратковременным); второй – ранним железным веком (VIII до н.э. – первые века н.э.), характер заселения пока остается не выяснен. К данному времени относится немногочисленный керамический комплекс. Керамика находилась в переотложенном состоянии. Поверхность шероховатая из-за выступающих песчинок. Примесь в тесте − песок. Черепки, как правило, коричневого цвета. Поверхность, помимо заглаженных участков имеет и сетчатую структуру мелкоячеистой, реже крупноячеистой фактуры, как с бессистемно расположенными отпечатками, так и складывающимися регулярно. Отпечатки как четко вдавленные, так и слабо, едва заметные, подзатертые. Выделены и фрагменты от шнуровой и гребенчато-шнуровой ананьинской керамики синхронной каменоложской стадии. (5 пласт)). Один из них (№1041) – с резцовым краем. К этому же времени, вероятно, относится железный массивный нож длиной 22,2 см. со слабоизогнутым клинком и коротким черенком, выходящим со стороны спинки (№134). Спинка клинка дугообразная. Лезвие имеет значительную сточенность внутрь клинка. Клинок в сечении

	клиновидный. Острие закруглено. Переход к черешку рукояти вверху покатый, снизу – в виде ступеньки. Черешок короткий в виде широкой закругленной пластины. По типологической схеме Халикова А.Х. соответствует типу III, 2 Г. (Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа VIII−VI вв. до н.э. М., Наука. 1977. С. 144, 148.) Каких либо объектов, связанных с данным хронологическим пластом, на месте проведения настоящих раскопочных работ, не обнаружено. Но не вызывает сомнения, что поселок в данную эпоху существовал на территории останца, вероятнее всего, в южной выступающей в пойму р. Вексы его части. Эта территория в настоящее время, к сожалению, полностью занята кладбищем. Третий культурно-хронологический пласт (основной) – связан с финским племенем меря. Время основания городища в IX в.? − начале X в. мерянскими первопоселенцами – XI в. включительно. Возможно, по предположению Рябинина Е.В., уже в первой половине XI в. городище могло стать опорным пунктом новгородской колонизации. Четвертый – древнерусский период XII−XIII вв. На заключительной стадии его функционирования возможно появление грунтовых захоронений. Пятый монастырский период – XVI−XIX вв. С XIX в. происходит разрастание деревенского кладбища по всей территории городища.
Основная библиография, архивные источники	1. *Глазов В.Н.* Отчет о раскопках в Галичском у. Костромской губернии в 1908 г. // Архив ИИМК. Ф.1, Оп. 1. 1908. №59. 2. Земляные укрепления в Унороже Галичского уезда // Костромские губернские ведомости. 1888. №8. 3. *Комаров К.И.* Отчет о работе Костромской экспедиции в 1983 г. // Архив ИА РАН. №9867.Л. 6 − 8. 4. *Леонтьев А.Е.* Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. / Археология эпохи великого переселения народов и раннего средневековья. Вып. 4. М.: Гоэко,1996. 340 с. 5. *Матасов М.И.* Отчет об археологических разведках в Буйском, Сусанинском и Ореховском районах Костромской области в 1956 г. // Архив ИА РАН Р.1. №1226. 6. *Матасов М.И.* Отчет об археологических разведках в Буйском р-не Костромской обл. в 1958 г. // Архив ИА РАН. № 1721. Л. 1. 7. *Миловидов И.В.* Древности Костромского края, известные Архивной комиссии // КС. Вып. 1. 1890. С. 129, 130. 8. *Новиков А.В.* Отчет об археологических раскопках объекта археологического наследия «Городище у с. Унорож, VIII в. до н.э.-VII в.н.э.» Галичский район, Костромская область в 2013 г. // Архив ИА РАН. 9. Паспорт памятника археологии / Составитель Урбан Ю.Н // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. 10. *Рябинин Е.А*. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л.: Наука, 1986 161 с. 11. *Рябинин Е.А.* Отчет о работе Заволжской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1988 г. // Архив ИА РАН. №12779. Л. 1–13 12. *Рябинин Е.А.* Отчет о работе Заволжской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1989 г. // Архив ИА РАН. №15730. Л. 1–13 13. *Смирнов В.И.* Отчет Костромского научного общества за 1927 год. // Труды КНО. Кострома. 1928. С.17. 14. *Херсонский И.К.* Сведения о некоторых памятниках старины, доставленных в Костромскую губернскую ученую архивную комиссию от церквей Костромской епархии // КС. Вып. 1. 1890. С. 31.
Наименование документа о принятии на государственную охрану	Постановление главы администрации Костромской области «Об объявлении находящихся на территории Костромской области объектов, имеющих историческую, культурную и научную ценность, памятниками истории и культуры» от 30.12.1993 г. №598, приложение 1.

3. **Поселение Умиленье (по Комарову К.И. – Пески, Толтуново 2, 3)**

Датировка памятника	Мезолит, неолит, эпоха бронзы, РЖВ.
Местонахождение памятника	Костромская область, Галичский район, в 1,2 км к ВЮВ от села Умиленье, около 2 км к ВЮВ от д. Быки, около 1,5 км к ЮЮЗ от д. Толтуново, близ пристани Умиленье.
Исторические сведения	Открыт в 1925 г. краеведом К.И. Предтеченским, обнаружившим на поверхности дюны несколько обломков керамики и две кремневые поделки. Но место сборов как памятник не определял. В 1927 г. В.И. Смирновым произведены первые раскопки, обнаружившие стоянку. Было обнаружено свыше 1500 обломков сетчатой и гребенчатой керамики, 54 изделия из камня (топорики, долота, наконечники стрел и копий), кости лошади и мелкой породы быка. В 1945−1947 гг. производились раскопки экспедиции ИИМК АН СССР и Государственного исторического музея под руководством М.Е. Фосс. М.Е. Фосс найдены фрагменты сетчатой и гребенчатой позднеолитической керамики, каменные изделия. Зафиксированы следы землянки и очагов, литейной мастерской со следами плавки железа. В ходе исследований открыты целые очажные ямы, найдены фрагменты сосудов, в которые насыпалась измельченная руда. М.Е. Фосс отмечено, что поверхность их покрыта «сетчатым» орнаментом дьяковского типа или оттисками шнура, нанесенными вертикально, как на Старшем Каширском городище и других городищах дьяковской культуры. На ее взгляд, полученные материалы раскопок позволяют осветить и Галичскую стоянку, где были найдены железные шлаки. При сопоставлении материалов с найденными в Умиленьи исследователь отмечает, что здесь также имеется два комплекса: ранний и поздний, поздняя дата сопоставима с VIII−II вв. до н. э. В 1962 г. памятник исследовала И.В. Гаврилова. В 1981 г. поселение обследовано Ю.Н. Урбаном. В общей сложности исследовано более 500 кв. м. Коллекция находится в ГИМ, ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник» и Галичском краеведческом музее.
Описание памятника	Поселение расположено на дюнообразном всхолмлении на северном берегу оз. Галичское, урочище Пески. С юга всхолмление ограничено берегом озера, с других сторон – частично заболоченной низиной, размеры его около 300×35−45 м, высота над озером 2−6 м. Всхолмление разделяется на две части (северную и южную) руслом пересыхающего ручья. Культурный слой в виде гумусированного песка темно-серого, местами черного цвета имеет мощность 0,25−0,60 м, в отдельных местах достигает 1 м, содержит разновременные материалы, четко не стратифицируемые. К раннему комплексу должны быть отнесены кремневые орудия мезолитического облика. Поздненеолитический комплекс представлен галичской культурой. В небольшом количестве встречены обломки тонкостенных лепных подлощенных сосудов с выраженной шейкой, украшенных по шейке орнаментом из оттисков мелкозубчатого штампа или нарезками, близкими керамике фатьяновской культуры. С комплексом находок, который может быть датирован поздним бронзовым и ранним железным веком, ассоциируются фрагменты от сосудов с примесями дресвы в тесте, с сетчатыми отпечатками на внешней поверхности, мелкоячеистой (ногтевидные, вытянутые) реже крупноячеистой (подтреугольные, каплевидные, овальные и др.) структуры, еще реже отмечаются нитчатые отпечатки (нить мелкая). Ряд фрагментов с горизонтальными рядами оттисков шнура (двойной и тройной). Коллекция предметов с раскопок В.И. Смирнова – КМЗ КОК 15413, КМЗ /ГКМ оф.258/…

	Некоторые из сосудов РЖВ найдены в очажных ямах, ошлакованы, содержат на стенках частицы кричного железа. Ранним железным веком датируется также бронзовая булавка с петлеобразной головкой и массивны каменные песты. Находки бронзового века преобладают в южной части всхолмления, раннего железного века – в северной. Выявлены остатки полуземляночных построек подпрямоугольной формы, размерами 3,2−6,7 × 2,0−4,0 м, углубленные в грунт до 0,6−0,8 м, с очагами внутри. По находкам керамики эти постройки отнесены к началу раннего железного века. Исследованы также остатки многочисленных очагов из камней, по крайней мере, часть из которых могла располагаться в наземных постройках. е
Основная библиография, архивные источники	1. Археологическая карта России. Костромская область / Сост. Комаров К.И.; Отв. ред. Краснов Ю.А.. М.: РАН: Восточная литература, 1999. С. 160. 2. *Белов Л.И.* Новое о древнейшем прошлом Костромской области // Северная правда. 16 февраля 1949 г. 3. *Гаврилова И.В*. Отчет о полевой работе в Костромской области в 1962 г. // Архив ИА РАН. №2558. Л. 6–9. 4. Паспорт памятника археологии, составлен 09.08.1949 г./ Составитель Белов Л.И. научный сотрудник Галичского музея // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. 5. *Смирнов В.И*. Отчет о раскопках 1927 года на стоянке «Пески» (не опубликован, рукопись хранится в ОГБУ «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник», копия ее – в Галичском музее). 6. *Смирнов В.И.* Раскопки в Галичском уезде и разведки в Костромской губернии в 1927 году. // Архив ИИМК: Ф.2. Оп.1. 1927. №157. 7. *Урбан Ю.Н*. Отчет об археологической разведке в Костромской области в 1981 г. // Архив ИА РАН. №9806. Л. 3. 8. *Фосс М.Е.* Новые памятники галичской культуры // КСИИМК. Вып.17. 1947. С. 59–63. 9. *Фосс М.Е.* Отчеты Галичской экспедиции 1946 г. // КСИИМК. Вып. 20. 1948. С. 58−66. 10. *Фосс М.Е.* Итоги Галичской экспедиции // КСИИМК. Вып.26. 1949. С. 34−39. 11. *Фосс М.Е.* Отчет Галичской экспедиции. 1947 г. // Архив ИА РАН. №210. Л. 4–11. 12. *Фосс М.Е.* Отчет об экспедиции в Галичский р-он Костромской области в 1945 г. // Архив ИА РАН. №12. Л. 2–5. 13. *Царев П.* Краткое описание Галичского музея местного края. Галич.1939. С. 9, 10. 14. *Яблокова Н.Н.* Памятники неолита и эпохи бронзы в Костромском Поволжье // МИА. №110. М-Л.: Академия наук СССР, 1963. С. 27.
Наименование документа о принятии на государственную охрану	Постановление главы администрации Костромской области «Об объявлении находящихся на территории Костромской области объектов, имеющих историческую, культурную и научную ценность, памятниками истории и культуры» от 30.12.1993 г. №598, приложение 1.

4. **Поселение Быки (Пуп)**

Датировка памятника	Эпоха поздней бронзы, РЖВ.
Местонахождение памятника	Костромская область, Галичский район, у западной окраины д. Быки, около 1 км от современного берега Галичского озера, урочище Пуп или Курган.
Исторические сведения	В 1908 г. исследовал В.Н. Глазов. В 1927 г. были проведены разведки В.И. Смирновым. Было найдено большое количество черепков сетчатой глиняной посуды, много костей, костяной наконечник гарпуна, кремневый скребок. В 1945−1947 гг. проводились раскопки и сбор материалов археологической экспедицией под руководством М.Е. Фосс. В 1961 г. исследовано Е.И. Горюновой, которая охарактеризовала селище Быки как раннедьяковский памятник северо-восточной костромской группы так называемой дьяковской культуры и датировала началом I тыс. до н.э. (IX−VII вв. до н.э.). Е.И. Горюнова отмечает, что к началу работ по склонам холма заметны многочисленные рытвины-следы раскопок В.Н. Глазова в 1908 г., В.И. Смирнова в 1927 г., М.Е. Фосс в 1945, 1947 гг. Раскопками 1961 г. вскрыта площадь 96 кв. м. В поверхностном слое были найдены мелкие фрагменты керамики с сетчатой поверхностью. Один обломок шейки имел валикообразный выступ, напоминающий неразвитый «воротничок» раннеананьинской посуды Прикамья; некоторые обломки шеек были украшены по сетке орнаментом в виде оттисков шнура в несколько рядов. В 1981 г. обследовано Ю.Н. Урбаном. Коллекции находятся в ГИМ, ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник» и Галичском краеведческом музее.
Описание памятника	Памятник расположен на моренном всхолмлении. Всхолмление имеет плоскую вершину размерами около 20×16 м, высота его от подножия около 7 м (останец коренной террасы). Культурный слой в виде черного гумусированного песка сохранился только на склонах всхолмления, на вершине он отсутствует. В раскопе Горюновой Е.И. было зафиксировано два жилища. Жилище №1 наземного типа с длинной стороной 640 см, с пониженным уровнем земляного пола. Керамика сетчатая, большая часть имеет орнамент из оттисков шнура, гребенчатого штампа и ямок. Часть обломков по шейке имела недоразвитый валик «воротничок». Предварительно датирует жилище предананьинским временем – VIII−VII вв. до н.э. Второе жилище − полуземляночное, размерами 5,2×4 м, глубиной котлована 80−85 см, с тамбуром, или коридорообразным выходом, длина 0,8 м, ширина 2 м было перекрыто первым (наземным). Очаг фиксировался в задней трети дома. Фосс М.Е. отмечает что, керамика селища сочетает сетчатую «типа Умиления» и другого вида из оттисков веревочки, среди которых можно отметить местные узоры и узоры ананьинского типа. Найдено много костей домашних животных, рыбьей чешуи, обломков костяных гарпунов. Комплекс керамики ананьинского облика на памятнике выделяется достаточно отчетливо. Среди других находок присутствуют кремневые наконечники стрел, скребки, ножи, отщепы, костяные наконечники гарпунов, в т.ч. однозубые, обломки керамического и костяного грузил, керамического тигля, капли бронзы, железные пластина и четырехгранный стержень, песчаниковые точильные камни.

[1] Паспорт от 12.08.1949 г.

Основная библиография, архивные источники	1. *Горюнова Е.И*. Отчет об археологических работах на территории Костромского края в 1961 г. // КМЗ Фонд археологии. ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник». 2. Паспорт памятника археологии. 12.08.1949 г. Составитель Белов Л.И. научный сотрудник Галичского музея. // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области.
	3. *Смирнов В.И.* Археологические разведки 1927 г. в Галичском уезде (не опубликован, рукопись хранится в ОГБУ «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник», копия ее – в Галичском музее). [1] 4. *Фосс М.Е.* Новые памятники галичской культуры // КСИИМК. Вып.17. 1947. С. 68, 69. 5. *Фосс М.Е.* Отчеты Галичской экспедиции 1946 г. // КСИИМК. Вып. 20. 1948. С. 54, 55. 6. *Фосс М.Е*. Итоги Галичской экспедиции // КСИИМК. Вып.26. 1949. С. 34−39. 7. *Царев П.* Краткое описание Галичского музея местного края. Галич.1939. С. 9,10. 8. *Яблокова Н.Н.* Памятники неолита и эпохи бронзы в Костромском Поволжье // МИА. №110. М-Л.: Академия наук СССР, 1963. С. 27.
Наименование документа о принятии на государственную охрану	Решение исполнительного комитета Костромского областного совета депутатов трудящихся «Об уточнении списков памятников культуры, состоящих под государственной охраной и находящихся на территории Костромской области» от 17.11.1959 г. № 949.

5. **Городище Брюхово (Курган)**

Датировка памятника	РЖВ
Местонахождение памятника	Костромская область, Галичский район, близ южной окраины д. Брюхово.
Исторические сведения	Известно с начала XX в., Смирнов В.И. в 1927 г. произвел небольшую шурфовку, в 1956 и 1958 гг. обследовано М.И. Матасовым. Исследовано раскопками – В.Н. Глазов, 1908 г.; Е.И. Горюнова, 1961 г. Вскрыто около 190 кв. м. Е.И. Горюнова памятник в целом относит к самому началу I тыс. до н.э.− начальному этапу так называемой «дьяковской» культуры, ее северо-восточного локального варианта. Материалы хранятся в фондах ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник».
Описание памятника	Останец надпойменной террасы правого берега р. Векса (левый приток р. Кострома, левого притока р. Волга), вытекающей из оз. Галичское, при впадении в нее р. Чеснуха, правый берег последней, урочище «Курган». Площадка овальная в плане, вытянута с СВ на ЮЗ, размеры ее 38,0×12,5 м, высота над поймой до 8 м. Следы оборонительных сооружений не сохранились, однако рельеф местности позволяет считать поселение укрепленным. Стратиграфия участков памятника выглядит следующим образом: 0−10 см – растительный слой, до 50 см – культурный слой (серый с вкраплениями угля), 50 см и ниже – черные углистые прослойки. На уровне 83 см. вскрыто полуземляночное жилище, вытянутое с запада на восток. Расстояние между стенами около 5 м. с полом, углубленным в грунт на 0,5 м и очагом из камней диаметром 1,2 м. Таким образом, культурный слой имеет толщину 0,5−0,9 м и залегает непосредственно под растительным слоем. В нижнем его горизонте отмечены углистые прослойки и включения обожженного песка оранжевого цвета. Слои пожарищ. Керамика верхних горизонтов культурного слоя памятника украшена разнообразными орнаментами в верхней трети сосудов по шейке и плечикам: 1) оттисками шнура в несколько рядов; 2) оттисками шнура ломаной линией; 3) ямками; 4) оттисками гребенчатого штампа. В целом керамика лепная, с сетчатыми отпечатками на внешней поверхности. Среди других находок – керамические сопла, литейные формы, грузики «дьякова типа», железный нож с костяной рукояткой.
Основная библиография, архивные источники	1. Археологическая карта России. Костромская область / Сост. Комаров К.И.; Отв. ред. Краснов Ю.А.. М.: РАН: Восточная литература, 1999. С. 147. 2. *Глазов В.Н.* Отчет о раскопках в Галичском уезде Костромской губернии в 1908 г. // Архив ИИМК. Ф.1. Оп. 1. 1908. №59. 3. *Горюнова Е.И.* Этническая история Волго-Окского междуречья / МИА. №94. М.: Академия наук СССР, 1961. С. 249. 4. *Горюнова Е.И.* Отчет о работах Костромского отряда Волжской экспедиции 1961 г. // Архив ИА РАН. №2437. Л. 14, 17–25. 5. *Горюнова Е.И.* Отчет об археологических работах на территории Костромского края в 1961 г./ КМЗ Фонд археологии. ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник». 6. *Матасов М.И.* Отчет об археологических разведках в Буйском районе Костромской области в 1958 г. // Архив ИА РАН. №1721. Л. 1. 7. *Матасов М.И.* Отчет об археологической разведке в Буйском, Сусанинском и Ореховском районах Костромской области в 1956 г. // Архив ИА РАН. №1226. Л. 6, 7.
	На государственной охране не состоит.

6. **Поселение Челсма**

Датировка памятника	РЖВ.
Местонахождение памятника	Костромская область, Галичский район, к ЮЮЗ от г. Галича, на р. Челсма.
Исторические сведения	В 1961 г. экспедицией Е.И. Горюновой в Галичском краеведческом музее был обнаружен материал, переданный строителями железнодорожной ветки Галич-Кострома, которые при постройке железнодорожного моста через р. Челсма, близ г. Галича, разрушили селище с керамикой РЖВ.
Описание памятника	В поступившей в Галичский музей коллекции, помимо керамики, имеются фрагменты обработанной кости, целые костяные поделки и зубы лошади. Керамика представлена исключительно фрагментами с сетчатой поверхностью. Последняя особенно характерна для ранних поселений костромской группы памятников т.н. «дьяковской культуры». Сетка сочетается с ямочным орнаментом, опоясывающим в один ряд шейку сосуда под венчиком. На внутренней стороне ямкам соответствуют уплощенные бугорки, «жемчужины». На нескольких фрагментах сетка покрывает лишь нижнюю часть сосуда, верхняя же треть тулова заглажена и украшена оттисками шнура и гребенчатого штампа. На некоторых фрагментах видны следы выгоревших при обжиге растительных примесей. Место находок обследовано не было. Производство рекогносцировочных раскопок в зоне железнодорожного моста требовало особого разрешения. По наведенным справкам, объем земельных работ при строительстве моста был значительным. По всей вероятности поселение, если не целиком, то в значительной части было уничтожено. Тем не менее, описанная Е.И. Горюновой посуда частью схожа с шнуровой керамикой ананьинского облика.
Основная библиография, архивные источники	*Горюнова Е.И.* Отчет об археологических работах на территории Костромского края в 1961 г. С. 3–4. // КМЗ Фонд археологии. ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник».
	На государственной охране не состоит. Памятник разрушен.

7. Городище Минское

Датировка памятника	РЖВ, вторая половина I тыс. до н.э. и I–III вв. н.э.
Местонахождение памятника	Костромская область, Костромской район, в 1,5 км к ВЮВ от центральной части с. Минское на левом берегу р. Волги.
Исторические сведения	Памятник представляет собой остатки укрепленного поселения эпохи раннего железного века. Известно Минское городище с 1892 г., когда Н.М. Бекаревич произвел здесь однодневные раскопки. В 1908 г. раскопки произведены Н.Н. Виноградовым и Преображенским. Позже, по словам П.Н. Третьякова, в 20-е годы XX века небольшие работы здесь произвел В.И. Смирнов. В 1954 г. Н.Н. Гурина заложила два раскопа общей площадью 160 кв. м. В 1976 г. А.Е. Леонтьевым и сотрудниками Новостроечного отряда Верхневолжской археологической экспедиции Института археологии АН СССР производился сбор подъемного материала. В.М. Воробьевым составлен паспорт на объект археологического наследия. В 1989–1992 гг. раскапывалось В.С. Патрушевым. Дату памятника эпохи освоения площадки населением с псевдосетчатой керамикой В.С. Патрушев предлагает ограничить VI–III вв. до н.э. Коллекции хранятся в фондах ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник».
Описание памятника	Городище находится на подтреугольном мысу, направленным вершиной на север. Длина площадки 86 м, ширина от 4,5 м в северной до 39 м в южной части. Общая площадь – около 1450 кв. м. Юго-западная сторона его круто обрывается к Волге, а противоположная – к оврагу глубиной до 24 м. Центральная часть занята кладбищем. С напольной стороны городище укреплено валом и рвом, в настоящее время почти разрушенными и заплывшими. Вал едва возвышается на 15–25 см. Ров углублен от вершины вала на 50–80 см. Верхняя часть площадки перепахана. На основной части раскопов Н.Н. Гуриной наблюдалось следующее чередование слоев: 1) дерново-почвенный, перепаханный, мощностью 0,08–0,22 м; 2) культурный слой – гумусированный песок с редкими, мелкими обломками керамики – 0,22–0,42 м; 3) культурный слой более интенсивного темного цвета, с большим количеством находок – 0,42-0,67 м; 4) слой желтоватого оттенка, с редкими находками – 0,67–0,81 м; 5) материк – желтый песок. Гуриной Н.Н. обнаружены остатки жилищ с очагами. Вещественный материал (5270 предметов) составляют железные орудия, каменные и костяные предметы, значительное количество сетчатой и гладкостенной керамики. Культурный слой в раскопах Патрушева В.С. имеет мощность 0,8–1,3 м, у склона оврага достигает 260 см. Керамика лепная, с примесями песка и дресвы в глиняном тесте, с сетчатыми отпечатками на внешней поверхности (до 70% от общего количества керамического материала) и гладкостенная, дьяковской культуры. Автор раскопок разделяет керамику на псевдосетчатую, гладкостенную, с штрихованной поверхностью и мерянского облика, считая, что псевдосетчатая керамика обладает всеми характерными чертами посуды населения на огромной территории от Татарского Поволжья до Скандинавии. Орнаментация псевдосетчатой посуды сохраняет традиционные элементы (неправильные, округлые, клиновидные ямки, оттиски зубчатого штампа и шнура), однако, орнамент нанесен небрежно, без сложных композиций. Ямки неглубокие, как в эпоху бронзы или в начале железного века; редки случаи заглаживания горла на псевдосетчатой керамике перед нанесением орнамента, что наблюдается на керамике с поселений Ватажка и Станок.

	Отмечая, что население с псевдосетчатой керамикой − основные обитатели Минского городища со времени начала функционирования, гладкостенная керамика всегда сопровождает псевдосетчатую от Татарского Поволжья до Верхневолжских районов. Часть гладкостенной керамики относится к I−III вв. н.э., поздняя группа, выделенная Гуриной Н.Н., другая относится ко времени бытования псевдосетчатой. Дату памятника эпохи заселения псевдосетчатой керамикой ограничивает VI−III вв. до н.э. Исследованы остатки жилища размерами около 11,8×4,0 м, с углубленным на 0,5−0,7 м в грунт полом столбовой конструкции, с перегородками внутри. Постройка относится к позднему периоду функционирования городища. Комплексы керамики ананьинского типа информативны и выделяются отчетливо.
Основная библиография, архивные источники	1. *Бекаревич Н.М.* Материалы для археологической карты Костромской губернии. Костромской уезд. Тверь: 1905 г. С. 73. 2. *Бекаревич Н.М.* О некоторых городищах в Костромской губернии // Труды Ярославского областного съезда. М.:1902. 3. *Гурина Н.Н.* Отчет о результатах работ Горьковской археологической экспедиции летом 1954 г. // Архив ИА РАН. № 1041. Л. 26–35. 4. *Гурина. Н.Н.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье. МИА № 110, М- Л.: Академия наук СССР, 1963. С. 164−182. 5. *Леонтьев. А.Е.* Отчет о работах Новостроечного отряда ВВАЭ в 1976 г. // Архив ИА РАН (информация с паспорта памятника). 6. Паспорт памятника археологии / Составитель Воробьев В.М.; составлено 26.10.1976 г. // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. 7. *Патрушев В.С.* Полевые исследования в Костромской области // Археологические открытия Урала и Поволжья. Ижевск. 1991. 8. *Патрушев В.С.* Отчет о рекогносцировочных работах научно-производственного отряда экспедиции Марийского государственного университета в Костромской области в 1989 г. // Архив ИА РАН. № 14536. Л. 3–13. 9. *Патрушев В.С.* Отчет об исследованиях Минского городища в Костромском р-не Костромской обл. в 1990 г. // Архив ИА РАН. №14938. 10. *Патрушев В.С.* Отчет об исследованиях Минского городища в Костромском р-не Костромской обл. в 1991 г. // Архив ИА РАН. №16270. 11. *Рождественский А.Н.* Краткие сведения о раскопках в Костромской губернии. К IV областному Историко-Археологическому съезду. Кострома 1909 г.
Наименование документа о принятии на государственную охрану	Постановление главы администрации Костромской области «Об объявлении находящихся на территории Костромской области объектов, имеющих историческую, культурную и научную ценность, памятниками истории и культуры» от 30.12.1993 г. №598, приложение 1.

8. Поселение Станок I (по Комарову К.И. – Оганино поселение 5)

Датировка памятника	III–II тыс. до н.э., РЖВ, I тыс. до н.э.
Местонахождение памятника	Костромская область, Костромской район, сев. бер. оз. Борисово, близ д. Аганино (современное название). Левый берег р. Борисовки при впадении в него ручья Гармонихи на левом берегу последнего.
Исторические сведения	Памятник под названием Станок открыт В.И. Смирновым в 1927 г., была проведена шурфовка. В последующем 1928 г. заложены раскопы траншейным способом. Всего заложено три траншеи. В 1954 г. Н.Н. Гурина, исследовав местность, разделила памятники, расположенные по разные стороны р. Гармонихи, наименовав Станок 1 и 2. В 1980 г. М.Г. Жилиным и К.И. Комаровым произведен осмотр памятника. Составлен план, произведена фотофиксация. Новых раскопок не проводилось. Материал хранится в ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник».
Описание памятника	Поселение находится в 3,6 км к северу северо−востоку от д. Оганино, на северном берегу оз. Борисово, в 0,7 км к северу от устья р. Борисовки, в 1 км к югу от дач Управления мелиорации г. Костромы, в урочище «Станок». Располагается на дюнном возвышении в высокой пойме левого бер. р. Борисовки. Площадь памятника около 130×40 м. Высота над урезом воды в ручье 5 м. Мощность культурного слоя составляет 60–80 см. Верхний темно-золистый песчанистый слой, прослеживаемый до глубины 37−45 см. был отнесен к сетчатой и шнуровой керамикой РЖВ.
Основная библиография, архивные источники	1. Археологическая карта России. Костромская область / Сост. Комаров К.И.; Отв. ред. Краснов Ю.А.. М.: РАН: Восточная литература, 1999. С. 99−100. 2. *Гурина Н.Н.* Отчет о результатах работ Горьковской археологической экспедиции летом 1954 года. // Архив ИА РАН. №1041. Л. 16–20. 3. *Гурина. Н.Н.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье. МИА № 110, М.- Л.: Академия наук СССР, 1963. С. 108−118. 4. *Комаров К.И., Жилин М.Г.*. Отчет Костромской экспедиции за 1980 г. // Архив ИА РАН. №9548. Л. 5, 6. 5. Паспорт памятника археологии / Составитель Жилин М.Г.; составлено 24.12.1980 г. // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. Архив департамента культуры 6. *Смирнов В.И.* Отчет о полевых исследованиях за 1927 г. // Архив ИИМК, Ф. 46. 1927. №27. 7. *Смирнов В.И.* Отчет о полевых исследованиях за 1928 г. // Архив ИИМК, Ф. 46. 1927. №50. // Архив костромского музея заповедника. 8. *Яблокова Н.Н.* Памятники неолита и эпохи бронзы в Костромском Поволжье // МИА. №110. М.-Л.: Академия наук СССР, 1963. С.27.
Наименование документа о принятии на государственную охрану	Указ Президента РФ от 20.02.1995 г. № 176 «Об утверждении Перечня объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения».

9. Поселение Станок II (по К.И. Комарову – Оганино поселение 6)

Датировка памятника	Неолит, бронза, РЖВ.
Местонахождение памятника	Костромская область, Костромской район, северный бер. оз. Борисово, близ дер. Аганино. Левый берег р. Борисовки при впадении в него ручья Гармонихи на правом берегу последнего.
Исторические сведения	Памятник открыт и раскапывался Н.Н. Гуриной в 1954 г. Всего было заложено три раскопа. По итогам исследований памятника Н.Н. Гурина делает вывод, что сетчатая посуда поселения Станок II находит наибольшее сходство с Боранью и сравнительно большие различия с Шунгой и Ватажкой, а на поселении Станок I узор беднее, чем на керамике с поселений Шунга и Ватажка. В 1980 г. осмотр памятника с составлением плана и фотофиксацией произведен М.Г. Жилиным и К.И. Комаровым. Новых раскопок не проводилось. Материал хранится в ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник».
Описание памятника	Стоянка находится в 4 км к ССВ от д. Оганино, на северном бер. оз. Борисово, в 1 км к северу от устья р. Борисовки, на мысу ее левого берега при впадении ручья Гармонихи, на правом берегу последнего. Располагается на всхолмлении у края высокой поймы, к востоку от стоянки находится болото, из которого и вытекает ручей. Площадь памятника около 60х30 м, поверхность задернована. Мощность культурного слоя достигает 90 см, в среднем 0,35−0,75 м. Последовательность слоев выглядит следующим образом: почвенный слой 0−15 см, темно-желтый песок мощностью 30−50 см и ниже темно-бурый суглинок. Обнаружена неолитическая, фатьяновская и сетчатая керамика эпохи ПБВ и РЖВ, а также кремневые изделия. Найдены и фрагменты шнуровой керамики ананьинского типа.
Основная библиография, архивные источники, иконографический материал	1. *Гурина Н.Н.* Отчет о результатах работ Горьковской археологической экспедиции летом 1954 года. // Архив ИА РАН. №1041. Л. 16−20. 2. *Гурина. Н.Н.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье. МИА № 110, М.-Л.: Академия наук СССР, 1963. С 108,109, 119−138. 3. *Комаров К.И., Жилин М.Г.*. Отчет Костромской экспедиции за 1980 г. // Архив ИА РАН. №9548. Л. 5. 4. Паспорт памятника археологии / Составитель Жилин М.Г.; составлено 23.12.1980 г. // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. 5. *Яблокова Н.Н.* Памятники неолита и эпохи бронзы в Костромском Поволжье // МИА. №110. М-Л.: Академия наук СССР, 1963. С. 27.
Наименование документа о принятии на государственную охрану	Указ Президента РФ от 20.02.1995 г. № 176 «Об утверждении Перечня объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения».

10. Поселение Ватажка (по К.И. Комарову – Оганино Поселение 12 (Ватажка)

Датировка памятника	Неолит, бронза, РЖВ.
Местонахождение памятника	Костромская область, Костромской район, северо-восточный берег оз. Борисово, близ д. Аганино.
Исторические сведения	Памятник открыт П.Н. Третьяковым в 1924 г. В 1925−1927 гг. раскопки проводились В.И. Смирновым. За три года исследований, проведенных В.И. Смирновым с участием Л.Н. Казаринова и Л.С. Китициной, было собрано 8336 предметов, среди которых каменные и железные изделия, обломки глиняной посуды. Следует отметить, что керамический материал, обнаруженный на территории поселения, достаточно разнообразен. Основная масса керамики представлена посудой с сетчатой структурой поверхности. Большая часть этой посуды относится к раннему железному веку, раннедьяковскому периоду. Встречаются ананьинская гребенчато-шнуровая, шнуровая керамика. Собрана на памятнике и штрихованная, нитчатая, и заглаженная керамика. Сравнительно немногочислен, но выражен и комплекс посуды, соотносимый с эпохой поздней бронзы. Коллекционные описи найденного материала находятся на хранении в Костромском музее-заповеднике. В 1954 г. раскапывался Н.Н. Гуриной. Раскопан практически полностью. В 1980 г. М.Г. Жилиным и К.И. Комаровым произведен осмотр памятника с составлением плана и фотофиксацией. Новых раскопок не производилось. Материал хранится в ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник».
Описание памятника	Стоянка находится в 3,5 км к северо-востоку от д. Аганино, на северо-восточном берегу оз. Борисово, в 500 м к востоку от устья р. Якши. Располагается на останце обтекания высокой поймы левого бер. р. Якши среди заливных лугов. Стоянка занимает плоскую вершину останца подокруглой в плане формы. Высота над уровнем поймы до 4 м. Размеры памятника около 60×30 м. Культурный слой памятника в виде темного гумусированного песка достигает мощности 0,43 см, в среднем около 0,25–0,30 см, и залегает сразу под дерном. Вскрыта площадь 320 кв. м. Комплекс керамических изделий, полученных в результате раскопок в основном представлен посудой с сетчатой структурой поверхности. Большинство из этой массы относится к раннему железному веку, раннедьяковскому периоду. Четко выделяется ананьинская гребенчато-шнуровая и шнуровая керамика. В меньшем количестве встречена штрихованная, нитчатая и заглаженная керамика РЖВ. Сравнительно немногочислен и комплекс «текстильной» и гладкостенной посуды, соотносимый с эпохой поздней бронзы. Встречены и отдельные, единичные находки неолитической льяловской посуды (1фрагмент) и эпохи ранней бронзы − фатьяновской (2 фрагмента), которые являются на данном месте случайными.
Основная библиография, архивные источники	1. *Гурина. Н.Н.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье // МИА № 110, М.-Л. 1963. С. 146–164. 2. *Яблокова Н.Н.* Памятники неолита и эпохи бронзы в Костромском Поволжье // МИА. №110. М.-Л. 1963. С. 28. 3. *Смирнов В.И.* Отчет о полевых исследованиях за 1927 г. // Архив ИИМК, Ф. 46. 1927. №27. 4. *Смирнов В.И.* Отчет о полевых исследованиях за 1928 г. // Архив ИИМК, Ф. 46. 1927. №50. 5. *Гурина Н.Н.* отчет о результатах работ Горьковской археологической экспедиции летом 1954 года. // Архив ИА РАН. №1041. Л. 22–26.

	6. *Комаров К.И., Жилин М.Г.* Отчет Костромской экспедиции за 1980 г. // Архив ИА РАН. №9548. Л. 8. 7. Паспорт памятника археологии / Составитель Жилин М. Г.; составлено 24.12.1980 г. // Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области.. 8. Археологическая карта России. Костромская область / Составитель К.И. Комаров; отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: РАН: Восточная литература, 1999. С.103. 9. *Новиков А.В.* Комплексы гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики РЖВ поселения Ватажка // АЕС. Вып. 20. Казань: ИА АНРТ, 2014. С. 374–387. 10. *Новиков А.В.* Керамический комплекс поселения Ватажка (по материалам раскопок В.И. Смирнова 1925–1927 гг.) // Тверской археологический сборник. Вып. 10. Т. 2. Тверь: Триада, 2015. С.69–86.
Наименование документа о принятии на государственную охрану	Постановление главы администрации Костромской области «Об объявлении находящихся на территории Костромской области объектов, имеющих историческую, культурную и научную ценность, памятниками истории и культуры» от 30.12.1993 г. №598, приложение 1.

11. Поселение Шунга

Датировка памятника	Неолит, РЖВ.
Местонахождение памятника	Костромская область, Костромской район, близ с. Шунга, правый берег р. Кострома (левый приток р. Волга) на расстоянии около 1 км ниже устья р. Узакса.
Исторические сведения	Памятник открыт Н.Н. Гуриной в 1954 г. Проведены раскопки на площади 50 кв. м. После проведения исследований памятник фактически исчерпал себя полностью. Интенсивно размывался. Н.Н. Гурина датирует поселение начальной стадией РЖВ и отмечает, что если другие поселения: Борань, Станок I и II, отчасти Ватажка и Минское городище содержали смешанные разновременные керамические комплексы, то поселение Шунга содержит единый, наиболее целостный материал, характеризующий короткий этап жизни. Комплекс поселения Шунга датирован серединой I тыс. до н.э. Материал хранится в ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник».
Описание памятника	Памятник находится в 1 км от устья впадающей в р. Кострому р. Узаксы. Располагалось на краю первой надпойменной террасы. Севернее останца протекает ручей. Поселение было вытянуто на 200 м. Сохранившаяся ширина 7−8 м. Высота площадки над урезом воды в реке до создания Горьковского водохранилища составляла 6 м, мощность культурного слоя − около 50 см. Исследованы остатки двух жилых комплексов. Длина первой западины в верхней части составляла 8 м, на дне 6 м. Жилище земляночного типа с очагом посередине. От второго жилища сохранилась одна стенка и дно очажной ямы. Размер был не менее 7 м в диаметре, глубина составляла 3 м. Оба жилища были вытянуты в одну линию вдоль реки. Единично встречена неолитическая посуда. Основная масса керамики представлена с сетчатыми отпечатками и штрихованной поверхностью, с примесью в тесте кварцита. Узоры складывались из ямок, гребенки и оттисков шнура. Встречается и гладкостенная керамика. Шнуровая керамика найдена в жилище 1.
Основная библиография, архивные источники	1. Археологическая карта России. Костромская область / Сост. Комаров К.И.; Отв. ред. Краснов Ю.А.. М.: РАН: Восточная литература, 1999. С. 306−307. 2. *Гурина Н.Н.* Отчет о результатах работ Горьковской археологической экспедиции летом 1954 года. // Архив ИА РАН. №1041. С. 20−22. 3. *Гурина. Н.Н.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье // МИА № 110. М.-Л.: Академия наук СССР, 1963. С. 138−145.
	На государственной охране не состоит. Разрушен рекой.

12. Поселение Борань

Датировка памятника	Неолит, эпоха бронзы, РЖВ, VIII–X вв.
Местонахождение памятника	Костромская область, Костромской район, близ б. д. Вежи.
Исторические сведения	Открыто в 1924 г. В.И. Смирновым, в 1925–1927 гг. им же раскапывалось. Площадь раскопок 121,5 кв. м. В 1954 г. исследовалось Н.Н. Гуриной. Вскрыта площадь 476 кв. м. Многослойное поселение Борань, кроме превалирующих комплексов неолита и ранней бронзы, также содержит отчетливые комплексы эпохи раннего железного века, при этом они представлены наиболее ранними комплексами сетчатой керамики. Коллекция предметов находится в ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник».
Описание памятника	Место, занятое поселением, представляло небольшое всхолмление в пойме правого берега р. Касть, соединявшейся через оз. Великое с р. Узакса (правый приток р. Кострома, левого притока р. Волга), при устье ручья Мелкая, урочище Борань. Ныне затоплено водами Горьковского водохранилища. Поселение занимало восточную часть всхолмления, площадь его составляла около 1 500 кв. м, высота над поймой достигала 6 м. Мощность культурного слоя колебалась в пределах 0,4–0,6 м, залегал непосредственно под дерновым слоем, подстилался желтым песком, стратиграфически не расчленялся. Коллекция из раскопок насчитывает более 12 000 предметов. Среди керамического материала преобладает неолитическая керамика (льяловская). В меньшем количестве встречается поздневолосовская посуда. Фрагменты неолитической керамики фиксируются в основном в нижних горизонтах. Находки эпохи бронзы, приуроченные главным образом к верхним горизонтам культурного слоя, представлены, прежде всего, фрагментами фатьяновских сосудов и ранней сетчатой керамики. Сетчатые отпечатки хаотичные мелкие, редкие, ногтевидные и вытянутые в большинстве случаев, сетчатая посуда относится к ПБВ. Коллекция предметов РЖВ малосерийная и содержит фрагменты сетчатой и шнуровой керамики ананьинского типа. В верхних горизонтах культурного слоя найдено небольшое количество гладкостенных фрагментов керамики конца I тыс. н.э.
Основная библиография, архивные источники	1. Археологическая карта России. Костромская область / Сост. Комаров К.И.; Отв. ред. Краснов Ю.А.. М.: РАН: Восточная литература, 1999. С. 296–297. 2. *Гурина Н.Н.* Неолитическое поселение Борань // МИА №79. М.: Наука, 1960. С. 188–238. 3. *Гурина Н.Н.* Отчет о результатах работ Горьковской археологической экспедиции летом 1954 г. // Архив ИА РАН. №1041. Л.9–16. 4. *Гурина Н.Н.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье // МИА. №110. М.-Л.: Академия наук СССР, 1963. С. 87–108. 5. *Смирнов В. И.* Отчет КНО за 1926 г. 6. *Яблокова Н.Н.* Памятники неолита и эпохи бронзы в Костромском Поволжье // МИА. №110. М.-Л.: Академия наук СССР, 1963. С. 28.
	На государственной охране не состоит. Памятник затоплен.

13. Поселение Хреново

Датировка памятника	РЖВ.
Местонахождение памятника	Костромская область, Костромской район, между селами Шунгой и Саметью.
Исторические сведения	Открыто и обследовано Л.С. Китицыной и С.Н. Рейпольским в 1927 г., в последующем не исследовалось.
Описание памятника	Представлено из отчета 1927 г.**:** стоянка занимала гриву «Хреново», представлявшую собой овальный холм (дюнное всхолмление в пойме). С севера к холму подходило озеро «Хреновые ямы», состоящее из нескольких как бы ям, наполненных водой, с востока р. Воржа, с юга холм постепенно переходил в низменность, кончавшуюся продолговатым озерком, располагавшимся параллельно р. Проточной, поблизости от нее, с западной стороны, холм сравнивался с лугами, шедшими до с. Самети. Через гриву в части, ближней к озеру «Хреновые ямы», проходила проезжая дорога из Шунги в Саметь. Холм находился среди лугов и не имел на себе никакой древесной растительности, в части же прилегавшей к «Хреновым ямам» он был даже не задернован. Стоянка носила на себе следы бывших здесь строений в виде заплывших ям. В восточной части стоянки ямы отсутствовали. Присутствие стоянки было обнаружено путем шурфовки. Всего было сделано 6 шурфов и зачищена стенка осыпи у дороги в западной части стоянки. Стоянка содержит культурный слой, оставленный, может быть, стоявшей здесь когда-то деревней, оставившей ямы, а также культурные остатки в виде обожженной глины, черепков неорнаментированной посуды и жженых камней, встреченные в верхнем горизонте. Культурный слой стоянки содержит осколки кремня, обломки сетчатой керамики, усложненной орнаментами. Эта керамика по виду очень близка керамике «Ватажки». По данным шурфовки, культурный слой больше всего подвергся разрушению в центральной части холма, более сохранившимся является ЮВ конец стоянки. Культурный слой песчаный, серо-коричневого цвета, довольно светлый, подстилается желтым песком. Результаты шурфовки следующие: Шурф 1. Культурный слой до глубины 26 см содержит битые камни и современные черепки посуды. Шурф 2. Культурный слой до глубины 25 см, содержит обломок камня и сетчатый черепок. Шурф 3. Культурный слой до глубины 26 см, содержит обломки кремня, довольно много обломков сетчатой керамики. В верхнем горизонте наблюдаются неорнаментированные современные черепки. Шурф 4. До глубины 26 см идет слой с большим количеством жженой глины, встречаются жженые камни и неорнаментированные черепки. Ниже до глубины 55 см от поверхности – серый слой без находок; подстилает желтый песок. Шурф 5. Встречены осколки кремня и сетчатой керамики. Шурф 6. Культурный слой до глубины 43 см, содержит довольно много сетчатой керамики, встречаются довольно крупные обломки. При зачистке стенки осыпи у дороги найден маленький обломок шейки сосуда, орнаментированный продолговатыми вдавлениями и кремешок, может быть, со следами ретуши. На поверхности песчаного берега озера Хреновые ямы ничего найдено не было. По преданию, на месте стоянки была когда-то деревня Хреново. Находки позднее были списаны по ордеру. Авторами обследования выделено, что керамика аналогична керамике Ватажки.
Основная библиография, архивные источники	*Китицына Л.С.* Отчет по обследованию Саметского района Костромского уезда в 1927 году // Архив Костромского музея заповедника. ИНВ №497.
Наименование документа о принятии на государственную охрану	На государственной охране не состоит.

14. Поселение Медведки II (Шача)

Датировка памятника	Неолит, эпоха бронзы. РЖВ
Адрес (местонахождение) памятника	Костромская область, Сусанинский район, в 1 км к ЮЗ от д. Медведки.
Исторические сведения	Данную местность (включая р. Водыш) обследовал в 1954 и 1956 гг. Матасов М.И. Материалы с разведок находятся в Буйском краеведческом музее. Раскопками исследовалось в 1975 и 1977 гг. И.В. Гавриловой. Материалы находятся в ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник» и Буйском краеведческом музее.
Описание памятника	Поселение занимает всхолмление в пойме правого берега р. Шача (левый приток р. Кострома, левого притока р. Волга). Размеры около 10×6 м, высота над заболоченной поймой 0,5−0,7 м. Культурный слой в виде гумусированного песка черного цвета имеет толщину 0,20−0,45 м, залегает непосредственно под дерном. Высота над заболоченной поймой 0,5−0,7 м. В раскопе обнаружена керамика льяловская, волосовская, галичская, фатьяноидная, сетчатая. Ямочно-гребенчатая керамика относительно немногочисленна. Большая часть обломков посуды относится к волосовской культуре. Керамика, отнесенная к галичской неолитической культуре, также представительна. Значителен и процент фатьяновской и фатьяноидной керамики. В верхних горизонтах культурного слоя встречены и обломки сосудов с сетчатыми отпечатками или штриховкой на внешней поверхности, с примесями дресвы и песка в глиняном тесте, с дополнительной орнаментацией под горлом в виде рядов ямок или «жемчужин». Среди других находок – керамические тигли и льячки, капли бронзы, обломок медного шила, кремневые и костяные изделия. М.И. Матасовым при обследовании территории найден фрагмент шнуровой керамики РЖВ. Хранится в Буйском краеведческом музее.
Основная библиография, архивные источники	1. Археологическая карта России. Костромская область / Сост. Комаров К.И.; Отв. ред. Краснов Ю.А.. М.: РАН: Восточная литература, 1999. С. 267−268. 2. *Гаврилова И.В*. О работе Костромского отряда // АО 1975 г. / Отв. ред. Рыбаков Б.А. М.: Наука**,** 1976. С. 59. 3. *Гаврилова И.В*. О работе Костромского отряда // АО 1977 г. / Отв. ред. Рыбаков Б.А. М.: Наука, 1978. С. 53. 4. *Гаврилова И.В*. Отчет о работе Костромского неолитического отряда в 1975 г. // Архив ИА РАН. №5856. Л. 17, 18. 5. *Гаврилова И.В*. Отчет о работе Костромского отряда в 1977 г. // Архив ИА РАН. № 6538. 6. *Матасов М.И*. Отчет об археологических разведках в Буйском, Сусанинском и Ореховском районах Костромской области в 1956 г. // Архив ИА РАН №1226. 7. *Матасов М.И*. Отчет об археологической разведке в Сусанинском районе Костромской области 12–16 июля 1954 г. // Буйский краеведческий музей. Ф.№2
	На государственной охране не состоит.

15. Одоевское городище *(памятник Поветлужья)*

Датировка памятника	VII в. до н.э. – VII в. н.э.
Местонахождение) памятника	Костромская область, Шарьинский район, с. Одоевское, в 1 км к ВЮВ от села.
Исторические сведения	Городище открыто в 1883 г. Ф.Д. Нефедовым, раскопавшим значительную площадь: «Насыпь городища была снята на протяжении 110, а в глубину на 10 футов». Его коллекция, видимо, пропала. Ф.Д. Нефедов отнес городище к каменному периоду. Д.Н. Анучин, изучавший материалы Ф.Д. Нефедова, отнес городище к неолитической эпохе. В 1903 г. небольшие раскопки на городище произвел Н.М. Бекаревич. Наряду с керамикой он нашел железные шлаки, но в краткой заметке о раскопках не дал своей датировки памятника. Его коллекция хранится в ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник». В 1925−1926 гг. городище исследовал О.Н. Бадер. Он заложил небольшой раскоп у юго-западного края городища и ряд шурфов по всей его площади. Он дал четкую стратиграфию памятника и характеристику находок и определил его историко-культурную принадлежность. Коллекция хранится в Нижегородском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике. В 1981 г. городище обследовал К.И. Комаров. Был снят план, произведена фотофиксация памятника, собран подъемный материал, который хранится в ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник». В 1999 г. территорию памятника обследовал Новиков А.В. Определено техническое состояние памятника. Воеводский М.В. на основании найденных материалов разработал классификацию посуды. Выделенная I группа керамики – с прямой высокой шейкой, в верхней части иногда слегка отведенной наружу, с прямым венчиком (тип 1). Переход от шейки к стенке очень плавный. Стенки выпуклые округлые. В примеси раковина. Шейка и плечи сплошь орнаментированы. Шнур встречается в 80–95% случаев, в сочетании с гребенкой – в 50–70%, с ямками в 20–50%. Днища округлые. Подобная керамика собрана в III слое Одоевского городища [Воеводский М.В., 1951, с. 159–160]. Группа II обнаружена во втором слое Одоевского городища и схожа с группой I, однако имеются и отличные черты. В примеси появляются дресва и шамот, выделяются три новых типа сосудов с характерными признаками. Тип 2 – прямая и сравнительно невысокая шейка, прямой венчик. Плечики обычно хорошо выражены. Из примесей характерна раковина, но появляются дресва и шамот. Большое количество неорнаментированной керамики. Тип 3: в примеси основа – шамот. Сосуды этого типа низкие, с очень невысокой шейкой, в большинстве случаев отогнутой наружу. Венчик округлый. Переход от шейки к стенкам резкий, плечи чётко выражены, стенки слегка выпуклые. Венчики этого типа отличаются от предыдущего, где отмечается прямой обрез, здесь же он округлый, иногда с наплывом наружу. В одном случае отмечено дно с закраиной [Воеводский М.В., 1951, с. 160., рис. 2.13]. Тип 4: в примеси раковина. Невысокая слабовыраженная шейка и округлый венчик. От самой стенки начинается загиб стенки ко дну (чашевидная форма сосуда) (Воеводский М.В., 1951, с. 160−163). Таким образом, сосуды обозначенной группы – с примесью раковины (чаще всего), шамота и дресвы. Отмечается уменьшение орнамента на частях сосудов, в сравнении с группой 1, остаются чистые поля.

	Шнуровой орнамент, характерный для группы I, здесь представлен слабо. Сосуды с примесью в глиняном тесте дресвы и шамота, как правило, плоскодонные и толстостенные (Воеводский М.В., 1951, с. 167−168). Группа III наиболее поздняя. Представляет первый слой Одоевского, Богородского, 1 и 2 Чортова городищ. Главное отличие – плоскодонность. Преобладают вышеописанные типы 2 и 3. Керамика рассматриваемой группы орнаментирована исключительно гребенкой и плоскодонной ямкой. Толщина стенок больше, чем у сосудов первых двух групп (Воеводский М.В., 1951, с. 168−169). Происходит смена круглодонных сосудов на плоскодонные. Раковинная примесь заменяется дресвой и шамотом. Характерна более высокая температура обжига. Можно отметить также упрощение и уменьшение орнамента со 100 % до 10−15 %. Сосуды I группы в архаичных ее вариантах находят аналогии в ранних памятниках ананьинской культуры. Обобщающие признаки: форма, примесь в виде раковины, шнуровой орнамент и наличие воротничка. II группа близка к керамике позднеананьинских и пьяноборских древностей, например, Концегорского селища. Керамика более поздних групп имеет новые, явно местные, черты, все более отличаясь от Прикамья.
Описание памятника	Городище находится на правом берегу р. Ветлуги, на длинном узком мысу, образованном высокими обрывистыми берегами р. Ветлуги с северо−востока, и овраге с юго-запада, по дну которого течет ручей Городищенский. Ширина мыса у вала равняется 25 м, длина 55 м, высота над уровнем реки достигает 18−20 м. Склоны городища и овраг заросли густым смешанным лесом, площадка городища поросла густым мелколесьем. С напольной стороны, с юга, его ограничивает вал, имеющий высоту от уровня рва до 5 м, длину по основанию 17 м, и ширину в основании 12 м. На вершине рва имеется ровная площадка, почти круглая в плане, диаметром 7−8 м. За валом идет неглубокий ров шириной 3 м. и глубиной относительно внешнего поля 3 м. Площадка городища идет уклоном от вала к оконечности мыса и в сторону оврага. Раскопками вскрыто более 250 кв. м. Культурный слой мощностью 60–100 см делится на три горизонта. Первый слой, лежащий на материке, имеет мощность 3–11 см и состоит из светлого песка с угольками. В нем найдены кварцитовые обломки и обработанные малохарактерные вещи из кварцита. К этому же, раннему, периоду, видимо, можно отнести большую часть находок в раскопках Ф.Д. Нефедова: осколки камня и очаги в виде толстых слоев угля и обугленных плах с ямами по их сторонам. Керамика первого слоя круглодонная, тонкая с примесью раковины в тесте. Горшки крупных и средних размеров по поверхности заглажены зубчатым инструментом, шейка высокая, часто слегка отогнута наружу, шейка и плечики густо покрыты тонким зубчатым штампованным орнаментом, который часто дополняют ямки в виде плоскодонных, кольцевых и подтреугольных оттисков. Первый слой датируется VII–V вв. до н.э. Связан с кругом ананьинских древностей. Второй пласт: содержится материал, определенно относящийся к культуре городищ. В этот период был насыпан первый вал, укрепивший городище со стороны поля. Пласт отделялся от первого нижнего и верхнего песчано-глинистыми прослойками мощностью от 15 до 50 см, прослеженными на большинстве участков. Находки состоят из большого количества костей животных, костяных орудий, керамики, шлаков. Большая часть керамики по форме, составу глиняного теста и отчасти по орнаменту близка керамике первого слоя, что говорит об их прямой родственной связи. В богатой шнуровой и гребенчатой орнаментации под венчиками появляются стилизованные уточки и косые кресты, оттиснутые двойным гребенчатым штампом. Наряду с крупными, диаметром до 44 см, сосудами, появляются сосудики диаметром 6−12 см. В этот период распространяется посуда с примесью шамота (около

	10% всей керамики) и дресвы (около 2%). Они имеют плоское дно с выступающим краем с поверхности, заглаженной штрихами. Этот слой датируется IV–I вв. до н.э. и относится к позднеананьинской и раннепьяноборской культурам. Верхний горизонт культурного слоя отделяется от предыдущего песчано-глинистой прослойкой толщиной 15–20 см и состоит из темно-серой, местами черной, супеси. Керамика резко отличается от керамики предшествующего периода. По форме она представлена горшковидными или баночными плоскодонными сосудами, крупными и мелкими. В тесте преобладает примесь шамота (около 67%) и дресвы (более 12%). Культура верхнего слоя не имеет родственных связей с предшествующими периодами. По керамике они ближе керамике позднедьяковских городищ более западных районов Поволжья, а также верхних слоев городищ на р. Унже, что свидетельствует о смене населения на городище. Городище функционировало продолжительный период с VII в. до н.э. до VII в. н.э.
Основная библиография, архивные источники	1. *Бадер О.Н.* Городища Ветлуги и Унжи // МИА. №22. 1951. С. 15–41. 2. *Бадер О.Н.* Древнее Поветлужье в связи с вопросами этногенеза мари и ранней истории Поволжья // СЭ. 1951. №2. С. 15–41. 3. *Бекаревич Н.М.* О раскопках, произведенных в 1903 г. в Костромской губернии // Костромские губернские ведомости. 1904. №17. 4. *Воеводский М.В.* Краткая характеристика керамики городищ Ветлуги и Унжи // МИА. №22. 1951. С. 159–174. 5. *Комаров К.И.* Отчет о полевых работах Костромской экспедиции в 1981 г. // Архив ИА РАН. № 8635. Л. 61, 62. 6. *Новиков А.В*. Отчет об археологической разведке в 1999 г. в Вохомском и Шарьинском районах Костромской области // Архив ИА РАН №23320. 7. *Формозов А.Н.* 1951. Материалы к истории фауны Поветлужья // МИА. №22. М.: Наука, 1951. С. 181–191.
Наименование документа о принятии на государственную охрану	На государственной охране состоит (постановление 1959 г.).
П р и м е ч а н и е. – В данной таблице представлены поселения Костромского Поволжья с известными на настоящее время комплексами гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики РЖВ. Следует повторить, что уже сейчас на основании новых данных из раскопок возможно изменение количества поселений с такими комплексами. Следует отметить, что ряд вещевых источников из раскопок прежних лет утрачен и сохранилось только описание керамики.	

ТАБЛ. А.3. ПАМЯТНИКИ РЖВ КОСТРОМСКОГО ПОВОЛЖЬЯ. ГЕОГРАФИЯ, ТОПОГРАФИЯ, ПЛОЩАДЬ

№	Наименование памятника	Местонахож-дение памятника	Примерная площадь памятника, м^2; размеры, м	Высота над уровнем поймы или урезом воды, м	Топография
1	**Селище Княгинино**	Костромская область, Буйский район, д. Княгинино	30000, 150×200	4	Мысовидный выступ коренной террасы
2	**Стоянка Бараново II**	Костромская область, Буйский район, в 4 км к Ю от д. Бараново	4000, 80×50	4–5	Мысовидный выступ первой надпойменной террасы
3	**Селище Усть-Тебза**	Костромская область, Буйский район, в 2,5км к Ю от д. Борисовское	1650, 55×30	3–4	Мысовидный выступ первой надпойменной террасы
4	**Селище Красноборы** *(памятник Поветлужья)*	Костромская область, Вохомский район, в 6 км к ЮЗ от с. Никола	1500, 75×20	4–5	Край первой надпойменной террасы
5	**Городище в г. Галиче**	Костромская область, Галичский район, г. Галич	1800, 15–47×57	50	Мысовидный выступ коренной террасы
6	**Селище Воскресенское**	Костромская область, Галичский район, в 0,8 км к ССВ от с. Воскресенское	30000, 300×60–150	6–12	Край первой надпойменной террасы
7	**Селище Брюхово II**	Костромская область, Галичский район, 0,35 км к ЮВ от д. Брюхово.	600, 60×10	4	Край первой надпойменной террасы
8	**Селище Брюхово III**	Костромская обл., Галичский район, 0,5 км к Ю от д. Брюхово.	2500, 100×25	2–3	Низкий мыс первой надпойменной террасы
9	**Селище Лихарево II**	Костромская обл., Галичский район, 0,2 км к Ю-З от д. Лихарево.	4800, 80×60	8	Мысовидный выступ коренной террасы
10	**Селище Туровское II**	Костромская обл., Галичский район, с. Туровское.	750, 30×25	12	Край коренной террасы

№	Наименование памятника	Местонахож-дение памятника	Примерная площадь памятника, м²; размеры, м	Высота над уровнем поймы или урезом воды, м	Топография
11	**Селище Унорож**	Костромская обл., Галичский район, в 0,5 км ЮВ д. Унорож	7200, 90×80	2–3	Мысовидный выступ первой надпойменной террасы
12	**Селище Кучумиха**	Костромская обл., Галичский район, близ северо-западной окраины д. Кучумихи	?, разрушено	4	Мысовидный выступ первой надпойменной террасы
13	**Селище Туровское I «Заячья горка»**	Костромская обл., Галичский район, между с. Туровским и д. Вахнецы.	Разрушено 5000, 50×100	10	Край коренной террасы
14	**Поселение Шокша Бугорки**	Костромская обл., Галичский район., близ д. Шокша, совр. территория г. Галича	? разрушено	?	Дюна в пойме
15	**Поселение Демьяновское**	Костромская обл., Галичский район., д. Демьяновское	? Не определены	?	Мысовидный выступ первой надпойменной террасы
16	**Селище Хохлянки**	Костромская обл., Кадыйский район, 0,6 км к СВ от д. Хохлянки	1600, 80×9–30	4–5	Край коренной террасы
17	**Городище Рапоново**	Костромская обл., Кологривский район, в 1 км к ЮЮВ д. Рапоново	1300, 42×30–32	50	Мысовидный выступ коренной террасы
18	**Селище Аверьяновка**	Костромская обл., Кологривский район, в 0,5 км ЮВ д. Аверьяновка	7700, 110×70	4	Мысовидный выступ первой надпойменной террасы
19	**Селище Борщино**	Костромская область, Костромской район в 0,5–0,6 км к С от с. Борщино	12000, 200×60	3–4	Дюна в пойме
20	**Городище Городище**	Костромская область, Костромской район, д. Городище	1400, 48×30	25–30	Мысовидный выступ коренной террасы

№	Наименование памятника	Местонахож-дение памятника	Примерная площадь памятника, м²; размеры, м	Высота над уровнем поймы или урезом воды, м	Топография
21	**Селище Колгора**	Костромская обл., Костромской р-н, в 2,5 км ССЗ д. Колгора	9000, 180×50	4–5	Дюна в пойме
22	**Поселение Бораны**	Костромская обл., Костромской район, около 3,8 км к СВ от д. Аганино	Не определены	3	Дюна в высокой пойме
23	**Поселение Емсна**	Костромская обл., Костромской район, к ЮЗ от д. Аганино	Не определены	?	Дюна в высокой пойме
24	**Поселение Коряково II**	Костромская обл., Костромской район., 2 км к С от д. Коряково.	3200, 80×40	5	Мысовидный выступ первой надпойменной террасы
25	**Поселение Отрада**	Костромская обл., Красносельский район, в 0,15 км к З от д. Отрада	5600, 80×70	4–5	Мысовидный выступ первой надпойменной террасы
26	**Селище Трубинка**	Костромская обл., Красносельский район, в 0,3 км к СЗ от д. Трубинка	7800, 260×30 (полные относятся к средневековь, РЖВ не определяются)	3	Дюна в высокой пойме
27	**Селище Унжа II**	Костромская обл., Макарьевский район, в 0,4 км к ССВ от с. Унжа	3500, 140×25	1,5–2	Склон коренной террасы (выступающая нижняя часть)
28	**Селище Леонтьево**	Костромская обл., Мантуровский район, в 1 км к Ю от д. Леонтьево.	4000, 130×20-40	7	Край коренной террасы
29	**Городище Бухарино**	Костромская обл., Сусанинский район, в 1,7 км к ЮЗ от д. Бухарино	750, 30×25	11	Мысовидный выступ второй надпойменной террасы
30	**Поселение Федоровское**	Костромская обл., Чухломской район, 0,4 км к В от д. Федоровское	9600, 120×80 (сохранившаяся часть)	0,5×2,2	Мысовидный выступ первой надпойменной террасы

№	Наименование памятника	Местонахож-дение памятника	Примерная площадь памятника, м²; размеры, м	Высота над уровнем поймы или урезом воды, м	Топография
31	**Поселение Федоровское VII**	Костромская обл., Чухломской район., в 1 км к СЗ от д. Фёдоровское	2500, 50×50	1,5	Мысовидный выступ первой надпойменной террасы
32	**Городище Поповское (Ухтубужское)**	Костромская обл., Мантуровский район, 0,7 км к ЗЮЗ от д. Попово	1400, 56×20−32	5-6	Мысовидный выступ первой надпойменной террасы
33	**Городище Городище**	Ивановская обл., Заволжский район, 0,6 км к ЮЮВ от д. Городище	800, 30×27	30	Мысовидный выступ коренной террасы

ТАБЛ. А.4. ПАМЯТНИКИ РЖВ КОСТРОМСКОГО ПОВОЛЖЬЯ. ОБЩИЕ ДАННЫЕ

№	Наименование памятника	Автор и год исследования (обследования)	Исследование памятника (раскоп, шурф, сборы и др.).	Культурно-типологические комплексы РЖВ
1	**Селище Княгинино**	Урбан Ю.Н., 1981 г.	Три шурфа 1×1 и сборы	Гладкостенная и сетчатая керамика
2	**Стоянка Бараново II**	Леонтьев А.Е., 1978 г.	Два шурфа 1×1	Сетчатая керамика
3	**Селище Усть-Тебза**	Урбан Ю.Н., 1980 г., Сидоров В.В., 1983 г.	Три шурфа 1×1	Сетчатая керамика
4	**Селище Красноборы** *(памятник Поветлужья)*	Комаров К.И., 1985 г.; Новиков А.В., 1999 г.	Зачистка обнажения и сборы	Гладкостенная и штрихованная керамика
5	**Городище в г. Галиче**	Урбан Ю.Н., 1981 г.	Шурфовка	Гладкостенная и сетчатая керамика
6	**Селище Воскресенское**	Смирнов В.И. 1927 г.; Рябинин Е.А., 1979, 1988 гг.; Комаров К.И., 1983 г.	Шурфовка	Сетчатая керамика
7	**Селище Брюхово II**	Урбан Ю.Н., 1982 г.	Шурфовка	Сетчатая керамика
8	**Селище Брюхово III**	Урбан Ю.Н., 1982 г.	Шурфовка	Гладкостенная и сетчатая керамика
9	**Селище Лихарёво II**	Сидоров В.В., Урбан Ю.Н., 1982 г.	Шурфовка	Сетчатая керамика
10	**Селище Туровское II**	Урбан Ю.Н., 1981 г.	Зачистка обнажения и сборы	Гладкостенная и сетчатая керамика
11	**Селище Унорож**	Смирнов В.И., 1927 г.; Урбан Ю.Н., 1982 г.	Два шурфа 1×1	Гладкостенная и сетчатая керамика
12	**Селище Кучумиха**	Урбан Ю.Н., Булкин В.А.,1979 г.	Сборы	Сетчатая керамика
13	**Поселение Туровское I «Заячья горка»**	Тальгрен А.М., 1908 г.; Смирнов В.И., Казаринов Л.Н., 1921, 1927 гг.; Городцов В.А. 1924 г.; Кольцов Л.В. 1964 г.	Раскопано практически полностью	Сетчатая керамика
14	**Поселение Шокша Бугорки.**	Брюсов А.Я., 1925 г.; Смирнов В.И., 1920-е годы; Комаров К.И., 1983 г.	(сборы?)	Сетчатая и штрихованная керамика
15	**Поселение Демьяновское**	Матасов М.И., 1956,1958 гг.	Сборы	Сетчатая керамика
16	**Селище Хохлянки**	Комаров К.И., 1982 г.	Зачистка обнажения и сборы	Гладкостенная керамика

№	Наименование памятника	Автор и год исследования (обследования)	Исследование памятника (раскоп, шурф, сборы и др.).	Культурно-типологические комплексы РЖВ
17	**Городище Рапоново**	Бадер О.Н., 1925 г.; Архипов Г.А., 1979 г.; Комаров К.И., 1985 г.; Новиков А.В., 2000 г.	Шурф 1925 г., Раскоп на площади 104 кв.м (1979 г.)	Гладкостенная керамика
18	**Селище Аверьяновка**	Леонтьев А.Е. 1976 г.; Новиков А.В 2000 г.	Шурфовка и сборы	Сетчатая керамика
19	**Селище Борщино**	Комаров К.И., 1979 г.	Зачистка обнажения и сборы	Сетчатая керамика
20	**Городище Городище**	Комаров К.И., 1980 г.	Зачистка обнажения и сборы	Гладкостенная и сетчатая керамика
21	**Селище Колгора**	Сидоров В.В., 1980 г.	Шурфовка	Сетчатая керамика
22	**Поселение Бораны**	Смирнов В.И., 1925-1926 гг.	11 шурфов 1×0,5 м	Сетчатая керамика
23	**Поселение Емсна**	Смирнов В.И., 1921-1925 гг.	?	Сетчатая керамика
24	**Поселение Коряково II**	Леонтьев А.Е., Исланова И.В., 1978 г.	Шурф 1х0,5 м	Сетчатая керамика
25	**Поселение Отрада**	Комаров К.И., Жилин М.Г., 1979 г.	Зачистка обнажения и сборы	Сетчатая керамика ПБВ, РЖВ?
26	**Селище Трубинка**	Комаров К.И., 1979 г.	Зачистка обнажения и сборы	Сетчатая керамика
27	**Селище Унжа II**	Урбан Ю.Н., 1981 г.	Шурфовка	Гладкостенная и сетчатая керамика
28	**Селище Леонтьево**	Урбан Ю.Н., 1981 г.	Зачистка обнажения и сборы	Гладкостенная, штрихованная и сетчатая керамика
29	**Городище Бухарино**	Урбан Ю.Н., 1982г.	Шурфовка	Сетчатая керамика
30	**Поселение Федоровское**	Смирнов В.И., Казаринов Л.Н. 1923,1926 гг.; Брюсов А.Я., Фосс М.Е., 1925 г.; Гаврилова И.В., 1962-1964, 1969-1973 гг.; Урбан Ю.Н., 1981 г.; Новиков А.В., 2004−2008 гг.	Раскопами вскрыто более 1500 кв. м	Сетчатая керамика
31	**Поселение Федоровское VII**	Ставицкий В.В., 1994 г.	Раскопами вскрыто 68 кв. м	Гладкостенная и сетчатая керамика

№	Наименование памятника	Автор и год исследования (обследования)	Исследование памятника (раскоп, шурф, сборы и др.).	Культурно-типологические комплексы РЖВ
32	**Городище Поповское (Ухтубужское)**	Нефедов Ф.Д., 1885 г.; Бекаревич Н.М., 1903 г.; Бадер О.Н., 1926 г.; Архипов Г.А., 1979 г.; Леонтьев А.Е., 1980−1984 гг.	Раскопан практически полностью на площади 1300 кв. м	Сетчатая керамика
33	**Городище Городище**	Комаров К.И. 1983 г.	Зачистка обнажений и сборы	Гладкостенная керамика

ТАБЛ. А.5. ПАМЯТНИКИ С ГРЕБЕНЧАТО-ШНУРОВОЙ И ШНУРОВОЙ КЕРАМИКОЙ РЖВ КОСТРОМСКОГО ПОВОЛЖЬЯ И ПОВЕТЛУЖЬЯ (ОДОЕВСКОЕ ГОРОДИЩЕ). ГЕОГРАФИЯ, ТОПОГРАФИЯ, ПЛОЩАДЬ

№	Наименование памятника	Местонахождение памятника	Примерная площадь памятника, м^2; размеры, м	Высота над уровнем поймы или урезом воды, м	Топография
I	**Поселение Быки (Пуп)**	Костромская область, Галичский район, западная окраина д. Быки	320, 20×16	7	Останец коренной террасы
II	**Городище Брюхово (Курган)**	Костромская область, Галичский район, близ южной окраины д. Брюхово	475, 38×12,5	8	Останец первой надпойменной террасы
III	**Городище Унорож**	Костромская область, Галичский район, на Ю окраине с. Унорож.	19000, 185×70-145 (полные размеры относятся к раннему средневековью, РЖВ не определяются	9−12	Останец коренной террасы
IV	**Поселение Умиленье (Пески)**	Костромская область, Галичский район, в 1,2 км к ВЮВ от с. Умиленье	12000, 300×35-45 (часть около 6000 кв.м относится к РЖВ)	2−6	Дюнное всхолмление в пойме
V	**Поселение Челсма**	Костромская область, Галичский район, к ЮЮЗ от г. Галича, на р. Челсма	Не определены, разрушено?	?	? Высокая пойма
VI	**Поселение Медведки II Шача**	Костромская область, Сусанинский район, в 1 км к ЮЗ от д. Медведки	60, 6×10	0,5−0,7	Дюнное всхолмление в пойме
VII	**Поселение Шунга**	Костромская область, Костромской район, близ с. Шунга, в 1 км от устья впадающей в р. Кострому р. Узаксы.	1400?, 200?×7-8? Разрушено.	6	Край первой надпойменной террасы

№	Наименование памятника	Местонахождение памятника	Примерная площадь памятника, м²; размеры, м	Высота над уровнем поймы или урезом воды, м	Топография
VIII	**Поселение Ватажка**	Костромская область, Костромской район, в 3,5 км к северо-востоку от д. Аганино	1800, 60×30	4	Останец в высокой пойме
IX	**Поселение Борань**	Костромская область, Костромской район, близ д. Вежи.	1500, разрушено.	6	Дюнное всхолмление в пойме
X	**Поселение Станок II**	Костромская область, Костромской район, в 4 км к ССВ от д. Аганино	1800, 60×30	2-3	Дюнное всхолмление в пойме
XI	**Поселение Станок I**	Костромская обл., Костромской район, сев. бер. оз. Борисово, в 3,6 км к ССВ от д. Аганино	5200, 130×40	5	Дюнное всхолмление в пойме
XII	**Поселение Хреново**	Костромская область, Костромской район, между с. Шунга и с. Саметь	2000?, 210×100-110?	5	Дюнное всхолмление в пойме
XIII	**Городище в Костроме**	Костромская область, Костромской район, г. Кострома, правобережная часть города, мкр. Заволжский	4418.29, 75×60−65 м	40	Мысовидный выступ коренной террасы
XIV	**Городище Минское**	Костромская область, Костромской район, в 1,5 км к ВЮВ от с. Минское	1450, 4,5−39×86	15−24	Мысовидный выступ коренной террасы
XV	**Городище Одоевское**	Костромская область, Шарьинский район, в 1 км к ВЮВ от с. Одоевское	1350, 25×55	18−20	Мысовидный выступ коренной террасы

ТАБЛ. А.6. ПАМЯТНИКИ С ГРЕБЕНЧАТО-ШНУРОВОЙ И ШНУРОВОЙ КЕРАМИКОЙ РЖВ КОСТРОМСКОГО ПОВОЛЖЬЯ И ПОВЕТЛУЖЬЯ (ОДОЕВСКОЕ ГОРОДИЩЕ). ОБЩИЕ ДАННЫЕ

№	Наименование памятника	Автор и год исследования (обследования)	Исследование памятника (раскоп, шурф, сборы и др.).	Мощность культур-ного слоя	Культурно-типологические комплексы РЖВ
1	2	3	4	5	6
I	**Поселение Быки (Пуп)**	Глазов В.Н., 1908 г.; Смирнов В.И., 1927 г.; Фосс М.Е., 1945–1947 гг.; Горюнова Е.И., 1961 г.; Урбан Ю.Н., 1981 г.	Сборы с поверхности, зачистка обнажений, раскопки на площади около 200 кв. м	до 0,5 м	Шнуровая и сетчатая керамика
II	**Городище Брюхово (Курган)**	Глазов В.Н., 1908 г.; Смирнов В.И., 1927 г.; Матасов М.И., 1956,1958 гг.; Горюнова Е.И., 1961 г.	Сборы с поверхности, шурфовка, раскопки на площади 190 кв. м	0,5–0,9 м	Гребенчато-шнуровая, шнуровая и сетчатая керамика
III	**Городище Унорож**	Херсонский И.К., Миловидов И.В., 1888 г.; Глазов В.Н., 1908 г.; Смирнов В.И. 1927 г.; Матасов М.И., 1956, 1958 гг.; Комаров К.И., 1983 г.; Рябинин Е.А., 1988–1989 гг.; Новиков А.В., 2013-2014 гг.	Сборы с поверхности, зачистка обнажений, раскопки на площади более 170 кв. м	1–1,1 м многослойный, слой РЖВ стратиграфически не определяется	Гребенчато-шнуровая, шнуровая и сетчатая керамика
IV	**Поселение Умиленье (Пески)**	Предтеченский К.И., 1925 г.; Смирнов В.И., 1927-1928 гг.; Фосс М.Е., 1945–1947 гг.; Гаврилова И.В., 1962 г.; Урбан Ю.Н., 1981 г.	Сборы с поверхности, раскопки на площади более 500 кв. м	0,3–1 м многослойный	Шнуровая и сетчатая керамика. Последние комплексы сильно превалируют.
V	**Поселение Челсма**	Горюнова Е.И., 1961 г.	Осмотр вещевого комплекса в Галичском музее	?	Судя по описаниям Е.И. Горюновой, представлена шнуровая и сетчатая керамика.

№	Наименование памятника	Автор и год исследования (обследования)	Исследование памятника (раскоп, шурф, сборы и др.).	Мощность культур-ного слоя	Культурно-типологические комплексы РЖВ
1	2	3	4	5	6
VI	**Поселение Медведки II Шача**	Матасов М.И., 1954, 1956 гг., Гаврилова И.В., 1975, 1977 гг.	Сборы с поверхности. Раскоп на площади 33 кв. м	0,2–0,45 м многослойный	Шнуровая и сетчатая керамика
VII	**Поселение Шунга**	Гурина Н.Н., 1954 г.	Раскопки на площади свыше 50 кв. м практически исчерпавшие памятник	0,5 м	Гребенчато-шнуровая, шнуровая, гладкостенная, штрихованная и сетчатая керамика
VIII	**Поселение Ватажка**	Третьяков П.Н., 1924 г.; Смирнов В.И., 1925-1927 гг.; Гурина Н.Н., 1954 г.; Комаров К.И., Жилин М.Г. 1980 г.	Раскопки на площади около 440 кв. м	Достигает 0,43 м	Гребенчато-шнуровая, шнуровая, гладкостенная, штрихованная и сетчатая керамика
IX	**Поселение Борань**	Смирнов В.И., 1924–1927 гг.; Гурина Н.Н., 1954 г.	Раскопки на площади около 597,5 кв. м	0,4–0,6 м многослойный	Шнуровая и сетчатая керамика
X	**Поселение Станок II**	Гурина Н.Н., 1954 г.; Комаров К.И., Жилин М.Г. 1980 г.	Зачистка обнажений, Раскоп на площади 100 кв. м	0,35–0,9 м многослойный	Шнуровая и сетчатая керамика
XI	**Поселение Станок I**	Смирнов В.И., 1927–1928 гг.; Гурина Н.Н., 1954 г.; Комаров К.И., Жилин М.Г., 1980 г.	Раскопки на площади 159 кв. м	0,6–0,8 м многослойный; керамика РЖВ до 0,37 м	Гребенчато-шнуровая, шнуровая и сетчатая керамика
XII	**Поселение Хреново**	Китицына Л.С., Рейпольский С.Н., 1927 г.	Зачистка обнажения, шесть шурфов.	0,26–0,43 м	Шнуровая и сетчатая керамика? Находки списаны. Авторы отмечают значительное сходство с керамикой Ватажки.

№	Наименование памятника	Автор и год исследования (обследования)	Исследование памятника (раскоп, шурф, сборы и др.).	Мощность культур-ного слоя	Культурно-типологические комплексы РЖВ
1	2	3	4	5	6
XIII	**Городище в Костроме**	Миловидов И.В., 1890 г.; Бекаревич Н.М., 1902 г.; Комаров К.И., 1983 г.; Новиков А.В., 2011, 2013 гг.	Сборы с поверхности, зачистка обнажений, раскопки на площади более 400 кв. м, определение границ	Достигает 0,8 м, в среднем около 0,3–0,4 м	Гребенчато-шнуровая, шнуровая, гладкостенная, штрихованная и сетчатая керамика
XIV	**Городище Минское**	Бекаревич Н.М., 1892 г.; Виноградов Н.Н., Преображенский И.Д. 1908 г.; Смирнов В.И., 20-е гг. XX в., Гурина Н.Н., 1954 г.; Леонтьев А.Е., 1976 г.; Патрушев В.С., 1989–1992 гг.	Сборы с поверхности, раскопки на площади более 300 кв. м	0,8–1,3 м, у склона оврага 2,6 м	Гребенчато-шнуровая, шнуровая, гладкостенная, штрихованная и сетчатая керамика
XV	**Городище Одоевское**	Нефедов Ф.Д., 1883 г.; Бекаревич Н.М., 1903 г.; Бадер О.Н., 1925–1926 гг.; Комаров К.И., 1981 г.; Новиков А.В., 1999 г.	Шурфовка и раскопки на площади около 250 кв. м. Осмотр территории.	достигает 2 м, выделяется три горизонта	Гребенчато-шнуровая, шнуровая и сетчатая керамика

ТАБЛ. А.7. ФОРМЫ СОСУДОВ

Наименование памятника	Форма сосудов (количество выделенных сосудов по верхней части)					
	Плавнопро-филированные с «воротничком»	Плавно-профилированные	Профили-рованные	Слабопро-филированные с округлым плечом	Слабопро-филированные с пологим низким плечом	Чаше-видные
Ватажка	13	26	16	9	22	-
Быки (Пуп)	6	3	2	-	3	-
Брюхово (Курган)	-	2	5	-	1	-
Медведки II Шача	-	-	-	-	1	-
Борань	-	2	-	-	-	-
Станок II	-	-	1	-	2	1
Станок I	1	-	-	-	2	-
Городище в Костроме	1	-	1	-	3	-
Шунга	-	3	4	-	5	1
Минское	1	4	10	5	21	4
ИТОГО:	**12,2%**	**22,1%**	**21,6 %**	**7,7%**	**33,1%**	**3,3%**

П р и м е ч а н и е. – В таблице не отмечены фрагменты керамики (шейки, стенки), достоверно не соотнесенные с той или иной группой сосудов. Но, судя по оформлению плеча и изгибу шейки, соотносятся со слабопрофилированными и плавнопрофилированными сосудами, которых может быть значительно больше.

ТАБЛ. А.8. ФОРМА ВЕНЧИКА

Форма сосудов	Форма края									
	а	б	в	г	д	е	ж	з	и	к
I. Плавнопрофилированные	4	9	1	5	4	8	3	5	22	1
II. Профилированные	8	2	4	6	3	-	-	3	-	-
III.а. Слабопрофилированные с округлым плечом	4	2	-	-	2	2	-	2	-	2
III.б. Слабопрофилированные с пологим низким плечом	2	3	1	10	14	6	8	9	-	10
IV. Чашевидные	-	-	-	2	2	2	-	-	-	-
ИТОГО: кол-во/ %.	**18/ 10,6%**	**16/ 9,4%**	**5/ 2,9%**	**23/ 13,5%**	**25/ 14,7%**	**18/ 10,6%**	**11/ 6,5%**	**19/ 11,2%**	**22/ 12,9%**	**13/ 7,7%**

П р и м е ч а н и е: а) округлый или скругленный; б) округлый с валиковым наплывом; в) округло-приостренный; г) в виде скошенного наружу бортика; д) плоский; е) плоский с утолщением по краям; ж) с Т-образной оттяжкой; з) с Г-образной оттяжкой; и) с «воротничком»; к) гофрированный.

ТАБЛ. А.9. ВСТРЕЧАЕМОСТЬ ТЕХНИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ ОРНАМЕНТАЦИИ НА ГРЕБЕНЧАТО-ШНУРОВОЙ И ШНУРОВОЙ ПОСУДЕ ПОСЕЛЕНИЙ ОКРЕСТНОСТЕЙ ГАЛИЧСКОГО ОЗЕРА И СУСАНИНСКОГО БОЛОТА

Техника орнаментации	**Доля, %**
Шнур	31,8
Шнур, вдавления	39,2
Шнур, гребенчатый штамп	7,3
Шнур, вдавления, гребенчатый штамп	7,3
Гребенчатый штамп	2,4
Гребенчатый штамп, вдавления	4,8
Вдавления	4,8
Шнур, нарезка	2,4
Итого	**100**

ТАБЛ. А.10. ВСТРЕЧАЕМОСТЬ ТЕХНИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ ОРНАМЕНТАЦИИ НА ГРЕБЕНЧАТО-ШНУРОВОЙ И ШНУРОВОЙ ПОСУДЕ ПОСЕЛЕНИЙ КОСТРОМСКОЙ НИЗИНЫ

Техника орнаментации	**Доля, %**
Шнур	31,5
Шнур, вдавления	60,5
Шнур, гребенчатый штамп	2,8
Шнур, вдавления, гребенчатый штамп	2,8
Гребенчатый штамп	0,4
Гребенчатый штамп, вдавления	0,4
Вдавления	0,8
Шнур, нарезка	0,8
Итого	**100**

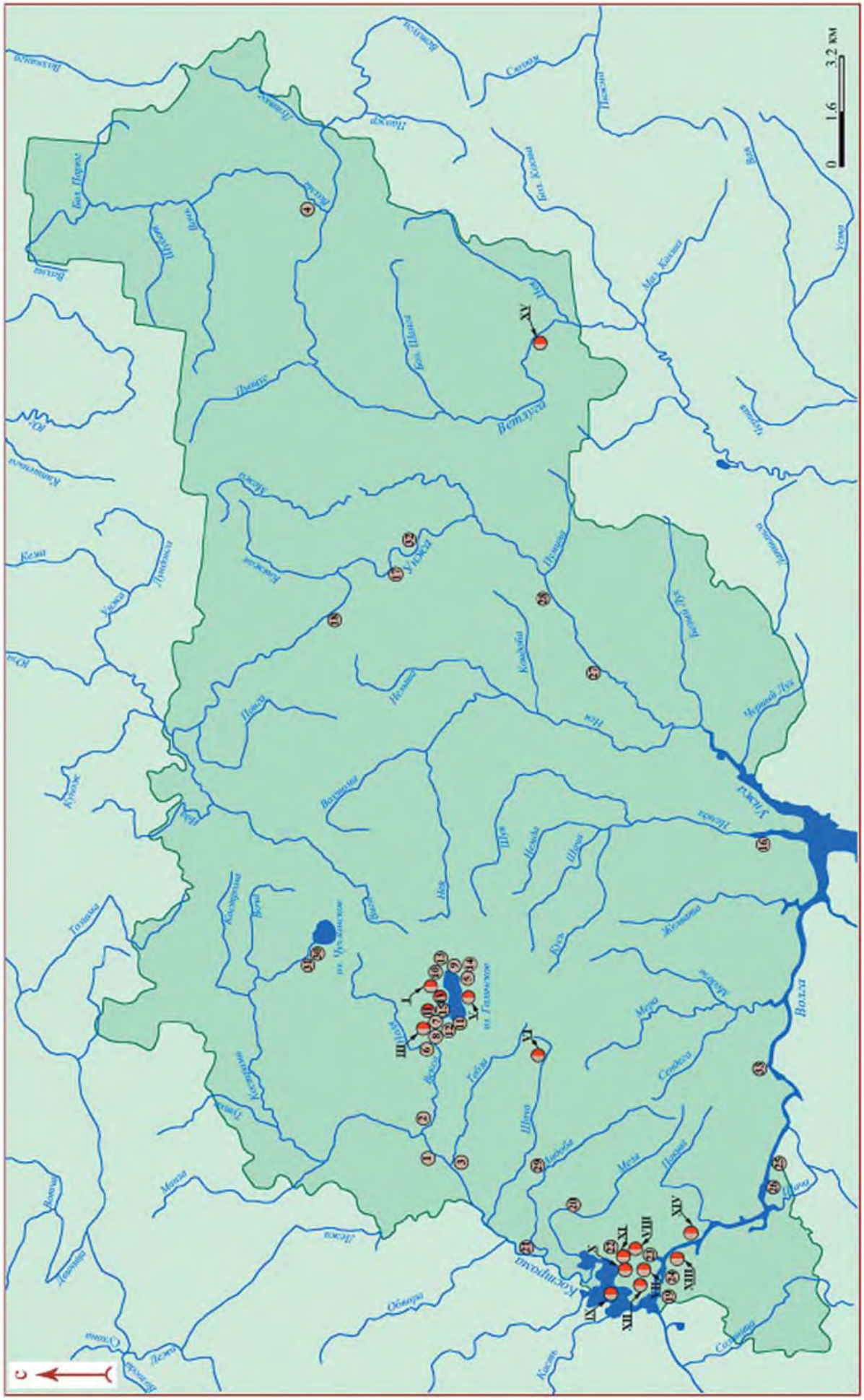


Рис. 1. Памятники РЖВ Костромского Поволжья.
- памятники с гладкостенной, сетчатой и штрихованной керамикой.
- памятники с гребенчато-шнуровой, шнуровой и гибридной керамикой

Список памятников к рис. 1.

Памятники РЖВ с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой ананьинского типа.

I - Быки (Пуп).
II - Брюхово (Курган).
III - Унорож.
IV - Умиленье (Пески).
V - Челсма.
VI - Медведки II (Шача).
VII - Шунга.
VIII - Ватажка.
IX - Борань.
X - Станок II.
XI - Станок I.
XII - Хреново.
XIII - в г. Костроме.
XIV - Минское.
XV – Одоевское (памятник Поветлужья).

Памятники РЖВ с гладкостенной,сетчатой и штрихованной керамикой.

1 - Княгинино.
2 - Бараново II.
3- Усть - Тебза.
4 - Красноборы.
5 - в г. Галиче.
6 - Воскресенское.
7 - Брюхово II.
8 - Брюхово III.
9 - Лихарево II.
10 - Туровское II.
11 - Унорож.
12 - Кучумиха.
13 – Туровское I (Заячья горка).
14 - Шокша (Бугорки).
15 - Демьяновское.
16 - Хохлянки.
17 - Рапоново.
18 - Аверьяновка.
19 - Борщино.
20 - Городище.
21 - Колгора.
22 - Бораны.
23 - Емсна.
24 - Коряково II.
25 - Отрада.
26 - Трубинка.
27 - Унжа II.
28 - Леонтьево.
29 - Бухарино.
30 - Федоровское.
31 - Федоровское VII.
32 - Поповское (Ухтубужское).
33 - Городище.

Рис. 2. Список памятников РЖВ Костромского Поволжья. Условные обозначения.

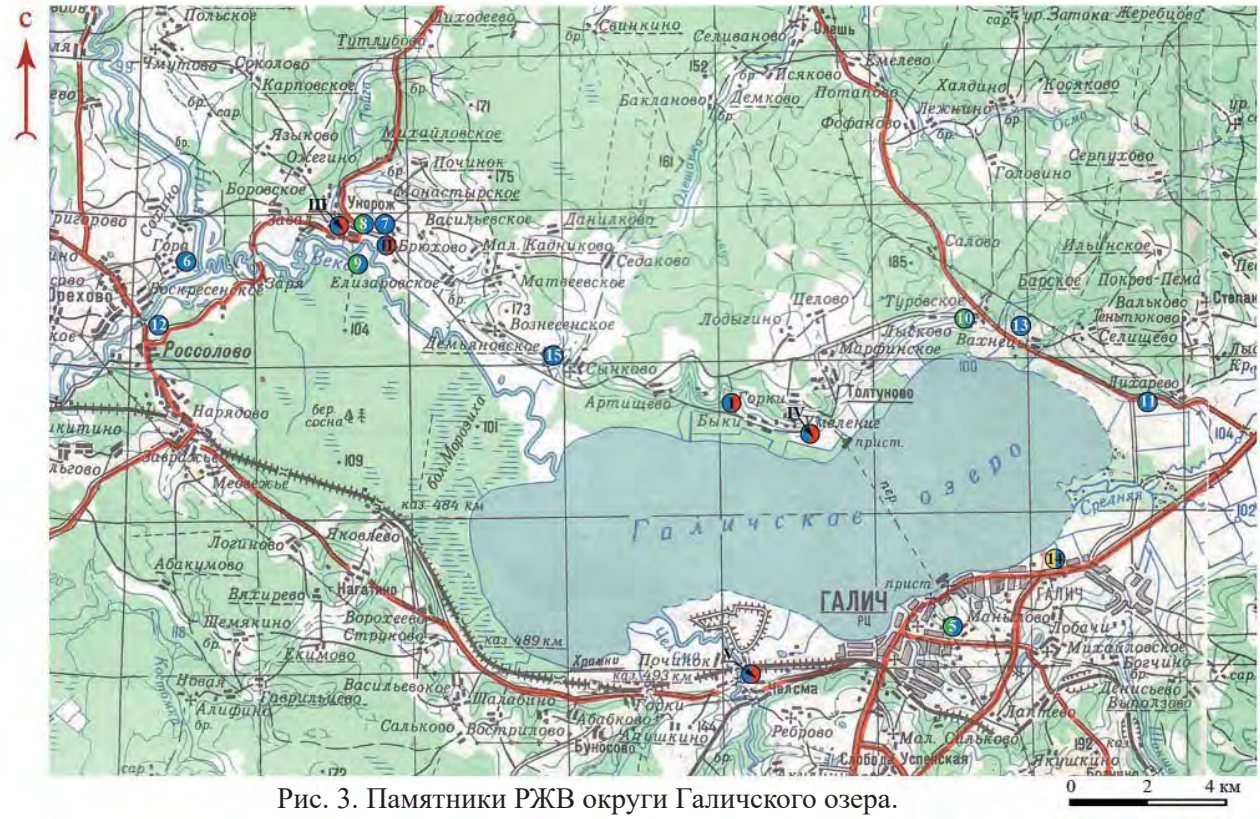


Рис. 3. Памятники РЖВ округи Галичского озера.

I – Быки (Пуп).
II – Брюхово (Курган).
III – Унорож.
IV – Умиленье (Пески).
V – Челсма.
5 – в г. Галиче.
6 – Воскресенское.
7 – Брюхово II.
8 –Брюхово III.
9 – Лихарево II.
10 –Туровское II.
11 – Унорож.
12 – Кучумиха.
13 – Туровское I (Заячья горка).
14 –Шокша (Бугорки).
15 – Демьяновское.

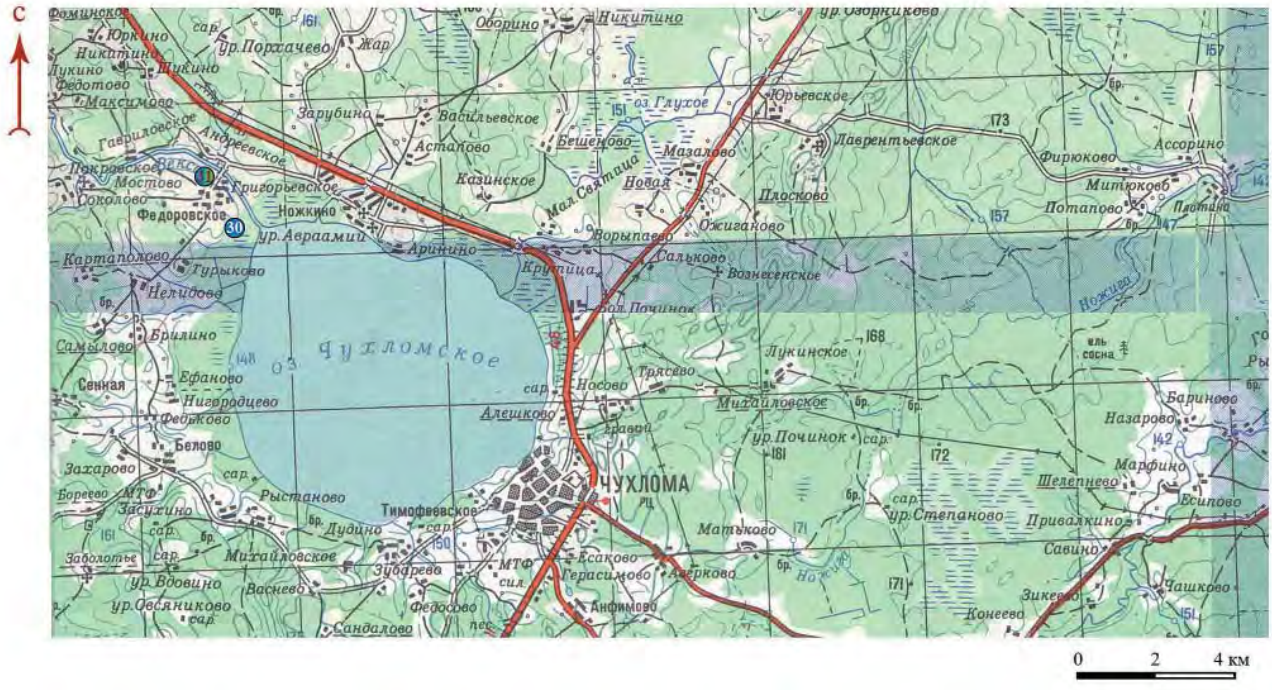


Рис. 4. Памятники РЖВ округи Чухломского озера.
30 – Федоровское. 31 – Федоровское II.

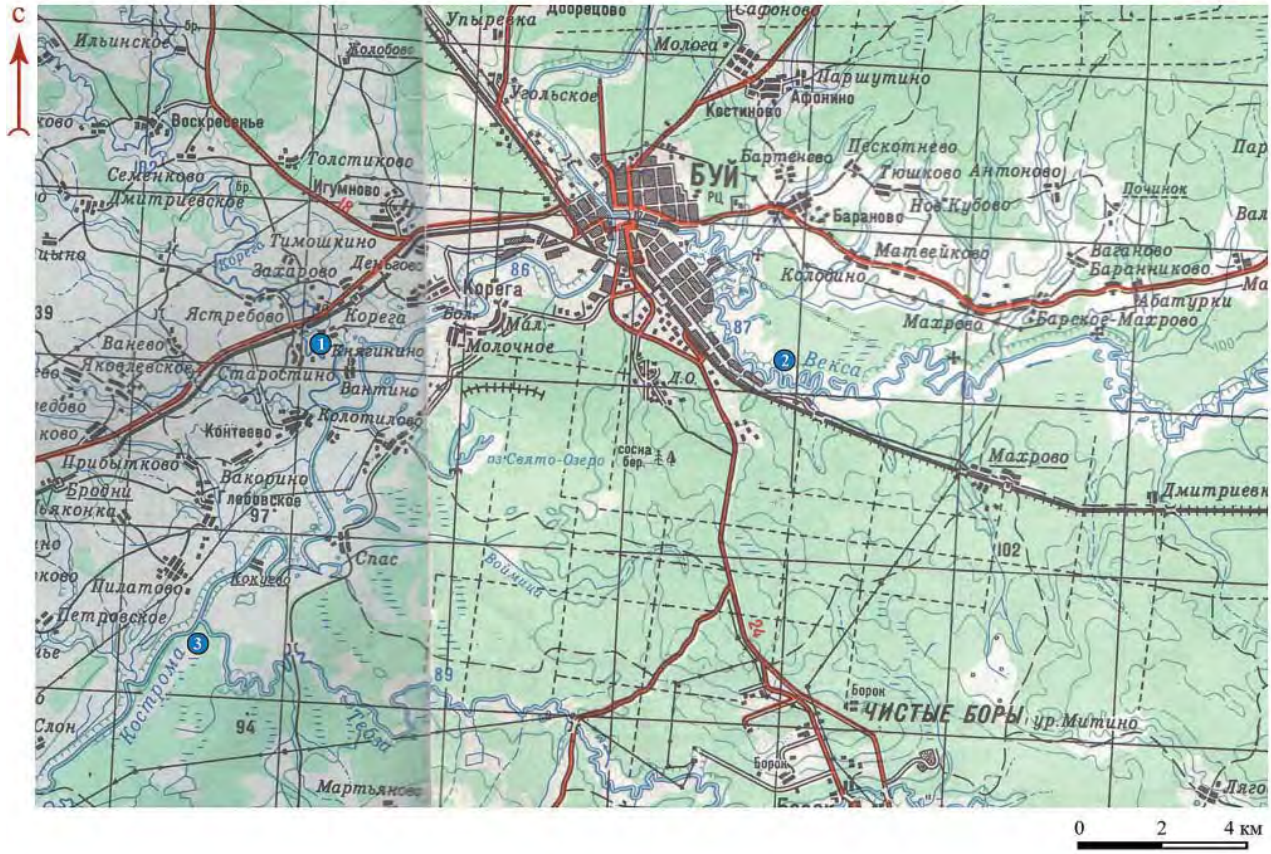


Рис. 5. Памятники РЖВ бассейна р. Кострома, Векса.
1 – Княгинино. 2 – Бараново II. 3 – Усть-Тебза.

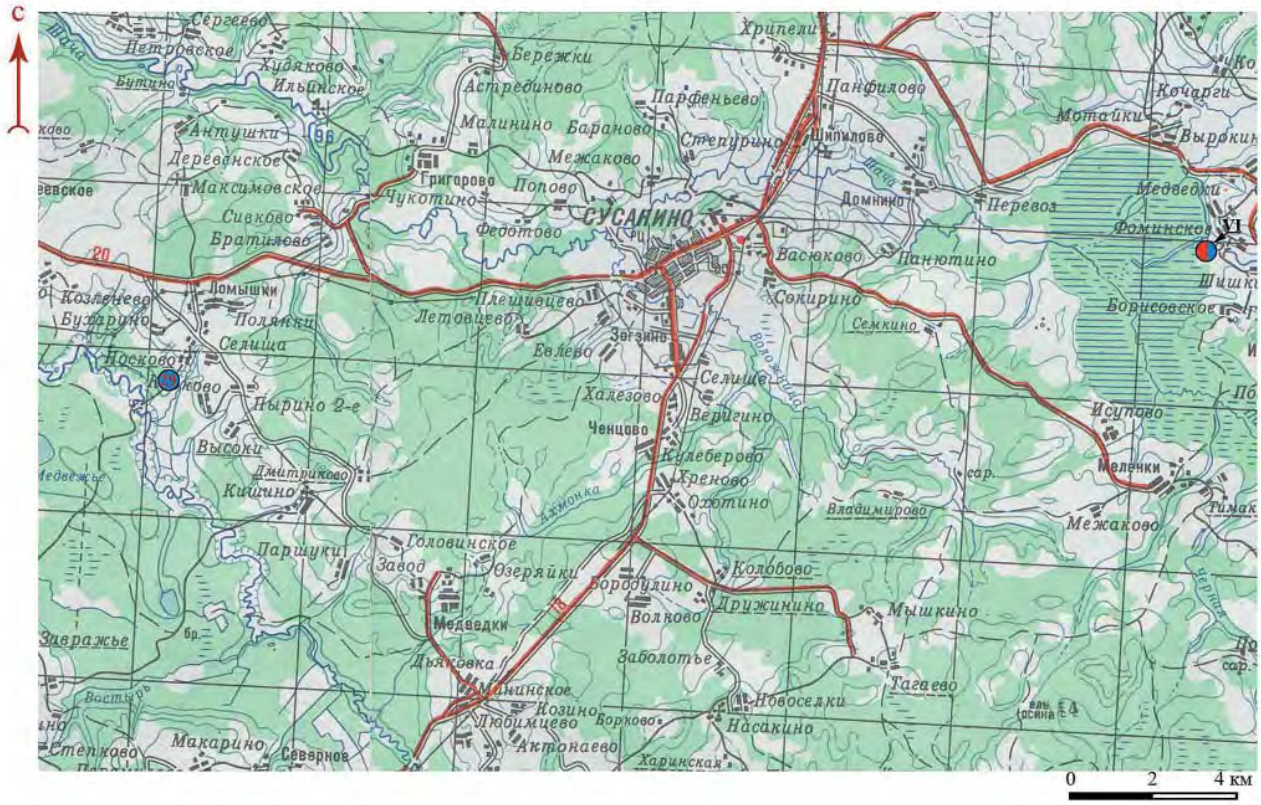


Рис. 6. Памятники РЖВ бассейна р. Андоба и окрестностей Сусанинского болота.
VI – Медведки II (Шача). 29 – Бухарино.

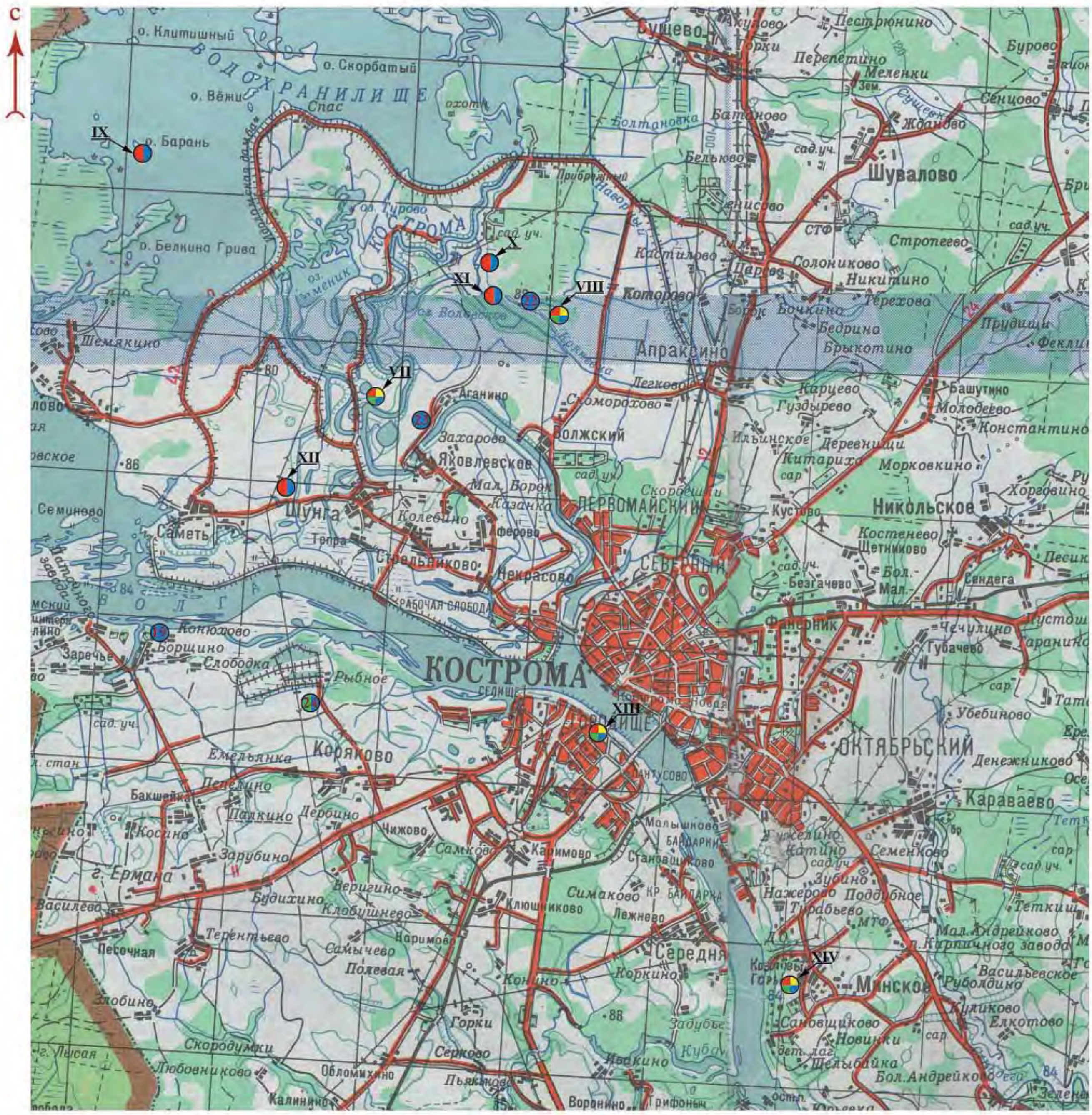


Рис. 7. Памятники РЖВ территории Костромской низины.

VII – Шунга.
VIII. Ватажка.
IX – Борань.
X – Станок II.
XI – Станок I.
XII – Хреново.
XIII – в Костроме.
XIV – Минское.

19 – Борщино.
22 – Бораны.
23 – Емсна.
24 – Коряково.

Рис. 8. Памятники РЖВ территории Костромской низины.
20 – Городище. 21 – Колгора.

Рис. 9. Памятники РЖВ бассейна р. Волги.
25 – Отрада. 26 – Трубинка.

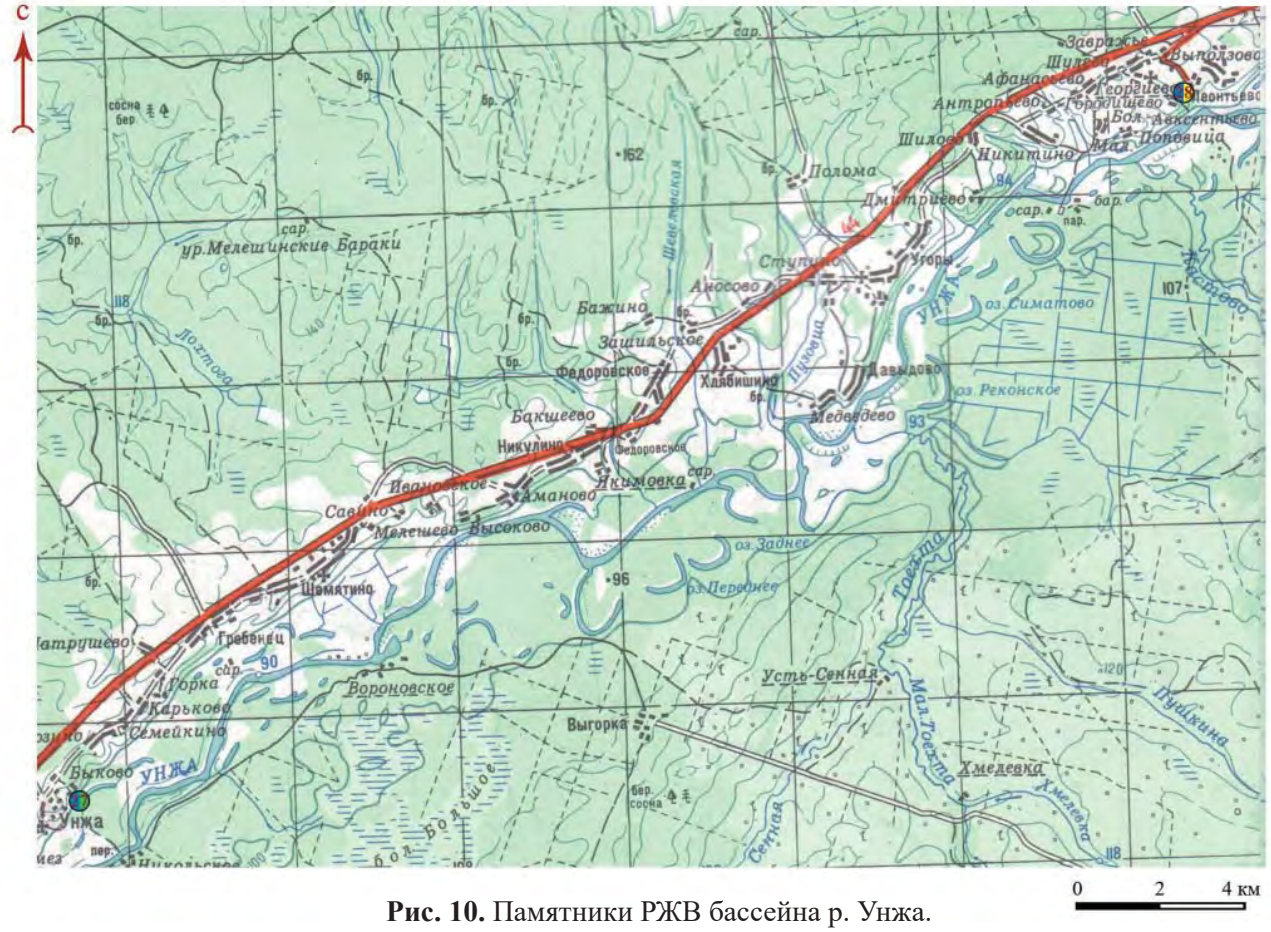


Рис. 10. Памятники РЖВ бассейна р. Унжа.
27 – Унжа II. 28 – Леонтьево.

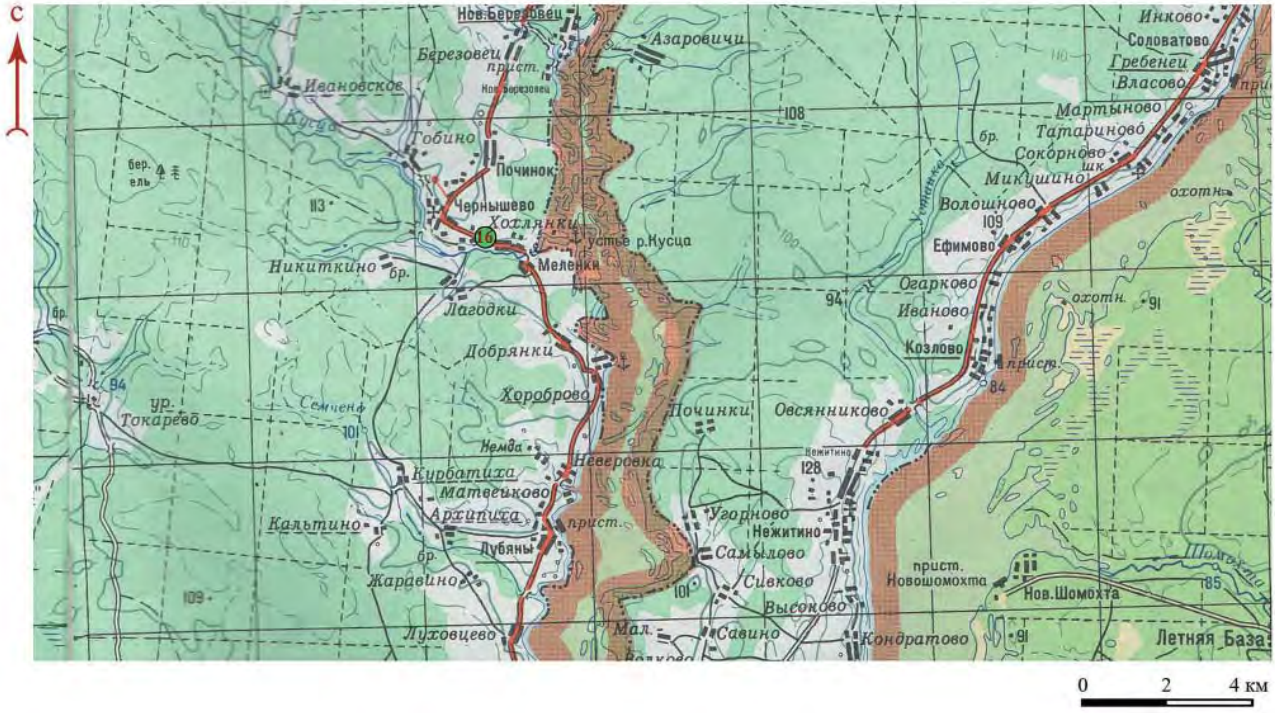


Рисунок 11. Памятники РЖВ бассейна р. Немда.
16 – Хохляки.

Рис. 12. Памятники РЖВ бассейна р. Унжа.
17 – Рапоново. 18 – Аверьяновка.

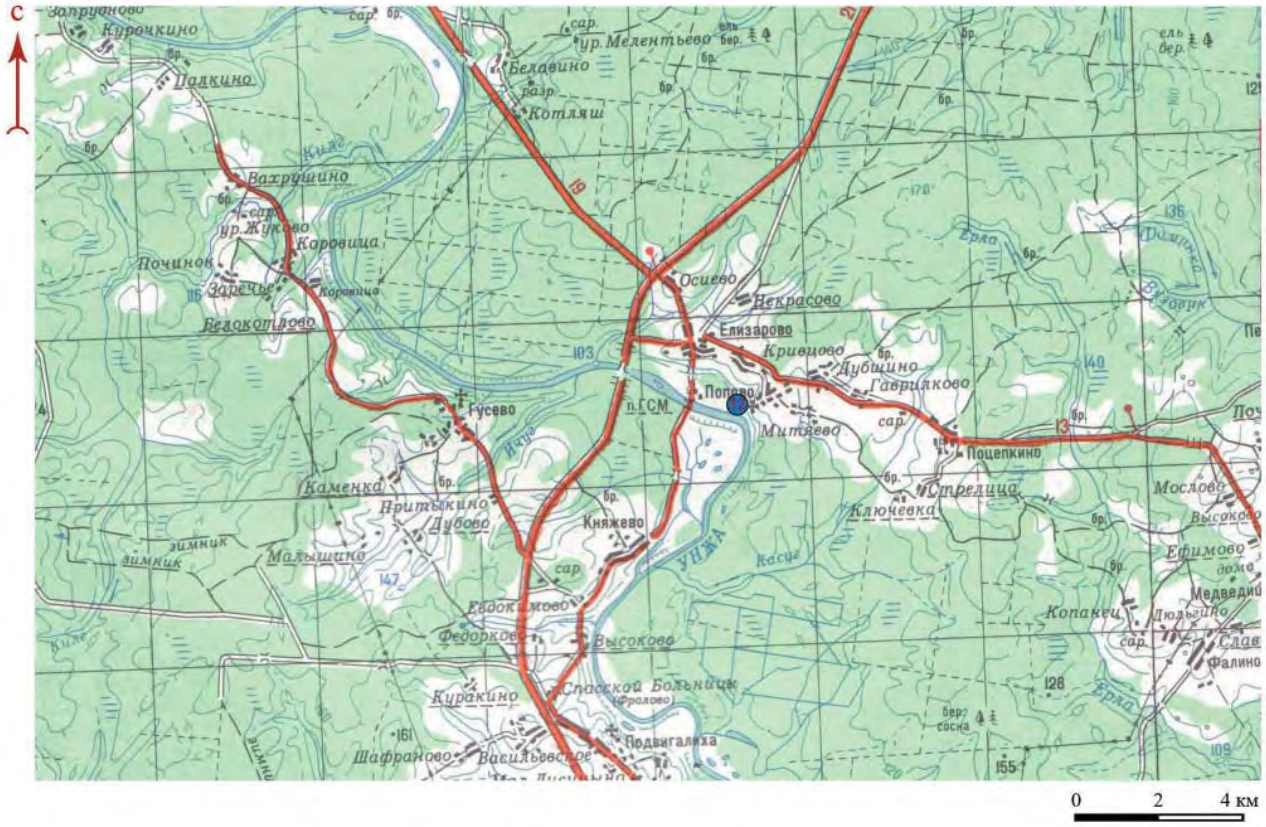
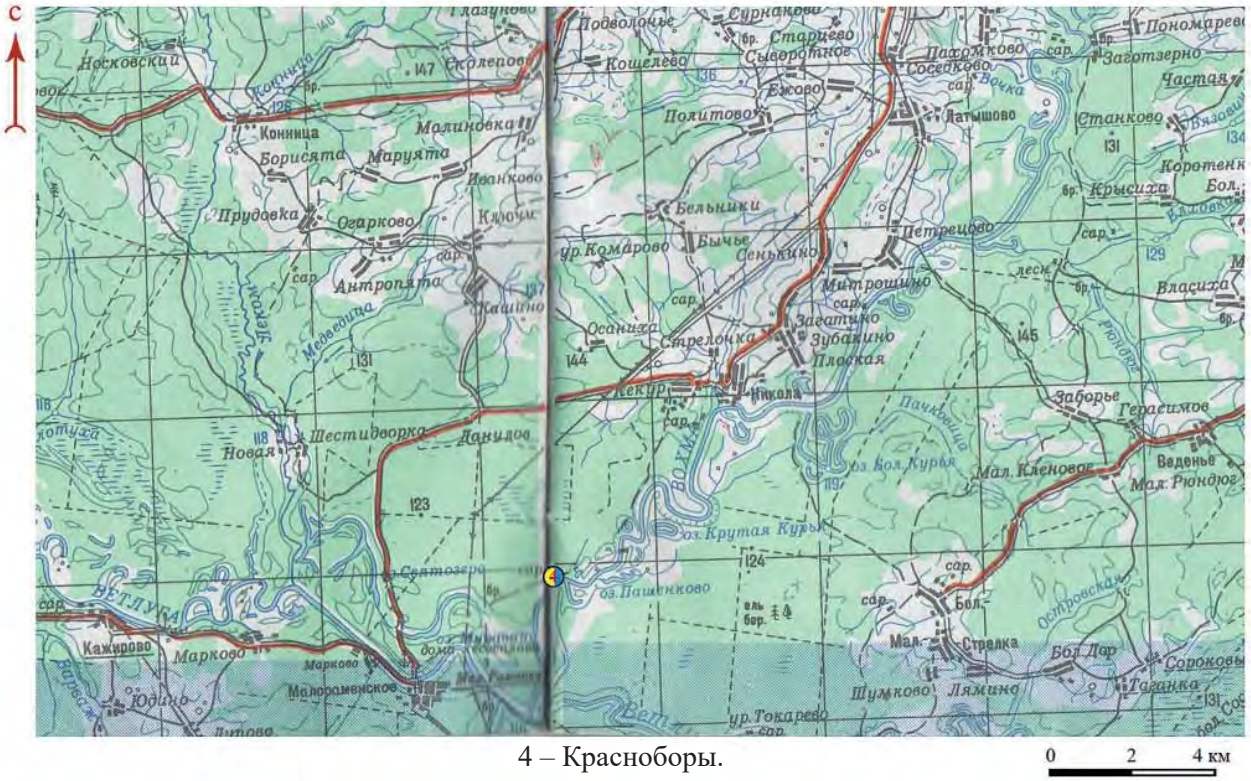


Рис. 13. Памятники РЖВ бассейна р. Унжа.
32 –Поповское (Ухтубужское)

XV –Одоевское.



4 – Красноборы.

Рис. 14. Памятники РЖВ бассейна р. Ветлуга.

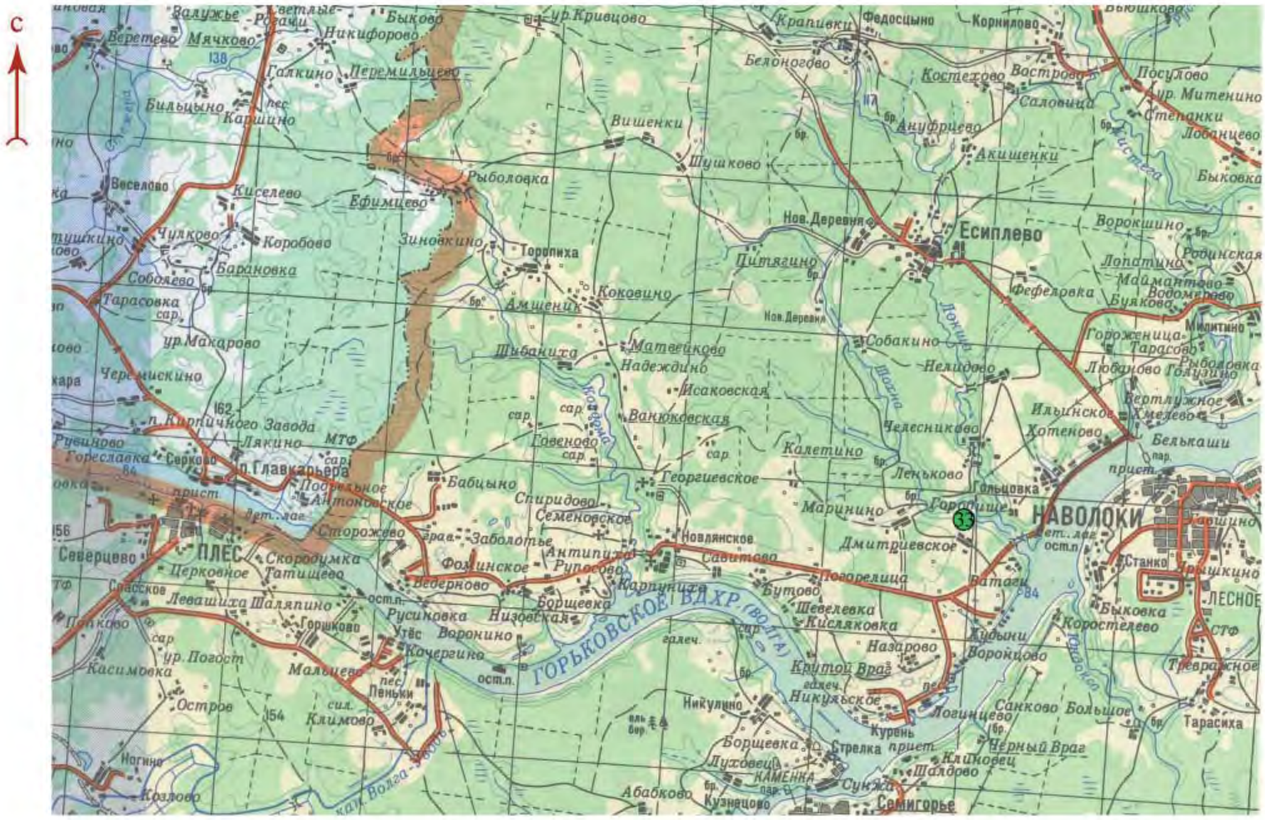


Рис. 15. Памятники РЖВ бассейна р. Волга.
33 –Городище.

Общий вид на поселение. Вид с ЮЮЗ.

Общий вид на поселение. Вид с ЮВ.

Рис. 16. Общий вид памятника археологии. Поселение Быки (Пуп).

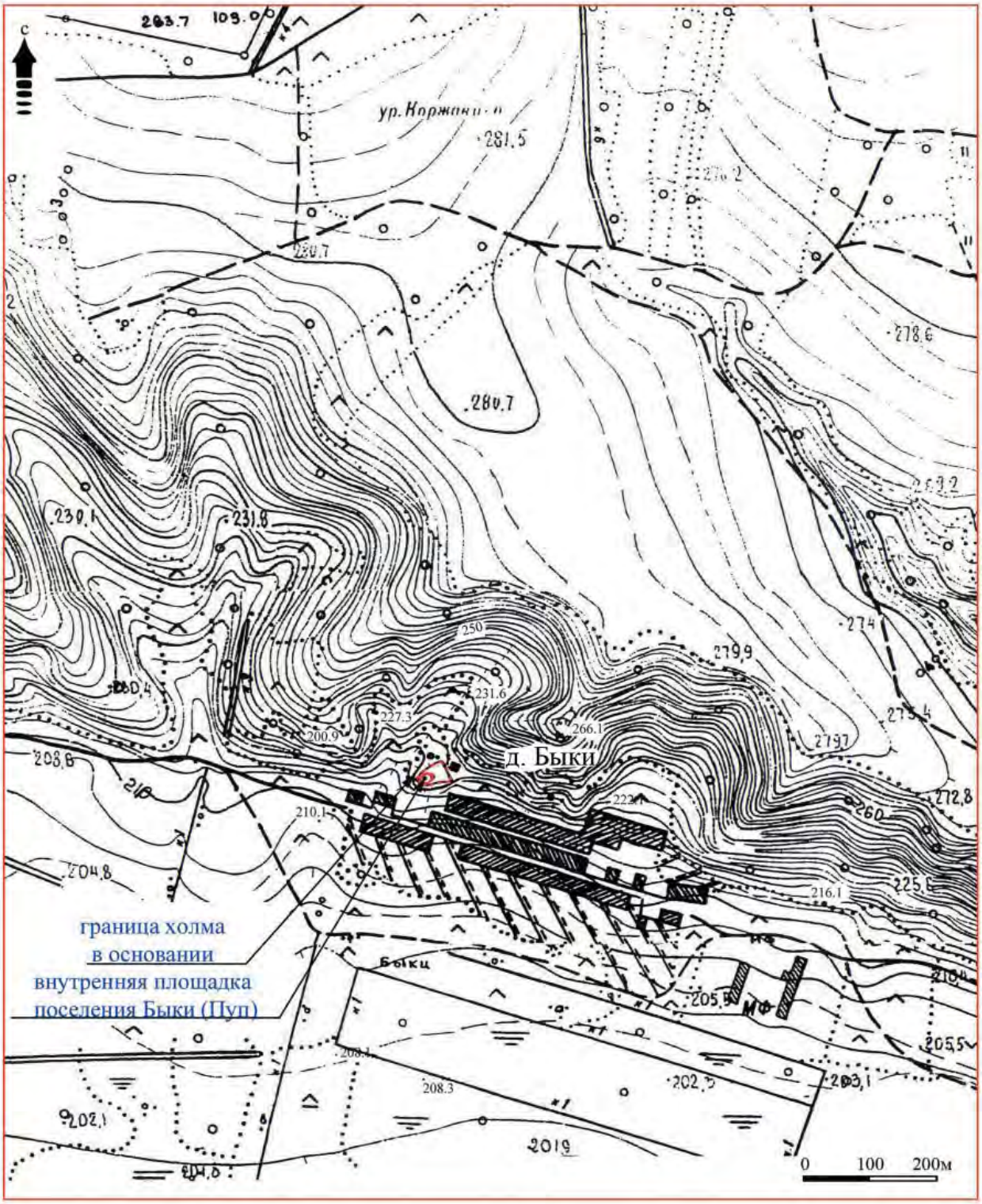
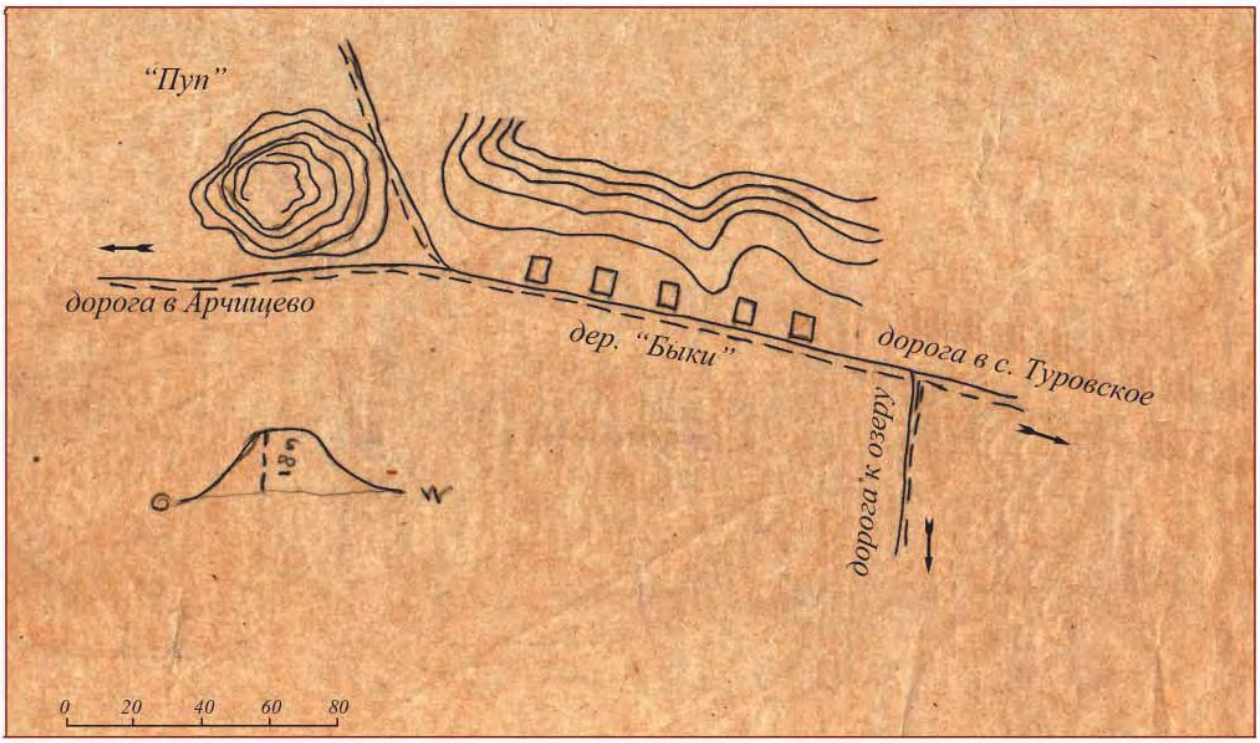


Рис. 17. Ситуационный план памятника археологии. Поселение Быки (Пуп).



Паспортные данные 1949 г. Составитель Белов Л. И.

Паспортные данные 1982 г. С обозначением поселения Быки. Составитель Урбан Ю. Н.

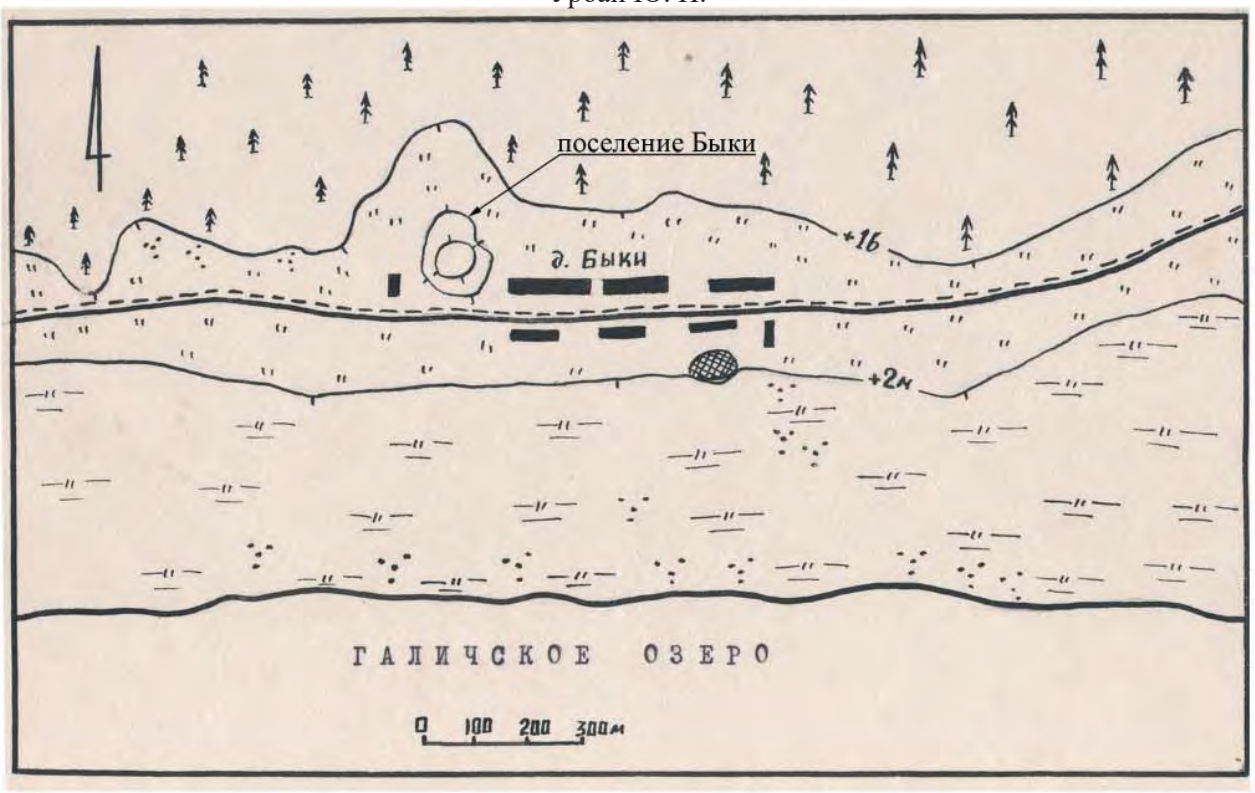


Рис. 18. План памятника археологии. Поселение Быки (Пуп).

Общий вид на городище. Вид с ЮЮВ.

Общий вид на городище. Вид с севера.

Рис. 19. Общий вид памятника археологии. Городище Брюхово (Курган).

О

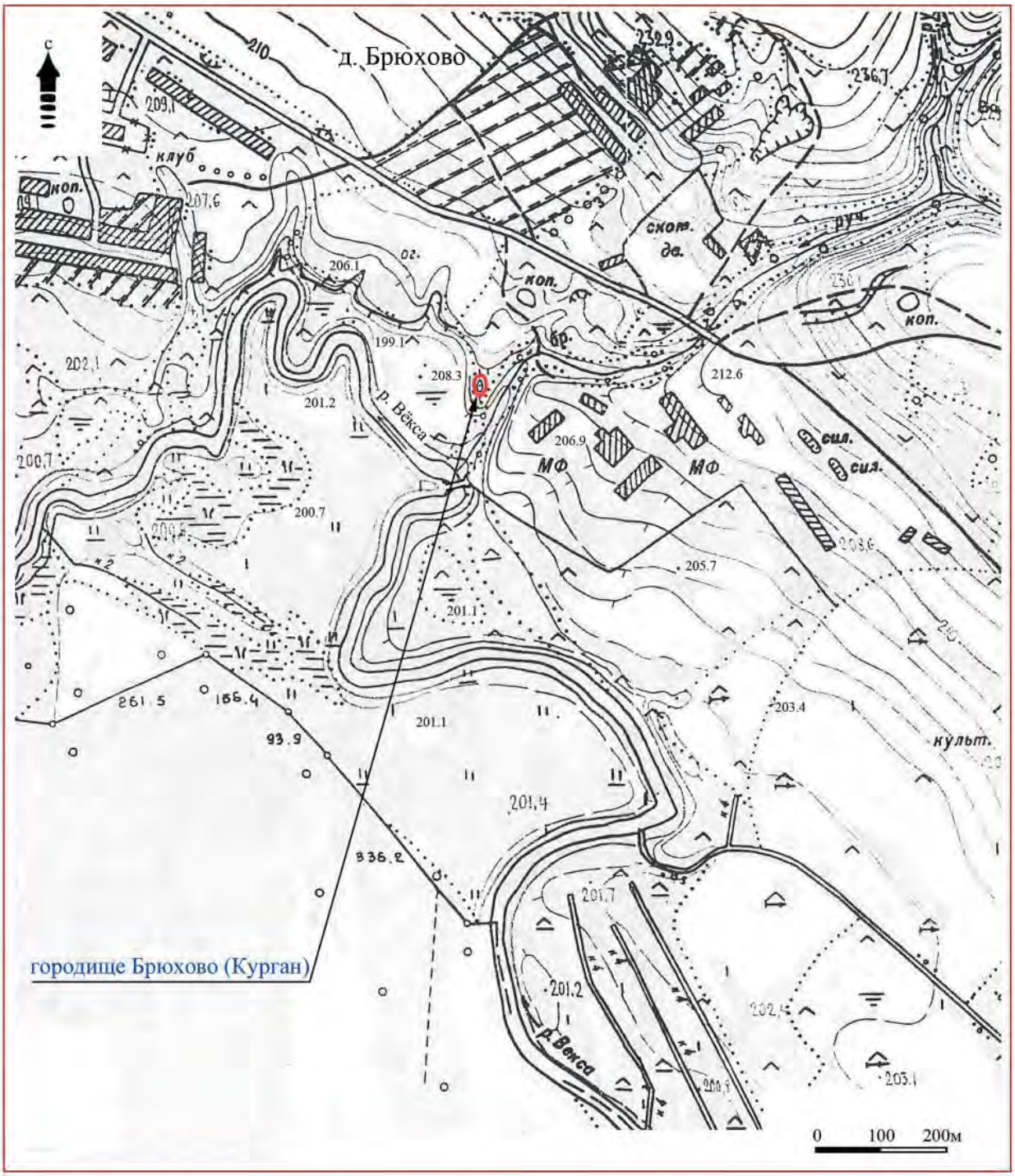


Рис. 20. Ситуационный план памятника археологии. Городище Брюхово (Курган).

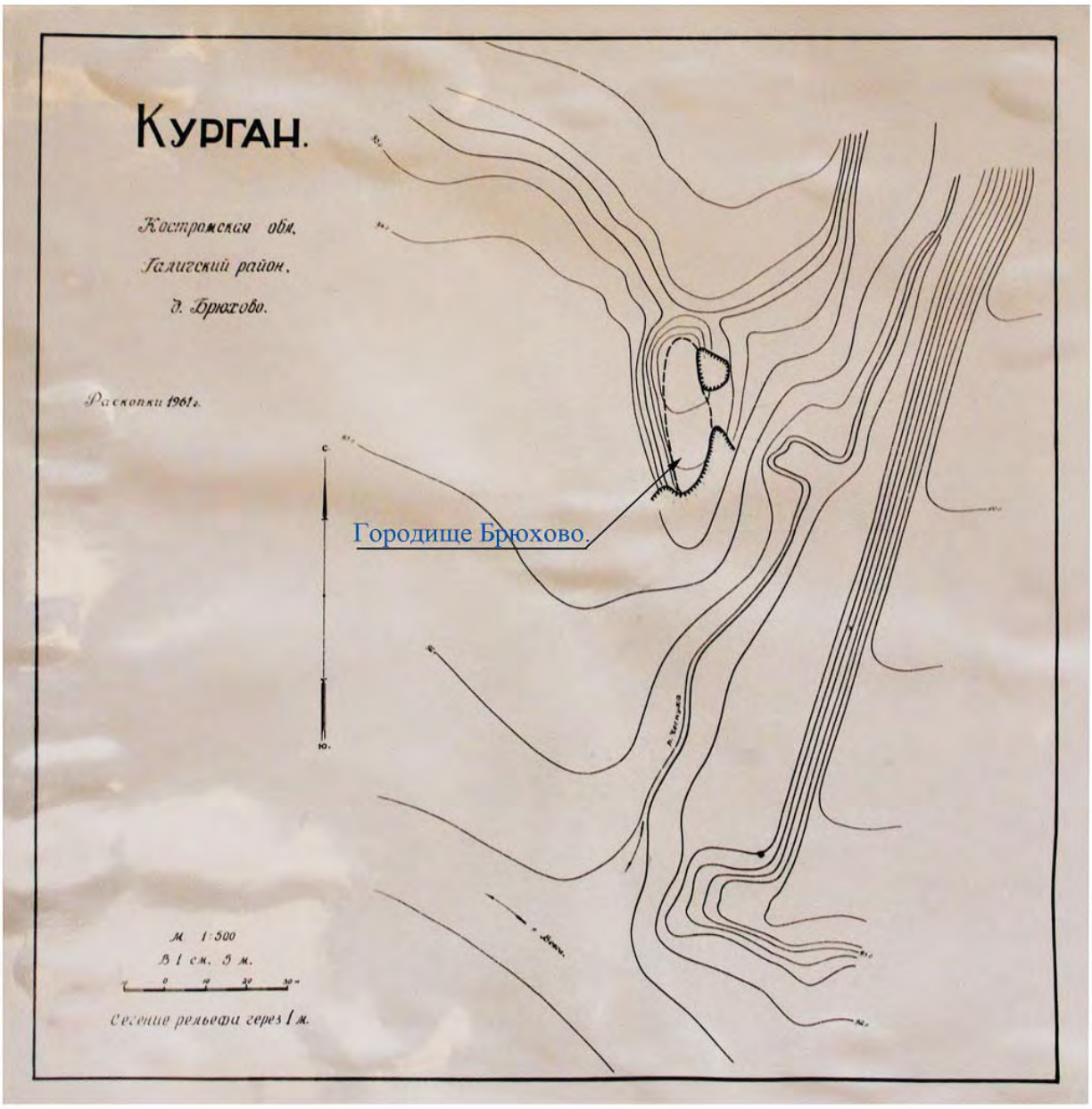


Рис. 21. План памятника археологии. Городище Брюхово (Курган).
Горюнова Е. И., 1961 г.

Общий вид на городище. Вид с юга.

Общий вид на городище. Вид с востока.

Рис. 22. Общий вид памятника археологии. Городище Унорож.

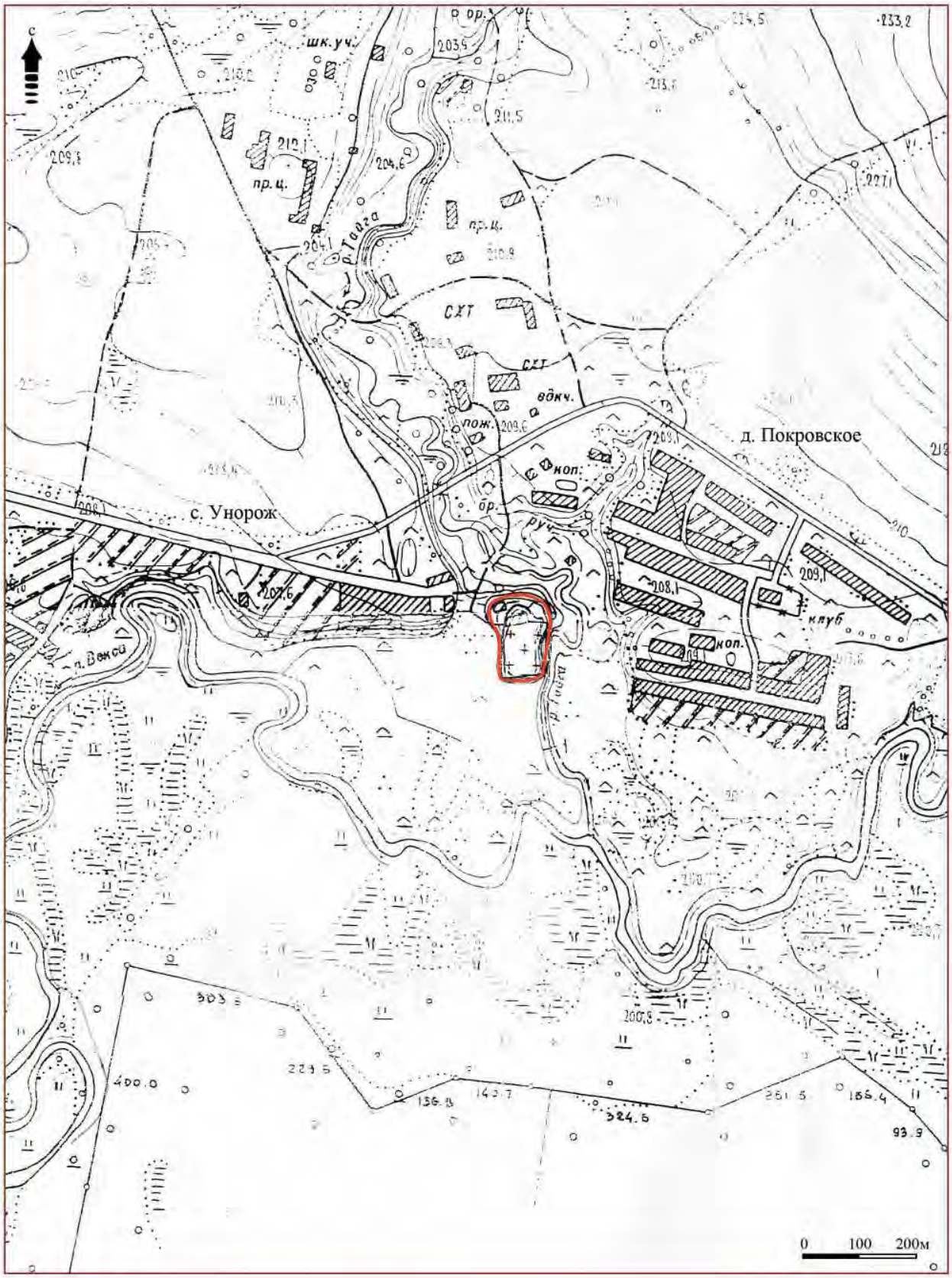


Рис. 23. Ситуационный план памятника археологии. Городище Унорож.

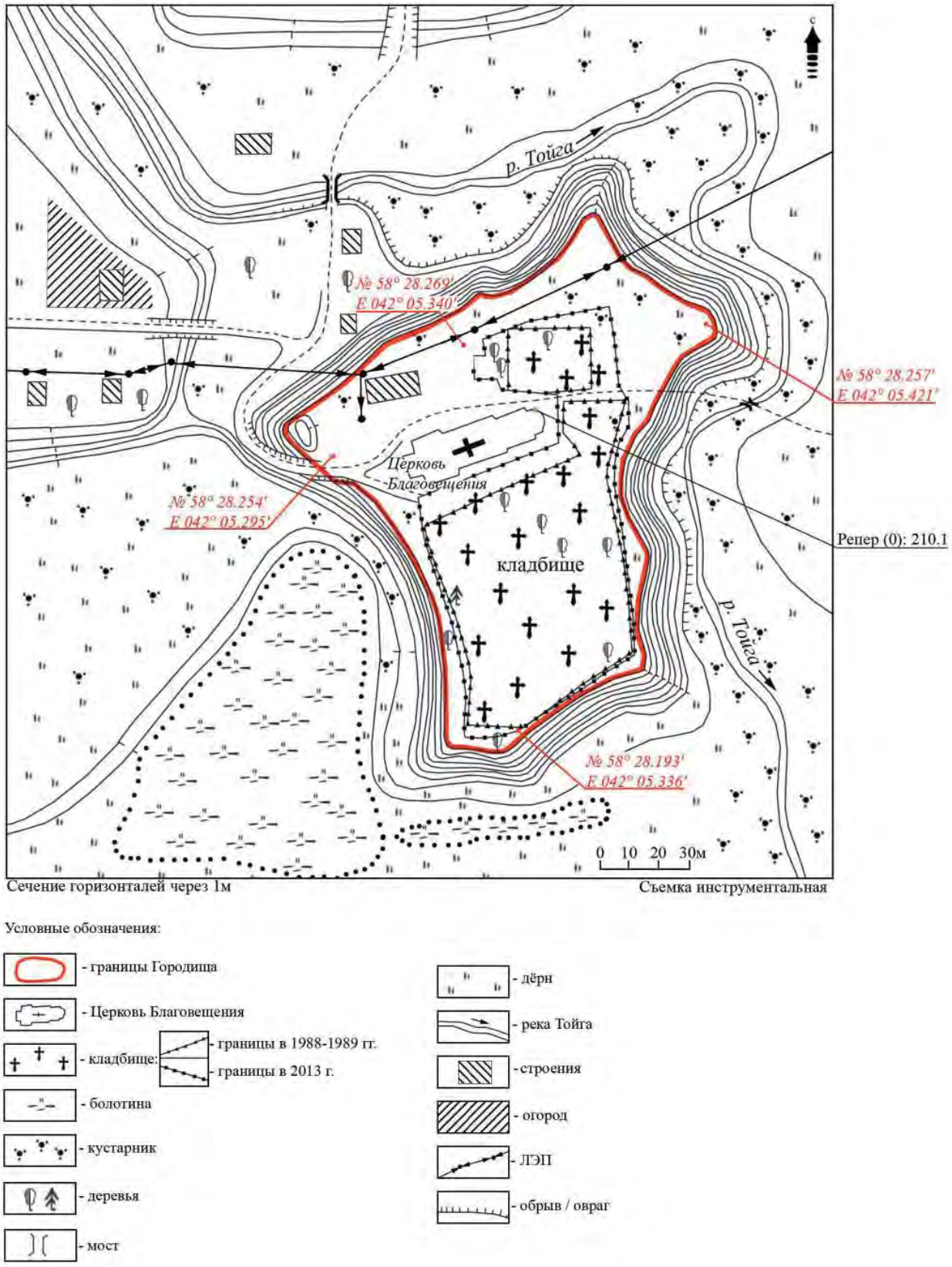
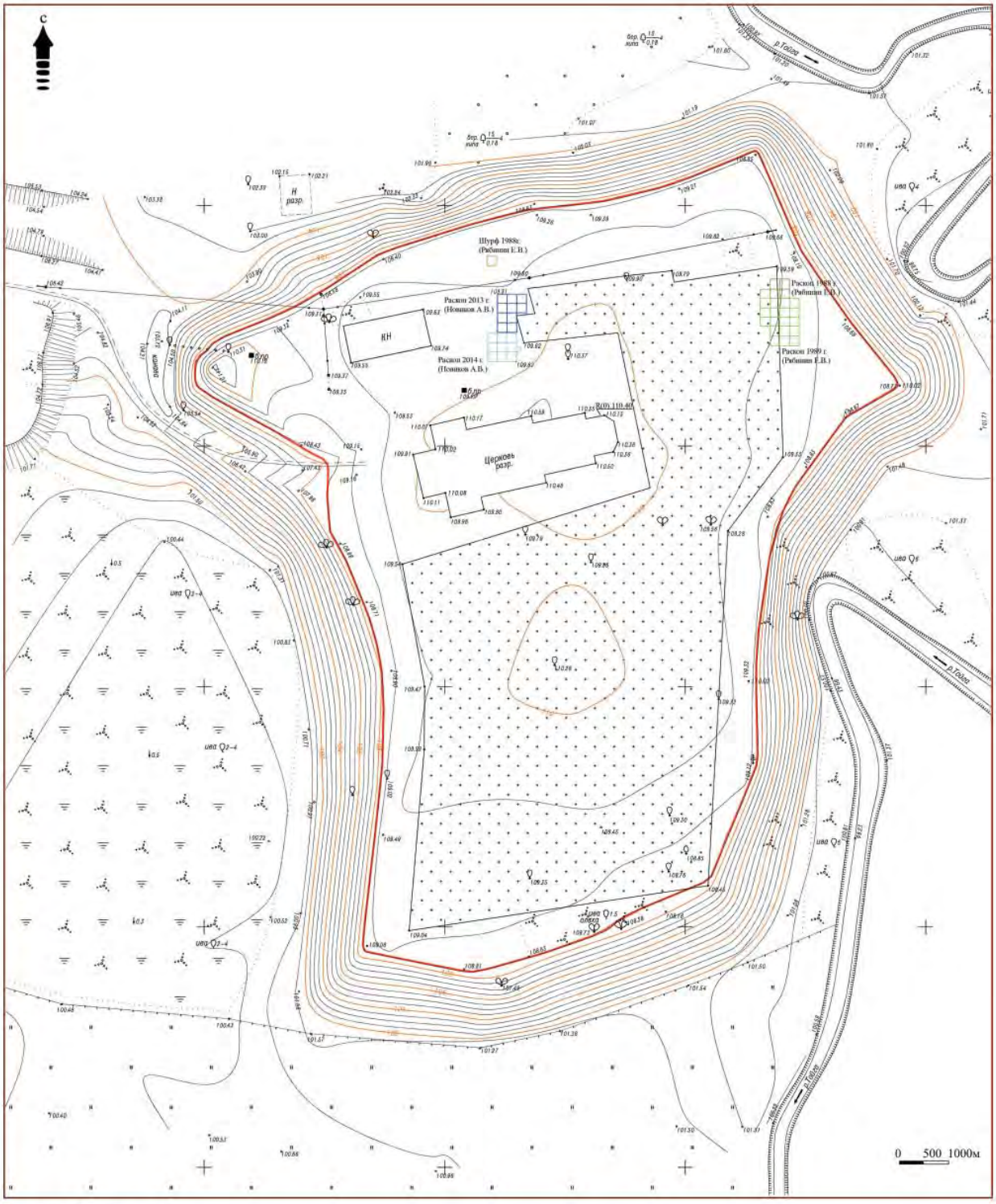


Рис. 24. План памятника археологии. Городище Унорож. (Выполнен в 1988 г. Рябининым Е.В., дополнения и корректировка Новикова А.В., 2013г.)



Условные обозначения:

- исследования Е.В. Рябинина (шурф, раскопы) 1988-1989 гг.
- исследования А.В. Новикова, раскопы 2013-2014 гг.

Рис. 25. План памятника археологии. Городище Унорож. (Топографическая съемка 2014 г.).

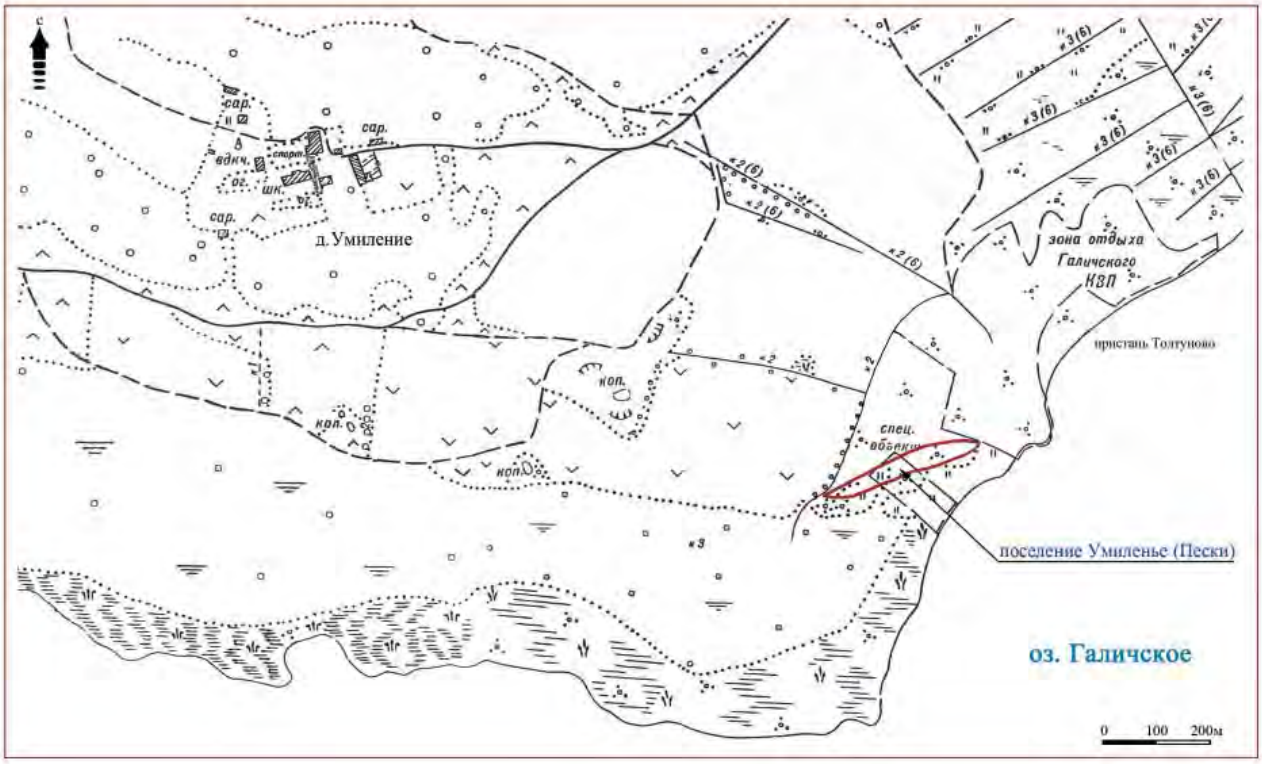


Рис. 26. Ситуационный план памятника археологии. Поселение Умиленье (Пески).

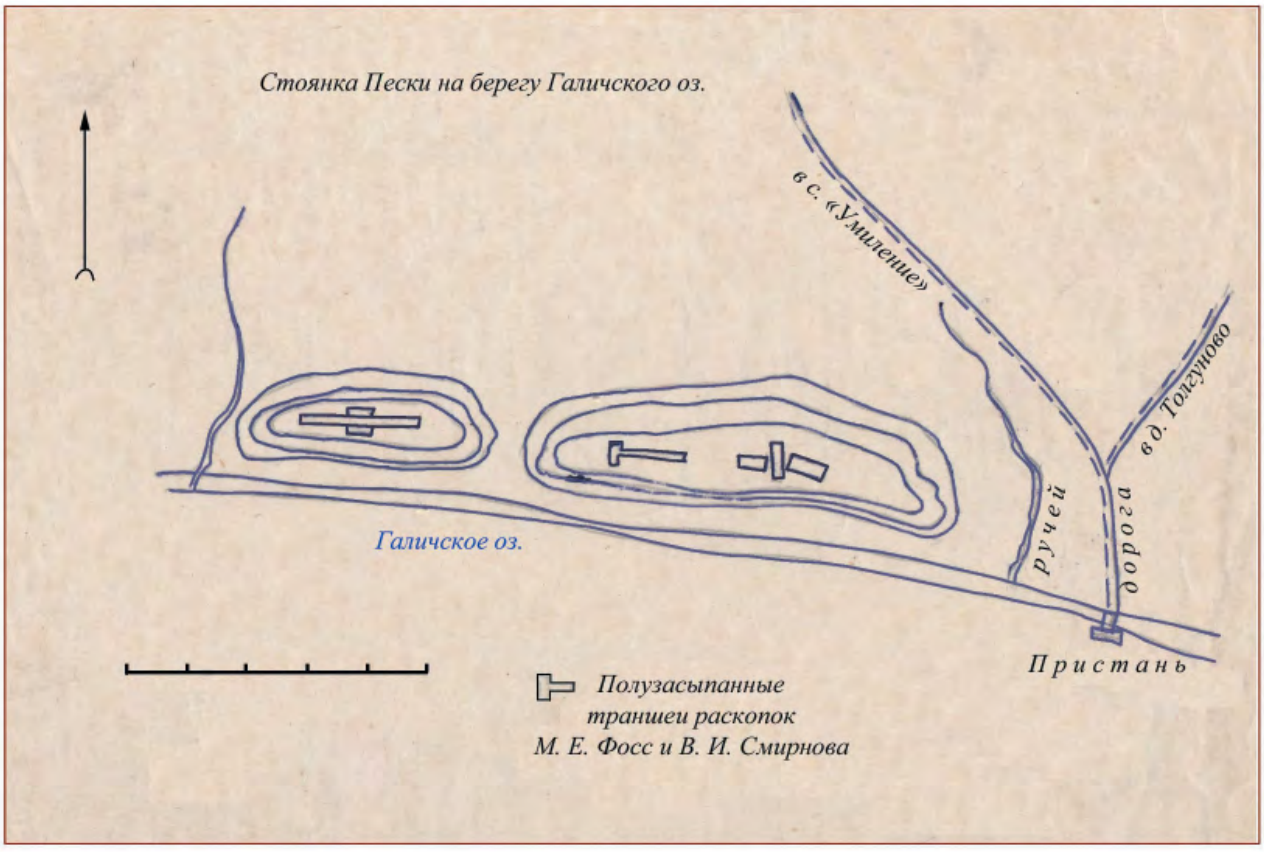


Рис. 27. План памятника археологии. Поселение Умиление (Пески). Паспортные данные 1949 г. Составитель Белов Л.И.

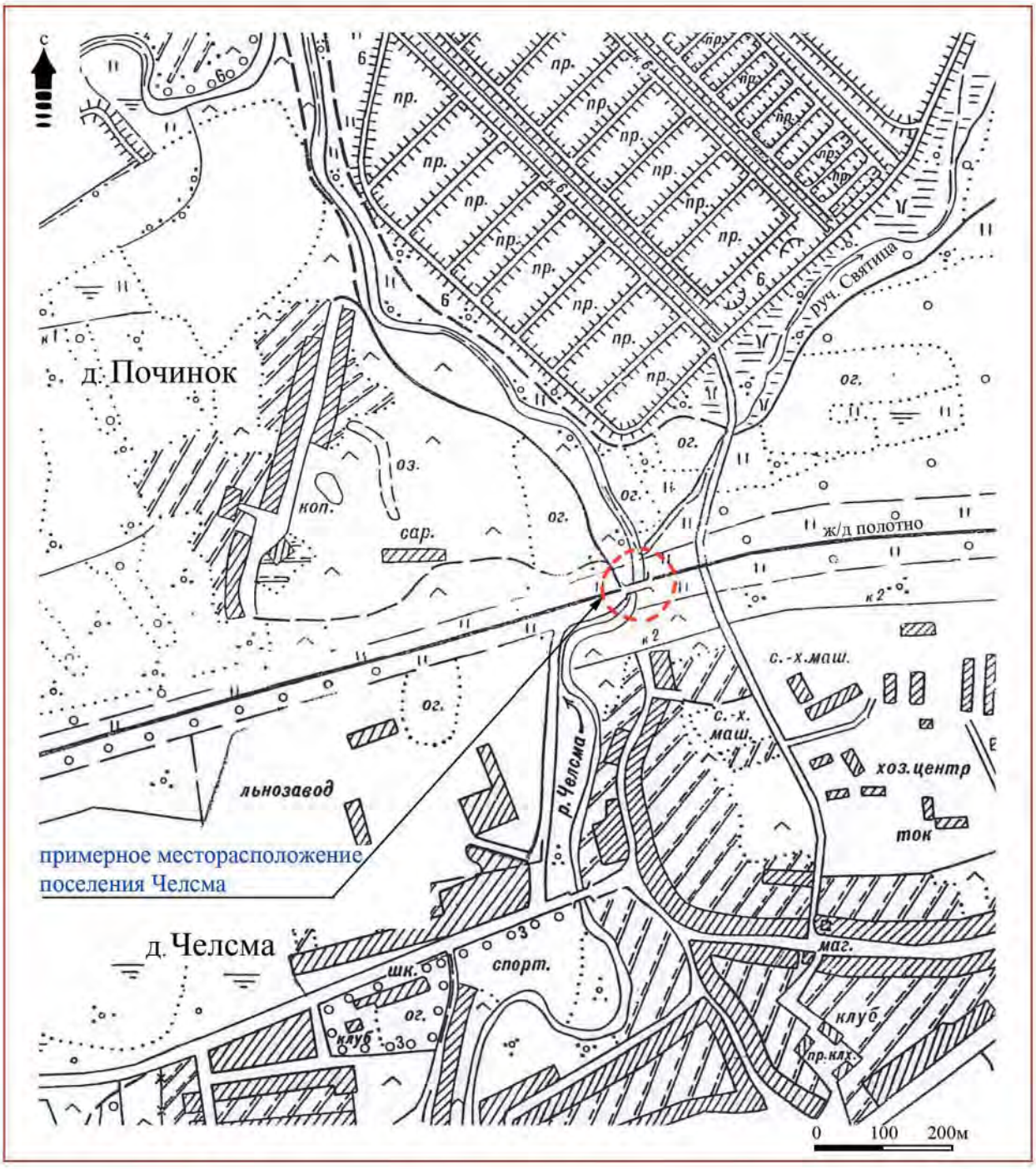


Рис. 28. Ситуационный план памятника археологии. Поселение Челсма.

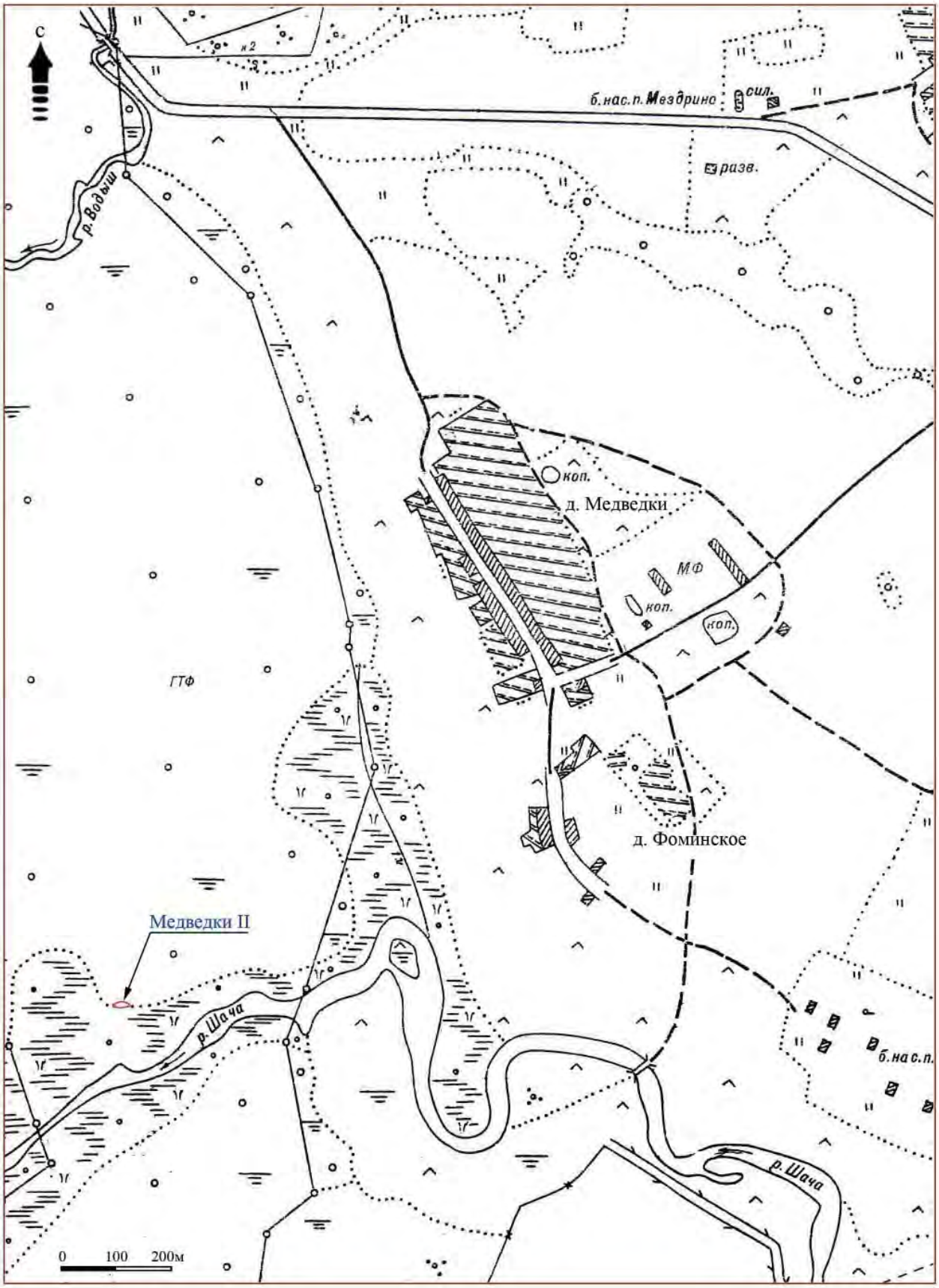


Рис. 29. Ситуационный план памятника археологии. Поселение Медведки II (Шача).

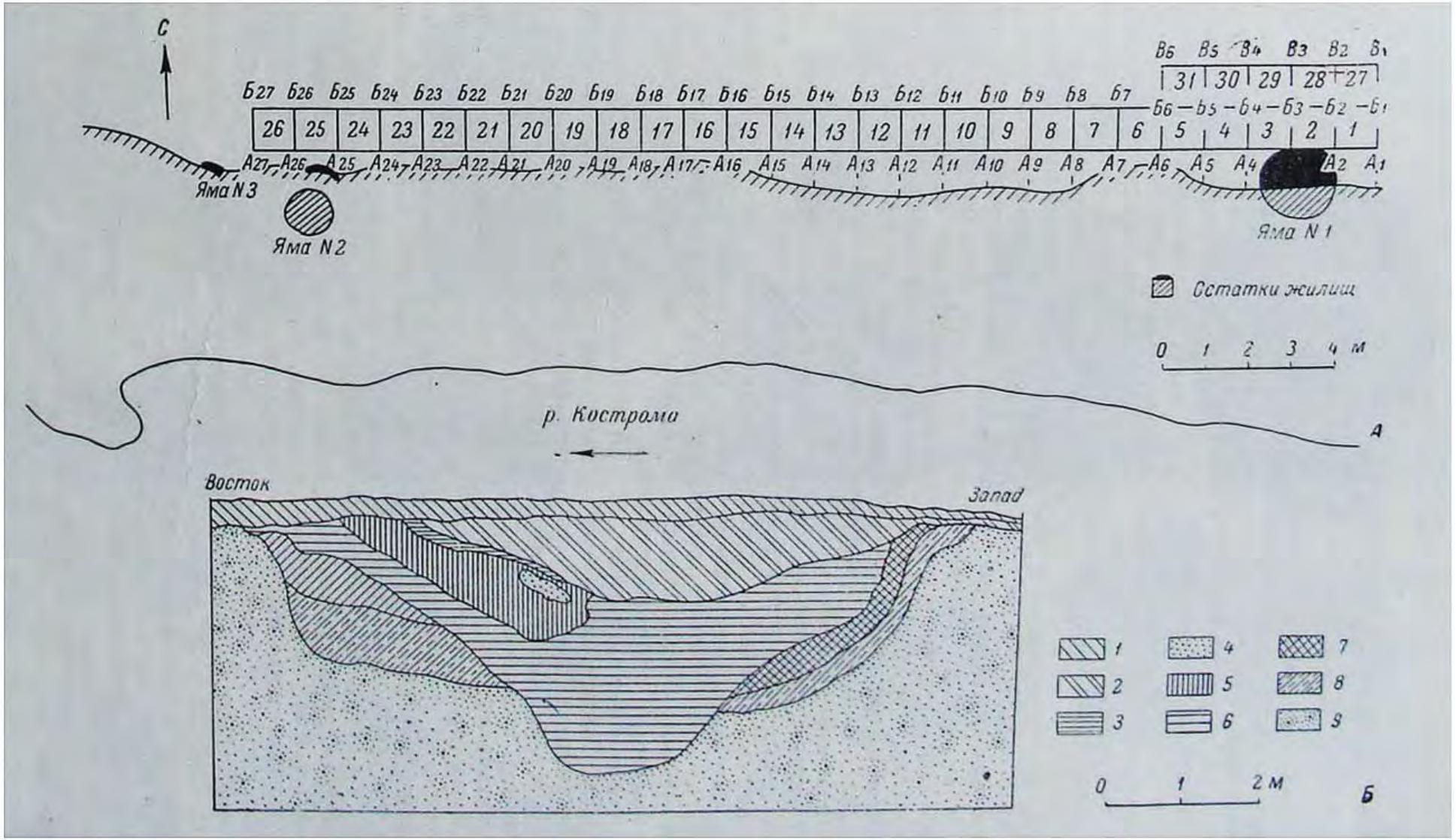


Рис. 30. Участок памятника археологии. Поселение Шунга, (в настоящее время разрушен).
Гурина Н. Н., 1954 г. А – общий план раскопа на поселении Шунга; Б – разрез углубления.
1 –дерн и поддерновый песок; 2 – смешанный культурный слой темно-серого цвета; 3 – прослойка менее темного культурного цвета;
4 – линза песка; 5 –не перемешанный культурный слой интенсивного черного цвета;
7 – подстилающий слой с вкраплением культурных остатков; 8 – подстилающий слой с едва заметными остатками угольков; 9 – материк.

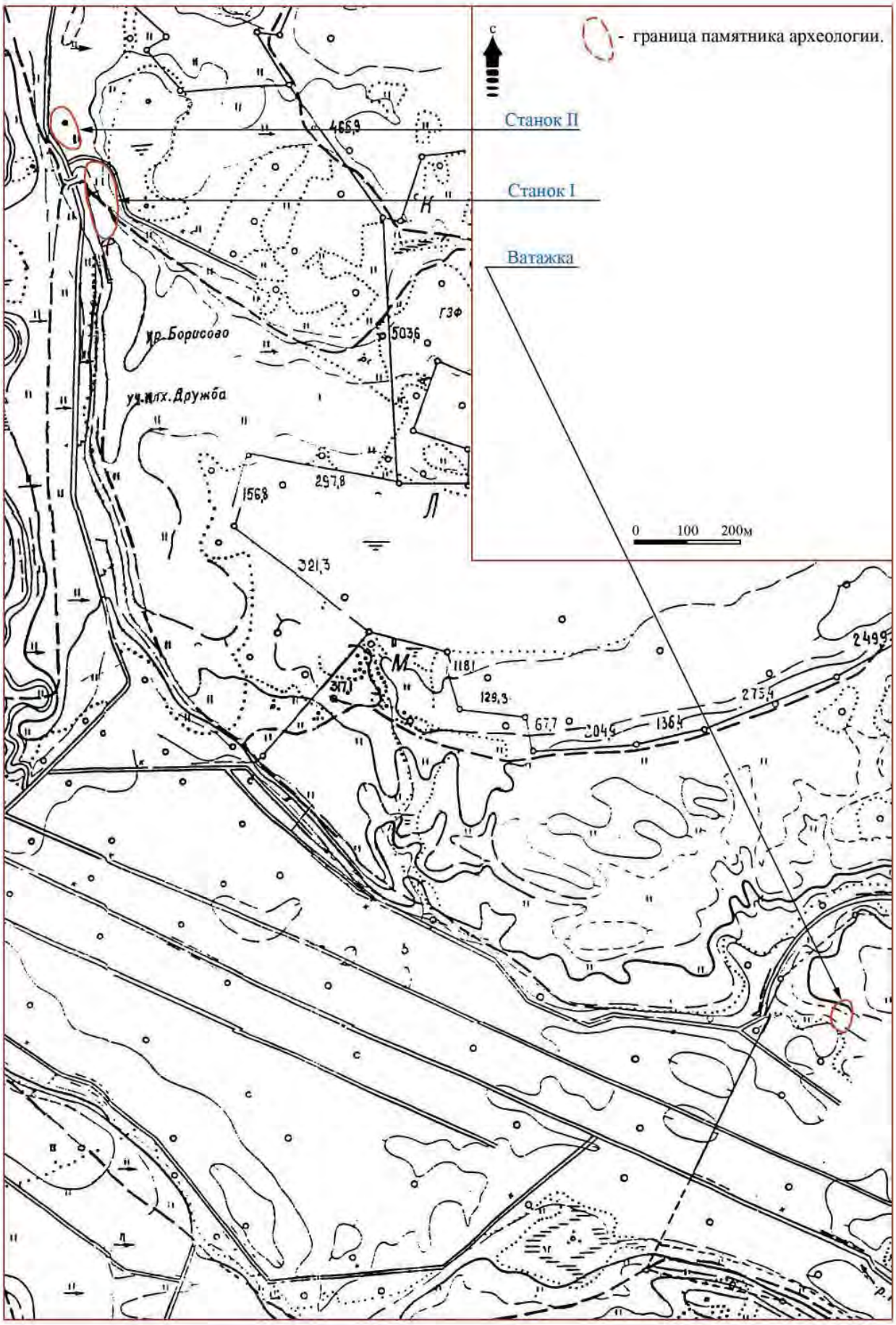


Рис. 31. План памятников археологии. Поселение Станок I, поселение Станок II, поселение Ватажка.

Рис. 32. План окрестности озера Борисова. Выполнен Смирновым В.И., 1925-27 гг.

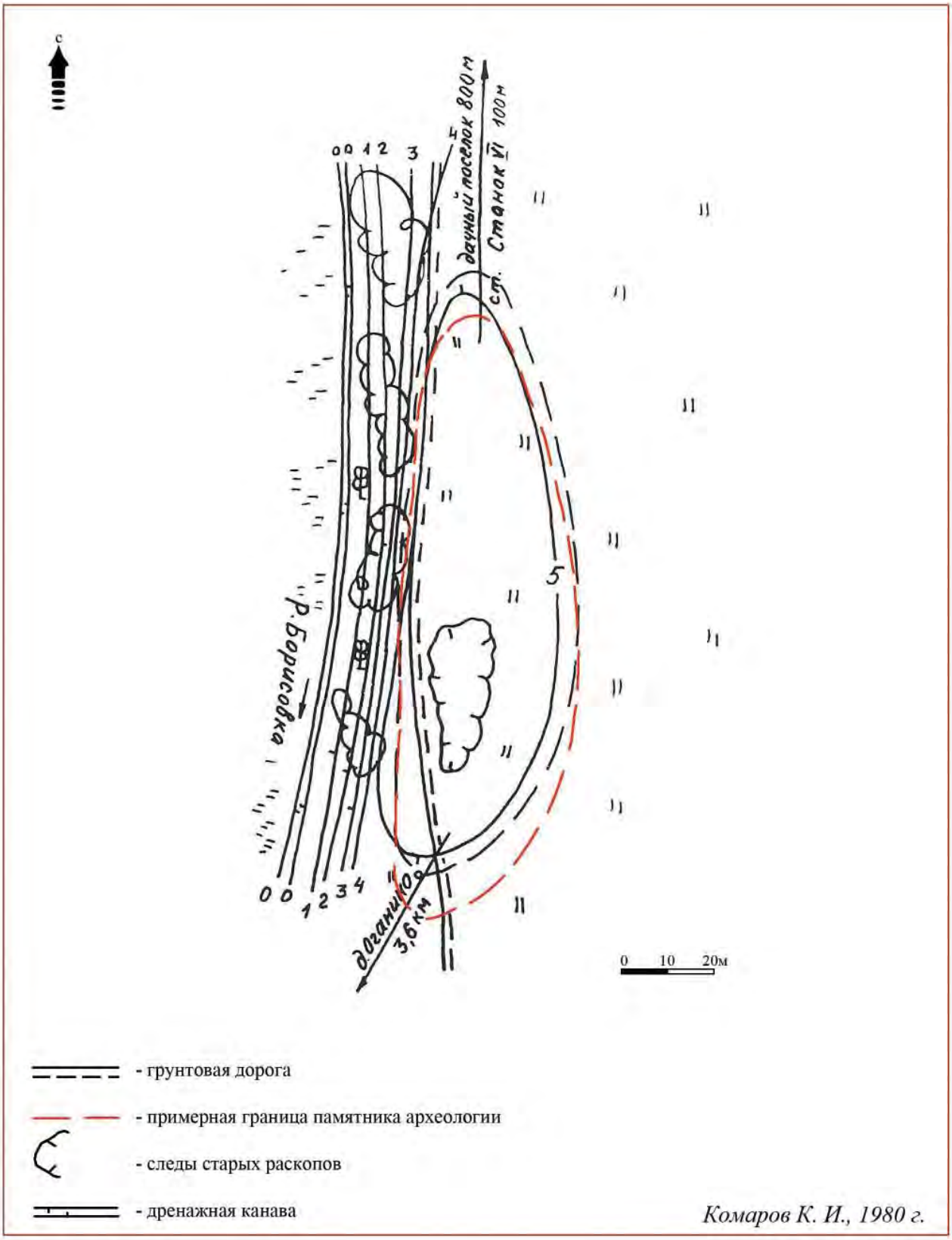


Рис. 33. План памятника археологии. Поселение Станок I.

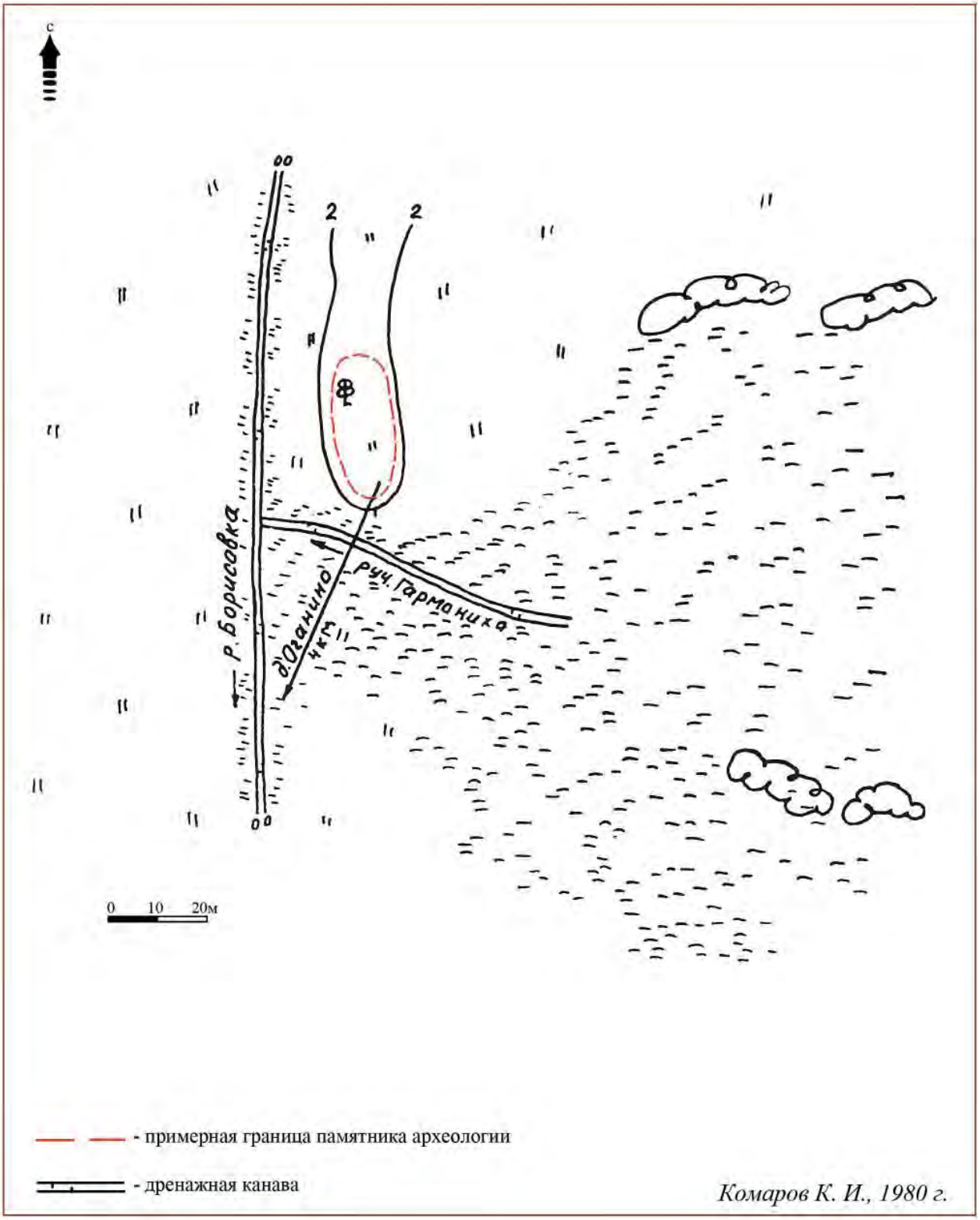


Рис. 34. Ситуационный план памятника археологии. Поселение Станок II.

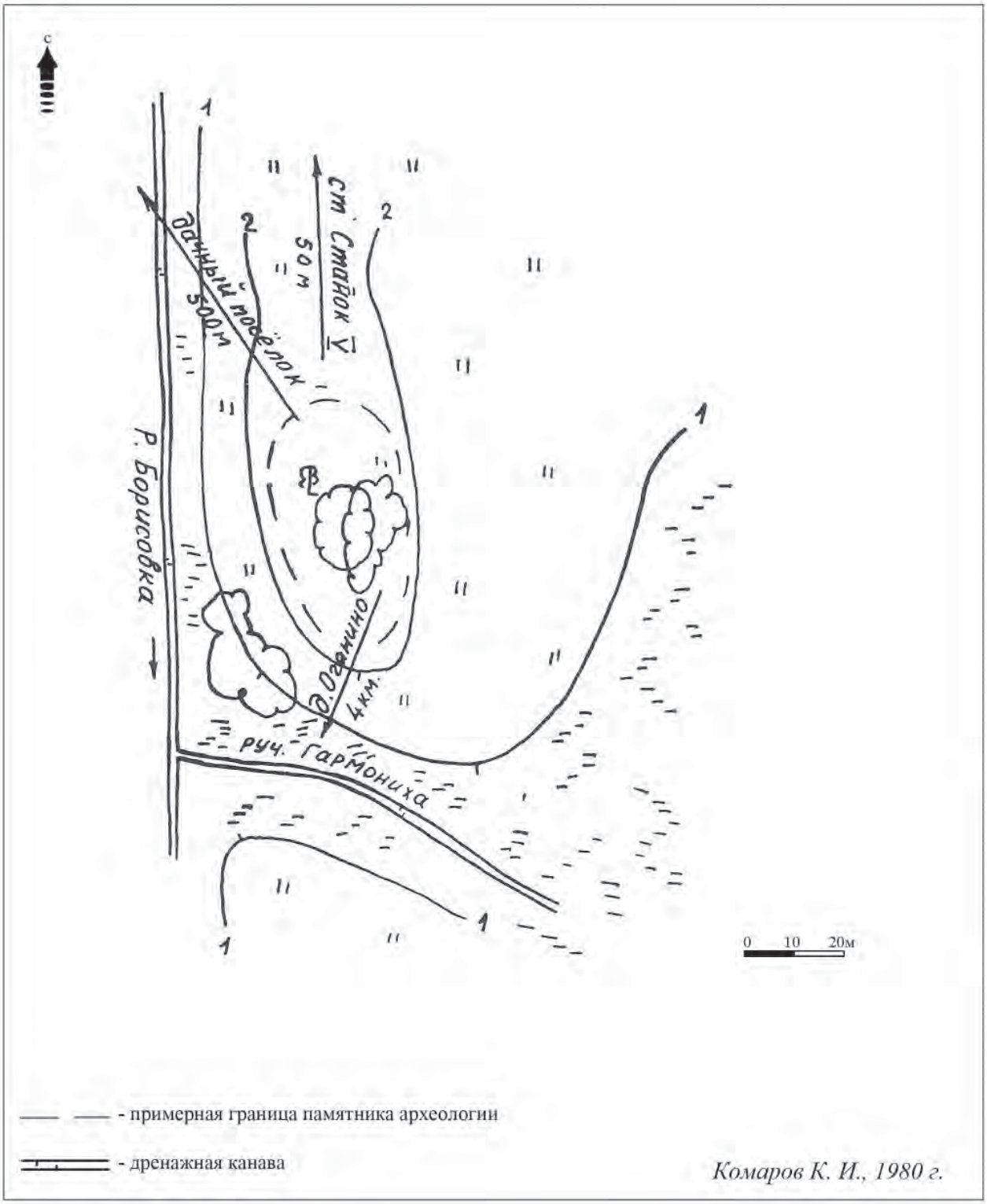


Рис. 35. План памятника археологии. Поселение Станок II.

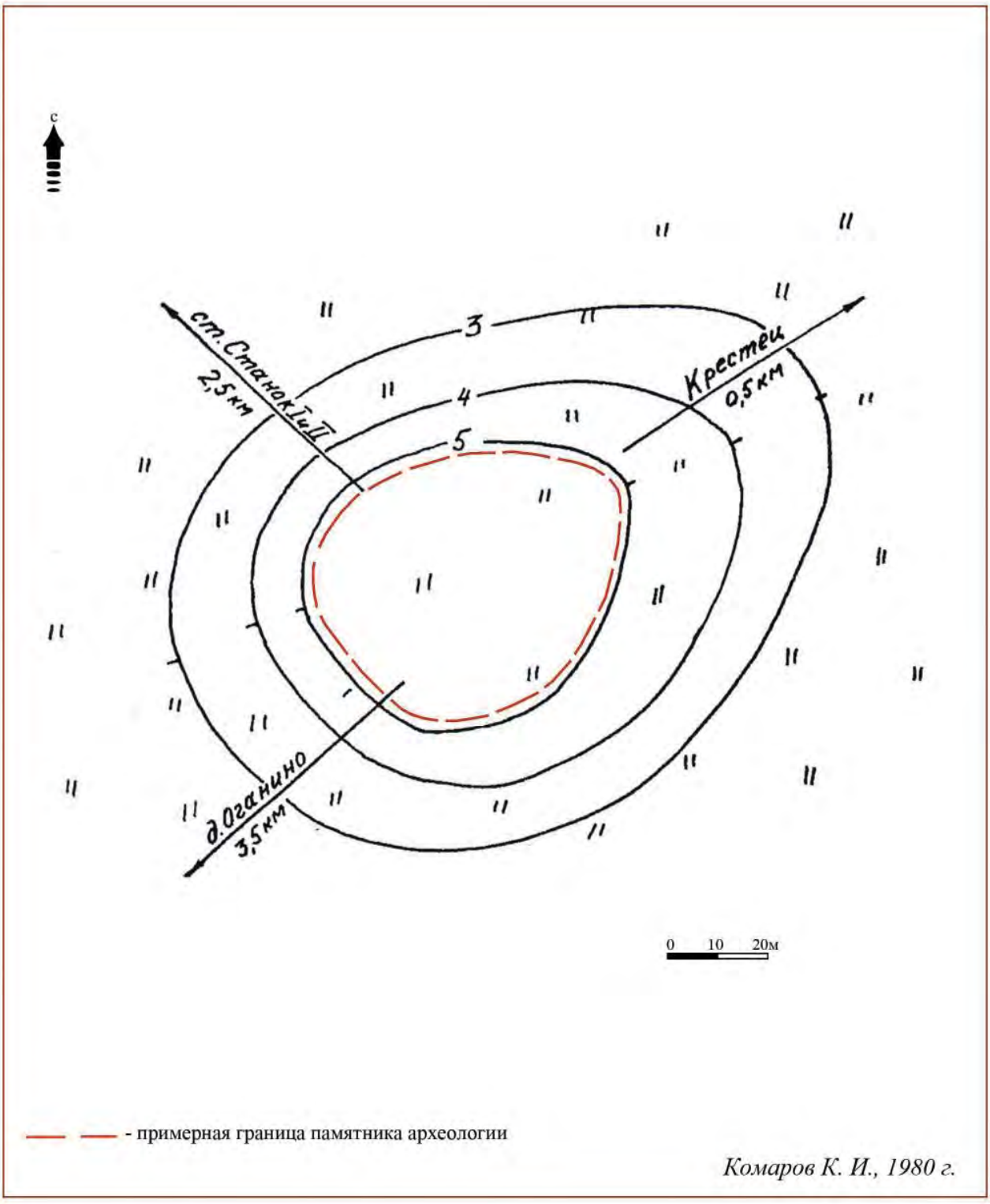


Рис. 36. План памятника археологии. Поселение Ватажка.

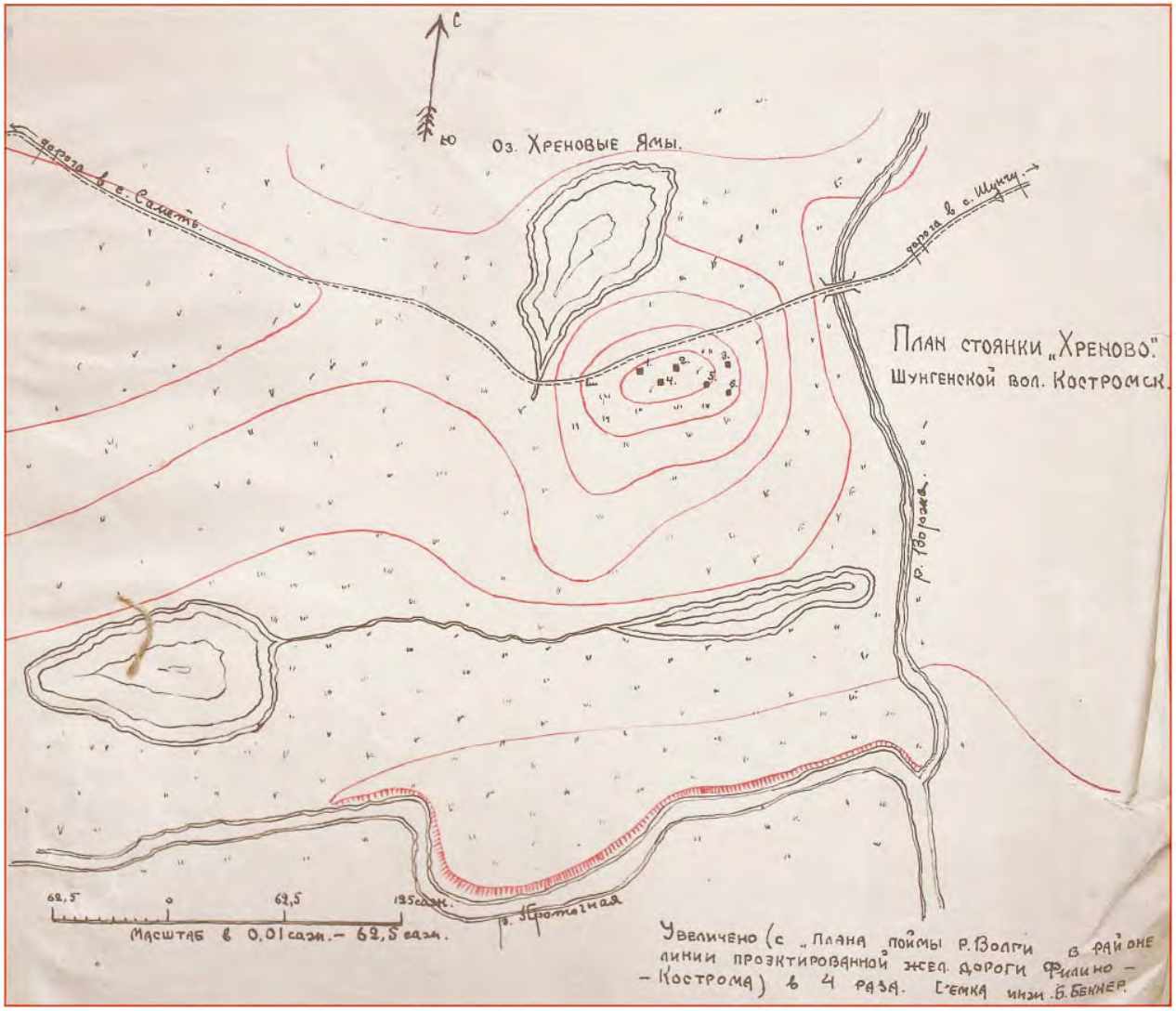


Рис. 37. План памятника археологии. Поселение Хреново (отчет Китициной Л.С., 1927 г.). Бейкер Б., 1927 г.

Общий вид на городище с левого берега р. Волга. Вид с СВ.

Вид на городище со стороны р. Волга. Вид с ССЗ.

Рис. 38. Общий вид памятника археологии. Городище в г. Костроме.

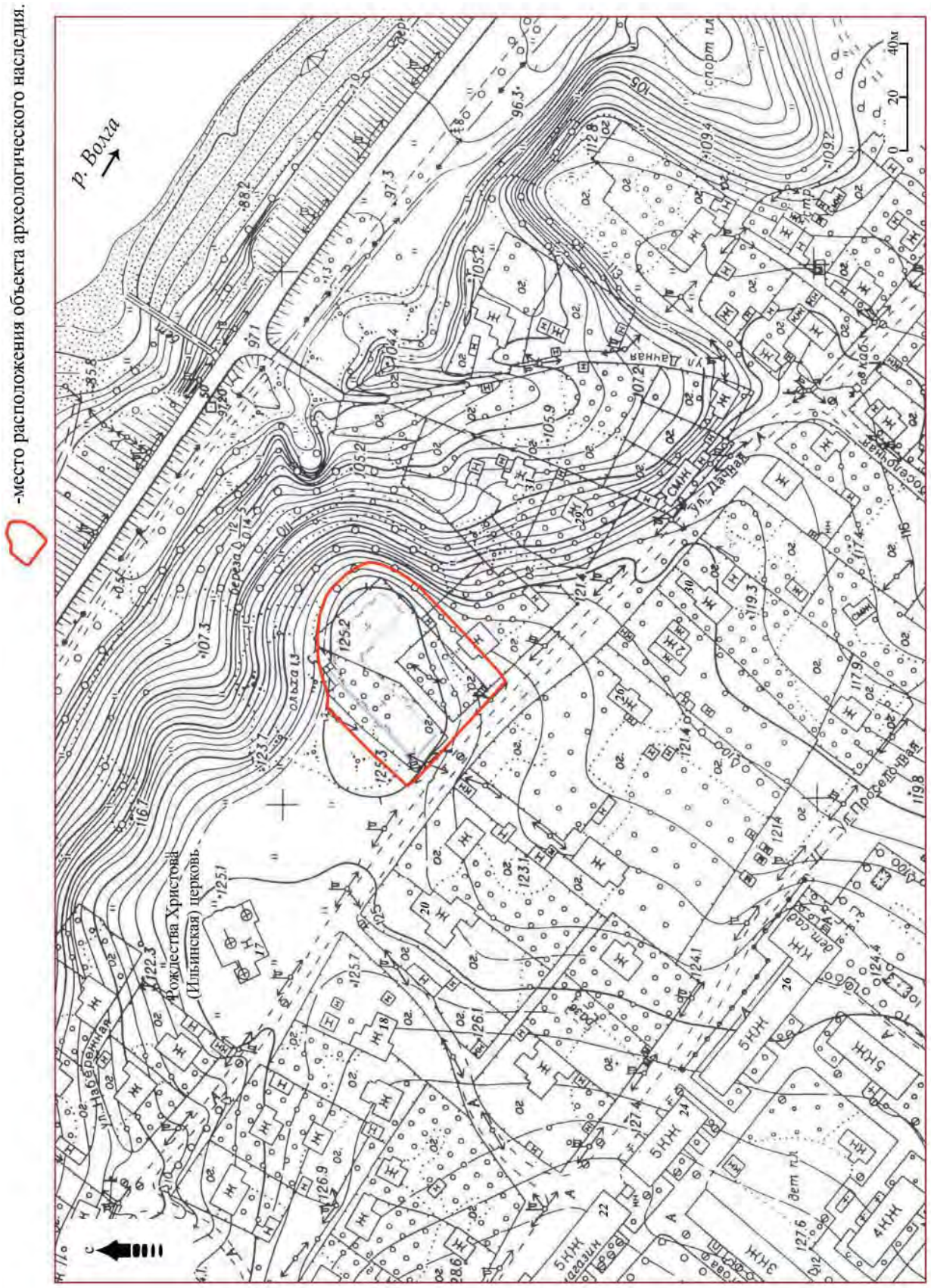


Рис. 39. Ситуационный план памятника археологии. Городище в г. Костроме.

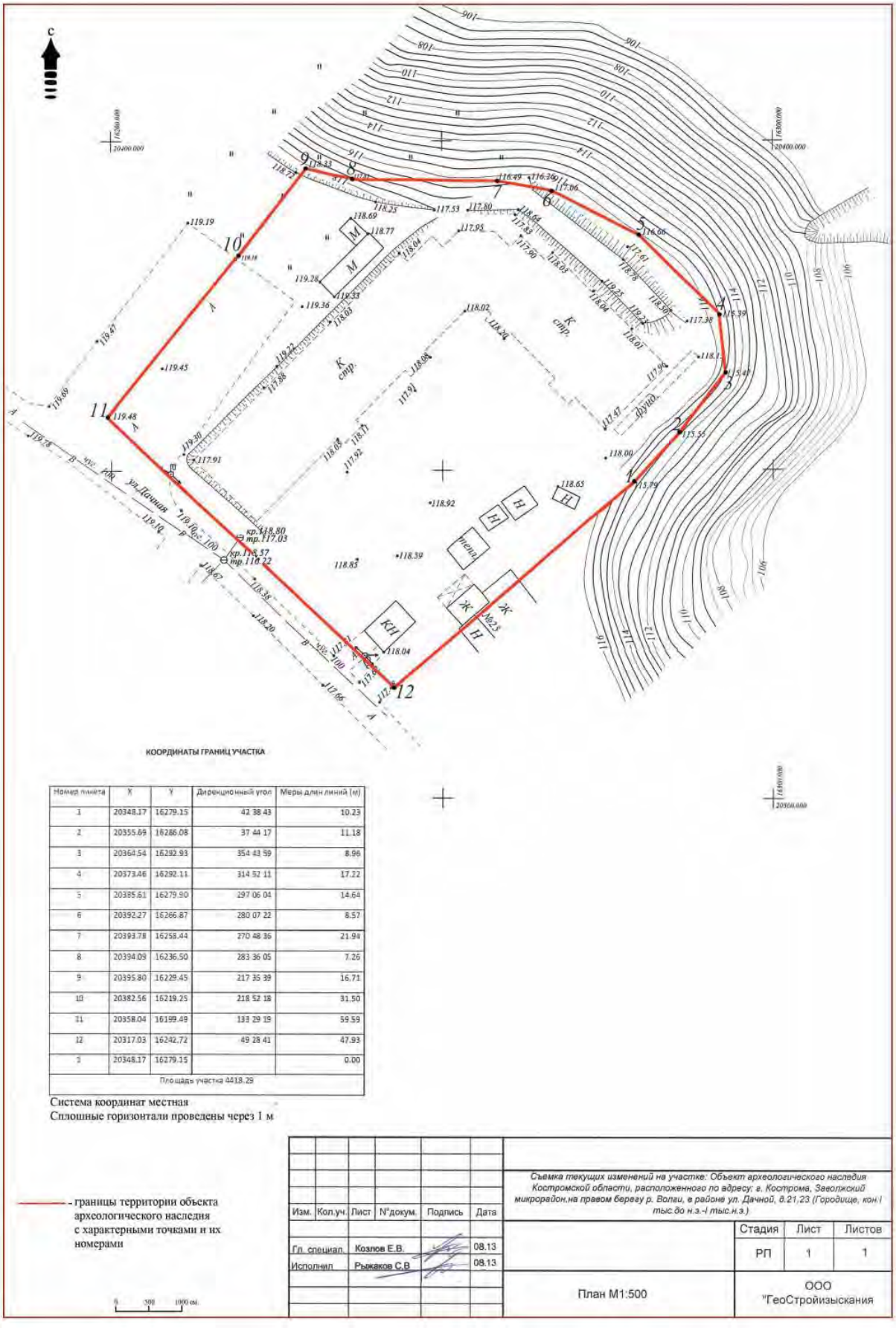


Рис. 40. План памятника археологии. Городище в г. Костроме.

Общий вид на городище. Вид с севера.

Общий вид на городище. Вид с юга.

Рис. 41. Общий вид памятника археологии. Городище Минское.

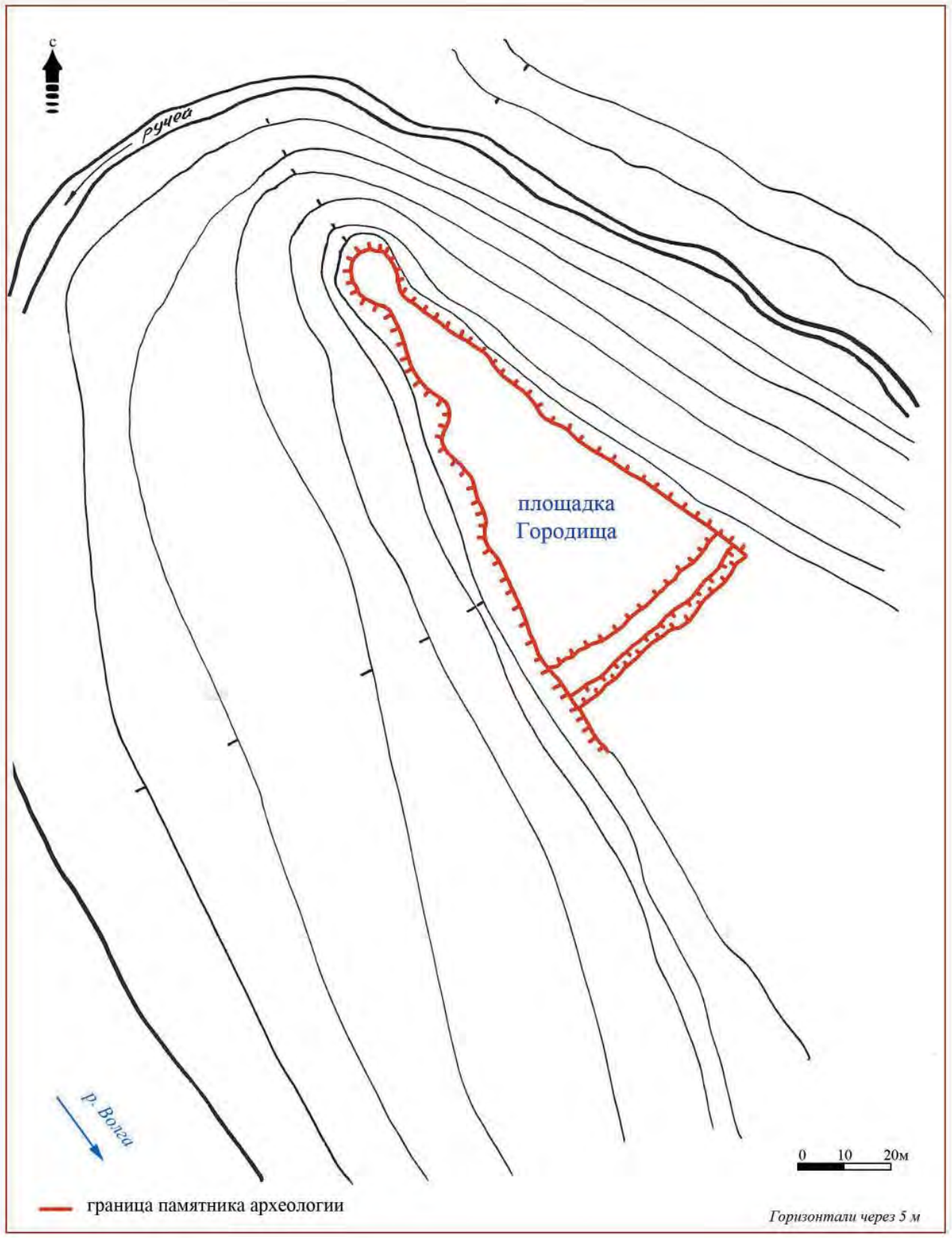


Рис. 42. Ситуационный план памятника археологии. Городище Минское. Паспортные данные 1976 г., составитель Леонтьев А.Е.

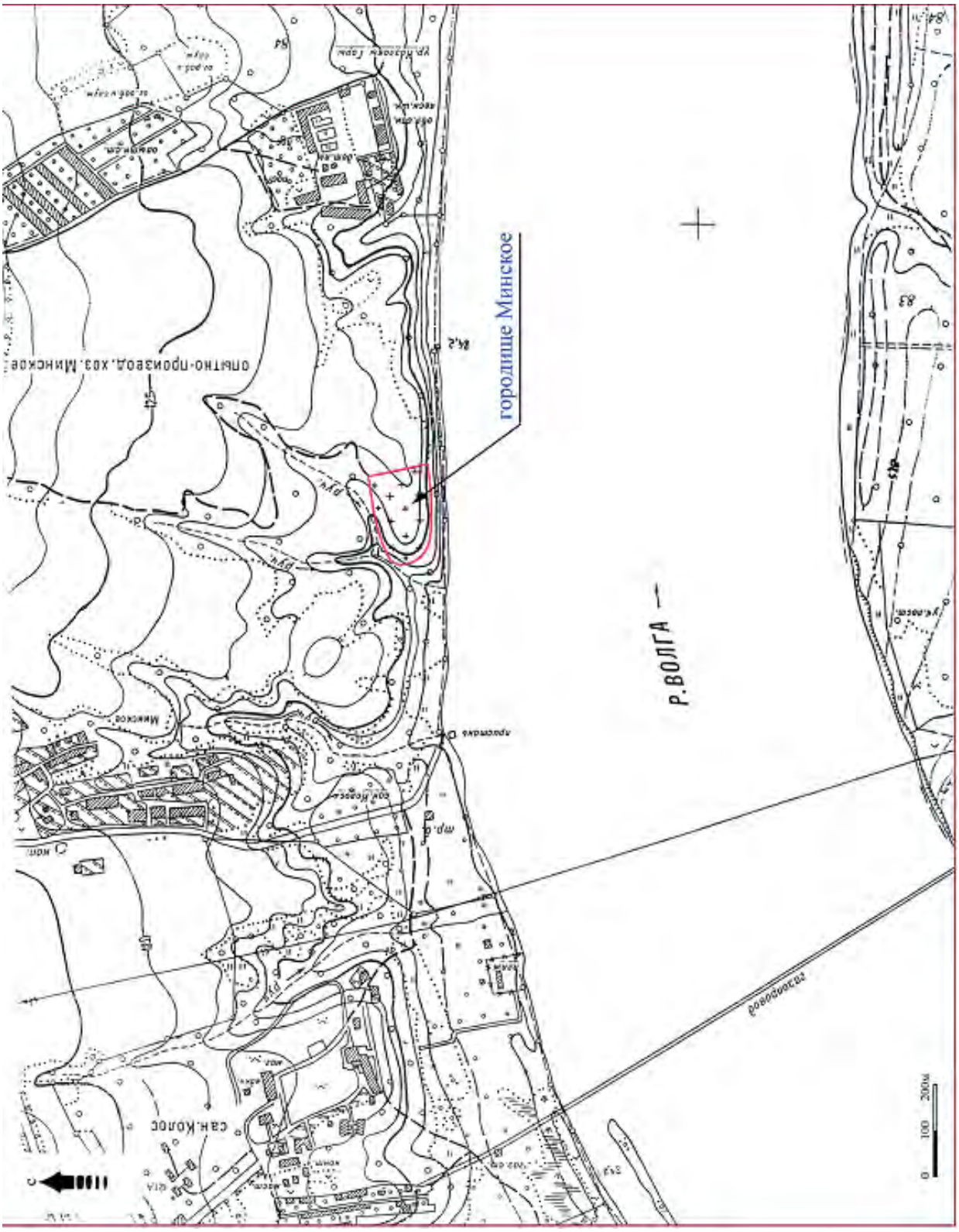


Рис. 43. План памятника археологии. Городище Минское.

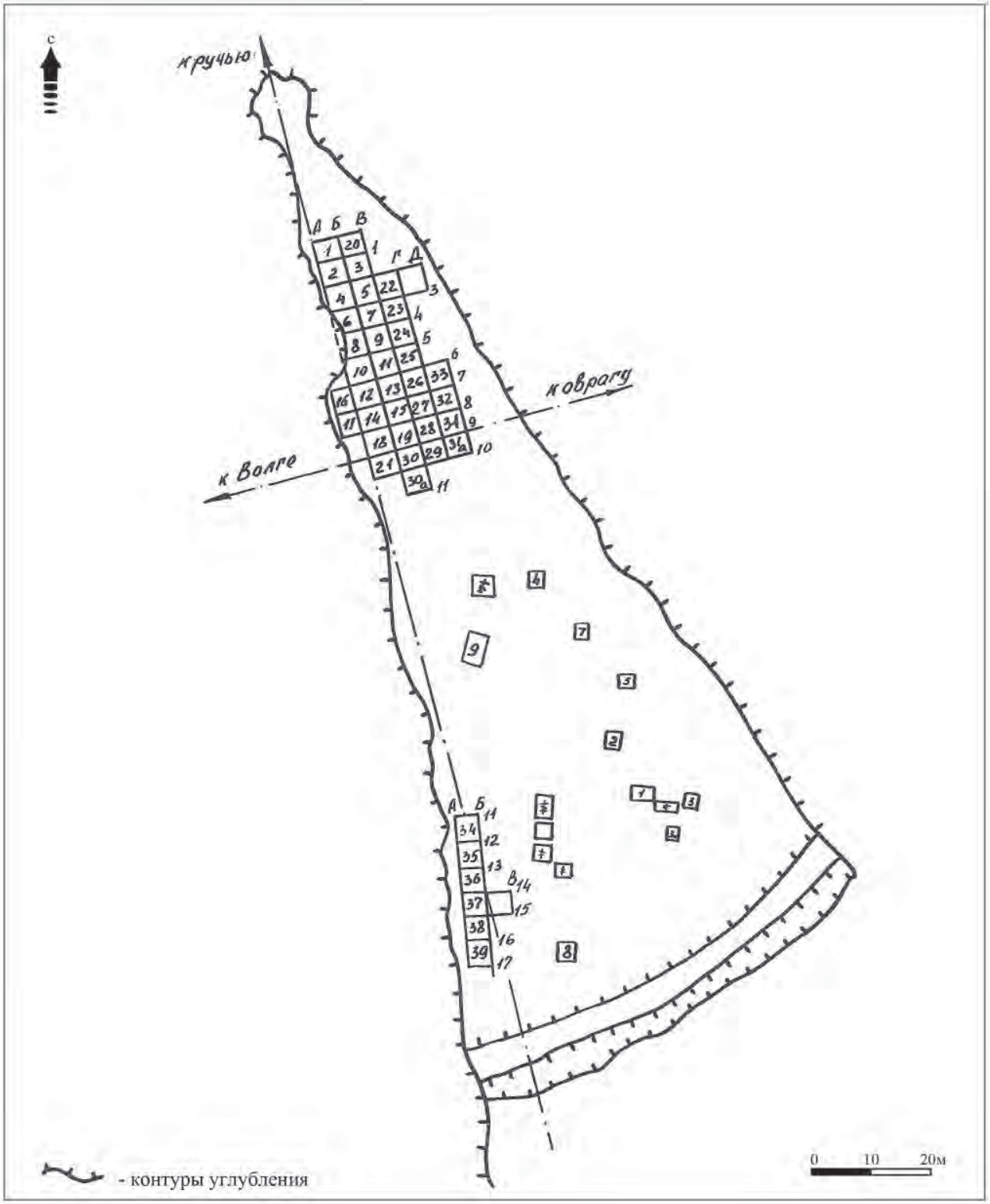


Рис. 44. План памятника археологии. Городище Минское. Паспортные данные 1976 г., составитель Леонтьев А.Е.

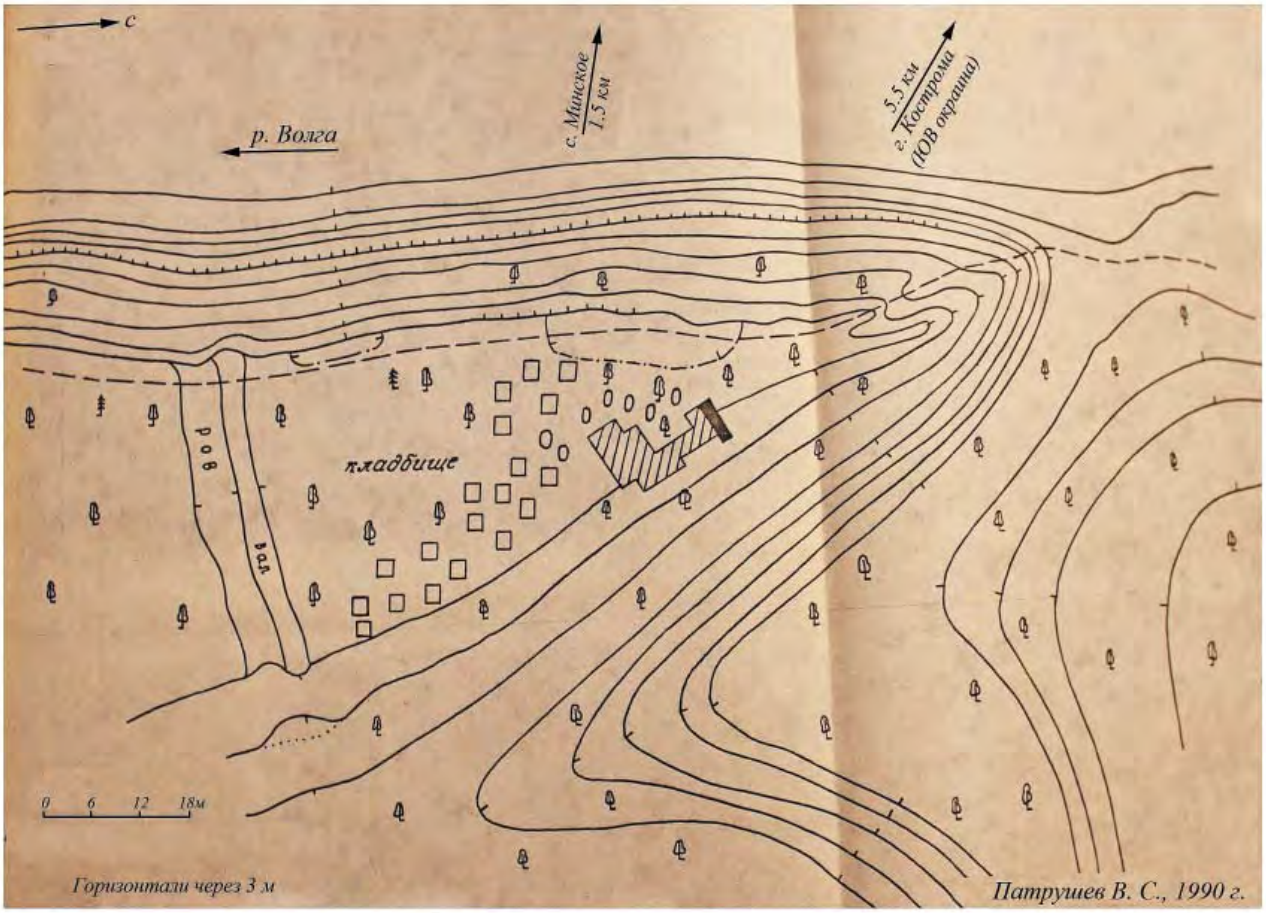


Рис. 45. План памятника археологии. Городище Минское, составитель Патрушев В.С., 1990 г.

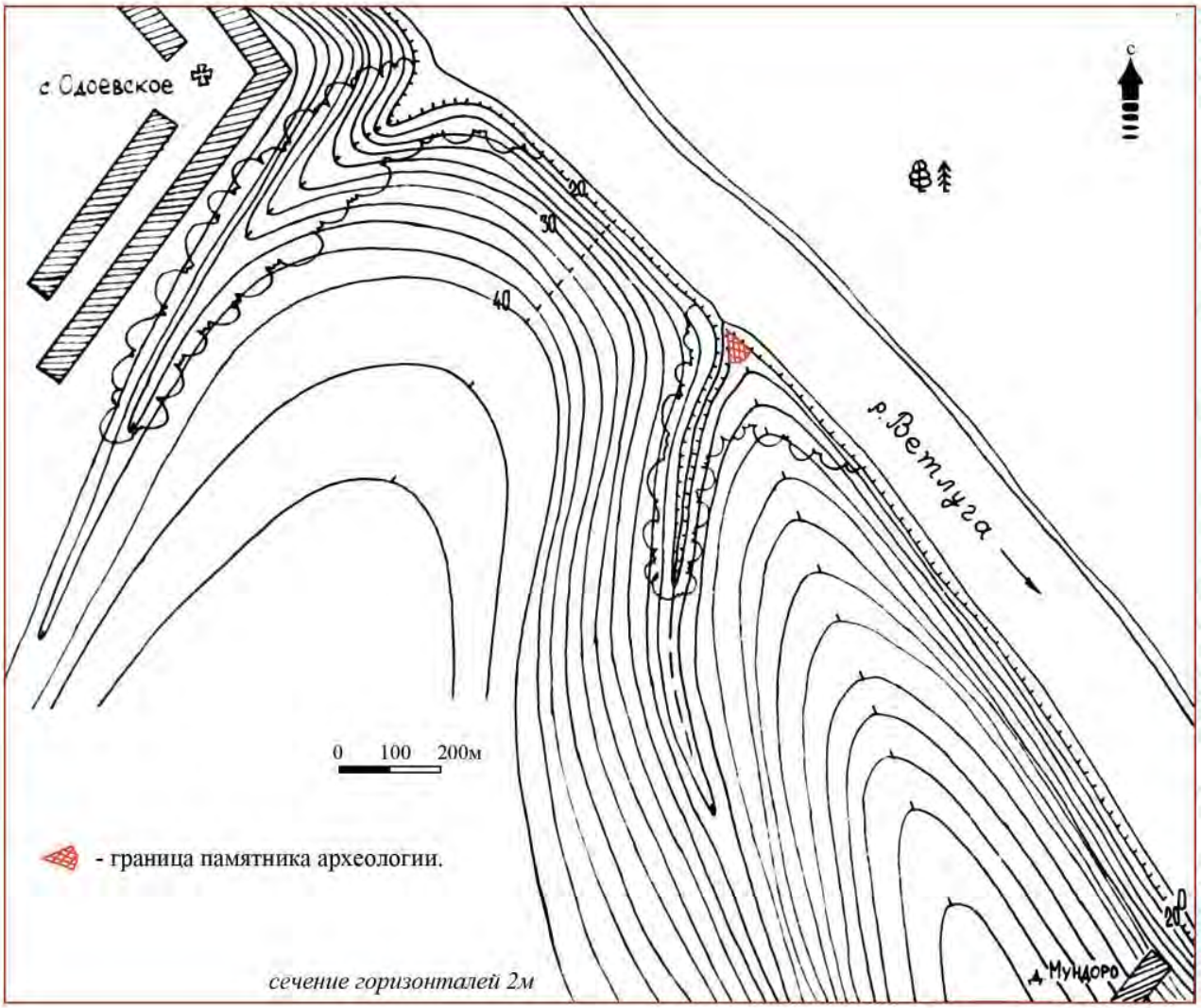


Рис. 46. Ситуационный план памятника археологии. Городище Одоевское.
Комаров К. Н., 1981 г.

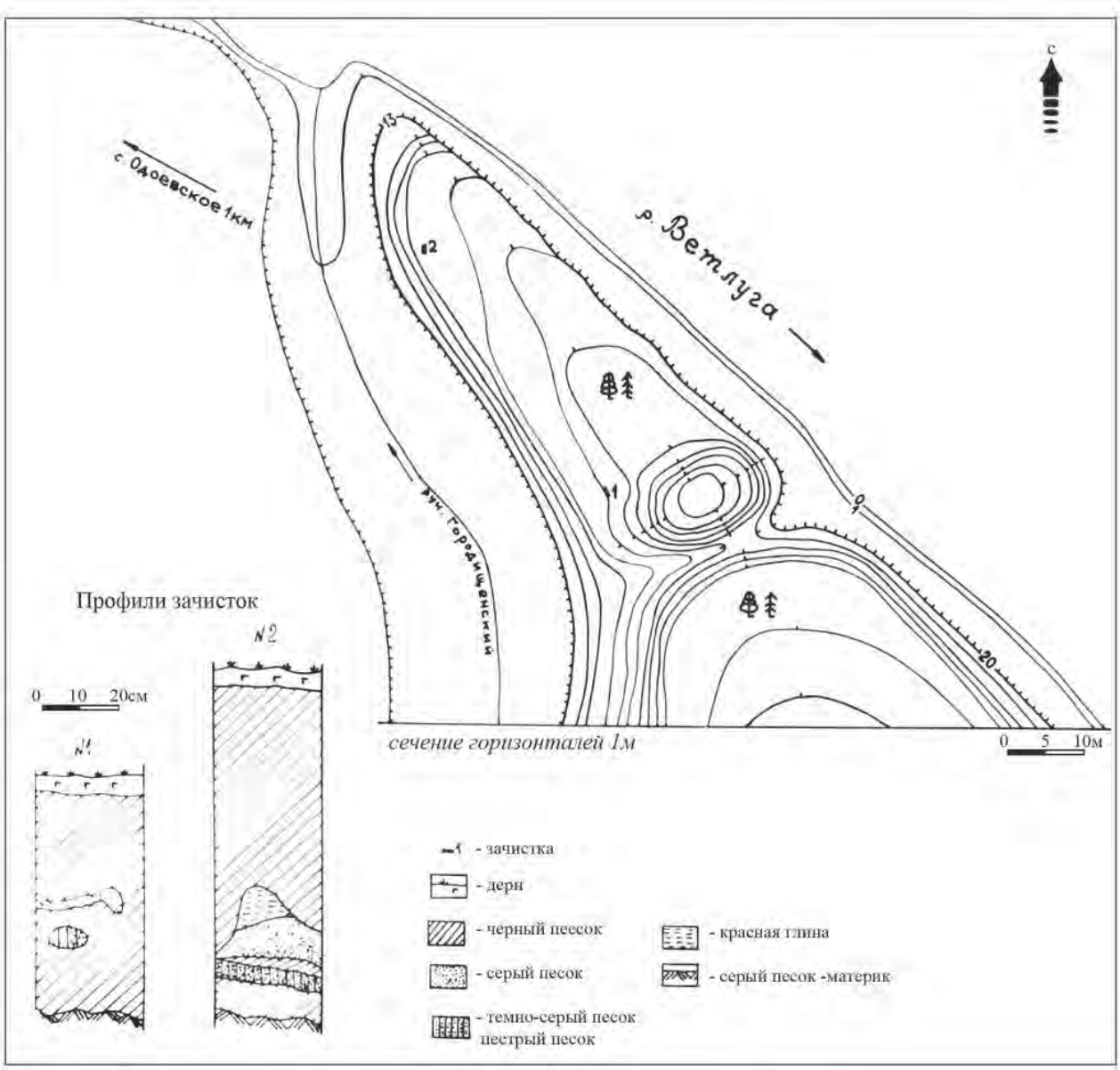


Рис. 47. План памятника археологии. Городище Одоевское.
Комаров К. Н., 1981 г.

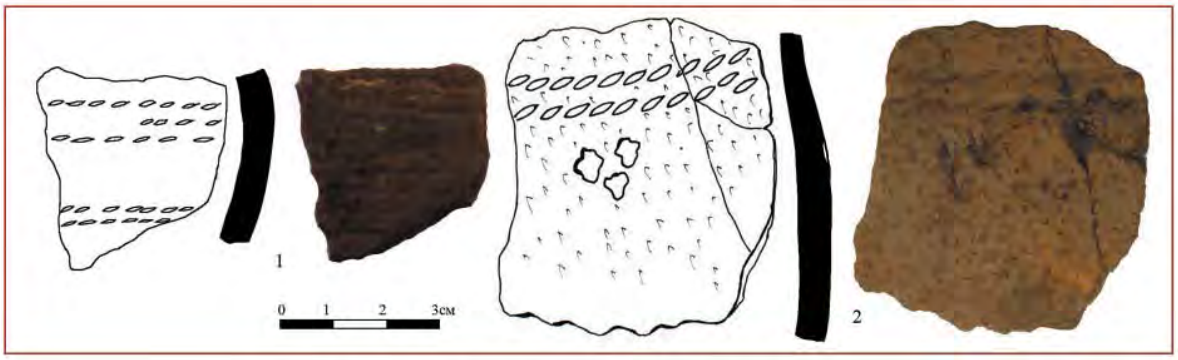


Рис. 48. Керамика. Поселение Умиленье (Пески). Раскопки Смирнова В.И., 1927г. 1, 2 – стенки сосудов.

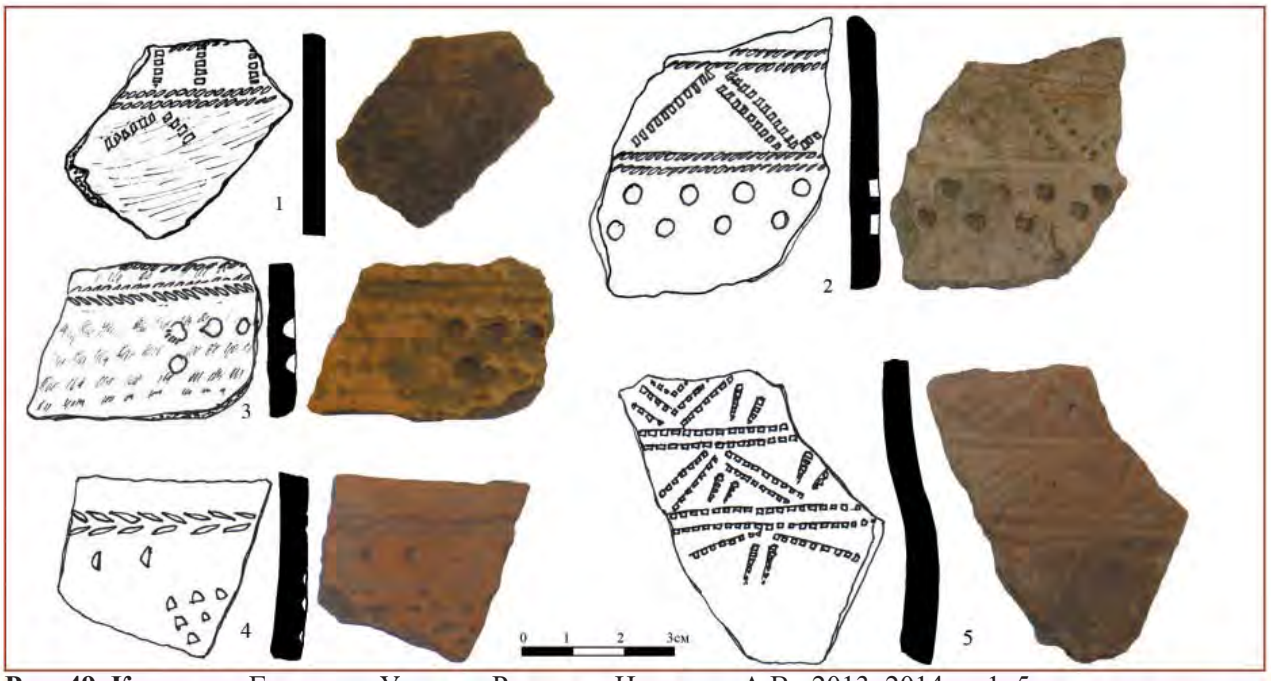


Рис. 49. Керамика. Городище Унорож. Раскопки Новикова А.В., 2013, 2014 гг. 1–5 – стенки сосудов.

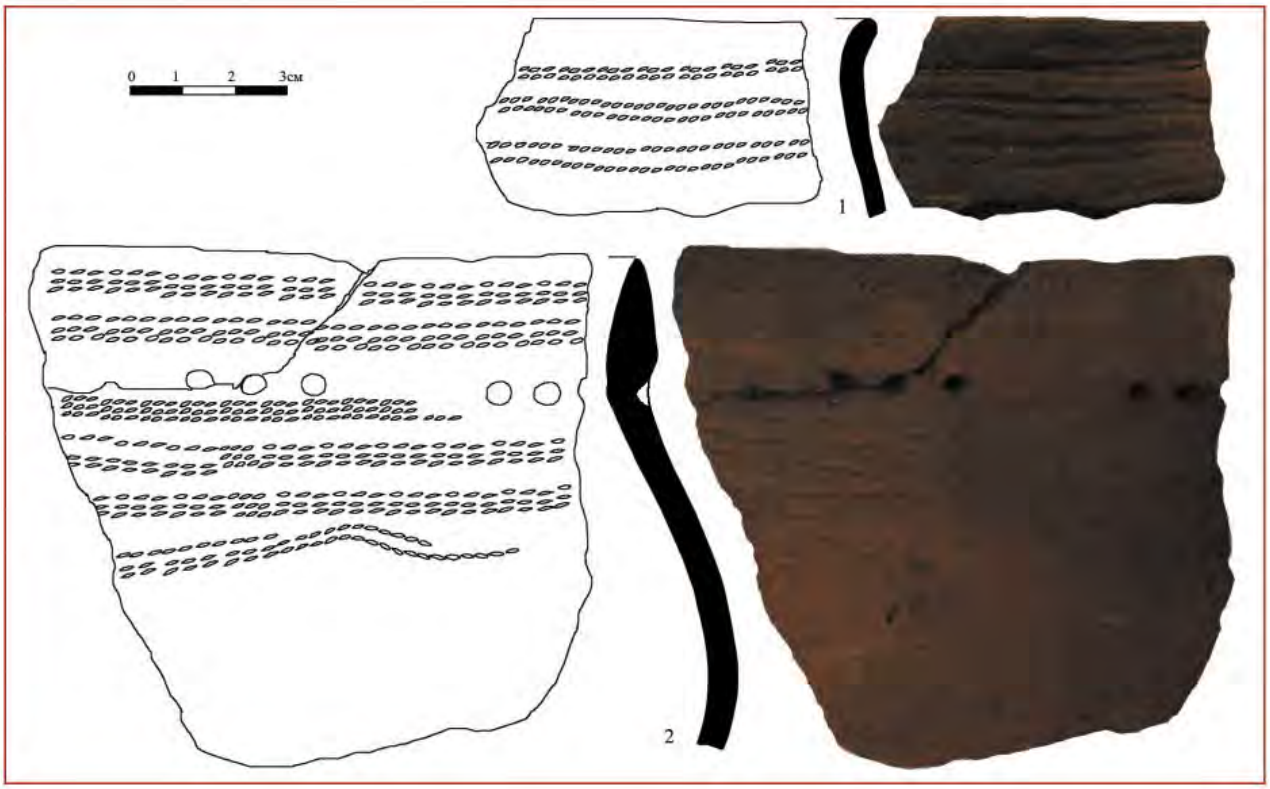


Рис. 50. Керамика. Поселение Быки (Пуп). Раскопки Смирнова В.И., 1927 г. 1, 2 – венчики сосудов.

Рис. 51. Керамика. Поселение Быки (Пуп). Раскопки Горюновой Е.И., 1961г.
1–7 – венчики сосудов, глина.

Рис. 52. Керамика. Поселение Быки (Пуп). Раскопки Горюновой Е.И., 1961 г.
1–4 –венчики сосудов, глина.

Рис. 53. Керамика. Городище Брюхово (Курган). Раскопки Горюновой Е.И., 1961 г.
1–7 – венчики сосудов, глина.

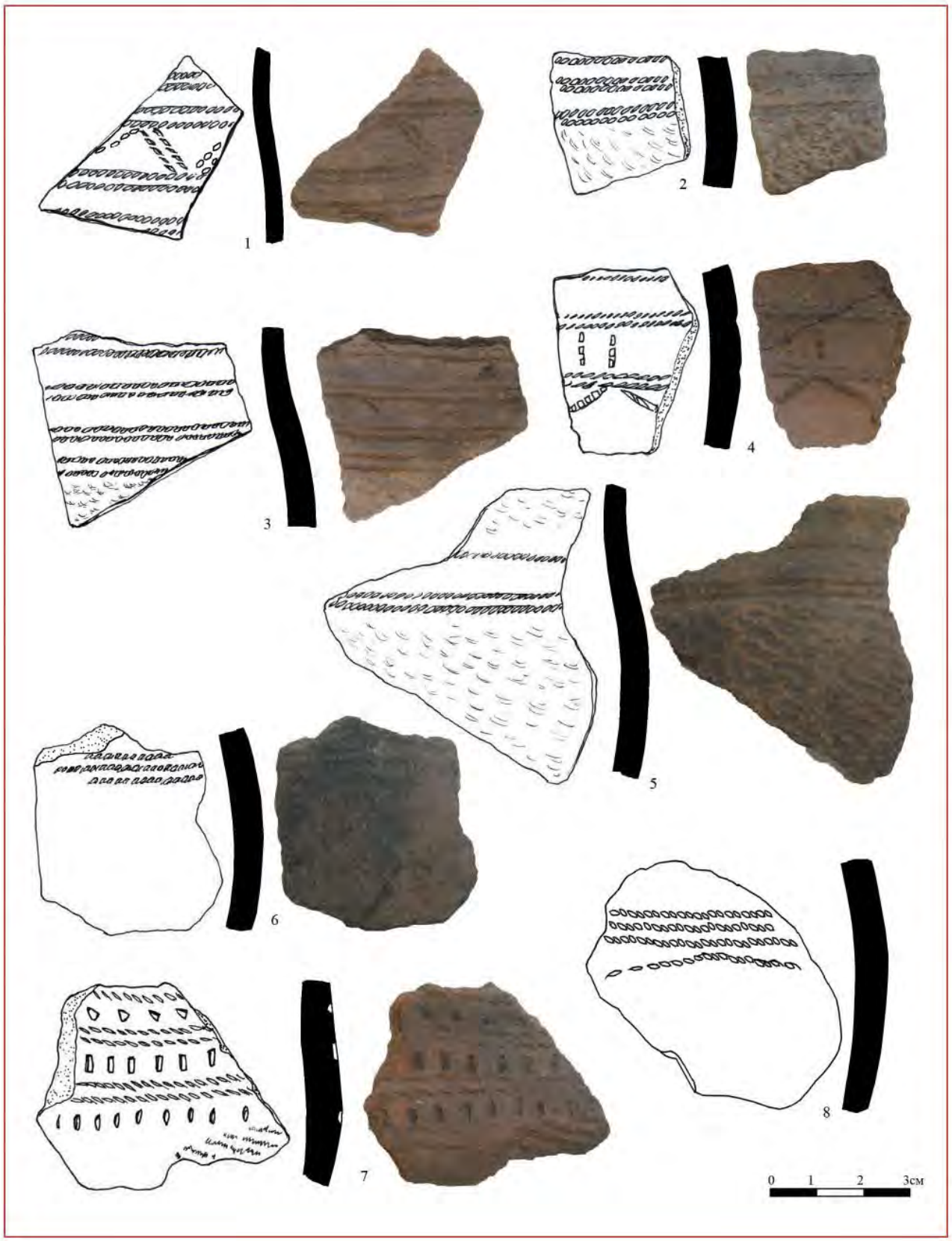


Рис. 54. Керамика. Городище Брюхово (Курган). Раскопки Горюновой Е.И., 1961 г.
1–8 – стенки сосудов, глина.

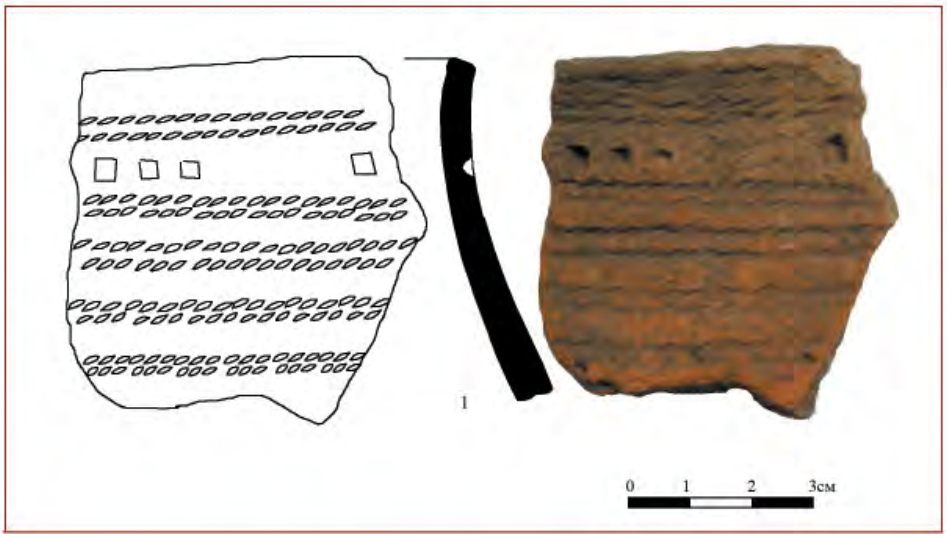


Рисунок 55. Керамика. Поселение Медведки II (Шача). Сборы Матасова М.И. 1 –венчик сосуда, глина.

Рис. 56. Керамика. Поселение Борань. Раскопки Смирнова В.И., 1925-1927 гг., Гуриной Н.Н., 1954 г. 1–2 – венчики сосудов; 3–5 – стенки сосудов, глина.

Рис. 57. Керамика. Поселение Станок I. Раскопки Смирнова В.И., 1927–1928 гг.
1–2 –венчики сосудов; 3–7 –стенки сосудов, глина.

Рис. 58. Керамика. Поселение Станок II. Раскопки Гуриной Н.Н., 1954 г.
1–3 –венчики сосудов; 4–5 –стенки сосудов, глина.

Рис. 59. Керамика. Поселение Шунга. Раскопки Гуриной Н.Н., 1954 г.
1–12 – венчики сосудов, глина.

Рис. 60. Керамика. Поселение Шунга. Раскопки Гуриной Н.Н., 1954 г.
1–10 – стенки сосудов, глина.

Рис. 61. Керамика. Городище в г. Костроме. Раскопки Новикова А.В., 2011 г.
2, 5 –венчики сосудов; 1, 3, 4, 6–8 – стенки сосудов, глина.

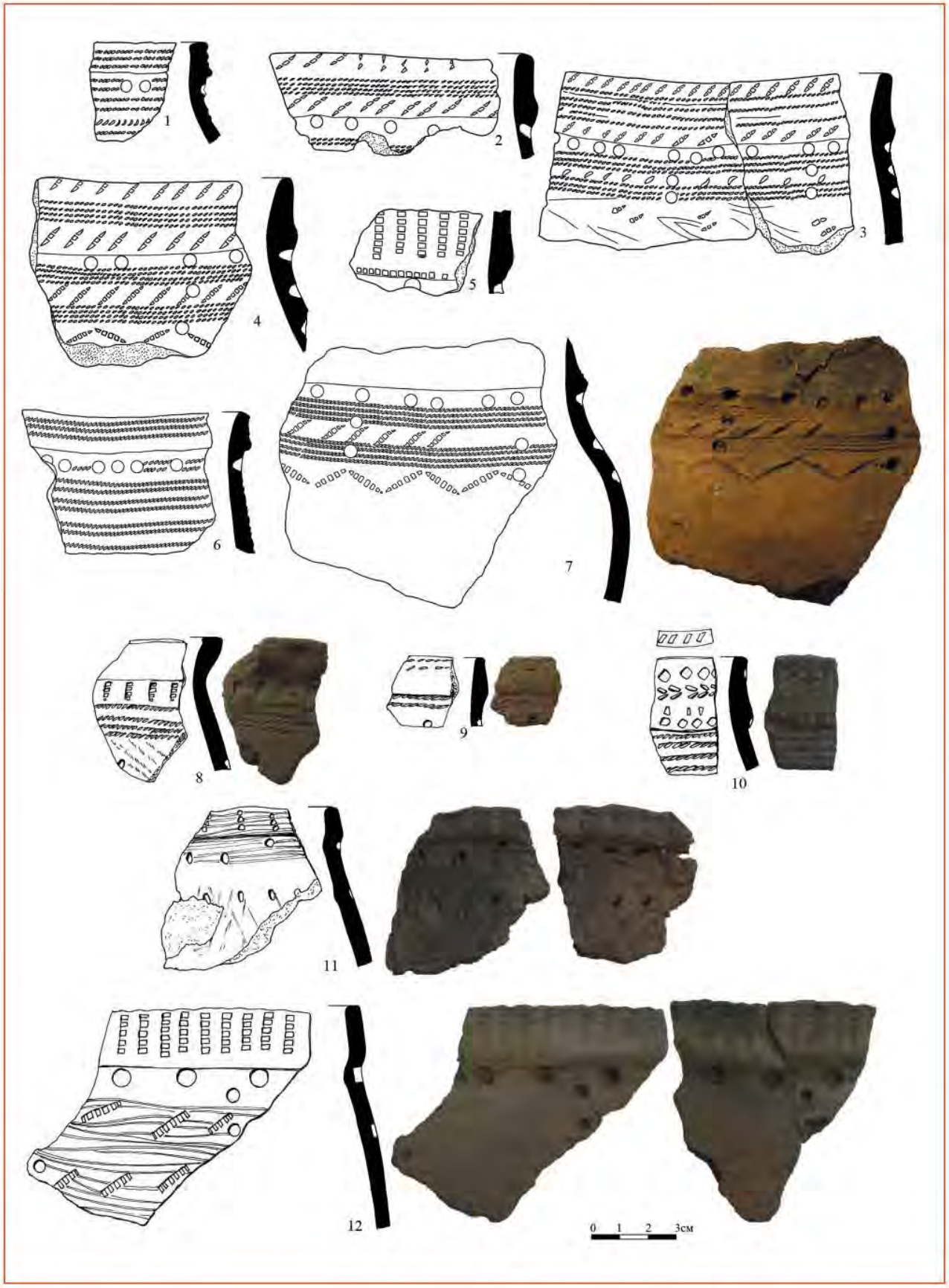


Рис. 62. Гребенчато-шнуровая и шнуровая керамика с «воротничком». Поселение Ватажка. 1–12 – венчики сосудов, глина.

Рис. 63. Плавнопрофилированная шнуровая керамика. Поселение Ватажка.
1–21 – венчики сосудов, глина.

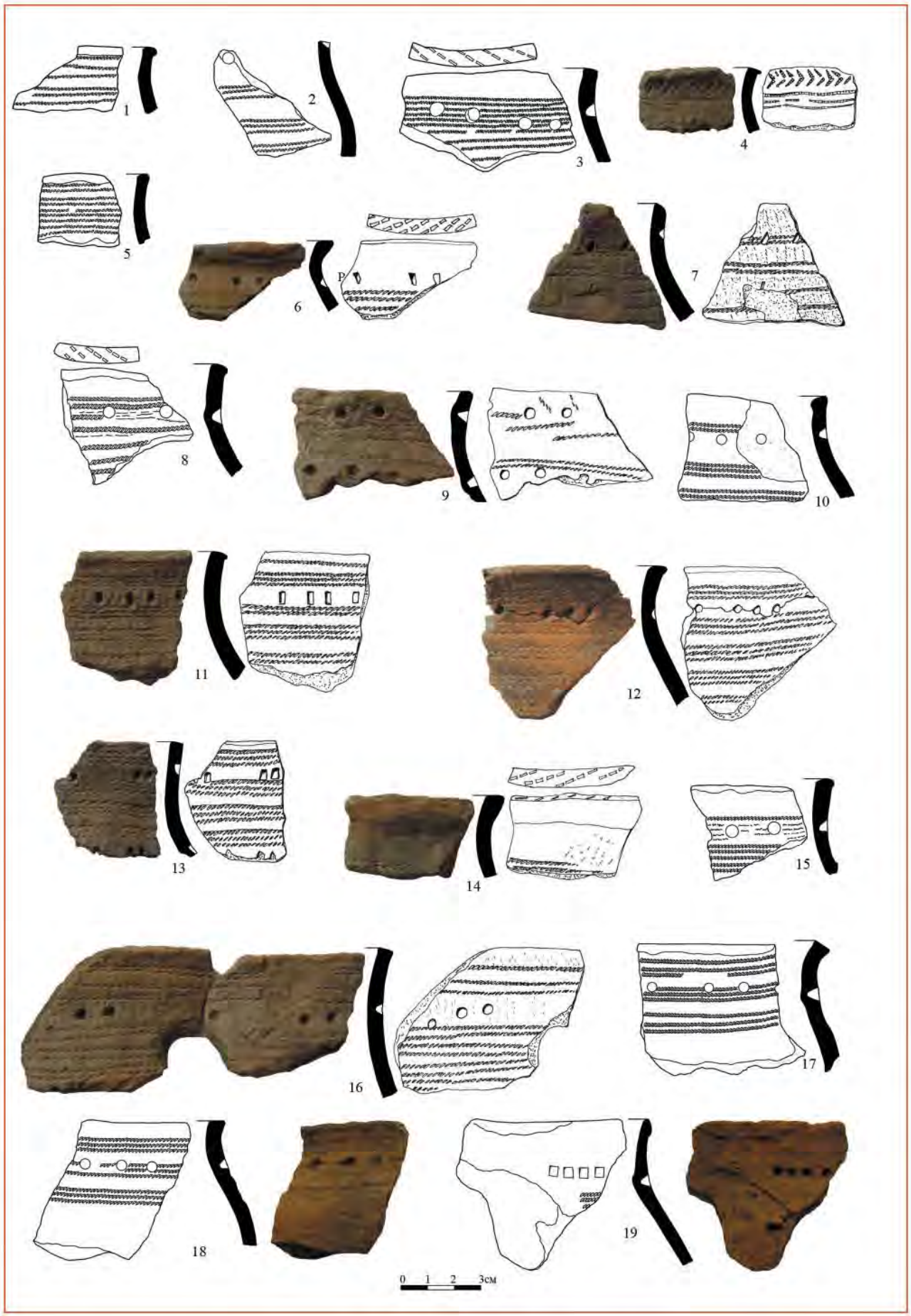


Рис. 64. Плавнопрофилированная шнуровая керамика. Поселение Ватажка.
1–19 – венчики сосудов, глина.

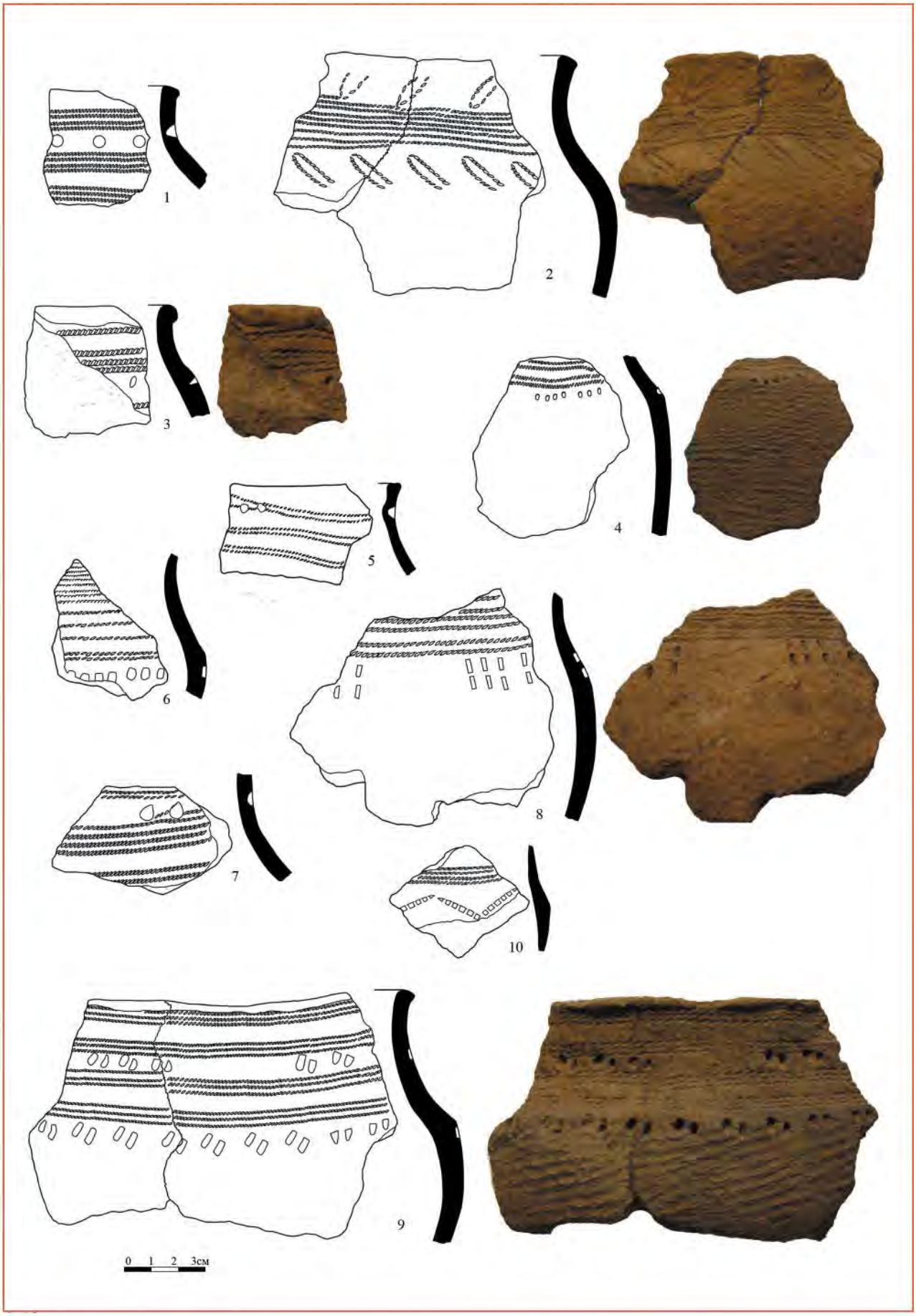
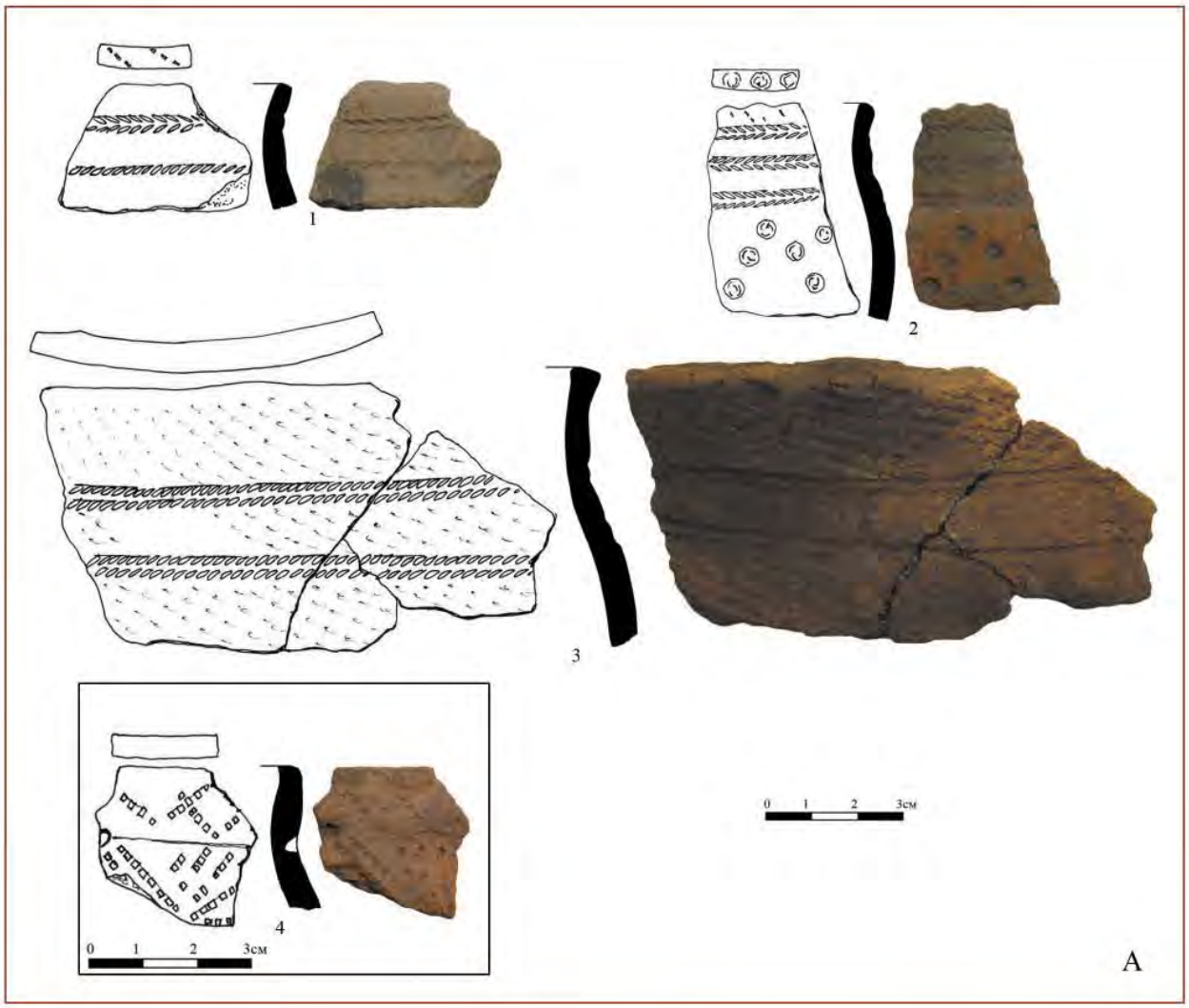


Рис. 65. Профилированная шнуровая и гребенчато-шнуровая керамика. Поселение Ватажка. 1–10 – венчики сосудов, глина.

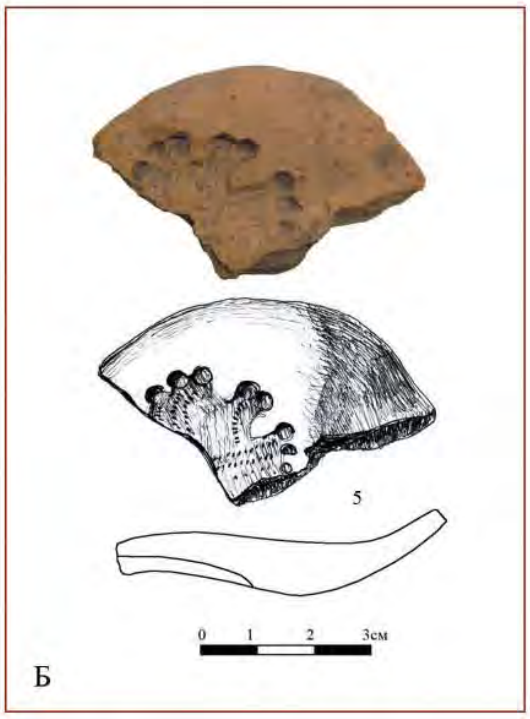
Рис. 66. Профилированная шнуровая керамика. Поселение Ватажка.
1–10 – венчики сосудов, глина.

Рис. 67. Слабопрофилированная шнуровая керамика. Поселение Ватажка.
1–9 – венчики сосудов, глина.

Рис. 68. Слабопрофилированная шнуровая и гребенчато-шнуровая керамика. Поселение Ватажка. 1–26 – венчики сосудов, глина.



1–3 – ф-ты венчиков сосудов, глина;
4 – ф-т венчика с «воротничком», глина;



5 – ф-т литейной формы, глина.

Рис. 69. Плавнопрофилированная шнуровая керамика (А), фрагмент глиняной литейной формы (Б). Минское городище.

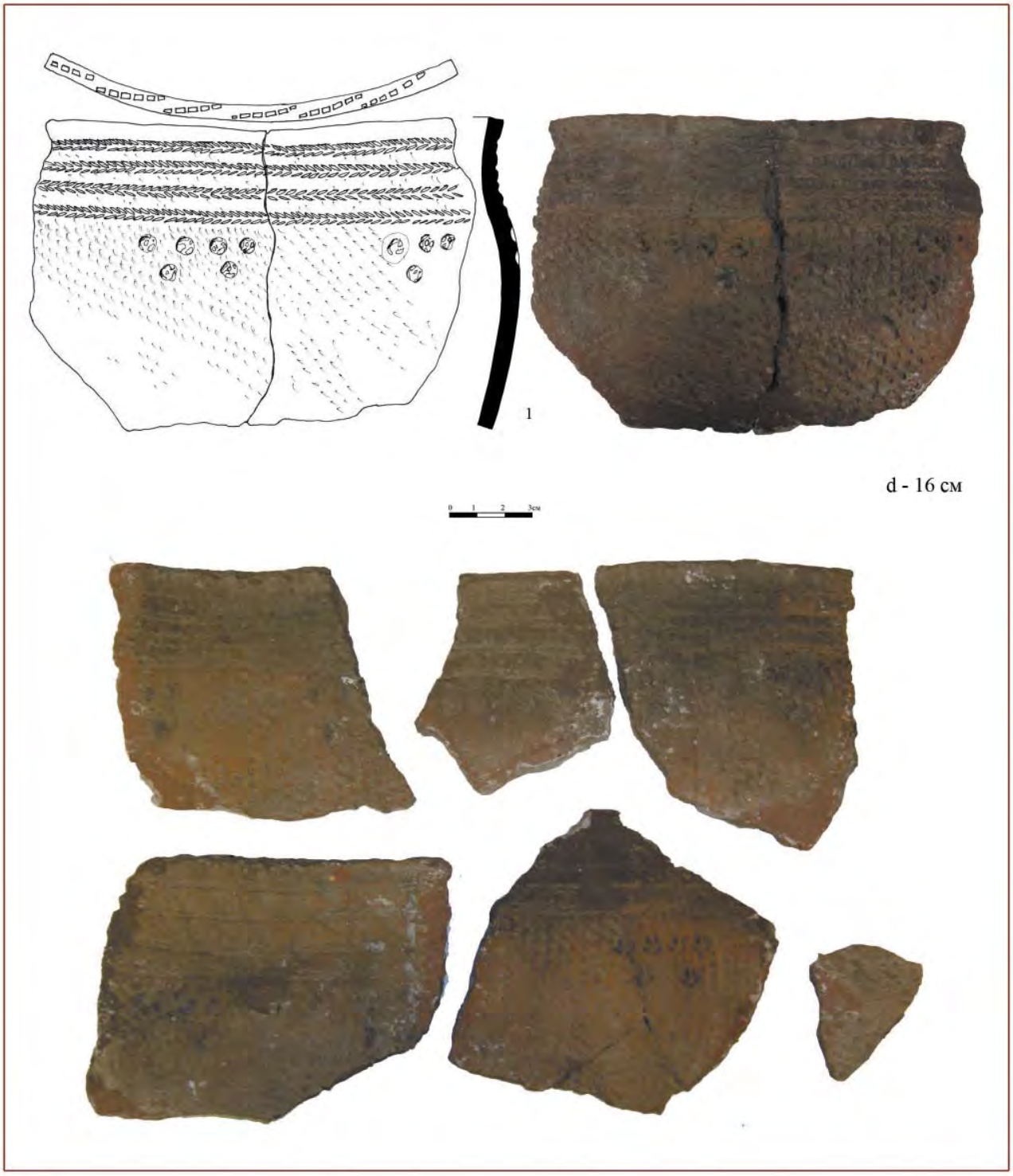


Рис. 70. Развал плавнопрофилированного шнурового сосуда. Минское городище.
1 – развал сосуда, глина.

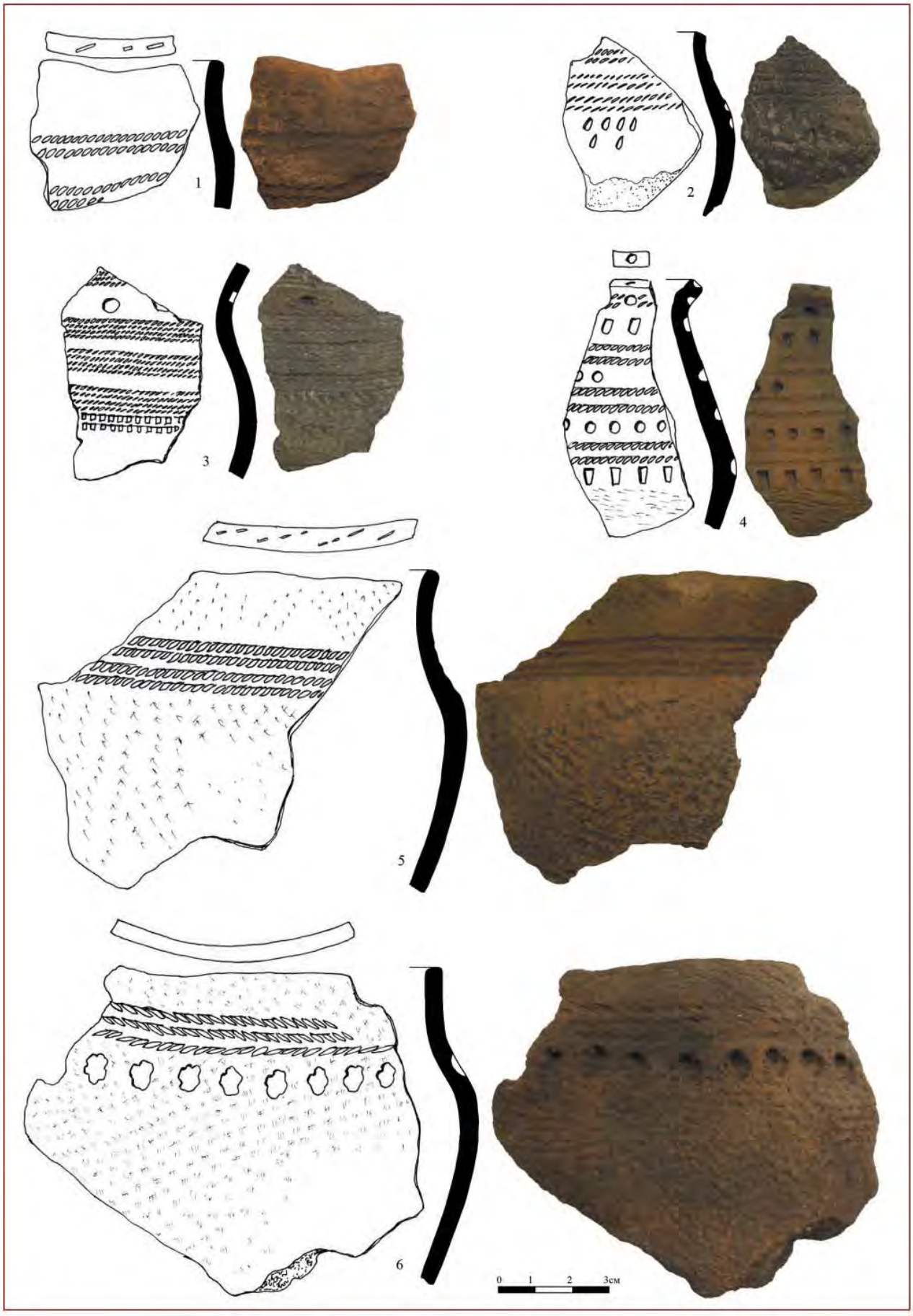


Рис. 71. Профилированная шнуровая керамика. Минское городище.
1–6 – ф-ты венчиков сосудов, глина.

Рис. 72. Профилированная шнуровая керамика. Минское городище.
1–4 – ф-ты венчиков сосудов, глина.

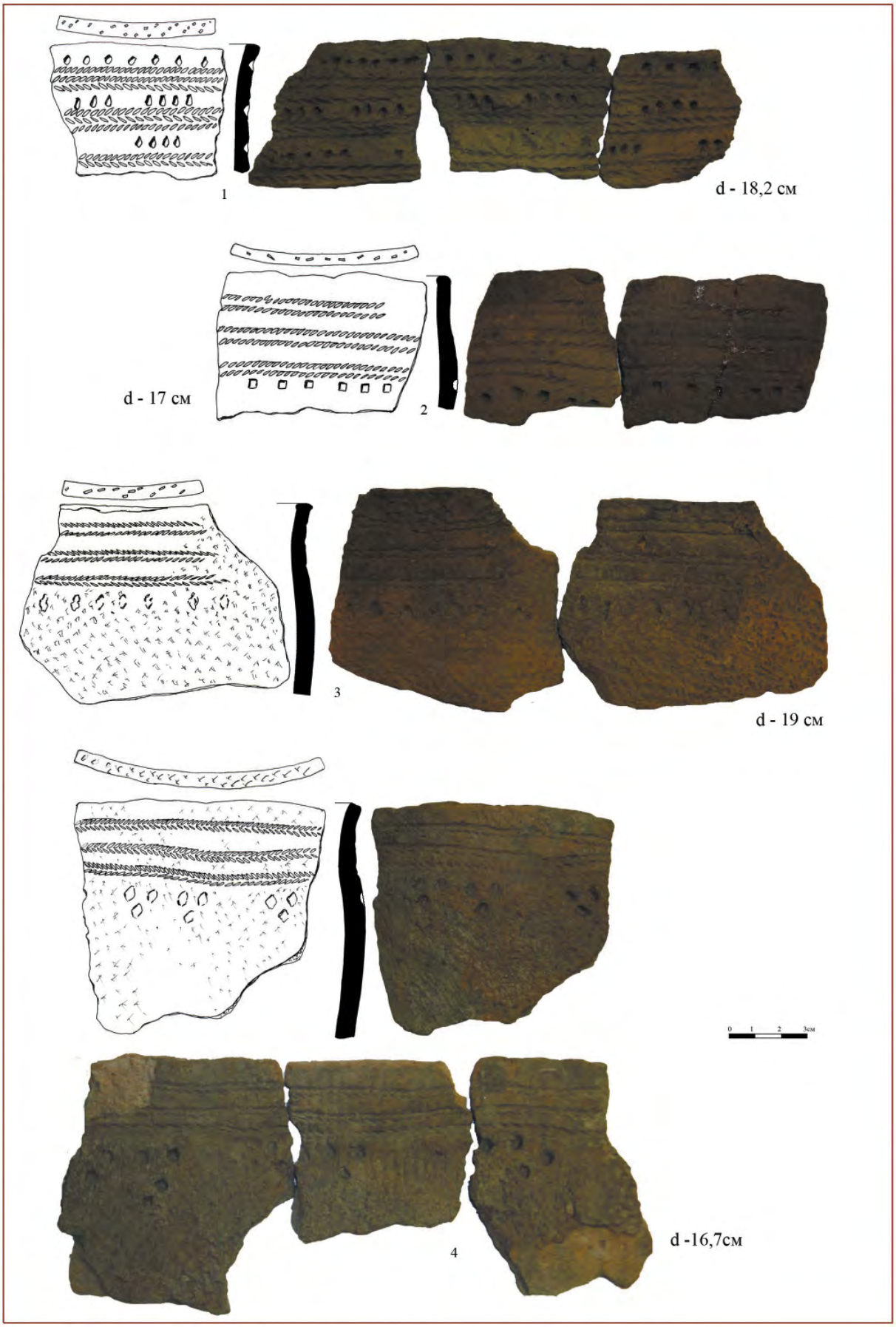


Рис. 73. Развалы от слабопрофилированных сосудов. Минское городище.
1–4 – ф-ты слабопрофилированных шнуровых сосудов, глина.

Рис. 74. Слабопрофилированная шнуровая керамика. Минское городище.
1–5 – ф-ты венчиков сосудов, глина.

Рис. 75. Слабопрофилированная шнуровая керамика. Минское городище.
1–7 – ф-ты венчиков сосудов, глина.

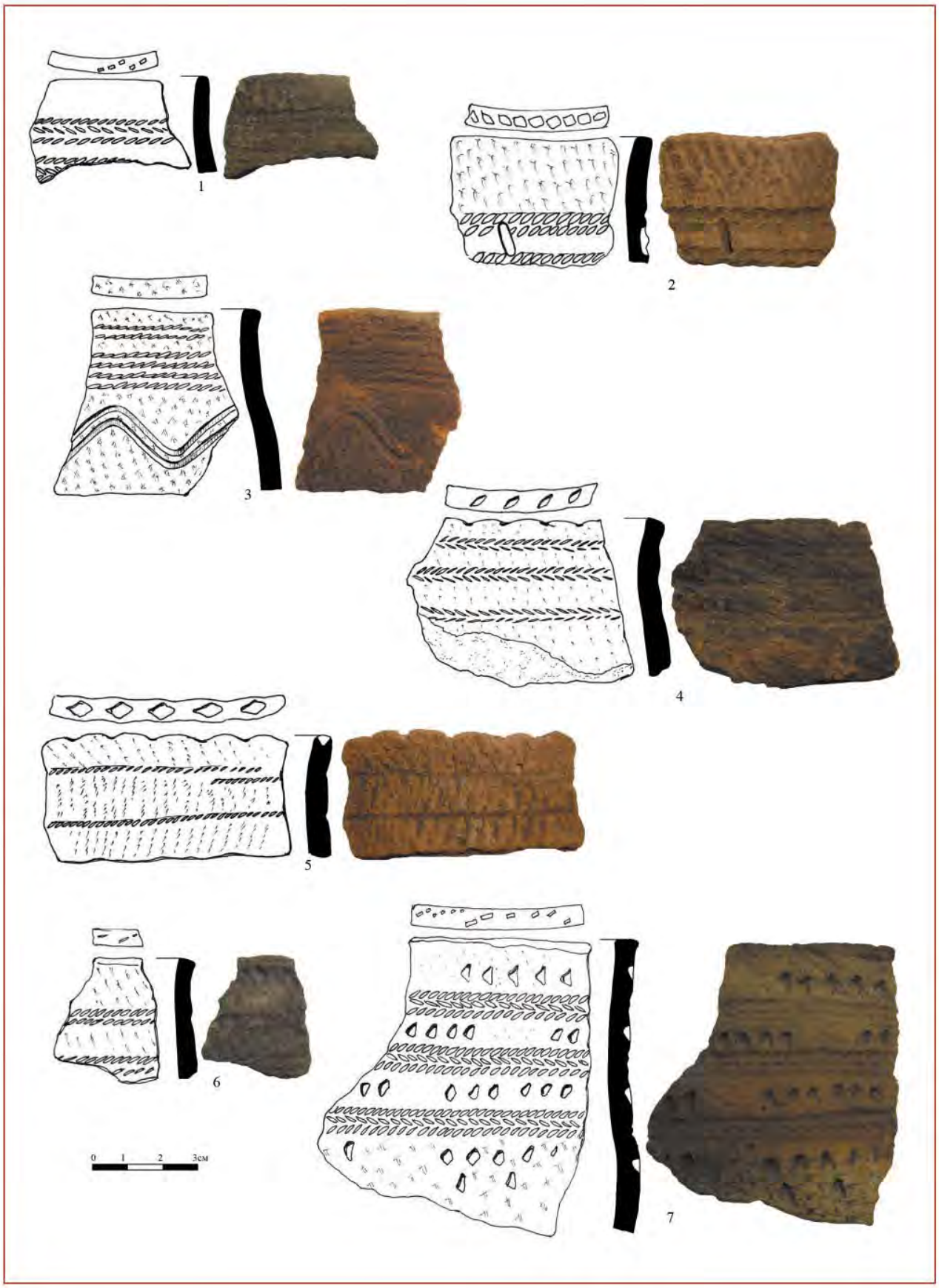


Рис. 76. Слабопрофилированная шнуровая керамика. Минское городище.
1–7 – ф-ты венчиков сосудов, глина.

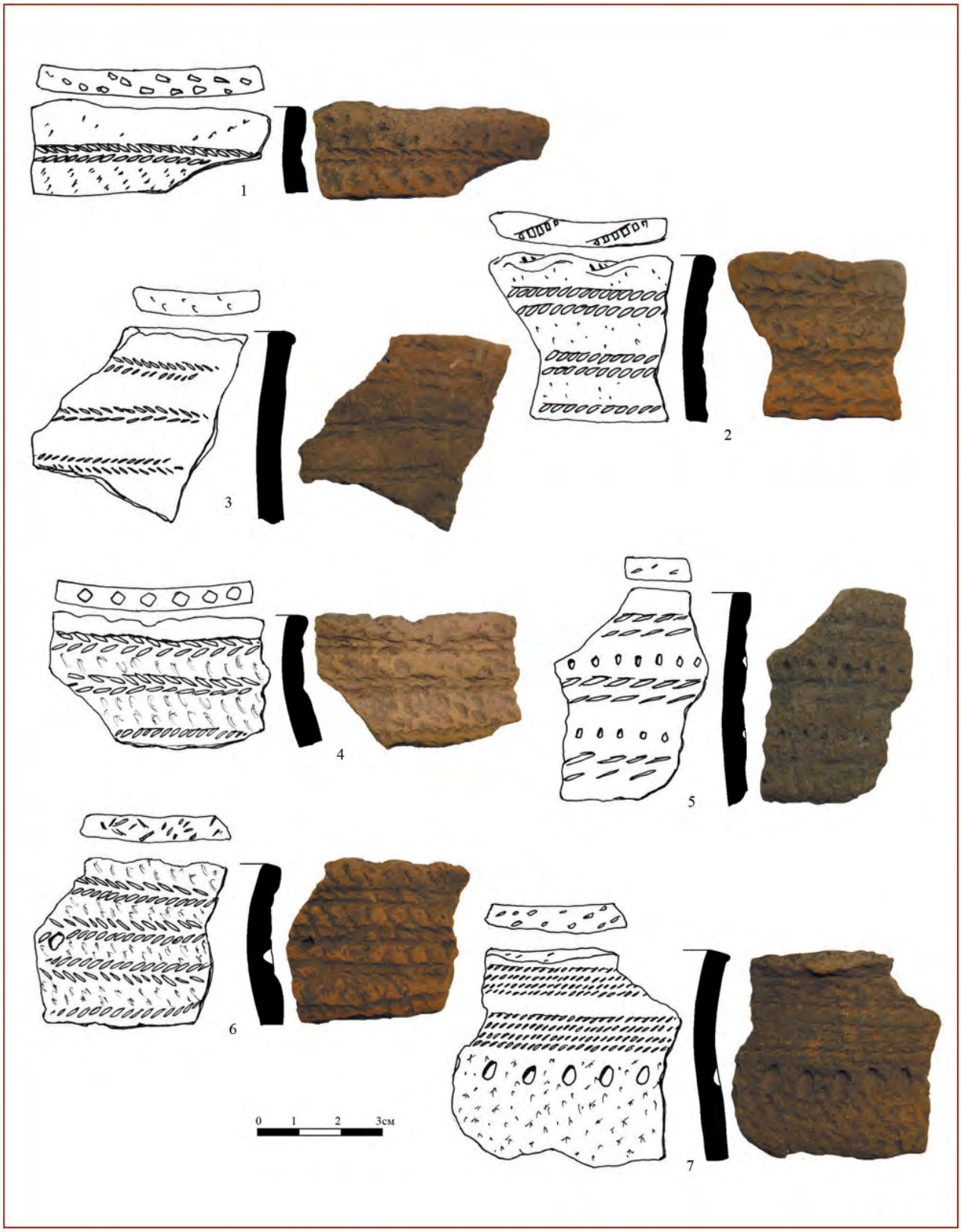


Рис. 77. Слабопрофилированная шнуровая керамика. Минское городище.
1–7 – ф-ты венчиков сосудов, глина.

Рис. 78. Слабопрофилированная шнуровая керамика. Минское городище.
1–7 – ф-ты венчиков сосудов, глина.

Рис. 79. Чашевидная шнуровая керамика. Минское городище.
1–4 – ф-ты венчиков сосудов, глина.

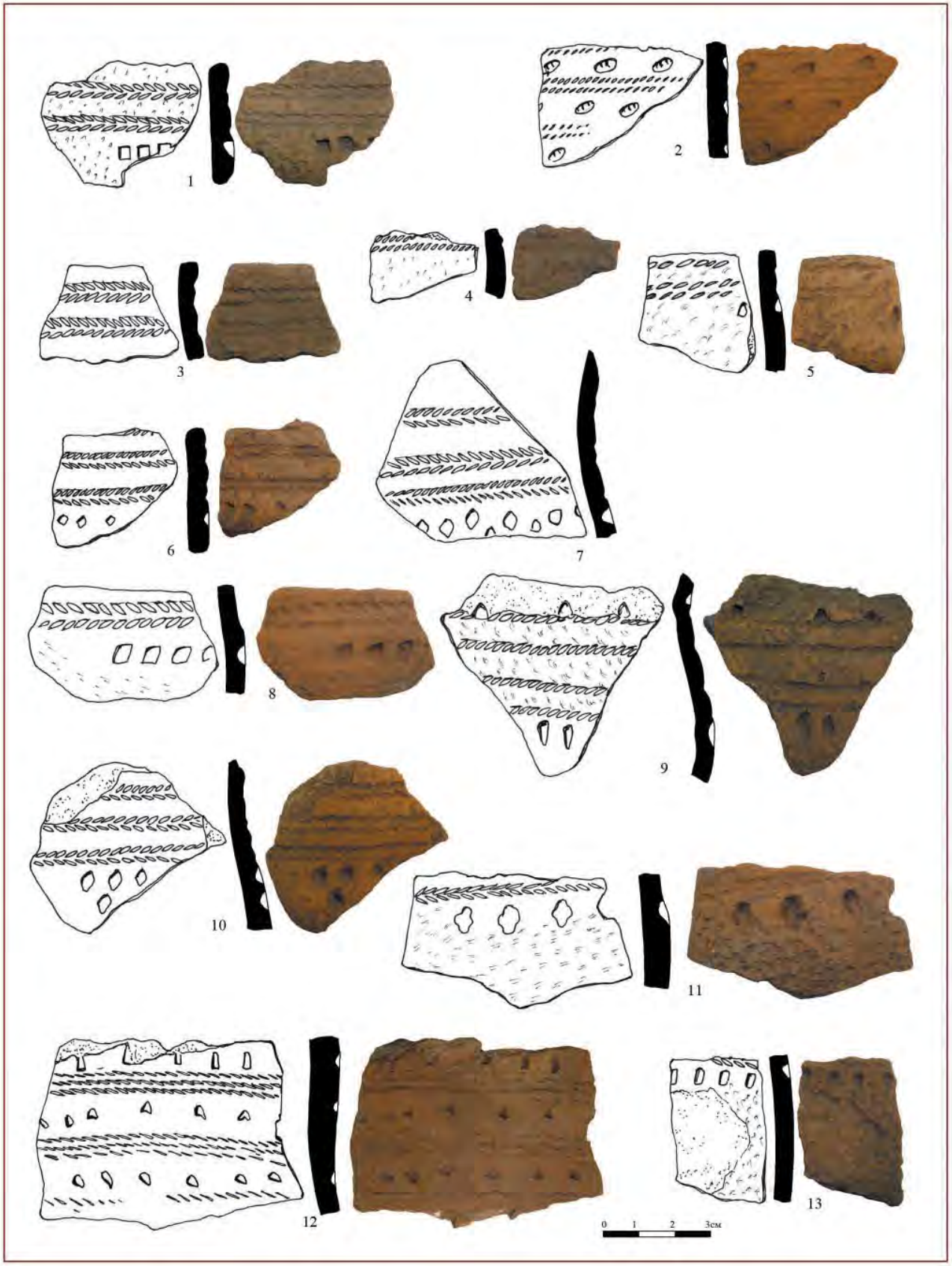


Рис. 80. Шнуровая керамика. Минское городище.
1–13 – ф-ты стенок сосудов, глина.

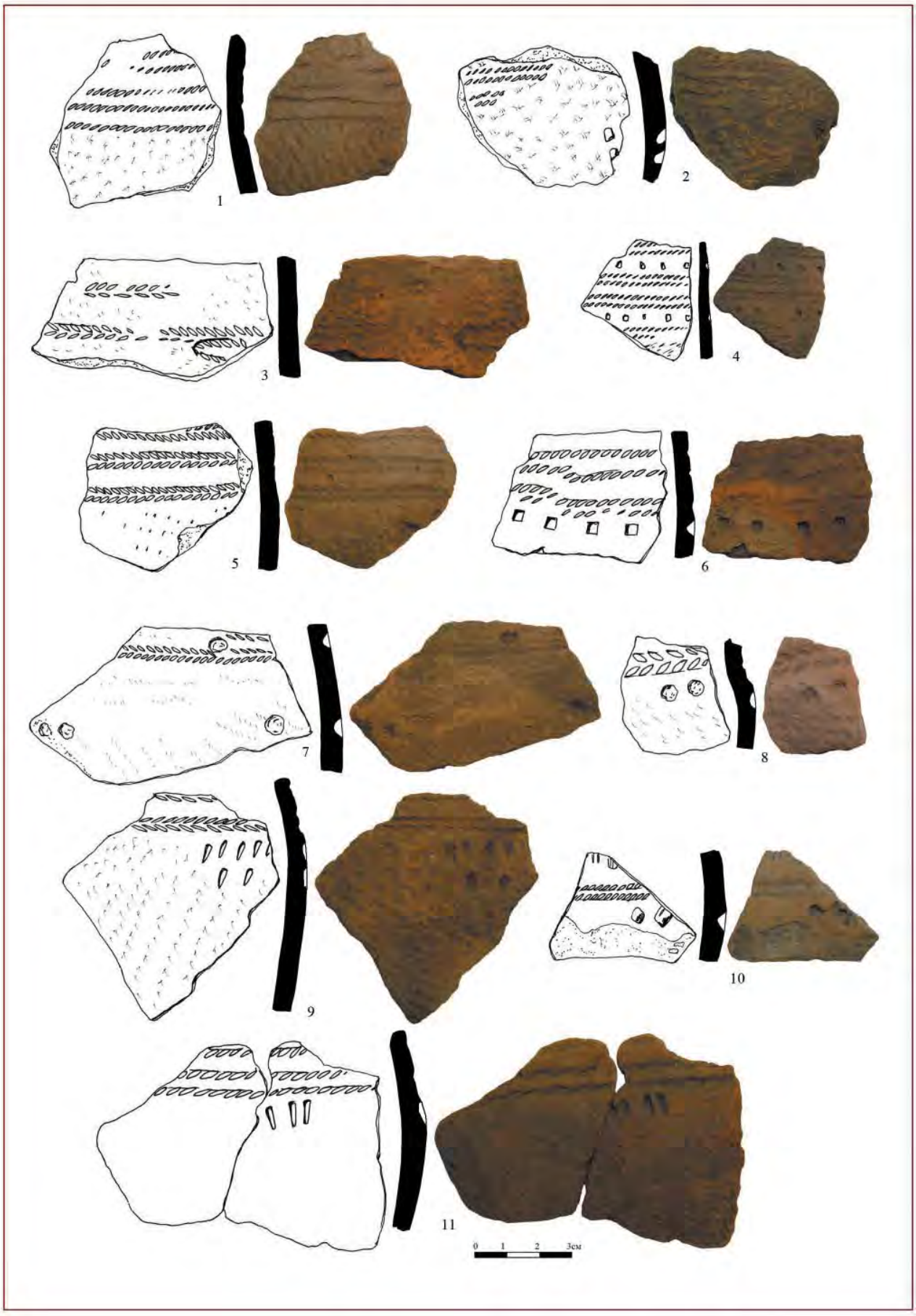


Рис. 81. Шнуровая керамика. Минское городище.
1–11 – ф-ты стенок сосудов, глина.

Рис. 82. Шнуровая керамика. Минское городище.
1–9 – ф-ты стенок сосудов, глина.

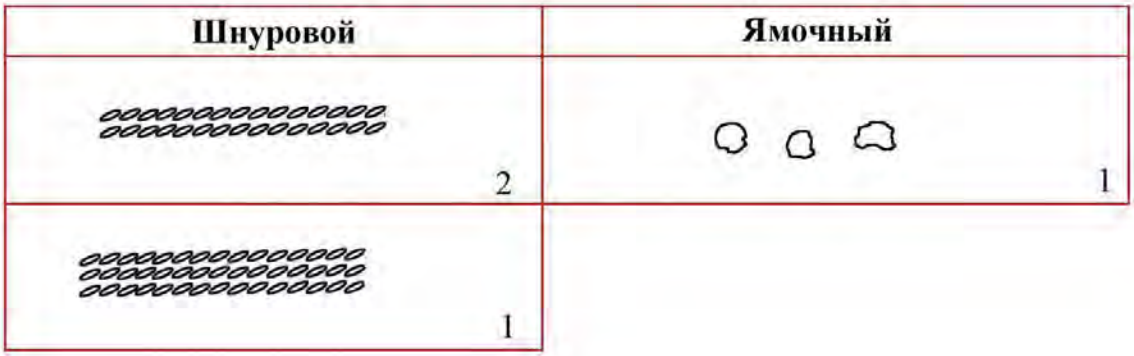


Рис. 83. Элементы орнамента. Поселение Умиленье (Пески).
4 элемента.

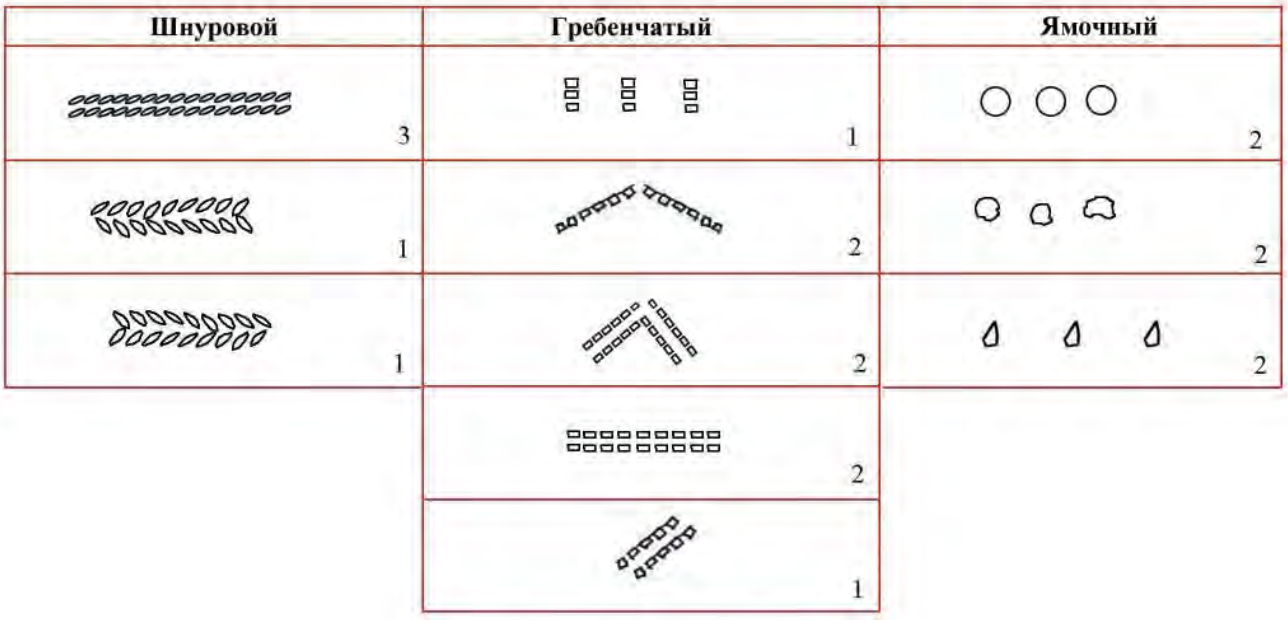


Рис. 84. Элементы орнамента. Городище Унорож.
18 элементов.

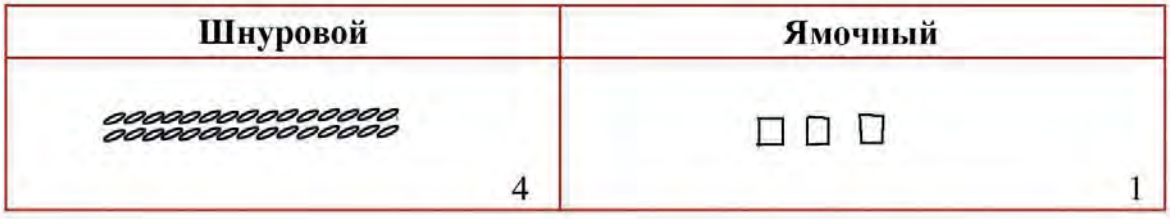


Рис. 85. Элементы орнамента. Поселение Медведки II (Шача).
5 элементов.

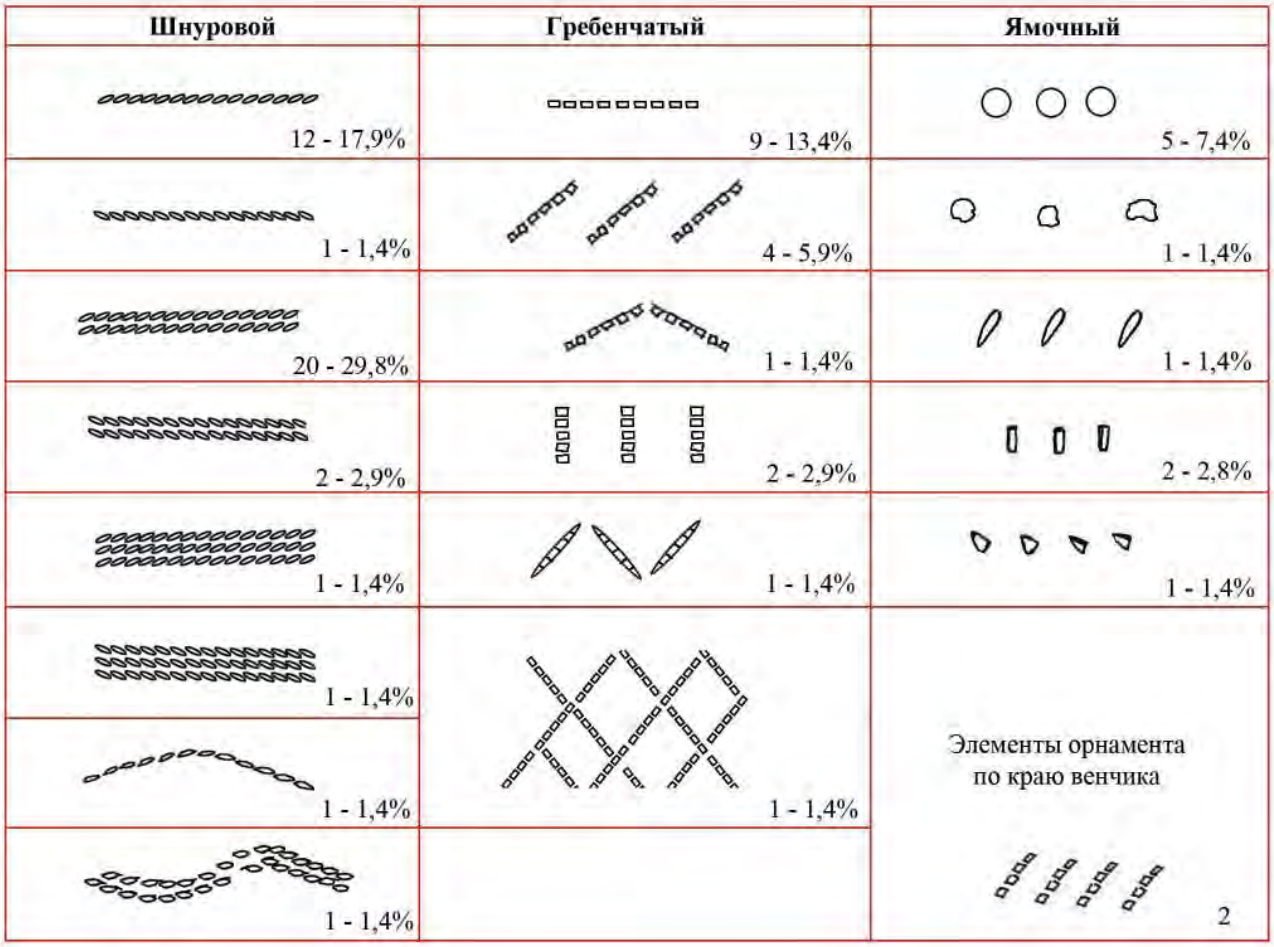


Рис. 86. Элементы орнамента. Городище Брюхово (Курган).
67 элементов.

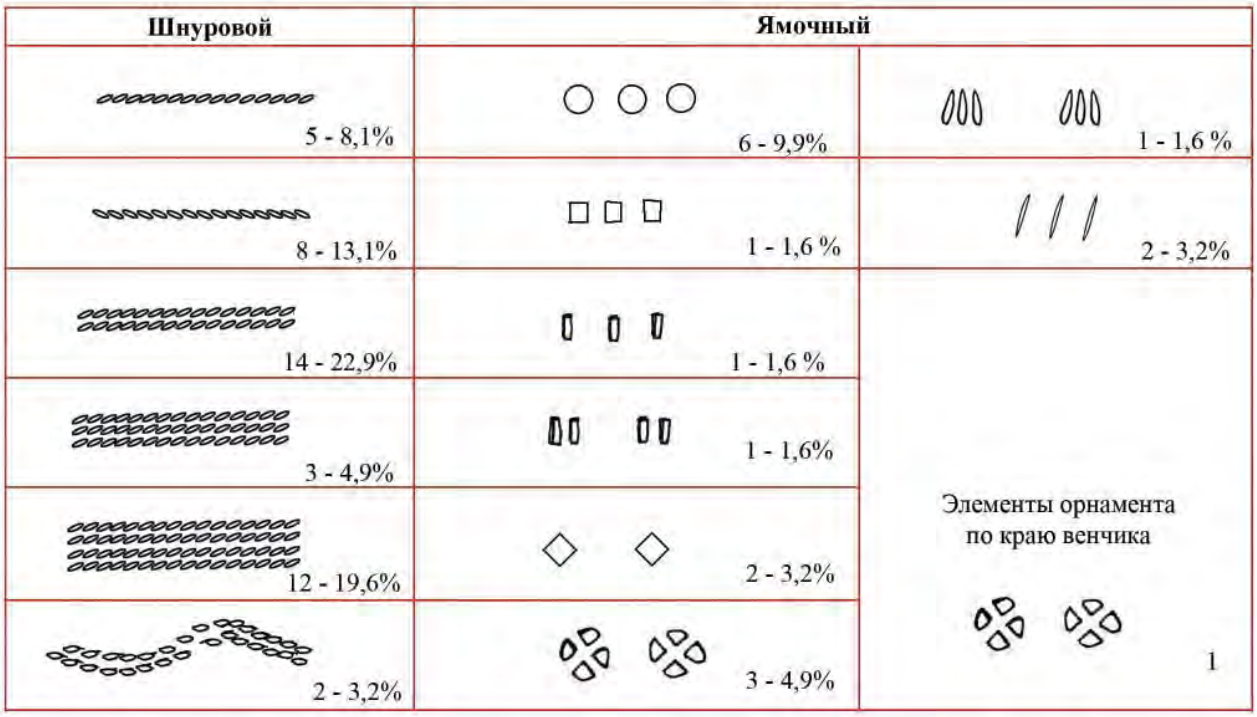


Рис. 87. Элементы орнамента. Поселение Быки (Пуп).
61 элемент.

Рис. 88. Элементы орнамента. Поселение Станок I.
17 элементов.

Рис. 89. Элементы орнамента. Поселение Станок II.
15 элементов.

Рис. 90. Элементы орнамента. Поселение Борань.
16 элементов.

Шнуровой	Ямочный
9	1
3	1
1	2
1	

Рис. 91. Элементы орнамента. Городище в г. Костроме.
18 элементов.

Шнуровой	Гребенчатый	Ямочный
12	2	1
13		5
16		2
1		1
		2
		1
		2
		1
		1
		1
		5

Рис. 92. Элементы орнамента. Поселение Шунга.
49 элементов.

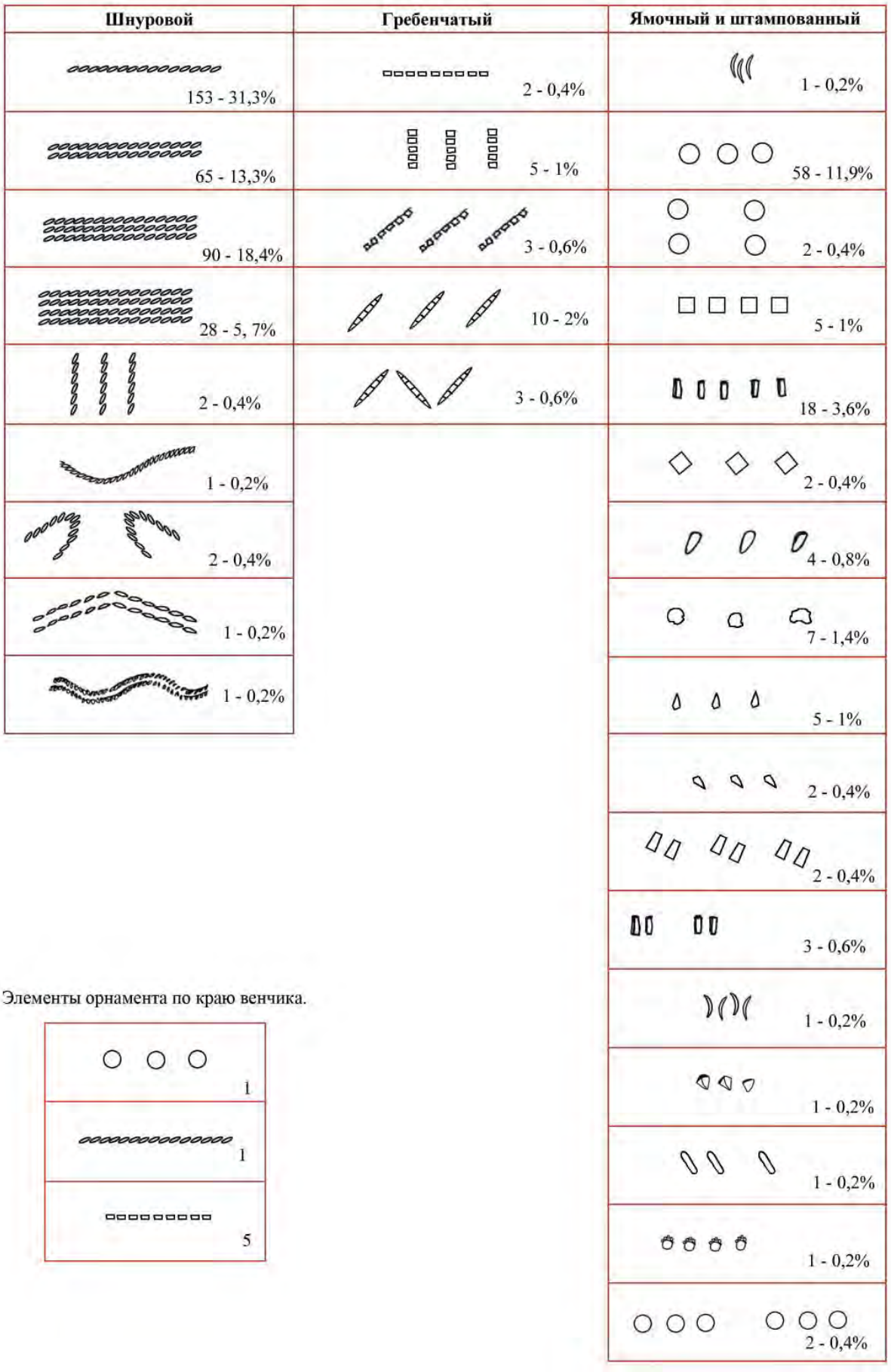


Рис. 93. Элементы орнамента. Поселение Ватажка.
482 элемента.

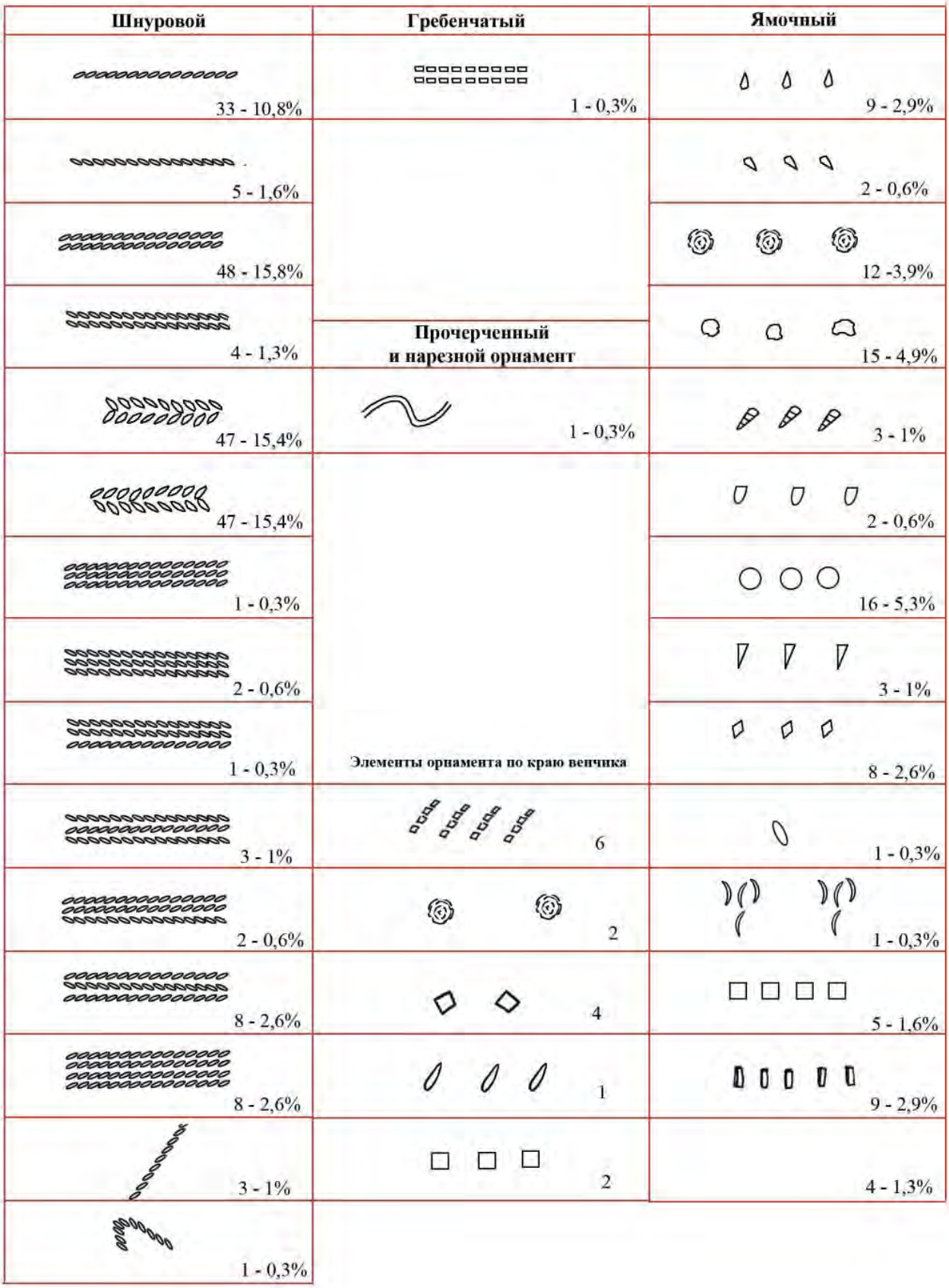


Рис. 94. Элементы орнамента. Городище Минское.
305 элементов.

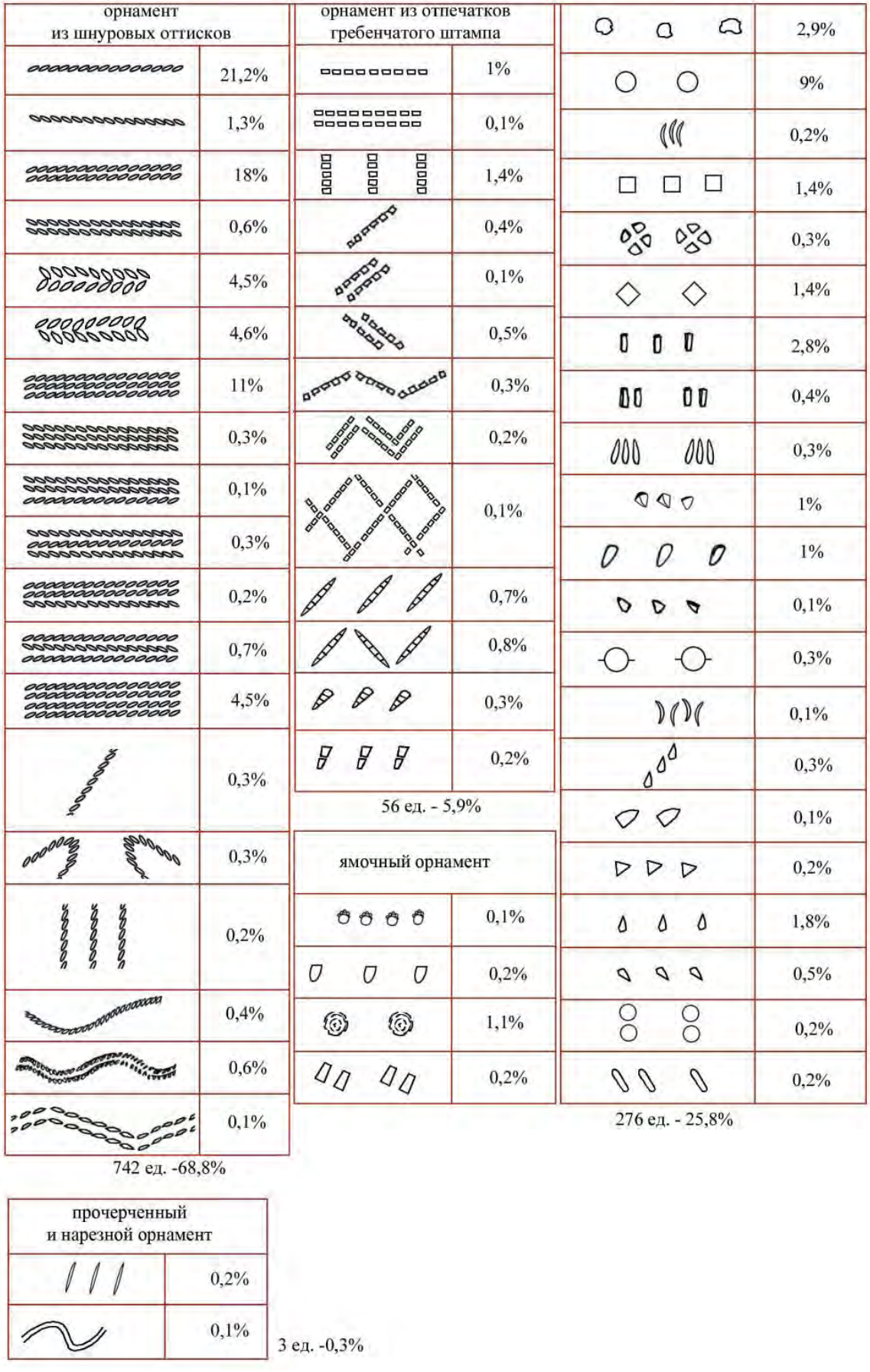


Рис. 95. Элементы орнамента. Сводная табл..

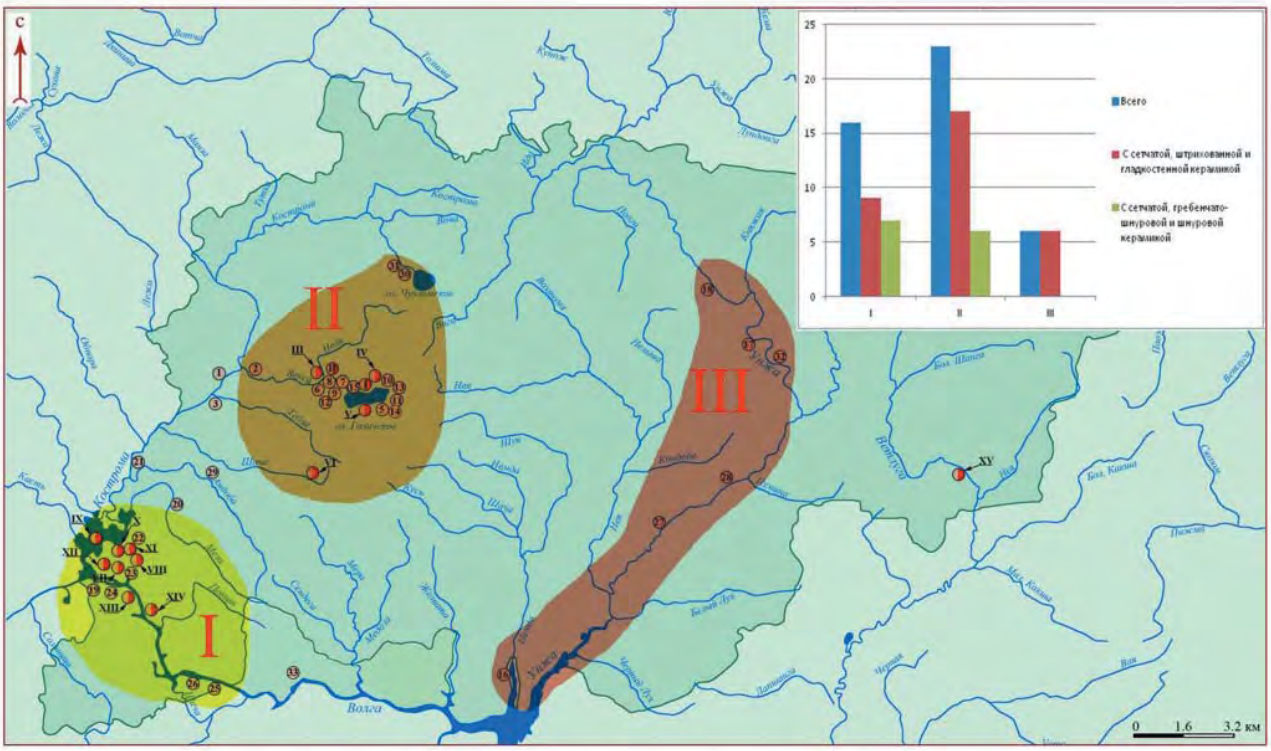
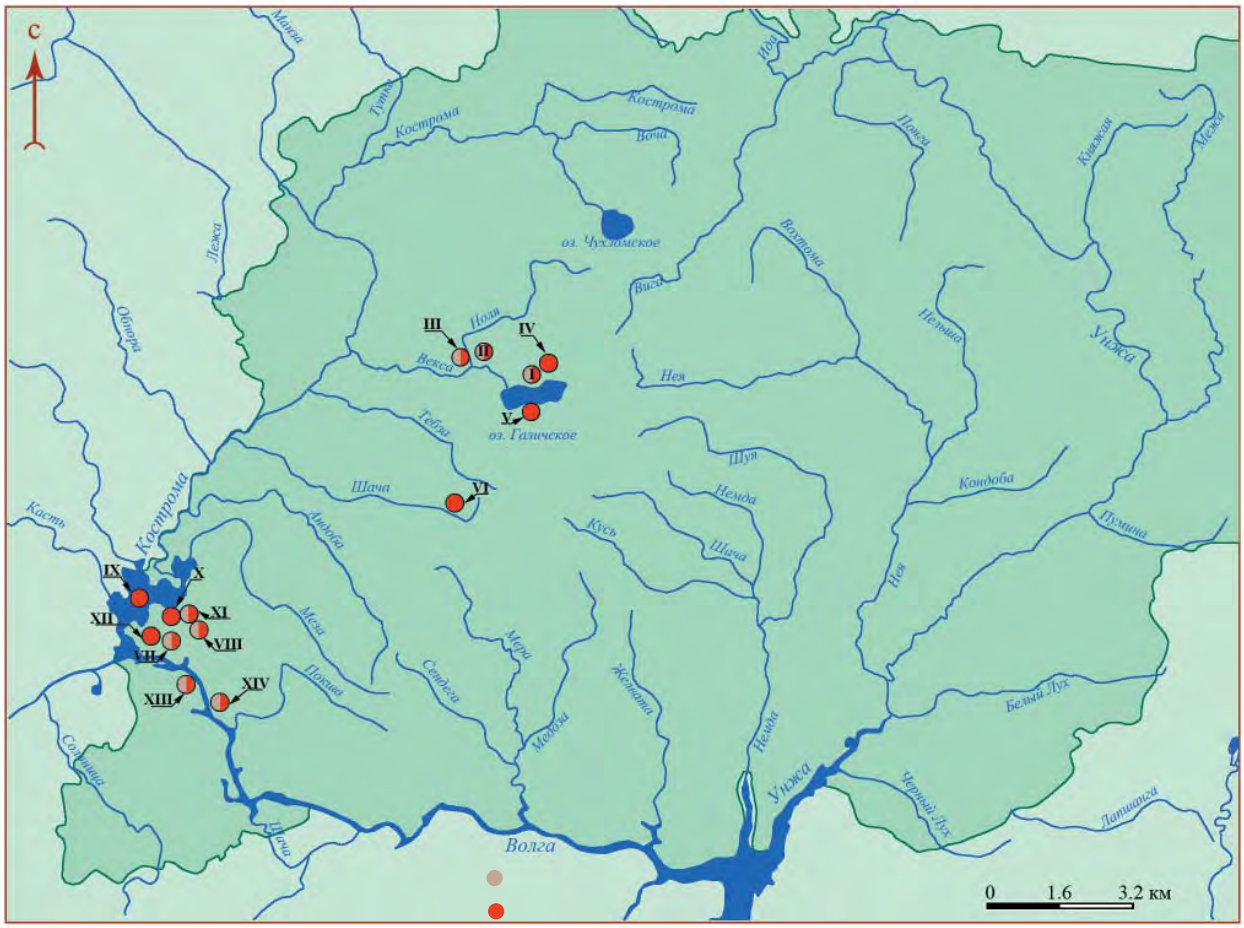


Рис. 96. Участки локализации памятников РЖВ Костромского Поволжья.
I – группа памятников расположенных на территории Костромской низины.
II – группа памятников расположенных на территории Галичско –Чухломской возвышенности.
III – группа памятников расположенных на территории Унженской низменности.

Рис. 97. Форма сосудов (количество выделенных сосудов по верхней части), (в процентном соотношении).



– поселения I этапа.
– поселения II этапа.

Поселения появившееся на I этапе:
I – Быки (Пуп).
II – Брюхово (Курган).
III – Унорож.
VII – Шунга.
VIII – Ватажка.
XI – Станок I.
XIII – в г. Костроме.
XIV – Минское.

Поселения II этапа:
I – Быки (Пуп).
II – Брюхово (Курган).
III – Унорож.
IV – Умиленье (Пески).
V – Челсма.
VI – Медведки II (Шача).
VII – Шунга.
VIII – Ватажка.
IX – Борань.
X – Станок II
XI – Станок
XII – Хреново.
XIII – в г. Костроме.
XIV – Минское.

Рис. 98. Поселения с гребенчато-шнуровой, шнуровой и гибридной керамикой РЖВ Костромского Поволжья.

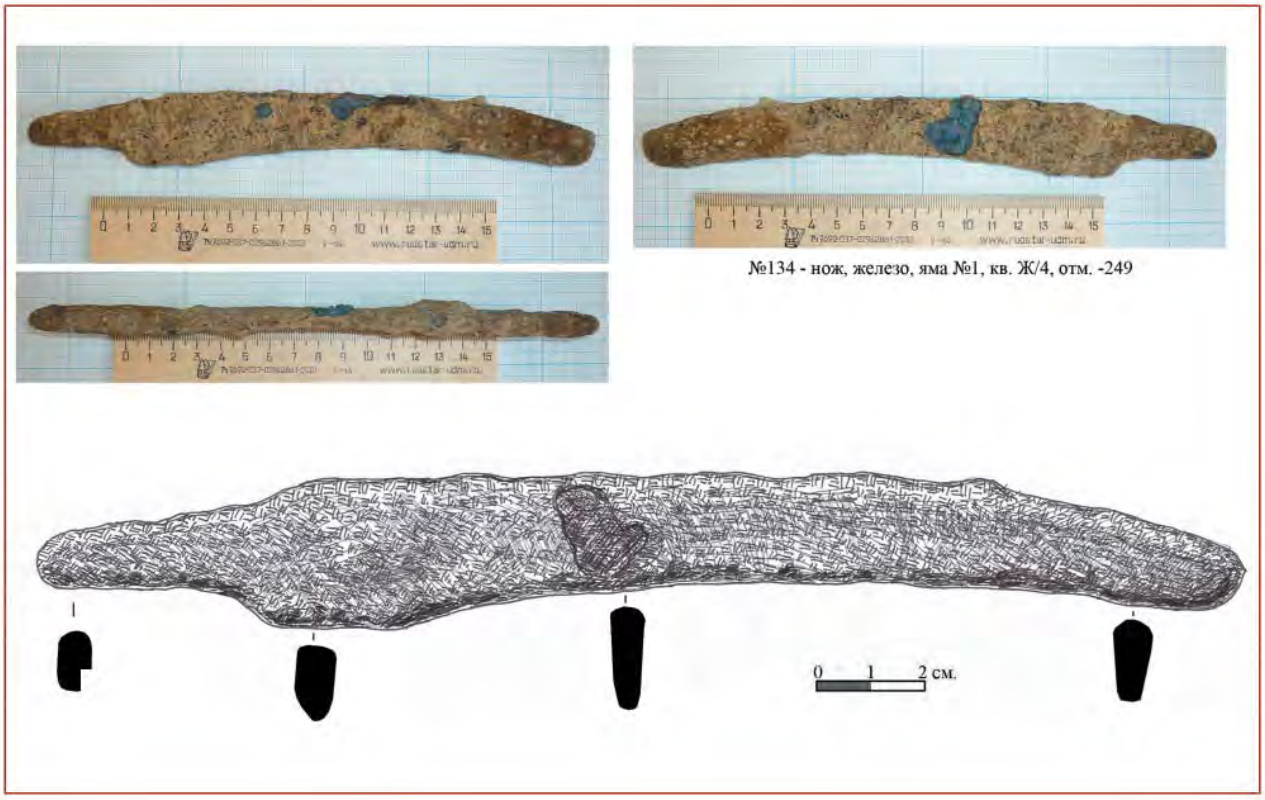


Рис. 99. Железный нож. Городище Унорож.

Рис. 100. Литейная форма. Поселение Ватажка.

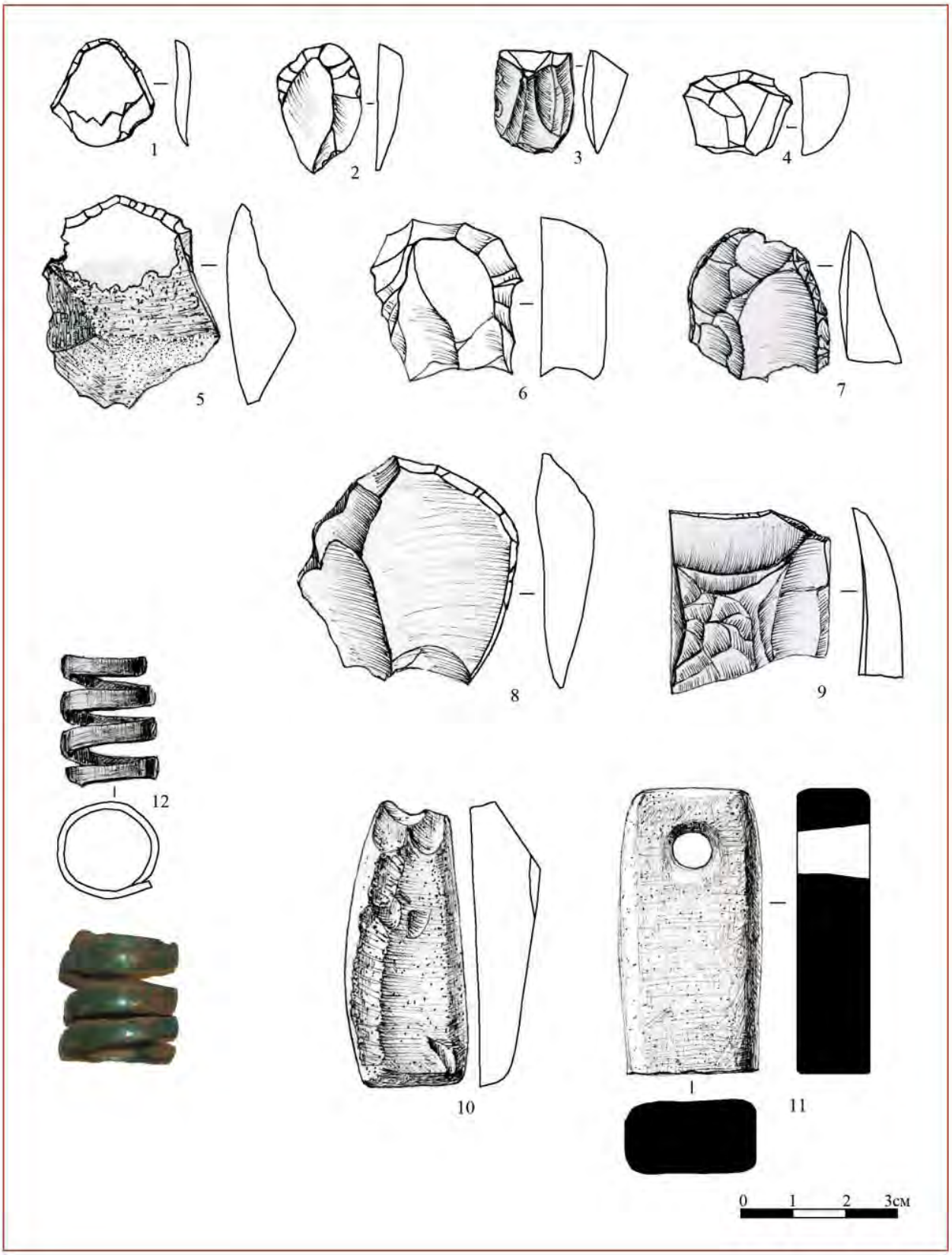


Рис. 101. Индивидуальные находки. Городище в Костроме.
1–6 – скребок концевой; 7, 8 – скребок боковой; 9 – скребок торцевой и концевой (1–9 – кремень); 10 – обломок деревообрабатывающего орудия; 11 – поясная привеска (10–11 – сланец); 12 – височная спираль (медный сплав).

Рис. 102. Сетчатая керамика. Поселение Ватажка.
1–24 – венчики сосудов, глина.

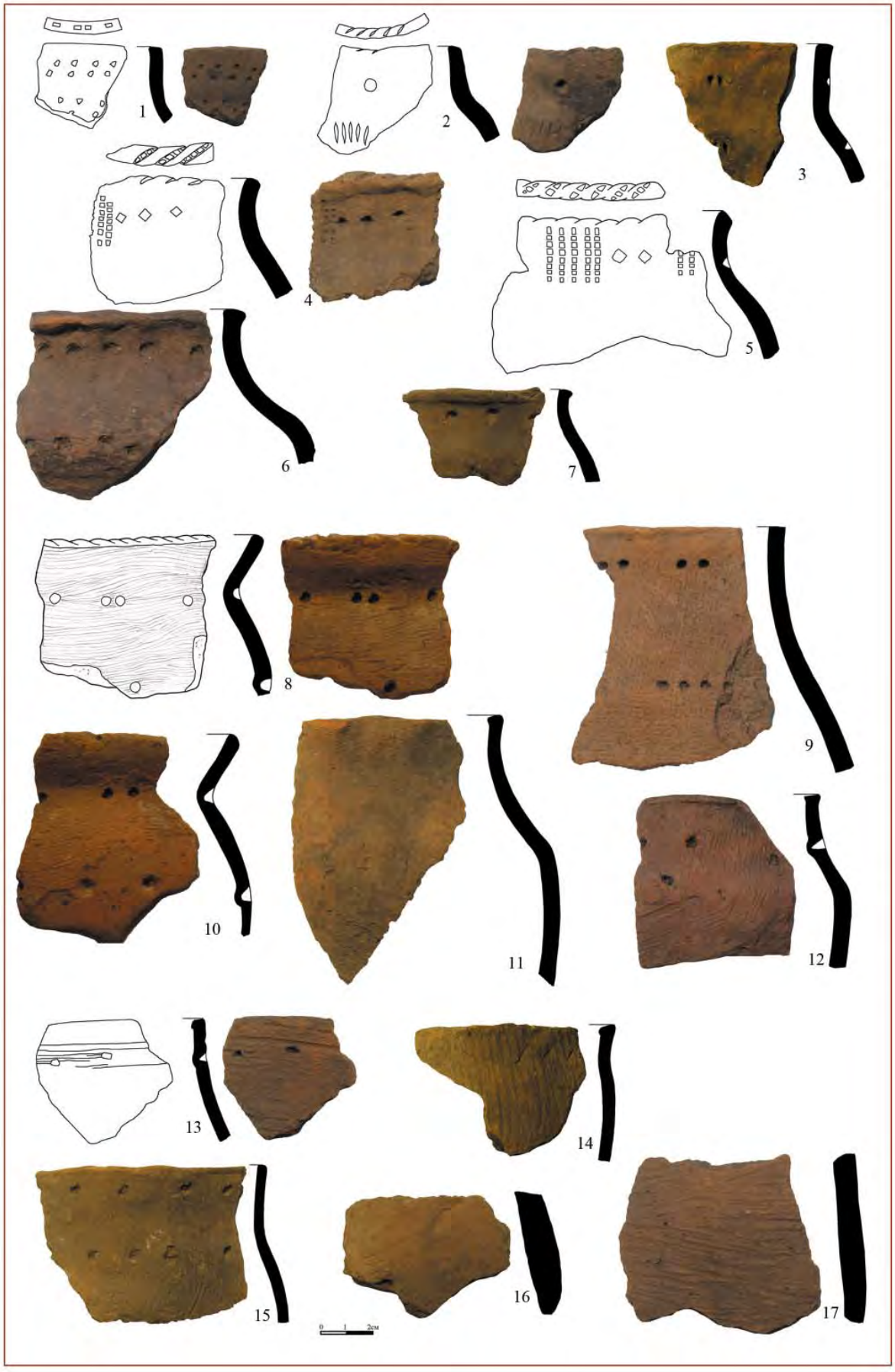


Рис. 103. Керамика РЖВ. Поселение Ватажка.
1–7 – гладкостенная керамика; 8–12 – нитчатая керамика; 13–17 – штрихованная керамика.

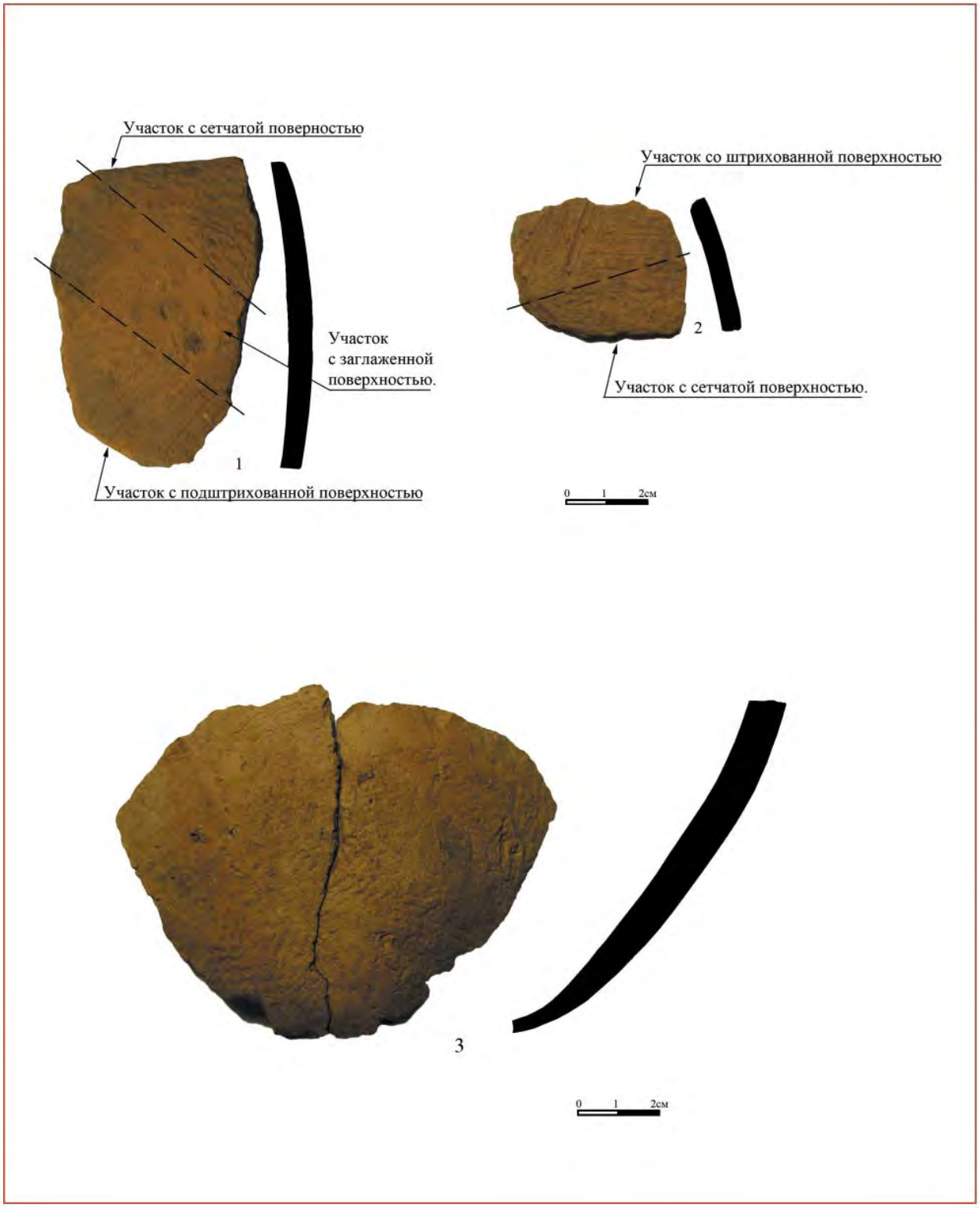


Рис. 104. Керамика РЖВ. Поселение Ватажка.
1, 2 – стенки сосудов; 3 – донная часть сосуда, глина.

Рис. 105. Керамика РЖВ. Поселение Ватажка.
1–15 – донные части сосудов, глина.

Рис. 106. Керамика РЖВ. Поселение Ватажка.
1–15 – донные части сосудов, глина.

Рис. 107. Профили верхней части гладкостенной керамики ПБВ и РЖВ. Городище в Костроме. 1–33 – венчики сосудов, глина.

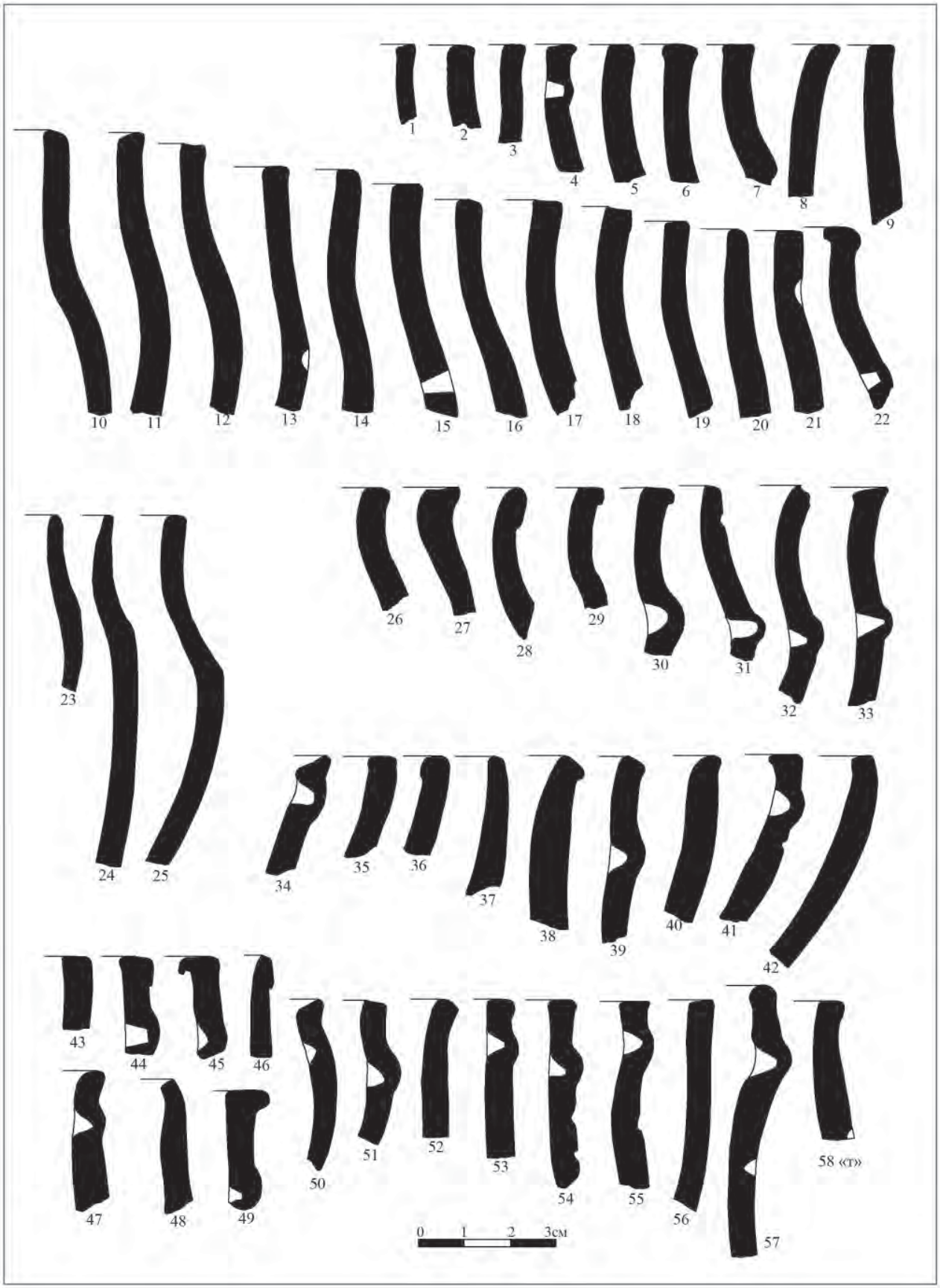


Рис. 108. Профили верхней части сетчатой керамики. Городище в Костроме.
1–58 –венчики сосудов, глина.

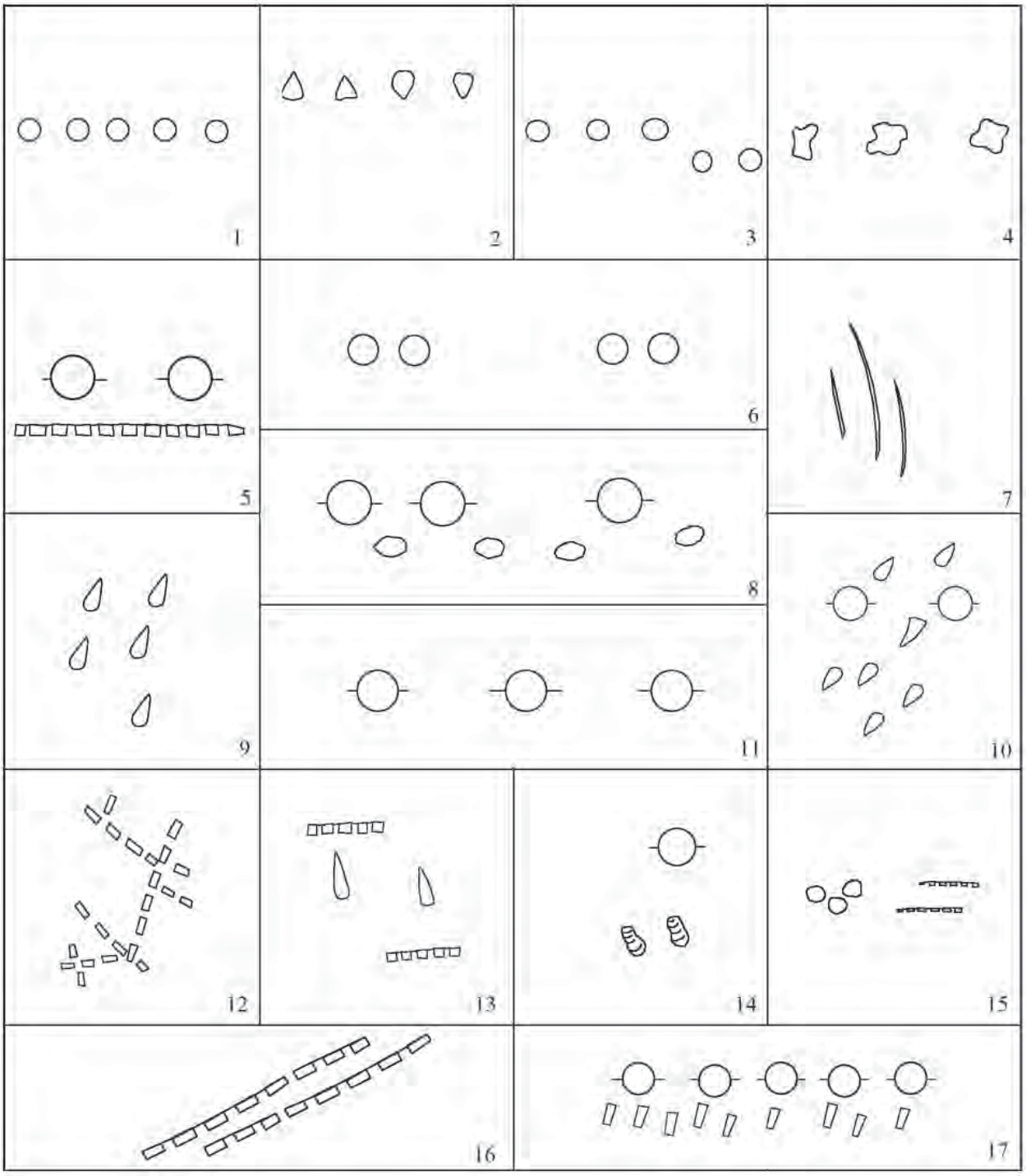


Рис. 109. Орнаментальные мотивы и композиции на сетчатой керамике. Городище в Костроме.

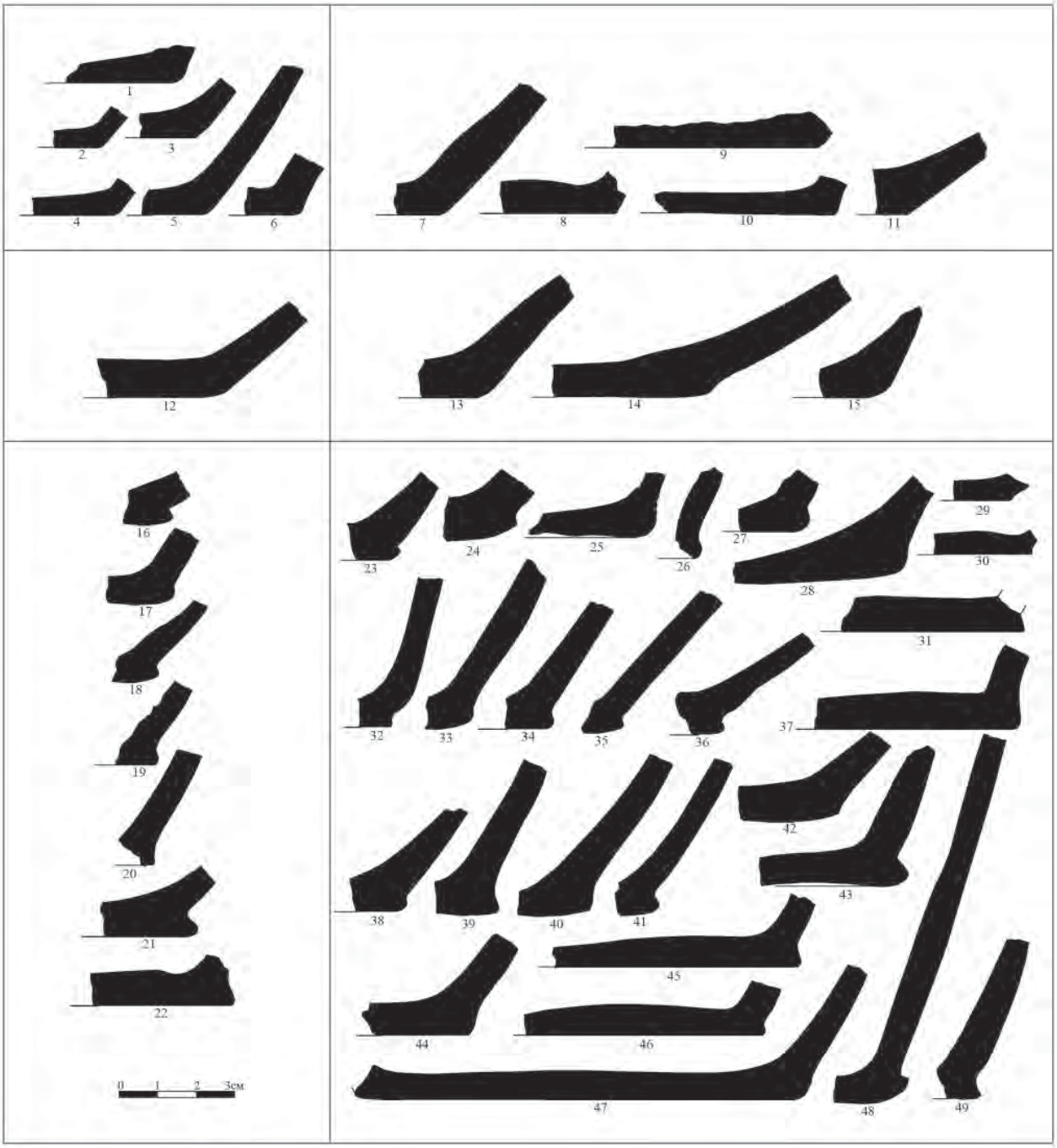


Рис. 110. Профили донных частей посуды РЖВ. Городище в Костроме.
1–49 – днища сосудов, глина.

Рис. 111. Сетчатая керамика. Поселение Федоровское.

Рис. 112. Сетчатая керамика. Стоянка на реке Юг.

Рис. 113. Сетчатая керамика. Стоянка на реке Святица.

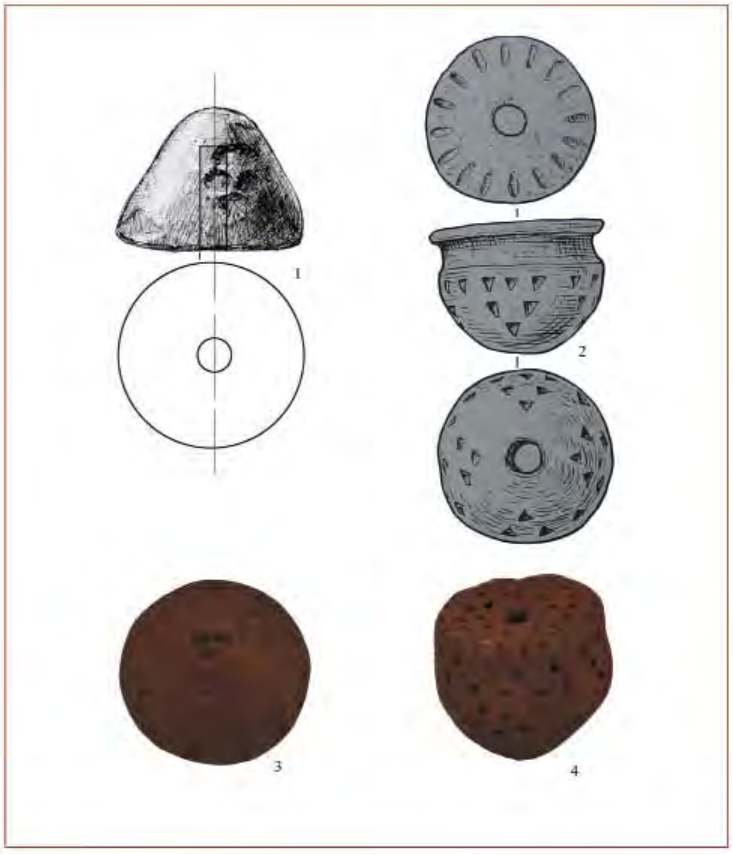


Рис. 114. Грузики «дьякова» типа. Костромское Поволжье.
1 – Городище в Костроме (по Новикову, 2011);
2 – поселение Борань (по Гуриной, 1963);
3, 4 – поселение Брюхово.

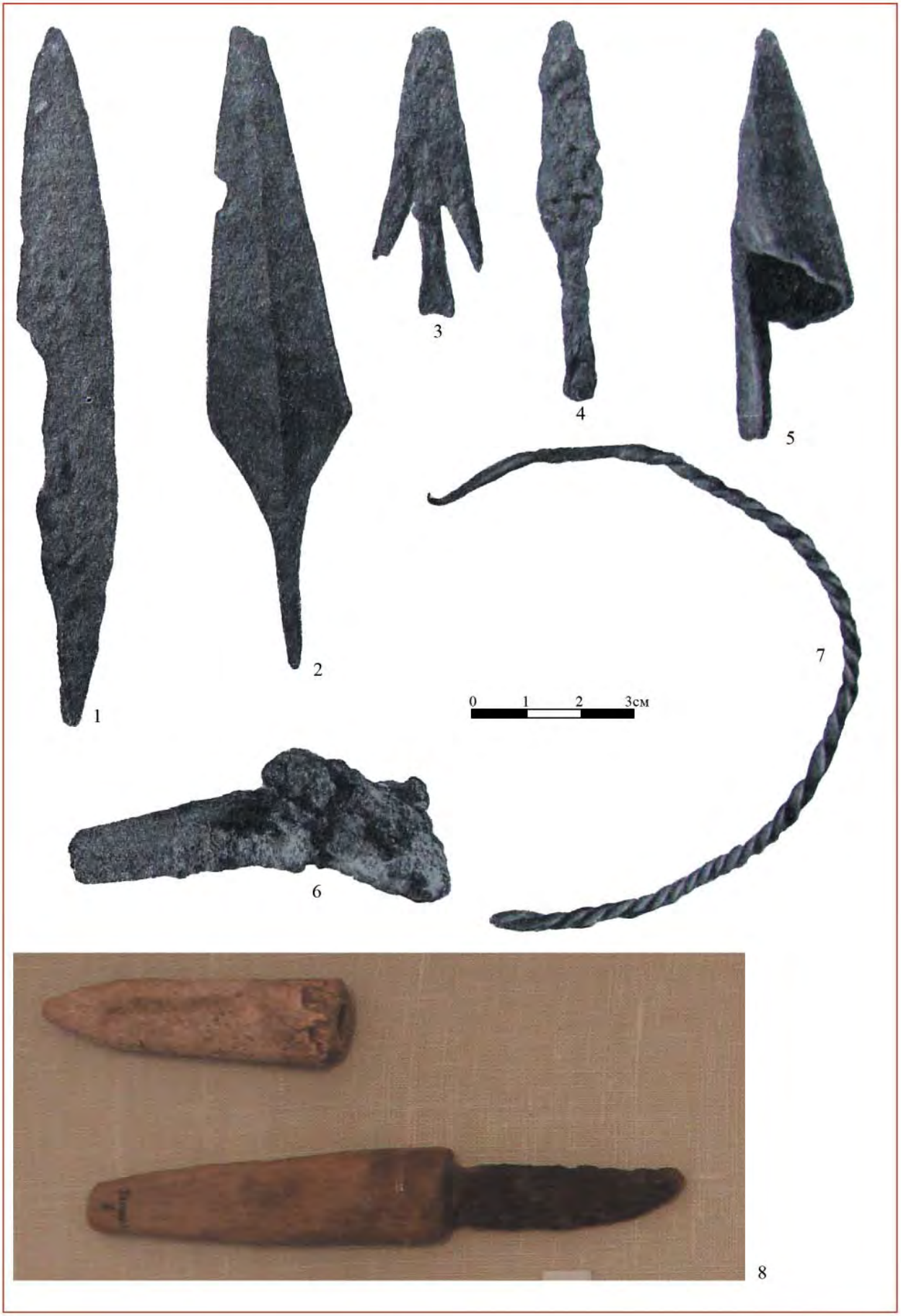


Рис. 115. Металлические изделия РЖВ.
1–7 – Минское городище (по Гуриной, 1963); 8 –поселение Брюхово.

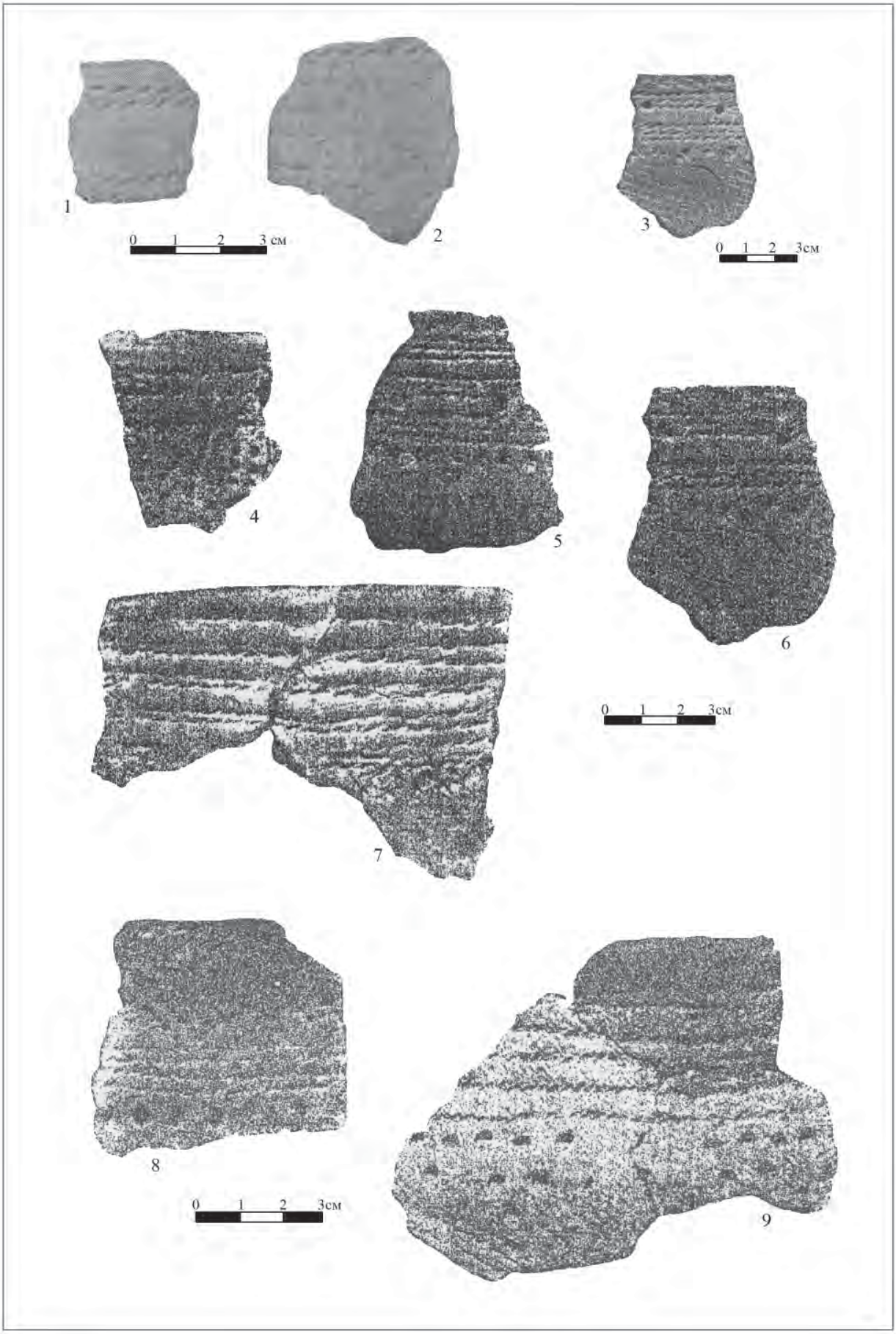


Рис. 116. Шнуровая керамика РЖВ Верхневолжских городищ.

1, 2 – Серюпитинское городище 116 (по Столяру, Хлобыстину, 1963), 3 – городище Городок, 4–7 – нижний слой городища Городок, 8, 9 – нижний слой городища около г. Калязина (№№ 3–9 по Третьякову, 1941, 1966).

Рис. 117. Керамика ананьинского типа (оз. Лача).
1, 2 – поселение Красная Гора; 3, 11 – поселение Ольженица; 4 – поселение Попово; 5, 6 – устье реки Кинемы; 7 – поселение Верхнее Веретье; 8, 9, 10, 13 – поселение Кубенино; 12 – поселение Ольга (по Фосс, 1952).

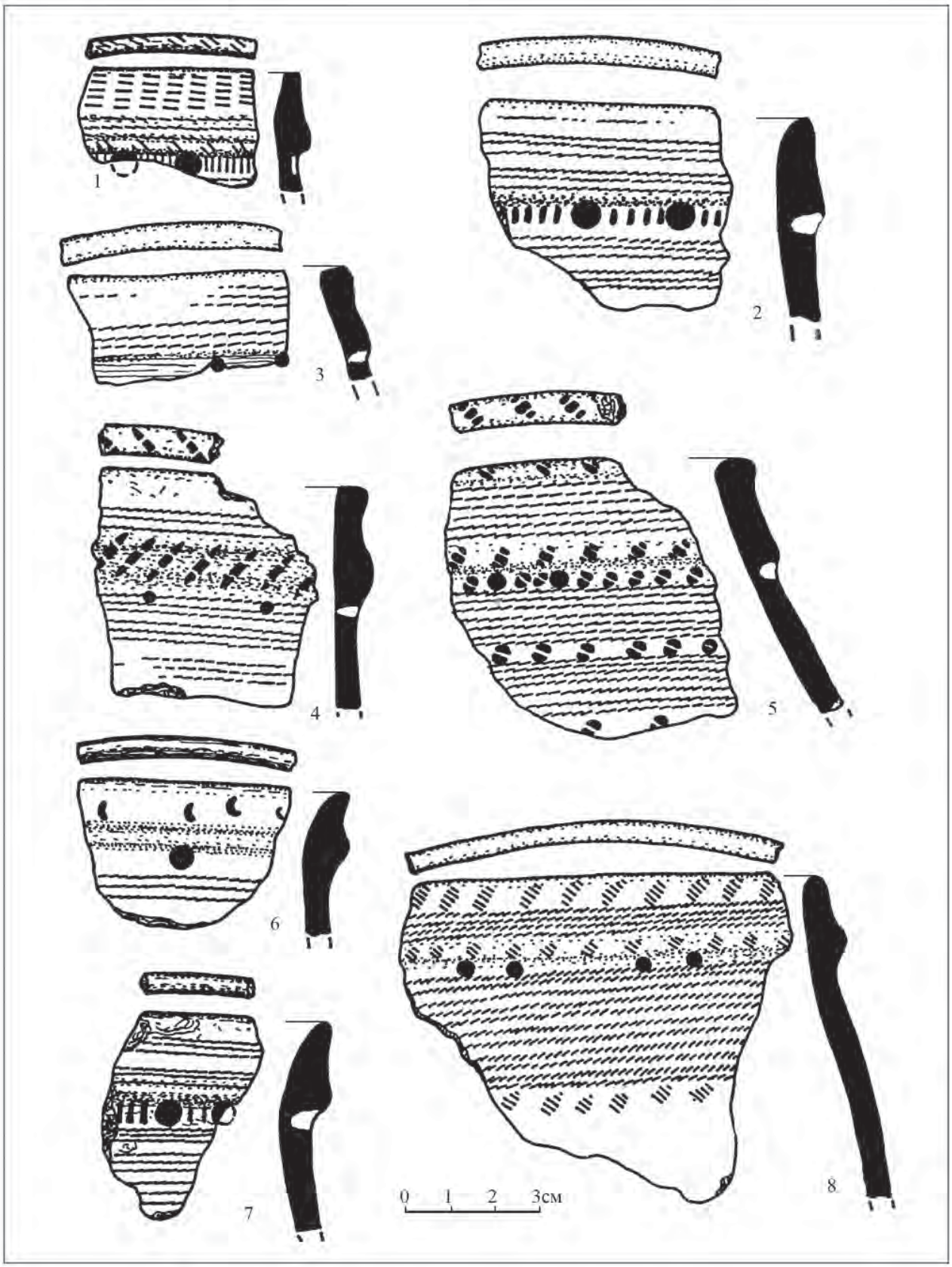


Рис. 118. Ананьинская керамика каменоложской стадии. Поселение Бохта II.
1–8 – венчики сосудов, глина (по Жульникову, 2005).

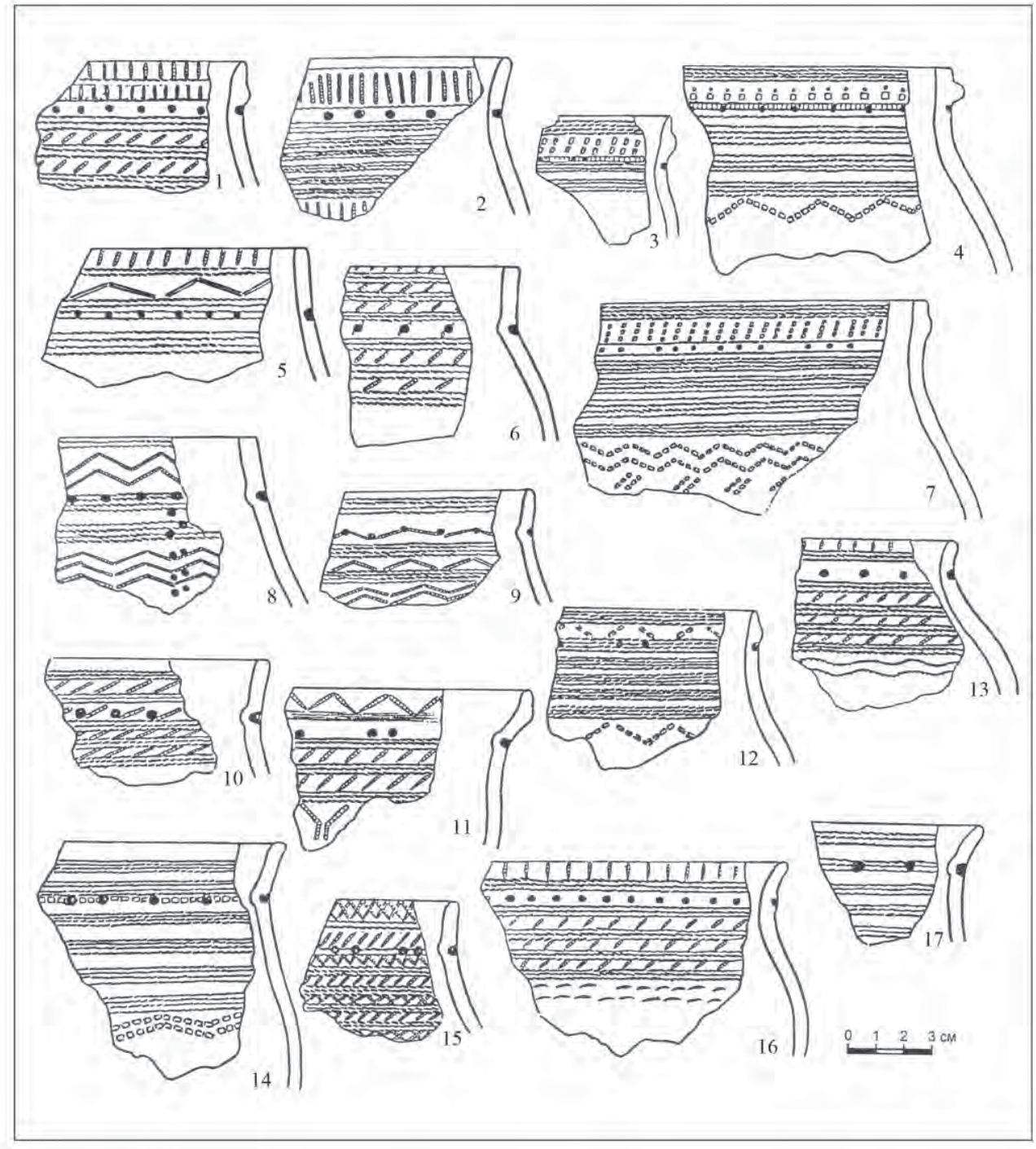


Рис. 119. Гребенчато-шнуровая керамика РЖВ бассейна рек Вятки и Ветлуги.
1,5 – Русенихиское городище; 2, 6, 8, 9 – Богородское городище; 3, 4, 7 – Белоглазовское городище; 10, 11, 14, 15 – городище Ройский Шихан; 12, 13, 16, 17 – Аргыжское городище (по Маркову, 2007).

Рис. 120. Ананьинская керамика. Пижемское городище.
7–20 –венчики сосудов; 1-6 – стенки сосудов, глина.

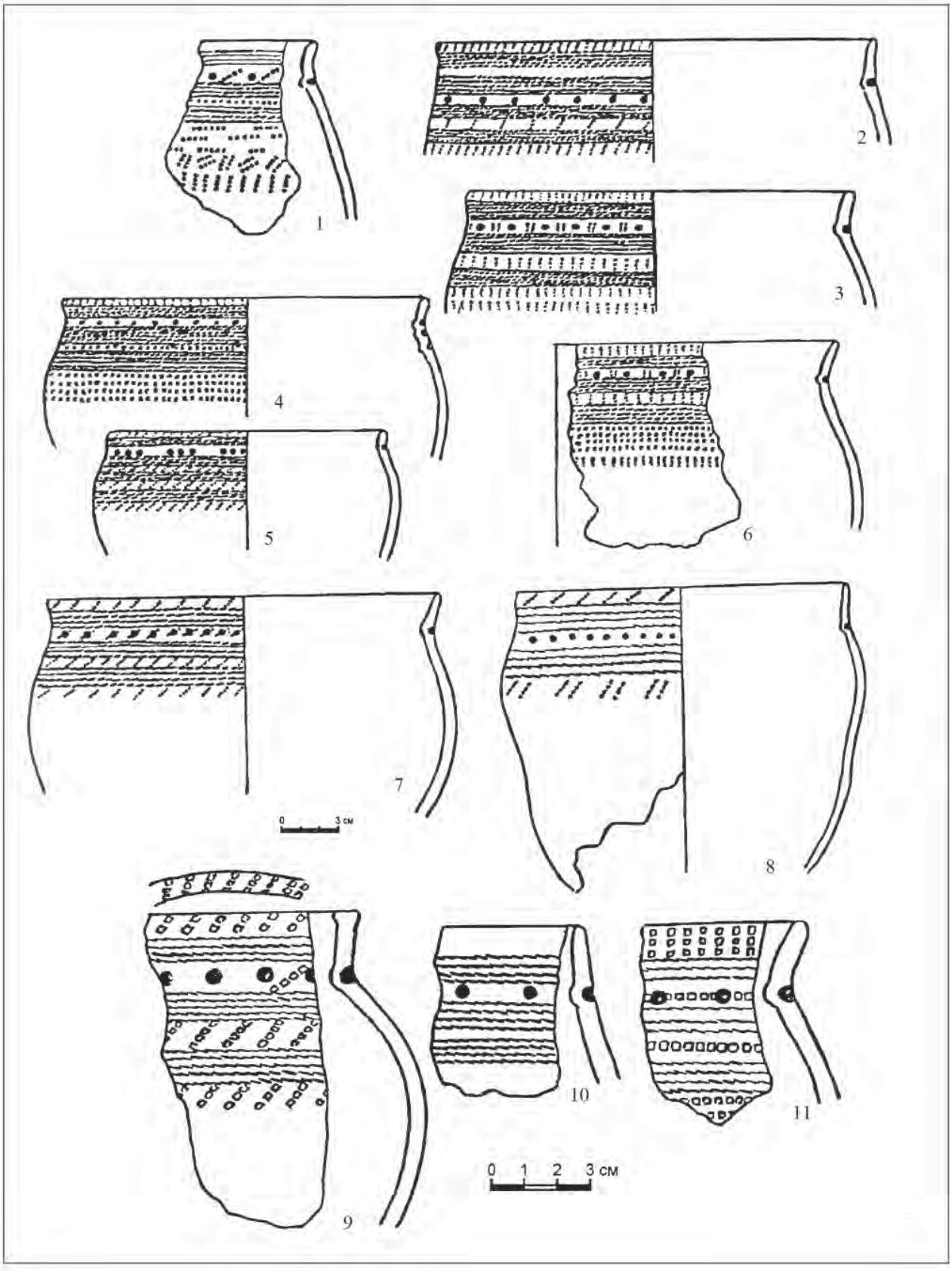


Рис. 121. Ананьинская керамика РЖВ Среднего Поволжья.
1 – Хмелевское поселение; 2–3 – Копаньское городище; 4 – Сиухинское поселение; 5–8 – Васильсурское II городище; 9–11 – Ардинское городище (по Маркову, 2007).

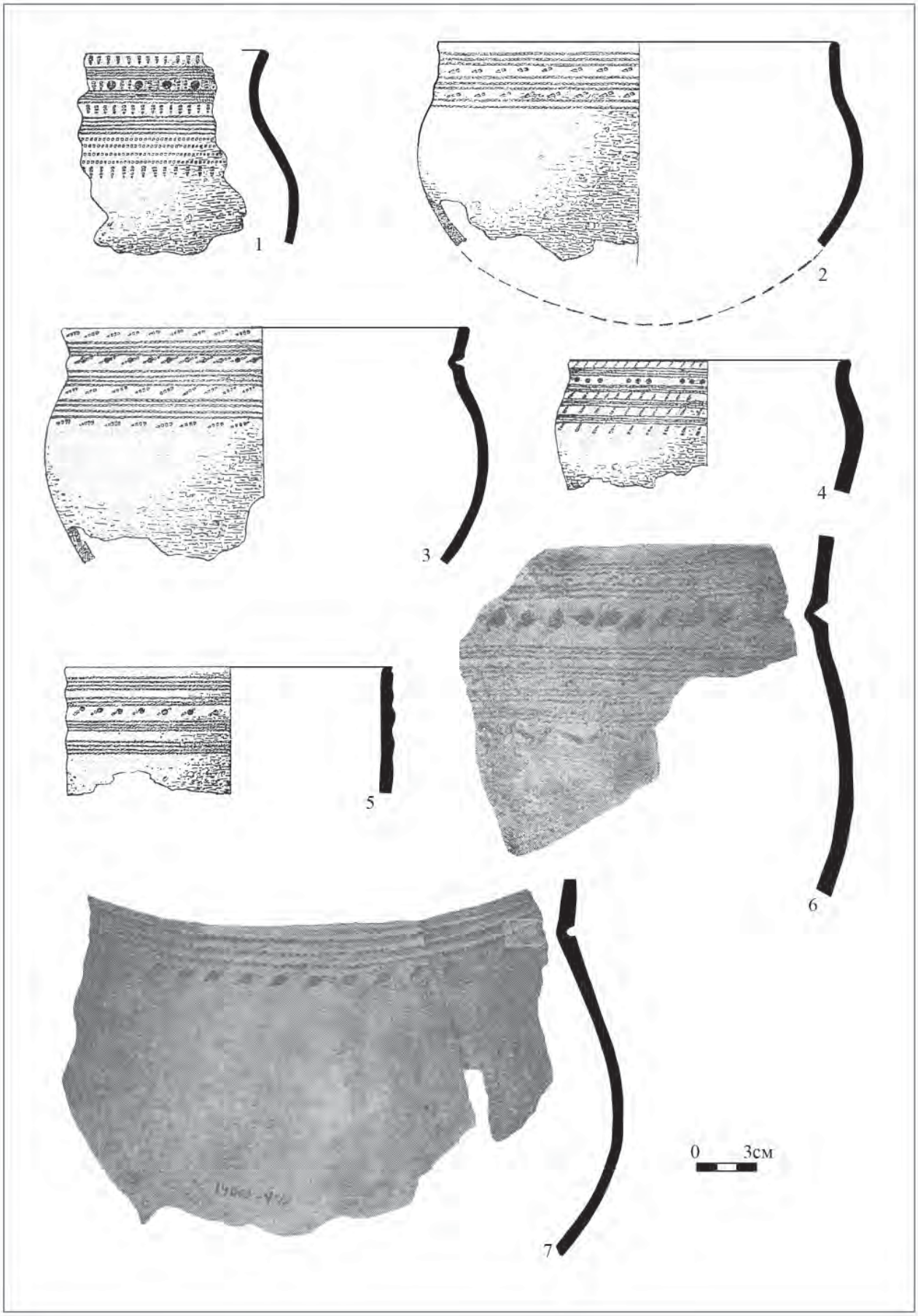


Рис. 122. Сосуды ананьинского типа. Второе Васильсурское городище.
1–5 – сосуды 1 группы; 6, 7 –сосуды 2 группы (по Халикову, 1962).

Рис. 123. Сосуды с «текстильными» отпечатками на поверхности. Второе Васильсурское городище.
1–17 – стенки сосудов, глина (по Халикову, 1962).

Рис. 124. Ананьинская керамика. Мари-Луговое селище.
1 – венчик сосуда; 2–8 – стенки сосудов, глина.

Рис. 125. Ананьинская керамика. Сиухинское городище.
1–14 –венчики сосудов, глина.

Рис. 126. Ананьинская керамика. Ардинское городище (раскопки 2013 г.)
1–8, 22–24 – венчики сосудов;
9–21 – стенки сосудов, глина.

Рис. 127. Сетчатая и нитчатая керамика. Ардинское городище (раскопки 2013г.)

Рис. 128. Сетчатая, нитчатая и рогожная керамика. Ардинское городище (раскопки 2013 г.)

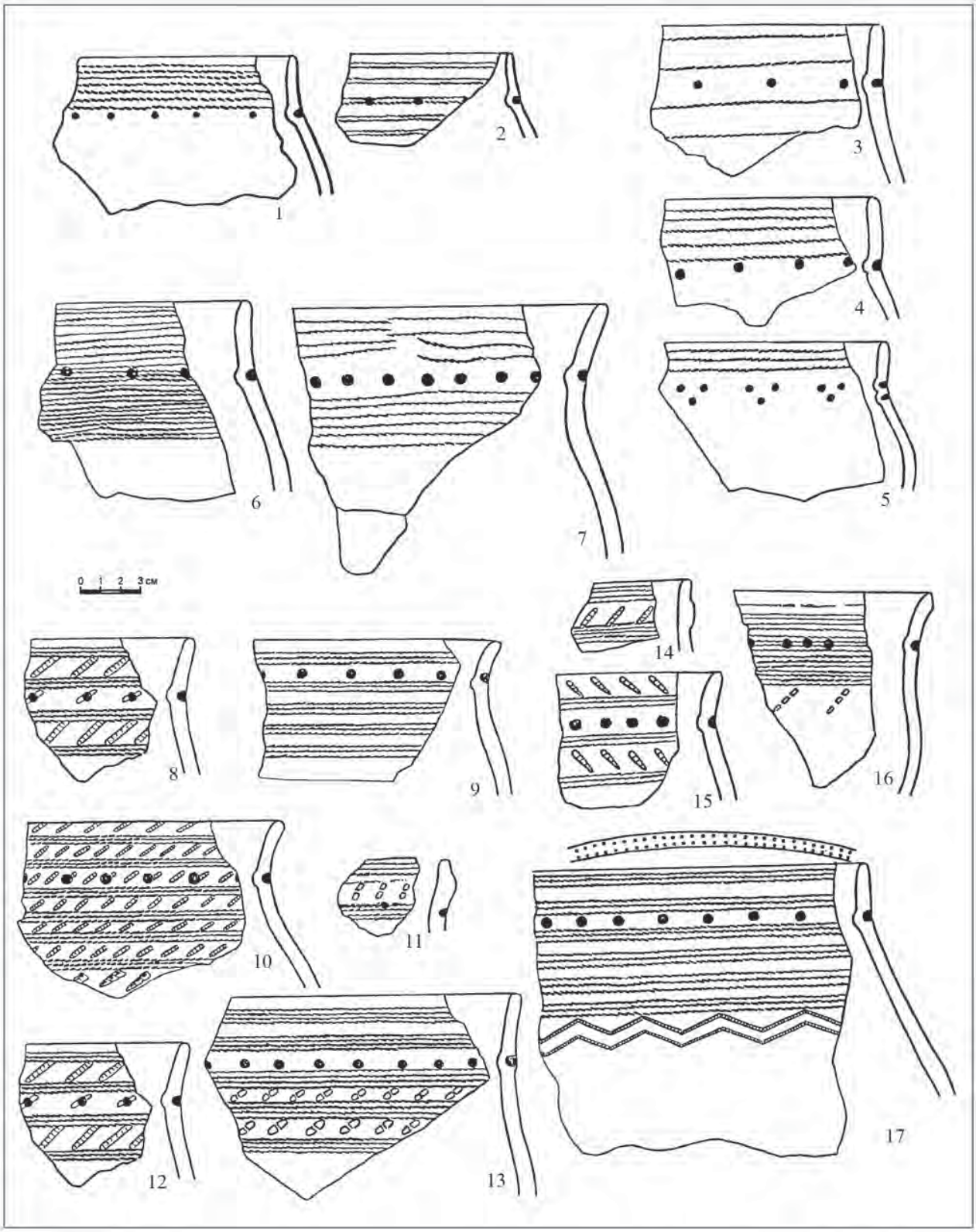


Рис. 129. Ананьинская керамика (бассейн Нижней Камы).
1, 2 – Городище Гремячий Ключ; 3–5 – поселение Курган; 6, 7, 14–17 – Городище Сорочьи Горы; 8–13 – Городище Сухой Берсут (по Маркову, 2007).

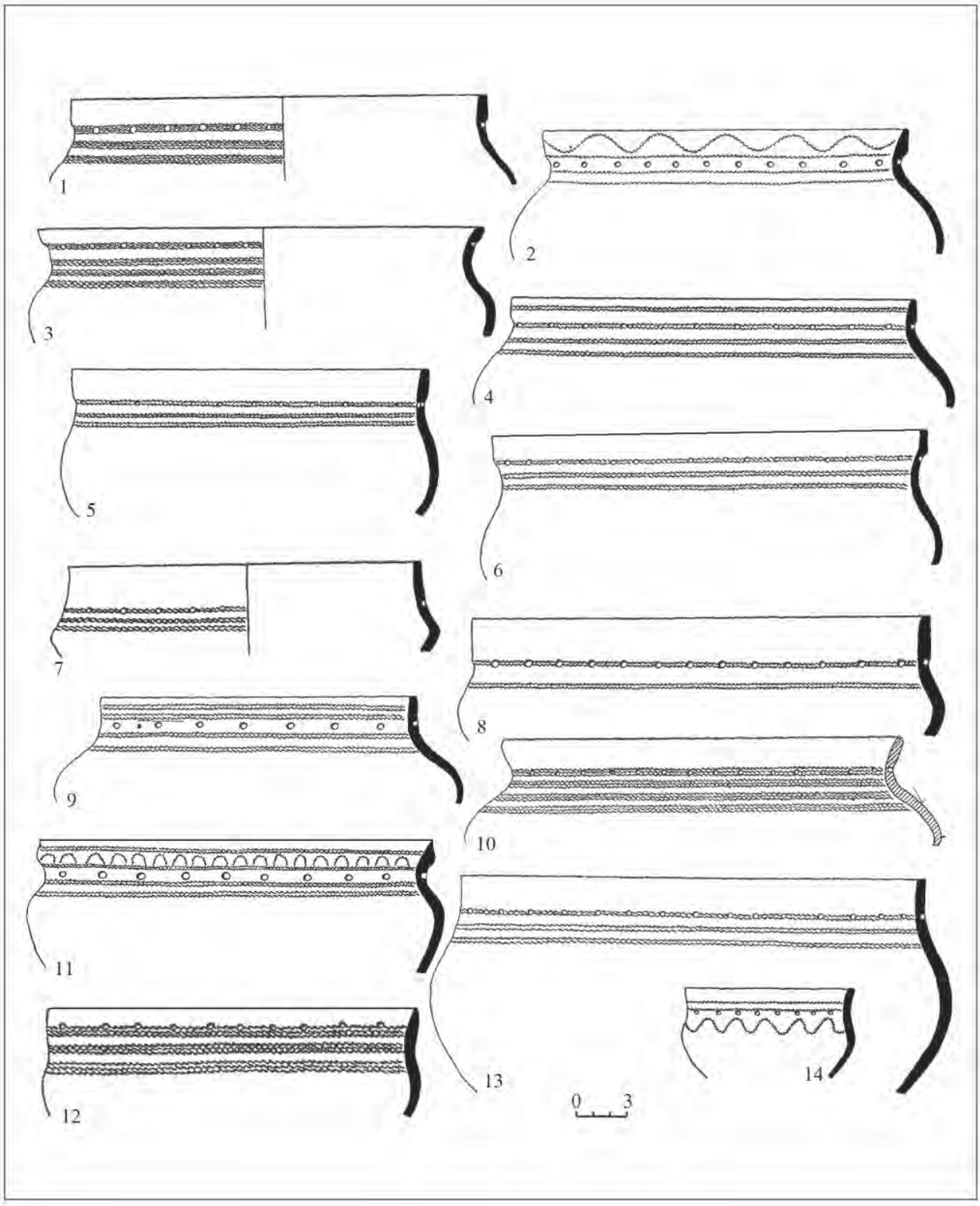


Рис. 130. Ананьинская керамика каменоложской стадии (бассейн Средней Камы).
1, 3, 7 – Городище Каменный Лог; 2, 4–6, 13 – Ново-Кабановское; 8 – Тра-Тау;
9, 10, 12 –Аначевское; 14 – Зуево-Ключевское; 11 – Верхне-Мошкарское (по Ашихминой, 2014).

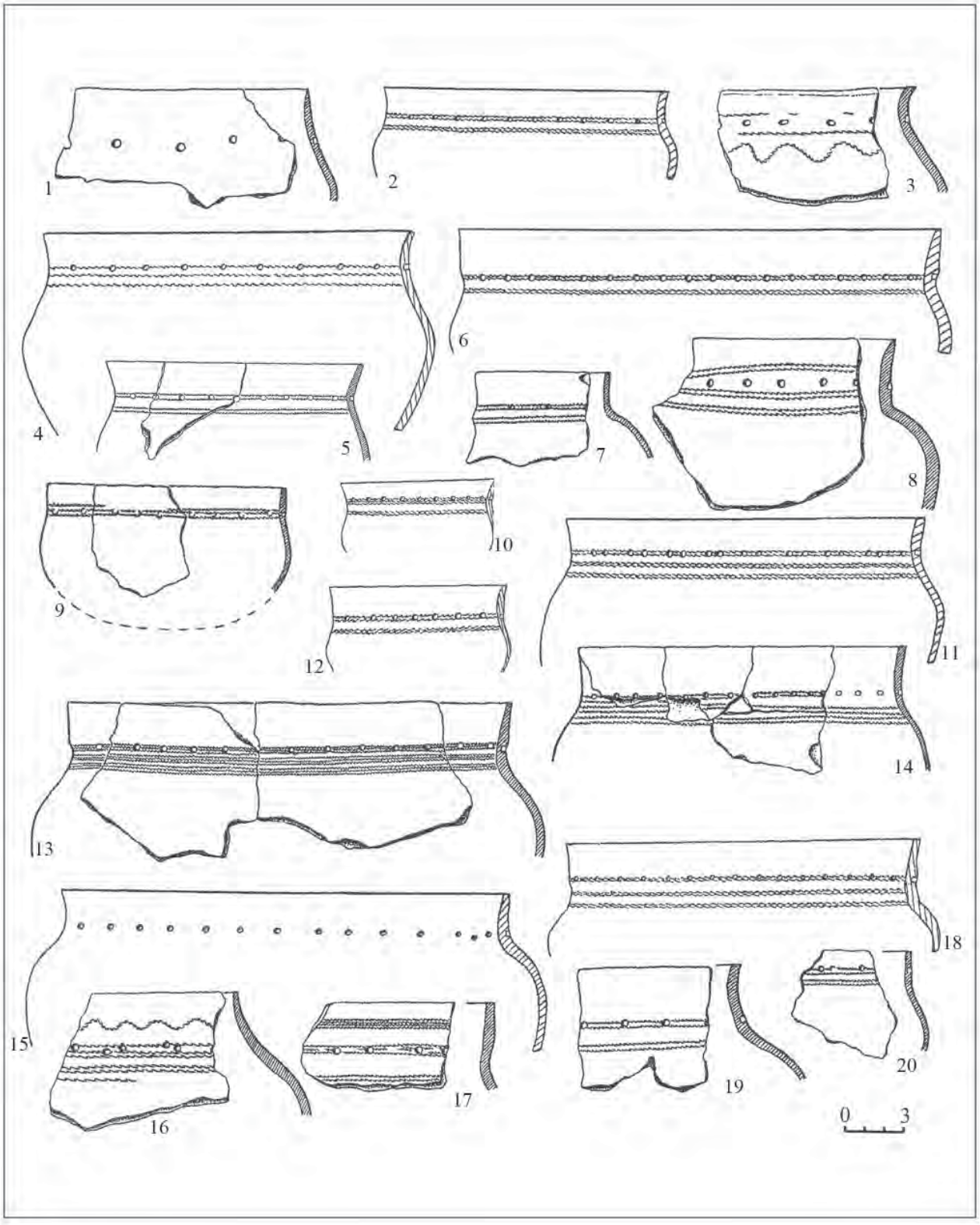


Рис. 131. Позднеананьинская керамика ныргындинской стадии (бассейн Средней Камы). 2–4, 6, 8, 10–13, 15–18 –Зуево-Ключевское Городище; 7, 9, 14, 19, 20 – Городище Ныргында I; 5 – Городище Юньга II (по Ашихминой, 2014).

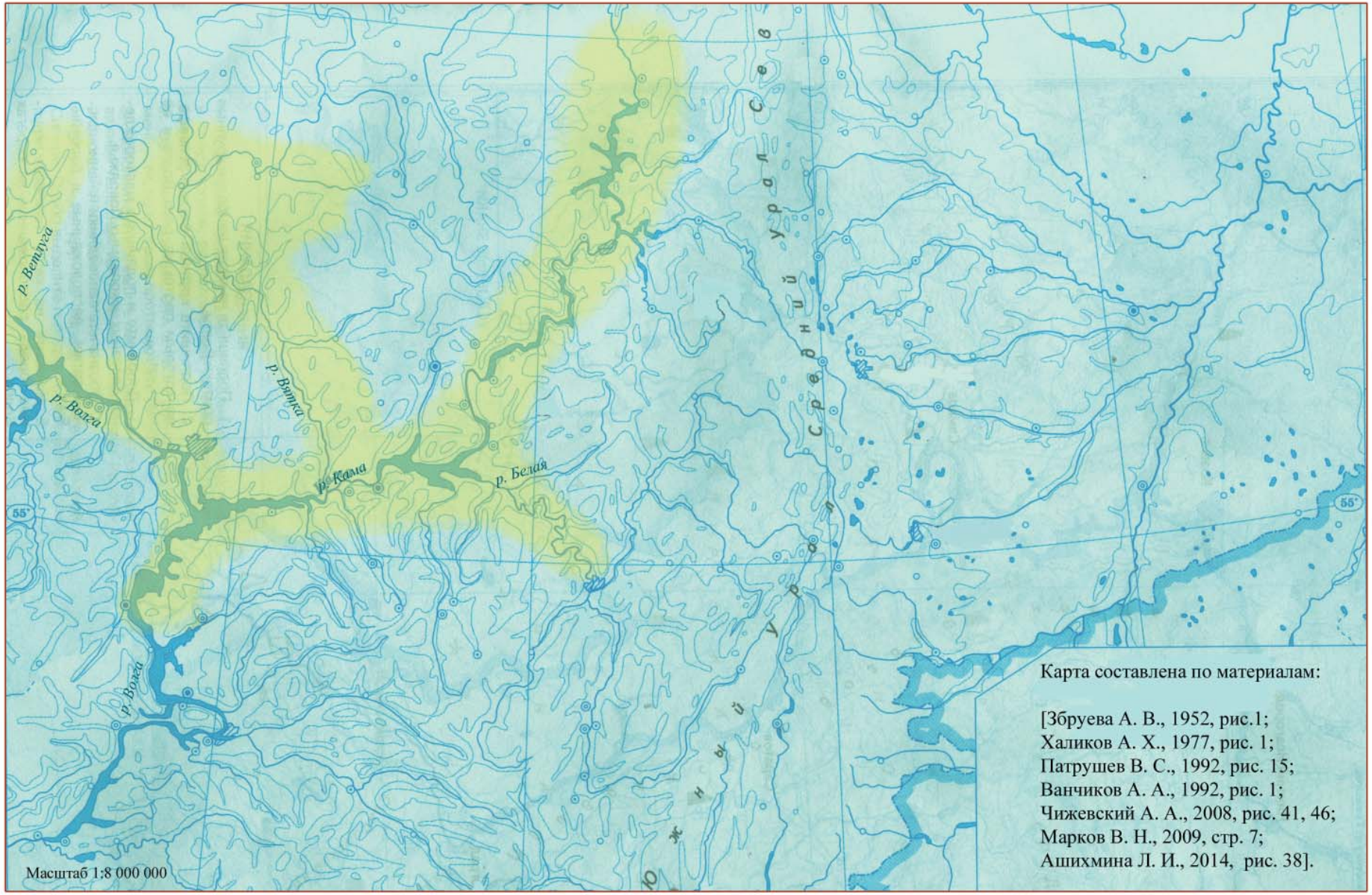


Рис. 132. Основная территория распространения ананьинской культурно-исторической области.

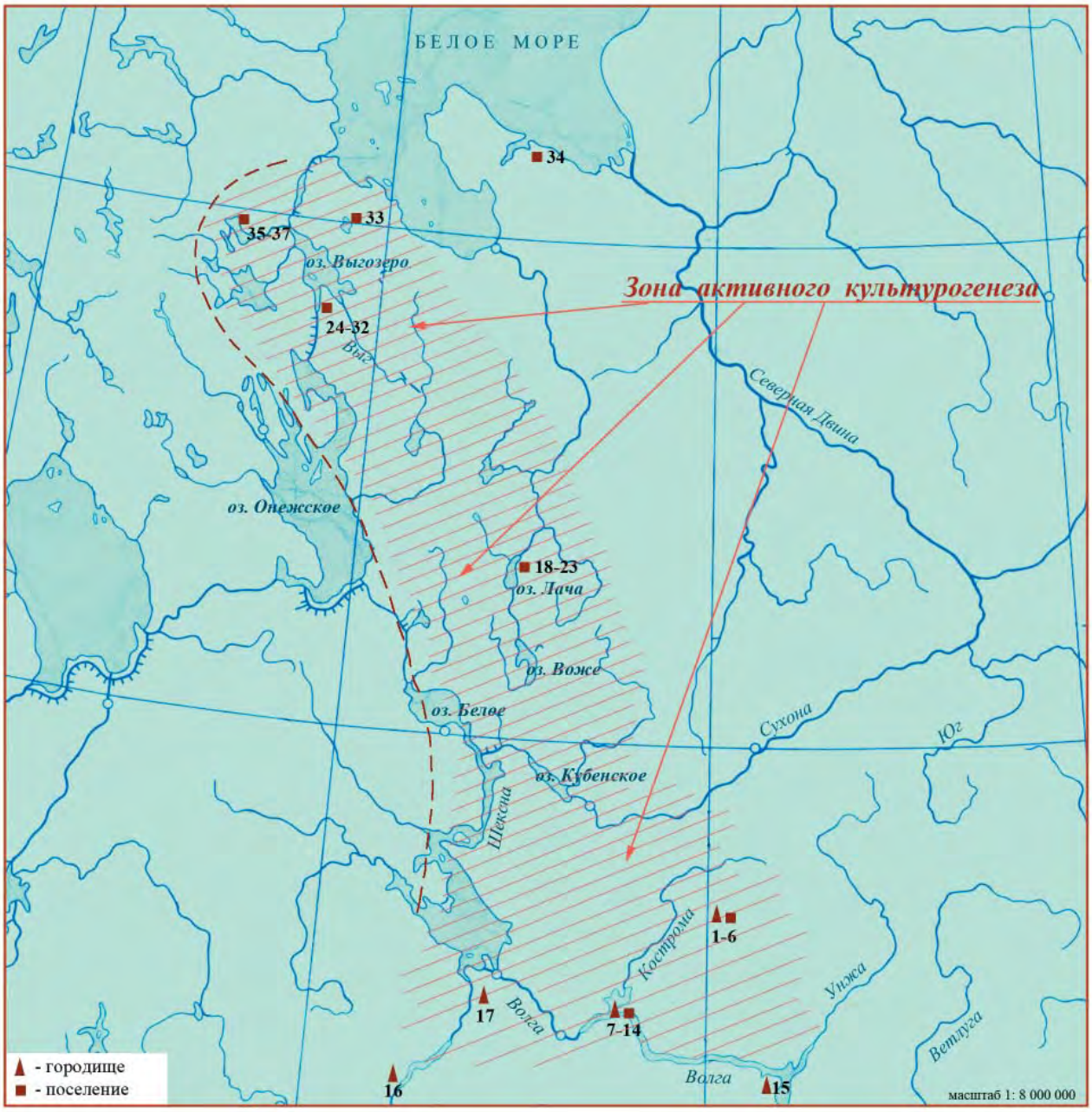


Рис. 133. Западная часть ананьинской культурно-исторической области.
Поселения РЖВ со смешанными культурными традициями.
Бассейн Верхней ВолгиГаличско-Чухломская возвышенность:
1 – п. Быки (Пуп), 2 – городище Брюхово (Курган), 3 – городище Унорож, 4 – п. Умиленье, 5 – п. Челсма, 6 – п. Медведки II (Шача).
Костромская низина: 7 – п. Шунга, 8 – п. Станок I, 9 – п. Станок II,10 – п. Ватажка, 11 – п. Хреново, 12 – п. Борань, 13 – Минское городище, 14 – городище в Костроме.
Городища бассейна Верхней Волги: 15 – Серюпитинское городище, 16 – городище у Калязина, 17 – городище Городок.
Озеро Лача (Каргопольская культура): 18 – п. Ольга, 19 – п. Кубенино,20 – п. Попово, 21 – п. Ольжаница, 22 – п. Верхнее Веретье, 23 – поселение у реки Кинемы.
Бассейн реки Выг: 24 – п. Бесовы следки I, 25 – п. Бесовы следки II, 26 – п. Бесовы следки III, 27 – п. Выгостровская ГЭС, 28 – п. Горелый мост VI, 29 – п. Горелый мост VII, 30 – п. Горелый мост VIII, 31 – п. Залаврута IV, 32 – п. Золотец VIII.
Бассейн реки Сумы: 33 – п. Сумозеро XVI.
Юго-западное Прибеломорье (Беломорская культура): 34 – п. Красная гора.
Бассейн реки Тунгуда: 35 – п. Березово IV–VI, 36 – п. Бохта II, 37 – п. Тунгуда XV.

ПУБЛИКАЦИИ

УДК 631.48, 902.01, 902.62, 903.43

ПОЧВЕННО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МАКЛАШЕЕВСКОГО II ГОРОДИЩА (КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА)

© 2018 г. С.П. Ломов, А.А. Чижевский, А.А. Хисяметдинова, И.Н. Спиридонова

В статье публикуются результаты комплексных исследований Маклашеевского II городища, которые осуществлялись на стыке естественных и гуманитарных наук, одним из направлений данной работы были интегративные почвенно-археологические исследования. При использовании данного подхода древние почвы подвергаются сопряженному археологическому и почвоведческому анализу. В результате этих исследований установлено: значительное преобразование погребенной голоценовой почвы под влиянием антропогенных факторов; отмечено отрицательное, влияние пирогенного воздействия на информативность погребенных почв и насыпных слоев; данные геохимического коэффициента CIA позволили реконструировать амплитуду изменчивости осадков в период существования городища в раннем железном веке.

Ключевые слова: Среднее Поволжье, Республика Татарстан, ранний железный век, ананьинская культурно-историческая область, городище, оборонительные сооружения, комплексные исследования, археология, почвоведение

В 2014 г. были проведены работы на остатках оборонительной системы Маклашеевского II городища, раскопом площадью 72 кв. м. памятник был изучен полностью (Чижевский и др., 2016). В настоящее время мыс, на котором находилось городище, уничтожен абразионными процессами Куйбышевского городища.

Маклашеевское II городище располагалось в 3,6 км к востоку-юго-востоку от церкви д. Полянки и в 4,5 км к западу от западной окраины с. Танкеевка Спасского района Республики Татарстан (рис. 1). Оно размещалось на останце второй неоплейстоценовой террасы в глубоком заливе Куйбышевского водохранилища, образованного в результате затопления устья р. Утка – левого притока р. Волга (рис. 2а). До образования водохранилища памятник находился в черте д. Маклашеевка, у местного населения он получил название «Городок». После наполнения Куйбышевского водохранилища д. Маклашеевка была подтоплена, а местные жители переселены (рис. 2б).

Первое описание Маклашеевское II городища как археологического объекта, связано с А.А. Спицыным и относится к 1898 г. (Спицын, 1916; Чижевский, 2013), в дальнейшем работы на его территории осуществлялись в 1961 (Халикова, 1961) (рис. 3а) и в 1963 гг. (Старостин, 1964). Завершающие работы, с использованием комплексного подхода к изучению данного памятника, как уже упоминалось ранее, были проведены в 2014 г. (рис. 3б).

Комплексное исследование Маклашеевского II городища осуществлялось на стыке естественных и гуманитарных наук, одним из его направлений были интегративные почвенно-археологические исследования. Сущность этого направления заключается в использовании методов почвоведения в изучении археологических памятников (Ломов, Ранов, 1984; Иванов, 1992; Демкин, 1997; Александровский и др., 2005; Дергачева и др., 2006; Чендев, 2012 и др.). При использовании этого подхода древние почвы подвергаются сопряженному археологическому и почвоведческому анализу.

Изучение границ ареала поселения проводилось по «следам» жизнедеятельности его обитателей в почвах и культурных слоях, связанных с длительностью семи эрозионно-аккумулятивных циклов, выделенных в позднем голоцене Е.В. Пономаренко (2015).

Наряду с этим привлекался метод сравнительно-геохимического анализа почв и культурных слоев, образованных при сооружении и функционировании оборонительных сооружений городища и позволяющий реконструировать палеосреды различных временных срезов голоцена.

Перечисленные выше методы исследований сопровождались анализом валового химического состава генетических горизонтов (рентгенфлюорисцентный метод). Его результаты были пересчитаны на прокаленную бескарбонатную навеску. Вместе с тем, на этой основе в пересчете на молярную

массу рассчитаны отношения TiO_2/Al_2O_3, MnO/Fe_2O_3, $Al2O3/(CaO+MgO+Na_2O+K_2O)$, а также коэффициент CIA (The Chemical Index of Alteration) по N.W. Nesbitt, рассчитываемый по последней пропорции, но в процентах (Nesbitt, Young, 1982; Алексеев, Алексеева, 2012; Калинин, Алексеев, 2008). CIA отражает условия образования вторичных минералов и имеет тесную взаимосвязь со среднегодовым количеством осадков, которая была описана рядом авторов (Retallack, 2004; Калинин, Алексеев, 2008).

На основе публикаций сведений, полученных при исследовании других памятников археологии Спасского района Республики Татарстан и шире – Среднего Поволжья (Lomov and all, 2017), был сформирован ряд значений CIA верхних генетических горизонтов почв и соответствующих им значений среднегодового количества осадков. Получена зависимость с величиной достоверности 0,9629. На основе этой зависимости рассчитаны предполагаемые величины увлажнения отдельных срезов голоцена.

Гранулометрический состав был выполнен по Н.А. Качинскому. При этом коэффициент оглинивания рассчитывался как частное от деления отношения ила к физической глине в почве и соответствующей величине в породе (по И.А. Крупенникову). Агрегатный состав определялся по классификации С.А. Захарова. Расчеты коэффициентов структурности и водоустойчивости проводились по Н.И. Саввинову. Среди физико-химических свойств определялась актуальная, обменная (методом водной и соляной вытяжки) и гидролитическая кислотность ($H_г$), сумма обменных оснований и емкость катионного обмена, а также подвижные и валовые формы азота, калия и фосфора (по Аринушкиной, 1970).

Таким образом, представленный набор методов исследования позволяет реализовать комплексный подход к реконструкции условий почвообразования в период функционирования Маклашеевского II городища, а также эволюции природной среды в позднем голоцене.

Маклашеевское II городище представляет собой многослойный археологический комплекс, объединяющий поселения раннего железного века (постмаклашеевская культура АКИО) и раннего средневековья (именьковская культура), разделенные восьмисотлетним периодом запустения и природного преобразования антропогенных сооружений (Чижевский и др., 2016). После ухода носителей именьковской культуры в VII в. городище более не возобновляло своего существования, как обитаемое поселение. В булгарское время оно использовалось лишь спорадически, а в XIX в. на его поселенческой площадке размещали хозяйственные постройки жители с. Маклашеевка.

Время существования Маклашеевского II городища подразделяется на четыре этапа. Первый, связан с возникновением догородищенского неукрепленного поселения, которое основали носители постмаклашеевской культуры ананьинской культурно-исторической области. Голоценовая почва на поверхности второй надпойменной террасы, послужила основой формирования культурного слоя, образовавшегося в результате жизни его обитателей. Время функционирования догородищенского поселения, определенное по ^{14}C относится ко второй пол. VII – первой пол. VI в. до н.э., причем последняя фаза существования этого поселения фиксируется по слою пожарища и сгоревшим сооружениям (Чижевский и др., 2016).

Второй этап относится к собственно городищенскому этапу существования памятника. На ранней стадии сооружаются оборонительные сооружения[1], которые в дальнейшем подвергались ремонту виде подсыпки грунта на вершину вала (VI–V вв. до н.э.). На поздней стадии (сер. V в. до н.э.) вал был перестроен из первоначальной шишковидной формы в дугообразную и сдвинут в напольную сторону. При строительстве этого вала использовался грунт из сгоревших догородищенских построек, откуда в его насыпь попали куски выгоревшего грунта и сгоревших конструкций. Общая мощность насыпи вала постмаклашеевской культуры ананьинской КИО составляет от 100 до 136 см.

Третий этап – этап природных разрушений и консервации ананьинской части оборонительных сооружений Маклашеевского II городища (конец V/IV в. до н.э. – конец IV/V в. н.э.).

Четвертый этап, связанный с деятельностью носителей именьковской культуры раннего средневековья, выходит за рамки нашего исследования.

По литологии и находкам керамики культурный слой и насыпь вала АКИО были разделены на три толщи, соответствующие этапам существования памятника в раннем железном

[1] В раскопе был зафиксирован только вал, ров утрачен в результате строительной деятельности более поздних обитателей.

веке. Нижняя – An1 (культурный слой догородищенского поселения) и средняя – An2 (насыпные слои, относящиеся к строительству и ремонту шишковидного вала), выявлены на восточной и западной стенках разреза, верхняя – An3 (насыпные слои, связанные со строительством дуговидного вала), только в западной (рис. 4–6).

Нижняя часть разреза (An1), которая относится к культурному слою догородищенского поселения (толщина до 106 см в сооружениях), включает фрагменты переходного генетического горизонта BC (рис. 4, 6). Толща – An2, менее мощная от 16 до 50 см (рис. 4, 6).

Примером морфологического строения культурного слоя и насыпных толщ вала Маклашеевского II городища, связанного с ананьинской КИО может служить полевое описание разреза 2М (восточная экспозиция)[2].

Слой 1. Антропогенно-преобразованные природные и насыпные отложения с артефактами постмаклашеевской культуры АКИО.

An2 – 136–148 см – более темный, чем вышележащий, меньше серых прожилок гумуса. Тонкопористый с участками карбонатов в виде псевдомицелия, в сумме представляющий слой пестроцветов, которые более выражены в пределах уч. А' и А, а далее в северном направлении (вниз по уклону) общий цвет выравнивается и становится более однородным – серым (размыв «холма» кв. А'), смещение под действием гравитации и делювиального смыва. Вправо (кв.В) просматриваются четыре изометрические структуры, диаметром от 10 до 14 см, похожие на торцы бревен, выгоревших и преобразованных мелкоземом.

An2' – 148–156 см – линзовидная светлая суглинистая масса мозаичного цвета со светлыми тонкими мицелиями карбонатов и темными пятнами гумуса.

An2" – 156–161 см –прослойка темного цвета расположена над прокалом. Неоднородного мозаичного цвета осветленного суглинка и псевдомицелия карбонатов. На стыке кв. А и Б заметны изометрические структуры из псевдоморфоз по прогоревшим бревнам. Переход постепенный неровный.

An1 – 61–186 см – прокал красного цвета с линзами кротовин серого цвета и светло-желтых карбонатов, а также включением углистых частиц и гумусовой органики. Много скоплений древесных углей. Справа заметны обгоревшие бревна строений. Переход заметный по цвету, неровный.

An1' – 186–200 см – нижняя часть прокала. Темно-серого цвета в верхней части до 193 см. Менее мозаичного цвета с пятнами серого оттенка зольников (13×7 см и 13×12 см). В нижней части мозаичность усиливается за счет включения темного гумусированного суглинка.

[BC] (An1) – 200–206 см – остатки горизонта BC, затронутые антропогенным воздействием, темного цвета, неоднородные по составу, цвету и мощности. Слева от места описания разреза встречается большое скопление гумусированного мелкозема – предполагаемого ядра раннего вала. Мощность гумусированной части расширяется до 40 см. В пределах кв. Г почвенная масса имеет более однородный буроватый цвет. Здесь морфологически заметно постепенное обеднение гумусом вниз по разрезу. Возможно, в этой части разреза антропогенное воздействие было незначительным. Переход заметный.

Слой 2. Естественные природные субаэральные отложения лессовидного суглинка, представляющие почвообразующую породу голоценовых почв.

$C1'_{ca}$ – 206–221см – желтовато-бурый опесчаненный суглинок. Мелкопористый, местами встречается псевдомицелий карбонатов. Плотный. Комковатой структуры неплотные отдельности. Переход заметный. Неоднородный по цвету горизонт: местами пятна более темного мелкозема с миграцией из верхнего горизонта в виде следов мышиных нор, затем темной взвеси по трещинам.

$C2''_{ca}$ – 221–324 см – желтовато-палевый горизонт с большим обилием аморфных локальных карбонатных скоплений. Общий фон карбонатный создается за счет псевдомицелия. Опесчаненный лессовидный суглинок плотного сложения. Пористый. С темными гумусированными пятнами за счет трещин и кротовин. В толще супесей обнаружены реликтовые мерзлотные клинья, выполненные темно серым суглинком, возможно соответствующие фазе сильного похолодания ≈ 10,5 тыс. лет назад по А.А. Величко (2009).

Анализ морфологического строения культурного слоя догородищенского поселения ананьинской КИО свидетельствует о неоднократных пожарах, способствующих образованию прокалов в мелкоземе, которые могут искажать геохимические данные, используемые в реконструкции условий обитания древних людей раннего железного века. Ниже 161 см сохранились ходы «кротовин», заполненные мелкоземом серого цвета,

[2] Ниже дано описание разреза, выполненное С.П. Ломовым.

и это свидетельствует о степном почвообразовании природного развития почвы.

Гранулометрический состав ананьинского культурного слоя представлен в таблице 1. В гранулометрическом составе преобладает крупный и мелкий песок, в сумме составляющий > 50%. Крупная пыль в почвообразующей породе составляет от 10,3 до 18,7%, которая в пределах культурного слоя колеблется от 15,0 до 19,3%. Для всего культурного слоя и породы характерно очень низкое содержание средней пыли ≈ 2,0 и мелкой пыли от 3,1 до 4,5%. Содержание илистой фракции находится в пределах 15,6–20,4%.

Сумма фракций физической глины невысокая – от 20 до 26,8%, в распределении которой заметны турбационные процессы антропогенного преобразования. В целом гранулометрический состав представлен легким суглинком (табл.1).

Структура почв является морфологическим признаком различных типов почвообразования, особенно черноземов. Поэтому нарушение структуры при антропогенном вмешательстве, может быть индикатором освоения почв и почвенного покрова. Агрегатный состав и водоустойчивость структуры определялись в тех же образцах культурного слоя. Коэффициент структурности на всех уровнях культурного слоя – удовлетворительный. Хороший уровень структурности отмечается в нижележащей части слоя An1 и в гор. C1ca. Водоустойчивость агрегатов на всех уровнях культурного слоя и в породе, в основном, удовлетворительная. Эти показатели могут свидетельствовать о сильном преобразовании исходных почв природного развития (табл. 2).

Физико-химические и химические показатели мелкозема культурного и насыпных слоев носителей ананьинской КИО характеризуются следующими данными. Содержание гумуса в культурном слое повышенное – 1,0–1,2%, по сравнению с почвообразующей породой – 0,8–0,6% (табл. 3). Актуальная кислотность слабощелочная, pH водный составляет 7,4. Величины гидролитической кислотности (Hг) низкие в культурном слое – 0,23 смоль(экв)/кг, и в подстилающей почвообразующей породе. Сумма поглощенных оснований повышенная в пределах толщи культурного слоя – 29,0 – 32,0 смоль(экв)/кг, по сравнению с почвообразующей породой – 25,5 – 28,4 смоль(экв)/кг.

Валовые формы оксида калия имеют почти равномерное распределение с заметной тенденцией увеличения их значений в почвообразующей породе – 1,82 – 1,85%. Величины валовых форм оксида фосфора имеют заметную аккумуляцию их в культурном слое [An2] – 0,47% и пониженные показатели в подстилающей породе – 0,22%.

Величины обменного калия характеризуются невысокими значениями в средней части культурного слоя An1 и An2 – 90 мг/кг и существенными понижениями их в почвообразующей породе до 50 мг/кг (табл. 3). Подвижный фосфор выделяется повышенными показателями в средней части культурного слоя – 1000 мг/кг и понижением его значений в верхней части – An2 до 400 мг/кг, а в подстилающей породе C2ca до 314 мг/кг почвы.

Подобные высокие величины подвижного фосфора в культурном слое являются результатом попадания отходов животного происхождения в культурный слой. Об этом свидетельствуют данные Гулюковской III стоянки финала бронзового века, также изученной на поверхности второй надпойменной террасы в Мензелинском районе РТ (Чижевский, 2010).

Содержание карбонатов в мелкоземе культурного слоя своеобразное – 2,81% в слое верхней части An2, небольшое понижение до 1,77% в средней части An1 и минимальное количество -0,41% в основании культурного слоя An1 (табл. 3). В почвообразующей породе содержание $CaCO_3$ увеличивается от 10,41 до 12.30%.

Примерно такое же распределение физико-химических показателей характерно для сложного профиля природного развития, за исключением повышенного содержания гумуса в погребенных дерново-карбонатных почвах – 1,4% (табл. 3).

Следует отметить чуть более высокое содержание гумуса, повышенная сумма поглощенных оснований и емкости поглощения, увеличение валовых форм фосфора и особенно подвижных форм фосфора на фоне низкого содержания карбонатов в пределах культурного слоя. При этом характерно распределение карбонатов: невысокое в верхней части An2, относящегося к ранней насыпи вала, и совсем низкое в нижней части – An1 – 0,41% (культурный слой догородищенского поселения), что может свидетельствовать о процессах выщелачивания черноземов во время их природного развития.

Валовой химический состав мелкозема культурного слоя догородищенского поселения Маклашеевского II городища характери-

зуется близкими значениями оксида кремния – 68,21–69,43% и в перекрывающей его толще природного развития, связанной с разрушением раннего вала (табл. 4). Все рассматриваемые в данной статье слои Маклашеевского II городища имеют равномерное распределение оксида алюминия – 13,22–13,83%, и только в почвообразующей породе значение Al_2O_3 увеличивается до 14,55%. Распределение оксида железа имеют подобные показатели – 3,80–3,99% в пределах слоев, связанных с ананьинской КИО, и только в почвообразующей породе величина Fe_2O_3 возрастает до 4,15%. Значения оксида фосфора преобладают в верхней части культурного слоя догородищенского поселения – 0,47%, с понижением в почвообразующей породе до 0,24%. Содержание оксида титана почти равномерно распределяется в пределах культурного слоя – 0,54–0,61%, с небольшим увеличением в почвообразующей породе до 0,69% (табл. 4).

Величины биофильных элементов: P_2O_5, CaO, MgO, MnO, могут подчеркивать небольшую аккумуляцию их в верхней части культурного слоя догородищенского поселения. Другие оксиды такие, как натрий и калий, могут указывать на турбационные процессы мелкозема, свойственные активной антропогенной деятельности носителей ананьинской КИО и понижение оксида Na в перекрывающей толще природного развития, связанной с разрушением раннего вала.

Для детализации и уточнения геохимических связей и анализа природных условий, был использован метод расчета геохимических коэффициентов на основе валового химического состава (по: Retallack, 2004; Nesbitt, Young, 1982; Алексееву и др., 2012 и др.). В настоящее время этот метод также используется и для реконструкции палеосреды в голоцене (Калинин, Алексеев, 2008).

Например, отношение оксида титана к оксиду алюминия 0,06 отражает однотипность геохимической обстановки при образовании почвообразующей породы. Во время формирования верхней части культурного слоя догородищенского поселения увеличился оксид Al_2O_3 (соотношение составило – 0,05). И только в насыпном слое (An2) раннего ананьинского вала соотношение TiO_2/Al_2O_3 восстановилось до 0,06. Это обстоятельство оказало влияние на величины CIA.

Геохимический коэффициент CIA (The Chemical Index of Alteration) был предложен N.W. Nesbitt (Nesbitt, Young, 1982), который представляет собой выражение $\frac{Al2O3}{Al2O3+CaO+Na2O+K2O}\times 100$. CIA показывает соотношение первичных и вторичных минералов в почвах и отражает изменение условий образования первичных минералов. Для Маклашеевского II городища коэффициент CIA изменился от 68,46% в почвообразующей породе, до 61,2% в средней части An2, и затем в верхней части An2 произошло восстановление величин CIA до 66,26%. Снижение в средней части культурного слоя CIA до 63,9–61,2% следует связывать с использованием обгоревших грунтов и конструкций из слоя пожарища конца существования догородищенского поселения.

Коэффициент отношения Al_2O_3 к $CaO+Na_2O+K_2O+MgO$ был предложен G. Retallack (2004), как отношение алюминия, являющегося основным компонентом глинистой составляющей к окислам растворимых оснований, поступающих в почвенный раствор в результате выветривания. Указанный коэффициент также отражает степень фиксации растворимых оксидов, особенно в пределах культурного слоя An1 и насыпного слоя An2 вследствие наличия следов пожаров и формирования прокалов, снижающих фильтрационные возможности и миграции растворимых оксидов.

Отношения Na_2Oк K_2O, как Na_2Oк Al_2O_3, а также $Na_2O+ K_2O$ к Al_2O_3 отражают динамику растворимых солей в почвах (по Retallack, 2004). Более расширенные величины в пределах культурного и насыпных слоев An могут указывать на турбационные процессы, связанные с хозяйственной деятельностью носителей ананьинской КИО, использованием для строительства лессовидного материала и привноса, таким образом, растворимых оксидов.

Коэффициенты, характеризующие биологическую активность и продуктивность почв, рассмотрены на примере соотношения MnO к Al_2O_3, MnO к Fe_2O_3, $MnO+Fe_2O_3$ к Fe_2O_3 и др., которые выделяются своеобразными значениями. Величины отношений MnO к Al_2O_3 – 0,01 – однородны в пределах An. Остальные коэффициенты отражают турбационные процессы в результате активной деятельности обитателей городища раннего железного века.

Соотношения макроэлементов SiO_2 к R_2O_3, SiO_2 к Al_2O_3 и SiO_2 к Fe_2O_3 показывают небольшое преобладание кремнезема в пределах культурного и насыпных слоев An,

по сравнению с почвообразующей породой (табл. 5).

Следует отметить следующие данные, характеризующие изученные почвы:

– сильная дезагрегированность толщ культурного и насыпных слоев An;

– чуть более высокое содержание гумуса в пределах этих слоев, по сравнению с породой;

– повышенная сумма поглощенных оснований и емкости поглощения в антропогенно преобразованных слоях, по сравнению с почвообразующей породой;

– увеличение валовых форм фосфора и особенно подвижных его форм.

Распределение карбонатов в пределах культурного слоя невысокое в слое An2 и совсем низкое в нижней части An1 – 0,41%, эти данные свидетельствуют о процессе выщелачивания черноземов в период природного развития.

Величины оксидов натрия и калия могут указывать на турбационные процессы мелкозема антропогенно преобразованных слоев, свойственные активной хозяйственной деятельности носителей ананьинской КИО.

Снижение геохимического коэффициента CIA в слое An2 следует связывать с включениями в его состав обгоревших конструкций и грунта из верхней части слоя пожарища конца существования догородищенского поселения и, образованным в связи с этим, прокалам в мелкоземе, которые обусловили преобразование первичных и, особенно, вторичных минералов, а также понижение их природных показателей.

Реконструкция палеосреды Маклашеевского II городища раннего железного века основана на связи коэффициентов химического выветривания современных почв с атмосферными осадками. В результате проделанной работы была получена функция линейной зависимости показателя CIA от среднегодового количества осадков: СГКО = 9,3 * CIA – 179, с величиной R^2 – 0,96.

Информационным показателем реконструкции среды обитания могут быть данные геохимического коэффициента CIA почвенных слоев, образование которых, связано с ананьинской КИО. Это обусловлено наличием, как относительных археологических датировок отдельных почвенных слоев, так и абсолютных, подобные данные были получены и для Маклашеевского II городища (Чижевский и др., 2016).

В результате проделанной работы нами были собраны данные, характеризующие изменчивость осадков в ананьинский период существования Маклашеевского II городища. Для догородищенского поселения (An1), их величина составляет – 420 мм и 390 мм/год, а для ранней насыпи вала (An2) 440 мм/год (рис. 7). Максимальное количество осадков приходится на толщу природных отложений, разделяющую ананьинские и именьковские насыпные серии (насыпные слои) Маклашеевского II городища – 445 мм/год.

Анализ реконструированных величин осадков в пределах времени существования поселения постмаклашеевской культуры АКИО свидетельствует о неоднородности этих показателей. Для раннего этапа существования поселения (An1) уровень осадков составлял 390–420 мм/год. При этом следует обратить внимание на величину коэффициента CIA – 68,46%, характерного для почвообразующей породы – лессовидных суглинков незатронутых антропогенным воздействием обитателей Маклашеевского II городища (табл. 5). Расчет осадков на время формирования лессовидных суглинков показал величину – 457 мм/год. Таким образом, если величину осадков (457 мм/год) принять за контрольную, то при сравнении полученных данных по осадкам в пределах времени существования Маклашеевского II городища РЖВ, кроме неоднородности, наблюдается также и снижение осадков в разной пропорции (рис. 7).

Причина подобного несоответствия реконструкции изменчивости осадков кроется в антропогенном, главным образом пирогенном, воздействии на минерально-органические компоненты, почвенной массы. Высокая температура обусловила преобразование (стирание) в естественных органо-минеральных коллоидах «природной памяти» условий выветривания первичных и образование вторичных минералов. Чем больше прокаленных почв в слое, тем меньше информации об условиях выветривания первичных минералов, определяющих достоверную реконструкцию природных условий.

Скопления угля от пожаров в слоях ананьинского времени представляют «балласт» искажающий величины геохимических коэффициентов и данные по реконструкции природной среды. Хотя уголь может быть носителем палеогеографической информации, по нему можно определить породы деревьев, используемых населением в хозяйственных целях (Пономаренко и др., 2015). Таким

же балластом является зола в почве, оставшаяся после пожара.

Расчет амплитуды снижения величин осадков в пределах культурного слоя догородищенского поселения и ананьинской толщи насыпного вала, по сравнению с контрольными значениями составляет 85,3–97,4% Минимальный уровень снижения количества осадков – 97,4%, приходится на толщу природных отложений, разделяющую ананьинские и именьковские насыпные слои вала Маклашеевкого II городища. В это время не было пожаров, процессы выветривания и почвообразования развивались на антропогенных отложениях и продуктах их разрушения в виде делювия. Более чем восьмисотлетний период денудационных процессов и затем формирования почв на делювиальных отложениях предопределил преобразование обломков пирогенно преобразованной почвы за счет процессов выветривания и способствовал повышению величин геохимических коэффициентов, определяющих климатические условия преобразования первичных минералов.

Максимальный уровень снижения количества реконструированных осадков 85,3% приходится на слой догородищенского поселения (An1), это обусловлено пожарами деревянных строений и обилием прокалов, хорошо выделяющихся морфологически по окраске. Величина реконструированных осадков, по сравнению с контрольной точкой, составила 85,3%, снижение количества осадков произошло на 10–15%, это обусловлено «стиранием природной памяти» естественного развития органно-минерального комплекса почв под воздействием высоких температур.

На рис. 7 показана дополнительная реконструкция величины осадков по сравнению с контрольной точкой на этапе – An1, заниженная из-за наличия прокалов.

Снижение величины осадков, также зафиксированное в оборонительных сооружениях (An2) ананьинского времени Маклашеевского II городища, связано с использованием прокаленного почвенного материала при строительстве.

Тем не менее, на более ранних материалах (поздний бронзовый век) для Среднего Поволжья была выявлена тенденция понижения осадков в позднем голоцене, составляющая – 2,5% (Lomov and all., 2017), можно предполагать, что в раннем железном веке эта тенденция сохранялась.

Норма современных осадков в РТ составляет от 460 до 540 мм/год, т.е. превышает рассчитанные (рис. 7) на 50–80 мм. Если учесть, что за последние 100 лет произошло увеличение осадков в Среднем Поволжье на 100–140 мм/год (Ломов, 2012), то можно говорить о достоверности проведенных реконструкций.

Анализ величин реконструированных осадков в периоды стадий почвообразования и стадий литогенеза (по Сычевой, 2010), показанных на рис. 7 темной полосой и светлой, соответственно, свидетельствует о равных количествах осадков, характерных для той или иной стадии. Изменяется только среднегодовая температура, представленная по данным Н.А. Хотинского (1977) для южной лесной зоны. Для стадий педогенеза преобладают положительные температуры, а для стадий литогенеза – отрицательные (рис. 7). Значительное количество осадков и положительные температуры в период стадии педогенеза определяют стабилизацию природного развития, снижение эрозионных процессов и преобладание процессов почвообразования для формирования зональных и интразональных вариантов почв, а также погребенных почв в поймах (Мозжерин и др., 2004, Ломов и др., 2014). Подобные благоприятные (влажные и теплые) климатические условия совпадают с началом существования Маклашеевского II городища.

Конец существования Маклашеевского II городища РЖВ относится к стадии литогенеза, когда снижалась среднегодовая температура, а климат становился более влажным и холодным. В эти периоды уменьшалась испаряемость, увеличивалась длительность холодного сезона года и объем накопленных зимних твердых осадков, становился более высоким уровень весенних паводков. Это вызывало усиление эрозии на склонах, увеличение объема смытого песчаного мелкозема, выносимого в поймы рек. Вследствие чего происходило значительно более активное поступление аллювия на поверхность поймы в паводки (Александровский, 2004, Сычева, 2010).

Изменение климата на стадии литогенеза, увеличение холодного сезона и снижение в связи с этим продуктивности почв, могло быть причиной ухода его обитателей и запустения городища.

Заключение.

За время существования Маклашеевского II городища раннего железного века, оставленного носителями постмаклашеевской культуры АКИО, голоценовая почва, сфор-

мированная до раннего железного века, была значительно преобразована:

– сильно преобразована структура почв, понизилась водоустойчивость агрегатов;

– выделяется чуть более высокое (остаточное) содержание гумуса в пределах культурного слоя, по сравнению с породой;

– повышенная сумма поглощенных оснований и емкость поглощения в культурном слое, по сравнению с почвообразующей породой;

– невысокое распределение карбонатов в пределах верхней части насыпного слоя раннего вала (An2) и совсем низкое в основании культурного слоя (An1) – 0,46%, могут свидетельствовать о процессах выщелачивания черноземов во время их природного развития;

– распределение оксидов натрия и калия указывают на турбационные процессы мелкозема культурного слоя, обусловленные активной хозяйственной деятельностью носителей ананьинской КИО;

– снижение величин геохимического коэффициента CIA в верхней части культурного слоя догородищенского поселения связано с пожарами и прокалами, которые определили стирание «природной памяти» условий преобразования первичных минералов.

В период почти восьмисотлетнего запустения Маклашеевского II городища между его ранней – ананьинской (РЖВ) и поздней – именьковской (раннее средневековье) стадиями существования преобладало почвообразование на относительно выровненных поверхностях и формирование слаборазвитых почв – дерново-карбонатных, впоследствии погребенных делювием:

– в погребенных почвах заметно улучшилась структурность и водоустойчивость по сравнению с перекрывающим ее делювием;

– увеличилось содержание гумуса в 1,5 раза, понизилась актуальная кислотность, повысилась гидролитическая кислотность, по сравнению с перекрывающим делювием.

В результате расчета количества осадков в отложениях ананьинского времени Маклашеевского II городища была выявлена неоднородность этих показателей; для раннего этапа существования поселения (An1) уровень осадков составлял – 390–420 мм/год, а для ранней насыпи вала (An2) – 440 мм/год. При этом максимальная величина коэффициента CIA – 68,46%, характерна для лессовидных суглинков, незатронутых антропогенным воздействием. Расчет осадков на время формирования лессовидных суглинков показал величину – 457 мм/год, которую можно принять за контрольное значение. Максимальное количество расчетных осадков – 445 мм/год, близких к контрольному значению, приходится на период восьмисотлетней заброшенности городища.

Причина уменьшения величин расчетных осадков кроется в антропогенном воздействии на органоминеральные компоненты погребенных почв. Высокая температура от пожаров обусловила стирание в естественных органоминеральных комплексах «природной памяти» условий выветривания первичных минералов, определяющих достоверную реконструкцию природных условий.

Расчет амплитуды снижения величин осадков в пределах ананьинской толщи слоев (культурных и насыпных) Маклашеевского II городища, по сравнению с контрольным значением составляет 85,3–97,4%. Минимальный уровень снижения количества осадков – 97,48% приходится на период запустения Маклашеевского II городища (конец V/IV в. до н.э. – конец IV/V в. н.э.), максимальный уровень снижения осадков 85,3% падает на культурные слои догородищенского поселения (An1) – 390 мм/год. Понижение температуры в период литогенеза и увеличение гумидности климата, возможно, обусловило причины запустения городища раннего железного века.

ЛИТЕРАТУРА

Александровский А.Л. Этапы и скорость развития почв в поймах рек центра Русской равнины // Почвоведение. 2004. № 11. С. 1285–1295.

Александровский А.Л., Александровская Е.И. Эволюция почв и географическая среда. М.: Наука, 2005. 223 с.

Алексеев А.О., Алексеева Т.В. Оксидогенез железа в почвах степной зоны. М.: Геос, 2012. 202 с.

Аринушкина Е.В. Руководство по химическому анализу почв. М.: МГУ, 1970. 487 с.

Величко А.А. Палеоклиматы и палеоландшафты внетропического пространства Северного полушария. Поздний плейстоцен – голоцен. Атлас-монография. М.: Геос, 2009. 120 с.

Демкин В.А. Палеопочвоведение и археология: интеграция в изучении природы и общества. Пущино: ПНЦ РАН. 1997. 212 с.

Дергачева М.И., Васильева Д.И. Палеопочвы, культурные горизонты и природные условия их формирования в эпоху бронзы в степной зоне Самарского Заволжья // Вопросы археологии Поволжья. № 4 / Отв. ред. И.Н. Васильева. Самара: НТЦ, 2006. с.464–476.

Иванов И.В. Эволюция степной зоны в голоцене. М.: Наука, 1992. 143 с.

Калинин П.И., Алексеев А.О. Геохимические характеристики погребенных голоценовых почв степей Приволжской возвышенности // Вестник ВГУ. Серия: География, Геоэкология. 2008. №1. С.9–15.

Ломов С.П., Ранов В.А. Погребенные почвы Таджикистана и распределение в них палеолитических орудий // Почвоведение. 1984. №4. С.21–30.

Ломов С.П. Почвы и климат Пензенской области. Пенза: ПГУАС, 2012. 290 с.

Ломов С.П., Солодков Н.Н. Эоловые геосистемы (памятники неолита), современные и погребенные почвы в поймах бассейна р. Сура в голоцене. Пенза: ПГУАС, 2014. 165 с.

Мозжерин В.И., Курбанова С.Г. Деятельность человека и эрозионно-русловые системы Среднего Поволжья. Казань: Арт-Дизайн, 2004. 128 с.

Пономаренко Е.В., Пономаренко Д.С., Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф. Подходы к реконструкции динамики заселения территории по почвенным признакам // ПА. 2015. №1. С. 126–160.

Спицын А.А. Заметки из поездки 1898 года // ИИАК. Вып.60. Спб., 1916. С. 73–93.

Старостин П.Н. Отчёт об археологических раскопках II Маклашеевского городища летом 1963 г. Казань. 1964. Р-1, 2811. 77 с.

Сычева С.А. Главный (2000-летний) ритм голоцена и его проявления в почвах и отложениях пойм русской равнины // География: проблемы науки и образования. LXIII Герценовские чтения / Отв. ред. В.П. Соломин, Д.А. Субетто, Н.В. Ловелиус. Санкт-Петербург: РГО, 2010. С. 324–329.

Халикова Е.А. Отчёт об археологических исследованиях, проведённых в 1961 г. в Куйбышевском районе Татарской АССР. Казань, 1961. Р-1, 2751. 37 с.

Хотинский Н.А. Голоцен Северной Евразии. М.: Наука, 1977. 200 с.

Чендев Ю.Г. Опыт реконструкции биоклиматических обстановок прошлого по палеопочвенным индикаторам (лесостепь центра Восточной Европы) // Палеопочвы, природная среда и методы их диагностики / Отв. ред. Г.В. Добровольский, М.И. Дергачева. Новосибирск, 2012. С. 181–194.

Чижевский А.А. Гулюковская III стоянка, экологическая адаптация и факторы хозяйственно-культурного развития // Уральский исторический вестник. №2 (27). Екатеринбург, 2010. С. 25–30.

Чижевский А.А. Начальный период изучения археологии эпохи бронзы и раннего железного века в Волго-Камье. Полевые исследования // ПА. 2013. №2. С. 40–63.

Чижевский А.А., Хисяметдинова А.А., Вязов Л.А., Лыганов А.В., Хуснутдинов Э.А. Исследование оборонительных сооружений Маклашеевского II городища в 2014 г. // XV Бадеровские чтения по археологии Урала и Поволжья. Материалы всероссийской научно-практической конференции. г. Пермь, 9–12 февраля 2016 г. / гл. ред. Г.П. Головчанский. Пермь: ПГНИУ, 2016. С.119–125.

Lomov S.P., Lyganov A.V., Khisyamidinova A.A., Spiridonova I.N., Solodkov N.N. Modern and buried soils of Kurgans in the Forest-Steppe Zone of the Middle Volga Region (by the Example of Komintern I Kurgan) // Eurasian Soil Science. 2017. vol. 50. №5. pp. 539–548.

Nesbitt H.W., Young G.M. Early Proterozoic climate of sand stone and munstone suites using SiO_2content and K_2O/Na_2Oratio // Nature. Vol. 299. 1982. P. 715–717.

Retallack G. Soils and Global Change in the Carbon Cycle over Geological Time // Treatise On Geochemistry. Vol. 5, 2004, P.581–605.

Информация об авторах:

Ломов Станислав Петрович, профессор, доктор географических наук, кафедра «Кадастр недвижимости и право», Пензенский Государственный Университет Архитектуры и Строительства (г. Пенза, Россия); Stas_Lomov@mail.ru

Чижевский Андрей Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); chijevski@mail.ru

Хисяметдинова Асия Абдулкадировна, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); asiatat@yandex.ru

Спиридонова Ирина Николаевна, ассистент, кафедра «Землеустройство и геодезия», Пензенский Государственный Университет Архитектуры и Строительства (ПГУАС) (г. Пенза, Россия); Irunek@yandex.ru

SOIL-ARCHAEOLOGICAL STUDIES OF MAKLASHEEVKA II SETTLEMENT (CULTURAL LAYER OF THE EARLY IRON AGE)

S.P. Lomov, A.A. Chizhevsky, A.A. Khisiametdinova, I.N. Spiridonova

The article features the results of comprehensive studies of Maklasheevka II fortified settlement carried out at the intersection of natural and humanitarian sciences, and one of the area of this work was integrative soil-archaeological studies. This approach includes a cross-spectrum archaeological and pedological analysis of the ancient soils. The studies demonstrated a significant transformation of the buried Holocene soil under the influence of anthropogenic factors; a negative pyrogenic effect on the informativeness of the buried soils and filling layers; the values of geochemical coefficient CIA allowed to reconstruct the precipitation variability amplitude during the operation of the ancient settlement in the Early Iron Age.

Keywords: Middle Volga Region, Republic of Tatarstan, Early Iron Age, Ananyino cultural and historical area, settlement, fortifications, integrated studies, archaeology, pedology

About the authors:

Lomov Stanislav P., Professor, Doctor of Geographical Sciences, Department of Real Estate Cadastre and Law, Penza State University of Architecture and Construction (Penza, Russian Federation) ; Stas_Lomov@mail.ru

Chizhevsky Andrei A., Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation (Kazan, Russian Federation); chijevski@mail.ru

Khisiametdinova Asia A., Research Associate Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation (Kazan, Russian Federation); asiatat@yandex.ru

Spiridonova Irina N., Assistant, Department of Land Management and Geodesy, Penza State University of Architecture and Construction (PGUAS) (Penza, Russian Federation); Irunek@yandex.ru

Табл. 1.
Гранулометрический состав преобразованных почв ананьинского культурного слоя Маклашеевского II городища, %

Индексы горизонтов	Глубина, см	Песок, мм		Пыль, мм			Ил, мм ≤0,001	Сумма фракций, мм (меньше 0,01)	Гранулометр. состав
		крупный (1–0,25)	мелкий (0,25–0,05)	крупная (0,05–0,01)	средняя (0,01–0,005)	мелкая (0,005–0,001)			
Делювий и почвообразование в условиях природного развития									
делювий	110–120	23,5	30,3	20,8	2,7	6,1	16,6	25,4	легкий суглинок
[A]ca	120–131	25,5	28	19,9	4,2	5,7	16,7	26,6	легкий суглинок
Антропогенно-преобразованные горизонты культурного и насыпных слоев Маклашеевского II городища									
An2	136–148	28,4	32,9	15	1,9	3,7	18,1	23,7	легкий суглинок
An1	156–161	25,1	31,1	18,1	2,5	3,9	19,3	25,7	легкий суглинок
[BC]An1	186–206	19,2	35,5	19,3	1,9	4,5	19,6	26	легкий суглинок
C1ca	206–221	17,6	36,9	18,7	2,8	3,6	20,4	26,8	легкий суглинок
C2ca	221–324	36,8	32,1	10,3	2,1	3,1	15,6	20	легкий суглинок

Табл. 2.

Структурный состав и водоустойчивость агрегатов почв и антропогенно-преобразованных горизонтов Маклашеевского II городища, %, (разрез 2М)

Горизонты и глубина, см	Размеры фракций, мм; содержание, %								Сумма фракций 10 -0,25%(сухое просеивание); сумма фракций >0,25мм (мокрое просеивание)	Кс и водоустой-чивости	Оценка структурности и водоус-тойчивости
	>10	10-5	5-3	3-2	2-1	1-0,5	0,5-0,25	<0,25			
Сухое просеивание: антропогенно-преобразованные горизонты ананьинской культуры											
An2, 136-148	45,4	11,6	5,0	3,4	4,1	20,5	8,0	1,3	52,6	1,1	Удов.
An1, 156-161	32,6	13,3	7,6	4,8	5,5	10,3	18,9	4,9	60,4	1,6	Хор.
[BC]An1, 186-206	29,3	11,0	7,6	5,6	7,8	6,3	18,7	12,9	57,0	1,4	Удов.
C1ca, 206-221	36,5	17,8	7,7	4,9	5,6	4,1	9,5	13,1	49,6	1,0	Удов.
C2ca, 221-324	18,8	11,1	6,1	5,1	4,9	12,2	28,7	13,6	68,1	2,1	Хор.
Мокрое просеивание: антропогенно-преобразованные горизонты ананьинской культуры											
An2, 136-148	-	-	0,7	0,8	2,0	10,0	36,3	50,2	49,8	1,0	Удов.
An1, 156-161	-	-	2,0	4,1	2,0	4,1	32,7	55,1	44,9	0,8	Удов.
[BC]An1, 186-206	-	-	0,2	0,2	0,2	6,0	40,0	53,4	46,6	0,9	Удовл.
C1ca, 206-221	-	-	0,4	0,5	0,6	6,0	46,1	46,4	53,6	1,2	Удовл.
C2ca, 221-324	-	-	0,0	1,2	1,6	20,7	29,3	47,2	52,8	1,1	Удовл.

Табл. 3.
Физико-химические и химические показатели мелкозема ананьинского культурного слоя Маклашеевского II городища, разрез 2М

Индексы горизонтов	Глубина, см	С орг., %	pH	Нг	Сумма поглощенных оснований	Емкость поглощения	Валовые формы, %		Подвижные, мг/кг		$CaCO_3$, %
				Смоль (экв)/кг			K_2O	P_2O_5	K_2O	P_2O_5	
Делювий и погребенная почва [A] природного развития											
делювий	110-120	0,9	7,4	0,23	32,6	32,83	1,90	0,31	80	1000	6,45
[A]ca	120-131	1,4	6,9	0,33	33,0	33,33	1,79	0,53	130	410	5,12
Ананьинский культурный слой и фрагменты погребенных черноземов											
[An2]	136-148	1,0	7,4	0,23	32,0	32,23	1,82	0,28	80	400	2,81
[An1]	156-161	1,2	7,4	0,23	29,0	29,23	1,83	0,47	90	1000	1,77
[BC(An1)]	186-200	1,1	7,4	0,23	30,0	30,23	1,85	0,22	90	1000	0,41
C_{1ca}	206-221	0,8	7,4	0,23	28,4	28,63	1,85	0,22	80	1000	10,41
C_{2ca}	221-324	0,6	7,5	0,23	25,5	25,73			50	314	12,30

Табл. 4.

Валовой химический состав культурного слоя ананьинского КИО Маклашеевского II городища, % на прокаленную и бескарбонатную навеску (разрез 2М)

Горизонт	SiO_2	Al_2O_3	Fe_2O_3	P_2O_5	TiO_2	CaO	MgO	MnO	Na_2O	K_2O
Делювий и погребенная почва [А] природного развития										
Делювий	68,13	13,51	3,91	0,54	0,55	1,97	2,28	0,08	0,71	1,82
[А]	68,13	13,51	3,91	0,54	0,55	1,97	2,28	0,08	0,71	1,82
Ананьинский культурный слой и фрагменты погребенных черноземов										
[An_2]	68,63	13,83	3,99	0,28	0,61	1,97	2,56	0,07	0,89	1,84
[An_1]	68,21	13,22	3,80	0,47	0,54	2,80	2,18	0,08	0,79	1,83
[ВС (An_1)]	69,43	13,36	3,88	0,22	0,54	2,07	2,30	0,07	1,06	1,85
C_{1ca}	68,52	14,55	4,15	0,24	0,69	1,83	2,49	0,06	0,82	1,86

Табл. 5

Геохимические коэффициенты мелкозема культурного слоя АКИО Маклашеевского II городища (разрез 2М)

Горизонт	$\frac{TiO_2}{Al_2O_3}$	CIA	$\frac{Al_2O_3}{CaO+Na_2O+K_2O+MgO}$	$\frac{Na_2O}{K_2O}$	$\frac{K_2O+Na_2O}{Al_2O_3}$	$\frac{Na_2O}{Al_2O_3}$	$\frac{CaO+MgO}{Al_2O_3}$	$\frac{MnO}{Al_2O_3}$	$\frac{MnO}{Fe_2O_3}$	$\frac{MnO+Fe_2O_3}{Fe_2O_3}$	$\frac{Fe_2O_3+MnO}{Al_2O_3}$	$\frac{SiO_2}{R_2O_3}$	$\frac{SiO_2}{Al_2O_3}$	$\frac{SiO_2}{Fe_2O_3}$
Делювий и погребенная дерново-карбонатная почва природного развития														
делювий	0,05	66,70	1,08	0,59	0,23	0,09	0,70	0,01	0,05	1,05	0,19	7,24	8,58	46,41
[A]ca	0,05	66,74	1,08	0,59	0,23	0,09	0,70	0,01	0,05	1,05	0,19	7,24	8,58	46,41
Ананьинский культурный слой и фрагменты погребенных черноземов														
$[An_2]$	0,06	66,26	1,02	0,73	0,25	0,11	0,73	0,01	0,04	1,04	0,19	7,12	8,43	45,85
$[An_1]$	0,05	61,20	0,95	0,65	0,25	0,10	0,81	0,01	0,05	1,05	0,19	7,41	8,77	47,88
$[BCAn_1]$	0,05	63,99	1,00	0,87	0,28	0,13	0,72	0,01	0,04	1,04	0,19	7,45	8,83	47,69
C1ca	0,06	68,46	1,12	0,67	0,23	0,09	0,66	0,01	0,03	1,03	0,19	6,77	8,01	43,99

Рис. 1. Местоположение Маклашеевского II городища.

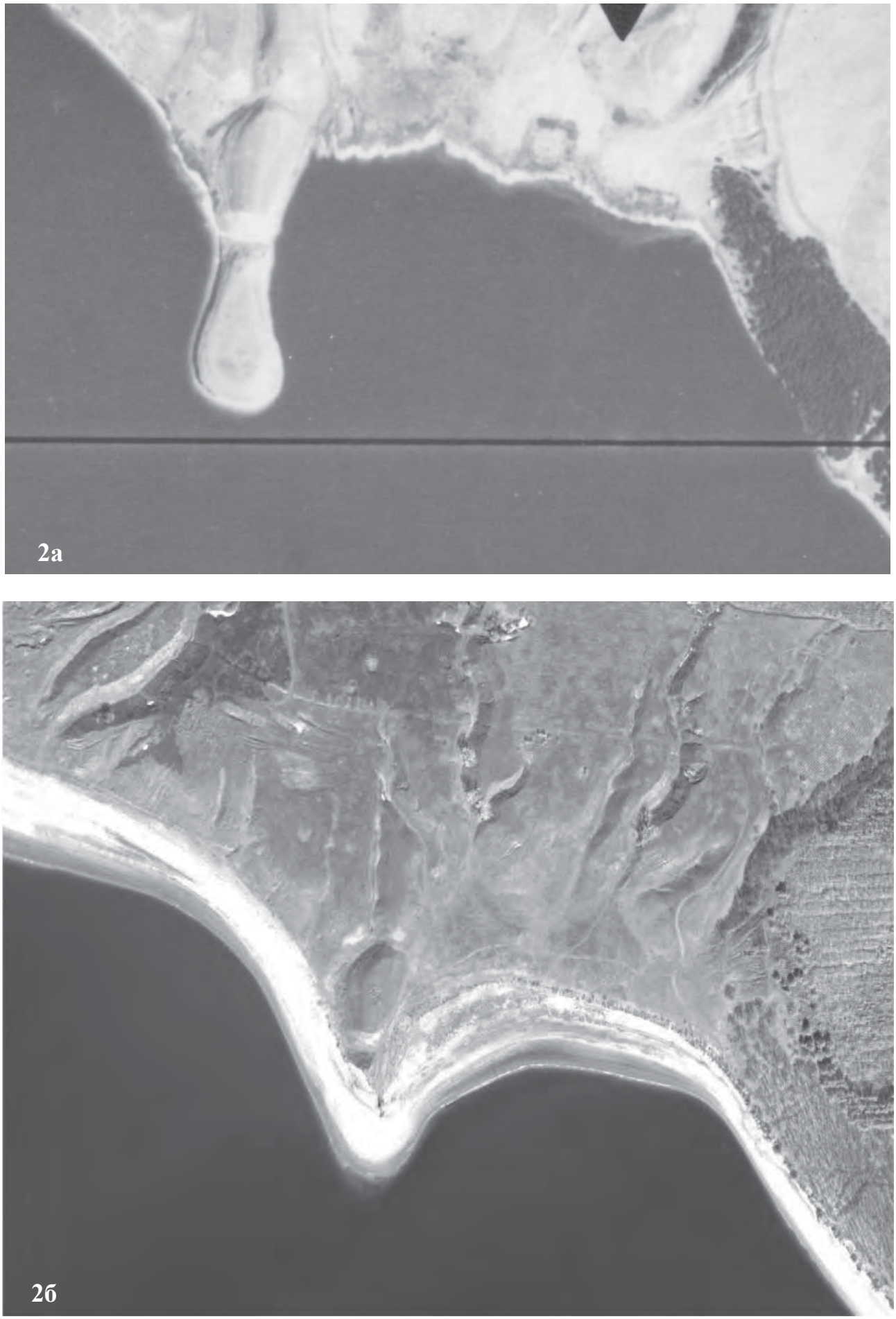


Рис. 2. Аэрофотосъемка Маклашеевского II городища: 2а – 1958 г.; 2б – 2016 г.

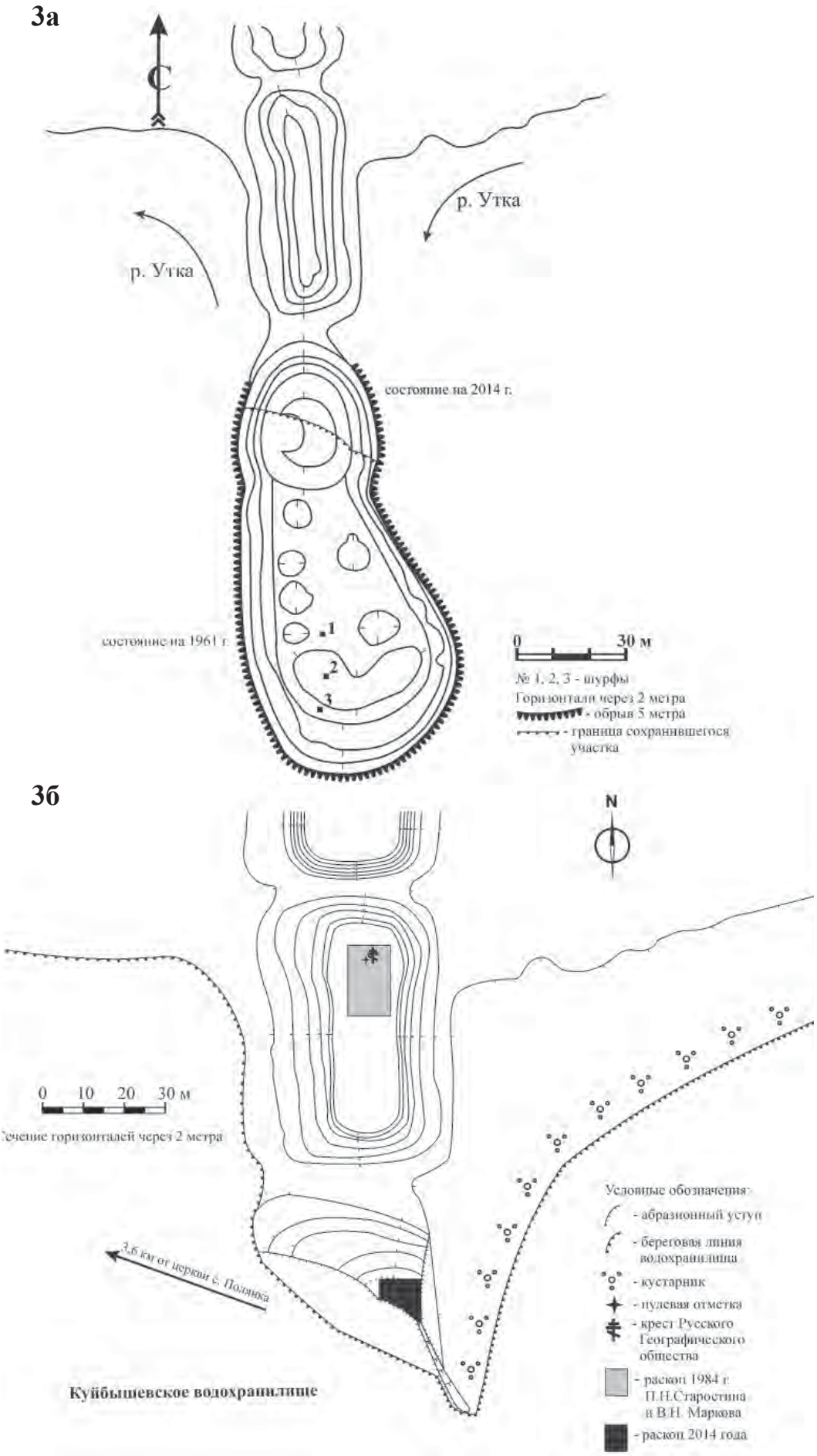


Рис. 3. Общий план Маклашеевского II городища. 3а – план 1961 г. (по Е.А. Халиковой, 1961); 3б – план 2014 г.

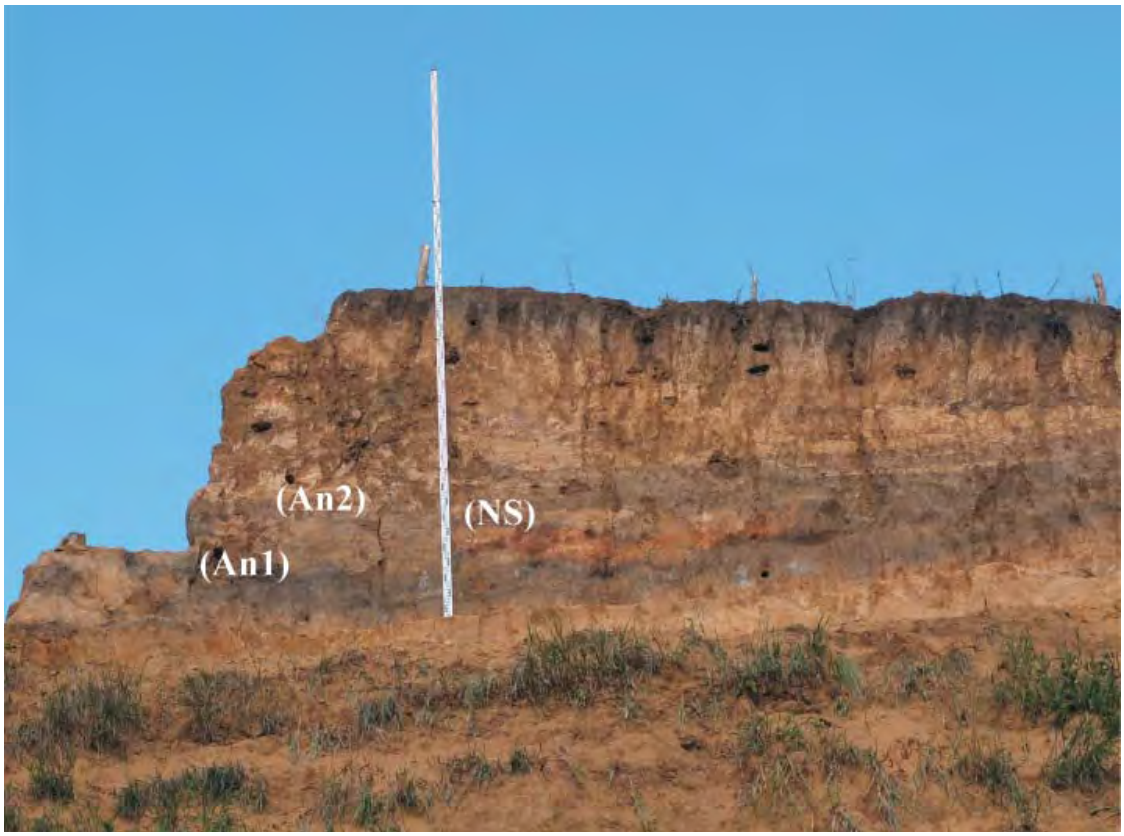


Рис. 4. Фрагмент профиля зачистки восточного склона. An1 – культурный слой догородищенского поселения; An2 – насыпные слои, относящиеся к строительству и ремонту шишковидного вала; NS – отложения природных разрушений и консервации ананьинской части оборонительных сооружений (natural sediments).

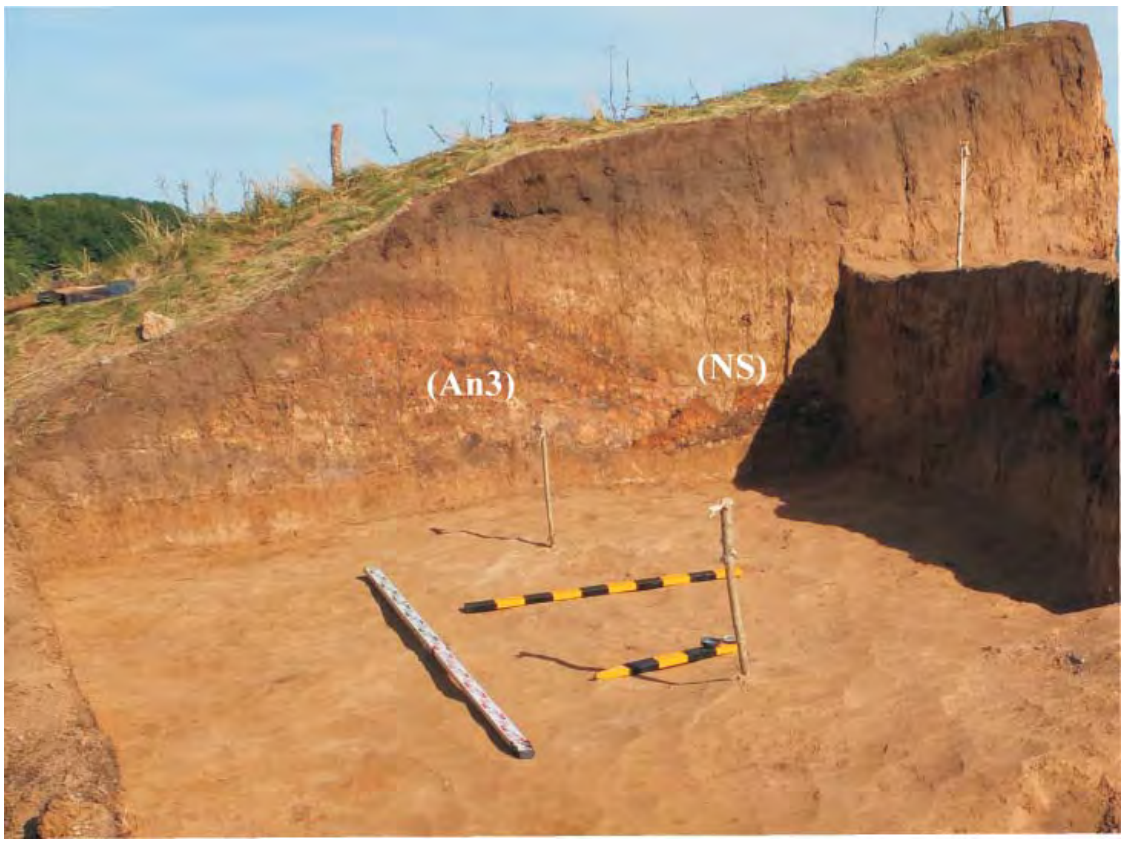


Рис. 5. Зачистка западного склона (фрагмент профиля восточной стенки раскопа). An3 – насыпные слои, связанные со строительством дуговидного вала; NS – отложения природных разрушений и консервации ананьинской части оборонительных сооружений (natural sediments).

Рис. 6. Фрагмент профиля восточной стенки раскопа, после снятия распорной бровки (зачистка западного склона). An2 – насыпные слои, относящиеся к строительству и ремонту шишковидного вала; An3 – насыпные слои, связанные со строительством дуговидного вала; NS – отложения природных разрушений и консервации ананьинской части оборонительных сооружений (natural sediments).

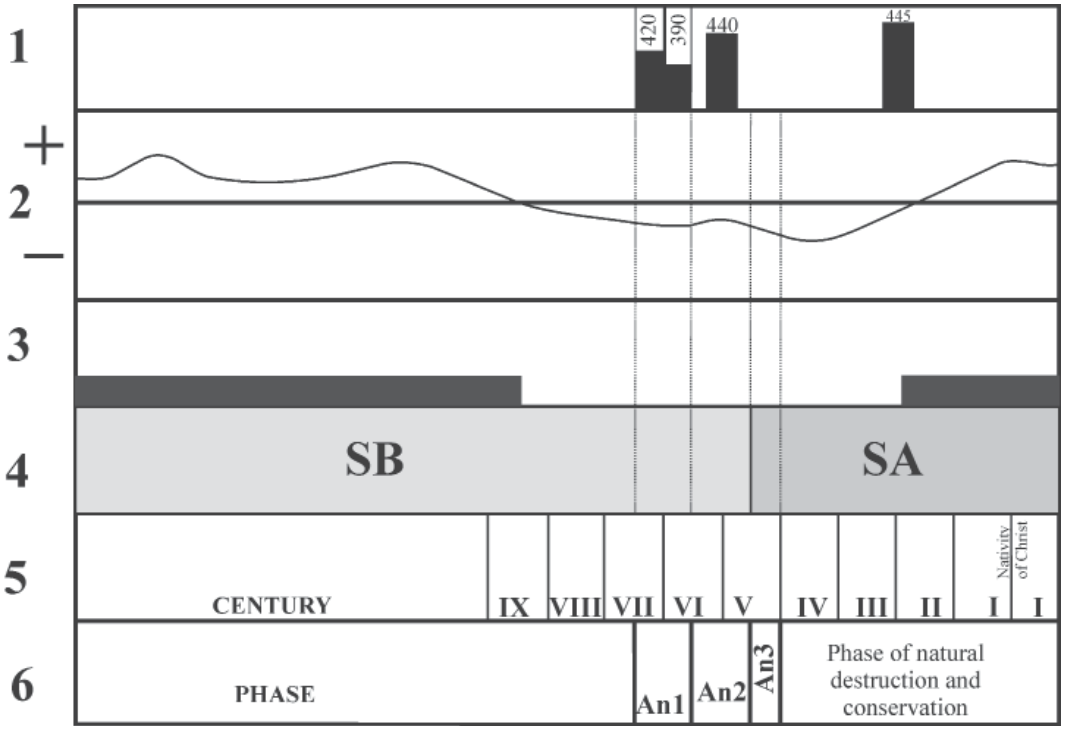


Рис. 7. Количество осадков и ритмы почвообразования в период раннего железного века. Обозначения:1 – осадки – реконструированы по коэффициентам химического выветривания и другим показателям; 2 – среднегодовая температура для южной лесной зоны (Хотинский, 1977); 3 – ритмы почвообразования по С.А. Сычевой (2010) (темные полосы – стадии почвообразования, светлые промежутки – стадии литогенеза); 4 – подразделения голоцена дано в модификации Н.А. Хотинского (1977); 5 – хронологическая шкала; 6 – этапы строительства оборонительных сооружений.

УДК 902.3, 902.62, 903.43, 551.4, 551.797, 551.799, 561

ТИХОГОРСКИЕ I И II ГОРОДИЩА, КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ

© 2018 г. Чижевский А.А., Хисяметдинова А.А., Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., Кочанова М.Д.

В статье публикуются результаты исследования Тихогорского I и II городищ. На этих памятниках было произведено обследование состояния оборонительных сооружений, осуществлена съемка инструментально-глазомерных планов, проведены геоморфологические и геологические изыскания. На Тихогорском I городище, кроме того, было произведено исследование насыпи вала. На основании полученных результатов было установлено, что Тихогорское I городище возникло на месте догородищенского поселения в IX – середине VIII в. до н.э., завершающая стадия строительства относятся к VII в. до н.э. После значительного промежутка времени, в течение которого памятник был заброшен, люди вернулись на Тихогорское I городище только в III–V вв., позже городище вновь было покинуто и не возобновляло своего существования.

Ключевые слова: Нижнее Прикамье, ранний железный век, раннее средневековье, городища, оборонительные сооружения, археология, геоморфология, геология, палинология

Тихогорские I и II городища располагаются в центральной части Нижнего Прикамья на стыке ареалов трех культур АКИО: ананьинской шнуровой керамики, постмаклашеевской и ананьинской гребенчато-шнуровой керамики. Территориально городища тяготеют к области расселения носителей ананьинской культуры шнуровой керамики. Размещение городищ рядом друг с другом на расстоянии видимости обусловило рассмотрение их оборонительной системы в одной статье.

Тихогорское I городище расположено на правобережье р. Камы в 3 км к северу от пристани Тихие Горы г. Менделеевска на участке коленообразного изгиба долины Камы (рис. 1), благодаря чему с городищенских мысов (в том числе и с Тихогорского II) просматривается русло и пойма реки на многие километры вверх и вниз по течению (рис. 2). Кроме того, на данном участке параллельно Каме на расстоянии около 3 км протекает её более мелкий приток – р. Тойма. Реки разделены низким легкопроходимым водоразделом с абс. отметками 140–160 м. С городища, расположенного на абс. отметках 90–95 м, подъём до водораздела и очень пологий спуск к пойме р. Тойма составляет всего 50–60 м.

История изучения Тихогорского I городища по своей протяженности совпадает с историей изучения ананьинской культурно-исторической области (АКИО). Памятник был открыт первым исследователем Ананьинского могильника П.В. Алабиным в 1859 г., который констатировал поврежденное состояние насыпи вала «обвал … южного окончания» и определил это сооружение как курганную насыпь (Алабин, 1859, с. 206; 1865, с. 1–9).

В 1881 г. городище было стационарно исследовано П.А. Пономаревым и Н.П. Лихачевым (Протокол, 1884, с. 66), однако информация об этих раскопках не сохранилась, была утрачена и коллекция находок с памятника (Спицын, 1893, с. 48; Збруева, 1952, с. 271).

В 1887 г. городище осматривалось А.А. Спицыным, который по найденным в осыпях оврагов находкам отнес его к кругу «костеносных» городищ. А.А. Спицын отмечает, что вал городища «распался надвое» в результате раскопок и последующего воздействия природных факторов (Спицын, 1893, с. 47).

В 1952 г. А.В. Збруева уверено отнесла Тихогорское I городище к памятникам ананьинской культуры (Збруева, 1952, с. 271, 272).

В середине 1980-х гг. городище осматривалось В.Н. Марковым, в 90-е гг. XX – начале XXI вв. мониторинг городища систематически осуществлялся А.А. Чижевским, в 2014 г. А.В. Лыгановым (Свод, 2007, с. 251, № 2050).

В июне 2013 г. исследования на памятнике были проведены А.А. Чижевским и А.А. Хисяметдиновой. Работы на городище включали литолого-стратиграфическое изучение разреза вала и отбор образцов на спорово-пыльцевой анализ.

Тихогорское I городище располагается на окончании эрозионно-аккумулятивной террасы, на мысовой площадке, между двумя глубокими оврагами (рис. 2–4), прорезающи-

ми правый коренной борт долины р. Кама, и относится, таким образом, к первому морфотипу городищ АКИО (Хисяметдинова, Чижевский, 2014, с. 376–378; Чижевский и др., 2017, с. 223).

Терраса, на которой размещается городище, представляет собой платообразную поверхность, полого наклонённую (4–6˚) в сторону Камы. Плато круто обрывается к урезу реки под углом 40˚. Вся терраса подвержена склоновым процессам. На поверхности наблюдаются снивеллированные реликтовые мерзлотные формы рельефа, представленные блюдцами диаметром 1–2,5 м, и противопожаные борозды, ориентированные поперёк склона. В уступе плато вдоль береговой линии водохранилища тянутся рвы отседания и снивеллированные оползни. Овраги забиты перигляциальными лессовидными суглинками значительной мощности, не менее 10 м. Контакт рыхлых отложений с коренными породами не виден.

Поселенческая площадка обрамляется крутыми склонами: южным (40˚) и более пологим (35˚) северным (рис. 2, 4). Южный овраг более глубокий, прямолинейный и протяжённый, чем северный.

Высота городища над урезом воды Нижнекамского водохранилища составляет около 25 м, поверхность покрыта густыми зарослями терновника. Овраги поросли лесом. В настоящее время городище не разрушается.

Поселенческая площадка Тихогорского I городища имеет форму неправильного треугольника, протяженность ее, от вала до бровки уступа, достигает 77 м, ширина неравномерна – максимальная более 30 м в средней части памятника, а минимальная – 10,5 м у оконечности мыса (рис. 3). Поверхность площадки более наклонна (до 10–12˚), чем общий уклон плато, на оконечности которого располагается городище, что обусловлено снижением поверхности за счёт эрозионно-денудационных процессов, вызванных соседствующими оврагами.

С северо-западной стороны площадка городища отделена от основного массива плато седловиной, шириной 6–9 м, образованной в месте максимального сближения обрамляющих оврагов (рис. 5). Эта узость образована за счёт сближения верховьев мелких отвержков оврагов, причём отвержек южного оврага более глубокий и разработанный. Вал, разделенный на две части раскопом П.А. Пономарева, располагается на юго-восточном краю седловины, использованной древними строителями в качестве рва. Юго-западная часть вала ориентирована поперек мысовой площадки, северо-восточная вдоль неё.

Наибольшей сохранностью отличается юго-западная часть вала, его протяженность составляет 10,3 м, высота над уровнем современной поверхности поселенческой площадки – 1,5 м, ширина у основания – 5 м (рис. 3, 5, 6). После зачистки вала удалось установить, что его высота над уровнем почвенно-культурного слоя достигает 2,5 м, а ширина по основанию 7,5 м. Внешний скат имеет крутизну 34˚, внутренний 28˚.

Северо-восточная часть вала располагается в 6 м от юго-западной, исходя из ее необычной ориентации (вдоль мыса) можно предположить, что часть этой насыпи является остатком выкида из раскопа П.А. Пономарева. Длина этой части вала достигает 8 м, высота – 1,5 м, ширина у основания – 3–5 м (рис. 7).

Оврагами, обрамляющими городище, вскрываются породы белебеевской свиты казанского яруса биармского отдела верхней перми (P_3bb), на которых залегают в виде покрова верхненеоплейстоценовые лессовидные перигляциальные суглинки. Для строительства оборонительных сооружений использовались только рыхлые покровные отложения, которые строители брали с поверхности площадки городища и плато.

Стратиграфия вала. Исследование производилось на юго-западной оконечности вала, наименее поврежденной к настоящему времени (рис. 3). Зачистка, шириной 4,50 м и глубиной 3,0 м, ориентирована строго поперек вала. Линия стенки совпадает с общим направлением поверхности уклона мысовой площадки.

Вал состоит из природного основания (А) и антропогенной надстройки (Б). Связующим звеном этих подразделений является почвенно-культурный горизонт (АБ). Он является почвой, выработанной в естественных условиях. Почва претерпела антропогенную переработку до того как была погребена насыпью вала (Б). Во вскрытом разрезе зафиксирована следующая стратиграфия (рис. 8–10):

А. Природное основание вала.

1. Покровный суглинок бурого цвета, тяжёлого мехсостава, однородный, без видимых признаков слоистости, плотный. Вскрытая мощность до 50 см (обр. 1/1).

АБ. Почвенно-культурный горизонт под валом.

2. Погребённая почва (гумусированный суглинок), со следами утаптывания, тёмно-серой почти чёрной окраской с включением зольных остатков. Наиболее отчётливо почвенный слой, мощностью 3–4 см (обр. 1/2 – 1/3), прослеживается на внутренней стороне вала. Судя по размытости границ и увеличению его мощности (до 17 см) в направлении седловины, погребенная почва, зафиксированная с наружной стороны вала подверглась делювиальному сносу. Из этого наблюдения следует, что жизнедеятельность обитателей догородищенского поселения привела к такому преобразованию поверхности, в результате которого начался делювиальный снос в сторону уже существовавшей тогда седловины.

Б. Антропогенная надстройка вала.

3. Красно-бурые суглинки с включениями плотных комков суглинка с белёсым карбонатным налётом и присыпками гумусированных суглинков, толщина слоя – 16–67 см (обр. 1/4). Изъеден кротовинами. Отсыпанный пласт облекает неровную поверхность природного основания почвы (сл. 1–2) в форме дуги, центральная часть которого уничтожена раскопом 1881 г.

Наличие в составе отложений сухих комьев в виде глинянных окатышей с белёсым карбонатным налётом, свидетельствует о том, что материал для отсыпки брался с поверхности площадки, возможно из отвалов ям. Они долго лежали на поверхности поселенческой площадки или в отвале склона (не in Situ), подвергались экзогенным процессам (мокли под снегом и дождём, высыхали на солнце и ветру), в результате чего в них образовались выпоты карбонатов в виде белого налёта.

4. Суглинок, буро-коричневый с карбонатными вкраплениями (рис. 9, 10), мощностью 15–30 см, выклинивается в центральной части зачистки (обр. 1/5). Эти карбонатные вкрапления в общей массе суглинка представляют собой осаждение карбонатов по корням растений, ходам червей и трещинам иного происхождения. Они образовались уже после отсыпки материала в результате длительного экспонирования поверхности и свидетельствуют о продолжительных перерывах между отсыпками. Поверхность зарастала травой, а значит, начинались процессы почвообразования.

5. Суглинок, красновато-бурый с сизоватым налётом. «Сизоватость» (оглееность), являющаяся признаком гумуссированности, наиболее интенсивна внизу, в меньшей степени она присутствует в средней части и весьма, слабо просматривается в верхней части слоя. Этот факт, а также наличие четкого нижнего контакта линзы свидетельствует о том, что для отсыпки брался почвенный грунт, то есть налицо обратная стратиграфия. Мощность слоя составляет 10–50 см, также как предыдущий слой, он выклинивается в центральной части зачистки (обр. 1/6).

6. Суглинок, буро-сизый, толщиной – 20–114 см.

7. Суглинок, бурый с линзами белёсых «закарбоначенных» суглинков. Верхний контакт неровный, но заметный, мощностью до 37 см, выклинивается к северо-западной части зачистки.

8. Суглинок, светло-коричневый, лёгкого мехсостава с гумусированными потёками из верхнего слоя толщиной 7–53 см (обр. 1/7).

9. Гумусированный суглинок (гумусовый горизонт погребенной почвы) мощностью 3–20 см с включением мелких угольков и участков обожженной глины, оплывший в виде ступеней (обр. 1/8).

10. Гумусированный суглинок, светло-серый с коричневым оттенком. Мощность слоя – до 50 см (обр. 1/9–1/10).

11. Современная светло-серая лесная почва, толщиной 16–30 см. Нижний контакт постепенный (обр. 1/11–1/12).

В юго-восточной части профиля отчетливо фиксируются очертания профиля раскопа П.А. Пономарева 1881 г. (рис. 8–10). Под дном раскопа зафиксированы:

1. Бурый лессовидный суглинок и 2. Пласт погребённой почвы (обр. 2/1).

В заполнении раскопа 1881 г. снизу вверх залегают:

1. Свал серовато-бурого гумусированного суглинка очень рыхлого сложения. Мощность – 60 см (обр. 2/2).

2. Свал серого гумусированного суглинка с линзой бурых суглинков. Мощность – 30–70 см (обр.2/3).

Выше располагается современная серая лесная почва (слой 11).

Методика анализа разрезов оборонительных сооружений изложена нами в ряде публикаций (Хисяметдинова, Чижевский, 2014; Чижевский и др., 2014, 2016; 2017), далее мы следуем выработанному алгоритму, предусматривающему комплексный анализ данных, полученных в ходе археологических исследований. При изучении разреза вала Тихогорского I городища использовались методы археологии, геологии, геоморфологии и палинологии.

Сведения о строительстве вала по геологическим данным. Значительная часть насыпи вала Тихогорского I городища разрушена раскопом 1881 г., тем не менее, в результате литолого-стратиграфического исследования разреза и анализа данных предшествующих исследователей, удалось установить, что начальная фаза строительства оборонительных сооружений на памятнике связана с ананьинской культурно-исторической областью, а на последнем этапе существования городища, по всей вероятности, в I тыс. н.э., укрепления были достроены. Возведение укреплений осуществлялось в три стадии.

На ранней стадии вал отсыпался почвенным грунтом (слои 3 и 4), причем для отсыпки на этой стадии работ (сл. 3) использовались покровные лессовидные суглинки, наряду с ними в насыпь попадали сухие плотные комья суглинка, подобранные из отвалов, образовавшихся в ходе более ранней хозяйственной деятельности. Часть вала заходила в лог, который использовался на всем протяжении существования городища в качестве рва. Крутой наклон слоев раннего вала, превышающий наклон склонов лога, свидетельствует о наличии какого-то ограничителя, препятствующего растеканию тела вала по профилю лога. Этим препятствием на ананьинских городищах были подпорные стенки из бревен, например такие, как на городище Гремячий Ключ (Чижевский и др., 2017, с. 227, 238, рис. 5). Карбонатные вкрапления в верхней части слоя 4, свидетельствуют о том, что после его отсыпки был перерыв, и поверхность насыпи подвергалась выветриванию.

Ранняя и средняя стадии строительства вала разделяются четкой границей, причем в верхней части насыпи ранней стадии имеются следы почвообразовательных процессов, также свидетельствующие о перерыве во времени строительных работ. На средней стадии строительства (слои 5–9) материал для насыпи брался с поверхности плато вместе с дерном, который помещался в насыпь вала травяным покровом вниз. Об этом говорит концентрация гумуса в нижней части пласта и его постепенное уменьшение кверху, то есть здесь присутствует обратная стратиграфия, подобное явление отмечено при раскопках Скорняковского городища (Чижевский и др., 2016, с.70, 71, 78). Вал на этой стадии насыпался с использованием бурых суглинков двумя слоями, время их отсыпки, судя по нечетким контактам, отделяли незначительные промежутки времени.

После прекращения существования городища раннего железного века (РЖВ) территория памятника запустела на длительное время, перерыв был длительным настолько, что на насыпи образовалась почва (сл. 7, 8, 9), которая в дальнейшем подверглась делювиальному сносу, о чём свидетельствуют увеличение мощностей и внутреннее строение слоев 8 и 9. Причём делювиальный снос произошёл после разрушения подпорной стенки.

Слои 7, 8, 9 следует интерпретировать как горизонты почвы, выработанной на валу городища ананьинского времени в период его запустения. Слой 7 представляет собой иллювиально-карбонатный горизонт (горизонт осаждения или вмыва карбонатов), слой 8 является горизонтом вымывания, поэтому он более светлой окраски и более песчанистого состава, что также связано с почвообразованием, слой 9 является гумусовым горизонтом с включением мелких угольков и участков обожженной глины.

Заключительная стадия строительства характеризуется возведением нового вала (слой 10) в эпоху раннего средневековья со значительной до 50 см толщей насыпного слоя.

Формирование лесной почвы на поверхности вала (слой 11) относится ко времени прекращения существования городища.

Сведения о строительстве вала и палеоландшафтах по палинологическим данным.

Из разреза вала Тихогорского I городища было исследовано 12 образцов (рис. 8, 11, табл. 1), изучение образцов из части профиля, поврежденной раскопом 1881 г. не проводилось. В результате проведенного анализа, по исследованному разрезу было выделено 8 спорово-пыльцевых комплексов, которые следуют снизу вверх и в большинстве случаев отделены друг от друга перерывами (рис. 11). В спорово-пыльцевой комплекс объединялись образцы, которые имели близкий качественный и количественный состав доминирующих форм. Статистическая обработка полученных данных, составление ведомости и построение диаграммы проводилось с применением специальной программы FLORA, разработанной в Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН (Кочанова и др., 2005). Все образцы содержали достаточное для статистической обработки количество пыльцы и спор.

При построении диаграммы за 0 был принят уровень погребённой дневной поверхности догородищенского поселения.

Спорово-пыльцевой комплекс I (сосна с участием ели и березы; полыни) выделяется по образцу 1 из слоя 1. Содержание пыльцы и спор в пробе низкое, встречаются мелкие угольки.

В общем составе на пыльцу древесных пород приходится 49%, на пыльцу травянистых 40%, на споры 11%.

В группе древесных пород больше всего пыльцы сосны (*Pinus*) (49%), значительное количество пыльцы ели (*Picea*) (около 20%) и березы (*Betula*) (24%). В небольшом количестве отмечена пыльца ольхи (*Alnus*) и единично широколиственных пород (липы – *Tilia*).

Травянистые растения представлены в основном пыльцой полыней (*Artemisia*) (57%), на втором месте по содержанию пыльца маревых (Chenopodiaceae) (21%). Количество пыльцы злаков (Poaceae) составляет около 10%, пыльцы разнотравья 12%. Разнотравье представлено пыльцой растений подсемейств астровых (Asteroideae) и цикориевых (Cichorioideae).

Среди споровых преобладают споры зеленых мхов (*Bryales*) (92%) и единично отмечены споры папоротников семейства многоножковых (Polypodiaceae).

По составу палинологического спектра, вмещающие этот комплекс отложения лессовидных суглинков были сформированы в межстадиальный период верхнего плейстоцена, в интервал близкий к оптимуму межстадиала. Судя по результатам анализа, в это время существовали полуоткрытые ландшафты. В условиях большего увлажнения были развиты перелески, образованные сосной, елью с участием березы. В травянистых сообществах была велика роль ксерофитных элементов перигляциальной флоры, таких как маревые и полыни.

Спорово-пыльцевой комплекс II (сосна, широколиственные породы) описан по образцам 2 и 3, отобранным из слоя погребенной почвы – слой 2 (относится к догородищенскому этапу существования памятника). От ниже- и вышележащих комплексов отделяется перерывом. Содержание пыльцы и спор в образцах высокое, много золы, определены древесные остатки березы.

В общем составе доминирует пыльца древесных пород, на долю пыльцы травянистых растений приходится 14–15%, спор от 12 до 18%.

Среди древесных пород преобладает пыльца сосны (*Pinus*) (35–46%) и широколиственных пород (43–45%), что резко отличается от предыдущего комплекса. Содержание пыльцы березы (*Betula*) составляет 6–11%, ольхи (*Alnus*) 4–7%. Единично встречена пыльца ели (*Picea*) и лещины (*Corylus*).

В группе травянистых растений становится больше всего пыльцы злаков (Poaceae) (30–35%), также много пыльцы разнотравья (25–27%), в составе которого присутствует в основном пыльца растений подсемейств астровых (Asteroideae) и цикориевых (Cichorioideae). Необходимо отметить высокое содержание пыльцы осок (Cyperaceae) (20–23%). Пыльца растений семейства маревых (Chenopodiaceae) насчитывает от 12 до 15%, рода полыней (*Artemisia*) 6–8%.

Состав споровых растений существенно изменился и обогатился. На первое место вышли споры папоротников семейства многоножковых (Polypodiaceae) (49–64%), количество спор зеленых мхов (*Bryales*) сократилось до 13–22%. Появились споры сфагновых мхов (*Sphagnum*) (9–19%) и плауна булавовидного (*Lycopodium clavatum*) (10–11%). Единично отмечены споры хвощей (*Equisetum*).

Спектры этого комплекса наиболее полно и объективно позволяют судить о характере растительного покрова во время существования догородищенского поселения Тихогорского I городища. Вместе с тем в образце 3 на границе с последующим слоем 3 выявлено некоторое переотложение микрофоссилий из предыдущего слоя. Возможно, что происходил размыв нижнего слоя и смещение его частей на более низкие уровни. В целом почвенно-культурный слой, вмещающий комплекс, формировался, когда в округе городища преобладал широколиственно-сосновый лес. Помимо этого существовали открытые пространства, заросшие луговой растительностью и даже отчасти небольшими болотными сообществами. Следует обратить внимание на высокую роль липы в составе этих придолинных лесов. Близкий состав леса, но с большим участием березы, отмечается в палинологических спектрах образцов из разреза на городище Гремячий ключ (Чижевский и др., 2017, с. 228). Судя по характеру палинологических спектров погребенной почвы, надо отметить, что последующие слои (3–10) в значительной степени были образованы той же или близкой по составу отложений почвой с небольшими включениями других грунтов.

Спорово-пыльцевой комплекс III (широколиственные породы, сосна с участием березы; полыни) выделяется по образцу 4 из слоя 3 (соотносится со временем строитель-

ства раннего вала РЖВ), от нижележащего комплекса отделен перерывом. В пробе отмечены мелкие органические остатки, присутствует зола.

Распределение спор и пыльцы в общем составе схоже с предыдущим комплексом: 70% приходится на пыльцу древесных пород, 11% на пыльцу травянистых растений и 19% на споры.

В группе древесных пород, как и в предыдущем комплексе, преобладает пыльца широколиственных пород (54%) представленных преимущественно липой (*Tilia*) (52%). Также в спектре отмечено значительное количество пыльцы сосны (*Pinus*) (31%) и несколько меньше пыльцы березы (*Betula*) (13%). Помимо этого единично встречена пыльца ели (*Picea*) и ольхи (*Alnus*).

Среди травянистых растений больше всего пыльцы полыней (*Artemisia*) -42%. Также встречена пыльца растений семейства маревых (Chenopodiaceae) (19%), и разнотравья (23%), состав которого аналогичен предыдущим комплексам. Содержание пыльцы злаков (Poaceae) составляет 15%.

Споровые растения представлены, прежде всего, папоротниками семейства многоножковых (Polypodiaceae) (68%). Содержание спор зеленых мхов (*Bryales*) составляет 23%. В небольших количествах отмечены споры сфагновых мхов (*Sphagnum*) и плауна булавовидного (*Lycopodium clavatum*).

Состав пыльцы и спор этого комплекса отличается от предыдущего только по небольшому увеличению роли березы и заметному возрастанию количества маревых и полыней. По существу, здесь наряду с грунтом погребенной почвы заметно присутствуют лессовидные суглинки, возможно в виде окатышей, в составе отсыпки при сооружении вала.

Надо отметить присутствие в образце 4 очень тонких, как бы склеенных микропрослоек органики, образованных очень мелкими частичками коры, злаков и других травянистых растений. Аналогичные образования в довольно значительных количествах были отмечены в пробах из нижнего слоя разреза на Дьяковом городище (разрез заложен между оборонительными стенами и постройками городища) (Спиридонова и др., 2011, с. 175). По всей видимости, эти микрослоистые прослойки имеют искусственное происхождение и связаны с деятельностью человека.

Спорово-пыльцевой комплекс IV (широколиственные породы) описан по образцам 5, 6 и 7 с глубин 2,4; 2,04 и 0,88 м соответственно, отобранным из слоев 4–8 (время формирования связано с верхней отсыпкой раннего и отсыпкой среднего вала РЖВ). В пробах отмечено много органических остатков, есть зола. Присутствуют органические микропрослойки как в образце 4. В образце 7 сохранность пыльцы и спор сильно различается, но преимущественно плохая.

В общем составе, как и прежде, преобладают древесные породы (64–79%), на травянистые растения приходится от 8 до 25%, на споры 11–13%.

Среди древесных пород доминирует пыльца широколиственных деревьев 61–73%, представленных в основном липой (*Tilia*) (61–71%). Кроме этого в значимых количествах отмечена пыльца сосны (*Pinus*) (около 18%) и березы (*Betula*) (8–17%). Единично и в небольших количествах присутствует пыльца ели (*Picea*), лещины (*Corylus*) и ольхи (*Alnus*).

В группе травянистых растений встречено много пыльцы злаков (Poaceae) (30–42%), разнотравья (20–31%), в составе которого присутствует в основном пыльца растений подсемейств астровых (Asteroideae), цикориевых (Cichorioideae) и рода полыней (*Artemisia*) 11–17%. Высоко содержание пыльцы осок (Cyperaceae) (12-22%). Пыльца растений семейства маревых (Chenopodiaceae) насчитывает от 4 до 12%.

В составе споровых по-прежнему больше всего спор папоротников семейства многоножковых (Polypodiaceae) (48–78%). Содержание спор сфагновых мхов (*Sphagnum*) возрастает до 10–17%, зеленых мхов (*Bryales*) составляет 12–34%. Единично отмечены споры плауна булавовидного (*Lycopodium clavatum*).

Не исключено, что свал грунта при сооружении вала в прослоях 4–8 (обр. 5–7) осуществлялся в основном из отложений погребенной почвы. При этом в данном случае почва могла быть несколько моложе почвы с культурным слоем (обр. 2–3). На это указывает большее участие в спектрах пыльцы липы и меньшая роль сосны. Полученные спектры этого комплекса отражают наиболее теплые климатические условия, которые по другим близким регионам фиксируются возрастом около VII века до н.э.

Спорово-пыльцевой комплекс V (широколиственные породы с участием сосны) описан по образцу 8, отобранному из слоя гумусированного суглинка (слой 9). От нижеи вышележащих комплексов отделяется перерывом. В пробе присутствует зола, многочис-

ленные минеральные частицы. Сохранность пыльцевых зерен липы иногда очень плохая, часто они совсем темные. Возможно, что грунт подвергался обжигу. Присутствуют органические микропрослойки, начиная с образца 4.

Среди древесных пород по-прежнему много пыльцы широколиственных пород (50%), но возрастает участие в спектре пыльцы сосны (*Pinus*), содержание которой достигает 37%. Содержание пыльцы березы (*Betula*) составляет 9%. Помимо этого единично встречена пыльца ели (*Picea*), ольхи (*Alnus*) и ивы (*Salix*).

Травянистые растения представлены пыльцой злаков (Poaceae) (33%) и разнотравья (40%), состав которого несколько обогатился по сравнению с предыдущими комплексами. Несмотря на то, что как и раньше, преобладает пыльца растений подсемейства цикориевых (Cichorioideae) (27%), которой стало существенно больше, в составе разнотравья в небольших количествах отмечена пыльца горца (*Polygonum*), подорожника (*Plantago*), растений семейств крестоцветных (Brassicaceae), гвоздичных (Caryophyllaceae), ворсянковых (Dipsacaceae), рода валерианы (*Valeriana*). Содержание пыльцы семейства маревых (Chenopodiaceae) составляет 9%, полыней (*Artemisia*) – 14%. Количество пыльцы осок (Cyperaceae) сокращается до 4%.

В группе споровых растений надо отметить сокращение до 3% содержания спор сфагновых мхов (*Sphagnum*). Спор папоротников семейства многоножковых (Polypodiaceae) все также больше всего (67%), содержание спор зеленых мхов (*Bryales*) 28%.

Данный комплекс характеризует несколько иной состав палинологических спектров. Среди древесных пород уменьшилась роль пыльцы липы, и стало больше пыльцы сосны. Если исходить из состава спектров погребенных почв, то этот спектр ближе всего по составу к спектру из культурного слоя (обр. 2, 3). Однако здесь имеется существенное отличие в том, что значительно возрастает роль представителей подсемейства цикориевых (Cichorioideae), что указывает не только на появление рудеральной растительности, но и на преобладание в окрестностях вала этих растительных группировок. Судя по всему, на этом и последующем этапах происходило зарастание поверхности насыпи вала сорной растительностью.

Спорово-пыльцевой комплекс VI (сосна с участием широколиственных пород описан по образцам 9 и 10 (формирование СПК связано со строительством вала в раннем средневековье). В пробе присутствует зола, встречаются угольки, много органических остатков.

В общем составе по сравнению с предыдущими комплексами содержание пыльцы древесных пород сокращается до 41–47%, количество пыльцы травянистых растений составляет 31–42%, спор – 16–22%.

Древесные породы представлены, прежде всего, пыльцой сосны (*Pinus*) (46–48%). Также в спектре комплекса отмечено высокое содержание пыльцы широколиственных пород (37–39%), особенно липы (*Tilia*). По сравнению с предыдущими комплексами (за исключением I СПК) содержание пыльцы ели (*Picea*) существенно возросло до 5–7%, а пыльцы березы (*Betula*) стало меньше (5–8%). Кроме того единично и в небольших количествах присутствует пыльца лещины (*Corylus*) и ольхи (*Alnus*).

В группе травянистых растений впервые в разрезе встречено больше всего пыльцы сорного разнотравья (48–74%). В состав разнотравья входит, прежде всего, пыльца растений подсемейства цикориевых (Cichorioideae) (38–62%), также в небольших количествах отмечена пыльца горца (*Polygonum*), растений семейств крестоцветных (Brassicaceae), гвоздичных (Caryophyllaceae), ворсянковых (Dipsacaceae), бобовых (Fabaceae), гераниевых (Geraniaceae), зонтичных (Apiaceae), подсемейства астровых (Asteroideae). Содержание пыльцы растений семейства маревых (Chenopodiaceae) составляет 4–17%, полыней (*Artemisia*) – 6–9%. Количество пыльцы осок (Cyperaceae) насчитывает 1–6%. Пыльца злаков (Poaceae) составляет 13–20%. Необходимо отметить присутствие в спектрах пыльцы эфедры (*Ephedra*) (1%).

Среди споровых доминируют споры папоротников семейства многоножковых (Polypodiaceae) (79–84%). Содержание спор сфагновых мхов (*Sphagnum*) составляет 3–10%, зеленых мхов (*Bryales*) 8–11%. В небольших количествах отмечены споры плауна булавовидного (*Lycopodium clavatum*) (3%).

Начавшийся процесс зарастания вала сорным разнотравьем (преимущественно растениями подсемейства цикориевых (Cichorioideae)) продолжался, и становился еще интенсивнее. Это хорошо прослеживается в спектрах образцов 9 и 10. При этом в составе древесных пород возрастает значение хвой-

ных, не только сосны, но также и ели. Среди травянистых растений отмечена пыльца эфедры (*Ephedra*). Наличие этих форм указывает на перигляциальные условия среды, из чего можно сделать вывод, что данный слой содержал не только погребенную почву, но и лессовидные суглинки.

Спорово-пыльцевой комплекс VII (сосна с участием широколиственных пород и березы) описан по образцу 11, отобранному из слоя современной светло-серой лесной почвы (слой 11).

В общем составе впервые в разрезе доминирует пыльца травянистых растений (51%), на долю пыльцы древесных пород приходится 36%, на споры 13%.

В группе древесных пород по-прежнему больше всего пыльцы сосны (*Pinus*) (50%). Содержание пыльцы березы (*Betula*) возрастает до 21%, а количество пыльцы широколиственных пород наоборот снижается до 17%. Пыльцы ели (*Picea*) тоже становится больше (10%). Единично и в небольших количествах присутствует пыльца лещины (*Corylus*) и ольхи (*Alnus*).

Среди травянистых растений доминирует пыльца разнотравья 78%, состав которого близок к предыдущему комплексу. Содержание пыльцы злаков (Poaceae) насчитывает 9%. Пыльца семейства маревых (Chenopodiaceae) составляет 5%, рода полыней (*Artemisia*) – 7%. Пыльца осок (Cyperaceae) отмечена единично.

Споры, как и в предыдущем комплексе, представлены, прежде всего, папоротниками семейства многоножковых (Polypodiaceae) (65%). Содержание зеленых мхов (*Bryales*) увеличивается до 29%. В небольших количествах отмечены споры плауна булавовидного (*Lycopodium clavatum*) и сфагновых мхов (*Sphagnum*).

Отложения, вмещающие этот комплекс, по-видимому, являются материнской породой для формирования светло-серой лесной почвы (слой 11). Состав комплекса смешанный. Палинологический спектр образца 11 отражает как особенности характерные для предыдущего этапа – высокое содержание пыльцы сорного разнотравья и сосны, так и для последующего интервала – увеличение содержания пыльцы ели, березы, сокращение количества пыльцы широколиственных пород, увеличение содержания спор зеленых мхов в группе споровых растений.

Спорово-пыльцевой комплекс VIII (береза, сосна) описан по образцу 12, отобранному из слоя современной светло-серой лесной почвы (слой 11). Сохранность пыльцы и спор хорошая, много органики, редко встречается зола и угольки. Отмечена сильно минерализованная пыльца липы, растений семейства маревых и полыней.

В общем составе на первое место снова выходит пыльца древесных пород (55%), пыльца травянистых растений составляет 38%, споры 7%.

Древесные породы представлены пыльцой березы (*Betula*) и сосны (*Pinus*) почти в равных количествах (45 и 41% соответственно). Содержание пыльцы широколиственных пород сокращается еще больше, до 8%. Также меньше становится пыльцы ели (*Picea*) (4%).

Пыльцы травянистых растений меньше, чем в предыдущем комплексе и в их составе преобладает пыльца злаков (Poaceae) (33%) и разнотравья (31%). Много пыльцы полыней (*Artemisia*) (26%). На долю пыльцы растений семейства маревых (Chenopodiaceae) приходится 8%. Единично встречена пыльца семейства осоковых (Cyperaceae).

В группе споровых на первое место выходят споры зеленых мхов (*Bryales*) (55%), содержание спор папоротников семейства многоножковых (Polypodiaceae) сокращается до 34%. Также встречены споры сфагновых мхов (*Sphagnum*) (10%).

Современная почва. В небольшом количестве присутствует переотложенная пыльца предыдущего комплекса.

Представленный для палинологического изучения разрез оборонительных сооружений на Тихогорское I городище имеет строение, связанное с погребенными почвами, часто нарушенными в период отсыпки грунта и смешанными с покровными суглинками, использованными при сооружении вала. В связи с такими особенностями строения изученного разреза трудно установить истинный характер растительного покрова существовавшего в момент формирования некоторых гумусосодержащих слоев или достоверно определить степень смешения различных отложений при создании подсыпок вала.

В результате проделанной работы удалось установить общий характер строения вала на изучаемом городище и выявить состав используемых подсыпок. Вместе с тем, зафиксировать изменения внешней среды на всем протяжении существования Тихогорского I городища не удалось, поскольку в подсыпках использовались одни и те же отложения за

исключением верхнего слоя лесной почвы и нижней погребенной почвы.

Нижняя погребенная почва (СПК II), относящаяся к догородищенскому этапу существования памятника, формировалась в придолинных условиях р. Камы, когда в округе будущего оборонительного вала существовал лес, возможно с небольшими лесными полянами, покрытыми разнотравно-злаковыми растительными сообществами. Сосново-липовый и возможно даже только липовый лес был преобладающим элементом растительности. Это были наиболее теплые климатические условия.

Современная лесная почва (СПК VIII) формировалась в условиях не только более холодного климата, но и другого характера растительного покрова. Это были лесные массивы разной сомкнутости. Наряду с господством сосново-березовых лесов с очень небольшим участием липы и дуба существовали открытые пространства, заросшие злаковыми и разнотравными сообществами.

По разрезу вала городища Гремячий Ключ в погребенной почве (СПК II), а также в комплексах из последующих подсыпок наряду с преобладанием липы отмечается высокое содержание пыльцы березы, а не сосны как в разрезе на городище Тихогорское I. Эти различия в составе растительных сообществ могут указывать как на локальные особенности среды, так и отражать разные этапы железного века.

По полученным нами в последние годы палинологическим данным, локальные придолинные леса с доминированием липы или с ее господством среди других широколиственных пород в разное время железного века существовали, как правило, с высоким содержанием березы. Так начало появления и господства липы прослеживается в спектрах разреза на памятнике Коминтерновский курган (СПК IV) (правый берег р.Камы). В разрезе на городище Гремячий Ключ фиксируется время преобладания в древостое липы наряду с березой (СПК II). В спектрах из погребенной почвы на валу Сорочьегорского городища фиксируется время максимального преобладания липы вместе с березой (СПК II и СПК IV).

К сожалению, у нас пока нет ни одного разреза из поселенческих памятников железного века, с которым мы могли бы сопоставить полученные данные.

Хронология строительства оборонительных сооружений Тихогорского I городища.

Материалы, характеризующие материальную культуру Тихогорского I городища, очень ограничены, коллекции из раскопок П.А. Пономарева утрачены, материалы из сборов А.А. Спицына хранятся в фондах ГИМ в составе коллекции «Вятские костеносные городища» и не выделены отдельно, поэтому их атрибуция в настоящее время затруднена. Керамика АКИО, полученная в результате наших работ не имеет ярких хронологических признаков, она представлена стенками сосудов с примесью раковины в глиняном тесте, без орнаментации. В этих условиях датировка насыпи может опираться на аналогии в строительных технологиях и палинологии.

Судя по данным спорово-пыльцевого анализа, погребенная почва догородищенского поселения на тихогорском мысу сформировалась в период близкий ко времени существования догородищенского поселения на городище Гремячий Ключ. Близка к гремяче-ключинской и технология строительства вала с использованием подпорной стенки. Догородищенское поселение и ранний вал городища Гремячий Ключ датируются IX – серединой VIII в. до н.э. (Чижевский и др., 2017, с. 236), по всей вероятности, в этих же пределах можно датировать догородищенское поселение и ранний вал РЖВ Тихогорского I городища.

Средняя стадия строительства вала РЖВ Тихогорского I городища характеризуется СПК IV, который по составу растительного спектра датируется VII в. до н.э. Эта стадия, таким образом, синхронизируется с поздним валом и верхним слоем городища Гремячий Ключ – сер. VIII – 1 четв./1 пол. VII в. до н.э. и VII в. до н.э. соответственно.

Строительство позднейшего вала на Тихогорском I городище осуществлялось спустя значительный промежуток времени после возведения самой поздней насыпи АКИО, достаточно отметить полный профиль образовавшейся здесь почвы (сл. 7–9). Таким образом, можно говорить о постаньинском возрасте позднейшей насыпи вала Тихогорского I городища. Время возведения этой насыпи можно определить по, происходящей с территории памятника, находке кольцевой рифленой подвески с крестовиной внутри и выступами на внешней стороне кольца (рис. 12) (Aspelin, 1877, №802; Талицкая, 1952, с. 50, №286).

Подобные подвески характерны для азелинско-мазунинских памятников III–V вв. н.э. (Старостин, 2009, с. 36, 37, рис. 7: 5, 25: 4, 26: 7, 31: 12; Голдина, Берц, 2010, табл. 213: 10, 11 и др.), причем полные аналоги тихогорской подвеске встречены в составе клада из Аргыжского городища (Черных и др., 2002, с.66, рис.83: 4). Н.А. Лещинская склонна датировать эти подвески более узко, в пределах IV в. н.э. (Лещинская, 2014, с.172, табл.93: 11).

В постмазунинское время городище запустевает и жизнь на нем уже не возобновляется.

Тихогорское II городище расположено на правом коренном борту долины р. Кама на территории Менделеевского района Республики Татарстан в 0,55 км северу – северо-востоку от Тихогорского I городища и в 1,9 км к юго-востоку от с. Сетяково (рис. 1).

Памятник был открыт В.Н. Марковым в 1984 г. на коренном берегу покрытом густым пойменном лесом, при разведке зоны Нижнекамского водохранилища (Свод, 2007, с. 251, № 2051). При обнаружении В.Н. Марков принял его за Тихогорское I городище, но после ознакомления с описанием последнего, опубликованным А.А. Спицыным, понял, что параметры выявленного им памятника и городища раскопанного П.А. Пономаревым не совпадают. Для разрешения этой загадки он повторно выехал в район, выявленного памятника, и нашел оба городища неподалеку друг от друга, так состоялось открытие Тихогорского II городища.

В 90-е гг. XX – начале XXI вв. мониторинг памятника систематически производился А.А. Чижевским, в 2014 г. городище осматривалось А.В. Лыгановым.

Городище располагается на эрозионно-аккумулятивной террасе с покровом неоплейстоценовых лессовидных суглинков и выработанной на ней голоценовой почвой.

Тихогорское II городище обрамляется глубокими крутосклонными (40–42˚) оврагами (рис. 13) и на восточной оконечности мыса крутым уступом (35–37˚), высотой около 25–30 м, спускается к пойме Камы (рис. 14).

Площадка городища, полого спускающаяся в сторону водохранилища, в плане имеет форму равнобедренного треугольника (рис. 15), максимальная ширина ее у основания вала составляет 45 м, длина – 60 м. Поверхность памятника густо поросла травянистой и древесно-кустарниковой растительностью.

От основного массива мыса городище отделено седловиной, образованной эрозией боковых отвержков обрамляющих оврагов. Природная промоина была углублена и моделирована древними строителями с целью придания ему формы рва. Ширина рва 4–5 м, глубина от поверхности террасы 1,2 м (рис. 16). В днище рва виден старый оплывший шурф (2×2 м), глубиной 0,5 м, в стенках которого обнажается гумусированный суглинок.

Протяженность вала – 55 м. На поверхности площадки вдоль рва на расстоянии 41–42 м он имеет линейное заложение по аз 160˚ и лишь на концах дугообразно поворачивается в сторону оврагов (рис. 15). Ширина вала по основанию в центральной части – 7–8 м, на флангах – 5–6 м, высота над поверхностью террасы около 1,5 м, а над днищем рва от 2,2 до 2,7 м (рис. 17, 18). В поперечном профиле вал имеет асимметричное строение: напольный склон короткий и крутой (30–33˚), внутренний более пологий и протяжённый, за счёт делювиального сноса насыпного материала. Особенностью этого вала является уплощенная вершина, шириной 3 м.

На оборонительных сооружениях Тихогорского II городища археологические исследования не производились ввиду их хорошей сохранности, так как основным принципом нашей работы было первостепенное исследование разрушаемых памятников археологии с максимальным сохранением не разрушаемых. В связи с этим данные характеризующие памятник были ограничены параметрами, полученными в ходе визуального осмотра объекта.

Территориальная близость памятника к Тихогорскому I городищу позволяет перенести часть наблюдений, полученных в ходе исследований последнего на Тихогорское II городище. Это касается, прежде всего, месторасположения, так как оба городища располагаются на одной пологонаклонной террасе, расчленённой оврагами на мысы, которые круто обрываются к пойме реки Камы. На этих мысах, на примерно одинаковых по размеру площадках (2310 и 2700 кв.м. соответственно) на краях природных седловин были обустроены оборонительные сооружения. Размеры седловин ввиду их природного происхождения различны, так же как и длины насыпей валов, которые зависели от ширины мыса, а вот высота и ширина насыпи у основания, которые зависят от антропогенного фактора – близки (Тихогорское I: высота над уровнем современной поверхности – 1,5 м, ширина по основанию – 5–7,5 м; Тихогорское II: высота над уровнем современной поверхности – 1,5

м, ширина по основанию – 5–8 м). Исходя из этих данных, можно утверждать, что критерии выбора местности под заселение и технология строительства оборонительных сооружений Тихогорского I и II городищ очень близки. Оба городища относятся к первому морфотипу, все исследованные оборонительные сооружения которого, имеют очень архаичное устройство насыпи вала, близкое или идентичное устройству Тихогорского I городища. Таким образом, можно предположить, что время создания укреплений Тихогорского II городища и их устройство близки времени создания Тихогорского I городища.

Выводы:

1. Как и на значительной части исследованных нами городищ АКИО строители оборонительных сооружений Тихогорского I городища при выборе места их размещения оптимально использовали особенности рельефа террасы, на которой располагается памятник. Вал был размещен в месте максимального сближения обрамляющих городищенский мыс оврагов, а в качестве рва была использована природная седловина доработанная строителями под необходимые им параметры.

2. Вал Тихогорского II городища также приурочен к седловине, образованной эрозией боковых отвержков обрамляющих оврагов, которая была использована в качестве рва после соответствующей доработки.

3. Размещение городищ на пологонаклонных террасовидных поверхностях, обрамленных оврагами, позволяет отнести их к первому морфотипу городищ АКИО.

4. Тихогорское I городище было построено на месте более раннего догородищенского поселения. С этим поселением связана погребенная почва (СПК II). В это время в округе городища произрастали широколиственно-сосновые леса, в которых была велика роль липы. Леса перемежались открытыми пространствами, заросшими луговой и болотной растительностью.

5. Для сооружения насыпи вала использовался грунт с поверхности площадки поселения и с поверхности плато. По литолого-стратиграфическим данным выделено три стадии строительства вала, две относится к раннему железному веку и одна – позднейшая к раннему средневековью.

6. На ранней стадии (РЖВ) вал отсыпался почвенными грунтами с использованием подпорной стенки для фиксации насыпи в заданных пределах. Время этого строительства, судя по составу спорово-пыльцевого комплекса и технологии возведения, относится к IX – середине VIII в. до н.э.

7. После длительного перерыва фиксируемого по следам почвообразования, работы на насыпи вала продолжились. Во время второй стадии (РЖВ) строительства, материал для насыпи брался с поверхности плато вместе с дерном, который помещался в насыпь вала травяным покровом вниз. Вал на этой стадии возводился двумя актами отсыпки, произведенными в короткие промежутки времени. По составу растительного спектра он датируется VII в. до н.э.

8. Между средней (РЖВ) и поздней (раннее средневековье) стадиями строительства прошел большой временной перерыв, за который успела сформироваться почва с полным профилем, а после разрушения подпорной стенки, произошёл делювиальный снос почвы, в это время поверхность Тихогорского I городища зарастала сорной растительностью.

9. На поздней стадии строительства, в раннее средневековье, вал был досыпан на значительную, по сравнению с предшествующим периодом, высоту. В это время в окружающих городище придолинных лесах возрастает значение хвойных растений причем, не только сосны, но и ели. Возведение поздней насыпи, по находке кольцевой рифленой подвески, можно отнести к III–V вв. н.э.

10. Особенности расположения Тихогорского I и II городищ, размеры территорий занимаемых городищенскими площадками, а также близкие параметры оборонительных сооружений (высота и ширина вала, глубина рва) позволяют предполагать близкое время основания Тихогорского I и II городищ.

ЛИТЕРАТУРА

Алабин П.В. Ананьинский могильник (близ города Елабуги) // ВГВ. 1859. №30. С.201–208.

Алабин П.В. Относительно нескольких древностей вятского края. Вятка: В губернской типографии, 1865. С.1–38.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть) / МИКВАЭ. Т.17. Ижевск: УГУ, 2010. 499 с.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / МИА. 1952. №30. М.: АН СССР. 326 с.

Кочанова М.Д., Алешинская А.С., Спиридонова Е.А. Новое программное обеспечение для обработки данных спорово-пыльцевого анализа // Материалы XI Всероссийской палинологической конференции: «Палинология: теория и практика» / Отв. ред.: С.А. Афонин, П.И. Токарев. М.: ПИН РАН, 2005. С. 13–15.

*Лещинская Н.*А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I – V вв. н.э.) / МИКВАЭ. Т.27. Ижевск: УГУ, 2014. 472 с.

Протокол XX (чрезвычайного) общего собрания, 16 мая 1881 г. // ИОАИЭ. Т. IV. Казань, 1884. С.64–74.

Свод памятников археологии Республики Татарстан. Т. III / Отв. ред. А.Г. Ситдиков, Ф.Ш. Хузин. Казань: ИИ АН РТ, МК РТ, 2007. 528 с.

Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., Кирьянова Н.А., Кренке Н.А., Кочанова М.Д. Глава седьмая. Палеоботанические данные // Кренке Н.А. Дьяково городище: культура населения Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011. 548 с.

Спицын А. А. Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // Материалы по археологии восточных губерний России. Вып. 1. / ред. Д.Н. Анучин. М.: тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1893. 192 с.

Старостин П.Н. Рождественский V могильник / АЕС. Вып.9. Казань: ИИ АН РТ, 2009. 144 с.

Талицкая И.А. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы (по данным, собранным М.В. Талицким) // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья Т.IV / МИА. №27. М.: АН СССР, 1952. 228 с.

Хисяметдинова А.А., Чижевский А.А. Геологические и геоморфологические реконструкции строительных технологий оборонительных сооружений раннего железного века на Каме и Вятке // Труды IV (XX) всероссийского археологического съезда в Казани. Т. IV / Отв. ред. А.Г. Ситдиков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 376–379.

Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А. Аргыжское городище на р. Вятке. М.: Институт компьютерных исследований, 2002. 188 с.

Чижевский А.А., Хисяметдинова А.А., Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., Кочанова М.Д., Асылгараева Г.Ш. Результаты комплексного исследования Сорочьегорского городища // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / АЕС. Вып.20 / Отв. ред.: С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 241–262.

Чижевский А.А., Черных Е.М., Хисяметдинова А.А., Митряков А.Е, Спиридонова Е.А., Кочанова М.Д., Алешинская А.С. Скорняковское городище на Вятке / АЕС. Вып.22. Казань: Казанская недвижимость; Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, 2016. 156 с.

Чижевский А.А., Хисяметдинова А.А., Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., Кочанова М.Д. Оборонительные сооружения городища Гремячий Ключ // ПА. 2017. №3. С.221–243.

Aspelin J. R. Ananinon kalmisto / Nécropole d'Ananino // Muinaisjäännöksiä Suomen suvun asumus-aloilta. II. Rauta-aik. Antiquités du Nord finno-ougrien. Vol. II. Lâge du fer. Helsinki-Helsingfors. 1877. P. 105–119.

Информация об авторах:

Чижевский Андрей Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); chijevski@mail.ru

Хисяметдинова Асия Абдулкадировна, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); asiatat@yandex.ru

Спиридонова Елена Александровна, кандидат географических наук, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); easpiridonova@mail.ru

Алешинская Анна Сергеевна, кандидат географических наук, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); asalesh@mail.ru

Кочанова Мария Дмитриевна, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); mdkochanova62@mail.ru

TIKHIE GORY I AND II HILL-FORT, COMPREHENSIVE STUDIES OF FORTIFICATIONS

A.A. Chizhevsky, A.A. Khisyametdinova, E.A. Spiridonova, A.S. Aleshinskaya, M.D. Kochanova

The article considers the results of the study of Tikhie Gory I and II hill-fort. A survey of the condition of fortifications was carried out at the site together with instrument and field sketching, and geomorphological and geological surveying. Besides, an investigation of the rampart earthwork was conducted at Tikhie Gory I hill-fort. The obtained results allowed to determine that Tikhie Gory I hill-fort originated at the site of a pre-urban hill-fort in the 9th - mid-8th centuries B.C., and the subsequent middle and late construction stages date back to the 7th century B.C. After a considerable period during which the monument was abandoned, people returned to Tikhie Gory I only in the 3rd-5th centuries B.C., after which the hill-fort was repeatedly abandoned and its operation discontinued.

Keywords: Lower Kama Region, Early Iron Age, Early Middle Ages, settlements, fortifications, archaeology, geomorphology, geology, palynology

About the authors

Chizhevsky Andrei A., Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation (Kazan, Russian Federation); chijevski@mail.ru

Khisiametdinova Asia A., Research Associate Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation (Kazan, Russian Federation); asiatat@yandex.ru

Spiridonova Elena A. Candidate of Geographical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; easpiridonova@mail.ru

Alecshinskaya Anna S. Candidate of Geographical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; asalesh@mail.ru

Kochanova Maria D. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; mdkochanova62@mail.ru

Табл. 1.
РЕЗУЛЬТАТЫ СПОРОВО-ПЫЛЬЦЕВОГО АНАЛИЗА
Разрез – Тихогорское I городище, 2013 г.

Систематический список	**12 0,01 м зерна/проц**	**11 0,2 м зерна/проц**	**10 0,34 м зерна/проц**	**9 0,5 м зерна/проц**
ОБЩИЙ СОСТАВ				
Деревья	228 / 55,2	160 / 35,7	156 / 41,4	249 / 47,3
Травы	156 / 37,8	230 / 51,3	160 / 42,4	162 / 30,8
Споры	29 / 7	58 / 12,9	61 / 16,2	115 / 21,9
Деревья				
Деревья основные	209 / 91,7	133 / 83,1	95 / 60,9	157 / 63,1
Picea	10 / 4,4	16 / 10	8 / 5,1	18 / 7,2
Pinus sylvestris	94 / 41,2	80 / 50	72 / 46,2	120 / 48,2
Alnus	3 / 1,3	2 / 1,2	3 / 1,9	6 / 2,4
Betula sec.Albae	102 / 44,7	34 / 21,2	12 / 7,7	12 / 4,8
Corylus	-	1 / 0,6	-	1 / 0,4
Salix	-	-	-	-
Деревья широколиственные	19 / 8,3	27 / 16,9	61 / 39,1	92 / 36,9
Quercus	8 / 3,5	3 / 1,9	1 / 0,6	-
Ulmus	4 / 1,8	-	-	1 / 0,4
Tilia	7 / 3,1	24 / 15	60 / 38,5	91 / 36,5
Травы				
Травы основные	107 / 68,6	50 / 21,7	41 / 25,6	85 / 52,5
Ephedra	-	-	2 / 1,2	2 / 1,2
Poaceae	52 / 33,3	21 / 9,1	21 / 13,1	32 / 19,8
Cyperaceae	2 / 1,3	1 / 0,4	2 / 1,2	9 / 5,6
Chenopodiaceae	13 / 8,3	12 / 5,2	7 / 4,4	27 / 16,7
Artemisia	40 / 25,6	16 / 7	9 / 5,6	15 / 9,3
Разнотравье	49 / 31,4	180 / 78,3	119 / 74,4	77 / 47,5
Polygonum	2 / 1,3	2 / 0,9	3 / 1,9	-
Rumex	1 / 0,6	-	-	-
Urticaceae	-	-	-	-
Plantago	-	1 / 0,4	-	-
Brassicaceae	-	6 / 2,6	4 / 2,5	8 / 4,9
Lamiaceae	17 / 10,9	-	-	-
Caryophyllaceae	1 / 0,6	1 / 0,4	1 / 0,6	-
Fabaceae	4 / 2,6	-	1 / 0,6	-
Dipsacaceae	-	1 / 0,4	1 / 0,6	2 / 1,2
Geraniaceae	-	-	-	2 / 1,2
Apiaceae	-	4 / 1,7	7 / 4,4	-
Valeriana	-	-	-	-
Asteroideae	6 / 3,8	2 / 0,9	2 / 1,2	3 / 1,9
Cichorioideae	18 / 11,5	163 / 70,9	100 / 62,5	62 / 38,3
Споры				
Bryales	16 / 55,2	17 / 29,3	7 / 11,5	9 / 7,8
Sphagnum	3 / 10,3	2 / 3,4	2 / 3,3	11 / 9,6
Equisetum	-	-	1 / 1,6	-
Lycopodium clavatum	-	1 / 1,7	-	4 / 3,5
Polypodiaceae	10 / 34,5	38 / 65,5	51 / 83,6	91 / 79,1

Систематический список	**8 0,74 м зерна/проц**	**7 0,88 м зерна/проц**	**6 2,04 м зерна/проц**	**5 2,4 м зерна/проц**
ОБЩИЙ СОСТАВ				
Деревья	246 / 55,2	132 / 63,8	240 / 78,9	246 / 75,2
Травы	164 / 36,8	52 / 25,1	23 / 7,6	41 / 12,5
Споры	36 / 8,1	23 / 11,1	41 / 13,5	40 / 12,2
Деревья				
Деревья основные	122 / 49,6	51 / 38,6	75 / 31,2	67 / 27,2
Picea	3 / 1,2	2 / 1,5	1 / 0,4	3 / 1,2
Pinus sylvestris	91 / 37	24 / 18,2	42 / 17,5	43 / 17,5
Alnus	3 / 1,2	2 / 1,5	6 / 2,5	1 / 0,4
Betula sec.Albae	23 / 9,3	23 / 17,4	25 / 10,4	20 / 8,1
Corylus	-	-	1 / 0,4	-
Salix	2 / 0,8	-	-	-
Деревья широколиственные	124 / 50,4	81 / 61,4	165 / 68,8	179 / 72,8
Quercus	-	1 / 0,8	3 / 1,2	5 / 2
Ulmus	1 / 0,4	-	-	-
Tilia	123 / 50	80 / 60,6	162 / 67,5	174 / 70,7
Травы				
Травы основные	99 / 60,4	36 / 69,2	18 / 78,3	33 / 80,5
Ephedra	-	-	-	-
Poaceae	54 / 32,9	22 / 42,3	7 / 30,4	13 / 31,7
Cyperaceae	7 / 4,3	6 / 11,5	5 / 21,7	9 / 22
Chenopodiaceae	15 / 9,1	2 / 3,8	2 / 8,7	5 / 12,2
Artemisia	23 / 14	6 / 11,5	4 / 17,4	6 / 14,6
Разнотравье	65 / 39,6	16 / 30,8	5 / 21,7	8 / 19,5
Polygonum	1 / 0,6	1 / 1,9	1 / 4,3	2 / 4,9
Rumex	-	-	-	-
Urticaceae	-	1 / 1,9	-	-
Plantago	2 / 1,2	1 / 1,9	-	-
Brassicaceae	1 / 0,6	-	-	-
Lamiaceae	-	-	-	-
Caryophyllaceae	1 / 0,6	1 / 1,9	-	1 / 2,4
Fabaceae	-	2 / 3,8	1 / 4,3	-
Dipsacaceae	3 / 1,8	-	-	-
Geraniaceae	-	-	-	-
Apiaceae	-	-	-	-
Valeriana	1 / 0,6	-	-	-
Asteroideae	12 / 7,3	6 / 11,5	1 / 4,3	1 / 2,4
Cichorioideae	44 / 26,8	4 / 7,7	2 / 8,7	4 / 9,8
Споры				
Bryales	10 / 27,8	8 / 34,8	5 / 12,2	9 / 22,5
Sphagnum	1 / 2,8	4 / 17,4	4 / 9,8	4 / 10
Equisetum	-	-	-	-
Lycopodium clavatum	1 / 2,8	-	-	1 / 2,5
Polypodiaceae	24 / 66,7	11 / 47,8	32 / 78	26 / 65

Систематический список	**4 2,6 м зерна/проц**	**3 2,76 м зерна/проц**	**2 2,88 м зерна/проц**	**1 2,95 м зерна/проц**
ОБЩИЙ СОСТАВ				
Деревья	163 / 70	203 / 68,6	238 / 72,6	51 / 48,6
Травы	26 / 11,2	40 / 13,5	49 / 14,9	42 / 40
Споры	44 / 18,9	53 / 17,9	41 / 12,5	12 / 11,4
Деревья				
Деревья основные	75 / 46	116 / 57,1	131 / 55	50 / 98
Picea	2 / 1,2	2 / 1	5 / 2,1	10 / 19,6
Pinus sylvestris	51 / 31,3	93 / 45,8	82 / 34,5	25 / 49
Alnus	1 / 0,6	9 / 4,4	16 / 6,7	3 / 5,9
Betula sec.Albae	21 / 12,9	12 / 5,9	27 / 11,3	12 / 23,5
Corylus	-	-	1 / 0,4	-
Salix	-	-	-	-
Деревья широколиственные	88 / 54	87 / 42,9	107 / 45	1 / 2
Quercus	3 / 1,8	6 / 3	6 / 2,5	-
Ulmus	-	-	-	-
Tilia	85 / 52,1	81 / 39,9	101 / 42,4	1 / 2
Травы				
Травы основные	20 / 76,9	30 / 75	36 / 73,5	37 / 88,1
Ephedra	-	-	-	-
Poaceae	4 / 15,4	12 / 30	17 / 34,7	4 / 9,5
Cyperaceae	-	9 / 22,5	10 / 20,4	-
Chenopodiaceae	5 / 19,2	6 / 15	6 / 12,2	9 / 21,4
Artemisia	11 / 42,3	3 / 7,5	3 / 6,1	24 / 57,1
Разнотравье	6 / 23,1	10 / 25	13 / 26,5	5 / 11,9
Polygonum	-	2 / 5	2 / 4,1	-
Rumex	-	-	-	-
Urticaceae	-	-	-	-
Plantago	-	-	-	-
Brassicaceae	-	-	1 / 2	-
Lamiaceae	-	-	-	-
Caryophyllaceae	-	2 / 5	1 / 2	-
Fabaceae	1 / 3,8	-	-	-
Dipsacaceae	-	-	-	-
Geraniaceae	-	-	-	-
Apiaceae	-	-	-	-
Valeriana	-	-	-	-
Asteroideae	2 / 7,7	4 / 10	1 / 2	1 / 2,4
Cichorioideae	3 / 11,5	2 / 5	8 / 16,3	4 / 9,5
Споры				
Bryales	10 / 22,7	7 / 13,2	9 / 22	11 / 91,7
Sphagnum	2 / 4,5	5 / 9,4	8 / 19,5	-
Equisetum	-	1 / 1,9	-	-
Lycopodium clavatum	2 / 4,5	6 / 11,3	4 / 9,8	-
Polypodiaceae	30 / 68,2	34 / 64,2	20 / 48,8	1 / 8,3

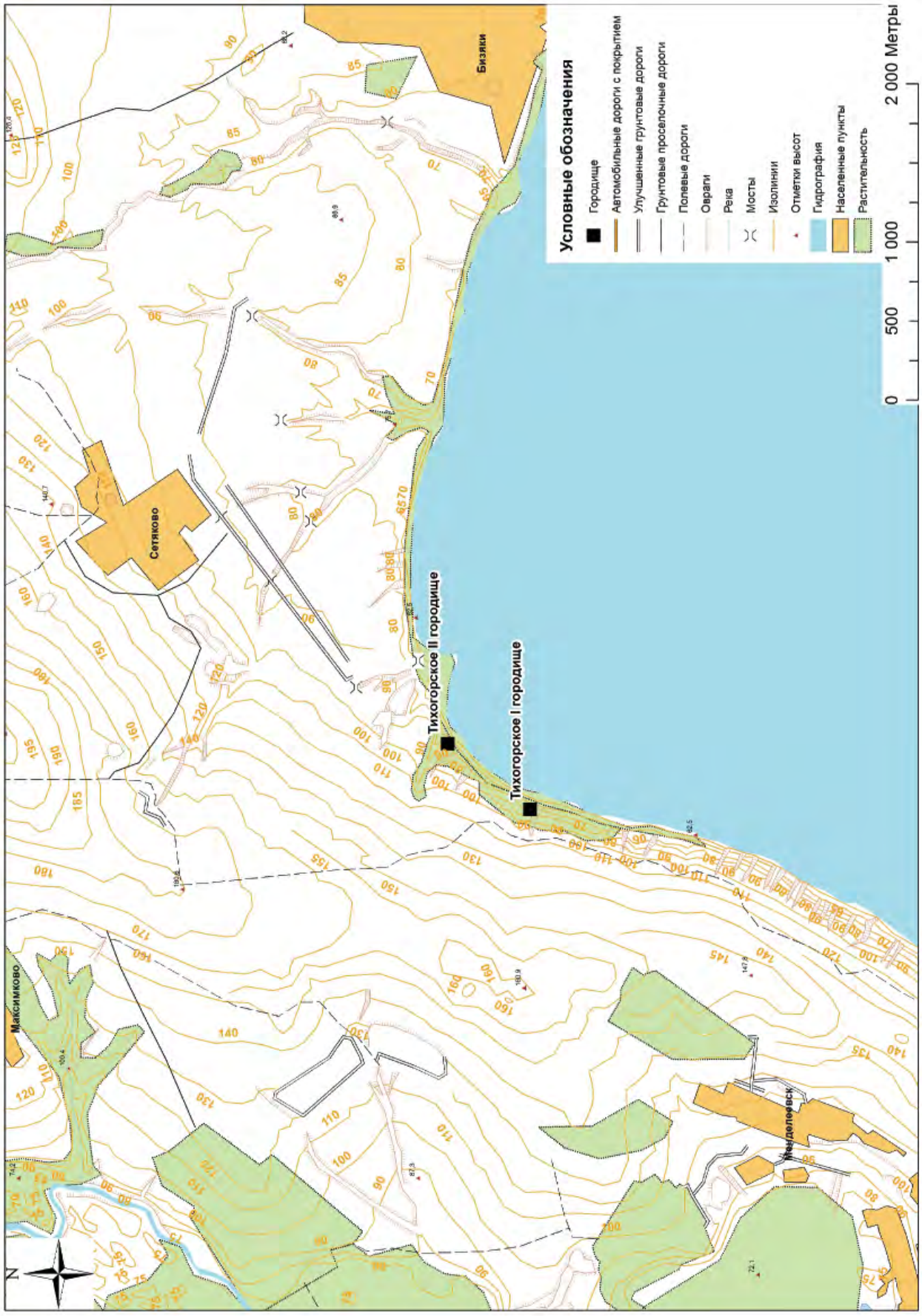


Рис. 1. Местоположение изученных городищ. 1 – Тихогорское I, 2 – Тихогорское II.

Рис. 2. Тихогорское I городище. Вид с площадки городища на затопленную Нижнекамским водохранилищем пойму р. Кама и овраг, ограничивающий мыс с юга. Фото 2017 г.

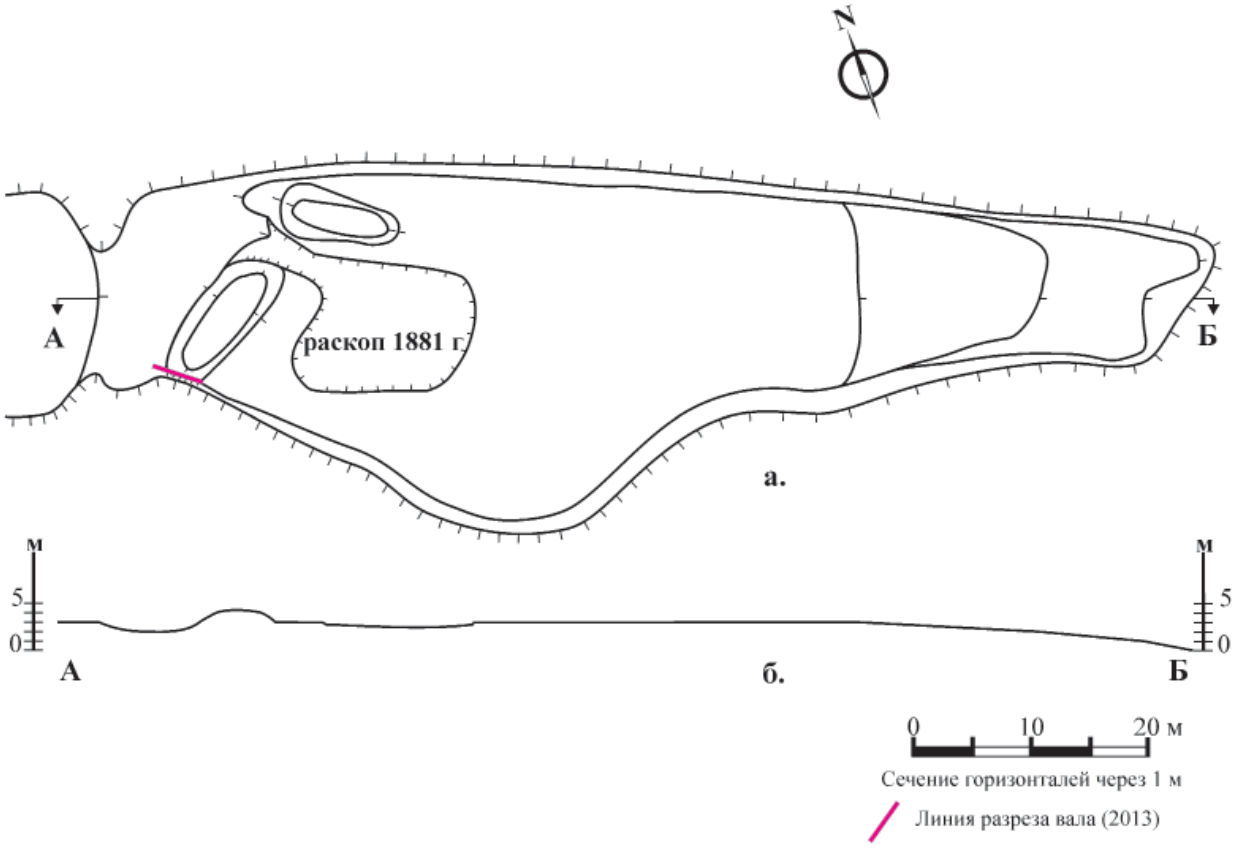


Рис. 3. Тихогорское I городище: а – план, б – продольный профиль площадки.

Рис. 4. Тихогорское I городище, овраг, ограничивающий мыс с севера. Фото 2017 г.

Рис. 5. Тихогорское I городище. Вид на вал и седловину мыса с напольной стороны. Фото 2013 г.

Рис. 6. Тихогорское I городище. Вид на юго-западную оконечность вала с юга. Фото 2013 г.

Рис.7. Тихогорское I городище. Вид на северо-восточную часть вала с юго-запада. Фото 2017 г.

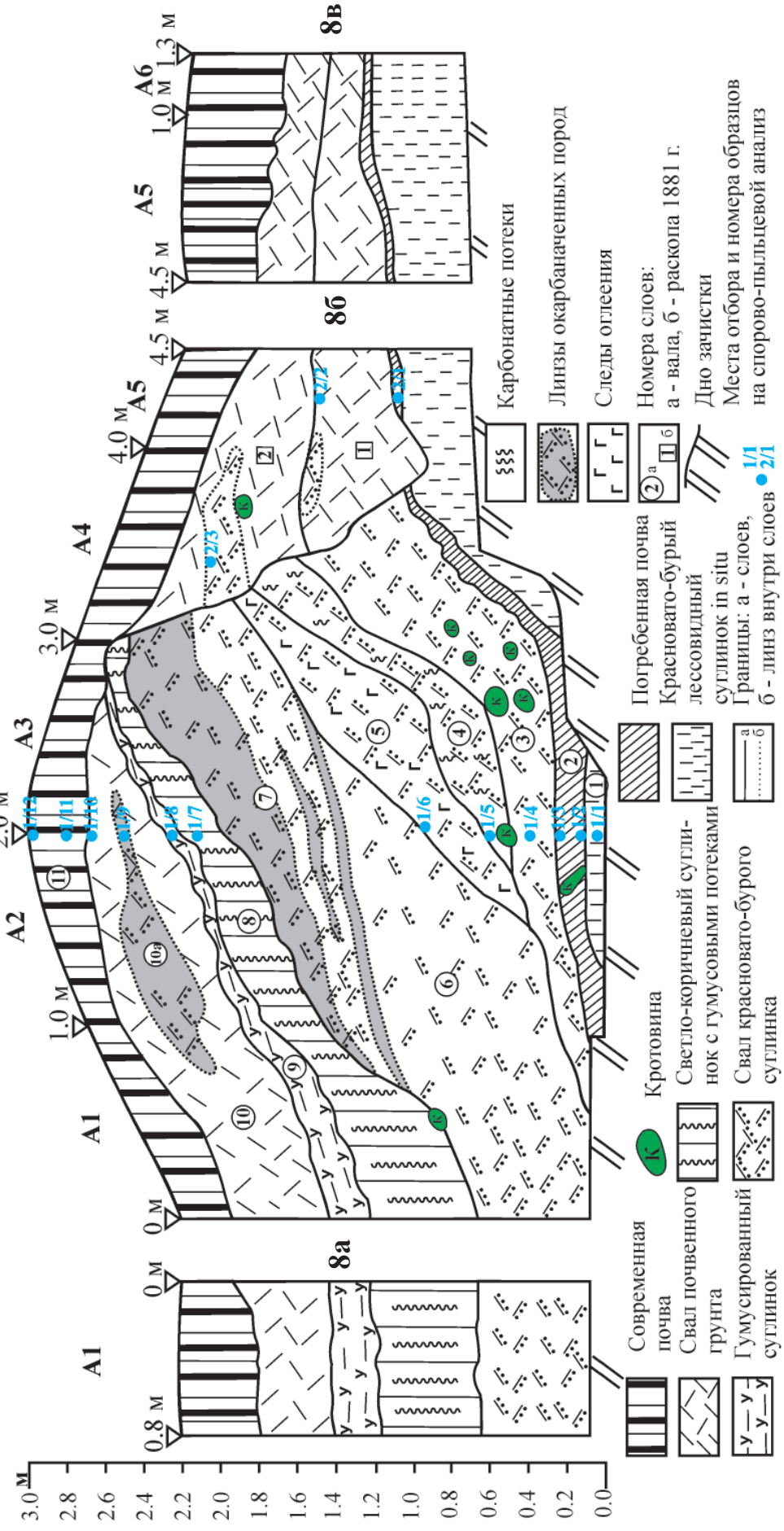


Рис. 8. Профиль разреза вала Тихогорского I городища.
8а – северо-западная стенка, 8б – северо-восточная стенка, 8в – юго-восточная стенка.

Рис. 9. Разрез вала, Тихогорское I городище. Вид с юга. Фото 2013 г.

Рис. 10. Разрез вала, Тихогорское I городище, фотография верхней части насыпи. Вид с юго-запада, 2013 г.

Рис. 11. Спорово-пыльцевая диаграмма по колонке, полученной на Тихогорском I городище.

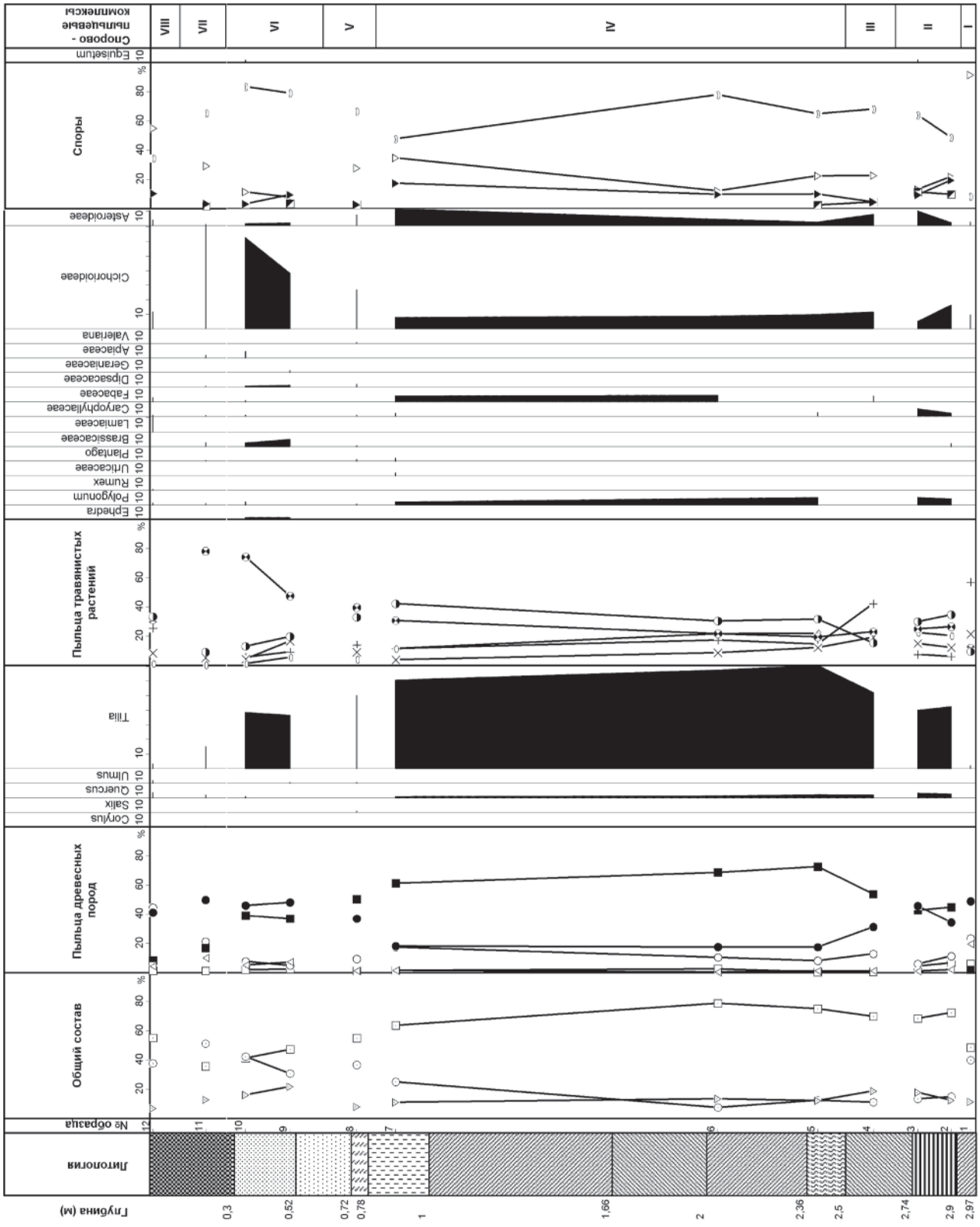


Рис. 11. Спорово-пыльцевая диаграмма по колонке, полученной на Тихогорском I городище.
Условные обозначения к диаграмме.
Общий состав:
– сумма пыльцы древесных пород;
– сумма пыльцы травянистых растений;
– сумма спор высших споровых растений.
Древесные породы:
– ель (Picea)
– сосна (Pinus);
– береза (Betula);
– ольха (Alnus);
– ива (Salix);
– сумма пыльцы широколиственных пород.
Травянистые растения:
– злаки (Poaceae);
– осоковые (Cyperaceae):
– маревые (Chenopodiaceae);
– полыни (Artemisia);
– сумма пыльцы разнотравья.
Споры: – зеленые мхи (Bryales);
– сфагновые мхи (Sphagnum);
– папоротники семейства многоножковые (Polypodiaceae);
– плауны (Lycopodiaceae).

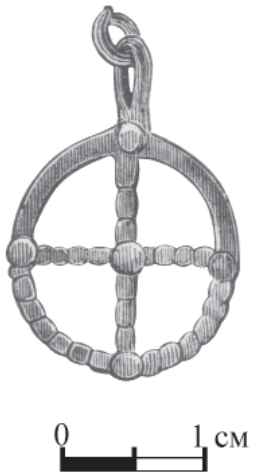


Рис. 12. Тихогорское II городище. Кольцевая рифленая подвеска с крестовиной внутри, рисунок из Aspelin, 1877, №802.

Рис. 13. Тихогорское II городище, овраг, ограничивающий мыс с севера. Фото 2017 г.

Рис. 14. Тихогорское II городище. Вид с площадки городища на затопленную Нижнекамским водохранилищем пойму р. Кама. Фото 2017 г.

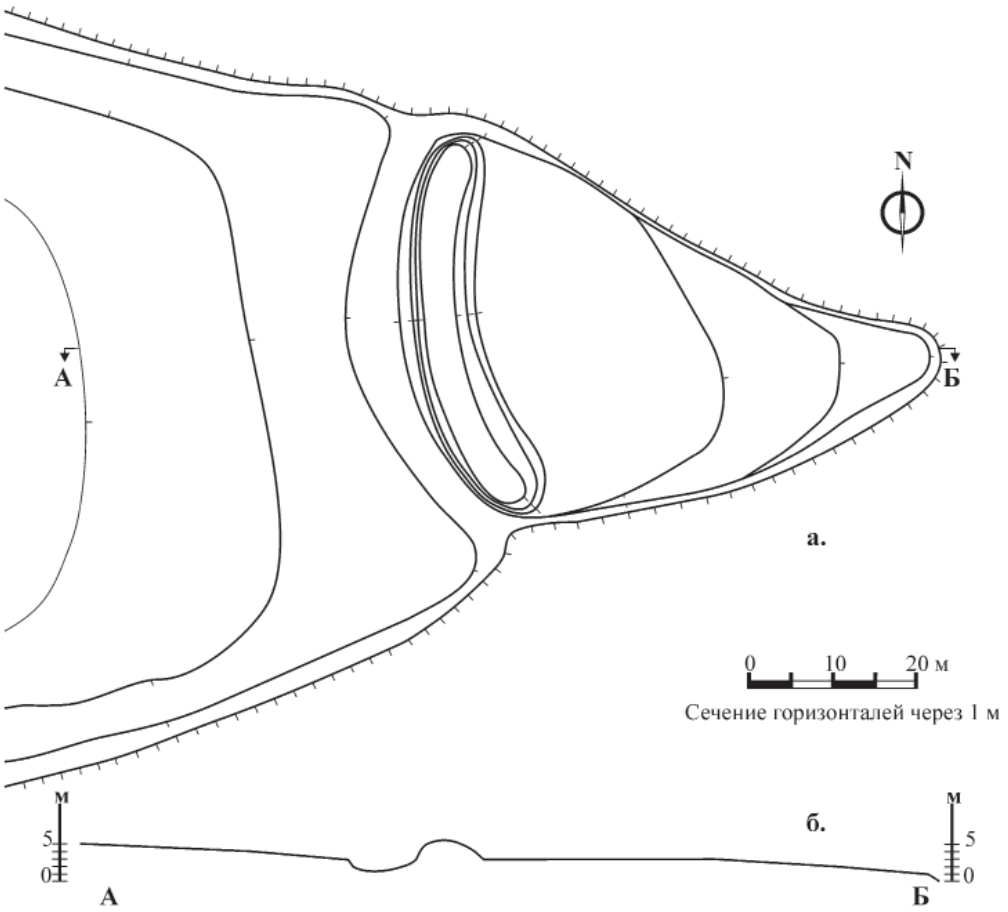


Рис. 15. Тихогорское II, городище: а – план, б – продольный профиль площадки.

Рис. 16. Тихогорское II городище. Седловина мыса, моделированная в ров. Вид с юга. Фото 2017 г.

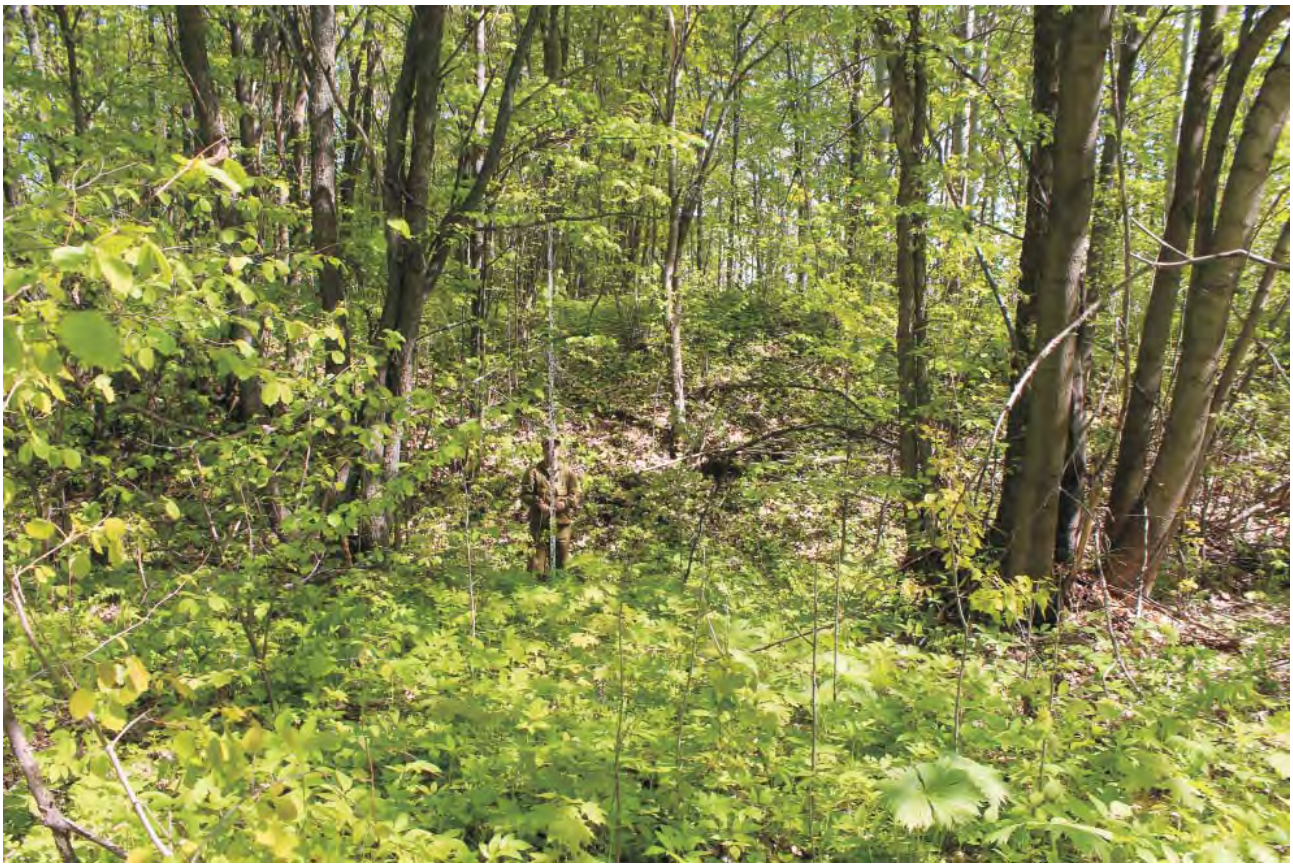


Рис. 17. Тихогорское II городище. Вид на вал с напольной стороны. Фото 2017 г.

Рис. 18. Тихогорское II городище. Вид на вал со стороны площадки городища. Фото 2017 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЕС – Археология Евразийских степей. Казань
ВГВ – Вятские губернские ведомости
ВГУ – Воронежский государственный университет
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИИАК – Известия Императорской Археологической комиссии
ИИ АН РТ – Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук РТ
ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете
МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МИ КВАЭ – Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МК РТ – Министерство культуры Республики Татарстан
НТЦ – Научно-технический центр
ПА – Поволжская археология. Казань
ПГНИУ – Пермский государственный национальный исследовательский университет
ПГУАС – Пензенский государственный университет архитектуры и строительства
ПНЦ РАН – Пущинский научный центр РАН
РГО – Русское геграфическое общество

Журнал основан в мае 2017 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69645
от 2 мая 2017 г. выдано Роскомнадзором
Оригинал-макет – *А.А. Сайфуллин*
420012 г. Казань, ул. Некрасова, 28, пом. 1203
Подписано в печать 25.08.2018 г. Формат 60x84 1/8
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 36,85.
Тираж 1 ООО экз. Первый завод 150 экз. Заказ №
Свободная цена
16+
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии "Orange Key"
г. Казань, ул. Галактионова, 14